

Эрнст Юнгер

Семьдесят минуло

1965-70

[ИЗЛУЧЕНИЯ III]

1965

ВИЛЬФЛИНГЕН, 30 МАРТА 1965 ГОДА

Достигнут библейский возраст — довольно странное ощущение для человека, который в молодости никогда не надеялся дожить даже до тридцати. Незадолго до двадцать третьего дня рождения, в марте 1918 года, я был готов заключить пакт с чертом: «Дай мне прожить тридцать лет, но уж их-то наверняка, а потом — точка!»

Однако тогда я вовсе не испытывал страха за свою жизнь: предстоявшего вот-вот большого наступления[1] я ждал с напряжением и надеждой на то, что на сей раз нам все-таки удастся повернуть колесо фортуны в свою пользу. В молодости мрачное настроение не редкость, как будто бы осень жизни заранее отбрасывает на нее свою тень. Мир окутан туманом, впереди высится что-то темное и массивное. Но мало-помалу горизонт проясняется; жизни тоже надо учиться.

Могу ли я поделиться каким-то опытом по случаю этой даты? Возможно таким: большие главы истории начинаются с новой религии, а главы в жизни одиночки — с новой молитвы. Это правда, но не рецепт. Молящимся и сновидцем является каждый, даже если он этого не знает. Он забывает, чем занимался во сне и что совершал в несказанном. Когда дело принимает серьезный оборот, молитва тоже утрачивает свою силу. * * *

Несмотря на хлопоты двух последних дней, мы пошли к Шатцбургу[2] и с высоты руин смотрели на одинокие леса. Замок был сожжен дотла при Йосе фон Хорнштайне, жизнь которого, как гласит семейная хроника, «протекала в междоусобицах», во время распри с епископом Аугсбургским.

Здесь у меня снова возник повод порадоваться Штирляйн[3], одному ее замечанию по поводу археологии. Каменная кладка крепости была облицована обломками черепицы, которые, по моему предположению, как остатки более ранней кровли, были использованы при строительстве. Однако Штирляйн доказала мне, что черепки, вероятней всего, были вставлены в уже существующую стену, и тут же это продемонстрировала. Талант архивариуса обнаруживается среди прочего по умению разобраться в последовательности, скрывающейся в архитектурном объекте. Церкви и дворцы тоже обладают своей генеалогией. Это — головоломка особо привлекательного свойства.

Шаги по площадке крепости звучат гулко; должно быть, под нею скрывается свод. Название

побудило одного чудака из Вильфлингена к поиску сокровищ; в итоге он сделал несколько мелких находок, вроде наконечников стрел, но золота не нашел.

Солнце лило свой теплый свет на круто уходящий вниз отрог крепостной горы. На скале пригрелась коричневая, в зеленую полоску ящерица. Наверно, это была ее первая прогулка в этом году; во всяком случае, она позволила мне осторожно ее погладить: «Еще, мол, не очнулась от зимней спячки».

Хорошо, ведь после такого долгого сна возникает — по крайней мере, в климатическом смысле — чувство воскресения. В момент пробуждения ощущение, что ты существуешь, необычайно усиливается.

В детстве меня часто занимали такие картины; раз в сто лет ты вместе с родителями и братьями-сестрами пробуждался от сна на ложе глубоко под пирамидами, и для счастья было достаточно знать, что они все еще рядом. При этом не было никакой перспективы на будущее, никакая надежда не мешала чистому наслаждению растянутым до границ восприятия временем.

«Обычный сон» между пробуждением и повторным засыпанием тоже может дать представление об этом благодном чувстве. Еще сильнее им наслаждаются животные; я люблю наблюдать, как моя кошка впадает в уютную дремоту на солнышке либо у очага.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 4 АПРЕЛЯ 1965 ГОДА

По-прежнему ворох почты. Нужно следить, чтобы реактор не выходил из-под контроля. Ницше не знал, сколь полезным было для него одиночество в Сильс-Мариин.

Двадцать лет назад Геббельс запретил газетам помещать статью по случаю моего пятидесятого дня рождения, не понимая, какое одолжение он мне этим делает. Ему бы следовало меня, что называется, «отметить особо», чтобы действительно мне навредить. Правда, при такой комбинации ему пришлось бы принять в расчет собственное крушение; эта фигура не годится в предпоследний акт. В последнем даже Пассажир должен поверить: «Батавия. Пятьсот десять»[4]. * * *

После полудня при прекраснейшей пасхальной погоде мы со Штирляйн прошлись вокруг гравийного карьера и Шиндербюля. Там, где дорога уходит на Зигмаринген, возникает новая деревня. Большое поле отдано под застройку; можно было бы подумать, что его владелец, хозяин «Льва»[5], извлечет отсюда выгоду. Но это вовсе не так, поскольку он предпочел бы возделывать поле по-старому, чем продавать мелкими участками за большие деньги. Жена же и дочь говорят: «Тебе в могилу не положат ни скота, ни пашни». Возможно, это восходит к кельтским корням. * * *

Дорогой мы встретили маленького Пауля с букетом в руках. Он нарвал анемонов, луговых прострелов, медуницы, волчника. От него я узнал новое название медуницы: доможёлг.

В детстве эта трава была мне неприятна. Почему? Наверно, потому, что ее странное двухцветие вызывало какое-то болезненное ощущение. В таких случаях проявляется, кажется, не столько органическая вариативность, сколько химическая лабильность; она напоминает лакмусовую бумажку. Столь же неприятно мне было и увядание, даже если оно создавало великолепные узоры, как на популярных у садовников листовенных растениях.

Мы едва ли даем себе отчет в таких антипатиях. Доводы часто неубедительны; основа

гораздо глубже, чем обоснование. * * *

«Излучения... я раньше об этом не думал... насколько, насколько... они опасны? ...Друзья, вы ничего не можете сделать? ...поймите же меня... жуткое одиночество».

На магнитофонной ленте потрескивание, затем несколько секунд как будто шелест больших крыльев, затем ничего. Двенадцатое ноября 1962 года, 8 часов 09 минут по Туринскому времени.

Очевидно, один из голосов обреченных на смерть космонавтов с орбиты. Их разговоры иногда подслушивают радиолюбители. Это превосходит все ужасы, превосходит даже фантастику Э. А. По. Масштаб приключения, его глубина, его последующее влияние едва прорисовываются. Там, где технические проблемы достигают пика сложности и даже кажутся решенными, расчет не оправдывается, и остается пустота. Становится видимой смерть, которая скрывалась в каркасе. А что по этому поводу говорит Гея? Ответ следует искать в мифах. * * *

Эрнсту Никишу[6]: «Я говорю Вам большое спасибо за то, что Вы вспомнили о моем дне рождения. Снова заговорил Горный старец; это слышно далеко окрест и производит сильное впечатление.

Меня наполняет гордость, что с самого начала нашего знакомства я сделал ставку на Вас. Лишь гораздо позднее появился Роммель[7]; от него я, по крайней мере, ожидал, что он прервет партию, где изначально не было никаких шансов. Мы с ужасом наблюдали. Дала ли судьба немцам в руки такие верные карты, чтобы они бессмысленно проиграли?

Поэтому Ваш привет наполнил меня также скорбью. Это — когти льва; немцы держали его в доме и заперли в клетку. Тем самым они дали волю гиенам и шакалам.

Дорогой Эрнст Никиш, Вы отчетливо осознавали нашу общую судьбу, а также судьбу империи. Объяснение в том, что у нас никогда не было сильного левого фланга. Так дело обстояло еще с эпохи крестьянских войн, и так оно и осталось — можем ли мы надеяться, что положение однажды изменится? Но большой план будет завершен, с немцами ли, без них или против них. Вы это так же хорошо знаете, как и я».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 10 АПРЕЛЯ 1965 ГОДА

Вернулся из Вильзееде, где несколько дней гостил у Альфреда Тёпфера[8].

Заметки из библиотеки:

Вольфганг Зорге, «История проституции». Автор — одновременно историк и, в актуальной части, путеводитель по полусвету. Он объезжает столицы и провинциальные города, разведывает места и таксы, останавливается в почасовых гостиницах, maisons de rendez-vous [9]. Аналогичные произведения известны со времен поздней античности.

На стр. 375 вывод: «То, что раньше считалось неприличным, сегодня как раз позволительно. Это называют эволюцией». * * *

Далее:

«Es fiel ein Reif in der Frühlingsnacht»[10]

и:

«Sie sind verdorben, gestorben».[11]

Две стихотворные строчки, перешедшие в коллективное сознание. Но кто помнит еще их автора, Дзуккамальо (1803–1869)[12]?

Как я узнал, справившись здесь по книгам, это младший из двух братьев, ставших известными как поэты: Вильгельм Флорентин, публиковавший под псевдонимом Вильгельм фон Вальдбрюль песни, комедии и научные труды.

Пример необособленного, анонимность поэтической силы. Она, возможно, оставляет свой след в одной-единственной стихотворной строчке, которую народ сделал своим достоянием, тогда как автор оказался забытым. Многие пословицы возникли таким образом. «Поэт» живет в каждом; поэтому были и будут возможными времена, когда жизнь превращается в поэзию. *
* *

[...]

ВИЛЬФЛИНГЕН, 4 ИЮНЯ 1965 ГОДА

Последствия прививки все еще ощущаются. Подготовка к путешествию: выбор чтения, рукописей, оборудования для субтильной охоты[13]. В полдень появился Оши с женой; во время нашего отсутствия они будут присматривать за домом.

После обеда отправились в «Георгенхоф». Я был приглашен Мендельсонами на концерт и отправился туда с Оши. Он принес с собой свою виолончель — одна из его максим звучит: «Хороший виолончелист всегда себе на ужин заработает».

Разговор с графом фон дер Гольцем[14] и одним умным англичанином, который входит в состав его октета, о времени и звуке. Мир преобразался бы для нас гораздо сильнее, чем с помощью оптических инструментов, если бы мы могли регулировать звук и тем растягивать последовательность, в которой воспринимаем пение и музыку. При этом не следует представлять себе некую звуковую лупу времени, то есть некое удлинение астрономического времени. Было бы достаточно, если бы пластинка просто крутилась помедленнее. Речь идет не о ритмическом, а о мелодическом восприятии.

Человек, для которого астрономическое время бежало бы вполовину медленнее, воспринял бы вдвое больше. Это усилило бы его ловкость; он стал бы непобедимым даже в столь грубо физических делах, как бокс. Древние сообщали об одном атлете, который одолевал могучих соперников только благодаря верткости. Джазовым музыкантам известны такие наркотики, после употребления которых партия исполняется безошибочно.

Речь идет о приближении не к арифметической, а к орфической нулевой точке, не о триумфах, а о молчаливом блаженстве в преддвериях. Здесь качества исчезают; фибриллы, атомы становятся равноценными. Шаг дальше был бы смертельным.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 5 ИЮНЯ 1965 ГОДА

[...]

Далее приобрел у того же самого букиниста: «Гибель императорской России» генерала Комарова-Курлова[15], бывшего шефа русской тайной полиции (издательство «Шерль», 1920 г.).

Для меня эта книга — ценное дополнение к мемуарам князя Урусова[16], с которым я подружился в 1930 году и которые, надо надеяться, еще хранятся где-то в моей библиотеке.

Комаров консервативнее и менее умен, чем Урусов, однако он размышлял о сфере деятельности полиции, которой заведовал в качестве помощника министра внутренних дел.

Русская революция примечательна уже в том отношении, что начало ее, хотя и становясь все более неизбежным, долго задерживалось. В подобных случаях возникают суспензированные массы чудовищного веса. Тогда даже небольшое число умных противников становится крайне опасным — подобно поджигателям на пороховом складе.

Непросвещенные, следовательно отстающие в эволюции, слои народа инертны. Это на пользу как правительству, так и революционерам. Перед фронтом неграмотных тиран, как и мятежник, в состоянии добиться поразительных результатов. Он стоит перед однородной толпой, позволяющей управлять собой с помощью рычагов. Конечно, он должен сам знать, чего хочет. Декабристы были слишком образованы; они не смогли обратиться к замершим в ожидании войсками так, как это умели делать Орловы.

Пиротехникам известны вещества, которые перед взрывом выпускают снопы искр. И даже если искры еще можно затоптать, все равно критическая точка уже пройдена. В этом заключалось задание Комарова. Подробности подтверждают тесное родство преступления с полицией.

Точку, где указанное родство превращается в идентичность, следует искать в агенте, без которого, с чем соглашался и Комаров, полиция обойтись не может. Ценнее агентов, которых в тайный заговор засылают извне, завербованные члены заговорщицких групп. Предатель эффективнее шпиона.

В каждом агенте скрыт двойной агент, как в любом профессиональном игроке — шулер. Встречались сиамские близнецы, доверенные лица нигилистов и полиции одновременно. Все было бы просто, если считать их обычными негодяями; однако они одновременно убеждены в правоте дела, которое предадут. Так они проваливают его и сами находят конец — либо на Акелдаме[17], либо ликвидируемые товарищами, либо на эшафоте, если маска не была вовремя сброшена. Акелдама была кладбищем для пришлового люда.

Насколько здесь важна осторожность, показывает убийство министра внутренних дел Столыпина революционером по фамилии Богров, состоявшим на службе у Комарова. Перед спектаклем, который собирался посетить министр, этот Богров должен был опознать некую приехавшую студентку и потом покинуть здание театра. Богров выполнил поручение, но потом сумел остаться в театре и выстрелами из револьвера убил Столыпина.

Однако своего апогея двойная игра достигла, пожалуй, в истории с Азефом, который в течение десятилетий умело водил за нос как охранку, так и своих слепо преданных ему сторонников. Соперников он выдавал полиции. С другой стороны, он был замешан в убийстве Плеве и других государственных деятелей.

Было бы несправедливо стричь анархистов под одну гребенку с национал-революционерами. Их комната ужасов богато представлена патологическими и истерическими типами; еще Достоевский дал им превосходное описание. Порождения идеализма в реальной жизни смотрятся убого.

Симптомы гадки, но судить о них следует, принимая во внимание тело, то есть: смертельно больное государство. Без войн, одними реформами положение дел могло бы сохраняться дольше, так как от пациента нельзя требовать чрезмерных усилий. Даже выигранная война приводит к неблагоприятным последствиям. Промышленность вынуждена увеличиваться, появляется необходимость в новых школах и университетах. Солдаты знакомятся с границей, как когда-то декабристы с Парижем. Тот, кто ведет войну, чтобы избежать революций, взнуздывает лошадь с хвоста.

«Могущество России при Александре I достигло таких высот, о каких Петр Великий мог только догадываться». Но чего недоставало ему по сравнению с Петром Великим?

ВИЛЬФЛИНГЕН, 7 ИЮНЯ 1965 ГОДА

День Святого духа, понедельник. Погода немного улучшилась; мы до вчерашнего дня топили. Ландыши на могиле Греты[18].

ВИЛЬФЛИНГЕН, 9 ИЮНЯ 1965 ГОДА

Снаряжения закончены; завтра мы отправляемся. Мартин Хайдеггер, который в настоящее время, по-видимому, читает древних китайцев, пишет мне, что лучше всего находиться в комнате, не следует даже смотреть в окно. Это как личная максима, безотносительно к нашему путешествию. Он прилагает стихотворение Лао-Цзы.

ШТУТГАРТ, 10 ИЮНЯ 1965 ГОДА

После долгих приготовлений отправляемся в азиатское путешествие; с неба льет как из ведра. Оши, Маргрет и Ресле помахали нам вслед.

Весна выдалась чрезвычайно прохладной и дождливой, я не могу припомнить подобной. В четвертый раз затоплена долина Дуная.

В Штутгарте мы еще наскоро повидались с Эрнстом Клеттом[19], которого болезнь дочери Кристианы ввергла в большие хлопоты. Полиомиелит; десять дней назад ее самолетом доставили из Багдада.

Поздно ночью в спальном вагоне.

ГАМБУРГ, 11 ИЮНЯ 1965 ГОДА

Мы встали перед самым Гамбургом. Завтрак на вокзале в Альтоне. Потом поехали в хорошо знакомую гостиницу для официальных гостей Альфреда Тёпфера на Эльбском шоссе, где разместились в своем старом номере с прекрасным видом на Эльбу. К сожалению, мы

привезли с собой ненастье.

Во второй половине дня на чай к де Кудру[20]. Через аристократические кварталы мы ехали в Бланкенеэе; розы, боярышник, рододендроны... по всему было видно, стояла сырая погода.

Среди старых гамбургских друзей один новый, капитан Рёмер. От него я недавно получил в подарок книгу о парусном судоходстве и сейчас узнавал в нем человека, который открылся мне раньше в авторе. Один из тех, кто выглядит физически крупным, хотя имеет маленькое, приземистое телосложение. Он десять раз обогнул под парусом мыс Горн; это чувствуешь по рукопожатию. * * *

Вечером с Тёпферами в гостинице. Мы говорили о старых знакомых: Эрнсте Никише, Хуго Фишере[21] и А. Пауле Вебере[22], потом о вечере на улице дю Фобур Сен-Оноре, когда хозяин дома вдохновил меня на написание трактата о мире[23]. Пришел и Хайнц Юстус; я не видел его с августа 1917 года, с того дня, когда под Лангемарком он со штабом батальона попал в плен. Однажды, под Гюймоном, они уже оказались единственными, кто уцелел в передраге; этого не должно было повториться — Рохоль, командир, со штабом и ранеными дал англичанам себя опередить; тогда это еще не было связано с большим риском.

В Души, где мы больше года вели почти гарнизонную жизнь, я часто встречал Юстуса как в окопах, так и на постое. Он перешел на службу в пехоту, когда у гусаров ему стало скучно, и остался в моей памяти денди. Есть образы, которые врезаются глубоко, — это как раз тот случай: вот он, возвращаясь из боевого дозора, в предрассветных сумерках вальяжно шагает по деревенской улице. Вечером он с той же вальяжностью полубога угощал элитными импортными сигарами.

Англичане освободили его после четвертой попытки побега, потому что знали толк в спорте. С другой стороны, они стали его побаиваться. Однажды он, переодевшись девушкой, инсценировал самоубийство через повешение. Расчет был на то, что солдат, разносивший пищу, перережет веревку; затея была рискованной, но она удалась.

Оши Киус[24], который был с ним в лагере военнопленных под Вейкфилдом, рассказал мне эту и другие истории про него.

НА БОРТУ, 13 ИЮНЯ 1965 ГОДА

Около одиннадцати часов за нами заехал Вернер Трабер и отвез нас к судну. Гавани всегда возбуждают, во-первых, как царства титанов, масштабы которых превосходят человеческие, и потом как места с необычным оборудованием. Вдобавок зримое воплощение статических отношений — например, триста ватерклозетов, построенных в ряд на причале.

Друг и организатор этого путешествия препроводил нас на борт теплохода «Гамбург», где мы с ним еще и позавтракали. Каюту украшали розы от него и гвоздики от Юстуса, не забыты были и сигареты с виски. В этой «палате» нам предстоит прожить четыре месяца; она просторна, прекрасно обставлена, с двумя окнами, душем, туалетом и отдельной прихожей. Мы уже загрузили большой багаж.

Отплытие около четырнадцати часов, море спокойно. Вечером пришвартовались в Бремерхафене.

НА БОРТУ, 14 ИЮНЯ 1965 ГОДА

После завтрака работал.

Во второй половине дня по дамбе в город. Сначала в «Звериных гротах», узкой, но очень искусно возделанной полоске земли на берегу реки. Она показалась мне песчаной отмелью. Кроме огороженных площадок и плавательных бассейнов мы увидели вольер и аквариум, оба большие и в хорошем состоянии; очевидно, звери чувствуют себя здесь комфортно.

Новостью для меня оказалась павлиновая индейка[25] — создание, о котором я хочу собрать дополнительную информацию. Она и в самом деле составляет точную середину между самкой павлина и индюка. Вид смущает, потому что сглаживает привычные глазу различия.

Можно обойтись без традиционной полемики с теорией Дарвина, если принять в расчет идеальность времени. Произошло ли библейское «Да будет» мгновенно, или творение растянулось во времени — все это тактические различия и (notabene!) различия человеческого воззрения.

Из всех человекообразных обезьян вид шимпанзе особенно раздражает. В горилле утешает брутальная сила, в орангутанге — растущая космами шерсть. Шимпанзе напоминает добродушного моряка, на чьем лице оставила следы какая-то злокачественная болезнь. Весьма радуется гиббон, непревзойденный лидер в гимнастике. Он проделывает мастерские номера; они свойственны ему от природы, а не заучены в мучительных тренировках. В придачу эротическая небрежность.

Одна мартышка, казалось, ссорилась с другой — или это была любовная игра? Малиново-красный прут торчал круто вверх. Ниже мошонка — небесно-голубая. Орган производил такое впечатление, будто его натерли светящимися пастельными красками.

Зоосады: это другой мир. Ребенком я чувствовал приближение[26] уже по дороге туда, когда до меня доносились необычные крики; так начиналась инициация. Ночью в церкви. Там Герман Пфаффендорф назидательно: «Ему же следует чаще подносить зеркало смерти».

Далее табличка с обетом: «Отец сказал: это чудесно. Хорошо, что я доверился».

РОТТЕРДАМ, 16/18 ИЮНЯ 1965 ГОДА

На исходе ночи мы бросили якорь в устье Мааса; место нашей швартовки оказалось занято. С утра сильный дождь, в то время как погрузочные работы продолжались. Чрево корабля поглотило огромное количество калийных удобрений, предназначенных для порта Суэттенгем, и множество самых разных товаров.

Во второй половине дня бушевал настоящий ураган; по старым кварталам города мы отправились к «Европейской мачте», высокой смотровой башне. Дома на судоходных каналах, из темного кирпича со светло-обрамленными окнами, давали представление о прежнем характере города. Тут я ожил. Мои приоритеты: природа лучше благоустроенной земли, в городах старые строения лучше сегодняшних. Это вытекает из самой сути вещей.

С высокой башни хороший обзор. Многие гавани создают впечатление наносной земли в клеточку — так и эта.

НА БОРТУ, 19 ИЮНЯ 1965 ГОДА

По-прежнему в гавани Роттердама. Прояснилось. В этом году у нас лишь однажды выдалась по-настоящему прекрасная погода: на мой день рождения, а потом еще один раз, когда мы искали «баденгель»[27], хотя и не такая ясная. Мы топили до самого нашего отъезда 10 июня.

Сегодня немного «фёнит»[28], как сказали бы в Вильфлингене; работа не двигается. Даже написание писем дается с трудом.

Во второй половине дня снова en route[29].

НА БОРТУ, 20 ИЮНЯ 1965 ГОДА

Проснулись в гавани Антверпена. Я уведомил Анри Пляра[30], но не знаю, приедет ли он из Брюсселя.

У поручней. Суда в покое и в движении, раскачивающиеся краны и батареи нефтяных емкостей, зато персонала намного меньше, чем было видно тридцать лет назад. Реализовались видения Кирико[31].

Во второй половине дня в городе. Музей изящных искусств; на нижнем этаже произведения современной живописи. Я оставался там лишь несколько минут; фламандский характер ничего в течение столетий не выиграл. Остаются как раз те самые элементы, которые на юге и западе с самого начала отталкивали, только теперь они лишены фона, заднего плана. Смотри Бодлера и Леона Блуа[32]. Де Костеру еще удавались ретроспективные взгляды. Реализм во второй половине XIX века становится особенно топорным. При сравнении чувствуешь, что пропало.

Наверху старые картины, одна из самых великолепных коллекций, северный контраст к собранию Уффици. Здесь итальянцы представлены так же скудно, как там нидерландцы.

К сожалению, у нас было очень мало времени. Тут следовало больше наслаждаться атмосферой, чем вдаваться в частности. Сначала отдаешь честь большим, известным по каталогам, календарям и монографиям полотнам, потом незнакомым творениям знаменитых мастеров, чтобы наконец откликнуться на зов школ, в котором имя уже замолкает.

Полноту не нужно осиливать, ею, пожалуй, следует наслаждаться как таковой в анонимности ее прилива. Как проступает наружу безымянное и даже бесформенное, скрывающееся за именами и темами — это можно воспринять или смутно осознать даже за короткий срок, и выигрыш немедленно становится зримым, когда выходишь на улицу. Здесь я увидел множество физиономий, странных типов; трамвай, на котором мы возвращались, был полон ими. Картины заговаривали со мной; я отвечал. Теперь опять возвращалось эхо. * * *

Я ходил по залам, не задерживаясь нигде подолгу. И все же я не смог избежать властных чар мавританского князя в большом «Поклонении волхвов» Рубенса. Тут предстает Восток в своей простоте, своей необычности и великолепии. Мавританский князь; зеленый шелк одежд; богатство распознается по мельчайшим деталям.

«Изгнание из храма» различных авторов тоже не случайно бросилось мне в глаза. Оно иллюстрирует центральную тему нашего времени. Менялы проникли в те области, где до

недавнего времени это было бы просто немыслимо. Своими банками и лавками они помогают одухотворению[33]; их мысли овладевают миром. Числа уничтожают картины; в храмах устанавливают вращающиеся двери. Один меняла изгоняет другого. * * *

Здесь я впервые увидел в оригинале картину, которая мне не нравилась уже в репродукциях: «Мария с ангелами и младенцем» Фуке. В ней отталкивает не маньеризм, а противоречие между сюжетом и демонизмом художественного исполнения с пламенными ангелами на заднем плане. Это производит такое впечатление, будто воздействие эйфорического и возбуждающего наркотика смешалось и выкристаллизовалось на картине.

НА БОРТУ, 21 ИЮНЯ 1965 ГОДА

В первой половине дня работал, после полудня снова в море. Я работаю параллельно над тремя рукописями: этим путевым журналом, потом над заметками общего характера, которые я начал по случаю семидесятилетия, и наконец над «Субтильной охотой»; там я добрался до «cicindela III»[34].

Сегодня я снова задумался о постоянной и изменяющейся температуре крови: эта тема занимает меня с недавнего времени. Печь имеет смысл только в закрытом помещении. Равномерная температура, которая и сегодня еще наблюдается на обширных областях океана, могла сохраняться так долго лишь до тех пор, пока Земля была окутана оболочкой пара. Огромное количество воды, скорее всего, находилось во взвешенном состоянии. Наверно, моря занимали значительно меньший объем? Вместо них — огромные болота со своей флорой. Растения тоже поглощают много воды. Другая крайность — оледенение; целиком покрытая замерзшей водой планета. В итоге пустыня без воды и воздуха.

НА БОРТУ, 22 ИЮНЯ 1965 ГОДА

Под утро в Саутгемптоне. Третий раз в жизни я пересек Канал, как всегда ночью. Я вдруг проснулся и в окно каюты посмотрел на город, от которого был виден только овал пестрых огней, похожий на планетную систему. Некоторые вращались, другие мерцали, большинство же было неподвижно.

В гавани чайки с шоколадно-коричневой головой. У некоторых экземпляров концы крыльев казались черными, но точно я не разглядел. Дома справлюсь по «Петерсону». Между тем мне шлет привет Боденское озеро.

Среди доков машины кажутся крошечными — симптом того, что глаз привыкает к масштабам мира титанов.

Вечером беседы у поручней — так вчера с господином Беккером, одним из пассажиров, который рассказал мне, что владеет коллекцией оловянных фигурок и постоянно ее увеличивает, главным образом за счет литейных форм собственного изготовления.

Чтоб сэкономить олово и все-таки достичь известного разнообразия, формы изготавливают похожими на индийских богов. Всадник правой рукой размахивает саблей в пяти различных позициях, его лошадь выбрасывает пять передних ног. После отливки лишние части отпиливают и таким образом варьируют композицию. Разнообразие заложено в модели; для индивидуальности оставляется свободное место. Начинаящий поступил бы наоборот. Для

коллекционеров даже издается журнал.

Мне вдруг вспомнилась одна греческая басня: гигант упрекает Зевса за то, что тот поместил рога быку на голову, а не на самое сильное место, на грудь. На что Зевс: «Ты ведь даже не знал, что такое бык, пока я его не создал, а берешься меня поправлять». * * *

Для чтения в дороге я взял с собой Лихтенберга, и притом в подборке Герберта Нетте, 1962 год, издательство «Дидерихс». Этот необычный для наших широт ум стал занимать меня столь же часто, как Монтень, Бэкон и «Парерга»[35], и всегда не без пользы.

Польза эта зависит не столько от текста, сколько от тональности; чтение натягивает струны духа; скоро приходишь в такое настроение, будто выпил полбутылки шампанского.

Тестовый вопрос для учеников старших классов: почему сентиментальность Вертера противоречит тому духу, которым питается сентиментальность Лоренса Стерна? Где заканчивается Просвещение, где начинается эпоха «Бури и натиска»? * * *

Лихтенберг, стр. 30: «Что же такое самый плохой и самый прекрасный поступок, который ты, на твой взгляд, совершил в жизни? Тайный кабинетный вопрос».

Тут некоторым в голову скорее придет самый плохой поступок, нежели лучший — и, вероятно, еще не самый плохой.

Если мы в равной мере составлены из добрых и злых генов, например, со времен Каина и Авеля, то добрые все же распределены гораздо диффузнее. Зло порождает более яркие фигуры; преступление дольше сохраняется в памяти народов и отдельных людей. Смесь более или менее неопределенна. Если добру и удастся чистое воплощение, то ему отвечает абсолютное зло; доходит до солнечных затмений в моральном мире. «Мессия», песнь вторая.

НА БОРТУ, 23 ИЮНЯ 1965 ГОДА

Ночью на море волнение. Поэтому сны становятся оживленнее. Вероятно, играют роль и другие климатические условия. Штирляйн:

«После таких ночей меня радует, что я нормально освобождаюсь от снов».

«Что же такого скверного ты увидела?»

«Я хотела зажечь лампу и вставила штепсель в глаза змеи».

«Согласен — картина не из приятных. Но какая-то соль в этом есть».

В общем, утренний разговор. Я же, напротив, беспрерывно вертел туда-сюда группы согласных звуков *bl* и *pl*, в связи со своим вечерним занятием. Кроме Лихтенберга я прихватил с собой «Немецкий словарь» и прочесываю лексику. Эта работа из тех, которую можно исполнять лишь по шепотке. То, что она продолжается и во время сна, не идет во вред, но утомляет. * * *

В числе покойников, которые время от времени снятся мне, — Фридрих Зибург[36]; он охотно появляется в период путешествий. Так и сегодня, а прошлый раз на траверзе острова Медвежий в поездке на Шпицберген. Или он тогда был еще жив? Впрочем, это, по крайней мере во снах, без разницы.

Список родившихся до 1900 года поредел; скоро останется лишь несколько перестойных деревьев. Кроме Зибурга я потерял Теодора Хойса[37] и Эрнста Бёрингера[38]; я стоял у могилы всех троих. Духовность, а также гуманность этого поколения иная — я не имею в виду ценность, просто с каждым уходит неповторимое. Наверно, это справедливо для любой эпохи — правда, в более спокойные времена кончину вида замечают меньше, чем кончину индивидуумов; уверены в своей непрерывности.

НА БОРТУ, 24 ИЮНЯ 1965 ГОДА

Читал Лихтенберга, работал над «Субтильной охотой», в Бискайском заливе: я проплываю его уже в третий раз, и он мне ни разу не показал зубы. А что он на это способен, я понял на примере небольшого судна «Ирис», на котором в 1935 году в обществе Магистра[39] направлялся в Норвегию и перенес все стадии морской болезни. Как я позже слышал, судно стало жертвой Бискайского залива; стюард, которому удалось спастись, рассказал об этом Александру[40] во всех подробностях.

В носовой части. Рассеченная волна наполняется массой воздушных пузырьков, и ее венчает белая пена. Вода под нею светло-зеленого цвета, в отличие от поверхности моря, которая поблескивает матовым кобальтом. Таким образом, воздух воздействует на воду подобно раствору, извлекая скрытые оттенки.

Волна как мотив. В ней исчезают различия между предметным и беспредметным видением, между силой и формой, движением и материей. Так видел Нольде[41]. Ее можно воспринимать и абстрактно, как Хокусай[42].

В утренние часы прошли мыс Финистерре. До самой ночи продолжалась серая погода, к которой мы уже привыкли, а теперь мы впервые радовались безупречно ясному небу.

Раскладка шезлонгов, наполнение плавательного бассейна, веселость персонала и гостей — такая внезапная перемена позволяет догадываться о мощи больших гороскопических трансформаций. Приветствие: «Ну, теперь совсем другое дело» и тому подобное.

Во второй половине дня по правому борту группа островов, Парего, если я правильно понял название. Одновременно слева португальская береговая полоса. Опорто; загодя заметил себе прекрасный, уединенный песчаный пляж.

НА БОРТУ, 25 ИЮНЯ 1965 ГОДА

Осмотр мостика. Эхолот, радар, радиостанция — какие изменения со времен Трафальгара, который мы сегодня прошли в первой половине дня! Потом был Гибралтар; погода, к сожалению, была настолько пасмурной, что мы видели лишь бетонные плиты и прочие уродливые сооружения на скалах. Приветствовал его как старый Гибралтарский фузилёр: «С Элиотом слава и победа!»[43]

В проливе появилась стая маленьких резвящихся дельфинов. Как получается, что вид именно этих существ будит такое сильное ощущение жизни? Видимо, из-за того, что движения чередуются, и животные нанизываются как жемчужины на ожерелье. А еще из-за того, что игра происходит на границе двух стихий. Уже древние радовались этому зрелищу.

Продолжал Лихтенберга, на палубе при хорошем солнце и спокойном море. В нем одинаково присутствует ассоциативная и комбинаторная способность. Ассоциативная охватывает все разом, всегда провоцируя охоту на образы или даже засаду, комбинаторная же выясняет суть вещей в последовательности. В одном случае дух действует по правилам искусства и наглядного представления, в другом — по правилам логики и знания; здесь образно, там последовательно. Здесь он прослеживает взаимосвязи, там — причины. Такое взаимодействие одного с другим вообще встречается редко. * * *

Вечером широкие валы, на которых играл ветер. Он рисовал изящную ребристую поверхность, а другие течения вычерчивали похожий на соты узор. Прежний след еще сохранялся, а на нем уже намечался новый. Колдовство; моряки, сами того не зная, неизбежно становятся добычей этой игры.

Беспредметность может достигаться все усиливающимся распадом форм через импрессионизм и пуантилизм. Предмет уничтожается; с другой стороны, он может узнаваться еще в зародыше или в плазме, до того как родился. Это — более сильная форма.

В газетах теперь сообщения об астронавтах — мне кажется, что приблизительно в 1930 году я уже освоил эту область, и с гораздо большим наслаждением.

НА БОРТУ, 26 ИЮНЯ 1965 ГОДА

Становится теплее. Искупался. Температура воды 24° по Цельсию (75° по Фаренгейту). В каютах и обеденном зале работают кондиционеры.

Около полудня прошли сначала вдоль утесов Форментеры, а потом вдоль побережья Ибицы. Скалистый цоколь, *macchia*[44] и редкий лес. * * *

Среди пассажиров, с которыми я мало-помалу знакоюсь, профессор Бирбаум, теолог из Мюнстера, путешествующий на конгресс в Геную. Сначала побеседовали о соборном пасторе Дондерсе, который в свое время подарил мне редкое издание Гамана, и о потере его библиотеки. Он не перенес ее, не перенес гибели собора и вскоре умер; профессор хорошо его знал.

Чтобы придать мне смелости, как он выразился, этот 83-летний господин процитировал названия трех трудов, которые он написал после своего семидесятого дня рождения. В таком возрасте, дескать, тоже можно превосходно работать. Я нисколько в этом не сомневался — хотя бы потому, что к тому времени самые отчаянные глупости тобой уже совершены.

Три указанные книги — биографии; они посвящены кардиналу фон Галену[45], анатому Нильсу Стенсену[46] и Марии Дросте цу Фишеринг[47], рано угасшей мистической монахини, аббатисе монастыря «Добрый пастырь» в окрестностях Порто, города, в пределах видимости которого мы проследовали во время этой беседы.

На Стенуса или Стено я по разным поводам уже обращал внимание; его роль в истории наук напоминает аналогичную роль Э. Т. А. Гофмана в искусстве — блестящий, универсальный ум. Впрочем, между ними существуют связи — Спалланцани и другие.

Профессор показал мне фотографию графа Галена, сделанную через час после его смерти — решительный, благородный, бесстрашный, убежденный в своем скромном триумфе. Даже если ты ничего не слышал об этом человеке, чувствуется, что ему было подвластно великое. И это в наше-то время. Его девиз: «*Nec laudibus, nec timore*»[48].

Далее об Августине. Его разговор с умирающей матерью в окрестностях Остии с видом на море, переход от рассмотрения зримых вещей к предчувствию незримых можно, по словам моего собеседника, причислить к самым прекрасным страницам мировой литературы; я внес этот момент в записную книжку. Такие указания, даже на знакомые вещи, всегда ценны; они открывают пассажи, которые мы небрежно пробежали глазами.

Во второй половине дня более трех часов вдоль Мальорки — а перед тем мимо Драгонеиры: после того как показался разделительный канал, мы поняли, что это остров.

Ла Калобра. Крошечный песчаный пляж пробит в скале. Как я слышал от судового врача, здесь протекает русло реки, на нем стоит монастырь. Река набросала пласт гальки, который полумесяцем запруживает пресную воду. Таким образом, местность соединяет удобства купания в реке и в море.

На мысе Форmentor я увидел дорогу, ведущую в Пуэрто-Полленса, и при этом подумал о счастливых неделях, более тридцати лет назад проведенных там с Перпетуей и маленьким Эрнстлем[49] после суровой зимы. Впервые я проследовал через здешние места свежеепеченным бойцом Иностранного легиона[50]. Незадолго до этого я читал «Дон Жуана» Байрона, где герой оказывается выброшенным на один из этих утесов после кораблекрушения — это подействовало на меня со всей романтической силой. Байрона я читал так, как его и нужно было читать — наивно и без знания лавины подражаний.

ГЕНУЯ, 27 ИЮНЯ 1965 ГОДА

Во второй половине дня вдоль Лигурийского побережья. Канны, Ницца, Монте-Карло, Ментона, все те места, которые я облазил с Банин[51] и Вайцекером. От Антиб я сначала увидел маяк, затем покрытый лесом мыс, форт Карре и, наконец, Вобановский вал с домом на улице Барбакан, в котором я после войны и оккупации отпраздновал новую встречу со Средиземным морем.

Там, в кильватерной волне, одна из красивейших рыб, создание длиной с руку — был ли это большой сарган или маленькая рыба-меч, появившаяся как видение? Я б за видение его, пожалуй, и принял, если бы его в свой черед не заметила Штирляйн. Лиловый цвет, только что рожденный из серого, как Афродита из пены. Это было одно из мгновений, когда я жалею, что не стал художником. Но могут ли они понять эту границу между чудом и испугом, на которой жизнь соединяется со стихией? * * *

Значит, уже снова предстоит расставаться с новыми знакомыми; в Генуе они сходят на берег. Чай с профессором: он порекомендовал мне почитать прощальное письмо министерского философа Вуста († 1940) к своим студентам. На одре болезни Вуст больше не мог говорить, поэтому написал; должно быть, оно излучает непоколебимую уверенность.

Господин Беккер еще раз вернулся к своим оловянным фигуркам, о которых я до сих пор знал только то, что ими играют в солдатики. Впрочем, оловянные солдатики и составляют основной контингент. Господин Беккер инсценирует с их помощью сражения Семилетней войны. «Как только коса расплетается, дело наскучивает». В князьях эпохи барокко, должно быть, жил сильный игровой инстинкт, часто выходивший за пределы чисто военной необходимости.

Компановка частей упрощается за счет приклеивания их на картонные полоски. Набросав новый рисунок, коллекционер отправляет его одному из становящихся все более редкими граверов, чтобы тот вырезал его в сланце. Отливкой занимается сам любитель. Потом

наносится белый цвет, за ним слоями следуют другие, в порядке затемнения, так что можно по собственному усмотрению вносить исправления.

Другие любители разрабатывают этнографические либо палеонтологические мотивы, кое-кто выстраивает сцены из светской или библейской истории. «Высадка Колумба», «Дочь фараона находит в камышах Моисея».

Как и у энтомологов, у них существуют небольшие союзы, газеты для сообщений, биржи обмена. Привлекательность, похоже, заключается в создании стабильных панорам. Очевидный реликт в нашем динамичном мире. С такой любовью раньше строились ясли младенца Иисуса.

Под вечер в Генуе. * * *

«Должно быть, на борту важная птица», — сказал я Штирляйн, когда при швартовке мы стояли у поручней; я указал на пару, поджидавшую внизу с огромным букетом. Когда трап закрепили, оказалось, что ожидали нас. Нас приветствовали Марчелло Стальено и графиня Ло Фаро; Генри Фёрст[52], который не смог прибыть лично, уведомил о нашем появлении. Он покрыл мир сетью друзей, которые *prima vista*[53] хорошо себя чувствуют друг с другом.

Мы вчетвером поехали в город, сначала обошли кафедральный собор Сан Лоренцо и потом постояли перед кардинальским дворцом. Пока мы его рассматривали, из него выехала машина, на заднем сиденье которой сидело их высокопреосвященство с широкой красной лентой. *Vonum augurium*[54].

Потом дальше в Боккадассе, крошечную гавань, где рыбацкие лодки жались друг к другу на зажатом между домами морском берегу. *Dasse* — это старая форма слова «сети» (*nasse*), которая тем не менее и по сей день еще употребляется рыбаками.

Эта «гаванька» примечательна также тем, что здесь назначают себе свидание полсотни кошек. Лодки — их родина, пропитанием их обеспечивают рыбаки, отдавая часть улова. Сан Джованни тоже для кошек особенный праздник, потому что в этот день им жертвуют больших и прекрасных рыб.

Мы расположились на веранде *ristorante*; внизу у причала стояли лодки; другие ушли в море с рыбаками и светились вдали маленькими точками фонарей. Мы пили *barbera*[55], вкушали дары моря, а официанты разносили рыбу, в том числе мощного зубана, *denticé*. Было темно и тепло, море едва было слышно; я смотрел, как догорают кончики сигарет и внезапно тухнут, достигнув воды.

Марчелло, восторженный почитатель и знаток города, его истории, его дворцов и маленьких уголков, его семей и фольклора, подвел к столу старого скрипача, которого попросил сыграть песню Маргутти «*Ma se ghe penso*» («Но когда я думаю о тебе») — подразумевается Генуя как один из городов, которые, подобно Парижу и Рио, вызывали любовь не только в широком смысле, но и такую, какая обычно относится только к женщине.

Лицо этого скрипача — старика, который, очевидно повинувшись потребности, сделал раннюю страсть профессией, что и подтвердил мне Марчелло — бледное, желтоватое, помятое, во время игры озарилось, словно бы в поношенную маску вернулась молодость.

Позднее еще в одной компании — уже не помню в каком доме. Когда выпьешь, такие визиты действуют, будто ты оказался на сцене, где не знаешь ни персонажей, ни сюжета. Похоже, мы попали на одну из традиционных вечеринок. На один из моих контрольных вопросов: «Понравилось бы здесь Стендалю?» я, не раздумывая, мог бы ответить утвердительно — к тому же еще и в Генуе.

Там были граф Ло Фаро, с которым мы уже виделись в Боккадассе (увлеченный ныряльщик, который, как выразилась его дочь, «отваживается погружаться до слишком глубоких оснований»), профессор де Вестри, наблюдающий за гуманитарными исследованиями в провинции, и один из друзей Генри, присоединившийся к прочтениям классической филологии.

Затем Джиджи Энрико, чья профессия «demolitore»[56] понравилась бы Леону Блуа, который с удовольствием называл себя «entrepreneur de demolitions»[57]. Тем не менее, речь шла, как я узнал в ходе беседы, о редком, однако солидном и прибыльном бизнесе. Синьор Энрико скупает по всему свету отслужившие свой срок корабли, которые с помощью специально обученной команды пускает на лом. Старые корпуса превращаются в плавучих доках в железный лом, мощные резакі раскраивают их, как масло. Поднимают они и затонувшие суда, если они лежат не слишком глубоко. Военные корабли в этом деле все равно что «скошенный луг», если выразиться по-швабски. Из них получают большое количество превосходной гибкой стали. Однако с тех пор как морская стратегия изменилась, хорошие прежние крейсера становятся редкостью, как с сожалением сказал синьор Энрико.

ГЕНУЯ, 28 ИЮНЯ 1965 ГОДА

Просмотр почты, вчера поступившей на борт. В репликах Оши весь вильфлингенский экстракт. Он там уже «музыкально укоренился», так он выразился. Квартеты в Заульгау, Бухау, Ридлингене.

Вести о смерти. Эдмонд[58] умер, когда, сидя напротив сестры, читал книгу «Поездка по библейскому Востоку». Он органично вписался бы в роман Достоевского, хотя и не любил, когда я так говорил о нем. Я не знал человека более сентиментального и бескожего, чем он, несмотря на излучаемую им опасность сармата; тут хватало тени намека. Хильшер[59], который больше видел поверхность, чем клавиатуру, называл его «старостой эпидермиса»; Броннен[60] сделал его своим доверенным и в первые недели после смерти Ольги опирался главным образом на него. Эдмонд и тем еще походил на персонажей Достоевского, что у него отсутствовало всякое отношение к природе, за исключением тактического ознакомления с местностью, необходимого на войне. Он был прапорщиком в польской кавалерии и старшим лейтенантом во Вторую мировую войну, окончания которой он ожидал с беспокойством. «В конце концов, была же Тридцатилетняя война», — написал он мне однажды в ту пору. Такой тип людей обычно любит праздную жизнь в больших городах — время заполняется беспрестанным хождением из одной квартиры в другую. В этом отношении его знания были мне кстати — он посещал меня преимущественно в вечерние часы и держал в курсе всех новостей нашего берлинского общества. Надеюсь, я еще найду время, чтобы написать о нем воспоминания. Requiescat in pace[61].

Еще умер Себастьян Эхингер, сосед в Вильфлингене, товарищ по Первой мировой войне. Я ежедневно обменивался с ним несколькими словами у садовой ограды, а в полдень, рассматривая цветы под его окном, слышал, как он произносит длинную застольную молитву. В последнее время он несколько раз падал и редко выходил из дому — когда происходит нечто подобное, все-таки лучше быть «со своими домашними». * * *

Письма Анри Пляра всегда на удивление ёмки и стилистически превосходны; невозможно поверить, что немецкий язык для него не родной.

Особенно порадовало меня то, что в своем пространным и содержательном послании он фактически подтвердил мои впечатления от картины Фуке.

«Отрадно, что вы смогли посетить картинную галерею; я считаю ее самой лучшей коллекцией в Бельгии — особенно, что касается фламандских художников. Йордане, житель Антверпена и кальвинист (этого, слава Богу, по его работам не заметно), и Рубенс представлены хорошо, Ван Дейк, тоже житель Антверпена, соответственно. Самым же странным произведением в Антверпене является, пожалуй, та в высшей степени двусмысленная Мадонна Жана Фуке, с обнаженной грудью, стыдливо опущенным взором и толпой красных и синих ангелов позади трона. Моделью послужила никто иная, как Агнес Сорель, „dame de beaut“ [62] (она в самом деле владела замком с таким названием) и возлюбленная Карла VII, которая в „Орлеанской Деве“ Шиллера ведет с Жанной памятную беседу: мирское чадо и чадо неба. Этьен Шевалье, крупный финансист, был влюблен в нее и распорядился написать двойное изображение — на одной створке, которая, кажется, висит в Лувре, он преклоняет колена перед Мадонной, а другая — та что в Антверпене, представляет Пресвятую Деву, которая не была ни святой, ни девственной. Синие и красные ангелы долгое время оставались для меня загадкой, однако я полагаю, что речь здесь идет просто о херувимах (синий цвет: познание) и серафимах (красный цвет: любовь). Вся запутанная аллегория и амальгамирование святого и светского типичны для XV столетия — рафинированного и овеванного дыханием декаданса».

Прекрасное место, типичное для лаконичного духа, пред дверью которого стоят не только картины, но и идеи.

После того как я прочитал почту и набросал для Оши необходимые указания, у меня оставалось до обеда еще полчаса, чтобы просмотреть тропические сорта дерева, стволы девственного леса, лежавшие совсем близко от парохода, — однако Ирида сегодня не была ко мне благосклонна. Я возместил свои потери за счет желтого цереуса, который на юге растет как сорняк; он абсолютно безопасен и по меньшей мере дает приют некоторым coccinellidae [63]. * * *

Во второй половине дня еще раз в соборе. Вечером с нашими новыми друзьями сперва на борту и потом — на Нерви. Мы зашли в сад графини, где она, больше следуя аромату, чем цвету, нарвала для нас букет. Внизу огни города и гавани с сигналом семисотлетнего маяка, с высоты которого еще дядя Колумба в качестве стража обозревал море.

Нерви. Как в парке Гропалло, так и на скалистой дороге царила неопишуемая толкотня — такое впечатление, будто весь город собрался здесь подышать воздухом, и не только это. Была ночь Афродиты, которой служили все стихии, с душным ливийским ветром, с огоньками между пиниями и пальмами, с небрежными мелодиями с террас переполненных таверн. Пары на дорожках и на скамейках; их контуры плавилась в темноте. Из воды под Торре Гропалло крики и смех купающихся; на слух можно было решить, что в воде резвились лягушки, с утесов шлепающиеся в море. Вероятно, Луна и Венера находились в особенной конstellации. Ночь для тайных признаний.

НА БОРТУ, 30 ИЮНЯ 1965 ГОДА

Вчера во второй половине дня прощание с Генуей. Облик города вращался вокруг неподвижной точки старого маяка. Вид на высокий маяк из охваченной двумя молами гавани врезался мне в память и не покидал меня на протяжении всего прошлого путешествия на Сардинию. Ощущаешь геометрически предопределенное место. Я избрал его моделью для Гелиополя [64]. Город выглядит массивным, он точно вырезан из камня, с узкими, часто взбегающими, как лестницы, улочками, которые предлагают защиту от зноя. Он поднимается от залива к горным террасам. Мраморный город, сверкающий на свету; недалеко большие каменоломни Массы и Каррары.

Разговор со старшим стюардом, который потрясающим образом правит своим царством: как персоналом, так и обстановкой. Метрдотель в посольствах и известных гостиницах. Еле заметный оборот колеса времени или незначительное изменение сплава, и такие умы становятся премьер-министрами — это одно из возражений Лихтенберга против физиогномики, которые он обдумывает с сатирической заостренностью. Он еще мог бы подключить астрологию. Но я с ним не соглашусь: между хорошим фельдфебелем и министром не существует качественного различия. Хотя физиогномически, пожалуй, понятно, относится ли человек к тем, кем двигают вещи, или к тем, кто создан приводить их в движение. Это может происходить на всех уровнях. * * *

Сегодня море предстало в такой синеве, какой я, кроме как под воздействием мескалина[65], никогда не видел — волна спадала гладко и податливо; энергия исходила не от движения, а от цвета. Это, конечно, было сразу после пробуждения, когда я еще в полусне подошел к окну каюты. Тут восприятие выходит за пределы шкалы и палитры. При этом мне пришло в голову, что после сауны я тоже воспринимаю цвета более интенсивно.

Мне следовало бы еще раз остановиться на разнице приближений, с одной стороны, к арифметической, с другой — к орфической точке нуля. Одно увеличивает физическую, другое — метафизическую силу. Наше время неспособно к обеим. Отсюда стремление ко все убыстряющемуся движению при нарастающем недостатке как светского, так и духовного господства[66]. * * *

В сумерках мы прошли мимо Стромболи. Час выпал благоприятный; было еще достаточно светло, чтобы разглядеть контуры острова, но уже настолько сумеречно, что был хорошо виден огонь вулкана. Из столба дыма пробивалось ленивое пламя, которое иногда оживало, как будто его раздували кузнечным мехом, и выбрасывало сноп искр. В воздух медленно поднимались большие камни.

Оборачиваясь назад, я видел темный конус на фоне грязно-черных облаков. Морской берег окружал его подобно узким полям шляпы, на которых по обеим сторонам, точно застежки, выделялись белые дома поселений.

НА БОРТУ, 1 ИЮЛЯ 1965 ГОДА

В полдень волнение усилилось. Я почувствовал, как во мне поднимается легкая тошнота, прервал трапезу, ушел в каюту, выпил там рюмку виски и, улегшись, принялся читать Лихтенберга. Вечером я принял участие в радушном приеме, устроенном капитаном, и отведал кулинарных шедевров от шеф-повара.

Мы теперь, кроме одного инженера и его супруги, единственные немецкие пассажиры на борту среди англичан, французов и американцев. Экипаж тоже интернациональный: испанские стюарды, в прачечной — китайцы.

Часы были переведены на час вперед.

НА БОРТУ, 2 ИЮЛЯ 1965 ГОДА

Вокруг вода. На горизонте время от времени возникают корабли, чаще всего танкеры, следующие в Суэц. Хорошо поработал, чередуя прогулку по палубе и посещение читального

салона; когда там становится слишком шумно, я переселяюсь в каюту, где хорошая звукоизоляция.

Вечером мы посмотрели фильм «The Woman of Straw»[67], американскую халтуру с грубо состряпанным действием, и в ней впервые увидели очень известную Лоллобриджиду. «Магги тоже известна», как говорил Франк Ведекинд, который, должно быть, знал, о чем говорил, — но в данном случае разочарование было приятно. Женщина эта гораздо грациознее, чем я предполагал по рекламе; пожалуй, она заслуживала бы лучшего сценария.

Часы были снова переведены на час вперед.

НА БОРТУ, 3 ИЮЛЯ 1965 ГОДА

На рейде Порт-Саида, своего рода корабельном вокзале. Море илисто-зеленое; повсюду, где суда встали на якорь, расползаются светло-коричневые пятна грязи. Наконец, входим в гавань; начинается щелканье и жужжание камер. Штирляйн: «Фотографы — это люди, которые крадут у себя настоящее, а у других будущее» — правильно, поэтому и рассматривание фотографий представляет собой нивелирование.

Мимо памятника Лессепсу[68]. Высокоуважаемый валялся на земле; пьедестал был пуст. Закат Европы Шпенглер представлял себе совсем не таким. Спрашивается, какой прок англичанам от всех их усилий.

В гавани. Подплыла стайка молодых арабов; они, как амфибии, проскальзывают под лодками, пересекающими им дорогу, ныряют за монетами, демонстрируют их и потом прячут в рот. Вот на борту появились мастера «галли-галли», фокусники, извлекающие цыплят из таких мест, откуда не ждешь, например, из-за пазухи стюардессы. Один, худой парень, немного напомнил мне доктора Геббельса; когда манипулируешь, нужно отвлечь внимание.

С берега был наведен понтонный мост, настоящий Мидгардский змей, который следовал изгибам течения и который американец рядом со мной назвал «very clever»[69]. За все свои путешествия он ничего подобного не видел.

В городе. Базары, рынки, толкотня, беспорядочно разбросанные жилища, высотные здания. Я снова спросил себя, как строительство в таких странах может идти в ногу с упадком. Здесь он кажется особенно изнурительным — как лихорадка.

Хорошо вооруженные солдаты; на боковых улицах картины крайней нищеты, настоящего увядания. Горы отбросов; какая-то девочка выбирала из кучи сгнивших помидоров гнилые наполовину.

Апатия бедности, которую Маркс приписывает люмпен-пролетариату, может иметь и климатические причины или ими усиливаться. В таких странах не происходят социальные революции, в лучшем случае приходит какой-нибудь социально мыслящий генерал. Впрочем, в Генуе у меня сложилось впечатление, что появляются признаки гражданской войны.

Порадовался высоким пальмам, гибискусу и одному светло-зеленому дереву, которое цело, словно на нем была горящая крыша.

Есть свалки, куда народы сгружают свои отбросы. На понтонном мосту торговец, который знал лишь несколько немецких слов, в частности, «свинство». В числе восточных вещей местного производства он предлагал бутылочки с настойкой на кантаридах[70]. Он по-немецки рассказывал о чудодейственных свойствах настойки, но только не о «главном».

Это, верно, обрадовало бы маркиза[71], который считал ее популярное применение нечестивым.

За чаем беседа с испанским стюардом Фернандесом. Как Валентино имел обыкновение никогда не пропускать начало охотничьего сезона на Сардинии, так и Фернандес старается каждый год 15 мая оказаться в Мадриде, когда начинается коррида.

— Вы, конечно, думаете об этом как все немцы? Они видят только кровь.

— Во-первых, я думаю не как все немцы, а во-вторых, если бы я был быком, то предпочел бы пасть на арене, чем на одной из гигиенических боен.

— В первый раз слышу такое.

— Спасибо, Фернандес. А теперь я устрою себе сиесту.

— Вы правы. Вечером нужно быть выспавшимся.

НА БОРТУ, 4 ИЮЛЯ 1965 ГОДА

Ночью по каналу. «Гамбург», как почтовое судно, вел конвой. Почти до вечера мы простояли в Большом горько-соленом озере, где могут разминуться и дожждаться встречного конвоя суда, идущие по узкому водному пути. У сливов собрались массы длинных, бледных рыб. Они напомнили мне корюшку, из которой мама пекла своеобразные оладьи. Там же я впервые за время путешествия увидел медузу — светлый колокол почти шарообразно выгибался в систоле, темнело фиолетовое ядро.

Африканский берег канала покрыт зеленью; на азиатском — до самых серо-голубых гор Синая — тянется желтая пустыня.

Справа мощные укрепления, бункеры, огневые позиции, армейский лагерь, аэродромы, на одном из которых выстроились около пятидесяти реактивных истребителей, другие парили в воздухе. При таком количестве можно предположить наличие состава квалифицированных пилотов. Однако как обстоит дело с производством собственных и особенно с разработкой новых модификаций? — это выдержит только мощная страна. Той же точки зрения придерживался и месье Бенар, стоявший рядом со мной у поручней. Он направляется в Аддис-Абебу посланником и является хорошим знатоком войны в пустыне: в составе французского контингента он сражался против Роммеля в Тунисе.

Без остановки прошли мимо Суэца. Опять плыву по новому морю, на сей раз Красному — тут я должен быть благодарен. Я его, правда, уже видел три года тому назад, во время восхождения на Синай и с пика Джебель-Мусы, чья вершина к вечеру появилась на большом удалении.

НА БОРТУ, 5 ИЮЛЯ 1965 ГОДА

В Красном море; кругом вода. На ней парад танкеров, как на бульваре. В пределах видимости два или три постоянно. Несмотря на встречный ветер облака дыма поднимались почти вертикальной спиралью. В плавательном бассейне 27° по Цельсию, 81° по Фаренгейту. На

палубе металлические части раскаляются.

Во второй половине дня первые летучие рыбы: сначала разветвленной дугой поднимается целый косяк, потом взлетают отдельные рыбы — с высоты прогулочной палубы они кажутся не больше пальца длиной, врезаются, как торпеды.

На некоторое время выключился кондиционер. Беседа с профессором Сёренсенем, вышедшим на пенсию преподавателем высшей школы и конструктором двигателей, об агрегатах, которые питают Левиафана светом, воздухом и энергией. Он высказал мнение, что машина несколько астматична, то есть втягивает слишком мало воздуха; это слышно по ее ходу и видно по крупинкам сажи. Я познакомился с новым словом: когда все аппараты отказывают, происходит «black-out». То же самое может произойти с автомобилистом, то есть после «матового стекла»[72].

НА БОРТУ, 6 ИЮЛЯ 1965 ГОДА

Гладкое море с желто-коричневыми массами, которые напоминали «цветение» Боденского озера. Только они были не равномерными, а разделенными на параллельные полосы, которые мы сначала пересекали под прямым углом, а потом плыли вдоль них.

Обход корабля с Юргеном Хардтом, старшим помощником капитана, затем беседа в его каюте за рюмкой martinis о службе и об иерархии на борту. Около одиннадцати часов Хардт ненадолго удалился, чтобы наблюдать кульминацию Юпитера, однако вскоре возвратился обратно, не исполнив задуманного, поскольку было слишком пасмурно. Его служба начинается в половине четвертого утра и продолжается долго; ему только урывками удается немного поспать. В сейфе лежит запечатанный конверт на случай начала мировой войны.

Одновременно уверенный и туманный взгляд; глаза северных моряков.

ДЖИБУТИ, 7 ИЮЛЯ 1965 ГОДА

Пасмурный, горячий и влажный воздух: прачечная. Иногда из дымки возникают контуры небольших бесплодных островков. Я подумал о «Тайнах Красного моря» Анри де Монфрея, который уловил это настроение.

По левому борту остров Перим, сильно укрепленный, за ним горная гряда континента. На одной вершине розовый горный замок, фантазмагорией расплывшийся в горячем тумане. Я пишу «замок», поскольку посланник, рассматривавший побережье в превосходный бинокль, назвал его «ch?teau». Он, кажется, был знаком с ним, но не знал, обжит ли тот — уже более двух лет там идет гражданская война.

В прежние времена, после того как Омейяды были изгнаны из Дамаска, здесь стояли замки одной из их боковых ветвей, Бени Тахер. Посреди таких окруженных раскаленными скалами резиденций мыслимо лишь одно наслаждение — деспотическая сила, в случае если грёзы не населяют пустоту своими собственными творениями, как грёзы святого Антония. Мы находимся у Баб-эль-Мандеба, у «Ворот слез», через которые из Африки в Азию тянулись караваны рабов, одного из самых мрачных уголков нашего мира. * * *

С наступлением темноты в Джибути. Стройные негры, темными ящерицамидвигающиеся как

тени, грузят мешки с кофе. Они следуют такту передового певца, который еще продолжает свою мелодию, когда кран уже подхватил груз. Глаза и зубы светятся в ночи.

Чтобы сделать хотя бы несколько шагов по африканской земле, мы идем по асфальтированной дороге сначала между складами, потом вдоль вилл. Перед некоторыми несут караул солдаты Иностранного легиона. Воздух влажный и тяжелый; тем не менее кустарники, возвышающиеся над каменными стенами, высохли — их покрытая пылью листва напоминает зеленую пенистую резину. Из домов доносится музыка проигрывателей и обрывки неторопливых бесед. Знойная дыра, в которой рано или поздно неизбежен safard[73]. Всё, и настроение подавленности тоже, напоминает мне мои прежние хождения в Ороне. Надо надеяться, мы причалим здесь и на обратном пути, чтобы я смог проверить впечатление.

Подобные настроения как магнитом притягивают отвратительные картины. Например, зрелище раздавленной колесами твари, вероятно, мелкого хищника. При свете уличного фонаря я разглядел характерный прикус; верхняя и нижняя челюсть образуют оснащенное острыми зубами кольцо. Все остальное неузнаваемо. Рой тараканов почуял добычу; они снуют между нею и складом. Снующее движение, в котором не разглядеть деталей, излучает нечто зловещее и демоническое.

Таракан — это крыса среди насекомых; и те и другие распространены по всей планете, держатся стаями, размножаются массами в благоприятных местах, отдавая предпочтение кораблям и складам, используют внезапное нападение из засады, обладают невообразимой прожорливостью.

Это, разумеется, суждение ограниченное, но при таком уровне отвращения и оно требует над собою усилий. Животное это не менее чудесно, чем все другие, и в великом хозяйстве природы выполняет свою задачу. По сравнению с очень легким весом его производительность чудовищна; ни одному инженеру не создать ничего подобного.

НА БОРТУ, 8 ИЮЛЯ 1965 ГОДА

В Аденском заливе; волнующееся море. Корабль сопровождает новая порода чаек; голова и крылья нежно-коричневого цвета; тело, хвост, узкая полоска на шее и кромка крыльев окрашены в светлые тона. Залюбуешься, как легко они выдерживают темп корабля; они сопровождают его на длинных переходах в чисто планирующем полете. Наблюдение за животными и птицами, несомненно, один из лучших видов отдыха.

Во второй половине дня я попросил профессора восполнить один из моих пробелов в образовании относительно запутанного различия массы, веса и объема; я имел об этом весьма смутное представление. Западноевропейский гений проявляет себя не только в том, чтобы что-то мыслить, но также и в том, чтобы мыслить что-то абстрактное, например, время, пространство и тяжесть; сегодня он вновь проявил себя, измыслив «антиматерию».

Список начинается монахом, который открыл торможение. Этимологически «масса» происходит от *massa*; так древние называли тесто для хлеба.

Вечером на мостике, чтобы увидеть Южный Крест. Однако созвездие еще находилось низко и было частично скрыто в атмосферной дымке, кроме того, его затмевал блеск полумесяца, который стоял почти в зените.

Затем рассматривание навигационной карты и беседа со старшим помощником капитана. Так

мы узнали удивительную историю одного несчастья, произошедшего некоторое время назад вблизи Бермуд. Один инженер, который после празднования дня рождения направлялся к себе в каюту, слишком сильно перегнулся через поручни и упал за борт. Его хватились только через два часа при смене вахты. Море бушевало; представлялось совершенно невероятным найти его; однако корабль развернулся и лег на обратный курс. Спустя четыре часа он достиг того места, где предположительно случилось несчастье, и принялся там крейсировать; капитан приказал обшаривать море прожекторами — тщетно, как сразу же стало понятно. Разумеется, когда потеря стала очевидной, о ней объявили по радио, чтобы уведомить те суда, которые могли находиться поблизости. Это принесло удачу, потому что через четырнадцать часов человек, который все еще плыл, был обнаружен пожарным судном и поднят на борт.

Позднее он сообщил, что, несмотря на сильное волнение моря, ему удавалось, наполовину плывя, наполовину дрейфуя, держаться на воде; в таких ситуациях это, прежде всего, означает беречь силы. Ветер благоприятствовал ему, волны накатывали сзади, соленая вода разъела затылок, так что слезла кожа. Когда рассвело, появились рыбы и принялись играть с ним; они толкали его носами и мордами. А когда, наконец, стал приближаться спасительный корабль, его охватил страх, что тот пройдет мимо — голова среди волн казалась не больше точки. Он стянул кальсоны, еще сохранившиеся на нем как последний предмет одежды, и принялся ими размахивать.

Приключение заставило меня задуматься о самых разных вещах, в том числе о статистике, ибо оно выходит за рамки вероятности. Сколько людей должно утонуть, прежде чем спасется один? И почему именно он? Это чудо, во всяком случае, для тех, кого оно касается. И если он его так воспринимает, то должен также и осознавать, что он в долгу перед теми, кто мог бы быть на его месте.

Я, естественно, вспомнил и свое кораблекрушение в пятницу 13 сентября 1963 года в ночную грозу у Башни сарацинов[74], когда катастрофа сжалась до секунд. Ужас чудовищный, одиночество абсолютное. Человек, противостоящий Вселенной.

И снова вопрос: где это регистрируется? Ведь спасенный рассказывал, что он видел, как вернулся его корабль и искал его. Когда же затем тот ушел, он хотел сдать. Вопрос как раз в этом: если бы он утонул тогда, осталось бы в книге судьбы пустое место — аналогичное месту голоса, крику о помощи, который, правда, записывался на магнитофонную пленку, но потом снова стирался? Этого не может быть. * * *

«Дорогой господин Хайдеггер, мы очень сожалели, что Вы не смогли встретиться с нами в Штутгарте, надо надеяться, это удастся в другой раз. Между тем мы отправились в путь, повидали моря, страны и народы. При этом я размышлял также над словами китайского мудреца, которые Вы цитировали.

Смог бы я изменить собственный темперамент, запершись в своей каморке? „Там тоже есть боги“[75] — и я тотчас же попытался бы пуститься в путешествие

autour de ma chambre [76], как тот французский предшественник. Следовательно, лучше достичь духовного спокойствия и пребывать в нем. Я пытаюсь придерживаться этого принципа и продолжаю работать здесь на борту по той же программе, что и в Вильфлингене.

Эрнст Клетт написал мне в Порт-Саид, что собирается навестить Вас во Фрайбурге вместе с Вашим учеником Герхардом Небелем — вероятно, это уже случилось. Было бы прекрасно, если бы Вы решились на полное собрание сочинений. Конечно, я убедился на собственном опыте, что с этим связана колоссальная работа. Но, может быть, у Вас рука окажется более легкой»[77].

НА БОРТУ, 9 ИЮЛЯ 1965 ГОДА

Дальше по Индийскому океану. Муссон. Теперь цвет моря снова напоминает цвет Атлантики, тот же стеклянно-зеленый оттенок воды благодаря поднимающимся пузырькам воздуха. Над гребнями облака мелких брызг, в которых на мгновение вспыхивает радуга. Во время обеда волны захлестывали до самых иллюминаторов; стюарды приближались скользящим танцевальным шагом.

НА БОРТУ, 10 ИЮЛЯ 1965 ГОДА

Ночь выдалась беспокойной. Сила ветра семь баллов. После наступления темноты мы следовали вдоль Сокотры. Раньше переход этот считался опасным, да и сегодня еще, должно быть, время от времени что-то случается. Я бы охотно увидел при свете дня остров, к которому по различным причинам уже давно испытываю страстное влечение. Совсем недавно я прочитал о нем отличную монографию Швайнфурта[78], которую должен признать более удачной, чем монография Грегоровиуса о Капри. У Швайнфурта, чью могилу в берлинском Ботаническом саду я часто навещал, встречаются открытия в области всемирной и естественной истории как результат его продолжительных путешествий и исследований. Швайнфурт — последний из школы Гумбольдта; он и мир еще составляют единое целое. Ему под силу воссоздать историю такого острова с самых основ. Он прибыл на Сокотру из Красного моря на арабской дхау[79], нашел там римские, христианские, арабские древности, привез коллекцию растений, животных и черепов. Удивительно, что один из таких удаленных островов уже образовывал форпост античного мира. * * *

После завтрака; где-то на палубе вдребезги разбилась посуда. Кругом вода — «a lot of water» [80], как сказал американец, который нашел «very clever» понтонный мост в Порт-Саиде. Вот обороты речи, которые позволяют ограничиться каркасом, лаконизмом восприятия даже в вопросах чувства. Этим отчасти объясняется прелесть американской литературы и, прежде всего, диалогов. Слова превращаются в сточенные монеты, которые проходят в определенные прорезы, моносиллабически. Они имеют рыночную стоимость. На этом основании в вопросах мировой политики я скорее ставлю на американцев, чем на русских, против которых играет уже кириллическое письмо.

Миссис Нонуилер, миниатюрная англичанка из Сингапура. Она прочитывает за ночь две-три книги и днем то в читальном зале, то на палубе с подлинной ?criture automatique[81], как одержимая, заполняет страницы толстой черновой тетради ин-фолио. Видно, как идеи буквально выстраиваются в очередь на кончике ее пера. Опубликовала несколько романов, однако своего псевдонима раскрывать не хочет. Вдохновленный чтением замечаний Лихтенберга по поводу физиогномики, я попытался себе представить, какого рода проза могла бы возникать тут. Наверняка ничего американского.

Отдельной темой могло бы стать исследование тех сокращений и раздуваний, какие в течение века пережил диккенсовский роман.

С прогулочной палубы можно было наблюдать «рысканье», короткое, вихляющее движение, которое сообщают кораблю боковые волны.

НА БОРТУ, 11 ИЮЛЯ 1965 ГОДА

За последние двое суток в пределах видимости не появилось ни одного корабля. Здесь прохладнее, чем в Красном море. Летучие рыбы, изящные, как саранча. Сталкиваясь с гребнем волны, они рикошетят. Воскресенье; проигрыватель наяривает мерзкие шлягеры. Как наш брат может ерничать по поводу Конго, остается загадкой.

НА БОРТУ, 12 ИЮЛЯ 1965 ГОДА

Закончил: сочинение Лихтенберга о физиогномике, памятник всегда бодрствующего, трезвого, сократического и такого редкого разума. Повсюду мера и самоограничение, даже в сатире, которая если и ранит, то все же не отравляет, — совершенная доброжелательность.

С возражениями против физиогномики дело обстоит так же, как с возражениями против астрологии. Они убеждают в той плоскости, на которой имеют хождение число и мера. Пророки особенно возмущают мирских людей.

Это ничего не меняет в расстановке сил, которые, не поддаваясь науке, вмешиваются в мир, ничего не меняет в том, что мудрые и счастливы с ними считаются.

Конечно, физиогномикой, равно как и тесно связанными с ней областями астрологии, графологии, геомантики и толкования снов, нельзя заниматься как наукой, возможно потому, что все они содержат бесконечное богатство данных. Явления переходят друг в друга и становятся двойственными. Кроме того, важную роль играет полярность между объектом и наблюдателем; нужно добавить Эрос, который в науке излишен или даже мешает. Этим и объясняются дискуссии, что сейчас ведутся вокруг них.

К физиогномике в широком смысле относится гадание по внешним знамениям; нужно увидеть людей как носителей знамений, как семафоры. Здесь тоже есть более или менее точные и, прежде всего, разнообразные наблюдения. Когда какой-нибудь незнакомец входит в парадный зал, то один обнаруживает, что он страдает сахарным диабетом, другой, что это — человек с хорошим вкусом, третий, что он — аферист. По всей вероятности, наблюдение вели врач, денди и полицейский, тогда как из сотни других никто этих признаков не заметил. Потому-то часто удивляет скудость свидетельских показаний перед судом. Пример того, что физиогномическому взгляду можно научиться. Конечно, должен наличествовать также физиогномический такт. Скромная мера необходима даже в повседневном общении, высокая же относится к земным благам.

Физиономист, в особенности астролог, склонен выходить за свои рамки; он — толкователь символов, а не пророк. Когда врач говорит, что незнакомец не протянет и месяца, то это прогноз, который имеет обоснование. Если же другой возражает на это: «Он еще раньше погибнет во время пожара», то это пророчество — и оно тоже может сбыться. Оно не имеет ничего общего с физиогномикой, а связано с ясновидением. * * *

Лихтенберг, аналогично Музеусу[82], заходит слишком далеко в осуждении физиогномики. Но поскольку Лафатер еще меньше сдерживает себя в противоположном направлении, такую критику следует рассматривать в качестве коррекции. В сущности, Лихтенберга можно определить даже как отличного физиономиста. То, что он — касается ли это деталей или категорий — замечает, например, при рассмотрении гравюр на меди или как зритель в театре, никто за ним так легко не повторит. Что ему особенно бросаются в глаза физические, психологические, юридические взаимосвязи и что они доходят у него до гротеска, относится к самобытности и обаянию «лихтенберговой фигуры».

«Когда кто-нибудь на побережье Северного моря бросает в воду вишневую косточку, то произведенное таким образом движение должно продолжиться до другого берега Атлантики». Приблизительно так; я уже не найду этого места. Оно типично для мышления, чрезмерно увлеченного причинно-следственными связями. К счастью, так не случается; всегда происходит расходование частного действия благодаря всеобщему — благодаря сопротивлению, инерции, силе тяжести и тому подобному. Причина отделяется и исчезает в универсальном; так вызванное вишневой косточкой движение погашается уже следующей волной. Любое колебание чаши весов в итоге приводит к равновесию. Утешительная мысль в пределах динамических порядков.

Не так у Дидро — я вынужден цитировать его по памяти: «Способ, каким в одном парижском доме совершается отцеубийство, находится в точной взаимосвязи с тем, встает ли с постели мандарин в Китае с левой или правой ноги». Гениальная мысль, взгляд на мировую гармонию через дверную щелку.

Описание Лихтенбергом гамбургской гавани в письме к брату Фридриху Кристиану от 13 августа 1773 года — один из красивейших морских пейзажей.

Относительно Французской революции. По его мнению, ошибочно полагать, «будто нация управляется несколькими злодеями. Разве эти злодеи не должны были скорее воспользоваться настроением нации?»

О немцах — уже тогда: «Никакая нация так сильно не чувствует ценность других наций, как немецкая, и, к сожалению, так мало испытывает уважение к себе со стороны большинства из них, — нация, которая хочет всем нравиться, заслуживает того, чтобы мало уважаться всеми».

Несомненно, это связано с проклятием центральноевропейской державы; еще сюда примешивается страх. Будь они поменьше, они играли бы в Европе роль хозяев гостиницы. Тридцать лет кряду начищали бы сапоги и сносили каждое оскорбление, а потом убирались с сапожным ящиком. То, что это «тянется шлейфом» со времен Штауфенов, указывает не только на недостаток, но и на потребность.

Это б могло измениться, если бы была найдена новая формула мира. Прежде всего, она может быть только технического характера; при нивелировке человеку не лучше, но и не хуже, чем всем другим. Техника — это униформа Рабочего. Немцы изрядно этому поспособствовали, если поразмыслить единственно о роли Гёттингена и Гейдельберга. * * *

В шезлонге на шлюпочной палубе; солнце и безветрие. Встречный ветер и муссон поднимаются. Между гребнями двух волн большой плавник — вертикальный, следовательно, какой-то крупной рыбы, не дельфина.

НА БОРТУ, 14 ИЮЛЯ 1965 ГОДА

«tosdo», «otote» — почему иногда в мрачные часы эти слоги навязчиво меня преследуют?

«tosdo» — это слово, которым Фоейрблуме[83] была разбужена от сна перед началом ее последней поездки. Как анаграмма «so tod»[84] оно должно было послужить предостережением. Она не обратила на это внимания[85]. Мне нужно вновь просмотреть ее письма. Я, правда, часто хотел это сделать, но из-за обилия корреспонденции, которая накопилась, руки до этого так и не дошли. Мало-помалу почти все превращается в закрытые досье.

Но «otote»? Это возвращает к далекому прошлому — к чтению отчета, который много лет назад я случайно обнаружил в одном журнале, а именно в читальном зале библиотеки Лейпцигского университета. Там было описано течение необычно раннего паралича, от которого умерла девятилетняя девочка.

Наследственный сифилис; врач позволил ребенку писать текст, стих из сборника псалмов — сразу после первых симптомов и потом до конца. Письмо было воспроизведено; форма и смысл постепенно стирались, почерк становился неузнаваемым, как почерк тех сообщений, которые альпинист оставляет на последних стадиях высотной болезни.

«O Gott»[86] повторялось в них. Оно превращалось в «otote», дрожало, как во время землетрясения или в каюте идущего ко дну корабля.

НА БОРТУ, 16 ИЮЛЯ 1965 ГОДА

Около восьми часов мы пересекли северную оконечность Суматры с башней Вильгельма; с тех пор мы движемся вдоль острова и лежащих перед ним небольших отмелей. Лесистые горы, то там, то здесь выкорчеванные участки, хижина, столб дыма. Море обнаруживает новый цвет, чёрно и гладко, как обсидиан, проблескивает между волнами.

ПЕНАНГ, 17 ИЮЛЯ 1965 ГОДА

В море я был осторожен, поскольку ночью мне приснился вещий сон. Мама принесла кипу белья; нижние слои его тлели, я выдернул их и погасил. Несмотря на это, в серо-зеленой, только чуть излишне теплой воде было великолепно; плывя на спине, я видел нежные метелки кокосовых пальм на береговой полосе. Песок был слишком горячим, чтобы ступать по нему босыми ногами; я собирал раковины и домики улиток.

Город богат храмами; по дороге мы зашли в три из них. Айер Итан[87], храм буддийского монастыря, он недавней постройки, однако оборудован обширным, через различные площадки уводящим на крутую гору сквером. Он начинается двумя круглыми прудами; нижний населен черепаками, верхний — рыбами. Для черепах предлагается купить пучки какого-то зеленого растения, очевидно, их любимого лакомства, потому что когда я приблизился со своим даром, они сотнями поплыли мне навстречу, влезали друг другу на спину и задирали головы.

Ухаживать за животными в храмах — хорошая мысль, это лучше, чем любое другое содержание животных. То, что проход начинается с черепахи, прообраза Земли, я нашел вполне понятным. Рыбы получили малюсенькие пирожки, которые с жадностью проглотили. Маленькие светло-серые существа сгрудились в плотную массу, ниже колыхание старых рыб; они оставались невидимыми.

Рыба была представлена и в верхнем храме: большой красно-лаковый карп, служивший гонгом; он созывает монахов к молитве. Задняя сторона его от ударов имела изношенный и потрепанный вид, хотя сделан он был, очевидно, из очень крепкой древесины.

Храмовый страж у входа, в притворе ужасные изображения: демоны, карающие преступников, например, убийцу, пьяницу, курильщика опиума, вора. Однако эта часть казалась гармонично введенной; ужас входит в представление о мироздании. Наверху, где

восседал большой Будда, таких картин было уже не видно.

К сожалению, поджимало время; я с удовольствием углубился бы в детали. В больших и маленьких помещениях витал аромат сандалового дерева, которое приносилось в жертву перед алтарями и тлело в огромных чашах. Перед одним из этих алтарей стоял монах в желтых одеждах, который один исполнял службу — единственный священник, попавшийся мне на глаза. Я не задавал молодому проводнику, который сопровождал нас, никаких вопросов — во-первых, потому что было бессмысленно узнавать что-то недостаточное у недостаточно знающего, и затем, прежде всего, потому, что целое воздействует гораздо глубже, когда оно проходит перед тобой словно во сне.

Перед боковым алтарем можно было спрашивать оракула. Там стояли бамбуковые цилиндры, наполненные палочками со жребием; их нужно встряхивать пока одна из палочек не выскользнет — она и считается указанием. Здоровье, семья, дела являются, пожалуй, главными темами. Рядом со мной стояла пожилая женщина, после молитвы вытряхнувшая палочку. Потом она бросила на пол еще два красных кусочка дерева, которые походили на разделенный в длину плод; вероятно, овальная сторона считается счастливой. Здесь одна половинка упала вверх окружностью, другая — плоским срезом; это уравнивалось. Но и это тоже — мантическая примета. Старуха вздохнула и удалилась.

По бокам длинного подъема к храму стоят лотки. Торговцы предлагают на них свои товары, и притом всегда ненавязчиво. Простого «thank you», сказанного мимоходом, достаточно. Движения медленны, грациозны, как у ящериц, пестрые одежды женщин — скрывающие и все же облегающие. Глаз скоро научается различать три основных типа: малайцев, китайцев, индусов, хотя есть и смеси. * * *

Храм Спящего Будды — современно, чисто, просторно. Впечатление какого-то паноптикума. Спящий Бог занимает продольную сторону, перед ним алтари с тлеющим сандаловым деревом. По флангам позолоченные толстопузые Будды, на заднем плане двенадцать больших аналогичных статуй из напоминающего папье-маше материала. Стены тоже уставлены бесчисленными Буддами. Тот, кто желает узнать счастливые числа, может вставить в автомат монету, тогда вращается колесо.

Царит настроение приятного, полусказочного уюта с элементом материальности; заключивший сделку с Богом ни в чем не будет нуждаться, ни на Земле, ни в другом месте. Храм не спеша обходят дородные, одетые в богатые шелка сибариты с большими ушами; они мягко улыбаются мне. В них я снова узнаю типы, какие встречал и дома: актера Вегенера, интенданта Бофингера, указавшего мне на взаимосвязи, о которых я догадался уже по его внешнему виду. Тогда же он подарил мне редкую книжку, которая их описывает: «Монголы среди нас». У них монгольская фактура и монгольская складка у глаз; нередко они — коллекционеры произведений азиатского искусства.

Далеко за городом Храм змей... «насколько иначе воздействует на меня этот знак». Помещение затемнено, алтари и стены мерцают красными и синими лаковыми красками. В их деревянные поверхности вставлены золотые печати — китайские идеограммы и драконы, чешуйки которых проработаны с детальнейшей филигранностью.

Сначала животных совершенно не замечаешь; но стоит только разглядеть первое, понимаешь, что они всюду: в веточках орхидей и в карликовых деревьях, посаженных в бронзовые вазы, они обвивают фонарики и культовые приспособления, располагаются за занавесями и на стенных бордюрах. Это желто-зеленые чешуйчатые гадюки с треугольной головой, поднимающейся на тонкой шее. Самые крупные — длиной с руку, но под столом я обнаружил покоившийся там гораздо более могучий экземпляр.

Все они, кажется, дремлют; если сторож поднимает одно из них, ленивое движение выдает,

что в нем теплится жизнь. Мы можем погладить их; прикосновение должно принести удачу.

Почему эти ядовитые животные здесь такие мирные, такие благонравные? Может, наркотический аромат ладана делает их столь сонными? Давно ли они привыкли к близости человека? Я слышал, что они просыпаются ночью и питаются яйцами, оставленными им в жертву верующими, а потом спариваются — жрец показывает нам крошечного детеныша, обвинившегося вокруг его пальца. Он только что родился; животные эти живородящие. Форма уже несомненна, окраска еще однотонно зеленоватая.

Скинутые кожи, висящие на ветвях, тоже показывают, что животные здесь как дома. Эти покровы пользуются спросом, главным образом у новобрачных, которые добавляют их частички в общий чай, чтобы быть уверенными в долгом, счастливом браке.

Я увидел здесь осуществленной свою идею серпентариума — по крайней мере, частично, поскольку еще храмы Геи и Асклепия должны были быть огорожены прудами и широкими террасами. Моя давняя мысль: кто не преодолевает змей, не переступит порог новой эпохи. Но преодоление это не может быть христианским.

Здесь, вопреки всему пустословию, от которого жрецы не могут избавиться, был осязаемым подлинный мир, настоящее святилище. Змея для Земли священна, в ней предстает Гея. Даже в изображениях Богоматери нельзя без нее обойтись. Это становится отчетливее во времена, когда Земля сбрасывает кожу[88], — в своих титанических изменениях.

Культы животных — это не предварительные ступени. Они присутствуют в богослужении всегда; они совершенствуются и материализуются в большом вдохе и выдохе. Они охватывают не только культуры, но и время. Ягненок, баран, рыба, голубь, бык, лев, скарабей; почитать их ничуть не абсурдно. На Востоке об этом знают лучше, чем у нас. * * *

Мы проехали по острову с его деревнями, лесами, плантациями. Внизу, на наносном тропическом грунте, бананы, затем рисовые поля, на которых зеленели всходы высотой с руку, на склонах каучуковые леса и чайные рощи, напоминающие барочные сады. Иногда мы выходили и шли пешком, чтобы рассмотреть деревья и цветы, при этом также собрали немного растений.

В деревнях и их окрестностях преобладают поднятые на сваи хижины и дома — все равно, стоят ли они на воде или на земле. Это в обоих случаях дает преимущества. Поскольку европейские архитекторы давно и по праву предлагают эту строительную конструкцию в качестве радикального средства против транспортного коллапса, она, вероятно, лет через пятьдесят придаст нашим городам новый облик.

По дороге жители предлагали нам свои фрукты: зеленые кокосовые орехи, плоды манго, маленькие бананы, пользующиеся дурной славой из-за своего запаха дурьяны, и прочее. Новым для меня оказался плод рамбутана, колючая кожура которого очень похожа на кожуру нашего конского каштана. Внутри нее ароматный студенистый шар, подобно яичному белку охватывающий миндалевидную косточку.

Эти плоды наряду с дурьяном принадлежат к любимым лакомствам обезьян, которые умеют искусно вскрывать их; мы смогли убедиться в этом в Ботаническом саду, который мы исходили, прежде чем вернуться в город. На одной лужайке они небольшими группами приблизились к нам и взяли, разумеется с осторожностью, у нас фрукты. Они, кажется, держали ухо остро не только с нами, но и с себе подобными. Шайки старательно держались друг от друга подальше. Как я слышал, одна из них недавно вдруг озлобилась, покусала детей и совершила другие безобразия; пришлось отстрелять до сотни животных. При этом один старый самец потерял ногу, однако он и на трех передвигался чрезвычайно проворно. Сосунки со старческими чертами держались, крепко уцепившись за грудь матери, иногда они падали, но снова ловко взбирались наверх, передвигаясь по их длинному хвосту, как по

тянущемся за лодкой канату.

Деревья и кусты этого обширного парка были снабжены табличками с ботаническими названиями; времени, к сожалению, хватило лишь на несколько выборочных проверок.

ПОРТ СУЭТТЕНГЕМ, 18 ИЮЛЯ 1965 ГОДА

Утром корабль, шедший всю ночь, бросил якорь у набережной порта Суэттенгем[89]. Краны уже приступили к работе и выгружали тракторы, каждый весом тонн в восемь.

После завтрака мы отправились в поездку. На сей раз нашего индийца — очень смуглого, любезного человека — звали Александер. Мы пригласили с собой также нашего стюарда, молодого выходца из Рейнской области, чья любознательность была нами замечена. Это почти исключение; большинство привлекает только ближайшая окрестность гаваней. Я наблюдал до?ма, что даже студенты, которым во время прогулки по лесу я указывал на животных и растения, не только оставались к этому безразличными, но будто бы нарочно отворачивались. Шоферский тип обладает врожденным отвращением к природе. Особенно ему мешает дерево.

Смуглый индеец обладал обширными знаниями полезных тропических растений и способов их выращивания. Это пригодилось нам, прежде всего, во время продвижения по тропической низменности, куда мы периодически выходили. Наша экскурсия превратилась в настоящие курсы разведения оливковой пальмы, гевеи, кофейного куста, банана, тапиока, ананаса. Меня снова, как когда-то на Амазонке, удивляла протейская сила бурой, перебродившей земли, и опять же вегетативная, затухающая жизнь разбросанных вокруг по чаще хижин. Тут время отступает, и почти исчезают желания, жизнь становится растекающейся от гнетущего зноя грёзой.

На дороге, посреди поляны, стоял индуистский храм, небольшое каменное строение, оценить возраст которого было сложно. Впрочем, на меня он произвел впечатление древнего. Очевидно, он был святилищем батраков, которые ухаживали там за деревьями и цедили из них сок. Архаичными показались уже животные, стоявшие по бокам от входа — кабан и бык. Они были повернуты головой не наружу, как перед нашими соборами, а к алтарю. Это знаменательный признак. Особая хижина прикрывала статую всадника: под брюхом его лошади притаилось демонообразное существо. Широкие поводья были украшены разноцветными стеклышками. В стороне располагались маленькие очаги для жертвенных животных. Перед алтарем с мифическими фигурами стояли наполненные белыми цветами чаши. Могучий куст плюмерии[90] был, видимо, посажен для принесения этих даров. Перед ним пруд с кувшинками, глаз этой поляны, вокруг камыш и лотос — ресницы. Было тихо, не видно ни единого человека, но ясно ощущалось наличие царящей силы. Тут раскрывается сердце, запертое в наших бетонных колодцах. * * *

Куала-Лумпур — столица Селангора и Малазийского Союза, с новыми государственными зданиями, например, парламента и университета. На въезде в город мы остановились перед музеем, который в любом отношении достоин похвалы. По обе стороны широкой поднимающейся лестницы бьют фонтаны, внутренние помещения оборудованы кондиционерами. Три больших раздела с этнографическими, экологическими и естественно-научными коллекциями.

Нам пришлось удовлетвориться неторопливой прогулкой, ограничившись первым разделом с сокровищами, которые едва ли встретишь где-то еще. Здесь мое внимание привлекли в первую очередь всего два экспоната: изображение церемонии обрезания и малайский театр

теней.

В фигурах натуральной величины очаровывает мгновение, когда принц появляется для обрезания перед специально возведенным роскошным шатром. Он восседает на троне, который несет огромная птица. У входа его поджидает служанка, держащая в руках закрытое блюдо. Внутри шатра группа людей ждет перед ложем, на котором должна свершиться церемония. Над ним, как маленький шатер, натянут балдахин. Всё, до мельчайших деталей, обставлено с предельной роскошью, окружено мифически-демоническим блеском. Это создает впечатление, будто принимаешь участие в высадке в волшебное царство Солнца. Место и час, без сомнения, тоже определены в соответствии с астрологией.

Театр теней давно занимал мою фантазию, поскольку Фридрих Георг[91] со страстью изобразил его в турецком варианте, «Каракусе»[92]. Фигурки, вырезанные из олова и подвижные в сочленениях, управляются двумя игроками. Тени падают на стену из светлого материала, которая отделяет внутреннюю часть театра от зрителей. Актеры сидят перед скамейкой, где лежат уже приготовленные *dramatis personae*[93], которые двигаются с помощью нитей. Рядом третий участник, перед которым стоят тарелки с пищей и курениями. Он, пожалуй, является главной персоной, которая должна сопровождать спектакль попеременными жертвами. И еще произносить заклинания. * * *

Когда мы попадаем в сферу влияния чужой культуры, как здесь — малайской, то первое впечатление оказывается сильнее, чем то, которое мы получим в результате долгого пребывания и изучения. Внезапность, «*le coup de foudre*»[94], потрясает душу.

Здесь это был солярный блеск с его покоем и сверканием и одновременно сильным, угрожающим демонизмом, непредсказуемым нападением, как нападение тигра из камышей. Индуистская основа дремлет и просыпается под наслоениями, привнесенными Буддой, Мохаммедом и Христом, арабскими и европейскими завоевателями. Этот мир с исторической и литературной точки зрения считается двойственным. Коррупция относится к правилам игры, более того, является удовольствием; только европеец гибнет от нее как от болезнетворного микроба. Джозеф Конрад настолько точно схватил ее в своих романах, что даже их чтение помогает перенести эту инфекцию. * * *

Я надеялся, что Александер сводит нас в один из китайских ресторанов, куда зазывают вывески с ярко-красными крабами. Он же посчитал более уместным поехать в большой, построенный в колониальном стиле 1880 года отель, в чрезвычайно высоком обеденном зале которого прислуживала вереница китайских официантов. Картины, висевшие там, тоже соответствовали эпохе: площадь Святого Марка в Венеции, *faraglione*[95] на Капри и, предназначенный, видимо, для охлаждения взора, портрет Наполеона на Березине. «Crabs» мы все-таки получили; после того как мы расправились с адски острым супом, они были фламбированы рядом со столом.

Но прежде — в маленькой современной мечети на речном берегу. Сняв обувь, я прошелся там между группами спящих, беседующих и молящихся. Мне снова бросилось в глаза, сколь основательно устраиваются здесь посетители. В рамадан, как мне случилось наблюдать в Дамаске, это превращается в почти непрерывное присутствие.

В саду мечети отдельные могилы, между ними кусты цветов, среди которых самая большая орхидея из когда-либо виденных мною: вытянутая на манер наших вечнозеленых роз, орхидея-ванда с сотнями цветов, свисающих фиолетовыми метелочками. При виде ее мне пришел в голову диалог, который много лет назад состоялся у меня с Доном Каписко[96], когда мы рассматривали похожую метелку в витрине цветочного магазина в Штеглице.

«Взгляните на нее — разве это не максимум эротической силы?»

«Да, отвратительно», — ответил он. * * *

После трапезы — к Банту-Кавес, большим сталактитовым пещерам в окрестностях столицы; слово *bantu* по-малайски означает «камень». Более трехсот ступеней ведут вверх к скалистой вершине. Внизу индийские нищие собирали милостыню в латунные тарелки.

Штирляйн и Райнхард (так зовут стюарда) предприняли подъем, в котором я не участвовал, поскольку обнаружил внизу небольшой пруд, флора и фауна которого сулили мне многое — ожидание, которое не разочаровало. Здесь же летал китайский скакун[97]. Я принес из машины сачок, хотя солнце палило так жарко, что я, что случается редко, по возможности держался в тени.

Дальше перед нами предстало природное зрелище: пятиногий буйвол, который пасся на лугу. Пятое бедро кожистым пузырем прикреплялось на высоте лопатки; нога вяло свисала вниз и заканчивалась копытом, которое, поскольку оно не использовалось, выросло до ненормальной длины. Как и большинство таких аномалий, эта тоже вызвала смешанное чувство изумления и отвращения.

В надежде на освежающее купание мы через тропический лес по скользким тропинкам поднялись к водопадам храмового парка. Как будто шел дождь или в теплице с высоких деревьев на папоротники капала вода. Водопады — одно из излюбленных мест для загородных прогулок жителей Куала-Лумпура; лес был наполнен мелодиями их транзисторных приемников. Какой-то студент, черный, как ночь, раскачивался на лиане над ущельем. Я видел, как при приземлении он часто жестко падает на камни; его тело, казалось, было эластичным и нечувствительным, как тело резиновой куклы.

На вершине мы достигли гранитного бассейна, в котором собиралась низвергающаяся вода. Купание было свежо и прохладно. Становиться под такие струи небезопасно, потому что они могут нести с собой камни; тем не менее, мы несколько раз рискнули подвергнуть себя этой процедуре.

На гладкий гранит котла налип какой-то темный покров. При ближайшем рассмотрении обнаружилось, что состоял он из головастиков. Показалось странным, как они могли здесь держаться; взяв одного в руку, я увидел, что его тело обладало полостью для присасывания. И не только в нем природа додумалась до этого трюка — личинки стрекоз, крошечные лягушки и прочие существа держались точно так же. Удивительный пример того, как среда, особенно опасная, унифицирует виды и расы. Однако ж лишь в габитусе. * * *

На борту мы встретили наших американцев, две супружеские пары, которые были постоянно заняты бесконечной игрой в бридж, если только не выходили в гавань для *shopping*. Штирляйн предположила, что это могло бы стать неплохим началом романа — например: «Две супружеские четы преклонных лет из Флориды, устав от бесконечной игры в бридж, отправились в кругосветное путешествие».

Впрочем, они всегда достигали цели благодаря любезности, основанной на воспитании или богатом жизненном опыте. Они искушены в искусстве легких, приятных контактов. Например: «Одежда, в которой вы были вчера — *it was very, very nice*[98]». Или как только что: «То, что вы взяли с собой в Куала-Лумпур молодого стюарда — *that was a wonderful idea*[99]». * * *

Сегодняшнему человеку хватает недостаточного и даже отвратительного, более того, он этим восхищается. С этим можно было бы примириться, когда б он ценил достаточное, а его-то он как раз ненавидит. Его предшественники — футуристы. Взорвать Венецию, чтобы уничтожить образец, было одним из их сокровенных мечтаний[100]. То, что казалось парадоксальным тогда, тем временем претворилось в жизнь недраматическим, почти незаметным образом — архитектурно, литературно, теологически — куда ни глянь. Стирание городов бомбами было лишь подтверждением этого, жестокой аббревиатурой.

Разгрузка и погрузка — это своеобразная потеря. На сей раз нам выпал выигрышный билет, поскольку количество товаров оказалось таким большим, что «Гамбург» простоял на якоре в порту Суэттенгема еще почти до вечера.

Вчера я заметил для себя тропинку, совсем близко от гавани уводящую в заросшие лесом болота. Рано утром мы снова отыскали ее, и таким образом я смог осуществить одно старое желание: однажды пройти пешком по мангровому лесу, а не только смотреть на его бледные скелеты, проезжая мимо.

Сначала, правда, показалось, что обрадовался я слишком рано. Тропа вскоре оборвалась в весьма неудобном месте, у огромной мусорной кучи, на которой вороны и бездомные собаки возились с отбросами. К счастью, оттуда вдоль илистых ручейков тянулась заросшая камышами полоска песка. Мы могли медленно подниматься и спускаться по этому выступу, время от времени присаживаясь на песок, чтобы спокойно созерцать лес, воду и иловые отмели. Оно того стоило.

К наслаждениям подобного обхода относится нахождение понятий в созерцании, их осуществление в пластическом настоящем. Обо всем, что предлагалось взгляду, я уже читал в путевых описаниях и трудах по ботанике, слышал на лекциях и докладах. Теперь в этот костяк вставлялись предметы; бледная абстракция превращалась в цветную картину.

Так вот, здесь были бесчисленные крабы, большие и маленькие; при малейшем нашем движении они семеняли в свои укрытия. Поперечным движением они торопливо пробегали по песчаной отмели — существа из фарфора, выставившие вверх синие и красные клешни. Тут были стоящие на ходулях кусты и деревья с жесткой, напоминающей лавр листвой; за едва уловимыми различиями в окраске таились многочисленные и очень разные виды. С деревьев капала вода. Тут же висели и плоды, уже созревшие эмбрионы, изящные, зеленые торпеды с венками ресниц, которые гарантировали вертикальное падение. Я смог взять их в руку. И в самом деле: они, должно быть, глубоко врезаются в почву и быстро пускают корни, чтобы удержаться при постоянных отливах и приливах. Наконец, здесь были и рыбы, которые дышат легкими и взбираются на голые корни; когда я шел вдоль берега, они, как лягушки, шлепались в воду и ускользали прочь, будто лодки.

То был странно половинчатый или удвоенный мир, царство земноводных существ после всемирного потопа или в лагуне каменноугольного периода. Ил был средой их обитания. Некоторые из этих созданий вышли из воды, другие хотели туда вернуться. И Протей был во всем, витал в воздухе, как будто становление то концентрировалось в одной точке, то становилось безвременным и растворялось в жизненном потоке: в восходящих испарениях, которые смешивались с падающими каплями, в бурлении и кипении водоемов, в извержении крошечных кратеров из иловых отмелей — тысяча признаков скрытой, едва уловимой органами чувств деятельности. И все опять смолкало. * * *

К этому нужно прийти. Детальное знание скорее вредно, даже разрушительно. Проницательные мозги проложили трассу, которая сковывает дух, переводит его на экономические и технические рельсы и вредит знанию, преследующему более высокие цели. Художник, поэт, возвысившийся над материалом знания мыслитель должен одновременно больше и меньше, он должен видеть другими глазами.

Художник, который, например, хотел бы дать идею болота, должен избегать подробностей, или, если он приводит их, понимать их значение; о тайне нужно догадываться. Здесь есть маленькие и огромные тупики. Фридрих Георг: «Чем больше нарастает проницательность, тем больше исчезает смысл». * * *

В письме Монике Озоно: «Что касается мавританцев, Вы на верном пути.

Мавританец: выросшая из почвы (автохтонная) власть утратила свои корни; теперь она имитируется математически-интеллектуальным способом, подменяется псевдоморфозой.

Аладдин — настоящий (наивный) властитель. Поэтому мавританец не может без него обойтись. Смотри также Ставрогин (Аладдин) и Степан Степанович (мавританец). Мавритания также крайняя римская провинция. („Пустыня ширится“.) Но мавританцы больше, чем чистые техники. Смотри их отношение к „точечной должности“, чисто техническому учреждению в „Гелиополе“.

В отшлифованном виде „Гелиополь“ предстал в десятом томе моего полного собрания сочинений. Необходимо, пожалуй, провести сравнение со старой редакцией. Мавританцы в тесном кругу радуются известному уюту. Смотри „Изобретатель“ („Сердце искателя приключений“, вторая редакция) или еще завтрак в „Голубом пилоте“, равным образом прохождение мимо выставленного Ландфогтом трупа. Проконсул в „Гелиополе“ воплощает последнюю легальную власть, Ландфогт — чистого техника. Мавританцев можно везде обнаружить на вершинах (или невидимыми за ними), они занимаются „высшей математикой“».

СИНГАПУР, 20 ИЮЛЯ 1965 ГОДА

Утром корабль встал на рейде Сингапура. У нас была короткая остановка; на обратном пути должно быть иначе. На сей раз для Львиного города есть только три часа. В таком случае лучше всего посетить самую высокую точку, чтобы увидеть панораму. Здесь это гора с двумя высокими радиомачтами. Оттуда можно хорошо обозреть город и остров, а также гавань, которая идеально сочетает размеры и безопасность. Если Наполеон назвал гавань Ля Специи достаточно вместительной для всех военно-морских флотов Европы, то здесь можно распространить это мнение на флоты всего мира.

Во всяком случае, мы составили несколько более или менее полезных впечатлений о городе. Нашим водителем был дородный китаец по имени Питер, который обладал опытом и знаниями. Он удивительно много знал об исторических, этнических и социальных хитросплетениях, а также о зданиях, мимо которых мы проезжали, и их архитектуре. При этом его не нужно было заставлять говорить, свои проезды через невероятную толчею машин и людей он сопровождал непрерывным монологом. Его формулировкам была свойственна непреложная уверенность; они звучали одновременно вежливо и авторитетно. Это напомнило мне мышцу, которая, сначала мягкая и эластичная, становится все тверже и тверже, не изменяя своего существа, — но сверх того порождая догадку о том, что она способна еще на совершенно другие вещи.

В области ботаники он тоже оказался сведущим человеком; он называл имена деревьев, кроны которых возвышались над стенами садов, среди них равеналу, сразу бросившуюся мне в глаза: дерево путешественников[101]. Оно раскрывает гигантские листья правильным веером. Это дерево росло и перед виллами, и в Ботаническом саду, который мы пересекали, и всякий раз оно обращалось ко мне словно щеголяющий распушенным хвостом павлин.

Иногда я представляю себе, что растения «входят» в образ. Семейство Musaceae[102] предстало бы тогда в трех ипостасях: как муза, кормящая народы бананами, как стрелиция [103], цветок райской птицы, и как эта равенала, дерево путешественников.

Невдалеке от Ботанического сада находится музей жадеита[104], который мы с

удовольствием посетили бы, поскольку его собрание экспонатов, созданных из этого столь ценного повсюду китайцами камня, считается красивейшим в мире. Мы надеемся увидеть его на обратном пути.

По некоторым улицам китайского квартала мы могли проехать только в темпе улитки, поскольку люди образовывали почти сплошную массу. Навстречу нам протискивались ручные тележки, рикши и машины, от которых приходилось уклоняться в щели между торговыми лотками. Несмотря на то что солнце заслоняли плотные драпировки развешенного белья, флажки с надписями и рекламой, было очень жарко.

Мистер Питер, любезно, но непоколебимо исполнял здесь один мастерский трюк за другим. Сейчас он остановился и предложил нам выйти; очевидно, предстояла особенная сенсация. Между прилавками, на которых были разложены не поддающиеся расшифровке даже для опытного глаза продукты животного и растительного царства, он провел нас к какому-то балагану. Еще сидя в автомобиле я обратил внимание на высокую мачту, с которой почти до земли свисал узкий вымпел.

Когда мы достигли места, я, правда, сперва малость оторопел, как перед пугающей картинкой-загадкой, от того, что здесь предстало моим глазам. Висевшее на мачте было не вымпелом, а гигантской вздернутой змеей, питоном, без головы и с распоротым животом. Преодолев испуг, я разглядел подробности. Питон был отличительным знаком торговца рептилиями, который предлагал на продажу все, что добывалось на болотах его ловцами. Странная дичь была разложена на его прилавке и спрятана под ним — целиком и кусками, живая и разделанная.

Я снова увидел здесь пеструю гадюку из храма Змей, а также маленьких крокодилов и плоских черепах. В клетке содержалось какое-то косматое животное, которое я затруднился классифицировать зоологически и которое мистер Питер назвал fox. Экземпляр, за который сотрудник иного зоопарка вывалил бы столько золота, сколько весит сама зверушка, наверняка предназначался для кастрюли.

Кроме нас перед стойкой не видно было ни зевак, ни покупателей. Вероятно, лишь немногие могли себе позволить эти деликатесы: изысканная пища для пиров.

Почему живодерня производит здесь такое сильное впечатление? Должно быть, потому, что эти существа у нас на родине считаются несъедобными: черепаху не подают на стол в таком виде, да и лягушка уже сомнительна. Разрезанные, они заставляют вспомнить о нарушенном табу, о чем-то «нечистом» в смысле иудейских предписаний. Когда все считается возможным, до каннибализма, кажется, остается один лишь шаг.

Нам привычен вид наших мясных магазинов. Чтобы догадаться о стоящих за всем этим страданиях тварей, требуется иная перспектива, отчуждение, какое несколько лет назад суровой зимой я испытал на мосту через Дунай в Ридлингене: мимо проезжал грузовик, нагруженный животными, которые были лишены голов и ободраны, и вытянули в воздух красно-синие замороженные ноги. При этом, словно молния, ошеломляющее чувство, будто очутился на какой-то злобной планете.

Черепахи были положены на спину и, пленники собственного панциря, двигали ногами точно часовой механизм. Они могут пробыть в таком положении довольно долго, и потому на парусных судах служили живым продовольствием. Здесь природа ради надежности пожертвовала свободой. Я спрашиваю себя, что происходит, если одна из них падает на спину на морском берегу. Китаец держит взаперти населяющих страну животных, потому что они более выпуклы и легче могут переворачиваться.

Но, проклятие, отote, что же это такое? Я хотел бы избавить Штирляйн от ужаса, да только она уже его увидела. Белый холмик мяса и внутренностей на середине стола увенчивает

что-то красное, как вишня или земляника. Это — сердце, и оно пульсирует в ровном, медленном ритме, в каком черепаха двигает ногами — верное сердце; оно посылает посмертные сигналы.

Я увлек Штирляйн на противоположную сторону узкой улицы и купил ей там охапку орхидей, длинные, многоцветные метелки; они были так же дешевы, как у нас полевые цветы.

Я пытался уснуть, а в ушах все стоял гнетущий стук того сердца. Так в разбитом зеркале еще созрывает некогда могучее знание, еще живет могучая уверенность.

НА БОРТУ, 22 ИЮЛЯ 1965 ГОДА

Я отучаю себя от известных наивностей с большим трудом. Когда снова приходил кто-то, раскладывал свой мусор *in politicis, in litteris, in moralibus*[105], и все приходили в восторг от его благообразия и аромата, у меня возникало, напротив, две догадки:

Во-первых, я все же мог обманываться относительно сущности всех этих речений. Возможно, в них или за ними что-то и было, о чем судить подобающим образом мне мешал как раз мой скепсис. В пользу этой догадки говорил неистовый фанатизм этих людей, их интеллектуальное сочувствие всему, что не относится к «элитному», их благоговение перед своими подозрительными святыми. Очень хотелось бы знать, откуда эти малые черпают такую убежденность.

Во-вторых, я допускаю, особенно *in politicis*, наличие иронии или хотя бы маккиавеллиевской сдержанности, на которую они будут ссылаться потом, лет через двадцать, когда начнут пресмыкаться перед новыми кумирами. Я испытал власть банальностей и испытываю ее по сей день. Искусство, даже в мусическом смысле, заключается не в том, чтобы преодолевать их, а в том, чтобы более или менее вежливо их обходить.

Опять же не следует отрицать, что в духе времени скрывается еще и другое качество, отличное от того, что выражает политическая воля и ее лозунги. За тем, кто совершает деяние, стоит дух времени, а за последним, если угодно, мировой дух или чистая эволюция. Тот, кто совершает деяние, получает задание из вторых рук. Поэтому результат эволюции станет видимым не в отдельной партии или в том либо ином носителе воли, а в стечении обстоятельств.

В крупных политических явлениях с их кризисами и конвульсиями действует стихия, которая увлекает с собой даже тех, кто ей сопротивляется, что заставляет вспомнить о природных катаклизмах и могуществе богов.

МАНИЛА, 24 ИЮЛЯ 1965 ГОДА

Утром корабль встал на якорь на рейде Манилы; однако на сушу мы сошли только во второй половине дня.

Большие портовые города, даже в тропиках, становятся все более похожими на европейские. Они уравниваются в одежде и циркуляции жителей, фронтами высотных зданий и, прежде всего, в бесконечно текущей ленте транспортных средств. В Маниле сюда добавляется то, что она как феникс возродилась из пепла; наряду с Варшавой она считается наиболее

сильно разрушенным городом мира. Конечно, здесь это особенно заметно, поскольку землетрясение один или несколько раз в столетие начисто сметает все прежнее. Мы, слава Богу, смогли убедиться в этом только теоретически, когда посетили построенную в пышном колониальном стиле церковь святого Августина. Благодаря своему тяжелому цилиндрическому своду она, как мы прочитали на бронзовой табличке, оказалась единственной, которая перенесла тяжелые earth-quakes[106], опустошавшие город со времени ее постройки.

Избежал разрушения и мощный, построенный испанцами для защиты гавани форт. Часть длинной крепости пострадала во время последней войны от обстрела, когда американцы отвоевывали остров обратно. Японцы обороняли дом за домом. В форте нам также показали каземат, подобие black hole of Calcutta[107], в котором из-за жары и недостатка воздуха погибли триста пленных американских офицеров.

Несколько помещений форта оборудованы под музей филиппинского борца за свободу Ризаля[108], в возрасте тридцати пяти лет расстрелянного перед одним из валов, после того как испанский военный трибунал приговорил его к смерти. До этого времени он занимался изучением теологии, юриспруденции и медицины в азиатских и европейских городах, в Гейдельберге и Берлине, а также практиковал в Гонконге как окулист.

Молодой экскурсовод показал нам памятные вещи: тюремную камеру Ризаля, рукописи, переписку, в частности, с немецким профессором Блюментриттом, среди прочего о бабочках; картины, среди них одну, живописующую экзекуцию. Физиономии солдат, лежащих с винтовкой наизготовку, как подобает ситуации, злые. Они напомнили мне изображение расстрела Максимилиана Мексиканского. Такой тип людей на земле старо-испанских колоний встречается довольно часто; должна иметься какая-то связь между континентами, которая создает эти бледно-желтые лица с широкими скулами и колючим взором. Здесь я видел их только разрозненно, но в южноамериканских республиках, должно быть, имеются целые города, в которых чувствуешь на себе такой взгляд.

Ризаль был осужден на основании написанных им романов и политических статей, из-за которых его посчитали духовным отцом мятежа 1896 года — или его «первопроходцем», как имеют обыкновение выражаться сегодня. На Филиппинах его почитают как героя борьбы за свободу, вот и экскурсовод снова и снова повторял: our hero[109]. Ему поставлено в стране много памятников, но, хотя его узнают сразу, он имеет одно из тех лиц, которым трудно придать устойчивую форму, будь то в идеальном или реальном восприятии.

Я хорошо представлял себе эту жизнь, его скромность, его сильный, однако малопонятный жест, его жажду знания и свободы, его веру, его надежды. Я знал много таких и восхищался ими; сегодня, когда я о них вспоминаю, мне, как в закрытой от мира тюрьме, боль сдавливает горло. Занд, Хофер, Шлагетер[110]. Сперва ты расплываешься кровью и жизнью, потом приходят совершенно другие, извлекают из этого прибыль, и в итоге появляются памятники. *
* *

В президентском дворце. Он стоит на берегу реки посреди парка, усаженного королевскими пальмами и гигантским кустарником. Начальник караула дал нам солдата. Он провел нас даже по внутренним помещениям, где элегантно одетая публика дожидалась появления президента, который потом все-таки прибыл и непринужденно принимал почести. Повсюду часовые — как в парке, так и во внутренних покоях дворца, все вооружены и снабжены переговорными устройствами.

К могилам. Старое испанское кладбище уже не используется и служит парком. Оно было заложено в 1822 году во время эпидемии холеры. В плане оно похоже на обрамленный листьями кроны цветок; главная арена веером разворачивается в боковые кладбища. Все отделения, до самых ворот, обнесены темными каменными стенами. В их ниши задвигались

гробы, многие тысячи; при закрытии кладбища их удалили. Это, как я заключил по датам на нескольких сохранившихся мраморных табличках, произошло, должно быть, около 1911 года. Ныне у меня создалось впечатление опорожненных сотов или гигантской челюсти, из которой выломаны пломбы. Тем не менее, после горячей суতোлки большого города прогулка в тени филодендронов и деревьев, с буйными зарослями орхидей между ними, принесла свежесть; было мирно и тихо. * * *

Потом мы поехали вверх на американское солдатское кладбище. Здесь покоится, должно быть, тысяч шестнадцать. Могилы окружают большими секциями возвышенности в форме звезды; на них стоят кресты из каррарского мрамора, кое-где попадаются тюрбаны или звезды Давида. Белизна этих стел ослепляет на фоне зелени ухоженного газона, по которому шагаешь, как по ковру. На всех указано имя, дата смерти и номер. Каждый неизвестный упомянут тоже, и хотя я обошел лишь малую часть кладбища, мне пришлось часто читать такой текст:

ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ

ВО СЛАВЕ

ТОВАРИЩ ПО ОРУЖИЮ,

ИЗВЕСТНЫЙ ЛИШЬ БОГУ

Тихо было там наверху, не слышно даже самолетных шумов. Но в самом устройстве кладбища, при всей заботливости, которая была видна повсюду, заключалось что-то трансцендентное, оно было словно знак на вымершей планете, который должен светиться издалека.

К сожалению, близился закат, и ворота должны были запереть; поэтому мы смогли лишь ненадолго задержаться в мемориале на самой вершине холма. Если мы останемся в Маниле достаточно долго, я хотел бы еще раз посетить это место.

Собственно героон, напоминающее сторожевую башню строение, украшен рельефами в псевдоархаичном стиле, аналогичные можно увидеть на обращенной к Эйфелевой башне стене Трокадеро. Над павшим — три высокие женские фигуры, ближайшая к нему — фигура Отечества, которая его поддерживает, над нею фигура Справедливости, и еще выше — третья, задуманная, возможно, как Материнское божество.

Фойе с выложенными мозаиками: изображения операций, которые привели к потере и к возвращению Филиппин. Архипелаг насчитывает более семи тысяч островов; тут была проделана жестокая работа на воде, на суше и в воздухе — чего это стоит, мне показали могилы. Теперь я прошел крытой галереей, которая, точно страницами каменной книги, разделяется опорными стенами. Каждая из них сверху донизу покрыта именами павших. Число их гораздо больше, чем число покоящихся снаружи; сюда входят пропавшие без вести, перевезенные на родину, утонувшие в море, умершие в плену. Сколько глаз просмотрело уже этот каменный список в поисках того или иного имени? Я искал свое между «Юнг» и «Юнкер», но не нашел его.

В общем и целом у меня сложилось впечатление достойного чествования и чистой, незапятнанной совести, стоявшей за этим. Я имею в виду не невозмутимую совесть солидных обывателей, а правосознание, которое доступно и побежденному — причем даже тогда, когда он придерживается иного мнения относительно фактов.

Через обширные, ухоженные пригороды назад. В частных садах время от времени встречается королевская пальма и дерево путешественников. Мне пришло в голову, что все-таки я его уже видел раньше, а именно — в иллюстрированной ботанике своего деда.

Такие картины всплывают точно из снов. Виллы богачей в тропиках окружены настроением ленивого удовольствия; даже проезжая мимо невольно разделяешь его.

Позднее в каюте прочитал еще «The First Filipino»[111], объемистое жизнеописание Хосе Ризалья; оно составлено Леоном Гуэрреро. В качестве эпитафии цитата Уинстона Черчилля, оказавшаяся для меня новой: «Grass grows quickly over a battlefield; over the scaffold never» [112]. Это, к сожалению, верно. Оно касается и собственного прошлого, и мучительных воспоминаний.

Я попытался наглядно представить некоторые эпизоды — например, разговор Ризалья с командовавшим расстрелом офицером. В истории испанских колоний взаимодействие национализма и монашества носит особенно гадкий характер; но имеются исключения.

Офицер потребовал, чтобы Ризаль встал к взводу спиной, то есть как предатель, и упрямо настаивал на исполнении отданного им приказа. Наконец Ризаль уступил. Ответ его был, вероятно, таким: «Или вы отмените приказ, или войдете в историю как свинья».

Такие споры типичны для XIX века — маршал Ней отказался встать на колени, не дал завязать себе глаза. Рыцарство проявляется вплоть до наших дней, хотя оно, в сущности, умерло уже в XVII столетии. Оно было знакомо Сервантесу, Ариост оставил о нем блестящую память. В эпоху равенства сталкиваешься уже не с равными, а с анонимами; уважительное обращение исчезает. Ведь даже презрение еще предполагает адресата.

Безымянно и собственное умирание; нужно только договориться с собой. Получаешь не памятник, а становишься частью «памятника жертвам...», которые устанавливаются победителями.

Это манильское кладбище — должен сказать, что здесь, возможно, в последний раз, еще что-то присутствует от культа мертвых. * * *

Черчилль, вероятно, подразумевал эшафот Карла I[113]. Это был еще XVII век — здесь, а не на площади Согласия, закончилась легитимная монархия.

МАНИЛА, 25 ИЮЛЯ 1965 ГОДА

Зов «назад к природе» встречает в таких путешествиях два мощных препятствия. Сначала нужно преодолеть не только огромные гавани, но и обширные пригороды. А туземные водители мыслят в другой системе ценностей. Вследствие этого можешь быть абсолютно уверен, что попадешь в гостиницу-люкс. Если ты выражаешь желание поплавать, то тебя отвезут не на берег моря, а в swimming-pool[114] какого-нибудь шикарного клуба. Трудности перевода довершают дело. В итоге адепты смиряются и довольствуются предложенным:

«Злой дух какой-то вел тебя кругами,

Хотя окрест лежит зеленый, славный луг».

Так размышлял я, когда сегодня утром мы проехали по рисовым полям и густым лесам, так и не решившись сделать хоть шаг пешком. При этом я второй раз восхитился китайской невозмутимостью. Альфонсо был не таким чистокровным, как Питер, но таким же вежливым и

совершенно не теряющим уверенности. Раз, наверное, тридцать я пробовал остановить его в том месте, которое мне понравилось, — он либо просто катил дальше, либо тормозил где-нибудь по своему выбору, и всегда там, где мне не нравилось. При этом у него была шкала категорических обоснований:

«No good».

«No recommended».

«Danger».

«Impossible».[115]

Это повторялось, и его упорство представлялось мне эластичным сопротивлением сильной пружины; при этом всегда сохранялась вежливость.

Ну, хорошо, мне пришлось смириться. И без того было на что посмотреть — например, на рисовые поля широкой равнины. По ним вброд ходили мужчины и женщины, легко одетые и в похожих на зонт шляпах. Одни боронили, другие пахали, третьи быстрыми, порывистыми движениями сажали растения. Одновременность этих работ объяснялась тем, что выращивались сорта, которые созревают в разное время.

При этом водяной буйвол является незаменимым спутником человека, в болотах он чувствует себя как дома. Если удалить его от воды, он погибнет. В Египте животные казались мне более сильными и неуклюжими, или там они не находились непосредственно в своей стихии, как здесь на рисовых полях. Несколько раз я видел, как хозяин обливал своего буйвола водой, а потом как животное служило ему для верховой езды без узды, наконец, видел детей, которые животом вниз укладывались спать у буйвола на спине.

Это полезное существо красиво в каждой позе, в каждом движении — особенно когда оно с вытянутой вперед шеей слегка откидывает голову, и лунный серп рогов ложится ему на спину. Так он отдыхает в воде и в болоте. Исконная сила великого символа связывается с многотысячелетней культурой. Еще Лао-Цзы уезжал на запад на черном буйволе.

Задолго до него, задолго даже до Гесиода, крестьянин пахал, сеял и пожинал здесь одним и тем же способом, способом, который вскоре исчезнет перед натиском нового мирового стиля. Рис — это хлеб. Водяной буйвол как бы содержит в миниатюре всю картину: куда ни глянь, всюду приятные глазу островки зелени. Как после всемирного потопа, кажется, земля снова покрывается растительностью; ил полон силы брожения. На этой почве могут произрастать стихи. А европеец ко всему прочему еще и вспоминает свое раннее детство, первые книжки с картинками и фигурки на банках с китайским чаем.

Банановые рощи, посадки кокосовых пальм и других деревьев, плантации, которые вокруг деревень становились светлее и вдоль реки граничили с густым лесом. Кусты цитрусовых. С тонких прутьев зелеными шарами свешивались плоды. Вокруг стволов плотной бахромой созревала папайя. * * *

За всем этим я чуть было не позабыл о бамбуковом органе монастырской церкви Лас-Пиньас, возле которой мы сделали остановку. Но мы подгадали удачно; на знаменитом инструменте, похожем на собрание пастушьих свирелей, как раз играла изящная, одетая в белое монахиня, с плеч которой ниспадало черное одеяние. Звучание было чистым и полным, это, видимо, объяснялось тем, что бамбук можно сильно высверливать. Так преимущества дерева соединяются с преимуществами металла. Стержни требуют тщательной подготовки, в том числе долгого выдерживания в горячем песке. Землетрясения неоднократно ломали инструмент.

Я зашел с обратной стороны органа и смотрел за игрой поднимающихся и опускающихся клапанов. Старая мысль: в мире глухонемых нельзя было бы услышать хорал, но можно было наблюдать эту механику. Остроумные головы могли бы сделать из этого разные выводы. Они могли бы, хотя у них отсутствует слух, напасть на след звуковых волн и извлечь из своего знания пользу, даже наслаждение.

Опасная мысль, поскольку она ведет в абстрактный мир наших измерительных искусств и кодировок. Здесь следует проводить различия; святой Франциск мог бы проповедовать и глухонемым, так, как он делал это рыбам. Он улыбается и двигает рукой; розовый куст начинает цвести. Но людей сегодняшних, даже если они могут слышать и видеть, проповедь не затрагивает.

При случае выкручиваются, ссылаясь на Рембо, Бодлера, Ангелуса Силезиуса, на чудо мангового дерева. Говорят, что умирающие слушают не неземную мелодию, а вслушиваются в неслышимое. * * *

Когда бы не знал, что они действуют по поручению, был бы убежден в близком и желательном конце. А так воспринимаешь это как смену декораций. Опустошение мира до самых дальних уголков очевидно. * * *

Нашей целью было Таал-Лэйк, озеро, образовавшееся в жерле огромного вулкана. Как остров в нежнейшей зелени из него поднимается купол. Памятник извержения 1911 года, которое уничтожило четыре деревни. Разумеется, здесь тоже уже близки к осуществлению проекта связать озеро канатной дорогой с большим, уже построенным отелем.

После того как мы с самого края обрыва долго рассматривали кратер, начался дождь, и мы отправились обедать, с нами я пригласил и китайца, хотя он того не заслуживал. Мороженое подавалось в половинках кокосовых орехов, в чаше которых молоко как раз образовывало нежную пленку. Меня все снова и снова удивляет остроумное устройство этого плода, когда я вижу его в поперечном разрезе. Твердая, как камень, кожура с крепкими запорами, кажется, рассчитана на длительное хранение, даже в морских переходах; плотная мякоть плода — провиант, толстый волокнистый покров служит плавательным поясом. Таким образом, они созданы для пересечения огромных морских пространств, для заселения архипелагов и одиноких атоллов или даже вулканов, которые появляются в Тихом океане. * * *

Уже запоздно у мистера Харта и его супруги-китайки в одном из элегантных кварталов, которые, как я обратил внимание, охраняются вооруженными постами. Безопасность вообще играет большую роль; так во всем городе окна и двери защищены крепкими решетками. При том строительном буме, который бушует здесь не меньше чем всюду, вывоз мусора, очевидно, разладился, или бастуют водители; во всяком случае, вдоль улиц тянулись горы отбросов. Поэтому нет недостатка и в крысах; я видел, как они шмыгали в луче фар.

Мы принесли с собой коробку шоколадных конфет для двенадцатилетней дочери Кэнди. Она еще делала домашнее задание, ребенок в очках, и появилась лишь на минутку. Очки — символ интеллектуальности; редко когда студенты и студентки их не носят. Они кишат кругом на улицах и площадях, не в форме, однако все одинаково одетые в белую рубашку и темно-серые брюки, девушки точно в таких же блузках и юбках. Позавчера я остановился перед одним из входов в университет, тоже хорошо охраняемым. Получил представление об астеническом типе филиппинца и его вариантах. Гипертрофированный рост интеллектуалов выглядит здесь особенно тревожным. Перспективы на получение должности неблагоприятны.

А вот недостатка в handicraft[116] еще нет, ибо за то время, пока мы вместе сидели за аперитивом, периодически появлялись три одетых в синее полотно служанки и предлагали лакомства. На кухне между тем тоже, должно быть, что-то готовилось; через два часа нас

провели к столу, богато уставленному закусками.

Хозяйка дома была так любезна, что перевела мне китайскую надпись, изображенную на стенном панно, или, скорее, передала ее содержание. В этой надписи мне особенно понравился иероглиф, означающий «середину».

Мистер Харт является представителем пароходной компании, его нам порекомендовал Вернер Трабер. Он интересуется историей, специализируется на Первой мировой войне и, как шахматист каждый ход классической партии, знает развертывание армий к битве на Марне. Он говорит низким голосом, и мы не раз за вечер услышали «World War One».

В числе гостей был полковник Смит, американский военный атташе. Карьера этих офицеров напоминает карьеру римских легионеров императорской эпохи, которым приходилось нести службу то в Германии, то в Сирии или Северной Африке. Прозвучали Гейдельберг, Формоза, Чикаго и другие места. Полковник более трех лет пробыл в Маниле в японском плену — на день выдавалась горсть риса, и на этом баста; в таких условиях умерли бы с голоду, когда бы во время работ на болотах основательно не подкрепляли себя травами и вредными насекомыми.

Везде, где бы ты ни встречался с людьми сегодня, создается впечатление, что авантюрных биографий не только прибавилось, но они стали правилом. Тут человек моего поколения находил больше, чем ожидал и мог переварить; его жажда деятельности утолялась сверх меры.

МАНИЛА, 27 ИЮЛЯ 1965 ГОДА

Двое суток непрерывный тропический ливень мешал нам сойти на сушу. Только вчера во второй половине дня я отважился на два часа выбраться с зонтом наружу. В малайских кварталах в глаза, как повсюду в мире, бросается исчезновение подлинника, утрата возникшего изначально. Или бетон, или музеи; это — одна из причин, по которой я держусь за растения и животных как за вспомогательную силу — там, как в соборах, просвечивает отблеск не только древней, но и вечной родины.

Картину дополняют трущобы и тесные улочки, глухие тупики которых запружены похожими на ящик чуланами. С ними, как и с черным рынком, еще волей-неволей можно смириться, поскольку не хватает ни жилищ, ни тюрем. Но это не только вопрос пространства; в цивилизации остается необходимым что-то такое, что санироваться не может. Согласно Марксу, люмпен-пролетариат неспособен сформировать классовое сознание; он считал недостатком то, что в итоге дает власть — точно так же он недооценил значение коммуны. Мир приводится в движение из бездны.

Последняя претензия на хорошие манеры — белье; эти пристанища оцетинились бамбуковыми жердями, на которых развеваются на ветру дырявые тряпки.

МАНИЛА, 28 ИЮЛЯ 1965 ГОДА

Погода прояснилась. Небо, правда, еще было облачным, однако солнце грело, и земля высохла. Я еще раз поехал на солдатское кладбище. Кроме двух американских дам, навещавших там какого-то павшего, я был один на огромном месте захоронений. Возле

единственного из его крестов, креста на могиле пилота, лежали цветы; видимо, у него сегодня был день рождения.

Я еще раз осмотрел монумент и срисовал его. В наши времена, когда демифологизация почитается заслугой, довольно редко встречается произведение, создатель которого еще знаком с мифическим миром.

Затем я долго пробыл в зале, в котором мозаичные панно изображают операции от нападения японцев на Пирл-Харбор до огненных налетов на Хиросиму и Нагасаки. Космос, как на одном из знаменитых щитов античности, уменьшен до ювелирной работы; грандиозные морские сражения золотыми взрывами сверкают на лазурите.

Здесь я смог исправить ошибку, которую разделяю со многими европейцами, рассматривающими Тихий океан в качестве побочного театра военных действий. Это определенно не соответствует действительности ни пространственно, ни в отношении материальных издержек и человеческого напряжения. Об этом свидетельствовали могилы как с именами, так и безымянные.

Масштаб разумного планирования продвижений на огромных морских площадях и в пределах архипелагов тоже трудно переоценить. «Клещи» должны устанавливаться на воде, под и над водой; морские и воздушные сражения подготавливают высадки десанта. Береговая полоса, утесы, тропические заросли обороняются врагом, который сражается до конца. Разведка затруднена и часто приходится ограничиваться догадками.

Риск и ответственность, ввиду возможности тотальных потерь крупных боевых единиц, чрезмерны. По сравнению с этим даже высадка в Нормандии кажется маневром местного значения. Обо всем этом здесь на маленькой площади, на искусной модели, можно было скорее догадываться. Следовало бы в Вильфлингене заняться этой темой, особенно биографией Макартура. * * *

Обход всей территории, вдоль ограды. Он продолжался три часа; я, впрочем, шел, не торопясь, и часто останавливался. Время от времени мне встречался садовник, который содержал в порядке газон на открытых площадях.

На периферии кладбище использовалось как ботанический сад; тропические растения, в том числе гигантские аронниковые[117], поднимали настроение. Душа отдыхала среди деревьев и цветочных кустов; разные сорта, несмотря на их изобилие, росли отдельно, не терялись, как в девственных лесах. Впервые в жизни я увидел бабочку ornithoptera[118], птицекрыл, с бархатно-черными передними крыльями, на фоне которых выделялись элегантно скроенные, золотисто-желтые задние крылышки. Существо медленно, величественно, как птица-душа, порхая проплыло мимо в этом царстве мертвых. * * *

Вечером еще заглянули в торговые кварталы. Я приобрел вырезанного из железного дерева водяного буйвола; он был представлен в типичной позе с запрокинутой головой. Филиппинцы искусны в таких работах; из больших жемчужных раковин они мастерски вырезают тарелки, ножи, вилки и другую утварь. Я видел магазинчики, где на витринах были выставлены только раковины и домики улиток, и дивился, как когда-то ребенком, что такие сокровища можно купить за деньги.

ГОНКОНГ, 31 ИЮЛЯ 1965 ГОДА

Справиться с каким-нибудь городом гораздо проще, чем прийти к согласию с самим собой; от

этого зависят суждения.

Вчера я ступил на землю Гонконга уже в дурном расположении духа, в предчувствии, что попал в один из больших смесительных чанов, где даже прекрасные или известные из литературы вещи представляются глазу в упадочном виде.

Как часто бывает в настроении дисгармонии, все начинается с отталкивающего, даже ужасного зрелища. Человек, который хотел пересечь широкую набережную, не обращая внимания на сигналы, был сбит мчавшимся на огромной скорости автомобилем. Я услышал удар, увидел, как мужчина, крутясь, подлетел в воздух и грохнулся на тротуар. Самого худшего, похоже, удалось избежать, поскольку через несколько секунд он приподнялся на обеих руках. Потом его обступила группа людей и заслонила от взгляда. Наверно, китаец из сельской глубинки, который подал другим предостерегающий пример.

Это омрачило все мое восприятие города, как покрытое сажей стекло скрадывает свет солнца. В таких случаях только время дает возможность разобраться в себе, пересмотреть внутренние установки. В каких конфигурациях я позволяю протекать в себе времени и пространству? Что воздействует благоприятно, что неприятно? Без сомнения, я особенно чувствителен к бетону. И потому меня, как и во время пребывания в Нью-Йорке, охватила сильная депрессия, поскольку у нее были пространственные причины. Гадко было, помнится, в Ворошиловске, где я жил в здании ГПУ[119]. Война, разумеется, смягчает это впечатление; первоначальный смысл отходит на задний план. Но тогда, правда, докапываешься до стихийного, и становится труднее найти ответ — например, из-за того, что войну считаешь игрой, как было принято во времена Гомера и даже до него. Первую мировую войну я прошел, так и не узнав, как функционирует пулемет. Дважды я просил зачислить меня в летчики, один раз потому, что рассорился с полковником, второй раз *honoris causa*[120], когда обозначился закат империи. Случись это, я покинул бы поприще, где был силен, а отец видел лучше меня; он сказал: «Ты пехотинец и должен им оставаться. Это дело хорошее; пешком всегда есть шанс уйти». Верное замечание, оно по сей день сохраняет для меня силу; сто шагов пешком лучше, чем тысяча километров на самолете или в автомобиле.

Ну ладно, когда знаешь свою местность, а на это требуется время, можно приспособиться. Я живу в Верхней Швабии, где земля и люди еще более-менее в порядке, и неплохо чувствовал себя на Сардинии, где еще знали, каким должен быть мужчина... во всяком случае, до того, как Ага Хан[121] опустошил тамошнее побережье. В путешествиях меня естественно тянет к природе и исторической местности, если та еще сохранила неприкосновенность. Из городов мне наиболее приятен Париж; в этом отношении я соглашусь с Генри Миллером, который считал, что Париж и ужасные города Среднего Запада отличаются друг от друга, как небо и преисподняя.

Можно оправдать себя внутри времени и вопреки ему. Это — право одиночки, который не позволяет кормить себя обещаниями. Загвоздка в том, что моя оценка ситуации этому противоречит. Привязанность живет на островах, понимание — на континенте. Ты волей-неволей вынужден пуститься в дорогу, которая проясняется все более отчетливо. Человек не правит машиной, а прокручивается через нее, как через мясорубку.

Однако вернемся к бетону. Вторая мировая война началась для меня в бетонированных укреплениях[122]. Напротив, земляные и деревянные постройки Первой мировой были еще родными и к тому же надежнее. Теперь, я это предвидел, возможности ускользнуть больше не было; победа тоже стала абсурдной. Смерть была гарантирована; и она была бы отвратительной. С отвратительным еще можно было бы смириться, когда б оно не грозило уничтожением. Мир — символ рациональной жизни и трансцендирующего ее пути. Последний должен находить выражение в Дао строений и ландшафтов.

Из бетона строят для скорости и в предчувствии больших разрушений. Тут есть пристанище,

но больше нет родины — человеческая пустыня, в которой оскудевает вода. Стиль больше не развивается. Это в порядке вещей и изменится только тогда, когда выдохнется прогресс. Тогда изменятся и материалы, ибо форма и содержание всегда стремятся, так же, как покой и движение, опять прийти в равновесие. * * *

Бурный рост целых кварталов высотных зданий в Гонконге удивителен уже потому, что город относится к политически горячим точкам и за одну ночь может перейти в другие руки. Невероятна и скорость, с какой эти блоки эксплуатируются и приходят в негодность. В начале улицы они уже разрушаются, в то время как в конце еще возводятся новые. Непостижимо и количество жителей; я видел в коридорах грозди людей — их будто выдавливали из тюбика.

Ручной труд здесь, очевидно, еще рентабелен даже в тех сферах, где у нас давно доминируют машины. Высотные здания окружены не стальными лесами, но снизу доверху — тонкими бамбуковыми плетениями, которые, будучи связаны веревками, как клетки для сверчков, охватывают все сооружение. Матрица оказывается красивей и изящней продукта. Маленькие строительные детали поднимаются не кранами, а перебрасываются из рук в руки по цепочке рабочих, которые ловко подхватывают их.

Видел я, естественно, и курьезы, известные по путевым заметкам древних и новых путешественников — так называемые «тухлые яйца», в патине которых были процарапаны узоры, уличных игроков, бродячих торговцев, мелкие ресторанчики: следы исходных компонентов, которые еще содержались в растворе. На обочине по-прежнему стояли знаменитые или скорее пользующиеся дурной славой рикши; Гонконг — одно из немногих мест, где ими еще продолжают пользоваться, хотя в работе я их не наблюдал. Наверно, они служат преимущественно ночным гулякам. Здесь, как и всюду, *revolution sans phrase*[123] действует сильнее социальных соображений; моторы оттесняют людей и лошадей с проезжей части и, если те не уклоняются, переезжают их.

Пожалуй, реже, чем раньше, встречались изнуренные насекомоподобной работой кули, но по-прежнему зрелище было ошеломляющим — проходил ли рабочий мимо, неся груз, или сидел на корточках на мостовой: с впалой грудью, глаза не видны, две узкие щелки на изможденном лице. Отраден, напротив, вид матерей, носящих детей на спине; из платка, в который замотаны малыши, выглядывают, как у всадника, ножки. В большинстве случаев они спят, и им наверняка там хорошо; это противоположность американским замыслам растить младенцев в стерильных клетках.

Мы поели в одном из китайских ресторанов и встретили там миссис В., для которой Гонконг оборачивается только своей самой приятной стороной, а именно той, что здесь можно делать *a wonderful shopping*[124]. Для большинства матросов город — тоже большой Санкт-Паули [125] с примесью фольклорной экзотики.

И в самом деле, ни в каком другом месте, даже на голдсуках[126] Дамаска, я еще не видел такого расцвета беспошлинной торговли. Плотнее, чем на цюрихской Банхофштрассе, выстроились вереницы ювелирных, фарфоровых, антикварных, шелковых магазинов, перемежаемые банками, пунктами обмена валюты, роскошными ресторанами. Над ними развеваются флаги и вымпелы, рекламные плакаты и транспаранты.

Среди изделий в китайском стиле в глаза бросаются помпезные штуковины, которые в западноевропейских жилищах производят впечатление гротескных инородных тел: огромные слоновые бивни с мельчайшим, словно муравьями выточенным узором, тяжелая, инкрустированная перламутром и слоновой костью мебель, высокие фигуры, которые кланяются, будто их приводит в движение дуновение ветра. Искусственный жемчуг, шелк, фарфор дешевы, а вот предметы древности дороже, чем аналогичные в Париже на набережной Вольтер. К тому же я не увидел ни одного, который соответствовал хотя бы среднему уровню коллекции Эмиля Прееториуса[127].

Вечером Гонконг, как все миллионные города нашего века, превращается в феерический дворец. К многокрасочным огням моря, домов и горных вершин добавляются двигающиеся огни больших судов, паромов и бесчисленных джонок, жемчужные бусы улиц и мигание маяков. * * *

Созерцание животных — эликсир жизни. На следующее утро мне показалось, что, чем ходить по городу, лучше еще раз посмотреть работу на болотах и водяных буйволов. Это, должно быть, вполне возможно, поскольку Гонконг обладает большими арендными землями, new territories. На карте я обнаружил водное место, казалось, прямо предназначенное для прогулки: водохранилище Тай-Лам-чунг. Я показал его находившемуся на борту агенту туристического бюро, который сказал, что это very far[128]. Тем не менее, пятьдесят долларов, которые он запросил за поездку, показались мне перебором, не считая того, что тогда на моей шее опекуном еще повис бы водитель. Я предпочел отправиться на свой страх и риск. Автобусы останавливались на узловой станции под названием Ferry-Star[129]. Я, вероятно, должен был где-то пересаживаться. От одного из говорящих по-английски полицейских — их видно по красной подкладке погон — мне удалось получить необходимую справку после того, как я показал ему каргу.

Автобусы большие, вместительные, уходят с короткими перерывами и не переполнены. Через три четверти часа я был у цели, у моста Седрик, и притом за пятьдесят центов, то есть за сотую часть того, что требовал от меня агент, да еще и сам себе господин.

В автобусе сидели китайки, ездившие в город за покупками, — напротив меня женщина приблизительно шестидесяти лет, прямая, как свеча, в закрытом до ворота и застегивающемся сбоку платье. Она была погружена в себя и излучала какое-то сверхличное достоинство. Ее неуловимая сила чем-то напомнила мне негритянских детей в Байе[130]. Эту женщину облагородило воспитание, тех детей — природа. Но везде чувствовалась здоровая основа, напрочь утраченная нами. Лица — как на полотнах старых мастеров с их поразительными безумцами и святыми.

Какого-то трехлетнего ребенка укачало и вырвало; на это обратила внимание только его мать. Она начала раздевать его, стянула с него рубашечку и, используя ее как тряпку, тщательно обтерла одежду и тело малыша. Все что нужно, ни одного лишнего движения. Ребенок без плача лежал у нее на коленях, как желтая кукла, мать тоже не изменилась в лице и не проронила ни слова.

Напротив остановки лежала гора песка, которую почти пятьдесят обнаженных кули копали большими лопатами. Один за другим оттуда отъезжали наполненные песком грузовики. На тревожные мысли наводил темп работы; он выглядел неестественным, как будто слишком быстро крутили фильм. Либо здесь работали сдельно, либо, что вероятнее, тут был надсмотрщик, который мог сказать: «Ты можешь отправляться домой!»

Зрелище было удручающим; я обратил взгляд к горам, округлым гранитным вершинам. На склонах наружу проступала голая скала; в выемках, особенно вокруг водостоков, протянулся кустарник. Повсюду росла лантана, das Wandelr?schen[131], неумоимо цветущее растение, гедихиум шарлаховый[132] с пестрыми бархатистыми глазками. Между ними папоротники, вересковые, какой-то похожий на рододендрон куст с фиолетовыми, размером с тарелку, зонтиками.

Первая вершина, которой я достиг, была сглажена слоем цемента, вероятно, для оборонительной огневой позиции. С собой у меня была карта с обозначением границы с красным Китаем; опасности ее пересечь не было. По небу плыли редкие облака, стояла сильная жара.

По ту сторону располагалось пастбище, спуск круто уходил вниз. На отполированном граните

требовалось соблюдать осторожность, особенно там, где он был покрыт водорослями. Я уже приобрел соответствующий опыт в долине Маджиа и в других местах. Соскальзывая, не знаешь, как долго продлится движение. Здесь нужна плотно сидящая обувь, лучше с рифлеными подошвами, какую предпочитают баскские контрабандисты. Но мне удалось спуститься удачно, более того, дорогой я сумел прихватить с собой большого оливково-зеленого жука-бронзовку, *Rhomborrhina*.

Внизу рисовые поля, крестьяне в шляпах от солнца и с водяными буйволами, да несколько коров, пасущихся на береговой полосе. Завершение таких пограничных прогулок в палящий зной всегда одинаково: привал у сооруженной из досок и металлических листов халупы, где черный, коричневый или желтый торговец предлагает на продажу свой запас бутылок и банок. Здесь это была старая китайка, у которой я на языке жестов сперва потребовал бутылку пива, потом бутылку лимонада, который медленно высасывал через соломинку, как один из тех большехоботников[133], что с видимой неподвижностью зависали над цветами лантана, погружая в их чаши свой хоботок.

В песке играли полуголые дети; большая собака неопределенной породы с вывешенным языком чесалась в тени и хвостом отгоняла рои мух. Крайний предел приятного изнеможения был снова достигнут.

НА БОРТУ, С 3 ПО 12 АВГУСТА 1965 ГОДА

Если мы лишь кратко касаемся такой страны, как Япония, вскользь пройдя по ней, как это стало обычным при современном способе путешествовать, то мы, как при первом взгляде на рукопись, больше внимания обращаем на характерные контуры, чем на текст и содержание — скорее на начертание, чем на буквы. Так видишь сны, и видишь ярче, чем толкователи снов. Подлинная сила таится в неистолкованном.

Приведу пример: еще в Гонконге меня изумила власть шрифтовых знаков. Там, по крайней мере в центральных частях города, сбоку почти всегда помещен перевод, выполненный римскими маюскулами. Когда взгляд касается этой комбинации знаков, она напоминает сочетание цветов и веточек: цветы — идеограммы, веточки — буквы. Данное обстоятельство ведет в самую суть различий зрительного восприятия и понятий — в различия, которые неисчерпаемы. В каждом письме скрывается если не большее, то, во всяком случае, еще что-то помимо того, что должно им сообщаться.

Начни я разбирать тот или иной шрифтовой знак, это привело бы к уценке неистолкованного. Я размышлял об этом, глядя из окна поезда на большие разрисованные вывески перед рисовыми полями. Красивые знаки, некоторые из которых напоминали бурбонские лилии, другие — хризантемы, третьи — камышовые хжины, говорили сами за себя. Что бы я выиграл, если бы узнал, что они расхваливают лимонад или марку автомобиля?

Если ты хотел продвигаться дальше, то должен был бы, как один китайский литератор, рисковать жизнью. Для этого у нас есть другие области — мы же снова и снова окольной дорогой знания возвращаемся к красоте истоков. Детство и старость замыкают круг.

То же и с языком — в иностранных портах, почти в упоении, мы слышим в их мелосе не меньше, а больше, чем если бы понимали текст: в последнем случае общее сглаживало бы частности.

Физиономии рисуют нам тип. В невысказанном он действует сильнее, чем в индивидуумах. Он может обостриться — тогда он становится однозначнее. Он приближается, как если бы

мы, рассматривая одну и ту же фигуру, оптимально сфокусировали бы бинокль. Перед зданием полиции в Киото я увидел ряд вывешенных объявлений о розыске и задержании скрывающихся преступников и невольно спросил себя, какой смысл это могло иметь в мире, где все лица похожи одно на другое как две капли воды. Тем не менее, розыскная служба там эффективна, я лишь стал жертвой оптического обмана путешественника.

Тип показывает больше и меньше, чем индивидуальная деталь. Мы воспринимаем лица, как на картине художника, который знает, что один из принципов его искусства заключается в сохранении зазора между ними. Я хорошо понял это в Кийо-таке, провинциальном городке в окрестностях Никко, куда мы поехали с друзьями, чтобы посмотреть ночной танец летнего солнцестояния.

Танец, в котором мог участвовать каждый, по круглой широкой площадке двигался вокруг башни с капеллой. Музыканты, регулярно ударяя в барабан и еще в какой-то звонкий инструмент, вероятно колокольчик, повторяли простой четырехтактный цикл:

«ти — тин — та — тбм».

На танцорах обоих полов были надеты летние кимоно в шахматную клетку, в руках они держали широкополые плетеные шляпы. Они медленно кружились в такт, каждый сам по себе, и время от времени тыльной стороной поднимали вверх шляпы. Шел дождь; мы стояли среди тесно сгрудившихся зрителей под плоскими бумажными зонтами.

Здесь лица, прежде всего лица девушек, становились тем проще, чем больше они погружались в транс: светлые овалы с крохотными носиками, почти без бровей, глядя полузакрытыми глазами вверх и улыбаясь, словно в счастливой мечте, тогда как влажная одежда прилипала к телам, а капли дождя, будто слезы, жемчужинами текли по бледным щекам. Полуночный пруд с кувшинками и раскрывшимися цветами лотоса.

Вторая круглая площадка располагалась рядом почти зеркально. На обеих без перерыва танцевали до изнурения, тогда как капеллы чередовались. Здесь, похоже, не было посторонних; я заключил это из того, что нас пригласили на крытую террасу и там угощали — просто, пивом и жареными бобами, но с изысканной вежливостью. Как я услышал, здесь собрались на праздник горняки.

Повсюду, где еще так танцуют, Земля приветлива, и опасность того, что она вдруг заговорит по собственному почину, начнет выражать свою волю гораздо меньше. * * *

Японский студент сегодня ненавидит войну, вероятно, сильнее, чем молодежь остального мира, не считая китайской. Причины говорят сами за себя. Слово «война» со времени Хиросимы и Нагасаки превратилось в строжайшее табу; и дело не столько в слове, сколько в обстоятельствах. Таким же сомнительным, если бы ты побывал в обществе каннибалов, оказалось бы слово «мясо». На тебя сразу упало бы подозрение, что ты издавна питался человеческим мясом, и в этом есть что-то верное.

Во время Второй мировой войны здесь тоже от всех требовалось предельное напряжение — от гарнизонов, которые до последней капли крови сражались на островах, от женщин на фабриках, от летчиков с белыми налобными повязками. Ответной реакции в виде крайнего скепсиса было не избежать. Проявления его нам известны: отвращение к мундиру, флагу, гимну, идеалу боевого рыцарства. Прибавим к этому чувство вины (здесь в отношении китайцев): обморочное застывание в низком моральном поклоне.

Император тоже претерпел ослабление, разумеется, скорее в сути, чем в авторитете, на который даже коммунисты не посягают. Его поведение, конечно, отличается от поведения наших властителей. Ему больше ничего не оставалось делать, как утверждать решения правительства, и не он начал войну, но вот оканчивал своими силами. Когда возник вопрос о

возбуждении против него судебного процесса, он был готов предстать перед судом, но не вдаваться в подробности — как носитель полной и нераздельной ответственности.

Духовное положение молодого поколения после проигранной войны сходно с немецким — в то время как в странах-победительницах, в Америке, в России, даже во Франции, еще есть герои, например, герои Красной армии, освобождения, сопротивления, побежденные в этом отношении оказываются «далеко впереди». То, что еще осталось от традиций и этических обязательств, выкорчевывалось с огромным старанием. На отходах собираются навозные мухи.

То обстоятельство, что здесь это имело более серьезные последствия, чем у нас, объясняется международным положением. Если распри в Европе стояли под знаком всемирной гражданской войны, то Япония вела настоящую национальную войну, которая обострялась расовыми различиями. Адаптация технических средств, стало быть, одежды и оснащения гештальта Рабочего[134], которая началась в 1868 году с реставрации Мэйдзи [135], тоже протекала гораздо радикальней, нежели в странах длинноголовых жителей северной Европы, где эти средства зародились. Международному языку техники здесь пришлось выучиваться как иностранному языку: сразу и без переходных периодов.

Боль, испытываемая образованным человеком при виде разрушения, хотя и осознаваемого как неизбежность, здесь не менее сильна, чем у нас, но все же на Западе она смягчена оптимизмом, на который не смог повлиять даже стремительный прогресс. В Западной Европе нет разлома в больших линиях, от времен, когда зародились готические арки и шестеренчатые часы, до времен ракет и кварцевых часов.

Что же касается боли, то она, конечно, не миновала ни одну страну, ни одно поколение. Корни ее лежат глубже, чем в вещах и истории; они берут начало в чистом восприятии бессодержательного времени. Свет истока становится слабее, и любое движение заканчивается утратой. Время определяет три основные установки, которые взаимопроникают и варьируются, также в политической сфере. Их можно подразделить на принятие прошлого, принятие настоящего и принятие будущего. Наряду с этим приближение к абсолюту в культурах, искусствах, метафизике. Так же и здесь, с сильно подчеркнутыми смещениями. * * *

Рассматривание чужих храмов — не только разрушенных, как те, о которых в стихотворении «Боги Греции» печалится Шиллер, но и таких, в которых еще живет культ, — имеет положительную сторону, прежде всего в том, что они представляют собой нечто сопоставимое. Ощущаешь ограничение собственной веры и ограничение чужой, естественно, тоже. Поучительно уже одно переживание множественности, поскольку оно ведет к пересечениям, в которых мы либо видим поставленным под сомнение абсолютное, либо способ, каким переживание это абсолютное представляет. То, что «Три кольца» Лессинга друг на друга похожи, понимаешь не с первого взгляда. Разнообразие скорее сбивает с толку; я понял это, рассматривая индуистские храмы.

При этом следует согласиться, что универсальные религии Дальнего Востока оставляют духу наибольшее свободное пространство — к этому заключению пришел также Глазенапп[136], основательно изучив мировые религии — и та же свобода царит в концепции «природы» Гёте.

В Мэйдзи Шрайн[137] удивляет свежесть архитектуры; она еще усиливается красным цветом посреди лиственных масс. Сооруженный в честь сто двадцать второго императора храм был, правда, завершен лишь в 1920 году, потом подвергся разрушению во время Второй мировой войны и только совсем недавно восстановлен. Он разделит судьбу большинства построек этой страны, которые пожар и землетрясение избирают своей целью. К тому же синтоист считает достойным уважения не то, что подточено временем, а свежесть изначального,

которую он и пытается поддерживать. Деревянные колонны могут заменяться; и дело здесь не в их возрасте, а в виде, который открывается в просвете между ними. А он должен быть «великолепным, как в первый день»[138]. Поэтому в святилище нет места ничему мертвому, даже смертной оболочке божества.

Таким образом, тщательно копируются старинные образцы. Исполнение было тоже удачным, и чтобы оценить результат, нужно сравнивать его не с нашими древними соборами, а с их неоготическими и неоромантическими имитациями. * * *

Издавека мне показалось, что некоторые из низких деревьев сплошь облеплены лишайниками, которые при близком рассмотрении оказались навитыми на ветки и в большинстве своем уже весьма потрепанными непогодой клочками бумаги.

Госпожа Хо, которая сопровождала меня, сказала, что люди пытаются таким способом предотвратить неблагоприятные прорицания оракула, содержащиеся на листьях. Она также попросила меня постоять под особенно стройным кедром: то, что там тайком пожелаешь себе, исполняется.

Чем я мог бы объяснить тот факт, что на благоприятном месте мне ничего так и не пришло в голову? Счастлив ли я? Во всяком случае, не имею желаний. Мы говорим: «Безжеланно счастлив» — следовательно, неимение желаний должно быть одной из возможностей, атрибутом счастья. Кроме того, желания дифференцируют; они отнимают часть счастья. Исполнение может даже повредить. Так вот — мне не пришло в голову ничего, кроме слова: «Подтверждение!» * * *

Токио беден храмами; ни по числу, ни по древности своих святилищ он не может сравниться с храмами Киото, Никко и Нара. Мы поехали еще к буддийскому храму Асакуса; уже смеркалось.

В переднем дворике была жизнь; бронзовый дракон дарил воду для омовения. В могучих, наполненных песком чанах горели палочки ладана, окутывая площадку ароматным дымом. Пожертвовав такую палочку, можно было окурить ею часть тела, которая нуждалась в исцелении. Только и тут дела мои сложились как под большим кедром: у меня собственно ничего не болело. Поэтому я подержал свою ароматическую свечечку под носом Штирляйн, в качестве противоаллергического средства.

Поведение и настроение на этом дворике содержали в себе что-то трудноопределимое: магическое, уловленное и использованное сознанием присутствие. В храме перед одним или многими воплощениями Будды в молитве неподвижно замерли верующие. На наружной стене с фронтона свисала одна из его плетеных сандалий. Она была размером с гребную лодку. Это соответствует следу его ноги и его зубу, которые почитаются на Цейлоне. Боги большие.

У входа, как и перед большинством храмов, общественный кошель для сбора денег приглашал к жертвоприношениям. Он имел форму яслей, в днище которых была вырезана щель. Над нею была закреплена решетка. Перед молитвой сквозь нее бросают монетки и потом дергают за веревку колокольчика или стучат в деревянный барабан.

Госпожа Хо рассказала, что борта этих яслей были удлинены из-за конкуренции нищих, которых в таких двориках предостаточно и которые незамедлительно завладевают неправильно брошенными монетами. Я заметил:

— Бойкий звон, наверное, приятен ушам священников?

— Они предпочли бы слышать не звон, а шелест падающих внутрь купюр.

— Это понятно. У нас тоже предпочитают в церковной кружке находить белые, а не желтые монеты.

Потом мы прошли по различным боковым дворикам, обсаженным деревьями гинкго[139]. Мне бросилась в глаза одна разновидность, где обе лопасти развевались веером. Палеоботаническая классификация не должна была вызвать затруднений. Но зачем? Редукция и начало образования являются двумя имманентными принципами, которые следуют друг за другом и друг друга обуславливают — как отлив и прилив. С листьями дело обстоит как с кистями рук, которые то широко растопыриваются, то закрываются: здесь орган оперяется в крыло, там закругляется в плавник, здесь он начинает исчезать, там — развивается наружу. Чем пристальнее мы присматриваемся ко времени и последовательности, тем больше от нас ускользает целое, которое приводит их в движение и сохраняет. * * *

Какого изучения требуют простые вещи, я понял в связи со знаменитым садом камней, который мы посетили в парке дзэн-буддийского монастыря в Киото. На чем основывалась слава этого места, его особая пригодность к медитации? Император время от времени тоже уединяется здесь, когда чувствует необходимость сосредоточиться.

Я увидел обнесенную невысокими стенами песчаную поверхность размером с прямоугольный зал с пятью маленькими группами камней, расположенными на ней в произвольном порядке. Песок был тщательно разровнен граблями в длину, и только вокруг камней округло.

Это, конечно, вызывает представление об облаках, островах и вообще структурах, возникающих из нераздельного. Но даже эти отголоски должны исчезнуть, когда проводишь перед картиной часы или дни. При этом дело, пожалуй, не в мышлении, а в мысленном отвлечении, освобождающем почву, на которой рождаются мысли. Наше понятие концентрации — иного рода; мы выхватываем при этом точку, а не всю поверхность диска. Наше слово «цель» выдает это: первоначально оно подразумевало центр диска.

То же и с позицией наблюдателя — ведь он мог бы занять ее напротив любой простой группы — с видом, например, на аллею, на которую упало несколько осенних листьев, или перед прудом, на котором разбросаны листья кувшинок.

Но откуда же совершенно особое достоинство этой группы камней? Я не отгадал. Возможно, сюда относились также кедровая ветка, видневшаяся над стенами, и однообразный треск цикад. Во всяком случае, здесь должно было господствовать чувство меры и чисел, тончайшего распределения нагрузки, которое осталось для меня скрытым. Но, скорее всего, оно имело место. Об этом говорило чувство одобрения. Ты, вероятно, ближе подходишь к природе и ее тайне, если ищешь не с чрезмерными затратами сил, а оставляя некий зазор.

Мне бросилась в глаза экономия изобразительных средств, такая же, как и на картинах дворца сёгуна[140] в древнем императорском городе Киото. Я имею в виду не знаменитые произведения, которыми украшены покои, — не пейзажи с тиграми и павлинами, не панели с кедром, хризантемами и пионами и не художественную резьбу. Наряду с ними в прихожих находятся исключительно простые мотивы — например, побережья, на которых море обозначено несколькими волнистыми штрихами, суша — россыпью мелких квадратов. На одной из панелей я увидел изображение вала простым узором линий. Мне пришлось провести рукой по дереву, чтобы удостовериться, что художник ограничился плоскостным изображением.

В этом дворце, который был построен в 1603 году и служил сёгуну для приема феодалов, к изображению добавляется эффект времени. Краски и узоры проступают сквозь тонкую атмосферную пелену. Они требуют от наблюдателя особого гадательного усилия, но одновременно спокойствия для восприятия чего-то очень далекого, как в саду камней.

К счастью, этот сооруженный целиком из дерева замок с его сокровищами избежал пожара; тому способствовал широкий ров с водой, окружающий здание. Здесь мне стало ясно стремление, противоположное нашему «пафосу дистанции» — а именно: репрезентация власти и соблюдение чести на весьма тесном пространстве. Человек целиком проникается малыми и близкими вещами, получает от них духовный заряд и пропитывается материей, расположенной рядом. Это проникновение является в первую очередь задачей обладающего тонким художественным чутьем индивидуума и образованного художника, основу которому создавали поколения учившихся ремесленников.

Materia prima[141], например, кедровое дерево, постигнута до тончайших структур и подчиняется гармонии пространства. На нем опробовали себя не только архитектор и плотник, живописец и резчик, оно воздействует не только ароматом и цветом, но служит также резонатором.

Акустика продумана вплоть до мелочей. Так, чтобы указать на одну деталь, внутренние помещения замка охвачены коридором, «соловьинной прихожей». Здесь доски пола выструганы таким образом, что, когда на них наступаешь, они издают звук щебетания. Его, как бы осторожно я ни ступал, не удалось избежать и мне; курьез удивил меня не только затейливостью работы, но и временем, в продолжение которого он сохранялся в исправном состоянии. Это поразительно, особенно в нашей повседневной жизни, когда грубые шумы являются правилом.

Соловьинная прихожая была эстетической игрушкой и одновременно предназначалась для ушей стражников, поскольку во дворце хранились также сокровища сёгуна. Ни один любовник, ни один босой вор не смог пробраться так тихо, чтобы его шаг не вызвал звука.

На таком тесном пространстве пафос должен был воздействовать иными знаками, нежели грубая дистанция: тем, как сидит князь, как стоят на коленях по кругу его вассалы, как держит оружие его меченосец, различиями одежды, поз, движений рук в беседе и при сервировке — одним словом, отшлифованным до мельчайших деталей церемониалом и его символическим языком. Где пространство растрачивается безрассудно в архитектурном смысле, так это в сооружении подступов и подъездов с их аллеями, и в передних дворах. Уплотнение и с ним покой возрастают к центру — через непротяженное и невысказанное вплоть до невыразимого.

Репрезентация модерна следует другим принципам. Так, например, превозносился рабочий кабинет Муссолини. Посетителю требовалось проделать долгий путь, прежде чем оказаться у его письменного стола. Вот отличие центра и центрального, статичной и динамичной власти, масштаба рабочего мира. Ему чужда статика и достаточность. И даже на островах не уклониться от этого.

Поэтому нельзя усомниться в правильности решения о реставрации Мэйдзи — при условии, что необходимое тоже считается правильным. Когда в японском описании Мэйдзи-шрайна я читаю фразу: «Сорокачетырёхлетнее правление императора Мэйдзи было самым славным периодом в японской истории, насчитывающей более двух тысяч лет» — то я вижу в этом суждение, которое подтверждает необходимость. Кто думает иначе, чувствует иначе, тот мог вынести это только в мыслях и чувствах, а не в действиях, каких требует история. * * *

Японский быт прост; я смог убедиться в этом во второй половине дня, которую провел в летнем домике на озере Хузендзи, камышовой хижине с широким открытым окном, стоящей почти в воде.

Низкий стол, на полу несколько циновок, ниша небольшого семейного святилища — вот и вся обстановка. Спят на полу; на день спальные принадлежности убираются в стенной шкаф. Чай, минимум слов; смотришь на озеро, на поверхности которого покоится рыбацкая лодка.

Всё снова и снова прилетает большая стрекоза, чтобы передохнуть на оконном наличнике; это, должно быть, ее любимое место. Никаких книг, никаких картин, только камыш да бамбук — как это отличается от наших хижин для уединений и комнат для занятий, более или менее похожих на кабинет Фауста. Уже в ту пору «царство духа было замкнуто»; нынче новые завесы ткются из механизмов одурманивания.

Снаружи работал девяностолетний сосед, рыбак, рано утром выловивший огромного карпа. Он разделяет его на доске кусками для родственников. Его лицо похоже на маску; морщины проложили в пожелтевшей коже архаичный узор. Я спросил знаками, поймал ли он рыбу на удочку, после чего он выставил вперед левую ногу и поднял правую руку: он поразил животное острой.

Жест подошел бы театру кабуки, который располагает запасом классических знаков, переданных потомству идеограмм драматического искусства. В Токио я видел показ своеобразных основ этого языка мимом Куроемоном Оноэ, сыном и внуком известных актеров. Дисциплинированная жестикуляция, как эта — такая простая и одновременно убедительная, — достигается не только тренировкой, даже если она начинается в раннем детстве. К ней должны добавиться традиция и унаследованные качества. Не менее важным, чем навык, является духовный склад, который неартикулированным образом, в самой манере держать себя, передается по наследству из поколения в поколение в кланах художников, кастах ремесленников, семьях военной аристократии, и переходит в плоть и кровь. Одно не может быть без другого.

Каждая из идеограмм повторялась бесчисленное количество раз. Она превращалась в выражение второй, облагороженной природы. Усердие здесь подразумевается само собой; непрерывное упражнение можно было бы скорее сравнить с дыханием. Так художник способен до совершенства тренироваться в изображении контуров и фигур, которые в конце концов станут удаваться ему даже с закрытыми глазами. Так лучник попадает в цель и в темноте.

Мастер продемонстрировал ряд знаков, без всяких околичностей. Он был в повседневном костюме, не в кимоно. К тому же он был немного подвыпивши, поскольку, по его словам, пришел с какой-то пирушки, где славно пображничал. Потом он посерьезнел и сконцентрировался. Вероятно, подобные искусства, как дыхание, проходят через все ступени сознания. Как мне назвать их? Характеры? Психограммы? Может быть, для этого подходит слово «печать». Тогда любое выражение стало бы оттиском внутреннего гравированного штампа. Он показал ощущения: смех, страх, печаль, зарождающуюся радость. Свойства: достоинство, покорность, гордость, тщеславие. Восприятия: снег, солнце, дождь, гроза, ветер. Движения: гребля, фехтование, падение лепестков вишни, питье саке. * * *

Простым, но в высшей степени добротным было устройство маленькой гостиницы, в которой я поужинал со Штирляйн. Она располагалась на боковой улице Киото, куда мы забрели случайно; очевидно, останавливались там только японцы, вероятно, проезжие. У нас было чувство, что мы оказались единственными гостями, и хозяин тоже сразу спросил, кто нас послал.

Помещения без картин отличались сдержанной роскошью и элегантностью, а также царившей в них тишиной — казалось, будто они были приготовлены для нас и нас ожидали. Прихожая, где снимали обувь, узкий коридор, большая комната с низким столом и украшенной нишей — таково было расположение. Перед ним широкий эркер с двумя стульями и умывальником; он был отделен стеклянной стеной от освещенного миниатюрного сада.

Хозяин поинтересовался у нас, хотели бы мы только поесть или переночевать тоже. Он вошел на коленях, так же, как и служанка в кимоно, которая подавала на стол и раскладывала

перед нами еду. Необычный сервис — но для гостей, которые сидят на полу, правильный.

Я спросил себя о той роли, которую в подобной ситуации играет незнакомец, если только он не просто собиратель этнографических редкостей. Насколько далеко заходит проникновение, сближение? Не так далеко, естественно, как сближение у постоянных посетителей, которые еще здесь бывают. Но, вероятно, дальше, чем сближение у бесчисленных новых японцев, которые спешат по улице в белоснежных рубашках с короткими рукавами или управляют автомобилем и которые, вероятно, не меньше насмеются над стариной, чем это делают повсюду в других местах. Дело ведь не столько в самом обычае, а в том, чтобы в путешественнике вообще еще сохранялось чувство номоса[142] и ритуала. Иначе такого рода обслуживание показалось бы просто гротескным. * * *

При посещении храмов тоже приходилось смешивать курьез и музейное настроение, что сегодня по многим причинам одновременно и труднее и проще, чем было сто лет назад. Труднее хотя бы уже потому, что церкви и храмы во всем мире действительно все больше превращаются в места осмотров, и притом не только из-за толп путешествующих, но и вследствие художественно-исторического и религиозно-философского созерцания, которые оба в содержание не вникают. Это касается также священников, чья служба становится работой хранителей. Они еще поднимают дароносицу, однако пресуществления больше не происходит. Выставочными местами храмы были всегда, однако нынче их рассматривают уже не непосредственно, а исторически. Потом приходят пуристы: Гюисманс сожалеет о подделке муки для облаток и вина для причастия. Это осталось бы второстепенным вопросом, сохраняйся при этом вера. «Собор» производит впечатление гипсового слепка с живых форм; Леон Блуа в простой деревенской церкви еще видел нечто большее.

Современный транспорт тоже способствует нивелированию. Пилигрим, летающий в Мекку, мало отличается от чистого туриста; это уже не паломничество. Храмы окружены парковками и ежедневно осаждаются посетителями; это стачивает ритм праздничного года. Обол, который ты платишь, — не столько пожертвование, сколько плата за вход.

Благоприятно напротив нарастающее отдаление божеств. «Dieu se retire»[143] — тут великое, солнечный свет слабеет, но звезды проступают отчетливее. Солнце тоже превращается в звезду. Это справедливо также для святынь и излучаемого ими сияния. Если турист вообще восприимчив к нему, то кое-что высветится ему еще яснее чем прежде — особенно если он прибывает из стран, где не одно столетие господствует монотеистическая традиция. А если он вдобавок располагает необособленным, неизвестным, незатронутым, то необособленное заговорит с ним через храм и людей. Зависит это не от встречи с чужими богами, а от того, что сконцентрировалось в них или за ними. Предки синто сначала видимы на изображениях и досках, потом облик и имя расплываются, и путь за ними уводит далеко-далеко. Только там становится безразлично, было ли изображение фотографией, художественной репродукцией или шедевром. Храмы — это врата, это входы.

Храмовые города, в которых культы сожительствуют друг с другом, вызывают в памяти сообщения античных путешественников, странствовавших по Сирии и Египту. Здесь почитаются животные и демоны, там предки, богоподобные люди или боги, будь то в изображениях или без них — вплоть до неизреченного. Дорога ведет через ворота Дракона, мимо страшных стражей, до самого Покоящегося Будды и за пределы. Тут находит свое место и простой, выращивающий рис крестьянин, и высокообразованный человек; каждый может подобрать свою рифму к миру.

Толерантность заложена в природе политеизма; боги терпят «возле себя богов». К политеистическим мирам, как к органическим молекулам, можно пристраивать сколько угодно. Любой край, любой город, куда бы ты ни поехал, предпочитают иметь свое божество, которому приносят местную жертву. Только спрашивают священников, чего оно желает.

Собственность ценится здесь больше миссии. Кто знает богов, перечисляет имена; богатство мифических систем неисчерпаемо, как богатство живой природы. Один маленький бог в нише охраняет опасный поворот автомобильной дороги, как я заметил на крутом подъеме к Никко. Другой грезит в хижине под фиговым деревом. На коленях у него лежат свежие цветы.

Бог и боги[144]. Большинство почитаемых в областях богов солнца трансцендирует к Богу, «который озаряет все земное». Шахматным ходом неслыханной диалектики был ход апостола Павла на ареопаге. Неизвестный бог политеизма возвышается до единственного. Они не знали, что их ожидало. Это был мастерский удар оружием, казавшийся безупречным.

* * *

Оракул — часть древнего инструментария. Поскольку монотеистическое учение знает лишь одного Бога, то дать, собственно говоря, можно только одно пророчество: обетование трансцендентного мира. Кроме того, в Новом завете едва ли отыщутся намеки, касающиеся времени. Слова «вскоре» или же «через тысячу лет» не следует понимать хронологически точно, хотя это снова и снова пытались и еще пытаются делать.

Деревья вокруг храмов покрыты листками оракулов, как будто на них опустились рои мотыльков. В одном переднем дворике мы увидели маленькую птичку, выдрессированную для роли авгура, зяблика, который клювом дергал за колокольчик игрушечного храма. Потом он запрыгивал внутрь и выносил счастливый листок. Только посмотреть на это стоило жертвования.

Преимуществами автоматизации жрецы тоже пользуются всюду — в храме Спящего Будды в Пенанге был установлен аппарат, который напоминал контрольную кассу и сообщал счастливые числа. Неподалеку от ворот Камарон в Никко я увидел аналогичный автомат, причем в тот момент, когда дородный священник опорожнял оба его ящика — в одном содержались монеты, в другом листки с начертанными на них просьбами.

Обширный и исключительно великолепный Лес богов в Никко с его пагодами, храмами, мавзолеями, бронзовыми колоннами и скульптурами называется сегодня Национальным парком. Но в его самом большом святилище, Санбуцу-до, по-прежнему почитаются три «божественные манифестации»: богато позолоченное изображение Покоящегося Будды, по правую сторону от него конеголовая, по левую — тысячерукая Каннон на лotosовых тронах [145], на заднем плане статуи двенадцати учеников. Повсюду среди зелени лиственных и хвойных деревьев высвечивают культовые строения из покрытого красным лаком, украшенного инкрустацией дерева, например, шестиэтажная пагода, которую в 1650 году заложил феодал Тадаккацу Сакай. В 1815 году она сгорела и была снова отстроена его семьей. Она поднимается из группы криптомерий. Пять нижних этажей выполнены в японском стиле, шестой — в китайском. Ее необычная красота сбивает с толку; если бы мы не увидели ее собственными глазами, такая конструкция нам не приснилась бы и во сне. В ней реализованы другие представления о статике и другая музыкальность. Чистой высоты, кажется, недостаточно, когда бы она все снова и снова гармонично не поднималась и не уравнивалась. Раскрывается и утверждается идея шатра. Я невольно вспомнил дворец Турандот. Его крыши расчесывал ветер; ему льстил колокольный звон. Бахромой колокольчиков увенчан также бронзовый столп Соринто[146], в который заделаны десять тысяч сутр.

Мы видели мавзолеи, сокровищницы, библиотеки клана Гендзи и других семей, священные источники, ступы, бога ветров в образе зеленого демона, как Эол согнувшегося под тяжестью своего бурдюка, драконов повсюду, резные и позолоченные деревянные изделия, статуи из дерева, камня и металла. Парк из галерейных садов переходит в густые леса, среди которых в свою очередь сияют красные храмы. Освоить, осилить все это можно только во сне и фантазиях. Для изучения не хватит человеческой жизни. Как когда-то в Карнаке, я уходил оттуда чуть ли не в обморочном состоянии. * * *

Красивы широкие передние дворы, красива сама идея ворот, от простых арок синто до изобилующих лаком, золотом и слоновой костью роскошных строений. Иногда я думал, что стою перед богатым храмом, а он потом оказывался воротами, которые вели к следующим, еще более великолепным.

Эти постройки — памятники «китайской волны», совпадающей с нашим периодом барокко. Той же эпохе принадлежат установленные поблизости посвященные дары португальских купцов, в том числе гигантский бронзовый светильник — в высшей степени удачное пересечение западного и дальневосточного мира форм.

«Одновременность» китайских и западноевропейских стилевых форм слишком часто подчеркивалась искусствоведами и синологами, чтобы мы не предположили наличие какой-то связи, хотя системы Шпенглера для интерпретации нам будет мало.

Согласно хронологической таблице Шпенглера, китайская «готика» и китайское «барокко» расположились бы задолго до наших; следовательно, «одновременность» следовало бы высчитывать по различным часам, а не по одинаковым. Тем не менее, существует не только относительная, но и абсолютная одновременность. На поверхности человеческие культуры, правда, автономны, но они восходят к глубинам биологии и космоса. Там тоже есть процессы развития.

Это можно исследовать в первую очередь там, где биос затвердевает архитектурно, как в царстве моллюсков. Возьмем историю аммонитов: головоногие, епископские посохи, более или менее изогнутые спирали, а затем опять простые, вытянутые формы, классические — поочередность свертываний и развертываний.

То же самое происходит со створками раковин и домиками улиток — неслучайно архитектура и стилистика имеют так много названий, заимствованных из этих областей. Родственное все снова и снова выявляется в строительном плане лестниц, колонн, башен и украшений. Поэтому когда мы говорим о «китайском барокко», родство должно пониматься глубже, чем история культуры.

Кроме того, вполне мыслимы и такие влияния, которые можно приписывать не биологии, а непосредственно Земле. Это выражается во внутреннем единстве эпох и ландшафтов, в созвучии людей и их трудов потокам, горам, растениям и животным своей области. Приведу пример. Здесь обращаешь внимание на гармонию между деревьями и храмами. Зачастую — это те же самые, что у нас, или почти похожие виды, и все же в росте они отличаются от наших таким образом, который ухватит скорее художник, нежели ботаник.

Об этом непосредственном влиянии Земли, даже, вероятно, Космоса, тоже не следует забывать, когда сходства в далеко отстоящих друг от друга странах появляются одновременно и когда их нельзя объяснить родословным древом. Мы могли бы здесь вспомнить о возникновении государств, письменности или самого человека в значительно удаленных одна от другой местностях — это, пожалуй, всегда останется вопросом веры либо умозрительного рассуждения. Он волнует, когда, путешествуя, в чужом узнаешь собственное.
* * *

Имплантиция храмов в большие сады, где почти всегда довольно источников, прудов и старых деревьев, действует успокоительно. Ухоженный участок часто неуловимыми переходами граничит с естественной природой, а в Никко даже с девственными горными лесами.

Я услышал зов древней, дохристианской родины. Здесь в нагромождении камня обитает не бог-одиночка. Здесь живут боги, имени которых мне знать не нужно, они совершенно теряются в божественном, как деревья в лесу. Рожи и леса с расположенными ширмой деревьями, источниками и озерами — еще ни одно кощунство не коснулось матери. Почтение

простирается здесь глубже монотеистических и политеистических фигур и движется воспоминаниями, которые возникают из неименуемого. Дерево — это брат, родина — это лес.

Тщательность, с какой эти сады используются, пытаются создать вторую, окончательно сформированную природу, где случай скорей задает мотив, чем господствует по собственному произволу; его прихоти здесь содействуют, там подавляют. Это даже в парках создает впечатление увеличенных миниатюрных садов, какие, наверно, мало понравились бы Пюклеру[147]. Я видел садовников с маленькими серпами, которые служили им не столько для срезания, сколько для выдергивания стебельков из травяных площадок и моховых подушек. Другие выщипывали сухие иглы в кипарисовых ветках. А третьи выводили граблями узор на песке. А еще они любят сооружать в некоем подобии песочницы стилизованный макет Фудзи, перед которым постоянно толпятся зрители. * * *

Садовое искусство почти незаметно растворяется в киотском парке Оказаки. Он изгородью окружает Хэйан-шрайн[148], посвященный духам предков императоров Камму[149] и Комэй [150]; между ними пролегает временной промежуток в тысячу сто лет. Относящиеся к шрайну постройки представляют собой уменьшенную модель первого императорского дворца 794 года. В этот год Карл Великий во второй раз выступил против саксонцев.

Парк известен цветением вишни и ириса; время обоих миновало. Зато на прудах плавали белые, голубые и розовые кувшинки. Клен, ветви которого широко нависали над берегами, уже покрылся первыми красными крапинками.

Одно из озер расположено перед шрайном; мы пересекли его сначала по ряду чуть качающихся опор, на ширину ладони поднимающихся над водной гладью, и потом по красному, крытому мосту, «коридору» шрайна. Там стоял торговец белыми хлебами, твердая пенистость которых напоминала наши меренги, и мы развлеклись кормлением животных, которые плавали на воде или выглядывали на поверхности: белых мандаринок, черепах, золотых рыбок всевозможных размеров и разновидностей. Особенно нам приглянулась одна: длиной в ладонь и словно выточенная из тончайшего перламутра, с черным, как обсидиан, краплением и золотистыми плавниками, мне очень хотелось, чтобы она всплыла, и она-таки сделала мне одолжение.

Вообще этот час на красном мосту был прекраснейшим из тех, что я провел в этой стране. Золотые рыбки, серебристые птицы, кувшинки на зеленой воде — гармония покоя и мягких движений. Картину дополняли кедры и клены на берегу, лотос, ярко-желтый бамбук, в листве которого пронзительно трещали коричневые цикады, которые, стоило нам к ним приблизиться, вспархивали как птицы.

Здесь хорошо себя чувствовали не только люди, но и духи — одни наслаждались, тут не было никаких сомнений, другие растворялись в природе. * * *

При отбытии в Кобе я не бросил в море монетку, какую нередко, в надежде на благоприятный исход, приносил в жертву гаваням и источникам. В итоге наряду с обилием больших и красивых картин не было недостатка и в прискорбных впечатлениях. И они быстро накапливались.

Я ожидал этого, поскольку был убежден не только в неизбежности, но даже в необходимости разрушения мифа и номоса, и обнаруживал подтверждение этому убеждению во всех странах мира — но всегда с чувством пустоты, будто в затянувшейся партии, когда уже за полночь опять тасуются карты. То, что мы пережили на Сомме в сконцентрированном виде (в качестве платы за наше entr'e[151]), повторяется в долгих периодах развития. Остается чувство, будто разорвалась бомба, и теперь нас всегда сопровождает сознание близкой и встречной опасности.

Сегодня Токио считается самым крупным городом на Земле; конечно, понятие города благодаря диффузным скоплениям и слияниям начинает стираться. Урбанизация затягивает округа, побережья, целые местности. К концу столетия, согласно прогнозам городских проектировщиков, вдоль уже сегодня плотно заселенной линии Токкайдо и моря вырастет «Ойкуменополис», охватывающий от восьмидесяти до ста миллионов жителей.

Модернизация, то есть подгонка под *western style*, является таким делом, которым занимаются с исключительным рвением и наибольшими шансами на успех. Прогресс этого усилия в сравнении с реставрацией Мэйдзи стремится перейти от развития национальной власти к участию в накатывающем потоке революции Земли. То, что я видел и ожидал увидеть, было одной из модификаций, в которых реализует себя гештальт Рабочего. А поскольку здесь всегда превалировала деиндивидуализация, то собранный мной материал не мог быть обильным. Улов оказался посредственным, однако сеть доказала свою силу.

Я спросил себя, смогут ли японские иероглифы устоять в этом водовороте — их структура противоречит принципам, которые преследуются. В гуще движения глаз хочет не столько получать информацию от этих знаков, сколько отдышаться на них, как на цветках. Правда, во всех самых оживленных местах рядом находится латинская транскрипция.

У многих наших слов отсутствует японский эквивалент. При назывании вещей, например, деталей машин, это не имеет большого значения. Совсем иначе обстоит с понятиями — поэтому в исполнении японцев, занимающихся западными системами, в глаза бросается примечательная робость. Отсутствует легкость в употреблении понятий; они вставляются как маленькие строительные камни.

Время от времени я осведомлялся о смысле знаков, привлечших мое внимание. Красивой и простой является идеограмма, означающая «большой», — я предположил бы тут скорее «высокий», когда впервые ее увидел. Она, кажется, предназначена выражать размер небоскребов, мостов, плотин или скорость поездов, которой хотят превзойти американцев.

Следует, впрочем, признать, что техническое оснащение и комфорт — образцовые. Порядку, манерам, пунктуальности можно едва ли дать более высокую оценку, особенно если представить себе находящиеся в движении массы людей. Стоит скорому поезду опоздать больше чем на двадцать минут, пассажирам возмещается часть стоимости билета. Вдоль линии Токкайдо телеграфные столбы пролетают мимо в такте секундной стрелки. В пункте назначения проводницы и стюардессы благодарят каждого пассажира поклоном.

Я уже слышал об этом скоростном поезде как о национальной святыне. Я, разумеется, предпочел бы ехать помедленнее, чтобы наслаждаться ландшафтом за пределами урбанизированных поверхностей. Пейзажи пролетали мимо, словно череда молниеносно высвечиваемых рисунков на свитке: холмы с кедрами и группами бамбука, покрытые лотосами пруды, посвященные предкам стелы в плодовом краю, чайные сады на склонах и рисовые поля на равнине. * * *

Во все времена консерватор попадает в ножницы между внутривнутриполитическим и внешнеполитическим оптимумом. Старый порядок можно сохранить только в том случае, если остаются условия, при каких он возник, или, по крайней мере, их атмосфера.

Не желая во внутренних делах учитывать происходящие в мире изменения, оказываются в цейтноте, отстают исторически. Если хочешь избежать катастрофы, следует привести в новую гармонию внешнее и внутреннее, мир и страну. Тут без жертвы не обойтись. Корона и духовенство должны уступить миф и карму; рыцарь и самурай должны спешиться. В Японии сохранилось удивительно много, несмотря на реформы и новую конституцию.

Расширение происходит главным образом за счет крестьянского сословия, сокращение которого неизбежно с ним связано. Классический пример представляет императорский Рим.

Всемирная торговля, громадное пространство, колониальные земли, рабский труд, латифундии, переход к пастбищному хозяйству, программы военного флота, «планы», экспансия старых капиталов и запрограммированных городов, которые как грибы выросли за ночь, лихорадка путешествий, упадок храмов или предъявление их в качестве курьеза — все это еще раз разыгрывается перед рождением всемирного государства. За всем этим стоит единственный процесс — замена традиционных различий вторичными рабочими характеристиками по поручению хозяина мира, гештальта Рабочего. Гипс, огонь, излучение, мусор, шум и пыль исполинских строительных площадок. Далее следуют одухотворение и новая иерархия. * * *

Распад большой семьи с ее патерналистским порядком, переселение сыновей и дочерей, служанок и батраков в города и промышленные районы, устранение чересполосицы, моторы, трактора, электрификация, канализация, прокладка трасс, переход к новым видам обработки земли, удобрения, консервирование и питание — одно влечет за собой другое и в свою очередь отражается на образовании и воспитании. Лошадь должна отступить, а с ней — всадник, рыцарь ушел задолго до него. Солдат становится Рабочим, как я впервые увидел на Сомме и во Фландрии и потом безрадостно осмыслил. Дорога ведет от сословной армии через народную армию к анонимным комбинатам тотальной мобилизации[152].

В школах личность, как преподавателя, так и ученика, тоже должна отойти на задний план; речь идет уже не о встрече и формировании характеров, а о точной передаче материала знаний. Это во все возрастающем объеме может обеспечиваться механически.

В рамках конфуцианской педагогики преподаватель является образцом, который представляется сначала в бытии, а потом и в знании, и с которого нужно брать пример. Он — не только знающий, но и мудрец; на этом основывается уважение к нему.

Если знание станет преобладать над мудростью, результат может оказаться двусмысленным, более того, даже опасным, ведь запросы уже не основываются на уважении. Этос и эрос обучения исчезают; оно превращается в функцию среди прочих. Китайская мудрость давно это предвидела. * * *

Народы Дальнего Востока сто лет назад начали интенсивно участвовать в судьбе Запада. В каком объеме они стали бы претендовать на это, невозможно было предвидеть в тот момент, когда император Мейдзи решился на свои реформы.

Процесс продолжится с нарастающей интенсивностью. Европейец, посещающий сегодня Китай, Японию или даже маленькие восточные государства, попадает на очную ставку с собственной судьбой. Многие, что образовалось и развилось у него в потоке истории, там вдалеке повторяется как новый речной порог. Блеск же картин, которые с детства представлялись иностранцу словно бы нарисованными на шелке миниатюрами, напротив, тускнеет. Он видит их либо поблекшими, либо искусственно выставленными ему для обозрения.

Это что касается блеска и нищеты современного путешественника. Он пролетает мир как сиамский близнец: как homo faber[153] и как homo ludens[154], как намеренно безысторичный и как мусический, жаждущий образов человек, то гордясь своим титанизмом, то печальсь о разрушении, которое за ним следует. Чем сильнее, чем мощнее вырастают у него крылья, тем реже он находит то, что угодно для его души.

Чем больше он — современник, тем меньше он чувствует утрату; электростанция в Гуанце, буровые вышки в Сахаре, метеостанция на Южном полюсе, скоростная езда на линии Токкайдо подтверждают ему собственное жизнеощущение. Оно раздваивается, куда б он ни повернул, — сначала ему с гордостью предъявляют, на что способны их техника и наука, и только потом — оставшееся от предков: могилы, храмовые города, леса и сады, маски и

народные танцы.

Но никто, конечно, не современник настолько, чтобы не почувствовать какого-то ограбления, учиняемого планированием как в нетронутом, так и в совершенном. Он озадачен; мир больше не отвечает из своей глубины.

В этом отношении путешествие чем-то похоже на танталовы муки. Мы слышим эхо отзвучавших мелодий и следуем за отражениями по местам, где невозможно утолить жажду. Это не чистые иллюзии; даже фата-моргана отражает удаленную действительность. Мы ищем их то в будущем, то в минувшем.

Посреди сильного истощения культур, стихий, даже универсума мы видим то, что когда-то было возможно в образах и образовании. Это дает нам мерил, даже для Здесь и Сейчас. Иногда, в каком-нибудь бору, мы можем с изумлением увидеть какой-нибудь древний дуб, ель или ясень — могучее перестойное дерево; оно уже пережило несколько сплошных вырубок и нескольких лесничих. Оно тоже, конечно, падет, но пока еще может дарить нам тень в полуденный час — и больше чем тень: уверенность.

ГАОСЮН, 13 АВГУСТА 1965 ГОДА

В первой половине дня мы шли вдоль побережья Формозы. Португальцы называли этот остров «Чудесным», а китайцы «Побережьем террас»: Тайвань. Поскольку мы иногда подходили к нему очень близко, я увидел, что оба названия даны ему с полным основанием.

В полдень высадка в Гаосюне. Здесь пахнет войной — серые корабли в гавани, орудия на склонах, эскадрильи истребителей в воздухе. Мы в Национальном Китае — дорогостоящей американской фикции. Я не могу судить о ее стратегической ценности. Она, вероятно, значительна; миллионы беженцев тоже нельзя бросить на произвол судьбы. Такой форпост с равным успехом может оказаться как оковами, так и ключом; это зависит от собственной силы, которая должна нарастать по мере того, как континентальный Китай становится все более грозным и недоступным. Тут уже полруки может оказаться в ловушке.

С политической точки зрения дешевле в таких случаях перейти к чистой игре фигурами, устроив одному претенденту *ch?teau d'Espagne*[155], и поддерживать эмигрантское правительство. Это в любом случае окупит затраты.

Негативные последствия военного положения я смог ощутить во второй половине дня, когда любой привлечший меня боковой путь, куда я было собирался свернуть, мне преграждал караул. Это напомнило мне о моих походах по Мертвому морю и надоедливом внимании иорданских патрулей.

Таким образом, я вынужден был держаться главной улицы, которая, извиваясь, поднимается от черты города через красные синтоистские ворота до лишь совсем недавно построенного японцами храма. Она огибает широкую центральную лестницу, которая бросилась в глаза еще с моря.

Здесь опять стали докучать машины наблюдения, которые с огромной скоростью сновали туда-сюда. К счастью, имелись узкие протоптанные тропинки, ведущие наверх, — сначала через похожий на джунгли лес, потом, в окрестностях храма, по прореженным, как в парке, участкам. Там были также установлены мраморные скамьи и памятники — генералы с множеством орденов, авиабомба в натуральном виде, таблички с китайскими иероглифами. В целом: смесь парка культуры, храмовой рощи, ботанического сада и крепостного гласиса.

Хотя и здесь весна тоже давно уже наступила, острова цветения, как удары литавр, пробивали однотонную зелень. Среди них вспышки далеко светящейся императорской желти [156]: выгнутые кроны кассии[157], вокруг которых кружили огромные, стального цвета шмели. Рядом с этим фейерверк делониксов[158]. Их горящие ширмы отмечают входы в те страны, о которых грезится в зимние ночи. Едва ли найдется путешественник, которому они не бросились бы в глаза, как первые сигналы тропического мира. Еще жарче пылает крона их близкой родственницы, «великолепия Барбадоса». Пунцовая сердцевина цветка по краю обведена желтым; пыльцевые трубки свисают, словно кроваво-красный хвост. Здесь, с возвышенного местоположения, светлые тона выглядят ярче, как будто в клеровочных котлах из киновари, горя, наружу проступает сера.

У подножия храмовой горы стало еще жарче, чем наверху, в парке. Вероятно, был праздник; поджигалось множество фейерверков. В тени домов и в крытых галереях сидели на корточках группы тайваньцев, игравших на деньги, и притом с такой страстью, что они даже не подняли глаз, когда я, стоя к ним вплотную, разглядывал сверху их коротко подстриженные головы. По форме они напоминали трапецию с широким основанием, сужающаяся параллель которой образовывала лоб. При виде этих массивных крыш, на которых, кроме того, выделялись необычные макушки, в голову мне пришли только курьезные мысли относительно чуждости того, что, пожалуй, могло под ними происходить. Если мы обыграем теорию или, что касается меня, утопию мирового государства[159]: сколько времени должно минут, даже если на планете дело дойдет до своего рода пригородного сообщения, пока четко прорисуются мировая раса, подобно тому, как уже сегодня сформировался мировой стиль? И не будет ли эта мировая раса представлять собой лишь слегка модифицированное китайство?

Впрочем, это — излишние спекуляции; мирового стиля достаточно. Общий знаменатель дает гештальт Рабочего; большое число рас и пространств не противоречит его претворению в жизнь. Общая проблема: как сбалансировать единство и разнообразие. В любом подлинном решении отражается модель универсума.

Поражает огромное количество велосипедистов; они заполняют всю ширину улицы. В их потоке движутся машины и рикши. Почти все пешеходы в остроконечных соломенных шляпах; женщины для защиты от солнца прикрыли лицо и руки светлыми платками. Две элегантные китайки садятся в коляску рикши, они затянуты в шелковые юбки, словно в переливающиеся всеми цветами радуги змеиные шкуры; прорези сбоку обнажают часть бедра.

Обратно по темным рыночным сводам, в которых остро пахнет пряностями и рыбой. Земля скользкая; велосипедисты продолжают вольтижировать даже здесь. Среди выложенных горками даров моря я обнаружил такие аквариумные редкости, как кузовки[160], а также ракообразных самых экстравагантных форм и ярких фарфоровых расцветок. Китаец просто помешан на ракообразных; в качестве вывесок на закусовых красуются красные крабы.

ГАОСЮН, 14 АВГУСТА 1965 ГОДА

Прогулка во внутренние районы, сначала опять вдоль парада соломенных шляп бесчисленных велосипедистов, реакции которых довольно непредсказуемы. Поэтому мы продвигались медленно, пока не выбрались за черту города. В машине Лотариус, немецкий агент паровой компании, его китайский коллега Чин Чэнь, местный водитель, Штирляйн и я.

Мы ехали по щедро орошаемому плодородному краю; в тропической части острова собирают в год три урожая риса. Здесь приволье для водяного буйвола: он любит залечь в болото, так

что наружу торчат только рифленый серп рогов да ноздри. Земноводное существо; гладкая, прочная шкура напоминает о животных, которые ведут аналогичную жизнь, как например, саламандры, тюлени и бегемоты. И здесь тоже я ощутил ауру, свойственную этому созданию. Фигура водяного буйвола излучает не только добротность и удовлетворение, но и достойную уважения силу. Вполне понятно, что индийцы отказываются употреблять в пищу мясо таких животных.

На заболоченных обочинах дорог живут огромные стаи уток. Они главные в китайском меню. Как сказал господин Чин Чэнь, их разводят фермеры на государственной земле, где откорм ничего не стоит. «Там им нужно делать только „пап-пап-пап“» — при этом он раскрывал и закрывал пальцы, как утиный клюв. Манера его разговора вообще была крайне экспрессивной, с подчеркнутой жестикуляцией и мимикой, как будто он учился у мастера театра кабуки.

По дороге бахчи с огромными арбузами, плантации бананов и сахарного тростника. Мы отведали плодов драконового инжира, который наш китайский друг назвал «Длинным Джоном»: студенистые шарики величиной с виноградную ягоду с легким привкусом муската. Множество сортов этих фруктов выращиваются в Восточной Азии, как у нас яблоки и груши; один из них мы встречали уже в Сингапуре: рамбутан. Огненно-красные грозди, выставленные на продажу, дополняют впечатление бризантной картины улиц; плоды напоминают по форме наш конский каштан, только колючки желатинообразные. Третий сорт тоже известен в Европе — он ввозится в консервированном виде под названием Leeches[161] и присутствует в меню любого китайского ресторана. * * *

После полудня в старой столице Тайнана. Сначала в конфуцианском храме, просторном, окруженном стеной святилище, где мы не увидели ни благоговейно молящихся, ни культовых действий. Начавшийся упадок, временно задержанный музейными табу, которые были выведены на китайском и английском языках.

Устройство оставляло впечатление Академии; всплыли воспоминания о Платоне, Лойоле и других гениях педагогики. Маленькие храмы, пагоды, крытые галереи, учебное здание с красивым мощеным внутренним двором. Аудитории, предназначенные, видимо, для экзаменов. В одной из них, в «зале наибольшего успеха», хранится ларь, посвященный богу литературы. Эта персонификация наверняка пришлась бы не по вкусу Конфуцию, который отличался абсолютно рационалистическим, аметафизическим образом мыслей. Но, возможно, он воспринял бы ее как аллегория, поскольку был готов был к уступкам. Так, он считал полезной даже веру в жизнь после смерти, хотя она противоречила его внутренним убеждениям. Но, отрицатель богов, он не избежал участи стать в свою очередь объектом культа. Так обстояли и обстоят дела с великими носителями света.

Наверное, он без удовольствия увидел бы и драконов, украшавших конек крыши и фронтон. Они были выполнены в исключительно изящной манере; язык, ноздри и вытянутый гребень спины уподоблялись чувствительным нитям, антеннам земной власти, которая нашла свое главное воплощение в образе крылатого змея.

Эти стражи, равно как и высокие красивые деревья, затенявшие двор, без сомнения больше понравились бы Лао-Цзы, любимому сыну Земли. Среди них могучий экземпляр восточно-индийского фигового дерева, чьи висящие в воздухе корни образовали рощу перед обнесенным стеной храмовым прудом. Впервые я увидел здесь рыбью пальму[162], кариоту. Ее разделенные метелки выглядят как чудовищно увеличенные листья дерева гинкго.

Конфуций был великим praeseptor sinensis[163], на учении которого основывается тысячелетняя служба — служба жены, дочери и невестки, служба сына и внука, ученика, служащего и гражданина государства. Управлять, конечно, должна отцовская доброжелательность, но она остается основанной на разуме деспотией. Такое впечатление

Конфуций производил на всех западных путешественников.

Можно, правда, предположить, что ярмо не навязывается, а его требует тот, кто намерен покорно его нести. По существу, вероятно, изменилось меньше, чем кажется. Одна подневольность заменилась другой. Марксизм похож на конфуцианство, поскольку основывается на моральном и рациональном понимании и довольствуется земным благосостоянием. Налицо также принципиальная педагогическая установка. Она создает поле для бонз, мандаринов и педантов всякого сорта.

Тот факт, что Лао-Цзы по сравнению с Конфуцием оставил после себя так мало, тоже говорит в пользу неизбежности того, что выбор пал на Конфуция. Суть Лао-Цзы противоположна сути Конфуция. «Совершенный мудрец избегает мира». Так говорит Лао-Цзы. Конфуций, напротив, хочет обращаться к миру, чтобы навести в нем порядок, и оба достигают своей цели.

С астрологической точки зрения Лао-Цзы гораздо древнее. «Высоко-выдающийся, почтенный возрастом господин». Его обоснования глубже, чем человеческое общество и государства с их беспокойством.

В Конфуции, как и в Моисее, несомненны черты Овна; в таких умах концентрируется бродящая сила созвездия пророческой и законодательной власти, порядок которой продлится тысячелетия.

Лао-Цзы, напротив, утверждает более древний и более достойный знак Тельца. Здесь мир приводится в движение из покоящегося; он укрощается властью неделания. Я всегда видел глубокий смысл в том, что Лао-Цзы верхом на быке, на темном водяном буйволе, едет отсюда на запад через последние пограничные перевалы. Так изображают его старинные картины; вот еще один, идущий к цели. Сюда относится не только знание, но и владение серединой. Полководец меньше всех меняет местоположение.

Не стоит и говорить, что его фигуру морально эксплуатируют различные секты, используют в своих целях монахи. Но примечательно то глубинное воздействие, которое она снова и снова оказывает на одиночек. Такое благоговение связано с непосредственной властью духа Земли. Лао-Цзы не вождь, не спаситель — в его существе выявляется абсолютная, достойная уважения природа.

Влияние этого духа не ограничивается историей культуры; он внеисторичен, как поток или дерево. Поэтому он возможен в любое время и не зависит от истории. О Лао-Цзы говорится, что он возрождается, как Будда. Гёте, Шеллинг и Ницше находятся на его стороне так же, как Гегель находится на стороне Конфуция.

Затененные старыми деревьями дворы для летних бесед, крытые сводчатые галереи для бесед зимних, кельи для уединенной медитации и заставленные книгами залы для общих занятий — тут можно выстоять. Я охотно б остался в этом месте еще дольше, но время было ограничено. * * *

Снаружи в суতোлке главной улицы мимо провозили диковинные грузы, проехал, например, наполненный акулами грузовик. Плавники, с которых еще капала вода, волочились по мостовой, колье белых с синеватым отливом зубов сверкало на солнце. Груз направлялся туда же, куда и мы — в огромный трактир, запасы которого удовлетворили бы даже Гаргантюа.

Место это представляло собой нечто среднее между временным и стационарным сооружением — не палатка, а аркада со стенами из выкрашенных в зеленый цвет деревянных решеток. Городской квартал из клеток с грилями, связанных крытыми переходами, веселый лабиринт для продолжающегося круглый год праздника на открытом

воздухе.

Сотни поваров со своими помощниками прилежно колдовали здесь у открытого огня и закрытых плит. Очевидно, у каждого было свое фирменное блюдо и постоянные посетители. В аркадах толпился народ; дети и собаки играли на полу под столами. Повсюду двигали челюстями, слышались неспрестанные жевательные звуки, такие интенсивные, какие только и можно встретить в странах, где еще свежа память о голоде.

Наконец, с помощью Чин Чэня и водителя нам удалось раздобыть столик; наше появление, похоже, подстегнуло царившее здесь веселье. Мы привлекли всеобщее внимание, как робинзоновский Пятница в гамбургской «Zeit». Это чувствовалось уже в более или менее приветливых возгласах «Привет» или «Эй, Джонни» посетителей, предающихся там чревоугодию. Стало быть, нас приняли за американцев — чем дальше удаляешься от своей почвы, тем грубее становится классификация.

Сделать заказ тоже оказалось непросто — сперва мы по-немецки высказали свои пожелания агенту, который по-английски пересказал их господину Чин Чэню. Тот, в свою очередь, по-китайски проинструктировал водителя, который озвучил поручение на кухонном диалекте.

К тому же большинство блюд производили курьезное впечатление; их невозможно было даже определить по структуре, не говоря уже о названии. После того как мы сделали свой выбор, выпили обязательный зеленый чай и освежились горячими и холодными полотенцами, я поднялся из-за стола, чтобы немного осмотреться за кулисами, причем я точно запомнил дорогу, чтобы не затеряться в лабиринте.

Меня опять охватило изумление — не только от общего изобилия съестного, но и от его особого разнообразия. Богатство раковин и улиток поразило бы даже коллекционера conchylie[n]164]. В высоких стеклянных банках плавали не только различные виды лягушек, но и жабы с пятнистыми брюшками, каждый сорт в отдельности.

Очевидно, существовали и рецепты сочетания этих уже самих по себе диковинных вещей, ибо кольцо зрителей окружало стойку повара, наполнявшего котел из сковород и кастрюль. Он то поднимал ложкой, вилок или половником твердые и жидкие вещества из своих сосудов, то отрезал дольку лука или зелени, потом хватал щепотку пряностей. Так некогда старые аптекари на открытом рынке варили противоядия. Обращала на себя внимание артистичная элегантность стройного алхимика, не терявшего ни секунды, как будто он играл на различных инструментах часто исполняемую мелодию. Зрители были заворожены его искусством — они не сводили с него глаз.

Я с удовольствием сделал бы более обстоятельные заметки, например, о способе, каким выкладывались для обозрения каракатицы, нарезанные кусочками от дюйма до фута длиной. Кальмар был выпотрошен, и голова воткнута в разделенную пополам оболочку. Это напоминало цветок с десятью тычинками. Восьмирукие спруты были частично высушены и висели на стенах, подобно коричневой изгороди. Имелись и маленькие, изящные виды, которых жарили с пряностями и продавали в прозрачных пакетах, по-видимому, как лакомство. Я пробовал их еще на рынках в Японии.

Каракатица, которая с доисторических времен в огромном количестве населяет моря вплоть до океанских глубин, входит в основной рацион не только многих морских обитателей, но и человека; один из предрассудков северян заключается в том, что они ею брезгуют.

Художник тоже чувствовал бы себя здесь вольготно; казалось, будто краски состязались в интенсивности с шумами и запахами. Это особенно касалось бахчевых, например, разрезанных пополам арбузов, лущившихся сочной мясной краснотой.

Я спросил себя, как далеко в эту картину уже проникли чуждые элементы — по сравнению с

сообщениями прежних путешественников? Прежде всего, пожалуй, в одежде, где — у женщин меньше, чем у мужчин — преобладал европейский фасон. Затем пелена автоматической, пусть не в текстах, а в мелодиях западноевропейской музыки. Еще, разумеется, вентиляторы, холодильники, даже с собственных фабрик, консервы, унифицированные бутылки и банки всякого рода. Совершенно неизбежными и даже преобладающими окаменелостями будущих геологических слоев окажутся некоторые стандартные изделия, которые господствуют уже в планетарном масштабе. Невозможно избежать бутылок «Кока-колы» и некоторых марок сигарет, как бы далеко ты ни забрался в Сахару или на Северный или Южный Полюс. Видимо, такими будут и первые следы человека на Луне.

Вообще возбуждающие средства и энергетики распространяются легче и быстрее, чем любой другой товар — не только из-за их незначительного веса, но прежде всего потому, что они отвечают недифференцированному вкусу. Переход народа от одной зерновой культуры к другой или вовсе от растительной пищи к мясной может занять очень много времени и даже преодолеть сильное сопротивление, как то доказывает введение картофеля в европейских странах. Зато за первой сигаретой вскоре следует бесчисленное множество других. Человек больше стремится к наслаждению, чем к насыщению. Это исстари проявлялось в торговле; яркий пример — торговля солью.

К energeticis относится также топливо для моторов, сбыт которых за последние десятилетия уже покрыл мир плотной сетью. Тут можно изучать новые ленные отношения; от Shell и Esso живут не только бензозаправщики, но и короли.

Такие наблюдения немаловажны для оценки всемирной торговли. Книгу учета ведут англосаксы. Сюда же относится и та особая легкость, с какой перенимается их язык. Вероятно, еще более важным оказывается преимущество латинского письма перед всеми другими. Его находишь повсюду, будь оно само по себе или рядом с туземными идеограммами на вывесках, рекламе и дорожных знаках. Тот, кто может его читать, пройдет по всему свету. * * *

Блюда уже были поданы, и прислуга стояла наготове с новыми горячими полотенцами. Не желая рагу, я заказал себе большого краба. Тем не менее я попробовал еще угрей с блюда. Они были едва толще карандаша, и только по головам можно было удостовериться в их морском происхождении.

Разговор за столом зашел о позитивных и теневых сторонах пребывания на Тайване, и при этом Лотариус, не очень галантно в отношении Штирляйн, похвалил преимущества китайской женщины в сравнении с европейской. Маленькие ступни и кисти рук, маленький нос, более мягкий голос, китайская женщина более нежна и изящна, более скромна и любезна во многих отношениях. И, прежде всего, она гораздо меньше подчеркивает индивидуальность. Там, где эта похвала поется с таким усердием, можно предположить, что этому предшествовал неудачный опыт с европейкой или даже с американкой. * * *

Потом мы отправились на большие внутренние воды страны, на Коралловое озеро. По дороге мы останавливались в местах, привлекавших наше внимание. Например, еще в городе мы зашли в маленький буддийский храм с фасадом, который заканчивался похожей на нос корабля крышей. Внутри царило запустение; картины и резьба лежали на полу, алтарь с чашами для курений был покрыт пылью. В этом состоянии святилища производят впечатление неприбранных детских комнат; нередко, как случилось и здесь, они служат площадкой для игр.

На пути лежал An Ping Castle, старинный голландский форт Зеландия, укрепленный замок из красного кирпича. Голландцы недолго смогли продержаться на острове, которым овладели следом за португальцами. Они вынуждены были снова отступить еще в семнадцатом веке, когда и явились, и в целом находились в стране чуть больше тридцати лет. Их замок хорошо

сохранился; красная печать, указывающая место, куда они запустили свой коготь.

По сравнению с покорением Филиппин испанцами, которое началось уже на сто лет раньше, это покорение стало короткой интермедией. Ему, наверное, способствовало то обстоятельство, что морская трасса проходила мимо испанских владений. Без продолжительных распрей европейцев между собой было б едва ли возможно, чтобы китайский пират, Коксинга (Kuosing-ye)[165], принял их наследство, захватив Тайвань.

В прежние времена замок был с трех сторон окружен морем; нынче он лежит в глубине наносной суши. Стены его были наполовину прикрыты кустами плюмерии, походящими на высокие олеандры. Их сильный аромат пронизывал болотные испарения изменностей, которые, вероятно, еще древнему Коксинге сослужили службу в борьбе с голландцами.

В таких местностях мы особенно сильно ощущаем боль, которая сопровождает всё историческое и неразрывно с ним связана. Это пограничные пункты в череде исторических событий. След ноги еще четко вырисовывается, и все же то, что здесь происходило, уже теряется в неизвестном. История соприкасается с областями, которые ее закону не подчиняются, — с приключениями, стихиями, лихорадкой и мечтой. * * *

В церквях и монастырях тропических стран желтеют акты, погрызанные термитами. Словно на пыльной кружевной ткани мы расшифровываем имена, числа и буквы. Занесенные в эти списки умерли от лихорадки, кровь их проросла в крови чужих народов, дома их разрушены землетрясением. Здесь имя быстрее погружается в забвение или теряет контур. А на именах основывается история, иначе она погибает.

Печаль перед такими руинами у границ времени и пространства — она говорит нам, что мы стоим у своих собственных границ. Вся история — это наша история, от Геродота и Фукидида до Ранке и Шпенглера; потом приходят коксинги и викинги. Они знают только бескрайнее и настоящее. То, что есть другие миры помимо нашего, — осознаешь в таких местах с чувством восторга и вместе с тем болью. * * *

Зеленое зеркало Кораллового озера среди тропических лесов и низкие, густо заросшие островки в центре его напомнили мне гравюры в одной из моих первых любимых книг — «По неизведанному континенту» Стэнли[166], — так я представлял себе Викторию Ньянзу[167]. Правда, берег в двух местах был пробит шурфами — велись подготовительные работы под строительство водоподъемной плотины и большого отеля. Для поисковиков, которые нынче толпами бродят по самым глухим местам, важно не столько статическое, сколько динамическое освоение областей. Потоки должны регулироваться, будь то потоки воды или потоки туристов.

Но мы еще смогли насладиться уединенностью, взяв напрокат лодку и отплыв подальше. Вода была матово-зеленой — густой суп водорослей — и глинисто-желтой вокруг небольших островов. Из-за скользкого берега мы не без труда причалили к одному из них. Я не мог припомнить, чтобы когда-либо купался в такой теплой воде на открытом воздухе; температура воды превышала температуру воздуха, который кишел прожорливыми москитами. Они двигались настолько стремительно, что между подлетом и укусом почти не делали паузы; островок походил на печь, из которой во все стороны разлетались искры. Поэтому мы, смешно прыгая, поспешили опять одеться.

Каждое неудобство имеет и свою приятную сторону, если только уметь ее находить, так же произошло и с этой атакой; она натолкнула меня на мысль: «Здесь следовало бы вознаградить себя subtilной охотой». Еще во время заплыва вокруг лодки порхали крупные бархатисто-черные мотыльки. И я не обманулся: стоило мне постучать палкой по одному из высохших прутьев бамбука, как распахнулись врата изобилия; тут же на козырек, который я подставил снизу, упало несколько драгоценностей. Выражение «драгоценность» отражает как

великолепие и размер видов, так и неожиданность, даже замешательство, которое они вызвали: Демиург снова поймал меня на одну из своих бесчисленных хитростей. * * *

С наступлением темноты снова в Гаосюне. Пылали огни; сутолока стояла необыкновенная. Совсем молоденький морячок, совершенно пьяный, был взят на буксир формозской девицей и транспортировался в безопасное место. Его тело буквально висело на буксирном тросе, и сказать, что он испытывал «бортовую качку», было бы слишком мягко. Он смотрел вверх; наверняка он воспринимал только световой танец, который, сливаясь, исполняли китайские иероглифы.

Мы еще проводили Лотариуса к нему в отель, одну из скучных коробок с климат-контролем и телевизором в каждом номере. В огромном зале ресторана мы были единственными европейцами; от шума чуть не рушились стены, хотя здесь не кутили. Но еда выглядит аппетитно, и умолчать об этом нельзя, поскольку она играет господствующую роль. Китайская кухня, по мнению знатоков, изысканнее кухни европейцев, даже французской. Значительней и на первый взгляд более захватывающей предстает совершенно неистраченная радость наслаждения. Она является признаком доброй, несокрушимой жизненной силы и противоречит картине поздней культуры, нарисованной Шпенглером. Это — схема, в которую китайцы не вписываются.

В ответ на мой вопрос, как звучит слово, означающее еду, мистер Чин Чэнь сказал: «Чау-чау» — намек посредством звукоподражания на исполненное удовольствия движение челюстей. У нас нечто подобное есть только в аргю.

Как в любом искусстве, здесь тоже развился ряд стилей — например, стиль Кантона, Шанхая, Сычуаня, Хунаня, Пекина, а также монгольский стиль. Одни уравновешенные, другие пламенные, у каждого есть свой центр тяжести — рыба, мясо, домашняя птица, моллюски в раковине.

Утка по-пекински славится на весь мир, хотя корону у нее оспаривает Сычуань. Мистер Чин Чэнь заказал ее для нас — копченая с чайным листом бойцовская утка, к которой на стол подается «заварной хлеб», напоминающий белоснежную, мелкопористую резиновую губку. Хотя птица была задумано как вступление, мне пришлось вскоре сложить оружие и любоваться видом следующих блюд и вкушающих. Появился красный карп под тончайшей корочкой, которая трескалась от малейшего прикосновения. Кожа облегла его деликатным панцирем — мы спросили себя, благодаря какому фокусу удалось сделать это, не разрушив субстанции. При смене кушаний одетые в синюю униформу официантки поставили на стол миску, полную акулых плавников, — не как у нас: жидкое и прозрачное, а густое студенистое кушанье.

Можно без натяжек предположить, что китайские повара хорошо знают повышающую половую возбудимость ценность каждого кушанья, как наши — содержание в них витаминов. При взгляде на некоторые их подносы создается впечатление, что они и мертвеца могли бы пробудить к жизни, как то говорят о волшебном корне женьшень.

В завершение был еще подан суп, в котором плавало нечто похожее на цветы. От него шел превосходный аромат. Между тем шум усилился, хотя казалось, что громче уже едва ли возможно. Посетителей было, конечно, более чем достаточно, ибо разнообразие блюд уже по экономическим причинам требует больших обществ. Они теснились вокруг круглых столов, в середине которых стояли миски и тарелки. Как длинноклювые птицы протягивают пирующие свои палочки к этому центру, чтобы раздобыть кусок мяса, рыбы или рагу, которое еще по дороге приправляется пряностями и соусом. Дивисься артистизму, с каким передвигаются разнообразные материи. В той элегантности, с какой вареная стеклянная лапша, точно прозрачный серпантин, вспархивала от миски в воздух и затем отправлялась в рот, было что-то от волшебного фокуса.

Естественно, стол постепенно покрылся жидкими и твердыми пятнами. Вообще их обычай поведения за столом отличается от обычаев Запада.

ГАОСЮН, 15 АВГУСТА 1965 ГОДА

Утром я еще раз поднялся на храмовую гору. Парк называется Шаосянь. На улицах продолжали жечь фейерверки.

Во второй половине дня мы поехали к озеру Тапей, которое снабжает город водой. Оно окружено декоративными парками, в которых красными пятнами вспыхивают мосты, павильоны, башни и храмы. Дорожки, бегущие по зеленому полю, тоже красные. Мосты, чтобы запутать злых духов, выстроены зигзагом.

Парковая разбивка напоминает наши дворцовые сады еще и тем, что служит обрамлением для резиденции, в которой обычно отдыхает старый Чан-Кайши. Разумеется, только днем, как сказал мистер Чин Чэнь, из соображений безопасности. Тут вспоминаешь о Санчо Панса на Баратарии.

Дороги и набережная были заполнены пестрой толпой. Яркий шелк, зонтики от солнца и нежные оттенки косметики на лицах женщин придавали процессии праздничное настроение. Здесь же вились стайки детей под надзором преподавателей. Мир учится.

Американский сержант в коляске рикши, сидит, откинувшись, рядом с китайкой; она чрезвычайно изящна, он мощного телосложения, но в то же время в нем есть что-то ребячье, он держит под мышкой только что купленного гипсового Будду. Возлежа в плетеной корзине, почти не задеваемый самобытностью людей и вещей, но все-таки наслаждаясь их атмосферой, он представлял собой картину полной самодостаточности, отдаленную копию великого Будды, объезжающего эфемерный мир или, лучше сказать, позволяющего этому миру струиться сквозь себя.

Время от времени мы входили в какой-нибудь храм. Вокруг старинной бронзы, картин и тканей светят электрические лампы, внутрь проникает музыка из динамиков, загораются и гаснут огни фотовспышек. Досадное ощущение ввиду таких контрастов вызвано не столько надломом стиля, сколько уходом богов, который он предвещает. Он делает мир более пустым, чем вердикт Ницше. Потеря богов безвозвратна; здесь нельзя, как в монотеизме, помочь себе абстракциями.

Но солдат, который вошел в храм и стал творить молитву? В молящемся по-прежнему решается великое уравнение между двумя неизвестными — «Maintenant a nous deux»[168]. Он не знает неведомую силу, к которой обращается, и он не знает себя самого. Великое приключение — возможно, религии нужны также для того, чтобы оно не заводило слишком далеко.

Отдельному человеку во многом оставляется право решать, во что ему верить, — вот большое преимущество дальневосточных универсальных религий по сравнению с религиями Ближнего Востока. Каждому свое — каждый ищет в завуалированном изображении то, что он может понять. Имена, в том числе имена богов, — пустой звук. * * *

На прощание еще по рюмочке виски с мистером Чин Чэнем. Христианин, он родился в Макао, классических входных воротах не только китайской торговли, но и христианства. Оттуда же начиналась и авантюрная миссия патера Хакса, проехавшего по Срединному царству и Внутренней Монголии. («Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, le Thibet et la Chine»[169] —

любимое чтение Леона Блуа, который по праву предполагал в нем наличие магических приписок.)

Чин Чэнь служил артиллеристом и участвовал в боевых действиях на Квемое[170]. Пытаясь передать ведение огня из орудия, он своими движениями напоминал стиль кабуки. «В кого я мог там попасть? Во всяком случае, в человека, который так же мало знал меня, как и я его. Безумие — но что тут поделаешь».

Мимика и жестикация делали слова почти излишними, хотя английский он знал превосходно. Там, где заученное становится второй натурой, можно, подобно зрителю, наслаждаться одновременно грамматическим и артистическим мастерством. Правда, «вторая натура» предполагает, что у стороннего человека не возникает впечатления, будто тот «охотно слушает собственную речь». * * *

Капитан через стюарда прислал мне «толстого Джонни», который ночью, увлекшись, залетел к нему в каюту. Он поместил животное в пластиковый пакет — гигантский плавт[171], вообще, одно из самых крупных насекомых. Он проводит дни в болотах, а ночью далеко летает над сушей. Я рад улову, потому что хочу привезти из поездки несколько экземпляров для Мюнхенского музея.

Мой охотничий азарт не остается совершенно втуне, потому что на борту тоже подворачиваются удобные случаи. Каждый собиратель вынужден приспособливаться к окружающей среде; прогулочная палуба с лампами и прожекторами предлагает ему освещенные галереи. Эта новая площадка с ее праздничным освещением не только удобна своей доступностью, но и имеет то преимущество, что сама находится в движении, и таким образом в каждой гавани на нее залетает новая дичь, причем часто редкостных видов, которые днем предпочитают скрытые убежища.

Тайвань входит в мои охотничьи угодья, потому что созвучен с китайской фауной; в тропических областях преобладает малайская фауна с некоторыми роскошными видами.

НА БОРТУ, 17 АВГУСТА 1965 ГОДА

Вдоль Лусона[172]. Синее море, летучие рыбы, когда поутру я выглянул в окно каюты. Гладкость волны, эластичность. Отдохнув за ночь, глаз воспринимает больше не только в пределах зримой шкалы, он схватывает гораздо шире. Это синее, засасывающее скольжение уже не было просто зрелищем. Скорее уж приглашением. Подобное происходит у меня с математическими фигурами, например, с квадратами, которые образуются петлями сетки; они выходят за пределы чистой зримости.

В полдень летучие рыбы выпрыгивали даже на палубу. Я читал там процесс адвоката Хау, одно из крупных криминальных дел, которое живо помню еще со школьных лет. Накладная борода, «Красная Ольга»[173], выстрел в темноте некоторое время были постоянной темой застольных разговоров. Такие типы, как Хау, встречались мне часто; умственные и нравственные качества находятся здесь в дисгармонии. Прокурор с полным основанием обвинял его в коварной тактике защиты.

Отрицание любой ценой, правда, имеет еще и другую тенденцию, нежели простое спасение головы; поэтому оно продолжается и после вынесения приговора. Должна быть увидена или восстановлена нравственная картина, и притом в собственном хозяйстве. Для этого преступник должен сначала сам убедить себя в том, что он невиновен. В крайних случаях он предпочтет «умереть невиновным», чем быть помилованным виновным. Фикция долго не

выдержит. Так можно объяснить самоубийство, которое Хау совершил после освобождения. Он предпринял последнюю ревизию. Но эта смерть значительно поднимает его и над уровнем обычного уголовного преступника.

Иначе ведет себя Раскольников: мы все за всех и во всем виноваты. * * *

В связи с этим мне в полдень пришла на ум крепко сплетенная сеть опыта, которая тонет в момент смерти: все эти факты, данные, встречи, выученное, увиденное, беседы, чтение, географические и исторические ландшафты, мода с ее глупостями, деяния и преступления, нюансы, колорит которых блекнет еще при жизни. Все это должно погибнуть; узлы и петли растворяются в воде.

Но тогда высвобождается то, что мы, часто о том не догадываясь, этой сетью поймали. Волна познается в море. * * *

Должна ли существовать возможность завещать знания, как завещают имущество? Прежде мне это казалось справедливым. Однако: если б и можно было завещать приобретенное, то все же не пользу, которая связана с приобретением и к которой не ведут никакие другие пути, нет другого доступа. «Благодать — награда за усилие».

Наследование накопленных знаний повело бы к зримым центрам магической власти, в итоге — к господству злых карликов над миром. Оно вырисовывается уже в тех типах, которые со своими арифметическими фокусами купаются сегодня в лучах планетарной славы. * * *

Стирая информационную память, вплоть до индивидуальности, природа накладывает на вид нечто вроде налога на наследство.

Стоило бы исследовать, насколько этому противоречит «передача по наследству приобретенных качеств». Здесь можно было бы возразить, что некий стандартный набор должен осваиваться в ходе интенсивного курса обучения. Мы наследуем язык с его грамматическими тонкостями, а учиться говорить должны сами. Наследник должен соучаствовать в процессе. Усилием не следует пренебрегать, поскольку биос — как в эмбрионе, так и в ребенке — движется в иных временных порядках.

Так ты тоже зависишь от времени, которое всегда пожирает своих детей. В сущности, любой порядок наследования ведет к ослаблению. Отсюда чувство, что мы «что-то задолжали» предкам. * * *

Всё новые поколения богов и людей, как учат мифы, порождает Земля. Можно было бы возразить, что этому противоречат уже палеонтологические сведения, согласно которым история Земли может читаться лист за листом.

Хорошо, но и это тоже остается частным случаем, как любая эволюция. Великой перемены без огня не бывает; мировой пожар не оставляет следов. Мы не знаем, как часто материя переплавлялась или превращалась в энергию. Тут кончается не только исторический слой — но и слои вообще[174]. * * *

Под вечер мы скользили вдоль поросших девственным лесом склонов Коррехидора.

МАНИЛА, 19 АВГУСТА 1965 ГОДА

Снова в Маниле. Водитель нашего гостеприимного хозяина отвез меня утром наверх к солдатскому кладбищу. Я пропустил обед; Штирляйн, которую я попросил купить для меня в

городе кое-какие игрушки, в том числе раковины и понравившуюся мне биссу[175], забрала меня на обратном пути.

Не каждый согласится с замечанием, что в гостях у мертвых чувствуешь себя как-то умиротворенно, защищенно. Противоположное чувство вызывает абсолютная пустота американских кладбищ, на которых за цветами присматривают фирмы похоронных услуг. Вообще по состоянию культа мертвых можно увидеть, в порядке ли сами живые.

Здесь поле мертвых тоже было пустым. Видимо, сказывалась удаленность от родины. Среди надгробных камней я заметил только садовников с инструментом. С одним из них я выкурил сигарету на скамейке в тени могучего фикуса. Девять песо за рабочий день; каждое второе воскресенье оплачивается. Девять детей, из них двое старших учатся в вузе; такие факты меня больше не удивляют. Я стоял перед Манильским университетом; студенты и студентки роились вокруг него в необозримом количестве. Ризаль — это тип: любознательный, хороший ученик с благородной основой, астенический, истощенный. Западноевропейская наука еще воспринимается так же серьезно, как в минувшем столетии у нас в Гейдельберге и Гёттингене.

Взрывное одухотворение «планеты» еще сильнее, чем изменение технических и экономических структур, свидетельствует о том, что мы вошли в новый дом. Там горит огонь; видимые языки пламени — это его отражение во времени. Начинает пылать даже то, что до сих пор казалось нам негорючим.

Этими потоками учащихся, кажется, правит инстинкт, который противоречит логическим размышлениям, ибо обучение здесь уже едва ли позволит найти работу. Для противовеса нужно было бы создавать новые монастыри и ордена, что опять же противоречит духу времени.

Мне хотелось бы представить эти и другие противоречия эпохи в виде волны, которая, все нарастая, накатывает на цепь рифов. Она разобьется, однако движение ее все же достигает лагуны, лежащей за рифами. Там время изменяется. При этом мне вспоминается один разговор, который я однажды по иному поводу вел с Эрнстом Никишем. Речь зашла о материализме; он сказал: «Вы не знаете, какая бабочка разовьется из гусеницы». * * *

Часы, проведенные здесь наверху, я могу отнести к тем, когда в бокал не упала ни одна капля горечи. Они, вероятно, чаще всего выпадают светлым натурам. Баловням судьбы, пожалуй, постоянно свойственно это жизнеощущение.

Настроение создает солнце, близость деревьев и цветов; видимо, как-то передается их внутренний уют. Земля облачается для нового праздника. Обязательно должно быть ощущение гостя на празднике. Картины следуют одна за другой, как будто они были специально скомпонованы; они подтверждают ожидание, но не вызывают удивления. Теперь слово могло бы обрести полный вес; еще лучше, чтобы оно не прозвучало, не было высказано.

Более стройных аронниковых я не видел ни в одной точке Земли, ни в одной теплице; впечатление усиливалось за счет того, что они стояли свободно. Зелень огромных листьев была еще желтоватой, как будто они за ночь привяли; по краям сверкала кайма капель, листовые влагалища были наполнены соком. * * *

Пароход стоит далеко на рейде; нагруженные покупками, мы возвращались обратно на одном из прогулочных катеров. Переход с края борта на трап, особенно при волнении моря, превращается в гимнастическое упражнение, которое не всегда удается. Так и на сей раз — Оле, наш гамбургский стюард из бара, оступился и вместе с пакетами упал в воду, однако был тотчас же снова выловлен полуголыми филиппинцами, которые сопровождали нас в качестве боцманов.

Не всегда такого рода купание заканчивается настолько благополучно; кроме утопления существует опасность быть затертым между тяжелыми корпусами судов. Как я слышал, во время предыдущего рейса нашего корабля при переходе исчезли врач и молодой матрос, их так и не нашли. Накануне ночью матросу приснилось, что он якобы утонул; он проснулся в унынии. * * *

Манила славится не только своей коноплей и сигарами, но и закатами солнца. Я вполне в этом убедился за тот час, в течение которого разыгрывался великолепный космический театр — многоцветный спектакль, разросшийся до драмы и закончившийся трагедией. Море становится кровавым: Адонис прощается с миром.

В этом смысле тропики тоже выводят далеко за привычные рамки. В насыщенном воздухе краски расплываются на влажном фоне. Благодаря различной высоте облаков они превращаются в кулисы и озаренные лучами занавеси. Это создает глубину перед простором морского горизонта. Поднимающиеся из воды испарения, словно выпуклости сепии, висели перед отмелями из розового кварца и малахита. Золото повсюду, от тончайшего напыления до массивной концентрации, золото в лучах, как оправа облачных граней, как последнее просветление перед гибелью в огне. Великая тема: блеск и угасание материи.

«Перед ночью смерти он видел такой же закат?» Я задал вопрос Штирляйн, которая стояла рядом со мной, опершись на поручни; я имел в виду одного из наших великих мимов, который отправился умирать в этот город[176].

БУГО, 20 АВГУСТА 1965 ГОДА

Пройдя за день и ночь вдоль изрезанных, поросших девственным лесом берегов Лусона, мы утром достигли Буго, небольшой гавани, скорее пристани, на Минданао, втором по величине острове архипелага. Фабрика со складами и деревянным пешеходным мостком, ряд бамбуковых хижин на песчаном пляже, за ними круто поднимающийся горный край с пышной растительностью. Сто лет назад испанцы содержали на Минданао несколько опорных пунктов между независимыми султанатами, дикими горными племенами, охотниками за черепами и пиратами — настоящие кладези для Джозефа Конрада; сегодня, в чем я — больше, чем мне это было бы приятно — смог убедиться сам, застроенные площади распространяются по долине и холмам. Девственный лес оттеснен на горы. Коренные жители тоже.

Вскоре корабль был окружен узкими лодками с выносными поплавками. Темно-коричневые филиппинцы подгребали на веслах, другие добирались вплавь, мужчины полуголые, девушки в одеждах, которые носят на суше. Из светло-зеленой воды махала рукой сирена в огненно-красном платье, сквозь которое проступало тело. Ее черные волосы колыхались в приливе. Свободные от вахты члены экипажа поспешили сойти на берег, в то время как ожившие краны, кивая длинными шеями, начали переносить ящики с ананасами, нагроможденные стеной на набережной. Праздничное настроение бездельников, толпившихся на берегу, указывало, что прибытие корабля не было повседневным событием. Филиппинцев как таковых можно распознать по их своеобразному виду даже в сутолоке большого порта, например, в гавани Сингапура: маленькие, стройные и изящные, приятные, интеллигентные существа, их можно считать разновидностью малайцев, которые заселили множество побережий и островов. Китайская и европейская кровь отчетливо проступает в отдельных индивидах, но в целом изменения едва заметны. Китайская доля наследства выражена более ярко, предположительно потому, что в ее основе монгольские гены. Чтобы привой хорошо развивался, подвой должен отличаться жизнеспособностью и

продуктивностью. Испанцы оставили после себя больше, чем физические приметы: христианство, литературный язык и европейскую цивилизацию в качестве фундамента, что сыграло на руку американцам. И исходило это не только от фортов, вокруг которых располагались города, но также от монастырей. Тот, кто изучает историю колоний, должен принять это в расчет: столетия не только эксплуатации, но и вложений, которые истощили такие страны, как Испания и Португалия. * * *

Портовая фабрика вместе со складами и конторами образует торговый центр острова; там перегружается товар: ананасовые консервы и ром. Следовательно, сахарный тростник тоже возделывается; кроме того, припоминаю, я однажды читал, что созревание рома ускоряется добавлением в него ананасового сока. На морском берегу отходы плодов образовали широкую полосу; золотисто-коричневые острорылые свиньи с наслаждением их поедали.

Потом мы поехали по плантациям — монокультура, простирающаяся до границ видимости. Маленькие самолеты распыскивали сверху белый порошок. Разочаровывающее зрелище заставило оставить всякую надежду на субтильную охоту.

Сбор урожая шел полным ходом; фрукты по ленточным транспортерам отправлялись в грузовики, которые их увозили. Когда мы один раз остановились, рабочие нагрузили нашу машину длиннотелым светлым сортом ананасов с превосходными вкусовыми качествами.

Нас пригласили в просторное бунгало, клуб для служащих, и там угостили; это было приятное место. Перед террасой веером расходился тропический парк — широкие, ухоженные газоны с отдельно стоящими пальмами и листовыми растениями, джунгли на заднем плане. Культура производит более сильное впечатление, если к субстанции не нужно ничего добавлять, только прореживать.

Главная пряность азиатских тропиков, карри, только здесь обретает свою настоящую прелесть. На стол его подают в виде соуса, в который нарезаются различные сорта мяса и которым затем поливается рис.

Я попросил вернуться пешком, и на обочинах дороги нашел все-таки кое-что ценное. Там еще росли «сорняки» и морщинистые стволы, по которым вверх заплетались лианы и грибы образовывали консоли. В древесине овальные отверстия-летки, благоприятный признак.

Редко, и особенно близ деревень, удается избежать любопытства, как здесь любопытства детей, которые вскоре собрались вокруг меня. Среди них маленькая девочка: «Насекомые? О, мы это в школе учили». Она принялась усердно помогать мне; наивное почтение перед науками.

Вечером на пляже. Хотя уже смеркалось, слой раковин светился так, как до сих пор мне приходилось видеть только в музеях. Между ними каменные кораллы[177], точно очерченные циркулем, величиной в ладонь, великолепные не только в целом, но вплоть до микроструктуры. Когда мы начали собирать все это богатство, нас снова обступили дети, которые набрали больше, чем мы могли унести. Поскольку нашей мелочи для вознаграждения маленьких помощников не хватило, мы повели их к магазинчику, чтобы разменять купюру и купить конфет, которые сразу же и раздали. Их крики и напор требующих рук были почти пугающими.

На борту матросы сообщили нам о коралловых садах на мелководье, где они занимались греблей и ныряли. Этот факт мы упустили; возможно, нам удастся наверстать это на Цейлоне. Большинство предпочло предаться другим приключениям, не лишенным риска. Дешевый ром и смуглые девушки, которые только того и ждали; могу себе это представить. Один прихватил с собой резное весло, не заплатив за него, другой надул свою подругу на пять песо — скромное вознаграждение за любовь. Это привело к ссоре, даже к ушибам. Судовой врач при перевязке: «Теперь я понимаю, почему Магеллан был здесь убит». * * *

НА БОРТУ, 28 АВГУСТА 1965 ГОДА

Дополнение к Сингапуру: второе пребывание было сконцентрированным; я не отрывался на записи. На борту мы подружился с миссис Нонуилер и навестили ее дома на окраине города. Супруг, представлявший здесь компанию «Шелл», улетел по делам на Борнео; китайский дворецкий выслушал распоряжения о чае и передал их далее персоналу.

Палисадник с подстриженным газоном и ухоженными деревьями, среди которых порхали тропические птицы, напоминал индийские миниатюры — картины, в которых благодаря кристально чистому воздуху, кажется, отсутствует перспектива. Семь бирманских кошек, еще более светлых, чем наша сиамская, потягивались в прихожей. Настроение позволяло догадываться о старом великолепии Straits Settlements[178], причем скорее в стиле Киплинга, нежели Джозефа Конрада. Я спросил себя, еще ли это или уже снова, или это лишь интермедия. Во всяком случае, у нефти другой потенциал, нежели у линкоров. Энергия сильнее и анонимнее; ею можно назначать и смещать князей. Но насколько еще хватит нефти? Какую картину будут являть собою колонии в конце нашего столетия? — факты опережают фантазию. В Азии развитие пойдет иначе, чем в Африке, и, кроме того, будет различаться в зависимости от региона; было бы лучше всего, если бы сложилось так, как в Центральной и Южной Америке. Там освобождение произошло гораздо раньше, да и расы основательно смешались при участии испанцев и португальцев.

Самоуверенность белого человека, без сомнения, позорно разрушена; Киплинг и Китченер [179] перевернутся в гробу. Но: если этос и пострадал, то номос все же остался, а с ним — претензия на превосходство. Грубо говоря: линкоры исчезли, однако пушки остались, хотя и распределены по-другому. Там, где освободившиеся из-под гнета слои населения хотят объясниться, даже между собой, они прибегают к языку бывших господ. Это справедливо, прежде всего, для техники; она является языком Рабочего. Мера, в какой овладевают техникой и репрезентируют гештальт Рабочего, определяет уровень совершающего это действие. * * *

Мы осмотрели коллекцию старых географических карт, в собирании которых находит удовольствие хозяин, в том числе ценные Нюрнбергские издания — Нюрнберг, как Прагу и Венецию, только в ином смысле, следует отнести к магическим городам Запада; часто наталкиваешься на личности, книги и вещи, которые это подтверждают.

Миссис Нонуилер не забыла также о моей страсти и пригласила профессора Мэрфи, университетского энтомолога. Среди энтомологов во всем мире чувствуешь себя как дома; мы договорились об экскурсии в горные леса Йохора, которые коллега обрисовал подлинным раем, и на следующее утро вчетвером отправились туда. Я заехал за профессором в его лабораторию и получил возможность выбрать себе из коллекций семь прекрасных Cicindelinae. Мы позавтракали по-китайски по ту сторону границы в Кота-Тингги и потом поднялись в горы. К сожалению, когда мы достигли места ловли, на нас неожиданно обрушился такой мощный ливень, что вода едва ни проникала в машину. Нам пришлось вернуться. На обратном пути мы все же немного вознаградили себя на цветущем кустарнике. Подробности я отметил в «Энтомологическом журнале». * * *

На другой день мы успели посетить музей жадеита, сделав, разумеется, значительный крюк. Проклиная китайских шоферов, я не уставал восхищаться их непоколебимой индифферентностью; наш сначала провез нас по всей территории города. И не помогли тут ни заклинания, ни уговоры. У меня на заднем сиденье возникло чуть ли не физическое

ощущение, что ширина плеч этого человека увеличивалась.

Тем не менее, поездка порадовала нас множеством картин: мы видели ленивую тропическую расслабленность на широких эспланадах, видели толкотню китайского города. Едва ли найдется место, где, как здесь, на таком тесном пространстве были бы собраны воедино церкви, мечети, храмы различных религий и сект. Мифические горы индуистских храмов походили на политеистические бастионы. Вскоре картины, казалось, слились в пеструю ленту; этому способствовало знойное солнце.

Не говоря уж о кружной дороге, водитель и тут сослался на недоразумение: в качестве цели мы указали музей Тигрового бальзама, а нас высадили в парке Тигрового бальзама. Тигровый бальзам — это чудо медицины, которому два брата, китайские аптекари, обязаны своим баснословным богатством; они за свой счет разбили парк и организовали музей, а также учредили некоторые другие фонды.

Парк, где мы непредвиденно оказались, производил впечатление кошмарного сна среди бела дня; американская безвкусица и китайская наивность смешались в чудовищный винегрет. Демоны в Диснейленде. Но паноптикум был настолько внушительным, что потрясал восприятие.

Станным казался уже искусственный лес в климате с такой пышной растительностью. Стволы были вылиты из гипса; листья и иголки на них были из зеленого металла, а цветы — из пестрого. Между деревьев паслись ящеры и химеры, например, гигантский рак с женской головой. На берегу населенного драконами моря тренировался метатель диска; рыболов вытягивал на сушу водяного буйвола. Посреди высоких волн крушение пассажирского парохода, будто нарисованного таможенником Руссо. Многие тонули среди огромных акул, другие сражались за спасательные шлюпки; зрелище, казалось, служило развлечением для призрака, который танцевал на спине черепахи; он был в шапке с коралловой пуговицей. Две мышинные армии сошлись в битве; санитары — тоже мыши — уносили с поля боя раненых на носилках.

В пространственном отношении здесь задуман Страшный суд, где только карают; стало быть, дело ограничилось первой частью «Божественной комедии». Можно было увидеть также сходных чертей за работой, как они действуют в дантовских *malebolge*[180]. Страшный судья с длинной белой бородой, по-царски одетый, велел выводить перед ним грешников; те ожидали приговора, стоя на четвереньках. Позади судьи зеркало, перед ним алтарь. Книга ему не требовалась; очевидно, преступления были ему известны, или он читал их по лицам приведенных к нему, которые, после вынесения им приговора, препровождались к местам мучения. Там их распиливали, разрезали, растапливали, протягивали по кустам терновника, варили в котлах, приковывали к печи, которая была похожа на ствол с раскаленными цветами. При этом использовались и машины. Один бледно-зеленый демон управлял газонокосилкой, другой с головой летучей мыши разбрасывал перед ним закованные жертвы. Я описал лишь небольшую часть нашего хождения по верхним и нижним мирам; оно закончилось в высшей точке парка: у прилунения. Астронавт предлагал упаковку «Тигрового бальзама».

Снаружи нам снова пришлось привыкать к действительности. Нарушение симметрии и равновесия относится к радостям примитивных увеселителей.

Коллажи: неуместное, неподходящее, чуждое размещается вместе и друг на друге. Образцы есть уже в царстве природы, например, в оперении попугая; птица считается символом безвкусицы.

Коллажи могут напугать, развеселить, не понравиться. В результате они должны были бы открываться — в смысле пасьянса или разрезной картинке-головоломки. Найдет ли таким

образом нерифмованное свою рифму, зависит от двух факторов: от внутреннего родства деталей и от художественного потенциала представляемого. Если лампа или кувшин оканчиваются фаллосом, то внутреннее родство становится очевидным; оно создает веселящую картину. Здесь тоже речь идет о превращении незримой гармонии в зримую. Это не должно пониматься эйфорически — сцены ада подходят особенно хорошо.

Как любой умеет играть в шахматы, так же любой может осмелиться на коллаж — здесь, как и там, из миллионов почти ни один не достигает звания мастера. Брейгель изображает преисподнюю аллегорически, то есть притчей; это может удовлетворить дух. Напротив, Босх распознавал внутреннее родство вещей на уровне атомов. Перед нами старое различие между «это означает» и «это есть».

Уравнивание исторического мира наукой и порожденной ею механикой оставляет после себя хотя и демифологизированный, но призрачный ландшафт, в котором невозможно ничего и возможно все. Экспрессионизм тесно связан с мировыми войнами; он типичен для эпохи. Пацифист потом тоже рисует взрывными мазками. Сюрреализм порождает картины, как в Тигровом парке. Я бы не удивился, встретив здесь фигуры Макса Эрнста, который, впрочем, работал в Сингапуре. * * *

Упрямство, с которым мы стремились в музей жадеита, было вознаграждено. Коллекция размещалась на большой вилле; китайский хранитель провел нас по залам, к сожалению, я не очень много понял из его объяснений.

Исключительная ценность, которую китаец придает жадеиту, должно быть, имеет непосредственные причины, объясняющиеся не только тем, что он красив и легко обрабатывается. Оценка подобна той, которая среди металлов выпала на долю золота, а среди минералов на долю горного хрусталя, и которую Альберт Великий[181] называет их тайной. Говорят, что это еще и сегодня можно почувствовать при виде этих поверхностей — некоторые напоминают луну, другие мхи, рассыпанный пепел, замутненные водорослями пойменные озера. Никакого сомнения, камень смотрит на нас и излучает глубину, от которой начинаешь грезить.

Знание таких сил пропало, равно как и знание лекарственных растений. Они были открыты не экспериментами, а непосредственным отношением. Признаком потери является то, что используются они уже не в культе, а находят банальное применение, проходя еще последующую механическую переработку. Эстетика и польза перевешивают оригинальную силу. Архаичны рыбы и цикады, которых клали покойникам на глаза. Красота драгоценностей и скульптурных произведений выигрывала от столетия к столетию и достигла своего апогея в восемнадцатом веке.

Тот, кто хотел бы исследовать геологию и историю жадеита, найдет здесь свою Мекку; нет богаче организованного места. Наряду с жадеитом представлены и другие минералы, которые пригодны к созданию аналогичных произведений: малахит, яшма, коралл, лазурит и розовый кварц. Большие витрины заполнены ими. Несколько кусков упали и разбились — как нам сказал хранитель, вследствие землетрясения.

Жадеит, имя которого носит здание, представлен сырыми глыбами и в разнообразной обработке. Жадеит белый и золотой, мшисто - и яблочно-зеленый, амбра - и дымчато-серый — кроме того переходы всех оттенков. Мы можем, так же, как у некоторых цветов и насекомых, выхватывать лишь заметные варианты. А подобрать названия всему этому разнообразию изначально кажется нереальным.

С любителем здесь могло бы произойти то же, что с персонажем китайской сказки, который, когда принцесса открыла лицо, упал в обморок. Я увидел рыбу из зеленого жадеита, на плавниках переходящего в золотой. Кроваво-красная ваза с шестью колокольчиками, включая

кольцо, на котором колокольчики эти висели, была вырезана из цельного куска — позднее творение высшего совершенства. Два белых слона стояли рядом со вскинутыми хоботами, концы которых грациозно соприкасались друг с другом. Должным образом рассмотреть маленькие, добытые из могильников кольца и амулеты у нас не хватило времени.

Если я правильно записал, коллекция составлена по стилям династий Тань, Сун, Юань, Мин и Цинь. Но классификация их затруднена тем, что здесь, как и в Японии, старые формы точно копировались во все времена.

Атмосфера не столько музея, сколько богатого частного дома. Кроме того, мы были там единственными посетителями. Грот сокровищ. Медичи удалось похуже именно в том, что касается камней. Перед входом нас задержали заклинатели змей; я обнадежил их, что мы остановимся при возвращении — тем временем разразилась гроза, и они убралась прочь со своими корзинками. Опять упущенное зрелище; надеюсь, мы наверстаем это на Цейлоне. * * *

В Ботаническом саду. Как некоторые города кажутся изваянными из цельного камня, так эти тропические парки — из девственных лесов. Табличка у входа предупреждала не связываться с обезьянами; они совсем не ручные. Мне пришлось на деле убедиться в справедливости упомянутого предупреждения, когда я раздавал им из пакета земляные орехи. Я не протягивал их обезьянкам, вскоре собравшимся вокруг нас, а бросал им орехи подальше. Это были забавные существа с золотисто-кариими глазами, все левши. Засмотревшись на них, я вдруг почувствовал удар, как будто на спину мне прыгнул демон, — это была старая обезьяна, вероятно, обезьянья мать; она вырвала у меня пакет и спустя мгновение снова сидела на своем дереве, где с удовольствием принялась один за другим поедать орехи, бросая вниз скорлупу. Наверно, это был испытанный прием, который она проделывала с каждым новичком. Нечто похуже происходит с Синдбадом-мореходом. Каждый остров, на который он высаживается, готовит ему новую ловушку.

Флора уплотняется до загадочных картин. Не угадать, какие листья и цветы принадлежат дереву, а какие вьющимся или паразитирующим растениям, поселившимся на нем. Мы отдохнули под индийским фиговым деревом, которое разрослось в целый лес; одни воздушные корни его свисали вниз подобно нитям, другие подобно канатам, а следующие опять же, образовали стволы, увенчанные крепкой крышей. Это, должно быть, было одно из тех деревьев, под тенью которых пряталась армия Александра.

Словно из помещения над сценой исполинского театра смотрели мы на парковое озеро. Воздушные корни были облеплены мхами и заросли зубчатыми, как олени рога, папоротниками. Всё казалось только что возникшим из всемирного потопа; с листьев еще капала вода.

ПОРТ СУЭТТЕНГЕМ, 1 СЕНТЯБРЯ 1965 ГОДА

Порт Суэттенгем, должно быть, значительный перевалочный пункт. Корабль стоит там несколько дней, чтобы выгрузить одни грузы и загрузить другие, главным образом различные сорта древесины; во время экскурсии на Иохоре мы увидели, как хищнически вырубается горные леса. Мы еще раз посетили мангровые заросли, чтобы поймать маленькую *Cicindela*, которая резвилась там на песчаной отмели. Она летала так быстро и настолько сливалась с землей, что мы ориентировались только по ее тени.

Впрочем, итог охоты в окрестностях остался скромным; страна очень культивирована. Зато обнаружили великолепные птицы, прежде всего орлан-белохвост с белой шеей, который в

одинокую или парю парил над обширной мангровой чащей, высматривая добычу. Я предполагаю, что эти края поставляют также основную часть деликатесов, которые предлагаются на сингапурском рынке рептилий.

На вёсельной лодке с молодым гребцом-малайцем мы рискнули отправиться в сплетение водных артерий. Архетипический образ болота повторяется там на более высокой ступени: разъединение, едва удавшееся, опять начинает сплавляться; все снова перемешивается. Ощутимо зловещее всасывание, близость эмбриональных образований, у которых отсутствуют конечности и глаза.

Во второй половине дня я по одной из импозантных аллей отправляюсь в Jungs Bar, китайский трактир, чтобы покурить там, выпить темного английского пива и понаблюдать за гостями. Дело ведет изящная китаянка, перебрасывает костяшки на счетах, обслуживает случайных посетителей, переводит и еще одаряет улыбкой.

В этот день состоялся банкет, который начался около пяти часов пополудни. Уже один вид разложенных на столе кушаний вызывал наслаждение. Среди поваров царило приподнятое настроение; я вправе судить об этом, поскольку мне пришлось неоднократно ходить на кухню; важные тонкости подглядеть, правда, не удалось.

У китайца более тонкая кожа, чем у нашего брата; отсюда его талант ко всему, что касается боли и наслаждения. Он, очевидно, хранит воспоминания о том чувственном мире, где кожа была мощным и неотъемлемым органом восприятия. Порой, когда я вижу животных вроде пульсирующей в парении медузы, у меня возникает впечатление, что они живут в постоянном эротическом соприкосновении с морем и едва ли могут быть от него отличимы. Так же как раковина, из которой вышла Афродита.

ПЕНАНГ, 3 СЕНТЯБРЯ 1965 ГОДА

Во время плавания я послал телеграмму в Юберлинген; в нынешнем году я не смог, как обычно, принять участие в праздновании дня рождения Фридриха Георга, который в моем календаре занимает важное место.

Пенанг. Мы опять раскатываем ковер; теперь гавани предлагают мне не столько открытие, сколько новую встречу. Так, повторным посещением храма змей я смог кое-что добавить к первому впечатлению. Опять в этом месте меня захватило настроение очень древних культов. Вероятно, оно будет вскоре разрушено путешественниками. О том, что его ощутил не только я, свидетельствует сообщение одного старого друга, евангелического теолога Тилике[182], который до нас посетил храм во время аналогичного плавания и особенно хвалил его исполненную достоинства тишину. Достоинство ведет себя каждый, кто проявляет внимание к чужим богам. То обстоятельство, что животных больше не почитают таким образом, должно быть, скорее регресс — монотеистическое обрезание божественной природы.

Храм был построен в 1850 году китайскими священниками. Богатый европеец, исцеленный ими от считавшейся неизлечимой болезни, пожертвовал землю. На Пенанге сохранились китайские обычаи и культы, которые в метрополии давно подавляются и даже, пожалуй, вымерли. Насчитывается до двухсот храмов; они носят, например, такие названия: Бессмертный утёс, Мифические драконы и Золотая гармония.

Мы поехали в Lone Pine и искупались в зеленых, очень теплых водах Индийского океана. Песчаный пляж ослеплял; он опять был слишком горяч, чтобы ступать по нему босыми

ногами. В садовом ресторане, где мы обедали, важно прохаживались между столами пестрые птицы величиной с чибиса, другие кивали нам с деревьев.

В проспекте, полученном нами в гавани, говорится: «Мы без преувеличения можем назвать остров Пенанг, пожалуй, одним из самых прелестных уголков дальневосточного мира. Его климат приятен круглый год». Должен согласиться, я здесь хорошо себя чувствую. Гармоничное взаимопроникновение азиатского и европейского образов жизни кажется оптимально удавшимся. Место для наслаждения, для акклиматизации, для отдыха. Он напоминает маленькие города в устоявшейся провинции, например, на Боденском озере. К тому же климат, когда ходишь «безнаказанно под пальмами». Однако:

Zu euch, ihr Inseln! bringt mich vielleicht, zu euch

Mein Schutzgott einst; doch weicht mir aus treuem Sinn

Auch da mein Neckar nicht mit seinen

Lieblichen Wiesen und Uferweiden[183].

НА БОРТУ, 4 СЕНТЯБРЯ 1965 ГОДА

Мы скользили вдоль побережья Суматры, мимо островов и местечек, которые отзывались в памяти, словно воскрешенные из прошлой жизни. «Палембанг» называлось одно из юношеских стихотворений Фридриха Георга.

Тропические леса; мшистые массы выглядят солидно, подобно зеленому медному шлаку, на склонах просвечивают светлые стволы. Иногда вверх тянется ниточка серого дыма от какого-нибудь костра, к сожалению, уже и здесь сплошные вырубки, но еще на много миль протянулись одинокие песчаные пляжи.

Там я мог бы собирать растения, увидеть, например, громаднейший из всех цветов, размером с автомобильное колесо, мясисто-красную раффлезию. Я неслучайно упомянул ее название — в судовой библиотеке я прочитал о крестном отце этого цветка, сэре Томасе Стэмфорде Раффлзе. Он относится к тем, кто в книгах о животных и садах продолжает жить дольше, чем благодаря деяниям и заслугам, как маршал Ньель — в чайной розе или леди Амхерст — в алмазном фазане[184]. Раффлз, родившийся на борту корабля в Вест-Индии, был на английской службе губернатором Пенанга, который в ту пору назывался Пуло-Пинанг, а позднее одно время также островом Принца Уэльского. Он принимал участие в завоевании Явы и имел там свою резиденцию вплоть до возврата острова Голландии. Но я не поэтому вспомнил о нем, а из соображения, что открытие Сингапура и превращение его в нервный центр этого лабиринта островов могло прийти, надо полагать, только в гениальную голову. Именно такой и обладал Раффлз, который проявил себя и в несколько ином отношении, например, как автор двухтомной истории Явы и собиратель обширных коллекций. Он-то и открыл на Суматре гигантский цветок вместе с Арнольдом, от которого тот и приобрел видовое название[185]. Раффлз умер в возрасте сорока пяти лет, в 1827 году, следовательно, еще в эпоху парусных судов, на которых неторопливее, но основательнее обходили эти архипелаги. В новом Брокгаузе (1956) я, правда, нашел раффлезию, но не упоминание Раффлза. Это подтверждает мою точку зрения; sic transit gloria[186]. Впрочем, во

всех вопросах, касающихся истории и культуры, я предпочитаю энциклопедии девятнадцатого столетия.

Вечером обед у капитана, во время которого шеф-повар, господин Бэрэнс, в очередной раз блеснул мастерством. Этот парадный обед повторяется на каждом отрезке плавания, так же, как большой шведский стол и баварский праздник мартовского пива.

Я нахожу прекрасным, что местоположение корабля рассчитывается ежедневно. Напротив, вездесущая музыка мне опять сильно мешала.

НА БОРТУ, 5 СЕНТЯБРЯ 1965 ГОДА

Я задремал в шезлонге. Мне пригрезилось, будто движение изменяется; корабль, казалось, остановился, а море, острова и побережья дрейфуют мимо. Они становятся внеисторическими и воспринимаемыми только в настоящий момент, как кильватерная волна, снова смыкающаяся за кормой.

Такими жизнеощущениями можно, вероятно, оспаривать существование; это впечатление внушил мне разговор с одним из наших американских пассажиров, который поднялся на борт еще в Гамбурге. Немецкие пароходы у англосаксов популярнее собственных.

Сорок лет сажал на Гавайях ананасы и следующие четырнадцать путешествует на кораблях по всему свету. При этом не нужно, как на суше, заботиться о жилье, кухне, гараже, ремесленниках, обслуживании, развлечении; найдешь и общество за столом, на палубе и в портах, если оно требуется. С собой лишь немного багажа и гардероба; в больших гаванях с беспрошльной торговлей, как Сингапур и Гонконг, можно сколько угодно менять белье и снаряжение; китайские портные прибывают на борт и к следующему утру доставляют требуемое. В карманных деньгах почти нет нужды, их заменяет особая чековая книжка американского банка: «A very fine thing»[187].

Предполагая определенный стандарт, этот behaviour[188] обходится даже дешевле, чем на суше. Есть, вероятно, мистерики, которые я представляю лишь приблизительно, — преимущества существования, проведенного словно бы без гражданства, без оседлого местожительства, существования, лишенного обязанностей и претензий. Ты становишься неощутимым, анонимным, почти невидимым. А издержки могут, вероятно, оплачиваться долей налогов, которые ты экономишь. Это уже довольно близко к последнему человеку, каким он представлялся Ницше.

НА БОРТУ, 11 СЕНТЯБРЯ 1965 ГОДА

Как же назывался главный город Цейлона? Я спросил себя об этом во сне и, даже проснувшись, не нашел ответа. Все равно города меняют местоположение и название; остров цветет ими, как дерево, и сбрасывает их, как плоды. Здесь брезжат в лесах исчезнувшие королевские города, к прудам которых слоны ходят на водопой.

Случаются дни, когда мы не полностью входим в бодрствование. Ночь, как наркотик, завлакивает всё в нас. «Я еще не нашел свою формулу», — имел обыкновение говорить в таком настроении Поль Раву[189] — и это состояние тягостно, хотим ли мы сформулировать мысль или запомнить имена и даты. Если же мы, напротив, хотим насладиться или вплотную

приблизиться к субстанции вещей, то оно и лучше, что контуры не выделяются слишком резко. Оно благоприятнее для осмотического обмена. Это укрепляет и помогает, тогда как голая достопримечательность утомляет. При этом в голову мне внезапно пришел стих Байрона:

I live not in myself, but I become

Portion of that around me; and to me

High mountains are a feeling.[190]

Это была романтическая точка зрения. Мы же с чистой совестью можем согласиться лишь со вторым посылом: «Я становлюсь частью того, что меня окружает». То есть выйти из времени в мгновение означает зондировать материю; высокие горы тогда скорее выигрывают в реальности.

В нашем распоряжении оказался укороченный день; пароход опоздал в пути следования и вынужден наверстывать график. Загрузка производилась без использования кранов — кокосовое масло перекачивалось в огромные резервуары по шлангам. Ночью мы опять уже вышли в море.

Слава острова обоснована сама по себе, но расположение его тоже способствовало тому, чтобы он издревле получил известность как драгоценность тропиков, как жемчужина Индии. Его пряности и драгоценные камни были знамениты еще в эпоху античности. Китайский шелк через Цейлон доставлялся в Рим. Арабам, которые на своих парусных судах ходили по Персидскому заливу и Индийскому океану, остров был известен под названием Sarandob. Синдбад-мореход потерпел там кораблекрушение во время шестого путешествия и находился в гостях у его короля, пока не услышал, что группа купцов снаряжает корабль в Басру. Среди роскошной жизни он почти позабыл свое крушение и близких людей; теперь его охватила тоска по родине, и, попрощавшись, он отбыл с богатыми подарками для Гарун аль-Рашида; в числе их были индийское алоэ, вырезанный из рубина, усыпанный жемчугами бокал и рабыня, подобная сияющей луне.

В другом рассказе молодой купец, отправленный отцом в плавание по торговым делам, влюбился в супругу старого брахмана, одного из знатнейших людей на острове. В итоге она тоже обратила на него внимание и хитроумными уловками гаремных женщин заманила его в свои сети. Брахман умирает; жена следует за ним на погребальный костер. Однако жрецы, проводящие церемонию, были подкуплены; они выкопали под очагом подземный ход, который ведет к гавани. Там ждет нагруженный сокровищами корабль. Как же удивляется возлюбленный, когда он, препровожденный туда ночью рабыней, в свете огней видит любимую: красивее, чем когда-либо и роскошно одетую. Бездонное отчаяние внезапно сменяется неожиданным, самым полным осуществлением мечты — воскрешением уже на этом свете.

Это наполовину сказка, наполовину быль из того царства, где ни география, ни история, как изучаем их мы, не держали в оковах фантазию. Пространство и время еще не были на наш манер нарезаны и распределены. Еще сильнее, вероятно, были очарованы мореплаватели, прибывавшие не из Персидского залива, а из Красного моря. Одним из мотивов, пронизывающих «Тысячу и одну ночь», является смена жажды на изобилие, переход от желтых и красных пустынь к богатой и пышной зелени.

Настроение это сохранилось вплоть до сообщений наших путешественников. Во многих из

них плавание по Красному морю описывается как своего рода purgatorium[191], которое в котельных отделениях пароходов становилось невыносимой явью. После открытия Суэцкого канала большинство европейцев, отправившихся на Восток, свели на Цейлоне свое первое знакомство с тропическим миром. Здесь, вблизи экватора, представлялась наилучшая возможность для его изучения, прежде всего, для ботаников и зоологов, но также и для этнографов и исследователей религии. То, что изумило арабов, захватило также и их, хотя они и смотрели на это другими глазами. В их описаниях всё снова и снова обнаруживаются места, в которых наблюдение уступает место восхищению. Иной раз создается впечатление, будто воодушевление вырывается у них помимо воли, и чувство, как магма, проламывает корку системы. Я вспоминаю изображение одной ночи, которую зоолог Дофлайн[192] провел на террасе гостиницы в девственном лесу. Подняв к небу взор, он решил, что видит над кронами деревьев танец метеоров и падающих звезд, и только затем понял: то были крупные светлячки, чей свет соперничал со светом звезд. Он заканчивает восклицанием: «О, красота, о, счастье!»

Сочинение Теннента[193] считается не только самым прекрасным трудом о Цейлоне, но и вообще идеальным введением в тропики. В его время Суэцкий перешеек не был еще перерыт, так же, как и во время Шлагинтвайта[194], который по заданию короля Пруссии и Ост-Индской компании отправился для физических замеров в Гималаи и из Калькутты возвращался через Цейлон. Это была еще школа Гумбольдта, путешествовали пешком и верхом на лошади, на спине верблюда и на лодке, годом больше или меньше едва ли имело значение. Геккелю[195], как многим другим, проведшим жизнь на острове Праздничной луны, уже пригодился труд Лессепса[196]. Больше всего я обязан чтению одной книги для юношества из числа тех, по которым учился читать: «Корабль натуралиста». Это была первая высадка; воск, хранящий впечатления, был еще мягким.

Если Цейлон стал воплощением тропического изобилия, то в этом отражается не только откровение Великого Полдня, который здесь впервые снял с себя завесу тайны перед многими западноевропейцами. Сюда добавляется сильное воздействие азиатских экваториальных зон на нрав, по сравнению с воздействием африканских и американских. Здесь грубая вегетативная сила, которая там ошеломляет и пугает, смягчается. Девственный лес в значительной мере становится просекой; он предстает уже не «зеленым адом», а палисадником в преддверии Рая. Не просто так здесь предполагается сад Эдем; от Индии к острову ведет «мост Адама» в виде цепочки песчаных отмелей, а на одной из его горных вершин еще показывают след ноги Праотца.

Массивный девственный лес, какой в Конго или на Амазонке мощью своего роста подавляет и скрывает индивидуализацию, здесь уже очень давно прорежен. Так форма и свойство деревьев проступают отчетливее. Дикая местность становится уютной, хотя сохраняет исконную силу. Одновременно она является культурным краем, какой обычно в такой близости от экватора искать тщетно. Здесь с незапамятных времен человек с его хижинами, деревнями и полями, а также с храмами, замками и городами находится дома.

Цейлон не только станция на пути к Дальнему Востоку; он также первый остров пряностей. В качестве сада корицы он доверился арабам, португальцам и голландцам, которые сделали его базой для дальних путешествий. Мореплавание арабов, и это в еще большей степени справедливо для мореходства малайцев, было прыжком от острова к острову до окраин известного мира и еще дальше. Для парусников, шедших из Красного моря, путь пролегал мимо Сокотры и, как сквозь туманность, ввиду небольших Мальдивских островов. Путь этот вел дальше во все более чужие моря, вплоть до Молуккских островов, или вдоль побережья до сегодняшней Японии, «островов W?k-W?k». Согласно сказке, их можно покорить только с помощью покровителей и магических средств, мощь и опасность которых превосходит аналогичные у наших машин.

Прежде Цейлон был «Львиным островом», потом «Прудом цветов Красного лотоса» —

человек оставил свой след. Об этом свидетельствует огромная печать, которую мусульмане приписывают Адаму, а буддисты — Будде. Что из того, что оба никогда не ступали на остров, и след ноги был бы слишком велик даже для исполина? Я же видел уже перед храмом в Токио одну из сандалий Будды размером с рыбацью лодку. Ночью, когда М?у?[197] зачала Будду, ей приснилось, что в бок ее вошел белый слон. Мифическая величина имеет собственное мерило.

Остров по праву преподносят как образчик английского искусства правления. Конечно, предпосылки здесь тоже были благоприятнее, чем в любой другой колонии. Как молчание открывается языком, так страна — проходимыми и проезжими дорогами и мирными ухоженными пространствами. Обнаженный человек за плугом, буйвол с раскинутыми рогами, искусное проведение воды по запрудам и рвам, поскольку в ней нуждается рис, который выращивается в низинах и на террасах, относится сюда же, но не в последнюю очередь и пилигримы, которые по праздникам отправляются к святыням. Луна здесь еще сильна.

История и люди, следовательно, двигались к взаимному освоению; план лишь многократно подрисовывался, как тушью, улицами и дорогами. Так же и древняя, разрушающаяся оросительная система. Однако, если мы отвлечемся от оттисков, оставленных индийцами, то за последние сто пятьдесят лет англичанами было создано больше, чем до того арабами, португальцами и голландцами. * * *

А чего было ожидать? Автомобили в невыносимом количестве как везде, фабрики, стальные мосты, высотные здания и плотины. Плакаты, световая реклама, шум и чад моторов, механическая музыка. История путешественника, питавшего себя идеями, в условиях быстро, даже взрывным образом меняющегося мира является одновременно историей его разочарований. И куда ни обращается homo ludens, всюду его приветствует homo faber. Это похоже на состязание в беге зайца со свиньей. Редко выпадают минуты, когда мы с Землей остаемся один на один, как с невестой в брачных покоях. Так я мало-помалу подошел к мудрости Лихтенберга: не следует простирать надежды, как и ноги, слишком далеко. Надо отдать справедливость: имели бы мы без брата faber'a ковер-самолет, который носит нас над континентами и морями? Нам нужно смириться с тенями.

Здесь, как и в каждой гавани, благодаря предусмотрительности могущественного друга, нас ожидал готовый помочь и сведущий местный интеллигент. Раздался стук в дверь, и мистер Феликс, агент линии, вошел в каюту, чтобы осведомиться о наших желаниях.

Один день на Цейлоне — вероятно, было бы лучше, если бы мы, вместо того чтобы таскаться от храма к храму, засвидетельствовали свое почтение несколькими старыми деревьями. А не хотим ли мы посетить знаменитые сады Парадения? По мнению мистера Феликса, это можно было б легко устроить. Мы можем поехать туда по самой удобной дороге на Канди. На острове нет недостатка в древних великанах. Здесь еще стоит почтенное фиговое дерево, Махинда, апостол буддизма, посаженное более двух тысяч лет назад, под которым на Будду снизошло озарение. Похоже, в лице агента мы нашли человека, который оправдывал свое имя[198], и с которым можно было неплохо поговорить.

На палубе царило оживленное перемещение с берега и на берег, возникающее при всякой швартовке; раздавали почту, на экипаж и пассажиров наседали торговцы, предлагавшие необработанные или уже взятые в оправу драгоценные камни. Они могли быть добыты на известных еще со времен Синдбада островных рудниках, а возможно, происходили из Идар-Оберштайна[199]. Один стюард уже сторговался; он показал мне кольцо со звездным сапфиром, который купил своей невесте в качестве свадебного подарка. Мы почти четыре месяца находились в плавании; он еще не знал, что для нее это время оказалось слишком долгим. С почтой пришло прощальное письмо. До сих пор мы видели, как бедняга исключительно расторопно выполнял свои обязанности; весь же остаток пути он уныло слонялся из угла в угол. «Знаете ли, браки моряков — это особая тема», — так много лет

назад однажды уже сказал мне один из его коллег.

Коломбо, одна из красивейших тропических гаваней, была, как множество других городов и стран, названа португальцами в честь Колумба. Но в то же время, сооружая там свой форт, они использовали название арабского поселения Каламбу, которое было до них. Так пояснил мистер Феликс; я воспринял это в качестве примера нечетких критериев этимологии. Под именами и их историей скрывается безымянное, подобно мелодии, на которую поется то один, то другой текст.

Коломбо: красный прибой, из которого брызгами разлетались образы: индуистский храм, кафедральный собор, рыбный базар, над которым вились стаи воронов. Красная пыль, моторы, воловь тележки, но никаких рикш; торговцы, солдаты, полицейские, нищие, грузчики, мужчины, женщины и дети в азиатских и европейских одеждах. Водитель, сингаец, проталкивался и протискивался машиной, как сквозь жаркую стену. Потом великолепные аллеи с пальмами и дворцами, и прямо рядом с ними, словно намытый мусор, скопление жалких хижин, перед которыми играли в песке голые дети. Образ опять возвращается; в Каире и Рио, в Маниле и Байе я уже это видел.

«Демографический взрыв» — понятие это, как «атомная бомба» и «бикини», относится к словарю нашей эпохи. Здесь, на Цейлоне, оно проявляется особенно наглядно. За почти сто лет количество жителей Коломбо выросло в десять раз, и этому, прежде всего, способствовало увеличение средней продолжительности жизни. Общий прогресс медицины и фармацевтики интенсифицируется вдобавок специальной тропической гигиеной. Несоответствие же между потреблением и производством запасов грозит стать катастрофическим, как ни в какой другой стране мира. Таким образом, не удивительно, что последователи евгеники стекаются сюда, как строители дамб в период наводнения или пожарная команда во время большого пожара. Английские и шведские группы раздают просветительские брошюры, пилюли и маленькие спирали, правда, пока без видимого успеха.

Развитие на Цейлоне подтверждает тезис, который Мальтус представил еще в XIX веке, что количество пищи растет только в арифметической прогрессии, в то время как народонаселение — в геометрической. Он же, как известно, рекомендовал умеренность и гигиену, в особенности холодные купания. Его пессимизм, кстати, разделял де Сад, который опасался сокращения богатства и сводил проблему к самой простой формуле, рекомендуя убийство как общественное регулирование («*Français, encore un effort!*» [200] 1791).

Но что значат теории? Мальтусу можно было бы возразить, что на Тайване, где население множилось еще быстрее, чем на Цейлоне, изобилие, тем не менее, вырастало. А маркиз к своему удивлению услышал бы, что ни мировые, ни всемирные гражданские войны с их механическим истреблением не останавливали лавинообразное увеличение населения. Это тоже относится к картине нашего времени.

Между тем нам удалось выбраться, и мы устремились по дороге на Канди, словно по красной стреле, нацеленной в глубину лесов. Это принесло отраду глазам; уже в городе они вкусили зелени: кокосовые и королевские пальмы, обрамлявшие морской берег и аллеи, дарящие тень тамаринды на площадях, цветущие над стенами садов кассии, которые светились ярче нашего золотого дождя [201], бананы и гигантские веера «деревя путешественников». Теперь мы катили по оживленной дороге, мистер Феликс рядом с водителем, на заднем сиденье Штирляйн и я. Лесной край не был сплошным; он то редел, уступая место плантациям, то охватывал возделанные поля. Всё снова и снова хижины, по отдельности или сгруппировавшиеся в деревни, мотели, небольшие храмы, бахчи и бензоколонки.

В почтенных деревьях действительно не было недостатка, как показывал уже беглый взгляд. Индусы почитают индийское фиговое дерево, баньян, которое затеняет их храм и

разрастается, опуская к земле воздушные корни. Так образуются леса, зеленеющие тысячелетиями. Они в зримом переплетении показывают единство индивидуумов и поколений. Вегетативная сила нарастает, сникает и снова поднимается, точно вечнозеленый фонтан. Вид этот внушает доверие.

Священное фиговое дерево, Асвата, с его сердцевидными листьями, тоже достигает могучих размеров; к нему обращено почитание буддистов. Обе разновидности намного переживают святыни, возле которых они были посажены. Так, перед руинами храма по ним можно судить, была ли здесь когда-то вотчина брахманов или буддийских жрецов.

Насколько уже стало жарко, мы заметили, только сделав остановку возле прелестной торговки фруктами. Мы угостились там кокосовым молоком; и как на картинке-загадке сбивало с толку и на мгновение радовало сходство коричневых плодов с подвязанными лишь лентой грудями сингалки.

Земля, граничившая с дорогой, уже перестала быть лесом, но оставалась все-таки гуще, чем парк. Высокие и низкие деревья с росшими меж ними кустами придавали пространству вид заросшего сада; мы могли удобно рассматривать растения, выбирая между ними дорогу. Здесь, очевидно, был плодоносный край, независимо от того, достигалось ли это прореживанием или разведением. Наш провожатый пришел с владельцем, седобородым стариком, который любезно приветствовал нас и стал водить повсюду. Он то срывал цветок, который мы нюхали, то — плод, который мы должны были непременно отведать, хотя я либо не удержал в голове названий, либо не понял его объяснений. Мы следовали за ним по залитой солнцем поляне; местность была приятной.

В таком настроении образы приходят уже не из чего-то чужого; они рождаются из нас самих. Они становятся подтверждением нашего счастья и больше не удивляют нас. Мы приближаемся к миру, в котором мы, правда, не воспроизводим феномены, как в снах, но они, вероятно, охватывают нас в силу необходимости, отличающей произведение искусства. А чем еще объяснить тот факт, что появившегося на поляне слона я удостоил лишь беглым взглядом. Слон стоял в тени дерева и, обхватив хоботом зеленую ветку, обмахивался ею, словно отгонял мух или освежал себя веером.

В воспоминаниях такие картины занимают нас гораздо сильнее, нежели в момент наблюдения. Внутреннее единство с ландшафтом может стать столь тесным, что эти образы кажутся почти неотделимыми от него. Они распускаются, как цветы на кусте, и, называя их, мы будто выдергиваем один из них из молчаливого великолепия. Мистер Феликс указал на ветку рядом со мной, до которой можно было дотянуться рукой, чтобы, как я сперва подумал, показать мне папоротники, свисавшие точно пучок лосиных рогов. Но он имел в виду не их, а красное пятно: голову ящерицы, которая сидела там и подкарауливала добычу. Теперь я тоже разглядел животное почти в руку длиной, тело которого заканчивалось тонким, как нитка, хвостом. Оно было зеленым, как папоротник, маскировавший его, но стоило мне приблизиться, оно начало переливаться радужными цветами, как будто по нему побежали голубые и желтые волны с искристыми бликами, тогда как спинной гребень поднялся, как парус. Животное, казалось, стало прозрачным, почти нематериальным. Я увидел одну из драгоценностей острова, бенгальское чудо: Calotes, «прекрасную ящерицу».

Взгляд в сад Армиды[202], краткий, как воспоминание о ранней родине, не только родине детства, но и гораздо-гораздо более глубокой. Мы катили дальше по красной дороге, когда мистер Феликс вдруг прервал разговор, который мы вели на плохом английском, и велел шоферу остановиться. Он указал на канаву, тянущуюся рядом с автострадой, и хотя я не был новичком в наблюдениях за растениями и животными, мне оказалось непросто выделить то, на что, собственно, следовало смотреть, а еще труднее поверить, что такое возможно.

Канавы орошала поле, в тине которого почти голый крестьянин сажал рис. Второй позади него

перепыхивал водяным буйволом участок выгона. Я решил было, что должен смотреть на ибисов, которые следовали за пахарем почти у него под ногами и, как у нас вороны, выхватывали из свежих борозд добычу. Их было хорошо видно издали благодаря шелковисто-белому оперению. Однако на краю канавы, с трудом различаемое на фоне жирной, коричневой земли, шевелилось еще что-то другое: выше человеческого роста четвероногое, которое то поднимало голову, то склоняло ее к поверхности воды и, пробуя ее, высывало тонкий, как ремень, раздвоенный язык: ящер. Но еще разительнее самого допотопного существа была непосредственная близость человека, который, похоже, обращал на него столь же мало внимания, как и на ибисов. Другая огромная ящерица обследовала борозды чуть подальше.

С точки зрения зоологии речь могла идти только о варане, которых на Цейлоне водятся два вида. Еще Геродот упоминает о могучем животном, которого он встретил в Египте и которого назвал «земляным крокодилом». Мы знаем его по зоопаркам. Но насколько иное впечатление эти ящерицы производят в средах обитания, напоминающих их прародину, например, в болотистых низменностях тропических долин. Тут вживе предстает не только животное, но облекается плотью мысль, его сотворившая, его трансцендентная идея.

Ретроспективный взгляд на Средневековые Земли, на великое время ящеров, вызывает мысли о плодородии, породившем не только индивидуумы, но также породы и виды, как будто непосредственно произведенные брожением первичной материи. Воображаешь ленивую расслабленность огромных тел в горячем фанго[203], подогреваемом вулканическими и радиоактивными силами.

Конечно, потребление соревновалось с плодородием, но опасность все же стала значительней. Иногда кажется, что оборот становится настолько сильным, что детали восприятия ускользают. Исчезают не только индивидуальности, но и их ценность; они становятся добычей, становятся пищей, независимо от того, каковы их свойства. Кайзерлинг [204] однажды нарисовал — если не ошибаюсь, в «Южноамериканских размышлениях» — картину ночного болота, из которого, точно из кипящего котла, далеко над девственным лесом разносится плеск и шлепки борющихся и спаривающихся тел. Взаимное пожирание, переход материи через цепь обличий, следуют друг за другом в ритме, который соответствует ритму вдоха и выдоха.

В этой связи человек вспоминает змею, поскольку она является самым ярким символом нераздельной и нерасчлененной жизни с ее властью и опасностью. Когда мы снова сидели в машине и возвращались в эмпирический мир, я спросил агента, как с ней обстоят дела здесь, на рисовых полях, и услышал в ответ, что опасаться приходится главным образом двух змей, а именно кобры и дабойи, называемой сингалезцами *Tic-Polonga*. Благоприятным обстоятельством, правда, может считаться то, что она охотится на плантациях только ночью, стало быть, не во время работ. А кобра боится человеческого голоса, потому-то крестьяне-рисоводы выходят утром в поле с криками и песнями. Она становится опасной только тогда, когда, преследуя добычу, пересекает дорогу. Впрочем, это случается довольно редко. Естественно, эта опасность не имеет значения для других, например, следующих на автомобиле, но здесь страшит именно отчетливая угроза; мы глядим сквозь трещину в структуре упорядоченного мира.

На этом пути от нас бы многое ускользнуло, не одолжи нам свои глаза провожатый. Он здесь родился, но тоже испытывал радость, которую дарил ему вид животных и растений. Без него мы не заметили бы и летающих собак[205], встретить которых я очень надеялся, ибо как Теннент, так и Геккель красочно описывают их огромные стаи, наблюдаемые ими в саду Парадения, одном из любимых мест этих гигантских летучих мышей. Здесь они устроились на дневной сон в кроне старого баньяна, прямо рядом с бензоколонкой, у которой мы сделали привал. Их можно было принять за большие, грушеобразные плоды или за красно-бурые окорока, подвешенные там для копчения. В бинокль удалось разглядеть их формы: они

цеплялись за ветку ногами и, точно в пончо, заворачивались в летнюю перепонку, из которой наружу торчал только нос.

Непосредственная близость этих животных к поселениям тем более удивила меня, что они предпочитают охотиться не на насекомых, как наши летучие мыши, а на фрукты, прежде всего — на различные сорта бананов и фиг. Кроме того, своим весом они наносят ущерб тому, на что обрушиваются. Однако их, как я слышал, не отстреливают, а разгоняют трещотками.

Эта терпимость объясняет богатство животных на острове и их доверчивость. Такова отличительная примета населенной буддистами страны, зримое следствие выдающейся нравственности. Как ни в одной другой из высоких религий, растения и животные принимают участие в карме. Это убеждает больше, чем священные писания, храмы и произведения искусства; оно говорит непосредственно. Не только скуден, но и часто неприятен материал, какой можно найти по этой теме в Библии и у отцов церкви. Там, где благо, как в религиях Ближнего Востока, зависит от вероучения и монополизировано, Вселенная тоже становится нездоровой и парцеллированной. Пираты-христиане, высаживающиеся на острове: одно из ужасных зрелищ нашего мира.

Как редко в великих мировых планах удается согласовать *caritas*, *ratio* и *potestas*[206]! Там, где преобладает тепло и ему недостает силы света, возникает угроза ограниченности и темноты. По поводу предоставленного животным мира мистер Феликс дал историческое объяснение, какое я, помнится, прочитал когда-то, вероятно, у Глазенаппа. Царь Тисса, правивший на Цейлоне в тот момент, когда прибыли первые буддийские монахи, проводил, как и многие князья, дни на охоте. Однажды, когда он преследовал великолепного оленя и уже натянул было тетиву, чтобы убить его, животное исчезло в чаще, а вместо него предстал монах в желтых одеждах. Царь спросил, как он посмел спугнуть его дичь, и услышал в ответ, что разрушать жизнь грешно.

Этим пришельцем был Махинда, сын индийского царя Асоки, которого Тисса почитал как могущественного друга и с которым не раз обменивался письмами. Асока встретил Будду бедным ребенком и, в отличие от народа, одаривавшего его подарками, мог предложить тому лишь горсть пыли. Это случилось в прежнем существовании Асоки; в награду за этот дар он снова появился на свет в ранге царя. Как пламенный приверженец Просветленного, он через миссионеров далеко распространил его учение, а на Цейлон послал собственного сына Махинду. Его-то и повстречал Тисса; свой лук в качестве посвятельного дара он повесил в первый храм, который велел соорудить для новой службы.

Здесь тоже возвращающееся: молниеносное изменение, благодаря которому утверждаются великие учения. Видение Петра в Яффе и видение Павла по пути в Дамаск подтверждают эти выборочные мутации; правда, маточный раствор должен быть насыщенным.

На подъеме мы ехали через чайные плантации, которые сменялись рощами и рисовыми полями. Между ними лесистые долины, выводящие далеко наверх, с контурами гор на заднем плане. Агент называл имена и данные, которые выпали у меня из памяти; говоря о Цейлоне, мы в первую очередь думаем о жемчужинах и о чае.

Мы совершили обход одной из мануфактур, где нас любезно приняли и проводили по помещениям. Машины сушили зеленые листья и упаковывали отсортированные, но между этим выполнялось еще много ручной работы. Сингалки стояли рядом с ситами или сидели на корточках на полу зала и отбирали листья; здание было наполнено эфирным благоуханием. Механика тоже создавала легкую вибрацию, соответствующую материи, которая двигалась ею. Важнейшей средой был воздух. Сохраняемость, аромат и возбуждающая сила листьев зависят, так же, как и у опиума, прежде всего от высушивания. Коробочка мака надрезается при высоком положении солнца, дабы молочный сок правильно подрумьянился. При этом в

нем возникает цепь алкалоидов вплоть до того, который дарит нам грезы. Связка ключей, последний из которых замыкает. Таким образом, мы оказались в традиционной дрогерии[207], на подовой сушилке, где благодаря тряске и продуванию дозировались тепло и воздух. Здесь использовались вентиляторы, пар, конвейеры, вибрационные сита, цинковки и различные решетки — все устройства, через которые проходит чай вплоть до фасовки. Два пакетика нам подарили на прощание.

Здесь хозяином был Ариэль; особенно мне понравился отбор, осуществляемый исключительно дуновением: массы высушенной чайной листвы сортировались воздушным потоком. Пыль оседала, а листья располагались в зависимости от сопротивления, которое они оказывали ветру. Древний принцип веяния, измененный и дифференцированный. Чай родственнее духу, нежели кофе; это выражается самым характером его становления.

Я еще надеялся снаружи бросить взгляд на плантацию, но та оказалась загорожена зарослями индийской канны. Зато, как будто природа не пожелала остаться у меня в долгу, на цветки, порхая, опустилось дивное существо и на мгновение взмах крыльев замерло там: мотылек величиной с ладонь с передними крылышками из черного атласа, пронизанного белоснежными жилками. Задние же крылышки были элегантно вырезаны из золотого атласа и украшены графитно-черным узором. И словно притянутое и снова оттолкнутое, сокровище растворилось в воздухе.

Опять в мозаике был заполнен пробел, замечено существо, о котором я слышал. Две бабочки исключительной красоты привлекали внимание каждого, кто достаточно долго задерживается на острове — обе из всемирной породы парусников[208], которых Линней метко нарек «рыцарями». В теплых краях они набирают пышности и полноты. Промелькнувшая здесь была одной из указанных, птицекрыл: *Ornithoptera darsius*.

Другой высокочтимый цейлонец, *Papilio parisinda*, о котором я, правда, мог только мечтать, мне на глаза не попался. В таких явлениях — понимая слово в его полном значении — Земля говорит с большой силой. Поэтому мы и не можем довольствоваться ими, как это делает коллекционер. Его образ действия, его неутолимая никаким количеством страсть, указывает, правда, что им подспудно движет неисчерпаемое. В каждом настоящем коллекционере скрывается Дон Жуан.

Две детали в этой связи обратили на себя мое внимание. Во время этого путешествия я уже имел возможность полюбоваться многими парусниками: в Японии, на Тайване и Филиппинах, в Южной Азии. «Один всегда оказывался красивее другого». Еще в раннем детстве махаон [209] был знаком мне как великолепный рыцарь. Я долго считал его самым красивым, непревзойденным — до тех пор, пока мне позднее не стали встречаться другие, все новые и новые. Это усиление красоты, которое нарастает столь же долго, сколько мы участвуем в игре. Здесь возникает не предел, а опять нечто еще более красивое. Это позволяет судить о потенциале, который выводит далеко за пределы любого из представленных образцов.

Затем: как бы пестро и порой ошеломляюще не были окрашены животные, ни один из бесчисленных видов не оставлял чувство зрительного дискомфорта. На многие из композиций, например, с синим и зеленым цветом, с «шутовскими красками», не отважился бы ни один художник, ни один модельер; здесь искусство и природа отличаются. Эта безошибочность выражена у насекомых еще отчетливее, чем у так называемых высших животных: «вплоть до крапинки». Нам следует здесь вспомнить о различии в платежеспособности: природа расплачивается наличной монетой и поэтому в состоянии везде и всегда удовлетворить нас. Мы в каждом штрихе узнаем ее почерк. Художник, напротив, выдает вексель; он платит «значащим». В пограничном районе, у самого абсолюта, конечно, царит равенство, потому что природа в итоге тоже указывает на другое, на нечто третье, и даже красота относится только к намекам. * * *

К полудню мы достигли высоты. В одной из гостиниц мы опять поели хваленного риса с карри и потом поехали к саду Парадения, территорию которого подковообразным изгибом омывает главная река Цейлона, Махавели Ганга. Здесь мы вступили на классическую почву: «Королевские Ботанические сады Парадения», наряду с аналогичными садами в Бейтензоре [210] на Яве, пользуются самой широкой и старейшей славой среди тропических насаждений, в которых соединяются научная и садовая служба растительному миру. Благоприятно само местоположение; еще цари Канди имели здесь свои декоративные парки.

К сожалению, едва мы достигли цели, времени оказалось в обрез, тем более что я непременно хотел увидеть еще и «зуб Будды». Поэтому нам пришлось удовольствоваться медленным объездом подковы, время от времени выходя из машины, если нас к тому приглашало дерево, цветущий куст или цветок. В подобных случаях следует ограничиться видом с высоты птичьего полета; детализация завела бы слишком далеко. Припоминаю, у одного из ученых, находившихся здесь на рубеже столетий, я читал, что уже от зрелища мух, роившихся у ствола сваленного дерева, его покинуло мужество. Только для их описания не хватило бы и года.

Большие аллеи образуют главное украшение парков и садов; благодаря им старые деревья, как жемчужины в колье, раскрывают свой высокий потенциал. Вдоль реки тянется двойной ряд талипотовых пальм [211] с растрепанными кронами и стволами, которые, словно медвежьей шкурой, были окутаны омертвелыми листовыми влагалищами. Из старых знакомых я увидел королевскую пальму и ее ближайшую родственницу, пальму оливковую, вдвое превышающую ее по высоте. Мистер Феликс назвал ее *sabbage palm* [212]. Свернули в аллею, и мне показалось, что мы приближаемся к двум светлым стенам, настолько густо стояли стволы. Недавно, на Тайване, мне очень запомнилась картина кариоты; из-за зазубренной формы листа англичане называют ее «рыбохвостой пальмой». Всегда получаешь большое наслаждение, когда узнаешь новое, меткое название для знакомой вещи, — испытываешь своего рода возрождение, подтверждение того, о чем при первом взгляде догадывался в глубине души.

Королевская пальма едва ли могла носить какое-то другое название; идея королевского достоинства, которую издавна приписывали семейству пальм, реализуется здесь четче всего. Она репрезентирует тип — скромно и в то же время величественно. Это напоминает ранг дорической колонны в архитектуре. Мера воздействует тем сильнее, чем больше отказываются от аксессуаров. Здесь режиссировал неподкупный вкус. Прошло тридцать лет с тех пор, как в Рио я впервые увидел королевскую пальму, и ощущение восторга появлялось с тех пор при каждой новой встрече. Цвет и гладкость древесины приносят сюда чувственную радость. Нежная серость стволов издавна возвещает о пластичной и несокрушимой жизненной силе. Она ластится к солнцу на светлом песчаном пляже, и она же, как на Кубе, отчетливо выступает из зеленых зарослей. Так носится корона; дерево по праву владеет своим названием.

Здесь была резиденция пальм; они стояли по отдельности, группами, могучими аллеями. Опять же другие поднимали свои метелки над девственным лесом по ту сторону реки. Я уже давно хочу приобрести монографию об этих приматах растительного царства и безуспешно ищу двухтомный труд Зеемана. Этот Зееман, тоже мой земляк, крупный натуралист и путешественник, будучи совсем молодым, умер в Никарагуа. Наряду с многотомными фолиантами по ботанике он оставил «Ганноверские обычаи и нравы в их связи с растительным миром». Он видел пальмы во многих жарких странах Востока и Запада; правда, труд его появился во время, оказавшееся неблагоприятным для аллегорического рассмотрения и, вероятно, обманул ожидания. С этой точки зрения меня снова и снова удивляет, что в ту эпоху оказался возможен такой бриллиант, как Фехнер [213]. Чудесный цветок, который расцвел в Арктике, глазничный отросток, который, вероятно, когда-нибудь разветвится. Здесь тоже можно сказать: «главное свершилось внутри» [214]. Во всяком случае, египтяне и вообще народы Ближнего Востока знали о пальмах, как о многих вещах,

больше людей сегодняшних. Да и синоптическая сила ослабла. Тщетно искать исследование, какое Риттер посвятил финиковой пальме[215]. Тут раскрывается Восток.

Табличка «Специи» недалеко от выхода обозначала рощицу, состоявшую из невысоких пряных растений. Здесь распорядился любезный индеец, который, как и многие его земляки, воплощал собой тип прирожденного садовода. Он водил нас среди деревьев, показывал нам душистые травы, зелень и такие вьющиеся растения, как перец и ваниль, произносил известные и неизвестные названия — корица, гвоздика, мускат, кардамон, пиментное дерево [216] с Ямайки, которое дает гвоздичный перец[217] или «allspice», и другие сорта, из листьев которых дистиллируют Baugum[218]. Многие пряности, соответственно своей природе, обладают как гастрономическим, так и косметическим потенциалом. Мы могли щупать, нюхать, пробовать на вкус и снова и снова смотреть.

Под одним, в 1840 году привезенным с Молуккских островов, мускатником[219], который до сих пор еще приносит богатый урожай, мы смогли убедиться, что он «ароматен во всех частях», как говорится в учебниках. Коричное дерево[220] я представлял себе такой же величины, однако нашел его подстриженным на манер ивы. На Цейлоне прижился особенно ценный вид. Лучшая кора, как мы узнали от нашего индуса, снимается со средних стеблей. Они дают жгучую цейлонскую корицу, а также коричное масло для изысканного стола и парфюмерии.

Проходя такими садами, замечаешь, как трудно описывать благоухание и вкус пряностей; они имеют непосредственное отношение к чувственности. Они образуют собственные прилагательные; соль на вкус именно соленая, перец — перечный и так далее. Потому в книгах снова и снова читаем: «своеобразно ароматный вкус».

То, что экзотические пряности, которые доставлялись по вновь открытым морским путям, вызывали аналогичное возбуждение, какое сегодня вызывают экзотические наркотики, вполне понятно; из-за них теряли имущество и здоровье. Один-единственный мускатный орех в размолотом виде составляет смертельную дозу. Знаменитые пряности пришли из Ост-Индии, как позднее табак — из Вест-Индии. Груз из Амбоины[221] возмещался золотом и окупался, даже если из трех кораблей один пропадал. * * *

На каждом шагу мы вспугивали крупных агам[222], которые точно белки с сухим шелестом взбегали по стволам. Пришло время покинуть сад; мы вернулись через крытый вход, обсаженный *Amherstia nobilis*[223]. Амхерсты были, должно быть, хорошо аспектированным родом; их именем называли не только это роскошное дерево, которое знатоки считают the Queen of the flowering trees[224], но также самого великолепного из фазанов, да вдобавок еще город в Индии. Один из них был генеральным губернатором в Британской Индии, другой отнял у французов Канаду. Город между тем получил другое название, а вот дерево и фазан свое сохраняют, пока существует система Линнея. Такие завоевания неприметнее, однако протяженнее во времени. * * *

Можно было бы еще о чем-нибудь рассказать, но собрание орхидей оказалось не лучше, чем в штутгартской *Wilhelma* или теплицах Далема. Только здесь не приходилось тратиться на отопление. Гибискус, китайская роза, имеющая бесчисленные разновидности, представлена в Сингапуре, как мы видели, богаче, чем здесь. И там же я слышал о парке одного любителя на Гавайях, в котором цвело свыше тысячи сортов.

Зато садовникам Парадения удался фокус, единственный в своем роде: выращивание двойного кокосового ореха, который достигает огромного для плода этого дерева веса почти в полцентнера[225]. Он происходит от стройной пальмы, растущей на двух маленьких островах Сейшельского архипелага. Долгое время были известны только плоды, выловленные в Индийском океане или прибитые волной к его берегам. Они считались морским чудом и, как бивень нарвала, демонстрировались в собраниях редкостей. На рубеже

столетий сюда ввезли несколько молодых деревьев с Сейшельских островов. Как многие пальмы, эти тоже двудомные; в 1960 году одна из них зацвела женскими цветками, которые искусственно опылили. Поскольку этому слону среди орехов требуется десять лет, чтобы созреть, то урожай будет еще нескоро.

Вообще сад оказался максимально приспособленным для акклиматизации — конечно, не только из-за благоприятного местоположения, но и благодаря садовой традиции. Так, здесь сделала остановку гевея, прежде чем, следуя из Бразилии, распространиться по азиатским тропикам. * * *

Мы пробыли дольше, чем планировали, хотя прошли, в сущности, только по саду. Ну и ладно, если это действительно оказалось «в сущности».

Не заезжая в город, мы пересекли университетский квартал, рассредоточенную систему институтов и жилых блоков, какие повсюду, в жарких странах тоже, повырастали из земли, точно грибы после дождя. Когда я вижу такую застройку, меня всегда терзает нечистая совесть, как то прежде уже случалось со мной на уроках математики, по крайней мере, у хороших преподавателей, когда вопреки всем их стараниям во мне совершенно ничего не оставалось, просто за недостатком участия. Должен признаться: пчелиные соты, которые я держу в руках, производят на меня более сильное впечатление и дают мне больше пищи для размышлений, чем силуэт Нью-Йорка. Там я чувствовал себя лучше всего только в китайском квартале.

Не то чтобы эти третичные порождения Геи не занимали меня — напротив. Прометиды велики только тогда, когда слепы. «Ты зришь Прометея, дарителя смертным огня». В ландшафте мастерской[226] необходимо преобладают динамические законы. Еще в Маниле толкотня одинаково одетых и почти бесполок учеников и студентов напомнила мне гнездо термитов. Через непродолжительное время, в конце нашего тысячелетия, эти массы приступят к действиям.

Электростанция тоже является храмом, только замечается это так же мало, как в храме замечается электростанция. Время имеет двойное освещение. К храму Святого зуба ведут напоминающие индусскую архитектуру входные ворота, скорее павильон. Он кажется старше, чем увенчанная взмывающими по-восточному зубцами окружающая стена и ее пристройки. То же самое касается восьмиугольной башни, на балконе которой, еще до прихода португальцев, в большие праздники народу показывались цари Канди. Святилище, в котором хранится зуб, охватывает внутренний двор. Вокруг таких точек — по мере славы, которую они приобретают, и с толпами паломников, которые сюда притекают, — всегда выкристаллизовываются новые капеллы, обходные пути, защитные стены. Аналогичным образом дело обстоит с Каабой в Мекке или с церковью Гроба Господня в Иерусалиме. А вместе с этим нарастает и деловитость.

Здесь, однако, время было мертво, и обол не взимался, исключение составляли седобородые нищие, которые повсюду возле индуистских храмов скромно держат в руке свои тарелки. Посетители входили и в качестве пожертвования приносили цветы, которые продавались у входа. Перед внутренним храмом стоял монах в желтой рясе — желтой, как цвет чистоты, мистер Феликс выразился так: «Safran disinfects the meat»[227].

Почитаемый уже почти две тысячи лет зуб заключен в семь драгоценных реликвариев и показывается только в редкие праздники. В эти дни выводятся также сотни украшенных слонов. О том, что мы, следовательно, не смогли увидеть зуб — он, кажется, был левым глазным зубом Будды — я сожалел меньше, чем о том, что нам не удалось бросить взгляд на запертые священные книги с написанными на пальмовых листьях текстами на языке пали [228]. Они очень древние и хранятся в угловой башне.

На реликвии вообще следует смотреть снисходительно; это справедливо и здесь. Чего только с этим знаменитым зубом не происходило — он не только в течение столетий перемещался по различным храмам, но и пережил несколько реинкарнаций. Однажды его похитили тамильские завоеватели, в другой раз он, как «идолопоклонническая мерзость», был даже сожжен португальцами. Затем появились сразу два новых зуба, оба считаются подлинными.

Только труп отбрасывает тень, не умерший. Просветленный оставил тело, которое служило ему транспортным средством во времени. Но всегда приходят управляющие наследством и распределяют одежду. Они знают нашу слабость, нашу страсть к прочной памяти. Поставлять ей материал издавна было прибыльным делом. Конфуций и Будда, оба в своем учении обошлись без богов, тем не менее, вынуждены терпеливо сносить то, что их почитают в храмах. Здесь следует похвалить Антония, который, уже при жизни прослывший святым, наказал своим ученикам сделать его могилу в пустыне неузнаваемой, дабы помешать паломничеству к ней.

Прилив и отлив толп празднично одетых паломников остается, однако, большим спектаклем, в сравнении с которым вопрос «подлинности» блекнет. Что, в конце концов, подлинного в Евангелиях? Или в какой-нибудь картине Рембрандта, ценность которой определяет не ее трансцендентная красота, а экспертиза профессоров? Это — заботы школяров. В глубине паломничество — это символ хорошего пути, который ищет завершения.

Среди жертвенных подношений мы увидели сотни масляных светильников, вырезанного из кристалла Будду, бронзовых львов цейлонской породы, могучий бивень слона, в качестве посвященного подарка короля Бирмы, и, самое красивое, — горы душистых цветов, которые приносятся ежедневно.

День уже клонился к вечеру и, взглянув на часы, я начал опасаться, что зуб нам дорого обойдется, поскольку при любом раскладе мы доберемся до гавани со значительным опозданием. Капитан еще утром проявлял нетерпение; он, пожалуй, не стал бы долго ждать. Я попросил агента поторопить водителя; на чаевых экономить не стоило. Тот, молодой и спокойный сингалезец, выслушал указание, но вместо того, чтобы усестись за руль, пошел к одному из фиговых деревьев, в тени которого стоял Будда. Помолившись там, он вернулся и исправно взялся за дело. Но мы могли бы его и не подгонять, потому что вследствие задержек, какие обычны в восточных портах, корабль смог продолжить плавание лишь в полдень следующего дня. Возможно, мы даже упустили шанс, поскольку друг Феликс уже пригласил нас к себе в случае, если мы опоздаем к отплытию.

Солнце бросало последние лучи перед короткими сумерками. Крестьяне с рисовых полей направлялись к своим хижинам. Они держали в руках мотыгу или серп и, в узких набедренных повязках, ступали с таким гордым видом, какими на наших дорогах их уже не увидишь. Это походка людей, у которых, даже если они очень заняты, есть время, как только что показал нам наш водитель. Сари, которое носят женщины, больше намекает на их грацию, чем подчеркивает ее, ибо она свойственна от природы, и мне пришло в голову изречение, которое я прочитал однажды в женской половине Майсенского замка:

«Верно домашнее платье,

Что Бог нам однажды скроил».

С работы возвращались не только люди, но и слоны. Свет фар снова и снова выхватывал из темноты на проезжей части одного из этих могучих животных, которые превосходили автобус. И не только высотой, но также — по сравнению с миром рычагов и винтов[229] —

реальностью.

На острове еще живет более тысячи рабочих слонов, не считая диких в джунглях, где львы уже вымерли. Они сохранились там вопреки бойням минувшего столетия, которые красочно описывает Бэйкер, считавший охоту на слонов «спортом первого сорта» («Rifle and Hound in Ceylon»[230]). Его приключения относятся к тем, которые меня воодушевляли в молодости, а в старости стали противными.

Дрессировка слонов принадлежит к очень древним искусствам и, по сравнению с дрессировкой лошади, относится не только к иному временному порядку, но и к другой иерархии. Есть эпохи, которые, как эпоха приручения быка или овна, как раз именно этим, возможно, и отличаются друг от друга. Великой встречей является встреча Пора и Александра в битве при Гидаспе[231]; одновременно она является встречей Европы и Индии. Пор, правда, имел в распоряжении лошадей, поскольку послал своего сына с двумя тысячами всадников и боевыми колесницами в передовой бой. Однако сам он в золотом вооружении передвигался верхом на слоне по левому, находящемуся под угрозой флангу, и отбил там атаку. Александр на Буцефале переплыл Гидасп; река была бурной, поскольку стоял сезон дождей. Когда Пор, стрелой раненный в плечо, вынужден был прекратить борьбу, его слон встал на колени, обвил его хоботом и бережно поставил на землю.

Александр встретил здесь более старую, статичную власть. Пор на вопрос, как он хотел бы, чтобы с ним обошлись, ответил: «По-царски». И когда от него стали назойливо требовать уточнений, он ограничился указанием, что все содержится в слове. Он дал Александру меру.

В индийских шахматах наша ладья была слоном и уже в ту пору более сильной фигурой, чем конь — прямолинейный боец, набирающий мощь, когда поле опустошается. Не случайно в связи с древним царем вспоминаешь эту игру. Она, как сама корона и как слон, вдается в нашу современность свидетельством того времени, когда жили и думали по-другому. К нему же относятся астрология и другие искусства, вытесненные сегодня на периферию познания или оказавшиеся в руках сектантов. Золото и слоновая кость, но еще нет железа; радостное служение, но не рабство. Это звучит несколько афористично и об этом можно только догадываться, но мыслимы времена, когда музыка станет играть ту же роль, какую сегодня играет астрология. Тогда будут знать лишь ее ритмический каркас, как чтение звезд сегодня ограничивается астрономическим каркасом.

Цари в Пенджабе, одним из которых был Пор, пользовались у азиатских деспотов плохой репутацией «демократов»; это заставляет вспомнить одно изречение из «Пира семи мудрецов»[232]: «Лучшая монархия — та, которая больше всего похожа на республику, и наоборот».

В Поре угадывается одна из тех фигур, намеки на которых есть у Геродота. Цари Фригии, Мизии и Лидии «старше» царей Вавилона и владык речных долин. И здесь, на Цейлоне, люди и жизнь в этом смысле еще старше, и скоро этого больше не будет. Старше, чем наша история даже в своих истоках. Мы видим группы и костюмы, как будто уже опустившийся занавес поднимается еще раз. Не без основания при виде старых деревьев и слонов мне пришло в голову слово индийского Пора. Остров — царский.

НА БОРТУ, 12 СЕНТЯБРЯ 1965 ГОДА

Преимущественно в каюте: я листал переводы из японских журналов. Профессор Шинцингер [233] дал мне их с собою в дорогу; я с удовольствием вспоминаю часы, проведенные с ним в его камышовой хижине на озере Худзэндзи. Некоторые своим молчанием умеют сказать

больше, чем другие своим красноречием. Мы жили там наверху в «Каная-отеле», отдаленной гостинице на опушке леса, которую иногда посещает и Тэнно[234], причем как биолог; озеро известно своим рыбным богатством.

Бывает весьма поучительно увидеть себя под совершенно другим углом зрения. Так, например, Такаяма утверждает, что корни газовых камер следует-де искать в Библии. А еще он вынашивает идею перестроить Ватикан в музей документальных свидетельств преследования иноверцев.

«Верить, что Бог, которого ты чтить сам, является единственным господом, а все, кто думает иначе, не люди, а чертово отродье идолопоклонников, может подходить христианам: для иноверцев же это имеет неприятные последствия». * * *

Хагивара в статье о премьер-министре Икеда цитирует его высказывание: «На вершине культуры стоит телевидение». Мне вспоминаются слова одного из наших интеллектуальных аристократов: «Над всем стоит атомная бомба». Правит цифра.

Хагивара в этой связи упоминает также фразу Макса Вебера: «Там, где подобно американскому многонациональному государству фантазия всего народа приводится в движение численно большими вещами, эта романтика чисел обладает магической силой» и добавляет: «...ибо философия экономического рационализма имеет свойство выносить за скобки проблему ценностей и ограничиваться областью измеримого и исчисляемого».

НА БОРТУ, 13 СЕНТЯБРЯ 1965 ГОДА

Неспокойное море, повсюду шапки пены. В каютах грохот, на камбузе дребезжание.

В иллюминаторы летят брызги волн, в которых играет радуга. Сквозь эту пелену я слежу за танцем стаи дельфинов, что без устали крейсируют в золотисто-коричневой игре инь и ян кильватерного следа. Летучие рыбы тоже весьма удачно используют сильное волнение; скользя по гребню волн, они описывают кривые, на которые иначе не были бы способны. * * *

Во второй половине дня я глубоко заснул; я стоял перед Лейпцигским памятником Битве народов, который как раз покидала германо-французская комиссия. Как я смог понять из фраз, которыми они обменивались, они выясняли наличие там трещин. Английский часовой охранял портал.

Когда я вышел на палубу, мы проходили мыс Гардафуи[235], передовой бастион Африки, раскаленную бледно-фиолетовую скальную массу. На вершине ее я, как мне показалось, разглядел заснеженные поверхности; впечатление было вызвано черной, металлической горной породой, которая слепила на солнце. Становилось жарко; Красное море заявляло о себе. * * *

Продолжил чтение японских авторов; среди них Кагами, которого можно назвать пронизательным человеком. Удивляет та вежливая робость, с которой ими обсуждаются западные идеологии. Несомненно, технику ассимилировать легче, чем ее духовные предпосылки, прежде всего тысячелетнее монотеистическое скрещивание родственных особей, без которого немислим и марксизм.

Охотно цитируется Макс Вебер, например: «задачей науки является расколдовывание мира». Критик Хагирава полагает, что в этом и состоит миссия японских интеллектуалов: «Разоблачать пустоту и ложность бытующих в обществе готовых мировых систем и

укоренившихся идей и освободить человека от этих пут».

Программа настолько масштабна, что ее невозможно обозреть даже за несколько дней, тем более *prima vista*[236]. Последствия предсказать нетрудно. Льготная отсрочка, которой еще пользуется Тэнно, станет, наверное, короче льготной отсрочки наших конституционных монархий в XIX веке. Неизбежна также и контригра консервативных сил, когда миф больше живет в идее, нежели в субстанции. Следовательно, они тоже ведут к катастрофе и именно так способствуют последнему уравниванию.

При таких прогнозах следует, правда, оговориться, что возможны абсолютно новые явления. Прогресс переворачивает. Например, разрушение культовых систем не уничтожает религиозную потребность. Отсюда культ личности именно там, где создана *tabula rasa*. Боги снова возрождаются в цезарях, жрецы — в бонзах.

НА БОРТУ, 14 СЕНТЯБРЯ 1965 ГОДА

В первой половине дня два часа болтались в открытом море, потому что перегорел главный кабель. Одни за другими прекратили работать винты, светильники, слив, отопление и охлаждение. Левиафан стоял без движения, в то время как техники работали у него в чреве.

Море вокруг окрасилось желтыми сточными водами; в них плавали пустые пивные бутылки и пузырьки из-под лекарств, окурки, клочки бумаги. Отбросы привлекали косяки маленьких рыбок, а большие, разумеется, уже заметили их.

Потом машины опять заработали; загудели винты, загорелись светильники, зажурчал слив, зажужжали вентиляторы, повара пошли к плитам, появились стюарды с горячим бульоном — точно как в замке Спящей Красавицы.

НА БОРТУ, 15 СЕНТЯБРЯ 1965 ГОДА

Опять в Джибути, и опять лишь на несколько часов, но на сей раз при свете дня. Таким образом, мы не теряли времени и сразу после восхода солнца, наняв такси, отправились в пустыню на верблюжий базар. Было уже очень жарко; воздух пах пылью и сухим навозом, а не рыбой, цветами и фруктами, как в гаванях Восточной Азии.

Базар за городом был уже в полном разгаре; на обнесенной загонами и шатрами площади стояли верблюды со стреноженными передними ногами или, вытянув шею, спокойно лежали на песке. Открытые костры, толкотня, крики торговцев. Мелкий рогатый скот тоже был выставлен для продажи, отары овец и стада коз, которые сильно отличались от европейских пород. Среди них группа курдючных овец чисто белого окраса, только голова и половина шеи, точно очерченная циркулем, абсолютно черного цвета. Радость, которую пастуху доставляли его животные, была очевидной.

Спокойные, светлого тона верблюды, окаменевшие, как сфинксы, лишь теплый блеск в глазах. Дух пустыни на равнине, пронизывающий животных, растения и камни; одновременно контуры и профили стали яснее, четче — картина сгустилась.

Здесь я увидел типы, показавшиеся мне знакомыми, — встречались ли они мне в Нубии или вызваны воспоминаниями из Библии и из снов? Например, эфиоп с продолговатым черепом и

торчащими волосами, как будто поднятыми электрической силой, под ними глаза, в которых горело безумие, эдакий маг из «Тысячи и одной ночи». Потом владелец табуна, со спокойным, повелительным взглядом. Высокорослые женщины, в красивых цветастых платках, уверенные в себе. Молодой пастух, впервые попавший в город, глаза еще грезят; он, ожидая чуда, принес с собой богатство и пустоту пустыни.

Пастушья жизнь, патриархальное время в смысле Гердера, формировала монотеизм сильнее, чем даже пустыня. От «Один пастух и Одно стадо» до «Господь — мой Пастырь» ведет простая абстракция — правда, поощряемая пустыней и ее одиночеством. Туда, чтобы узреть Бога, все снова и снова удалялись пророки. Рай — это оазис, небо — это шатер. Земля враждебна; Бог восседает на небе по ту сторону конечного мира.

Пастушьям культам предшествовали другие: почитание предков, анималистических сил, а также деревьев и звериных богов. Еще и сегодня в лесу нас охватывают более глубокие чувства, чем в соборе, пробуждаются самые глубокие воспоминания. Растущая склонность Ницше к пустыне; возможно, он по-своему наверстывает то, в чем упрекает Вагнера: отдаление от Игдразилля[237].

НА БОРТУ, 16 СЕНТЯБРЯ 1965 ГОДА

В Красном море. Жара сильнее, чем во время плавания в Азию; уже с раннего утра 33° Цельсия, 94° Фаренгейта.

Я осведомился об этом измерении, которое указывается для англосаксонских пассажиров, и узнал, что в основу своей шкалы Фаренгейт положил мороз особенно суровой зимы в Данциге. Он замерил его винным спиртом в 1709 году. Примечательно, что это воспоминание о случайном стечении обстоятельств сохранилось в измерительном искусстве. Конечно, за нулевую отметку можно взять любую точку; так, Цельсий выбрал точку кипения, и только позднее Линней добавил сюда точку замерзания воды.

НА БОРТУ, 18 СЕНТЯБРЯ 1965 ГОДА

Ночью опять на Краузенштрассе у столяра Альтенбурга. Безрезультатно; лестница, которая вела к бабушкиной квартире, оказалась заперта стеклянной дверью. На первом этаже расположилась какая-то фирма и перекрыла доступ.

Во время таких посмертных визитов пространство все-таки играет менее значительную роль, чем время. Время движет пространство туда-сюда, оно поворачивает его то вперед, то назад, то в будущее, то в прошлое. На этом факте основываются также магические процедуры; заклинание должно происходить не только в правильном месте, но прежде всего в правильный час.

НА БОРТУ, 19 СЕНТЯБРЯ 1965 ГОДА

Снова в Суэцком канале. Я впервые увидел финиковую пальму непосредственно перед

плодоношением, когда она взваливает на себя темно-шафрановую ношу, венец кроны, над которым веером распускается хвост метелок. Вдоль берега вытянулись рощи, корабль скользит мимо золотистых полос. Пальма должна соответствовать видению. Это вообще лучшее объяснение бытия.

На берегу часовые; их движения напоминают о скуке бесконечных караулов — скука, усугубляемая здесь пустыней. Сменщики спят в тени хижины или сидят на корточках с удочкой на прибрежном песке. * * *

Чтение: Жан Жионо, «Voyage en Italie»[238]. Удивительно хороший наблюдатель, которому четверть часа, проведенная на Рыночной площади чужого города, дает больше материала, чем иному — целый год. Он видит вещи под их банальным гримом и без парадных нарядов. Это позволяет ему делать превосходные замечания, как, например, то, что судьбоносные фигуры войны намного сильнее сгущаются в письмоносце, чем в оперативной сводке главного командования. В одном бухгалтере, с которым он разговорился во Флоренции, он открывает черты, более типичные для этого города, чем Лоджия деи Ланци и Понте Веккьо.

Во время путешествия покой тоже важнее движения; вещи должны представляться. Присутствие путешественника, его глаз имеют преимущество; в конце концов, он может даже обойтись без пространства и времени — Шекспир не бывал в Венеции, Шиллер — в Швейцарии. Он не видел моря, однако оно было живо в нем. Жионо знает наслаждение покоем; он умеет медитировать и быть счастливым. «Каждый раз, когда я попадаю в тюрьму, мне там необычайно нравится».

НА БОРТУ, 20 СЕНТЯБРЯ 1965 ГОДА

Вчера вечером снова мимо поваленного Лессепса. На пути в Азию мы шли в Средиземном море, как в подогретой воде; нынче «хотя бы» 25° Цельсия в плавательном бассейне кажутся уже почти невозможным требованием.

ГЕНУЯ, 24 СЕНТЯБРЯ 1965 ГОДА

Два дня в Генуе. Снова с четой Ло Фаро в Боккадассе. Было темно, одни рыбацкие фонари; волны захлестывали набережную. Некоторые города пробуждают в нас печаль безнадежного любовника. Они неисчерпаемы; подразумевается то, что Стендаль нашел Геную будто созданной для себя, тогда как в Чивитавеккья он разочаровался. «Я слышу умным и бесчувственным человеком, тогда как единственной моей темой была несчастная любовь». Приблизительно так он написал или сказал однажды.

Генри прибыл из Ла Специи; он привез с собой приветы от Орсола Неми[239]. Беседа о его перекрестном указателе к «Излучениям». Я снова ощутил его близость; когда человек отодвигает себя, ничего из себя не строит, без ограничения открывается не его собственная гуманность, а гуманность как таковая.

Ночная прогулка по портовому кварталу. В таких воспаленных артериях, как Виа Прети, легальность, кажется, совершенно отменена — пьяные, проститутки, сутенеры, зазывалы, спекулянты, предлагающие беспощинные сигареты и наркотики. Полиция в таких убежищах, очевидно, тоже нуждается. Они служат нейтральной территорией для ознакомления с

характером и объемом нелегальности.

В городе праздновался «Либерация» — день, когда, как сказал Анри, «они избавились от своей *imprégo*[240]». Разговор о замещении политики моралью, права социологией. Для победителя мораль превращается в оружие, которое он монополизировал. Ему соответствует состояние покорности, которое ожидается от побежденного. Каждый хотел бы принять небольшое участие в монополии, и союзники тоже, даже сами немцы, на которых повесили всех собак. Для этого определяется точка нуля, прежде всего, фигура Гитлера; нельзя говорить, как это у него получилось и как все активно прикладывали к этому руку. Остаются некоторые, которые не принимают участия в торговой сделке столетия. «Анри, я придерживаюсь фактов. Мы проиграли войну, и тут уж ничего не попишешь».

МАРСЕЛЬ, 25 СЕНТЯБРЯ 1965 ГОДА

Сначала к форту Сен-Жак. Я с сожалением увидел, что оборонительный ров был засыпан — видимо, с целью выиграть место под парковку. Мост, который через него вел в форт, можно, как и улицу Баб-эль-Мандеб, отнести к тем узким корридорам, что проходишь без надежды на возвращение. Я подумал о французском враче, обладавшем даром предвидения и попытавшемся спасти меня от судьбы. А еще я вспомнил о Медане, которого я навещал здесь и которому наша дружба стоила жизни[241].

С досадой я наблюдал, как мои земляки занимались взрывными работами в квартале Старая гавань, хотя многим французам он был дорог. Слово «санация» имеет какой-то привкус. В «Мажестике»[242] циркулировал фоторепортаж пропагандистской роты; под одной фотографией, где был запечатлен взрыв, я прочитал: «Немецкая культура прокладывает себе дорогу». Вечером я показал ее Хайнриху фон Штюльпнагелю[243], который с сожалением покачал головой.

Марсель образует контраст с Венецией в том отношении, что в обеих гаванях открывается Левант; редко удается уйти оттуда целым и невредимым. Я захотел показать Штирляйн остров с замком Иф; из *Vieux Port*[244] туда была готова отправиться роскошная лодка с красным балдахином. Мы купили билеты и заняли место в удобных креслах, чтобы подождать, пока лодка заполнится. Потом прозвенел колокол, занавес поднялся, и мы были вынуждены перейти во вторую, открытую лодку, стоявшую на якоре за шикарным макетом. Едва мы покинули гавань, как внезапный ливень промочил нас до костей, и потом, промерзших и весьма страдающих от морской болезни, нас через мегафон оповестили, что высадка на остров, к сожалению, невозможна, поскольку волнение на море слишком сильное. Нам все-таки не удалось избежать комизма ситуации. До этого нас уже обманули на одно блюдо во время обеда.

РОТТЕРДАМ, 5 ОКТЯБРЯ 1965 ГОДА

Приморские Альпы, Ибица, Гибралтар, Лиссабон, где при 15° Цельсия мы почувствовали европейскую осень. Плавательный бассейн давно больше не наполняется. По дороге сообщение об извержении вулкана Таал на Лусоне, в кратере которого мы еще недавно стояли — две деревни уничтожены, много погибших. Лава разливалась по острову и текла в озеро. Жители пытались спастись, переплывая его; один американский летчик видел, как переполненные лодки переворачивались в кипящей воде, — картина, походившая на «Ад»

Данте. Так иногда мы получаем напоминание, что живем на тонкой оболочке и в тонкой коже.

Сегодня вечером мы вернулись из Амстердама. Поездка по краю пастбищ и садов заставила меня вспомнить Фландрию — Рубенс и де Костер витали в воздухе. Черно-белые чайки на лугах, теплицы и ветряные мельницы, каналы с жилыми баржами. Гаага, Лейден, Гарлем; поля уже распаханы, огороды перекопаны в отдельные цветные пятна.

Долго в Rijksmuseum[245], одной из самых больших галерей на свете. Неслыханная свежесть картин бьет через край.

«Ночной дозор» был отделен шпагатом от посетителей; перед ним караул. Великие шедевры приходится, как монархов, охранять от покушений. Они вызывают импотенцию.

Перед каждой «Вечерей» загадка: «Кто же Иуда?» — здесь у Гербрандта ван ден Эекхута легко разрешается: Иуда на переднем плане единственный, на кого не падает свет, дородный, рыжеволосый.

«Вертумен и Помона» Хендрика Голтциуса, старик с голой, прикрытой лишь тонкой вуалью девушкой, которая держит нож для срезания винограда. Рембрандт, «Еврейская невеста» — все оттенки, какие может принимать золото. Заметки для Вильфлингена.

Социальное или, лучше сказать, групповое сознание XVII века воздействует здесь особенно сильно в напоминающих чуть ли не «снимки» картинах цехов, гильдий стрелков, врачей, членов ратуши. После открытия личности аристократия и духовенство отступают. Во мне, должно быть, живет физиогномический инстинкт, который, даже порой у Дюрера и против воли, воспринимает эту перемену как утрату — особенно сильно у Франса Хальса, который богато представлен здесь. Уверенность в себе доминирует.

Чужие школы по сравнению со школами собственными так же скудны, как и в Антверпене. Среди них Гойя, «Портрет дона Рамона Сатуэ», просто и сильно. Темный костюм с белым воротником, сверху и снизу выглядывает красный жилет.

В полуподвале: роскошные кукольные домики, аугсбургское серебро, фарфор, мебель из редких пород дерева с инкрустацией слоновой костью и панцирем черепахи, журавли и выпы гончаров, вышивки. Все это дает и требует; уходишь оттуда осчастливленным и ослабленным.

БРЕМЕРХАФЕН, 7 ОКТЯБРЯ 1965 ГОДА

Путешествие завершено; поздно ночью я еще раз прошелся по дамбе. Корабельные колокола, туманные горы, меланхолия. Pilgrim's progress[246], промежуточное состояние — туман осветляет мрак. Смысл остается скрытым, но он угадывается.

Как это получается, что я опять и опять нахожу друзей, расположения которых я не заслужил? Вернер Трабер, который (я должен, пожалуй, признаться) уговорил меня на эту поездку. Хайнрих фон Штюльпнагель, полагавший, что согласно концепции «Рабочего» мне непременно нужно увидеть русскую действительность. Французский врач в форте Сен-Жан, ефрейтор Хенгстман, который пал, вынося меня из-под огня. И опять же отец, который вмешался, когда я безнадежно вляпался[247].

Должно быть, существует принцип незаслуженной помощи, без которого мы всё теряли бы, и притом с самого начала. В Ветхом завете это выражается яснее, нежели в Новом; я хотел бы сделать исключение для Блудного сына. Ветхий завет схватывает фундаментальную, Новый

— основывающуюся на ней нравственную действительность. Но Лука, завершая притчу, выходит далеко за пределы обоих.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 12 ОКТЯБРЯ 1965 ГОДА

Снова дома. По дороге мы озабоченно наблюдали за георгинами, которые еще нетронутой палитрой светились над стенами и оградами. Однако в саду Вильфлингена мороз за ночь повредил их.

Путешествия ведут не столько через ряд мест, сколько вдоль цепочки друзей. Мы повстречали их у Альфреда Тепфера на Эльбском шоссе — к сожалению, без Вернера Трабера, который находился в отъезде. Мы навестили Ханса Петера де Кудра в Вульфсдале и Хайнца Юстуса в его райнсбекерском доме. При свете костра из отходов тропической древесины, оставшихся от внутренней отделки, мы беседовали в саду о Души, Монши и Гюемоне[248].

Похожие воспоминания в Ганновере, где встретились все четыре ротных командира Второго Гибралтарского батальона периода Первой мировой войны, кроме того Оши, вернувшийся из Вильфлингена.

Удивительными и очень ценными кажутся мне мгновения, когда друзья пускаются в общие воспоминания, как теперь, о долгом времени, проведенном нами вместе в Души. Запас уже поистрачен — посвященных мало, но интимности больше. Места и личности проступают во всех деталях, едва только их касаешься. Эрих Венигер стоит со своим орудием на опушке Адинферского леса. Отсюда до самого Арраса светятся меловые окопы.

Большинство принимало участие и во Второй мировой войне — и хотя годы эти лежат много ближе, они поблекли сильнее. Сталинград, гибельное пребывание в плену — преобладает массовая судьба. Техника торжествует не только над пространственным расстоянием, но и над историческим временем.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 13 ОКТЯБРЯ 1965 ГОДА

Пришла соседка и принесла яйца; мы выпили по стаканчику в память о ее муже, старом Эхингере, который умер, пока мы были в поездке. Во время прощания он сказал нам: «Вот так живешь, умираешь, возвращаешься». Он упал вниз с лестницы, держа в руке кувшинчик сидра. Участвовал еще в Первой мировой, где отличился, старина.

Незадолго до своей смерти: «Bald gohts anderscht»[249]. Это напоминает мне Леона Блуа: «Il faudrait tout changer en moi»[250].

Во второй половине дня к Айхбергу; как всегда в это время я чувствую потребность разжечь в поле костер — как будто это развеет всю хмарь. * * *

К Жанин Мито: «Вернувшись из Восточной Азии, нахожу среди почты „L’?change Col?res“[251]. Большое спасибо! Ваш язык нравится мне цветовой концентрацией. Когда при чтении на стихи падает свет, возникает спектр. В одном Вашем стихотворении заключается материал для пяти импрессионистических. Например:

„Une nuit piment?e

D'embruns et de saumure

Poudroie amure et verte sur les rades“.[252]

Об этом можно размышлять долго».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 20 ОКТЯБРЯ 1965 ГОДА

Чтение: Эрих фон Калер, «Что такое музыка?». Некролог на смерть Виктора Цукеркандля (†24.4.1965), который, кажется, был одним из тех редких музыкантов, что изучали звук, как метафизику. Во всяком случае, их гораздо меньше, чем поэтов, которые размышляют о слове по ту сторону техники и качества, или живописцев, осмысляющих сам мазок и цвет. Мое суждение, разумеется, субъективно, поскольку основывается на собственном чтении; должно быть, есть источники, которые остались для меня закрытыми. Лучшее по теме я прочитал в книге «Мир как воля и представление». Вообще разбирающиеся в тонкостях музыки философы, похоже, на голову выше музыкантов в этом вопросе.

Согласно Калеру, Цукеркандль отсылает далеко за пределы феномена музыки. Он на специфически музыкальном материале показывает, что существует сверхматериальная действительность. Звуки — это непосредственное, воспринятое как движение, бытие. Двигается не тон, но движение ведет от одного тона к другому. «Ведь различные высоты тона не являются различными свойствами вещи „тон“. Если из двух тонов удалить различные высоты, то остается не некий предмет „тон“, а ничто». Калер добавляет: «Следовательно, музыкальное движение фундаментально отличается от любого другого движения; оно чистое, то есть освобожденное от вещного движение».

Опять и опять натыкаешься на это «ничто». Это чувствуется даже слушателем; полная мощь вливается в паузу.

Музыка — это превращенное в звучание время. Это касается взаимосвязей, которые меня давно уже занимают и совсем недавно на Лусоне снова пришли мне на ум при виде бамбукового органа. Когда из произнесенной фразы возникает фраза спетая, а из стихотворения — песня, или хотя бы из стояния — шагание, и из него, в свою очередь, танец, то это больше, чем разница модальности. В пении исчезают не только предметы, на которые ссылается слово, но и пространство, в котором предметы расположены. Мы изменяем не только шаг, но переходим в другое и необъяснимое в конечном итоге движение. В каждом движении скрывается что-то невозможное, некое эхо истоков, которое смутно долетает до нас. В этом — тайна музыки. И одно из объяснений апории Зенона «Ахиллес и черепаха». Элеат хотел доказать, что всякое движение является мнимым. А это-то как раз доказательству не поддается. * * *

Цукеркандль начинает с различения гула и тона. «Гул — это природный шум, тон — это произведение человека». Затем он отделяет техническое от чисто музыкального, которым человек-де обнаруживает свой внутренний мир.

Хорошо, а как быть с песней соловья? Она ведь тоже была бы природным шумом. Это ярко подтверждается Хансом Блюэром[253], а именно — в первой главе его «Оси природы» (1949),

произведении, которое доказывает, что мышление в Германии в то время еще не вымерло.

Блюер говорит там, что музыка, несомненно, отличается от всех «голых шумов природы», «сколь бы соблазнительно они ни звучали». Следовательно, когда путник в вечерних сумерках слышит трель соловья и полагает, что это такая же музыка, как песня, которую он только что слышал в деревне, он заблуждается. Сократ сказал бы ему: «Воск твоей души потускнел». А Блюер говорит: «Нет, это не музыка! Трель соловья явление того же свойства, что и вой находящегося в течке самца или трубный крик оленей; это природные звуки, которые прекращаются, когда течка проходит. В них нет никакой свободы, они связаны с ходом природы. А в каждой песне, выходящей из человеческого горла, выражается коренным образом другое, которое четко и ясно отличается от всех природных звуков».

С ним должен был бы согласиться не только Цукеркандль, но и каждый, кто духовно движется внутри противоположностей: гул — тон, природа — искусство, импульс — свобода, *physis* — *psyche*[254]. * * *

В конце концов, эти различия не выдерживают проверки. Это — одна и та же сила, которая, более или менее ощутимо, выражается как в природе, так и в искусстве. Животное тоже в ограниченном объеме обладает свободой, с другой стороны человек во многом следует своему инстинкту. Это справедливо именно для произведения искусства, образ которого, конечно, возникает в результате ряда решений. Стихотворение, живописное полотно, пение могут получаться так или иначе — зачастую имеются редакции. Но как раз тогда, когда какое-нибудь произведение искусства обращается к нам императивно, ему в самом художнике тоже предшествовало принуждение. Концепция лежит вне свободы воли, даже вне времени. Рок как бы захватывает человека врасплох.

Иногда единство становится нам очевидным в больших гармониях, например, мирным вечером, когда всё созвучно. Тогда больше не беспокоит вопрос, является ли звон колоколов гулом или тоном; каждое звучание включено в гармонию. Создавать ее символы — именно в этом состоит задача искусства, и не только его.

Гармония в редкие мгновения становится реальной и в культурах, не только в их полных предчувствия, сказочных истоках, но всегда по-новому, как повторение фундаментов в этажах, колец в бамбуковом стебле. Осмос[255] между чувством и сознанием, между разными функциями вообще, становится более оживленным.

В монаде нет никакого различия между материальным и психическим качеством. Проблемой соловья занимался и Шиллер, а именно — в «Прогулке под липами»: «H?ren Sie dort die z?rtliche Philomele schlagen? Wie? wenn sie die Urne von Tibulls Asche w?re, der so z?rtlich wie sie sang?»[256]. * * *

Музыка — это указание на невозможное, она — его перевод в возможное. В глубине ее нет волн, и о том, что есть музыка сфер, можно только догадываться: при вслушивании в безвоздушное, закрытое от жизни пространство. Но и там — только преддверия.

При этом мне приходит в голову, что от профессора Бирбаума из Мюнстера я получил не только, как было обещано, прощальное слово Петера Вуста к своим студентам, но также точное указание на разговор Августина со своей матерью Моникой на морском берегу в Остии (О граде Божьем, IX, 10)[257], который, как пишет профессор, надо не пробежать глазами, а пережить *meditando*[258]. Я именно так и сделал и должен согласиться, что здесь в пределах мировой литературы сохранился ход, который ведет глубоко в преддверия.

«...так мы поднялись и постепенно прошли весь телесный мир... и дальше поднимались внутри, обдумывая и с восхищением обсуждая твои произведения, и пришли к нашим душам, и мы вышли даже за их пределы, так что поднялись мы к региону неиссякаемого изобилия, где ты, Израиль, вечно пасешься на ниве истины, где жизнь — это мудрость».

Так у окна с видом на Средиземное море. * * *

В связи с цитатой краткое рассуждение о Премудрости как истоке бытия. «Сама она, однако, не зачинает бытие — прошедшее и грядущее бытие ей чуждо. Ибо исчезновение и становление не вечны».

Здесь я чувствую поддержку в своей инстинктивной антипатии к Вечному возвращению. *Tour de force*[259]; Ницше хотел откусить змее голову; это — один из его кошмарных снов. * * *

Фридриху Хилынеру: «Давно уже ничего не слышал о Вас. Надеюсь, Вы и Ваша супруга пребываете в добром здравии. Я путешествовал и вернулся только совсем недавно.

Сегодня я прилагаю Вам — без комментариев — письмо Йозефа Вульфа, который, очевидно, работает над документами о Вольфраме Зиверсе[260] и ожидает материал от Вас. Он, видимо, вскоре обратится прямо к Вам.

Хотя и задним числом я все же начинаю думать, что Гитлер открыл нечто вроде Тысячелетней империи. Целые ветви литературы живут воспоминаниями о нем.

Я напишу господину Вульфу, что воздвиг Зиверсу скромный памятник в „Гелиополе“».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 1 НОЯБРЯ 1965 ГОДА

Среди сновидений опять, как сегодня под утро, возникла картина большого вокзала; там все делают пересадку. Вокзал расположен далеко от центра, вероятно, в пригороде Берлина; поезда подходят на уровне нижнего этажа в виде надземной железной дороги, в город ведут подземные линии. Все мрачно, запутано как «*Carceri*»[261] Пиранези. Лабиринты проходов, прерываемых заграждениями и окошками касс, заполнены прерывистой, словно в родовых схватках, пугающей толкотней. Здесь блуждания, потерянные или неправильные билеты, похищенный багаж, расставание со спутниками, бессмысленные платформы, опоздания на поезда. * * *

Снова ноябрь; со штауффенбергских лип за ночь опали листья, на ветках держатся только коричневые, летучие семенные коробочки. Листва шпалерных груш перед домом поблескивает желтой лаковой краской. Она покрыта красными и черными пятнышками, которые въедаются в ткань и обнажают прожилки. Особенно красиво из года в год окрашивается фендлера[262] у садовой ограды. Узор красных рубчиков постепенно расходится, как будто листья и потом все изящное дерево прижигают раскаленными решетками.

В саду еще последние розы и хризантемы, ковер чужих осенних безвременников и поздние аметистовые крокусы с острыми чашечками, которые цветут нежно и разрозненно. Еще пчелы облетают цветы в свете полуденного солнца, и маленькие коричневые бражники в сумерки. Прямо перед садовой калиткой великолепно: астра в рост человека с густым лиловым хохолком над накидкой из медленно умирающей желтизны. Палитра Тулуз-Лотрека.

На цветочных грядках синева морозника[263] становится темнее, в то время как сорта, растущие в лесу, покрыты зелеными стыками. Цикорий-эндивий[264] должен освободить грядки после первого же сурового мороза; напротив, брюссельская капуста и зеленый лук вызреют еще лучше. Полевой салат выдерживает мороз, петрушка не всегда.

Утром сад серебряный, в полдень золотой, вечером опускается туман. Теперь начинается зимняя спячка; но нужно, чтоб намело снегу.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 2 НОЯБРЯ 1965 ГОДА

Сегодня был, наверное, последний солнечный день в году; поэтому мы с утра поехали к чете Котта наверх в Доттернхаузен. В швабских краях еще сохраняются соседские связи — ближние и дальние, испытанные и новые.

Замок с его старыми картинами и книгами, длинными коридорами, на стенах которых растут настоящие леса оленьих рогов — сегодня так уже не живут. Завтрак в библиотеке, костяк которой был в основном составлен Иоганном Георгом Котта из фондов собственного издательства. Мы раскрывали тот или иной титульный лист и в лице Штирляйн имели не просто какого-то, а конкретного эксперта как истории издательства «Котта», так и истории семьи вплоть до родословной.

Разговор зашел о потере состояния, которая произошла между 1830 и 1860 годами. Я подумал при этом об альбомах своей прабабушки и своей бабушки, один от 1830 года, другой от 1855 — какая разница в переплетах, в стихотворениях и, конечно, в почерках. Пыль смахнута с крыльев; со всей будничностью проступили прожилки. Штирляйн назвала точную дату: год смерти Гёте, а также типографское доказательство упадка: первое издание второй части «Фауста», которое появилось в 1833 году.

Новые поступления оставлены в нишах и не находят себе места. Я полистал роман одной американки по имени Мэри Маккарти, «Клика», книгу, имевшую огромный успех. В ней описывается судьба группы молодых девушек одного из привилегированных колледжей. Как свидетельствует текст на суперобложке, «автор реконструирует самые интимные детали эротического опыта». Но поскольку на этом нынче основывается успех почти каждого романа, то тираж в десять миллионов по всему миру не может быть объяснен только этим.

Хозяин дома высказал мнение, что привлекательность этой заурядной и скучной книги основывается на второй главе, которую я как раз просматривал. Там во всех технических подробностях изображается процесс лишения девственности. Это напоминает работу дантиста, пломбирующего зуб.

Дело демифологизации, которым сегодня занимаются бесчисленные умы, напоминает деятельность муравьиного роя, проникшего в кухню и с фантастическим усердиемдвигающего там челюстями. Муравьи изгрызают деликатные вещи, не уставая сообщать друг другу, как это вкусно. Ганглии, конечно, грубее, чем они же, к примеру у Ретифа де ла Бретонна. Эротический роман конца XVIII столетия лучше решал задачу.

Демифологизация нацелена на приспособляемость личностей и их поведение в соответствии с законами машинного мира. Обязательный атрибут (коль скоро роман берется за это дело) — нечто вроде фонографической и фотографической аутентичности. Герой должен, как весь мир, носить джинсы и говорить не иначе, как можно услышать в метро или на улице. Отклонения могут вести только вниз по лестнице, например, к гротеску или жаргону. Со времен Золя это мастерство достигло значительного прогресса.

Дефекты героя должны не только отмечаться, но и подчеркиваться. Так Мэри Маккарти неоднократно упоминает, что у типа, совершающего дефлорацию, воняет изо рта. Эта черта бросилась мне в глаза уже у Сартра. Персонажи напивались, их тошнило, у них была менструация и так далее.

В замечаниях одного современного романиста по поводу своего ремесла я нашел высказывание, что солдат должен иметь плоскостопие и тому подобные недостатки, чтобы

проявить литературный талант. С этим худо-бедно еще можно согласиться — сниму шляпу, если при этом получается какой-нибудь Фальстаф или Санчо Панса.

Выступает ли кто-либо как нищий или миллионер, как гений или деревенский дурак, имеет значение, пожалуй, для общества, однако не для поэта. Это справедливо также для живописца, мима, танцора, вообще одаренного человека. Он всему отводит свой ранг. * * *

Потом мы вчетвером поднялись на Шафберг при теплой погоде, но с резким ветром. Воздух был сухим и теплым; взгляд далеко охватывал швабский край с квадратами его пашен и темными участками леса.

Широкая котловина была когда-то еще вольнее; между тем многое заросло лесом, и с исчезновением овечьих отар на лугах поднялся можжевельник. Овцеводство для Георга фон Котта было еще важным делом, которое иногда даже оттесняло на второй план издательские заботы; так, в авторской корреспонденции часто обнаруживается указание, что из-за стрижки с ответом пришлось-де повременить.

Во время восхождения мы беседовали об этом с его правнуком. В долине снова и снова возникала большая овчарня, которая, слава Богу, еще сохранилась. Такая постройка очень согревает сельскую местность, как другие ее вымораживают.

Потом о содержании скота в целом и его автоматизации в частности. Бройлерные петушки: клювы, гребешки и когти обрезаются, вообще все, что нецелесообразно экономически. Неподвижность, искусственное освещение, гормоны и яды, под конец впрыскивание пряностей. Все, что из этого вытекает, очень подозрительно; люди, которые снабжают нас по такой технологии, для собственной надобности держат дюжину куриц-несушек, которые по старому обычаю копаются в навозе.

«Одна мысль о продаже душ ужасна; следует опасаться всего, где ярусами громоздятся такие жилые гробы для псевдосуществ. Животные делаются големами, безымянными; пропадает „схема“».

Так говорил Франц фон Котта, суждения которого часто меня удивляют, поскольку совершенно выходят за рамки экономического мира. Поэтому ему нелегко подобрать партнера, который к тому же еще согласился бы считаться, например, и с астрологическим обоснованием не только характеров и явлений, но также повседневных мероприятий. При любом поступке или поручении, перед строительством загона, началом поездки, покупке и продаже бумаг, проверяется констелляция. То есть основательно исследуется конъюнктура.

Такие обоснования архаичны; они, как здешняя дорога на гору Шафберг, ведут к неожиданным безднам. Я вспоминаю, например, 19 главу Евангелия от Иоанна: воины делят одежды, но решают не раздирать хитон, потому что он-де несшитый, «а весь тканый сверху». Этого вполне достаточно, чтобы объяснить их поведение; но теперь вскрывается подлинная причина: «Да сбудется реченное в Писании: „разделили ризы Мои между собою и об одежде Моей бросали жребий“». Указание на 22 псалом[265], который вообще проникнут пророчеством.

Нынче, рационалистически касаться таких комбинаций, которые культивируются только сектами и эзотерическими кругами просто. Например: «Цитатами из Библии можно доказать всё». К этому можно даже добавить: «и наоборот», а также вопрос: «Как это, собственно, получается?» Как под каждой биологической констелляцией, любым «биотопом», таится констелляция геологическая, так и под каждой логической связью — связь мантическая. Это мир для себя с его упованиями и ужасами, с возвышенными и фиглярскими умами, мир, в котором вещи «соответствуют», от берега Патмоса до самых задних дворов, в которых гадают на картах. * * *

Почва богата окаменелостями. Об этом мне говорил еще Альфред фон Штауффенберг[266], замок которого расположен в пределах видимости. На обочине лесных дорог мы осмотрели несколько горных разработок. Кусок известняка, который я мог охватить ладонью, был сформирован из крохотных аммонитов, раковин и плеченогих, по меньшей мере из дюжины по-кубистски сдвинутых вместе видов, и вдобавок еще нашпигован кристаллами железа.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 20 НОЯБРЯ 1965 ГОДА

На кладбище; в пятый раз исполняется день смерти Перпетуи. На могилах уже лежал снег; зима наступила рано. Перед мертвыми мысль останавливается, как перед непреодолимой пропастью. Она не может сомкнуться, пока мы не умрем сами. * * *

«Больше света»[267], это, прежде всего, значит: другого света. Спор о цвете, который ведется физиками и метафизиками, сам по себе важнее, чем его результаты. Отцы и матери в этом тоже находят радость.

В молчании таится еще и нечто другое; оно не исчерпывается безмолвием. Прилагательное «тихий» является одним из тех, у которых превосходная степень выглядит как-то неправильно, и все ж иногда из тишины выделяется нечто более сильное.

Мы знаем молчание, которое становится тягостным. Основывается оно не на длительности, и все же длительность может вызвать «другое». Определенные формы аскетизма имеют это своей целью.

Во время пути через лес у меня возникает впечатление, что на переходах становится тише, хотя до этого не было слышно ни звука. Это специфическое, иного рода молчание; оно может стать очень сильным. Так случается, если мы находимся вместе с мертвым.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 21 НОЯБРЯ 1965 ГОДА

Укомплектование новой библиотеки. Полки для нее я попросил изготовить за время путешествия. В светлом помещении приятно пахнет яблочным эфиром и свежеструганной древесиной. Это — седьмое собрание книг в доме.

Сначала требовалось разместить накопившиеся книги по зоологии, в том числе двадцатитомную систему природы Линнея, подарок соседа Штауффенберга, а также новые книги, которые я прикупил в качестве запаса на зиму и перелистывал во время расстановки.

Наблюдение за животными в последние десятилетия значительно расширилось и усовершенствовалось — и не только благодаря техническим, в частности, оптическим вспомогательным средствам. Сперва возникает любопытство, потом появляются средства; за рентгеновским глазом следует аппарат. Динамическая сторона техники восходит к шестеренчатым часам, созерцательная — к оптической линзе. Здесь металлический скелет, кости и мышцы, там прозрачная среда, управляющий лучами, делящий и меряющий кристалл — то и другое соединено для разработки макро - и микрокосмического мира вплоть до самых границ восприятия, но только до них. Объехать, не изведав, — вот что становится «нутром природы». Отсюда и скепсис Гёте в отношении «рычагов и винтов», микроскопов и телескопов. Последний прыжок должен привести обратно к прыжку изначальному; всегда сохраняется одинаковая дистанция.

От кельи Альберта Великого до современных кабинетов ведет очень извилистый путь практики, но на уровне воли — одна непрерывная линия вплоть до лабораторий, которые оборудованы в батискафах, на полярных станциях или внутри ракет.

Животные с эпохи «Secretis»[268] Альберта исследовались все более и более тщательно, хотя и были времена, когда о них узнавали больше.

Собираемый материал экстраординарен. Он упорядочивается с помощью мощных каркасов, например, теории эволюции. В том, что «все соответствует», можно сомневаться все меньше. Во всяком случае, у Платона вещи тоже соответствуют, не только у Аристотеля. Они соответствуют на всех ярусах.

«Videmus nunc in speculo»[269]. Если вещи соответствуют в зеркале, это указывает на то, что они соответствуют также и в реальности. Коль они соответствуют в экзистенции, значит, они соответствуют в бытии. Это необратимо. Любое зеркало имеет изнанку, даже если мы считываем с него послания, отправленные миллиарды лет назад. Нарастающее отдаление выглядит, скорее, жутким. * * *

Расставляя книги, я стал перелистывать одну из них. Теперь все они входят в одну категорию, с тех пор как с Ханса Хасса, Ива Кусто и других началась новая конкиста, завоевание морских глубин.

Человек-амфибия, в сумерках кораллового грота глубоко под водой рассматривающий медузу, — это тоже один из вариантов рабочего кабинета Фауста. Его поведение напоминает поведение морских людей из «Тысячи и одной ночи», которые живут в подводных городах и приносят сокровища счастливым на суше. Здесь сообщается знание не только новых существ, но и незнакомой гармонии.

Там есть, к примеру, «цирюльни», узкие места между рифами, перед которыми в определенные часы выстраиваются маленькие и большие, в том числе опасные, рыбы, чтобы другие, кормящиеся от этой службы породы, чистили их и прихорашивали. Их образ действия соответствует образу действия наших парикмахеров: побрив клиента и сделав ему прическу, они занимаются волосками бровей, носа и ушей. Крупные морские окуни[270] поднимают, после того как чешуя и плавники приведены в порядок, жаберные крышки и открывают пасть, чтобы чистильщики забрались внутрь. Другие изменяют окрас, чтобы лучше выделялись паразиты.

Нечто похожее мы до сих пор слышали только об одной птице, которая служит дантистом у крокодилов. Такого рода сообщения не противоречат древнему мнению об обычае рыб, согласно которому большие пожирают маленьких, однако они добавляют иную страницу. Ведь астрологическое воззрение на рыб издревле было другим, как и, равным образом, воззрение христианское. Оно усматривало в воде огромную связывающую стихию. Стоит ее осознать в качестве таковой, все детали встают на свои места: от морского сражения до спасения потерпевших кораблекрушение, от алчности акул до их любовной игры, от отчаяния тонущего до отрады изнемогающего от жажды. * * *

Рентгеновский взгляд оправдывает себя и на примере существ, которые были издавна известны в качестве домашних животных. Возьмем кроликов, которыми уже многие годы занималась добрая дюжина исследователей, прежде всего, в Англии и Австралии. Их труды являются сокровищницами не только в биологическом, но и в мифологическом смысле.

Вот одно из открытий. Часть беременностей — скажем, при перенаселении, либо в засушливое лето, когда угрожает голод, не завершается. Более или менее развитые эмбрионы растворяются; их субстанция возвращается обратно в кругооборот матери. Так компенсируется потеря во внутреннем хозяйстве; она оказывается менее значительной, чем при выкидыше. В таких случаях, как мне приходилось наблюдать у одной из моих сиамских

кошек, мать сама пожирает приплод.

Пример сплошной экономии природы, в домашнем хозяйстве которой не пропадает даже самое незначительное. Еще более удивительным в данном случае представляется безболезненное возникновение и исчезновение созданий; индивидуализация остается иллюзией в матери либо матери снится. В темноте совершается дело ибсеновского Литейщика пуговиц[271]; индивидуумы отливаются и расплавляются снова. * * *

Еще о кролике: каждое существо имеет свою теневую сторону. Зачастую осознаешь ее лучше, если обращаешь взгляд на категорию в целом, то есть в данном случае на отряд грызунов. Зоологи еще задаются вопросом, произошел ли этот могучий род от сумчатых животных или непосредственно от рептилий.

Некоторым кролик инстинктивно противен; он относится к тем животным, употребление которых в пищу запрещал Моисей. Не случайно кролик относится к тому же отряду, что и крыса; я слышал, как одна старая крестьянка утверждала, будто видела, что кролики и крысы спариваются. В полумраке хлебов происходят еще и не такие вещи, но это статья особая.

Зато точно известно, что кролики, завезенные на одинокий остров, превратились там в плотоядных животных. Несмотря на это человек предпочел бы быть выброшенным на необитаемый остров, кишасий кроликами, а не крысами — тут приходилось слышать ужасные вещи.

Кролик — боязливое, крыса — безбоязненное животное. Кролик никогда не мог бы поселиться на чердаках, в подвалах или на кораблях. Оба родственны, хотя в последнее время зоологи исключают «зайцеобразных» из группы грызунов.

Все это вопрос классификации. Меняется она, но не центр, из которого она исходит. В человеке отражаются растения и животные: это есть ты. От чувства гордости орлом и лилиями в гербе до внезапного испуга перед обитателями пещер. Все это есть в нас, а не только родственно нам благодаря наследству.

Приведу пример. Как часто мы видели, что человек, когда его охватил ужас, превращался в боязливого кролика, и наоборот, чувствуя себя в безопасности, он преображался в страшную крысу. Нередко один и тот же человек показывает оба лица. Преследуемый становится преследователем; о том же и Шопенгауэр: мучитель и мучимый — одно.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 29 НОЯБРЯ 1965 ГОДА

День смерти Эрнстля[272]. Снег на маленьком кладбище, где его имя высечено дважды — на камне из Каррарских гор и на памятнике, которым община чтит своих павших. Две доски — на левой погибшие Первой, на правой погибшие Второй мировой войны. В центре изображение, какое в наши дни удается редко, — Богоматерь из серого песчаника, с мертвым сыном на коленях. Древний мотив, очень похожий встречается уже на бронзовых статуэтках сардинской архаической эпохи.

На могиле еще с 20 ноября стояли цветы, гвоздики и розы, твердые, как стекло, кристаллические. Годовщина смерти Эрнстля исполняется в двадцать первый раз. Я подумал тут и о старом Золемахере, который много лет назад написал мне о моем павшем друге: «Фрица мне по-прежнему не хватает». Это кончается лишь с собственной смертью.

Почему сыновья уходят так далеко? Гораздо дальше, чем родители, которые нам часто

сняться, и чаще, чем мы знаем об этом; они всегда присутствуют.

Настанет день, когда уже никто сюда не придет положить цветы и венки, поставить свечу в снег, пусть даже через сто лет. Я еще помню своего двоюродного деда Германа, который в 1870 остался под Мецем[273].

Мертвые — это зеркала, в которых мы открываем наше несовершенство, наши ошибки, слабости, упущения. Мы уже не можем исправить их. Мне пришло в голову, что те, кому было суждено не вернуться, прощались особенно тяжело. Они, должно быть, носили в себе вневременное знание, которое непременно выражалось в объятиях.

В тот день я очень устал, и дорога в Бургдорф была длинной. Возможно, было бы достаточно проводить сына до садовых ворот; он бы понял это, даже бы желал. Он всегда обо мне заботился. Но мы все же отправились в путь. Сегодня, когда я вспоминаю об этом, меня охватывает ужас: как будто я лишил себя судьбоносного мгновения.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 10 ДЕКАБРЯ 1965 ГОДА

Вечером у камина в замке Штауффенбергов. Там Мартин фон Каттэ[274], прибывший из Заульгау, и Винни Зибург, заехавшая из Гэртлингена. Мы заговорили о прощании Фридриха Зибурга; я спросил о его последних словах.

«„Скажи мне еще что-то приятное“ — знаете ли, у нас был свой маленький тайный язык».

Он был одним из тех, которые в других странах были бы востребованы больше, нежели здесь, где больших журналистов нужно искать с фонарем. Все-таки ему не хватило признания, и он финишировал с нерастраченными резервами. Помню, однажды он сказал мне, что мысль о его похоронах и речах, которые там будут звучать, чрезвычайно ему противна. Я возразил: «Это должно меньше всего вас заботить». Будь у него возможность, как о том сказано в «Тибетской книге мертвых», увидеть свое захоронение на штутгартском Лесном кладбище, он наверняка бы остался доволен. За один год я постоял у могилы трех больших друзей: Теодора Хойса, Фридриха Зибурга и Эрнста Бёрингера.

Хотя нашей дружбе с Мартином скоро исполнится уже сорок лет, я нахожу запас его историй неисчерпаемым. Всегда появляются новые. Это свидетельствует не только о богатой жизни, но и о формирующей, завершающей, покоряющей силе. Физиогномически, также в широком смысле, три ступени: готическая, барочная и югендстиль. Что-то созвучное Стефану Георге, гогенштауффенское и прусское от начала и до заката. Этому соответствуют различия в оценках. В Первую мировую войну еще «выезжал верхом», в конце Второй — при начальнике управления кадров военно-воздушных сил. Глаза Вильгельма II ему не нравились[275], однако ленником он оставался верным. Он находит, что из всех женщин принцессы наименее церемонились. Хорошие стихотворения, из которых мне особенно нравится «Аррас». Тысяча лет в Цольхове; после вступления русских мать отравилась перед могилами, оставив потрясающее письмо. Лесоруб в Тюрингии, гость в Юберлингене у Фридриха Георга, служащий в окружной администрации Заульгау.

Семейной травмой остается казнь Ханса Хермана фон Каттэ 16 ноября 1730 года; поваленное дерево дает новые побеги, и один из них — воспоминание о дне Кюстрина[276]. Тот был не первым Каттэ, которого обезглавили; с другим это случилось на пятьсот лет раньше на Рыночной площади Неаполя в свите Конрадина[277]. Один куст в саду Цольхова зацвел тогда красными розами, после того как до этого он цвел только белыми.

Мы вспомнили одно из утр в Цольхове: из Ратенова прибыли гусары; мы проскакали верхом через лес и луга, перепрыгивая рвы, до скромного дома, ворота которого были с двух сторон украшены изображением кошки. Завтрак в передней, стены которой густо покрывала богатая коллекция гравюр Ридингера[278].

Мартин: «Жизнь без лошадей я себе тогда представить не мог. Сегодня я даже о них не думаю».

Общий опыт; у меня аналогично складываются дела с охотой, войной, космонавтикой, утопиями, честолюбивыми целями, от которых я отказался. Сколько желаний осталось неисполненными! И какое счастье, что они отмерли, не придали жизни свою форму, не говоря уже о смысле. Чудовищный пример: скряга, чахнувший над своими сокровищами.

Об этом мысль греческого философа: в человеке всё снова и снова совершается мистерия смерти; ребенок умирает в юноше, юноша в мужчине, мужчина в старце.

Правда, он должен всё снова и снова возрождаться. И это тоже может пониматься только как предварительная ступень. * * *

Есть побуждение, которое «витают в воздухе», следовательно, опирается не только на учение, пример и образец. Тогда действует не чередование, а параллельное сосуществование, одновременность. Новые формы возникают не благодаря контактам, а в различных точках, местах, частях света, возможно, на небесных телах. Здесь почкование, там непосредственное зачатие; семя проливается дождем. Последствия этого следовало бы исследовать — космически, палеонтологически, исторически, художественно-исторически и вплоть до моды.

Приблизительный растр дают физические данные: землетрясения, наводнения, ледниковый период. И потом знаки Зодиака. Можно предположить корреспонденции в изобретении письма, водоснабжения и городского строительства. Последовательность стилей в европейской и дальневосточной культурах за последнее тысячелетие была, кажется, не только относительной, в смысле Шпенглера, но абсолютно одновременной.

Целое как игра мысли, будто при игре в шахматы. В шахматах с доски снимают фигуры, здесь — факты. Речь идет не о реальных вещах. «Подразумеваются» не они. Не сумчатые, к примеру, животные Мадагаскара, Америки и Австралии. Антропологи, по меньшей мере, принимают в расчет то, что люди могли возникнуть одновременно в местностях, которые находятся так же далеко друг от друга, как сегодняшние раскопки. Время было зрелым. Морфологические типы автономнее анатомических. Летчик, разбойник, ныряльщик подчиняют насекомое, рыбу, птицу, человека своей топологии.

Космический полет, как все великие технические достижения, хотя и дал результаты, но еще больше принес разочарований. Мы вынуждены проецировать наши надежды на звезды, где есть жизнь, вплоть до Млечного пути и еще Дальше. На планетах нас ждало разочарование. Они лишены воды, которой на Земле в качестве исключения предостаточно. Данные анализа, похоже, подтверждают подозрение Ницше: жизнь, возможно, является лишь формой смерти, и притом очень редкой.

Так лучше понимаешь сущность научной и, в частности, естественнонаучной спекуляции. За ее неутолимой жадностью скрывается больше, чем любопытство; обход Луны, правда, содействовал знанию, однако, надежду развенчал. (Дополнение по поводу ревизии.) * * *

Камиль Писсаро: «Бульвар Монмартр, впечатление ночью», 1897. Дополнительное название излишне, как, собственно, и основное. Яркое горение желтых огней на синем фоне. Несколько капель красного перца, наверно, уже перебор. Живописная сила взламывает мотив; бульвар уводит вверх, в беспокойное небо. Таким мог бы видеть море огней Верлен, сквозь густую

пелену абсента. Бекман видел такие проспекты иначе, по-мексикански: первая мескалиновая волна.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 19 ДЕКАБРЯ 1965 ГОДА

Теперь во второй половине дня я иду дубовой рощей до группы скал, которая образует арену, и через Айсигхоф возвращаюсь. На этих участках, несмотря на «сплошные французские вырубki», еще преобладают лиственные деревья. Старые стволы попадаются реже, а древние исчезли совсем. Великан терпит только себе подобных; в Нижней Саксонии и на побережье Балтийского моря я видел еще насаждения, походившие на Римский сенат: собрание королей.

Владельца леса следовало бы обязать при каждой рубке щадить одного, неприкасаемого.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 22 ДЕКАБРЯ 1965 ГОДА

Начало зимы. За окном падает снег и тает на газоне — зеленое Рождество.

[...]

ВИЛЬФЛИНГЕН, 26 ДЕКАБРЯ 1965 ГОДА

Приступил к чтению «Тамплиера» Джона Шарпантье, продолжение линии Барбе д'Оревилль — Гюисманс — Блуа. В красочных описаниях больших встреч с Востоком всё снова и снова натывает на необъятный материал, собранный Хаммер-Пургшталем[279].

Прямо в начале, при упоминании депрессии, предшествующей крестовым походам в конце десятого столетия, подходящая для цитирования фраза: «Слез было недостаточно, требовалась кровь». Ей соответствует фраза Вольтера: «Плакали в Италии, во Франции же вооружались». Я полагаю, что большинству достаточно слез, прежде всего тем, кто отказывается от низкой мести; ликование, напротив, может перерасти в насилие, которое автоматически ведет к кровопролитию.

Девиз тамплиеров: «Один против трех». Шарпантье: «Рыцарство с его по-прежнему живыми учениями». Это было бы прекрасно; однако сегодня они представляются мне скорее примерами для самоубийц. В лучшем случае они ведут к «amour sans espoir»[280] Стендаля, если уж ты не собираешься пойти по следам Фуке. Мне кажется, это Гёте сказал о рыцарях Фуке, что они всё больше кажутся ему прусскими гвардейскими подпоручиками. Такие характеры можно было встретить в армии до окончания Первой мировой войны. Они исчезли с последними лошадьми, шпагами, поединками и многим другим. К ним принадлежал Кёрнер, принадлежали воины Лютцова[281]. Кёрнера больше не читают, тогда как Клейст по-прежнему очаровывает. В нем вспыхивает архаическое; такие эксцессы, как в «Битве Германа» или в «Пентесилее», не позволил бы себе ни один рыцарь. Рыцарство, может быть, отмерло; архаичное, вневременное во все времена, сохраняет свою вулканическую силу. * * *

Тысячелетний интервал заканчивается настроением конца света, апокалиптическими видениями, отчаянием в мировой пещере. Гностические страхи, надежда на мессию, звезда Вифлеема. Одновременно концентрация сил, за которой следует взрывное расширение. *Imperium Romanum*, путешествия Павла и апостолов, миграции вплоть до великого переселения народов.

Конец Тысячелетней империи, крестовые походы, готические соборы, изобретение шестеренчатых часов.

Если здесь есть параллели, то настоящий поворот мог бы обнаружиться не ранее 2000 года. Предваряющие фигуры, как Креститель до Христа, тоже обретают свой смысл только в ретроспективе. Полный свет падает назад в сумерки. Именно в таких комбинациях астрология обретает свой смысл. Знания исторических дат и фигур недостаточно. Это касается также намерений. Колумб хотел найти морской путь в Индию, а открыл Америку. Так и полет в космос может привести к иным целям, чем ожидалось.

1966

ВИЛЬФЛИНГЕН, 1 ЯНВАРЯ 1966 ГОДА

Начинается новый год. Число его — еще пустой сосуд, которому предстоит наполняться. Сестра Елизавета однажды спросила меня, дело было еще до «Годенхольма»[282]: «Ночи вслушивания»[283] в этом году особенно сильные. Вы этого еще не заметили?»

В самом деле, тогда мертвые придвигаются ближе; это, должно быть, какое-то междуцарствие между годами. Сновидения в Ночи вслушивания какие-то особые, уже в силу впечатления, будто что-то приходит «снаружи». Мы испуганно просыпаемся: «Это было не сновидение». Однако сон продолжается, только изменяется его глубина.

Сегодня ночью меня мучило другое беспокойство: деление исторических ситуаций, не приводящее к решению. Пытаешься проскользнуть внутрь монархов, как в снятые маски, — в маску Фридриха Вильгельма IV или Вильгельма II, хотелось бы убедить их посмертно.

Наверное, этому способствовало увлекшее меня чтение: «При дворе Гогенцоллернов», дневник баронессы Шпитцемберг.

Ночным беспокойством, тревогой за страну и ее будущее, проникнуты эти записки. До 1914 многие страдали бессонницей. Даже такой спокойный ум, как князь Бюлов, испытывал необъяснимую тревогу. У этой женщины находишь суждения, которые пришли в голову историкам только через пятьдесят лет. Читаешь их с особым волнением, потому что все факты — отчасти благодаря первому чтению газет («Берлинская ежедневная газета», «Будущее» Хардена), отчасти благодаря застольным разговорам отца — были известны мне вплоть до подробностей. Деша Крюгера, «прыжок пантеры», выборы готтентотов, Цаберн, Ойленбург. Кроме того разговоры с людьми, старшими на десять или двадцать лет, которые в молодости работали в учреждениях эпохи Вильгельма II; из них было еще составлено Парижское военное управление во время Второй мировой войны. Все это проходит перед беспристрастным взором. Факты, еще не ставшие историей, но уже принявшие кристаллическую форму, словно в маточном растворе. Волевые стихии отступают, на первый

план выходят трагические. * * *

Будущее немцев темно, как будущее Ионы в чреве кита. Разделенные, лишенные своих провинций, окруженные недоверчивыми и недоброжелательными соседями. Кроме того, неопределенное международное положение. Русские, видимо, обожрались, американцы собираются это сделать. Во Вьетнаме они ухватили кончик Азии, как змея — лапку лягушки-быка[284], слишком большую, чтобы ее проглотить. Прежде всего, совершенно разочарованная молодежь внутри страны.

Что здесь делалось правильно, что неверно, прояснится лишь в следующем столетии; конечно, есть ситуации, когда все оказывается ошибкой. Срединное положение особенно благоприятно для этого. Возможно, мы уступим его России.

Правильно ли было, что в связи с корейским кризисом мы резко и послушно согласились на наше перевооружение? Уже по причине такой неопределенности следует отдать должное инстинкту, который снова и снова удивляет при чтении записок баронессы Шпитцемберг. * * *

Бисмарк упрекнул Вильгельма II в «отсутствии глазомера». Один француз назвал его *Le Vibrateur*[285]. Два этих качества вместе очень неблагоприятны. Обладающий ими человек обычно действует не только несоразмерно, но и поспешно. Своей иллюзией он словно стеклянной стеной отделен от быстро меняющихся объектов, к которым порывисто подступает. Ушиб голову, стекло разбилось. Это можно было видеть на примере таких «романтичных» пруссов, как Фридрих Вильгельм IV.

Для государства благоприятней, если монарх губит себя сменой фавориток, нежели сменой союзников. Одаренные премьер-министры тоже должны всегда делать выбор осознанно. Вильгельм II, как и большинство Гогенцоллернов, был добродетельным. Исключение составляет Фридрих Вильгельм II, в правление которого Пруссия достигла наибольшего расширения.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 4 ЯНВАРЯ 1966 ГОДА

Со Штирляйн в дубовой роще. На «сплошных французских вырубках» уже стоят довольно высокие ели, плотно, одна к одной. Эти леса вопреки или благодаря своей монотонности имеют то преимущество, что по узким дорогам идешь, как по туннелям. Они одновременно дают свет и защищенность. * * *

Числа, как полагали неопифагорейцы, не могут быть богами. Это было бы фетишизмом на более высоком уровне.

Однако числа есть больше, чем простые сосуды, больше, чем хитроумно выдуманные мерилы. Они не только выдуманные, но и открытые величины; это в своих неожиданных разъяснениях как раз и подтверждают физика, химия, кристаллография и ботаника.

Боги не могут быть числами, однако в числах есть божественное. Мы постигаем в них хореографию универсума, след ноги некоего танца, но хозяин праздника остается скрытым.

Тот, кто идет по следу, дичь не добудет; но она явится ему, если он начнет мечтать на опушке леса. Тогда она выходит на поляну.

«Herrlicher mein Bild in dir zu finden,

Naucht ich Kr?fte dir und K?hnheit ein,

Meines Reichs Gesetze zu ergründen,
Schöpfer meiner Schöpfungen zu sein.
Nur im Schatten wirst du mich erspüren,
Aber liebe, liebe mich, o Sohn!
Dröben wirst du meine Klarheit sehen,
Dröben kosten deiner Liebe Lohn».[286]

(«Гимн богине гармонии»)

Гёльдерлин видит свет в тени, закон и его божественную основу. Это отличает его как от романтиков, среди которых ему ближе всего Новалис, так и от классиков, от взгляда Шиллера на «богов Греции». Вневременное настолько сильно приближается к числу, что ему грозит уничтожение.

С числа начинается ведь еще и обман, отвлечение. Числа — это одежды, снять их — наше последнее усилие. Наконец, преодолевается даже «два»; замирает и «Maintenant a nous deux!»[287]. * * *

К Отто Клагесу[288]: «Роскошный экземпляр с тремя orthoceras[289] благополучно прибыл и был открыт в рождественский сочельник. Большое спасибо за это новое украшение моего дома, который становится все каменистее. Камни, в которых когда-то была жизнь, доставляют мне особую радость, прежде всего в твердых, пиритных или кристаллизованных проявлениях. В извести, в мраморе жизнь и смерть встречаются на пограничной линии. У меня есть шлифованный аммонит с металлизированными лобельными линиями — кажется, вещь только что отлили из серебра. Космат[290] рассказывал мне однажды, что в Осло он шел по мостовой, целиком вымощенной крупными orthoceras.

Аммонитовый ряд отражается в ритме Вселенной; волна поднимается из зеркала, нарастает, захлестывает и снова откатывает. Свертывание из прямых линий до епископских посохов, турбин и спиралей, потом опять их разгибание — праформа через изобилие барочных вариантов возвращается к вторичной простоте. Это находит себя повсюду, в истечениях секунд и миллионов лет, во всех областях и стилевых разновидностях».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 10 ЯНВАРЯ 1966 ГОДА

Ночью присутствовал при обсуждении ситуации на фронтах, генералы обменивались самокритичными замечаниями. Один сказал: «Я всегда недооценивал их уровень».

Как будто я видел это напечатанным — однако я спросил себя: имел ли он в виду уровень своих коллег или противника? * * *

Чтение: «Изида, журнал для всех любителей естествознания», Берлин 1880. Мне кажется, будто скромные печатные органы старых натуралистов проходят сквозь наш бетонный мир, словно угольные жилы; от них всегда исходит немного тепла.

Как курьез отметил объявление одного «оптового торговца заморскими птицами и другими

животинами», Дж. Абрахамса из Лондона: «Постоянно ищутся животные монструозного или необыкновенного свойства, а кроме того карлики, великаны и другие экстраординарного вида люди любой национальности».

Такое б и Свифта развеселило.

ШТУТГАРТ, 17 ЯНВАРЯ 1966 ГОДА

Еще по поводу Лесного пути[291]. Идущий лесными тропами должен, намереваясь сделать что-то, учитывать экономию. Если допустить, что он активен в Ариостовом смысле, то есть, например, один на тысячу, то ему следовало бы либо вообще отказаться от активных действий, либо поступать соответствующим его положению образом. Если он хочет создать более комфортный климат, то вариант покушения отпадает с самого начала, поскольку оно пойдет на пользу властителю. Лучше анонимные проявления, которые свидетельствуют о превосходной живости ума и разрастаются по принципу снежного кома.

Но относится ли вообще улучшение климата к его задачам? Для него проще поменять климат или в пределах бессмысленного окружающего мира создать микроклимат, келью, в которой еще можно дышать.

Идущий лесными тропами хочет сохранить свою свободу, это его самый потаенный и прирожденный порыв. Он не может ему не следовать, говорит ли он или молчит, действует ли он или не действует.

Напротив, абсурдно мнение, будто его задача — защищать демократию. У одного на тысячу иные заботы, все равно, как называется конституция. Чего люди не знают да и не хотят знать: то, что они довольны состоянием несвободы. В наше время кроме демократии святее всего разве что армейский сапог.

Поэтому победители во Второй мировой войне, чтобы придать своим вымогательствам полную моральную силу, вынуждены исходить из двух противоречащих друг другу фикций:

1. Немцы полностью ответственны за действия и преступления своего правительства; они единодушно стояли за ним.
2. Это правительство было чисто тираническим; оно узаконило свои акты насилия махинацией с голосами и осуществляло их против воли народа.

В зависимости от того, нужно ли обдурить кого-то во внутренней политике или во внешней, используется та, либо иная версия. Когда во время корейского кризиса потребовалось увеличение наших вооружений, Эйзенхауэр принес немецким солдатам публичное извинение. Ханс Шпайдель[292]потребовал этого. Спрашивается, а не лучше ли нам было б остаться с дурной репутацией.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 20 ЯНВАРЯ 1966 ГОДА

Со славой дело обстоит, как с кристаллами, которые нужно почуять в обломках породы. В большинстве случаев слава растрачивается раньше времени. * * *

Ночью на постановке «Сказок Гофмана». У меня наверху было только стоячее место; здание было переполнено. Внизу перед суфлерской будкой, скорее, даже в центре партера, стоял большой гроб из слоновой кости. Крышка медленно приоткрылась в ногах, и покойник начал спектакль арией. * * *

Во второй половине дня классификация рода Amphicoma[293], прежде всего, красивых видов, которые в марте 1961 года я собрал на Мёртвом море. У животных двойной волосистой покров, на это указывает название. Цветовая палитра от блекло-желтого до пурпурно-коричневого и темно-фиолетового. Угасшие было солнца при виде их вспыхивают опять.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 27 ФЕВРАЛЯ 1966 ГОДА

Теплый февральский день. В лесу волчье лыко[294] в полном цвету. В саду весенник зимний [295] желтыми кругами расстилается на солнце, ранний крокус, подснежники, голубые зимовники[296]. Прогулка по лесу с Хайнцем Людвигом Арнольдом. Он заметил первую ящерицу. (В прошлом году на Шатцбурге только 30 марта.)

ВИЛЬФЛИНГЕН, 8 МАРТА 1966 ГОДА

Весенники «растягиваются» под полуденным солнцем. Во второй половине дня посидели с профессором Кальманом. Беседа об «особо важных персонах» его клиентуры, в том числе о папе. Вечером сажал репчатый лук и бобы. Несмотря на прекрасную погоду, земля была еще ледяной.

К Ханне Нагель: «То, что змея означает для Вас нечто исключительно страшное, пожалуй, понятно; она самый наглядный символ Земли и ее неразобщенной силы: жизни и смерти. Так объясняли ее народы и культы, акцентируя то одну, то другую сторону. Впрочем, на Вашей картине господствует, кажется, не только ужас, но и любопытство, ожидание, согласие.

Вы пишете: „Мраморные утесы я, к сожалению, не могу понять“. То же самое происходило со мной: представьте себе, непосредственно перед Второй мировой войной я увидел предстоящее, как зарево от пожара, и со всеми подробностями доверил увиденное бумаге. Я не мог его объяснить; только события дали мне ключ. Я думаю, Вы тоже найдете его, и верю даже, что Вы станете признанным иллюстратором книги». (Так и случилось. 30 декабря 1979 года.)

«Это мнение разделяет и профессор Кальман, в данный момент находящийся здесь в доме и заканчивающий хороший портрет. Он считает Вас нашим лучшим графиком. Итак, я займусь Вашим произведением, друг Дрексель тоже уже попросил более детальных разъяснений по этому поводу».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 29 МАРТА 1966 ГОДА

Лицо спящего, грезящего, забывшегося в воспоминаниях. Иногда он улыбается; затем по

челу его пробегают тени.

Как много есть переживаний, заданий и обязанностей, в которых мы отказали. Отказали: то есть не ответили, как это ожидалось. Отказали родителям, учителям, товарищам, друзьям и тем также, с кем мы встречались мельком. Легкие промахи, неловкости, надменности, упущения, злые поступки и несправедливые деяния.

Ну ладно, все это теперь далеко позади, отступило на годы и десятилетия до самого детства. Раны, которые мы причинили себе самим и другим, давно зарубцевались. О многих вещах знаем теперь одни мы. Партнеры, сообщники, заинтересованные лица давно умерли; они еще при жизни получили от нас возмещение или простили нас. Лиц, знающих о содеянном, больше нет.

Мы искупили вину, но шрамы болят по-прежнему, и порой сильнее, чем болели раны. О том, что мы претерпели несправедливость, мы позабыли, но от того, что мы поступали несправедливо, нам никак не оправиться.

Чем же объясняется это копание в отживших пластах, неукротимое беспокойство? Во-первых, наверное, тем, что мы стали старше, моральная способность различения стала сильнее. Но тогда нас должно было бы извинить воспоминание о наших хороших поступках. Однако этого не происходит. Почти как если б добро было делом само собой разумеющимся, мы проходим по нашему прошлому, словно по ландшафту, в котором различаем только неровности, изменности и пропасти.

Можно предположить, что подлинная картина прожитого нами благороднее и достойнее, чем мы сумели осуществить внутренней памятью; «осуществить» — значит: представить существующее. Ткется нескладно: мы перепутали нить судьбы. А пряжа была предназначена для лучшего.

Здесь наша сущностная личность устраивает суд над нашей исторической личностью и ее поведением. Боль нельзя успокоить временем; у нее другой смысл. * * *

Об этом Ницше в «Веселой науке»:

Was ist das Siegel der erreichten Freiheit?

Sich nicht mehr vor sich selber sch?men.[297]

Но позволительно ли, впрочем, самооправдание, не относится ли оно к лазейкам? Хотелось бы думать, что оно обретает смысл только in articulo mortis[298]. Умиравший дарит его себе самому. Таинство его подарить не может; оно его подтверждает.

ЮБЕРЛИНГЕН, 30 МАРТА 1966 ГОДА

Чехов, 30 мая 1888 года[299], Суворину: «Требуя от художника сознательного отношения к работе, Вы правы, но Вы смешиваете два понятия: решение вопроса и правильная постановка вопроса. Только второе обязательно для художника. В „Анне Карениной“ и в „Онегине“ не решен ни один вопрос, но они Вас вполне удовлетворяют потому только, что все вопросы поставлены в них правильно. Суд обязан ставить правильно вопросы, а решают

пусть присяжные, каждый на свой вкус».

То же касается и «Карамазовых», вообще всех романов. Результат заключается не в решении, а в проблеме. Тем произведение мастера отличается от работы подмастерья.

ПОРТО, 17 МАЯ 1966 ГОДА

После завтрака на пляж. Дорога между могучими эвкалиптами по узкой, окруженной крутыми гранитными горами долине ведет от деревни к заливу. Здесь, рядом с холмом, на котором высятся развалины «Генуэзской башни», устье реки Порто[300].

Сначала мы поискали место для солнечных ванн и нашли его на плоском выступе скалы, до которой опять поднялись вдоль бурного горного потока. По склону поднимаются цветущие кусты дрока и лимона в рост человека, лавры и земляничники, остролистый падуб. У самого ручья растет пышная зелень, в том числе фенхель, голубой чертополох, парадизея лилиецветная[301], папоротники, кроваво-красный клевер, большие зонтики дикой моркови, очень статной здесь.

Вниз к пляжу. Вода еще действительно прохладна. Море рассортировало гранит. Видны следы его работы, от многотонных глыб, отколовшихся из массива, до кристаллических зернышек. Между утесом и кромкой пляжа выложена лента из пятнистых яиц страусов, уток, чибисов и жаворонков. Волна прибоя катала меня взад и вперед, гладкая галька массирует спину с почти непереносимой силой.

ПОРТО, 20 МАЯ 1966 ГОДА

На море волнение; волны изрядно нас покрутили; их удары стали жестче. Отдыхая на утесе после купания, я почувствовал, что начал весну с гриппа, который до конца еще не прошел.

Затем собирал гальку, плоские овалы: розовый, красный, ржаво-коричневый, цвета старого золота, зеленоватый, синий, фарфорово-белый — каждый вариант опять же с более темными и светлыми вкраплениями. В том числе ветвистые узоры, как у «мохового» агата. Мы развлекались, пробуя расположить их по системе, — игра, во время которой пластично выделяются различия логической и эстетической оценки.

Японский мост высокой дугой соединяет берега реки Порто. Обратный путь вдоль лагуны ведет через эвкалиптовую рощу со скелетоподобными стволами поваленных и высохших деревьев. В болотистом полумраке светятся кромки ирисов[302]. Заросли уставлены машинами и палатками кемпинга. Поступишь правильно, если будешь двигаться по нему насвистывая и напевая, чтобы не оказаться нарушителем спокойствия в сем натюрморте. Старые ивы на берегу идиллически украшены брусочками мыла, зеркалами, зубными щетками и помазками. Меньше понравилось мне, что лагуну, где я обычно ловлю рыбу маленькой сетью, сегодня затянуло масляной пленкой. Ведь средство, которым уничтожали личинки комаров, истребляло и всю другую живность, обитающую в воде.

Молодые эвкалиптовые деревья стройны, старые коренасты, листва их располагается ярусами. Вкрапления огненно-красных листьев напоминают хохолки и флаги. Они устилают дорогу мозаикой серпов, полумесяцев, петушиных хвостов и наконечников копий. Между ними серебристо-серые головки цветов — маковые коробочки с филигранной отделкой. Листья

будто пропитаны грунтом, поэтому эта лента едва выделяется на фоне гранита, через который ведет дорога.

ПОРТО, 21 МАЯ 1966 ГОДА

Новое строительство и упадок здесь, похоже, уравновешивают друг друга: из земли торчат каркасы гостиниц и пансионатов, номера в которых уже, вероятно, сданы. Каштановые рощи, масличные сады и виноградники, напротив, дичают. Не хватает рук для ухода и сбора урожаев; молодежь эмигрирует в индустриальные страны. Каштановая мука, прежняя пища народа, уже почти не употребляется; плоды выискивают полудикие свиньи.

Узкие террасы ниже «Коломбо», где во второй половине дня я собираю растения и так дохожу до самой реки. Тоже заросли, главным образом густой кустарник ежевики, который тянется вдоль каменных стен, перемежаясь плетями дикого аспарагуса. Пневая поросль фиговых деревьев еще плодоносит, и сквозь траву побеги обвивает виноградная лоза.

Я остановился возле старика, который на одном из участков закладывал грядку зеленого лука. Почва, должно быть, хорошая, потому что земля, казалось, струилась у него из руки как жирный, крупнозернистый нюхательный табак.

ПОРТО, 22 МАЯ 1966 ГОДА

В яркий солнечный день к Генуэзской башне, у которой, как у большинства этих старинных сторожевых вышек, отсутствует вход. Дозорные поднимались в нее по приставной лестнице, которую потом втягивали за собой через бруствер, формой она напоминает бокал, который сперва сужается и потом снова расширяется, образуя талию. Каменные стены вырастают прямо из открытой скалы. Они образуют единое целое, как если бы холм увенчали короной. Блоки скреплены надежным строительным раствором, о чем свидетельствует низвергнутый вниз тесаный камень с остатками креплений на стыке.

Ни на одном из островов Средиземного моря, даже на Балеарах и Родосе, я не видел такого богатого и пышного цветения *масchia*. Бесчисленные цветки, белые и желтые нивяники[303], некоторые из которых почти древовидные, ежевика, мак, ромашка, дрок, белый и красный ладанник[304], и на террасах издали заметные каскады розовой герани[305]. Все они открылись и распустились, обратившись к солнцу. Круглые шапки цветов явно подражают ему. Чем их считать — зеркалами или символами великого светила? Признак радости или служения — их поворачивание по солнцу?

Появление семенных растений, обязанное дружеской поддержке со стороны насекомых — настоящее чудо в истории Земли. Совсем непохожие друг на друга творения вступили в эротическую связь, для этого образовались мириады органов. Это как если бы из первичной материи, бушуя, накатилась новая волна самосознания.

Должно быть, то был великий праздник, когда Солнце, животное и растение сочетались таким способом браком. И в такие утра можно все еще ощутить отзвуки этого праздника.

ПОРТО, 23 МАЯ 1966 ГОДА

Незадолго до пробуждения отвратительная картина. Когда колосс лежит на земле, его окружают большие животные, ведомые приспешниками: гиены, волки, рыси и лисы. Потом делятся куски. Но одновременно из его внутренностей выползают личинки и черви и так густо покрывают его, что его форма, кажется, перестает быть различимой. Правда, без этого тоже не бывает очищения. * * *

Ежедневные солнечные ванны у ручья, с пеной пробивающегося сквозь грубые глыбы гранита, они освежают, как в долинах Гарца. Камень, и так красно-розовый, еще и подрумянен лишайниками.

У воды самшит, земляничное дерево[306], дикий инжир, высокие, уже отцветшие вересковые, в каменных стыках разрослась таволга[307], притворяющаяся папоротником, ее приятно перебирать пальцами.

Бабочки порхают вдоль ручья, внизу голубянки[308], между кустами золотисто-коричневый родственник перламутрового мотылька[309], а в высоте макушек зимородок.

Иногда попадает одна из переливающихся зеленым и черным ящериц, которых мне приходилось видеть и на Сардинии. Вытянувшись в длину или согнувшись аграфом, она нежится на маленькой скале в лучах солнца — недвижно, только пульсирует шейка: «Anken» [310], как говорит житель Нижней Саксонии.

Сквозь кроны остролистого падуба виден фрагмент Порто с Генуэзской башней, красными утесами и горами, покрытыми пятнами редкой масchia.

Место для мирного пребывания — находили его и другие, собиравшиеся, вероятно, пожить здесь, ибо на одном каменном блоке можно было прочесть: «D?fense de camper»[311] и ниже: «Кемпинг запрещен» — мелкая, но видимо, неизбежная царапина на почти совершенной картине. Там, где речь идет о запретах, народы становятся полиглотами.

Во второй половине дня спуск к берегу реки до широкой галечной отмели. Скорпион, который не пожелал забираться ко мне в бутылку, как тридцать лет назад такой же на Касабланке, — на сей раз я уступил как более умный.

ПОРТО, 30 МАЯ 1966 ГОДА

Во второй половине дня мы вдоль сельской улицы отправились в Эвизу до высокого моста над рекой Порто. Там ответвляется покрытая растительностью дорога, которая следует изгибам реки и дальше ведет на Оту.

Такие дороги, как и заброшенные сады, типичны для острова; сеть горных троп для вьючных животных и мулов благодаря дорожному строительству при Наполеоне погрузилась в сон Спящей красавицы. Тот, кто любит одинокие пешие прогулки, найдет здесь для себя раздолье.

Речное дно пахло папоротниками и коровами, которые паслись там. Высокий голубой зимовник давно уже отцвел, на кустарниках светились светлые соплодия. Когда я сорвал одно из них, на ладонь мне брызнули черные семена.

На дороге лежал амулет, красный рожок, какие я часто видел в Неаполе. Этот был сработан не из коралла, а из твердого воска или из какого-то искусственного материала. Он послужил

хорошим примером в разговоре, который я как раз вел с Ингой и Штирляйн. Речь у нас шла о крещении по необходимости и о том, что «одной водой здесь, конечно, ничего не сделать». То, что сакральное воздействие причастия Гюисманс ставит в зависимость от чистоты муки, из которой испечена облатка, всегда было мне подозрительно — так аргументируют философы, у которых не все в порядке с желудком. Мусульманин может совершить святое омовение даже песком, если в пустыне отсутствует вода. Я, во всяком случае, тоже посчитал рожок из этого непонятного материала удачной приметой.

И в самом деле, после прогулки последствия гриппа исчезли; вернулся оптимизм. Я снова заметил это по автомобильным номерам, когда мы вернулись на шоссе: счастливых чисел прибавилось. Конечно, последовательность можно перевернуть: когда наступает новая жизнерадостность, символы тоже становятся дружелюбнее. Тогда мы толкуем интенсивнее.

Знак вообще можно увидеть лишь во взаимосвязи, он существует для чего-то иного. В Юберлингене в водопроводной воде всегда плавали маленькие кристаллы извести; поэтому я извинился перед Рудольфом Шлихтером[312], который был у меня в гостях и попросил стакан лимонада. Он сказал: «А я смотрел на это как на что-то особенно приятное», а потом добавил: «Если бы я вам не доверял, я счел бы это ядом».

В густом низкорослом лесу стоял покинутый хутор или, скорее, избушка, местопребывание отшельника. Мысль: «Если б уединиться сюда на год и, поручив пастуху из Ота еженедельно снабжать себя провиантом, можно было бы почти как в пустыне сосредоточиться на одной теме». Воспоминания в таком уединении возвращаются с визионерской силой. Пример: «Lettres de mon Moulin»[313] Доде.

ПОРТО, 31 МАЯ 1966 ГОДА

Прогулка к маленькой бухте Буссалья. Она еще безлюдна, но какой-то зубной врач из Парижа уже собирается выстроить там бунгало. Мы прошли мимо широко разбросанных стройплощадок.

Обрывистый берег с лежащей под ним галечной отмелью и гранитными утесами. К одному из них мы сплавали, чтобы позагорать; камень был гладким и теплым. Снова в этом гранитном мире меня удивило одновременное сосуществование самых различных градусов консистенции. Здесь скала была твердой и отполированной крупными кусками в колонны или саркофаги, там более или менее рассыпчатая, потом гранулированная. Нередко один и тот же массив переходит в эти состояния, гетерогенность которого, следовательно, основывается не столько на его химизме, сколько на механическом воздействии.

Богатство *maschia* в этой бухте с зарослями винограда превосходило все, что до сих пор мы видели на острове. Это касалось как поверхностей, так и отдельного куста. Такое великолепие, вероятно, не может продолжаться дольше одного дня. Звездный узор цветов стоит перед глазами, пока не уснешь.

ПОРТО, 1 ИЮНЯ 1966 ГОДА

Мы встали пораньше, чтобы отправиться в Кортэ[314]. Сначала мы изрядно попетляли по извилистой долине Порто. Проезжую часть пересекали стада полудиких свиней; эта порода,

кажется, отличалась от сардинской, была не такой остроносой. Водитель сказал, что дикий кабан постоянно заботится о пополнении стада. От него я также узнал, почему на острове следует опасаться лисиц, о чем мне уже доводилось слышать от сардинских пастухов. Лиса, volpe, потому становится кровожадной, что здесь, как и на Сардинии, волки не водятся. Любопытно, как зоологические факты намекают на политические отношения.

Поднимаясь вверх, мы видели как бы в сужающемся коридоре залив Порто с Генуэзской башней в центре и защитной горной грядой, которая увенчивается Капо деи Сеньори. Издалека я поприветствовал бледно-красную кровлю «моего» домика, потонувшего в густой зелени. Потом мы пересекли знакомую каштановую рощу возле Эвизы, к которой примыкает необозримый сосновый лес. Светло-коричневая кора стволов регулярно сбрасывается, почти как у старых сигилляриев; ветви широко разведены наподобие кедра. Зрелище, столь редкое теперь на Средиземном море. Лиственные деревья, стоящие отдельно или группами, вносят некое разнообразие. По мере продвижения вверх буки, березы и лиственницы становятся меньше, с покалеченных ветвей свисают свалывшиеся космы. Теснина, Коль де Вергио, гола — лишь несколько елей. Зимой она непроходима, уже у Эвизы лежит снег по щиколотку. Отсюда, где дует прохладный ветер, мы надеялись увидеть Мон-Сенто, самую высокую гору острова[315], однако день был неблагоприятным, а погода слишком ненастной.

Вниз на Калалучью. Мы сделали привал на асфоделевом[316] лугу. Соединение цветка с подземным царством, где Минос вершит суд над мертвыми, стало бы скорее понятным в сумерках, чем в один из таких часов, как этот, когда ощущаешь только чистую соляную силу. Сотни хвостиков поднимались из влажной от росы травы.

Встреч с древними деревьями становится все меньше. На сей раз я повстречал ольху у ручья, текущего через луг. Я и не знал, что это любящее болотистую почву дерево может вырастать до таких размеров. Ему, сдаётся, понадобилось сто лет, чтобы вырасти, и еще сто, чтобы зарости. Как будто корни снова выкарабкались наружу и там саламандрой сплелись в клубок. Все еще зеленый лабиринт.

Вниз в долину Голо через щелеподобное ущелье в граните, в котором взрывами пробили проезжую часть. Был открыт удобный путь, а старая Scala di Santa Regina a Cuccia вышла из употребления. Мы некоторое время следовали по узкой кромке; она вела вдоль сбегającego зигзагами по серому граниту горного потока. Нога касается мягкой подушки золотого дрока [317], фенхеля, ферулы[318], эхиума[319] и розмарина. Мне едва ли приходилось прежде видеть более красивую тропу для странствий. Все, что мог предложить остров, — скалы, бурный горный поток, скудное, но все же богатое цветение, как будто сама горная порода переживала высшее превращение, — все собралось здесь словно в последний раз, потому что внизу в долине уже полным ходом идут масштабные подготовительные работы по возведению плотины. И все же хочется надеяться, что запруженная вода не поднимется выше Scala. * * *

Корте был столицей острова в эпоху Паоли. Темное ядро города с цитаделью обширно окружено новостройками в миланском промышленном стиле. По узкой лестнице мы поднялись к крепости. С валов над старыми кладбищами открывался грандиозный вид на долину Рестоники. Здесь, наверху, настроение тоже строгое и мрачное, но в стыках старых камней селились цветы, а на самих стенах — мелкий люд. Так что я неизменно наталкивался на какие-то уголки, где дорога к вершине сулила обильный улов.

Еще сохранились пулевые отверстия в доме Гаффори, который грозила взорвать его жена, когда защищала его от генуэзцев. Гаффори приказал перед штурмом крепости открыть огонь, хотя они вывесили из люка в стене его захваченного сына. Сын остался в живых и позднее поклялся матери, что отомстит за убитого отца. Все это ощущаешь очень живо при виде такого скального гнезда, которое Грегоровиус[320] по праву назвал «Акрополем Корсики».

На площадях воздвигнуты памятники французским генералам, родившимся на Корсике. Прежде всего, корсиканцы помянули Паоли, который почти осуществил их мечту о свободе; он стоит на постаменте в напудренном парике и кружевном жабо, от которых не отказывался даже в бою.

Когда после многовековой борьбы генуэзцы не могли больше удерживать остров, они решили хотя бы по дешевке сбыть его французам, как позднее испанцы продали Филиппины Соединенным Штатам; это один из трюков фальшивомонетничества в истории, о которых нельзя слушать и читать без горечи. Паоли здесь национальный герой, как Ризаль там и как Андреас Хофер в Тироле. Картина полнится трагической темнотой, большую ее часть занимает закат, и всегда здесь чувствуется измена.

Борьба кланов, вендетты, причитания над окровавленными одеждами убитых, одетые в черное матери, призывающие сыновей к кровной мести, — первичная материя истории еще не обособлена, это варварской ортогональности.

Князей нет, есть только главари. Право определяет не устав, а инстинкт. Схватки домифические, циклопические как неуклюжие стены, сырые каменные образования. Один из циклопических признаков — наличие одного глаза. Геракл, чьи сыновья тоже заселяли этот остров, не знает кровной мести. И все же heros[321], человек столетия, происходит из этого гранитного мира и его плавильных тиглей.

Повсюду на Корсике напоминания о Наполеоне, так и здесь перед почти убогим домом, в котором одно время жили его родители и где, как свидетельствует табличка, родился его брат Жозеф, король Испании. Тут со всей наглядностью предстает скромное происхождение династии.

Богатый день; уже заснув, я все еще представлял себе, будто бреду дальше, и цветы, как звезды, тянутся мимо висков. * * *

Прежде я еще немного полистал описание острова, составленное Грегоровиусом. Двухтомный труд содержит хороший исторический материал, который автор отчасти собирал прямо здесь на месте. Тут же находятся и идиллические экскурсии, которые кажутся сегодня излишними, и пристрастие к железным характерам с их деяниями, проиллюстрированными на примере корсиканских распрей. Эта склонность составляет характерную особенность романтиков, чьему нраву она, в сущности, соответствует мало. То же у Шамиссо[322], который наряду с индейцами охотно выбирает героями своих баллад именно корсиканцев. Очевидно, здесь в стихотворении компенсируется собственный недостаток.

Корсиканские распри напоминают аналогичные в сагах: развитие событий на острове не имеет продолжения, не достигает исторического масштаба. Бедность острова, его скромная уединенность заставляет мысль вращаться вокруг человека; он изображается, как гранитная скала, подчеркиваемая светом и тенью. Сюда добавляются известные уже из Библии споры, которые обычно вспыхивают среди пастухов. Меня всегда удивляло, что Каин, а не Авель оказывался злодеем.

Что делали генуэзцы в этой стране, владение которой приносило больше убытков, чем прибыли? Остров никогда не был для его хозяев доходным местом; уже Сенека, который был сослан сюда (еще стоит его башня), жаловался на его варварскую необжитость. Римляне управляли им через одного претора, чья резиденция находилась в сардинском городе Кальяри. В качестве дани требовали от аборигенов смолу, воск и мед. Диодор сообщает о древних обычаях вроде кувады[323].

И по сей день господство вылетает в копеечку. Иностранная индустрия, сезонная торговля изменяют, но не улучшают образ жизни, который хотя и становится удобнее, но остается одноколейным — непосредственно зависимым от международного положения. Превращение

побережья в большую летнюю веранду имеет для рабочего и свои теневые стороны, которые могут внезапно сменить суету, как прерывают контакт. Старикам, которые питались каштановым хлебом, жилось тяжелее, но безопаснее.

Настоящую прибыль национальным государствам приносят солдаты; десять тысяч корсиканцев пали на стороне французов в Первую мировую войну, многие сложили головы и в революционных войнах. Мысли снова и снова возвращаются к Наполеону, который сравнил свое время с полем сражения сотен тысяч мужчин.

Франция богатая, Италия бедная страна, которая не может вкладываться в той же мере. Поэтому развитие на Сардинии здоровее: разработка полезных ископаемых, рыболовство, земледелие и рядом «урбанизация». «Белого хлеба не всегда покушаешь», — высказался водитель; это хорошие слова.

Впрочем, гетерогенность двух родственных островов поразительна; она простирается в самую глубь предыстории.

ПОРТО, 2 ИЮНЯ 1966 ГОДА

Во второй половине дня я двинулся по ответвляющейся от основной трассы дороге и, сделав дугу через Оту, вернулся обратно в Порто. Тропа была всегда хорошо заметна, правда, местами заросла папоротником, доходившим до уровня груди. Но нога снова и снова находила ее. Ядовитых змей, как и на Сардинии, опасаться не приходилось. Это не помешало нам встретить позавчера у лагуны молодого человека, которого мы сначала приняли за помешанного, поскольку он в позе танцора дук-дук[324], размахивая тяжелыми булыжниками в каждой руке, проскакал мимо. Возбуждение было вызвано, видимо, маленьким ужом, ибо, проносясь мимо нас, человек словно бы в предостережение крикнул: «Ядовитая змея, ядовитая змея!» Современная жизнь в палатках как раз напоминает «назад к природе» еще меньше, чем какая-нибудь особая форма урбанизации.

Перед «своим» домиком я сделал привал. Я сидел на пороге на послеполуденном солнце; из чащи выглядывали горящие глаза бородатого козла. Дом был покинут, но сохранился еще в более или менее сносном состоянии.

Чувство, испытанное мною однажды в одиноком саду на высотах Рио, вернулось: нечто вроде инверсии, благодаря которой теряется и растворяется собственное, тогда как солнце набухает и набирает силу. Цветы, травы, даже теплые камни обращаются к великому центру. Во время такого могучего прилива невозможно сохранить собственное местоположение. Если переступить еще одну границу — что случится тогда?

Лесной массив был населен крупным рогатым скотом, свиньями и козами, которые бродили по нему одичавшими ордами. Коров в этой неухоженной части острова летом не доят; свиньи откармливаются упавшими фруктами и роются в земле.

Тропа вела к опорам большого каменного моста, арки которого скрылись в водах Порто. Рядом стояли развалины мельницы и несколько других домов с хорошо сохранившимися стенами, но без крыш. К другому берегу ведет теперь узкий мосток; оттуда то по ступеням, то извивающейся дорожкой поднимаешься вверх к Оте. Оливковые сады заросли бурьяном и густым кустарником; урожай прошлого года весь, похоже, осыпался, поскольку дорога была покрыта черным месивом растоптанных маслин. На верхних террасах близ городка деревья были ухоженнее; они стояли группами, напоминающими такие же в Тоскане. И цветы, отчасти уже высохшие, которые, так же, как и там, окружали старые стволы, были похожими:

двулистная любка[325] и прочие орхидеи, голубые чертополохи, большой аронник[326].

Я не заходил в Оту, поскольку уже смеркалось. Направляясь в Порто, я еще улучил минутку, чтобы рассмотреть надгробные памятники, которые выстроены там в ряд как вдоль античных проселочных дорог: маленькие семейные капеллы, а в криптах воссоединяются умершие. Могилы и крепости являются в этих краях единственными сооружениями в собственном смысле слова. Стиль самый разнообразный — мавританский, византийский, греческий, классический, а то и вовсе чисто фантастический. Железные решетки огораживают палисадник, оберегающий земляные могилы, — вероятно, клиентов или более дальних родственников. Клан лежит вместе и для себя; этот вид погребения прекрасен, но возможен он только там, где земля почти ничего не стоит. В одной из могил покоится корсиканский майор, который в 1923 году командиром батальона Иностранного легиона погиб в Марокко.

ПОРТО, 3 ИЮНЯ 1966 ГОДА

Загорая на солнышке, я углубился в номер «Figaro Littéraire» от 26 мая, купленный мною в Корте. В нем ретроспективный взгляд на битву под Верденом, с момента которой минуло как раз сто пятьдесят лет. Там же и выписка из «Les hommes de bonne volonté?»[327] Жюлья Ромена, с которым я недавно обменялся письмами на эту тему. Он пригласил меня к участию в жюри, которое под его председательством обсуждало сообщения боевых товарищей. Некоторые из них были как раз напечатаны здесь. Еще было превосходное исследование Доминика Жанне, который пытается проанализировать великую бойню с военно-исторической точки зрения.

«Людей гнали, как на убой». Ни о каком военном искусстве речи здесь просто не могло быть. Стратегия борьбы на износ становится особенно отвратительной там, где она нацелена на полную потерю крови, на кровопускание. Столкновение носило скорее титанический, нежели исторический характер, тогда как чувствительность действующих лиц по сравнению с предыдущими войнами значительно выросла.

Для французского командования решение было простым; они должны были выстоять. Перед немецким же Генеральным штабом вставал предварительный вопрос, следует ли проводить наступление на востоке, как того хотел Гинденбург, или, согласно предложению Фалькенхайна, против самого сильного противника на западе. Несмотря на то, что он недооценил силу сопротивления французов, опыт Второй мировой войны позволяет предположить, что любое из выбранных направлений привело бы к одинаковому исходу.

Пять тысяч ветеранов встретились в Дуамоне. Праздник получился достойным, прозвучало и обращение де Голля. Никакой ненависти, никакого ликования. Названия блекнут, прежде чем исчезнуть в необособленном; вокруг места становится тихо. Наружу проступают другие черты. Так еще на короткое время одухотворяются, просветляются лица мертвых перед великим возвращением домой.

ПОРТО, 4 ИЮНЯ 1966 ГОДА

Во второй половине дня мы поехали в Кальви, на сей раз с месье Пьером, шофером, таким же веселым, но более умным, чем прежний.

Небо было безоблачным, но потускневшим; эта пелена, la brume[328], говорит о том, что в открытом море штормит. «La mer est mauvaise»[329], как выразился по этому поводу месье Пьер.

Одна бухта в глубине переходит в другую, а повороты дороги на высоте еще многочисленнее. Приходится безостановочно крутить руль; очевидно, у корсиканских водителей развиваются специальные мускулы. Иностранцу рекомендуется осторожность; об этом свидетельствовал разбитый белый «Фиат», лежавший чуть ниже на склоне. Как мы узнали, несколько дней назад три португальца после роскошного завтрака не вписались здесь в поворот. Машину расплющило о гранит; каким-то чудом пассажиры отделались легким испугом.

«Il y a bon Dieu pour les ivrognes»[330] и «Если бы внутри сидел отец трех детей, от него ничего б не осталось», — таков был комментарий месье Пьера.

Большинство бухт скалисты и почти недоступны; изредка, как близ Буссальи, еще вытягивается песчаный пляж; там в большинстве случаев видна гостиница с бунгало, либо уже готовая, либо еще строящаяся. Нахлынувшие туристы осваивают приблизительно те же береговые полосы, как раньше генуэзцы, и, надо заметить, значительно успешнее. Что не удалось силой оружия, то играючи достигается конформизмом.

Ладанники[331] уже почти отцвели. Несмотря на это, благоухание масchia ничуть не ослабло; оно струилось не столько от цветов, сколько от зеленых и древесных органов, и было скорее строгим, чем ароматным, больше соответствуя мужскому, нежели женскому началу. Как во время прогулки по пляжу на губах чувствуется соль, так здесь, когда несколько часов едешь по масchia, легкая горчинка. Запахи будят воспоминания, если они, как в случае Наполеона, возвращают к образу родины.

Несмотря на серпантин, мы оживленно беседовали, преимущественно о ландшафте, по которому ехали, еще немного коснулись политики. Генуэзцы не смогли удержать остров; можно сказать, что они на нем разорились. Грегоровиус называет Наполеона мстителем Корсики. Французам тоже приходилось и приходится нынче доплачивать. Однако, как и везде, экономических соображений недостаточно. Месье Пьер назвал число павших в Первую мировую войну корсиканцев, и я не стану его скрывать: семьдесят две тысячи человек.

— И вот, представьте себе, — на каждого погибшего юношу приходится молодая девушка, оставшаяся незамужней.

К Франции привязывает не только фигура Наполеона, но и эта кровь.

— Nous sommes Français obligatoirement[332]. А чего вы хотите? Вот до Иисуса Христа все мы были евреями. На это трудно что-либо возразить. Месье Пьер старый колониалист, он двадцать или более лет прослужил в Европе, Африке и Азии, был adjudant-chef[333], что соответствует нашему Spiess[334]. Ему известны преимущества, связанные с положением высшего среди низших.

— Знаете ли, я мог бы и офицером стать — но это мало меня прельщало. Я оставался на своем месте, тогда как офицеры менялись. Они даже зависели от меня; я лучше их знал службу и людей.

— Все-таки это должность, на которой приходится много работать.

— Совсем нет. Я получаю приказ по части. Зачитываю его, приказываю унтер-офицерам приступать и распределяю задания. А контролирую я когда и где мне это удобно. В конце концов, полезно даже пройтись иногда.

Перед нами, несомненно, ум, который постиг главную максиму руководства. У пруссов такой

тип встречается реже. Обелиск, вокруг которого происходит движение. Маршал Фош[335] свел это к самой лаконичной формуле: «Ne rien faire. Tout faire faire. Ne rien laisser faire»[336].

Хороший солдат месье Пьер. Его сменили за четырнадцать дней до катастрофы у Дьенбьенфу[337].

— Тут вам повезло.

— Расхлебывать эту кашу пришлось кому-то другому.

Крутя руль и предаваясь воспоминаниям о временах своей службы, он не забывал и об обязанностях чичероне. Перед каждым поворотом он подавал громкий сигнал. Все снова и снова из *maschia* выступал голый гранит, серый и на старых поверхностях покрытый пятнами лишайников, от темно-красного до розового в местах свежих разломов. Там, где дорога ведет через камень, иногда возникают гигантские стражники — высокие блоки и колонны. К этой горной цепи относятся также знаменитые Альгайольские[338] каменоломни, где добывается голубовато-серый мерцающий гранит. Там был высечен исполинский блок, на котором высится Вандомская колонна. Великий корсиканец, таким образом, стоит там на своей земле. Спрашивается, почему при этом богатстве горных пород красный гранит для его саркофага в Доме инвалидов был доставлен из Финляндии, а не с Корсики? На острове нашлось бы довольно порфира и гранита для любого памятника, любого сооружения. Тем более удивило меня, когда по левую руку возник силуэт замка, который, по словам месье Пьера, был воздвигнут Поццо ди Борго[339] из строительного мусора Тюильри, который он приказал перевозить на грузовых судах. По правую руку — опустевшая каменная коробка, в которой во время Второй Империи обитал один сосланный сюда потомок Наполеона, по-видимому, предшественник наших плейбоев. Недалеко от него на фоне одичалого края выделялась зелень обширных, превосходно ухоженных виноградников. Они свидетельствуют об усердии и опыте *pieds noirs*[340], изгнанных из Алжира колонов, обретших здесь постоянное место жительства.

После того как мы пересекли широкое, почти высохшее ложе фанго, горы отступили на задний план. Холмы и светлые утесы напоминают предгорье Кальяри.

Кальви, одна из твердынь Средиземного моря, возникла вдалеке точно так, как это изображается на старых гравюрах: на могучей каменной глыбе покоится цитадель; круглые башни защищают ведущие через каменную стену входы. Она возвышается куполом и фонарем собора. Улочки узкие, угловатые, жаркие; между булыжниками растет трава. Со стен подушками свисает бешеный огурец[341], плоды которого уже пожелтели.

Кальви считался неприступным, пока англичане при Нельсоне не захватили его в 1794 году. Его контур еще и сегодня создает впечатление обнаженной, выкристаллизовавшейся из горной породы мощи. Название совершенно очевидно восходит непосредственно к латинскому *calvus*, «лысый».

Место часто обстреливалось; здесь издревле сходились воюющие державы. Когда в середине прошлого столетия его посетил Грегоровиус, он обнаружил лишь «скопище черных и изрешеченных домов». То были еще следы осады англичанами, во время которой оказался пробитым даже купол собора.

Кажется, что город постоянно сохраняет некоторое количество выгоревших домов, поскольку и теперь улицы прерывались темными пробелами — на сей раз напоминанием не об английских корабельных орудиях, а о бомбардировках времен Второй мировой войны. Именно здесь де Голль снова ступил на французскую землю; об этом напоминает памятник. Он стоит на площади Христофора Колумба — Кальви принадлежит к десяти городам, считающих первооткрывателя своим сыном. Но даже если бы он и родился здесь, Генуя осталась бы его настоящей матерью, ибо Кальви, как чисто генуэзская колония, во всех

распрях выступал на ее стороне. Это подразумевает *semper fidelis*[342] над воротами крепости. В качестве главного опорного пункта генуэзцев цитадель Кальви была противоположным полюсом цитадели в Корте, акрополя Корсики, в котором обосновался Паоли.

Позиция выбрана удачно; «Лысая гора» обеспечивает безопасность и предоставляет широкую панораму суши и моря. Оттуда можно было хорошо разглядеть на горизонте подплывающий мавританский, турецкий или английский флот. С высоты горы открывается вид до самой Каленцаны, тоже одного из местечек, где генуэзцы натолкнулись на ожесточенное сопротивление; корсиканские лесные ходоки измотали там несколько батальонов немецких вспомогательных войск.

В таком месте возникает вопрос: как вообще можно было сохранять господство? Для таких городов как Генуя, Пиза, Венеция наверняка только при помощи, с одной стороны, наемников, а с другой — местных приверженцев. Народ окруженной морем и гористой родины был бы непобедим без внутренних распрей. На них наталкиваешься опять и опять, какую бы главу корсиканской истории мы ни открыли. Эта вражда кланов отражается даже на всемирной истории. Показательным примером может служить то упорное преследование, которому подверг Наполеона Поццо ди Борго. Как кровный мститель на родном острове, так и здесь один корсиканец шел по следу другого по всей Европе.

Вот, пожалуй, неотъемлемая часть трагического порядка мира: вместе с героем рождается его противник. Повсюду, где первоначально из почвы вырастает героический элемент, как тень от света возникает тут же измена. «Где ваш Иуда?» — можно спросить любую из появляющихся великих фигур. На этих островах это видишь особенно явно, как на сцене, где нет возможности ускользнуть, нет никакого выхода. Здесь неумолимо и месть предателю. «Маттео Фальконе, корсиканец» убивает из пистолета собственного сына, мальчика Фортунато, потому что он за золотые часы выдал преследователям убежище одного раненого. Шамиссо описывает историю в балладе, чтение которой претило мне еще в школьные годы. Мериме разрабатывает тот же материал в новелле. Граббе, который сам имел склонность к резким сюжетам, говорит о шекспироманах: «То, что они ценят в Шекспире, это его пороки». Иногда чувствуешь искушение вообще увидеть отношение романтизма к истории именно в таком свете. Во всяком случае, в документах нет недостатка, от Гобино до Фрейлиграта; какие-то следы можно найти еще у Буркхарда. * * *

С изобретением пороха сокращается ценность таких стратегических мест с хорошим обзором. Поэтому они становятся, с одной стороны, абстрактнее, с другой — более титанически-заземленными и в этом отношении уподобляются грибам, когда их солидное тело поднимается на мицелии переплетенных ходов и редюитов. Сооружения с валами и башнями приобретают музейный характер. От их подземного мира, хорошо изученного мною в Лаоне[343], мы ничего здесь не сможем увидеть — кроме амбразур и железных ворот с запрещающими знаками, потому что форт, как, например, в Корте, еще занят.

В то время как форма и объем цитадели остались неизменными, нижний город значительно расширился. Этому увеличению, как увеличению большинства прибрежных населенных пунктов, способствовали в основном летние гости. Особой популярностью Кальви пользуется у англичан. Мы видели, как они проходили мимо на послеполуденную прогулку по пляжу, пока мы за столиком перед кафе с аппетитом поедали кассату[344].

— Они все никак не найдут глаз, который потерял здесь Нельсон, — так выразился месье Пьер. Я, впрочем, заметил у него одну черту, которую мне приходилось наблюдать и на других островах: он переходил на шепот, если в пределах слышимости оказывались иностранцы. На Сицилии, где это ставшее второй натурой недоверие, вероятно, развито наиболее ярко, можно увидеть крестьян, объясняющихся между собой исключительно мимикой и жестами пальцев.

С флагами и плакатами прошла толпа демонстрантов; они уже издалека возвестили о себе хоровым скандированием и трещотками. Это были корсиканцы, которые вовсе не собирались бастовать, а наоборот, призывали к протесту против забастовки, а именно забастовки летного персонала «Эр Франс», поскольку она грозила прервать воздушное сообщение с островом и вместе с ним подпитывающий приток туристов. Мы прочитали на плакатах и услышали от кричащих хором: «A bas le monopole fran?ais!»[345] Подразумевалась транспортная монополия. Если месье Пьер не рассказывал нам сказки, то эти трудности обычно повторяются ежегодно с началом сезона — и руку к этому прилагали владельцы отелей на Лазурном берегу.

Здесь протестовали простые люди, которые чувствовали исходящую для них угрозу, они понимали, что лов рыбы для них задержится из-за чужого противодействия. Картина снова показала, что забастовка изменяет свое значение в той мере, в какой рабочий характер прорывает и нивелирует старые порядки.

Как всегда в таких случаях, в шествии участвовали типы, никакого отношения к этому делу не имеющие, но находившие себе развлечение в самой толкотне. Среди них молодые девушки с букетами цветов и курортники, которые либо подросли с пляжа, либо не меняли свой легкий костюм в течение всего дня. Вид их в каком-нибудь прокуроре 1910 года вызвал бы ярость преследования. Они проходили мимо в похожих на рубашку или пижаму одеяниях, некоторые даже в бикини, другие в шортах, едва заслуживающих этого названия, поскольку укорачивать на ногах было больше нечего. Прежде считалось кошмаром вдруг оказаться чьим-то злым колдовством почти раздетым в людской толпе. Но сегодня это больше никого не смущает. Было бы прекрасно, если бы здесь в качестве образцов физического совершенства шествовали обнаженные боги.

Удивительна противоположность между неряшливым облачением и совершенством оптического снаряжения. За искусные автоматы, которые почти каждый из этих легко одетых людей таскал у себя на груди или у бедра, он выложил, вероятно, в сто раз больше, чем за свой текстиль. Аморфный коллектив развивает органы необычной прецизионности и драгоценности. К тому же существует опасение, что однажды все закончится кристаллизацией.

Поскольку и обратный путь месье Пьер проделал в лихом темпе, мы подросли в «Коломбо» прямо к ужину.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 14/15 ИЮНЯ 1966 ГОДА

Нам пришлось спешно попрощаться; домой нас позвало известие о смерти. Таким образом, нам не удалось посетить северную часть острова, виноградный край, а также местность вокруг Порто Веккьо, как мы планировали. Но когда-нибудь мы с удовольствием вернемся сюда еще раз.

Ввиду забастовки выбраться отсюда оказалось непросто. Мы основательно застряли на острове, оказались embouteill?s[346] и должны были просочиться через бутылочное горлышко. Зажатые в клещи, мы смогли увидеть обратную сторону островного мира, которую приезжий обычно не замечает, — тесные узы, связывающие всех местных жителей. Стоит только одному чего-то добиться, как сразу находится дело для каждого, а в любом затруднительном положении выручает друг, деверь, доверенное лицо.

Так получилось с нами. Наш хозяин, синьор Милелли, сел к телефону; у него был contr?ge [347] в аэропорту. Тот, не поднимая тарифа, выписал нам свидетельства. Дядя синьора

Милелли рано утром повез нас в Аяччо. Быстрее покинуть остров мы просто не могли; а вот в противном случае пришлось бы потерять несколько дней.

Но не следовало забывать и о скрытой причине такого удачного исхода: нашего присутствия требовали мертвые. Об этом можно только догадываться; особенно сильно я ощутил это тогда на Кавказе, когда пришло известие о тяжелой болезни отца. Я приготовился к бесконечному путешествию по железной дороге и уже сидел в поезде, как его неожиданно отменили, поскольку сообщение с Ростовом оказалось прерванным. За ужином мне передали от Кляйста[348] и, как будто между прочим, «мой» авиабилет. Отец умер, когда я ехал в Армавир. Мне привиделось его преображенное лицо[349]. Ровно за год до того оно мне приснилось в Париже. Проснувшись среди ночи, я записал себе день и час.

В таких случаях нас должна удивлять не точность даты. Скорее следует видеть в ней подтверждение того, что календарный год обладает реальностью, превосходящей астрономические расчеты.

Мертвые всегда тут. В сознании наших всемогущих средств мы слишком легко забываем их присутствие и вместе с тем наше служение. Их сообщения достигают нас быстрее и надежнее, чем через эфир. Им не требуется текст, поскольку они касаются нас на уровне бессловесного. Их послание не является для нас неожиданностью.

Кокто как-то рассказывал мне, что англичане в Индии, чтобы передать известие быстрее, чем по телеграфной линии, пользовались туземными средствами коммуникации. Как раз это я бы назвал профанацией. Все, что напоминает стояние и толкотню у коммутаторов и направлено на выигрыш во времени и в скорости, вредно. Используя, как спиритисты, исключительно механические методы, ты игнорируешь царство мертвых. На дурацкие вопросы приходят соответствующие ответы.

Знание, как семпервивум[350] над безднами, растет на краю ночи и снов. Границы благоприятнее для его получения и передачи. То же касается и сна жизни. Могучий призыв умирающих, который слышат в первую очередь матери, часто находит подтверждения. * * *

Мы снова ехали по крутым серпантинам вдоль скал, ущелий и зубцов Каланша. Краснота их оттенялась и усиливалась синим фоном моря и неба. Вздвигающийся вертикально гранит отовсюду влечет альпинистов. Он очень гладкий; особую опасность представляет спуск. При восхождении не следует взбираться слишком быстро.

Среди заливов в глубине Сагонский залив напоминает о городе, который дал ему имя. Он пришел в упадок, и гавань его обмелела, однако пестрые палатки, точно первые ласточки, возвещают новую весну.

Корсика может похвастаться не только императором, но и папой, который был родом из городка Сагоне. Звали его Формоз[351], и в 891 году он взошел на апостольский престол. Он короновал императора Арнульфа Каринтийского. Правда, он входит в число пап, чье правление вошло в историю как правление «порнократов»[352].

В деятельности Формоза и в расправах того времени многое остается темным; кажется, видение Ницше «Чезаре Борджиа в роли папы» уже тогда было близко к исполнению. Широко расцвело, должно быть, изготовление отрав; это значит, что и Арнульф тоже пал их жертвой. Вероятно, ему дали напиток, который начал его отуплять, а потом постепенно разъедал его внутренности, так что три года спустя он сошел в могилу в Германии. Причиной отравления послужила кровавая расправа, учиненная Арнульфом среди противников Формоза из римской аристократии; от оставшихся в живых он требовал присяги на верность.

О Формозе сообщается и хорошее: например, то, что в восемьдесят лет он умер девственником. Фродоард славит его как «castus, parcus sibi, largus egenis».

Правда, не было почти ни одного тирана, у которого не нашлось бы своего воспевателя. Под егені, нуждающимися, предположительно подразумеваются бедные родственники и вообще клиенты в самом широком охвате. Иначе Формоз не был бы корсиканцем. Должности и приходы благодаря проскрипциям Арнульфа освобождались в большом количестве.

Связанный с жестокостью nepотизм делает понятной ту ненависть, с которой Формоза преследовали даже в гробу. Ибо после всего лишь пятнадцатидневной интермедии его преемника Бонифация VI папой был избран свирепый Стефан VII. Среди его изобретений числится «Трупный синод», который осудил Формоза посмертно. Его труп был извлечен из могилы и, облаченный в мантию, посажен на папский престол. Для защиты мертвецу предоставили адвоката, и по завершении мрачного судилища Стефан огласил приговор. Труп был лишен регалий и брошен в Тибр после того, как ему отрубили три пальца и голову. В комнате ужасов истории этому гнусному поступку отводится один из самых темных углов, вместе, например, со скотским убийством Андроника в Византии. * * *

Мы прибыли в Аяччо в хороший час. На узких улочках, где пахло пылью, розами и рыбой, было уже по-настоящему тепло. Совсем немного высотных зданий и стройплощадок, зато тут и там пришедшие в упадок каменные стены, составляющие незаменимый атрибут средиземноморского удовольствия. Площадь с пальмами и запущенными дворцами, мерцающими в сочно-золотистой желтизне.

Первый проход, само собой разумеется, вел к родному дому великого человека, с напоминаниями о котором и без того сталкиваешься почти на каждом шагу. Магазины заполнены сувенирами, посвященными не только ему, но и его родственникам. Особенно популярна фарфоровая фигурка, которая представляет его в удобном кресле: он сидит, положив руки на подлокотники. Его имя мелькает не только в витринах книготорговцев, но и в тавернах; самые ходовые сорта вина — «Мадам Петиция» и «Король Рима».

Накануне я осведомился у Грегоровиуса о посещении им Casa Bonaparte[353]. Инвалид, водивший его тогда по дому, сказал, что там немного изменилось. Я смог убедиться в правдивости его слов более чем через сто лет после описания Грегоровиуса.

Тут были еще оба стенных шкафчика и мраморный камин, а также красная шестиугольная керамическая плитка, которой выложен пол, — как писал Григоровиус, «по корсиканскому обычаю». Однако этот узор встречается всюду — он, как пчелиные соты, заложен в природе.

Грегоровиус обнаружил, что «из комнат исчезла вся мебель», — это, вроде бы, соответствовало сообщениям, согласно которым дом во время революции был разграблен и сожжен врагами семьи. Сейчас он был заставлен множеством кресел, столов и диванов, мебелью в стиле Директории и ампира. Следовательно, в молодости Наполеона такая обстановка еще существовать не могла.

Нас встретил не инвалид, а дородная корсиканка, сидевшая в вестибюле за кассой и потом позволившая нам самим пройти по этажам. «Это был хоть и не дворец, но все же жилище семьи уважаемой». Так писал Грегоровиус. Такие резиденции адвокатов и нотариусов в романских городах встречаешь нередко, зачастую даже на похожих боковых улицах. Разветвленная до самых маленьких деревень клиентура входит и выходит. Спокойные занятия; иные десятилетиями, поколениями кормят своего хозяина.

Помещения тихи, достойны, прямоугольны. Едва ли необходим зал для больших приемов и обществ. Входящий сюда желает рассмотреть что-то яснее и добиться чего-то большего, чем в будни. Нельзя исключать, что хозяин дома с годами достигает точного понимания не только личных и коммерческих, но и политических переплетений. В большинстве случаев он среди них вырастает. Если он становится адвокатом не только частных, но и общих прошений, то это меняет не столько характер, сколько радиус действия его деятельности. Форум

становится больше, партия значительнее.

В античную эпоху такое развитие можно проследить почти в любой большой биографии, поскольку к воспитанию относилось риторическое и юридическое образование. Идеальная личность может занимать любой общественный пост; она владеет также юридическим языком и судебной практикой. Даже еще сегодня в подобных типах несомненны две формирующие силы: римская раса и римское право. Сюда добавляются модификации провинций: Клемансо выступает как галл, отец Бонапарта как корсиканец. Отсюда, «согласно закону, по которому ты начал», падают свет и тень на поприще сына — также в вопросах права. Здесь Кодекс Наполеона и справедливое суждение о многих вещах, там — *more corsica*[354] — вопиющие правонарушения в пользу семьи.

Слабый желудок тоже часть отцовского наследства; Карло Бонапарте умер от рака желудка в Монпелье, не дожив и до сорока лет. Наполеон на Святой Елене распорядился, чтобы после его смерти произвели вскрытие; заключение специалистов могло пригодиться королю Рима.

Сначала отец принимал участие в борьбе за независимость острова под предводительством Паоли. Он объявил себя сторонником Франции только тогда, когда понял, что всякое дальнейшее сопротивление безнадежно. Вероятно, сын приобрел бы в его лице хорошего и сдерживающего советчика.

Здесь в доме отца и мать чувствуешь ближе, чем сына. Современники считали, что Летиция воплощает в себе тип римской матроны лучших времен республики. Мне пришлось здесь задуматься и о слове *matrix*[355], а именно — о его переносном значении: «корень, из которого вырастают ветви». Кто б еще помнил ее имя, не будь сына? Но даже если не принимать его во внимание, — какое богатство от нее исходило. «*Pourvu que cela dure*»[356] — вот ее слова, ставшие знаменитыми. Судьбоносное изречение, справедливое в отношении любой величины. Она знала какой-то другой вид длительности, чем та, которую дают короны.

На таких женщин и матерей можно положиться, когда обрушивается дом, — более того, именно тогда. Нужда не стирает ее черт; она делает их еще больше достойными уважения. Она пережила крайнюю бедность после бегства из Аяччо в Марсель, много печалей на Эльбе, позднее в Риме. Но был там и вечерний блеск. Вероятно, после смерти сыновей у таких матерей бывает чувство, что им приснилась молния Юпитера или искрящийся метеор.

Как у каждого народа есть собственный герой, так он имеет и собственный образ матери. В образе *matrona* возвращается Юнона; ее находишь в самой маленькой хижине, у самого скромного очага. Перед ней вынуждена остановиться и самая язвительная критика, даже критика Барраса[357]. * * *

Во время Второй мировой войны я думал, будто звезда Наполеона поблекла; я обманулся. Бенуа-Мешен[358] сказал мне в Париже во время русской зимы[359]: «Гитлер воюет там не только с русскими; он воюет и с Наполеоном». Этим он хотел сказать, что зловещее предзнаменование 1812 года продолжает оказывать воздействие.

Наполеон остается «мужчиной столетия», как Гёте остается его поэтом. Он живет еще в пределах исторического мира, масштабов которого достаточно, чтобы судить о нем. Это показывает, что он слеплен из другого материала, нежели новые властелины. Они — титаны, которые не найдут ни своего Плутарха, ни Тацита; исторические оценки их не касаются. Отсюда выходит, что воспитанное на классике чувство и мышление с ними не «справится». * * *

В таком доме вспоминаешь и собственного отца; я с удовольствием имел бы своего сейчас рядом. Редко у нас протекала застольная беседа, в которой речь не заходила бы о Наполеоне и Александре. * * *

Снаружи стало еще теплее; запечатлев в памяти фасад, мы прогулялись по кварталу. Мы прошли мимо пассажа, через который в мае 1793 года сумел спастись Наполеон, после того как профранцузское восстание провалилось и земляки объявили его предателем родины. Я и не знал, что волнения происходили в пределах видимости отчего дома. Ситуация наглядно демонстрирует скромное, почти провинциальное начало карьеры. Всей семье пришлось бежать, и через Кальви она благополучно добралась до континента.

Побродив немного по берегу моря или, скорее, вдоль причала, мы свернули на Пальмовую площадь. Она заслуживает своего названия; ее украшали группы высоких, гладких и красиво ухоженных пальм, которые в этом климате чувствуют себя очень уютно. Аяччо издавна известен как курорт. Сюда обычно посылают молодых людей, имеющих слабые легкие. При этом мне пришло в голову, что в таком случае адвоката Хау и его будущую жену свела здесь судьба — к его процессу я обращался часто и всегда с тем же волнением. Не про каждое преступление скажешь, что оно достойно сборника интересных случаев в криминалистике. Оно во многих отношениях дает материал к размышлению.

Под пальмами все зовет к угощению; один ресторанчик за другим, бесконечной чередой тянутся накрытые столы. Мы видели и слышали иностранных туристов, которые с аппетитом уписывали там всякую всячину, — почти сплошь земляки. В каждом меню, подчеркнутые красным, повторялись два блюда, которые следовало непременно отведать, прежде чем покинуть остров: паштет из рябнича и кушанье, состоящее из половины омара и половины лангуста. Тут не нужно долго упрашивать.

Корсиканский кельнер, обслуживавший нас, не только знал, что мы прибыли из Порто, но и был знаком с нашим хозяином, с которым дружил или находился в родстве.

За соседним столом сидели пятеро молодых парней, заказавших себе омара. Им подали такой экспонат, одного которого им всем хватило бы за глаза. Он был величиной с кролика, его могучие клешни сами по себе составляли отдельное блюдо. Это был самый внушительный экземпляр, какой мне когда-либо случалось видеть. Когда я осведомился у нашего Ганимеда о цене, он, осторожно оглядевшись, извлек из кармана карандаш и написал на скатерти: 78 франков. Это напомнило мне придворного, о котором я однажды прочитал, кажется, у Сен-Симона, что он никогда не хотел связывать себя словом, даже когда кто-то спрашивал у него время. В таком случае он доставал из кармана часы и молча показывал их.

* * *

К вечеру после короткого перелета мы высадились в Ницце и вдоль моря поехали к центру города. По левую руку запыленные пальмы перед выцветшими фасадами вилл и гостиниц. Время здесь за восемьдесят лет, казалось, почти не сдвинулось; то, что большинство жалюзи было опущено, только усиливало впечатление магической дремоты.

Проезжая мимо, вспоминал о Ницше, Фридрихе III, Марии Башкирцевой[360]. Слабые легкие и скука обычно приводили сюда, в этот большой зимний сад Европы, как скромных мещан, так и весьма богатых людей. Предполагаю, что Ницше мог обойтись ста пятьюдесятью франками в месяц, тогда как шестнадцатилетней Башкирцевой для весеннего пребывания здесь едва ли хватало тридцати тысяч. Франсуа Копе, навещавший ее в Париже, испытывал нечто сродни восхищению волшебной орхидеей, смешанному с недобрыми предчувствиями. «C'est trop!»[361] У нее тоже были проблемы с легкими.

Все еще находятся люди, которые проводят свой отпуск в Ницце, хотя жизнь здесь стала лихорадочной и дачные привычки изменились. В ту пору города на Лазурном берегу посещали либо со светскими намерениями, либо в медицинских целях. Они были климатическими курортами, и основным средством отдыха здесь считались дальние прогулки. Они-де приводят к хорошему самочувствию, и даже к эйфории; можно перечитать об этом в «Утренней заре».

Однажды Мария Башкирцева записывает, что у всех мужчин, попавшихся ей навстречу на променаде, шляпа была сдвинута на затылок; следовательно, было очень жарко. О шортах тогда еще и речи не могло быть. Впрочем, гребцы Мопассана уже появлялись на Сене в красно-полосатых свитерах.

Хотя сезон еще не начался, нам пришлось долго блуждать, пока мы нашли квартиру. Она располагалась на площади Массена и, как «h?tel borgne»[362], была вполне достойна одноглазого и несколько авантюрного герцога де Риволи[363]. Кроме того, она соответствовала моему старому пристрастию к запущенным притонам южных стран с их рутиной. Вход узкой шахтой ведет мимо служебного помещения, лампы без абажуров висят на плетеных проводах, выцветшие половики изношены, лестницы и коридоры обшарпаны и запутаны, как лазы в лисьих норах. Такой «H?tel Moderne» приобретает для homo ludens комфортабельность только в том случае, если уже шестьдесят лет носит это название и по возможности ни разу за это время не ремонтировался. Уже при входе чувствуешь, как меняется время; стены густо пропитаны материалом судьбы. Мелкие агенты, целый день топавшие вверх и вниз по лестницам в поисках прибыли, влюбленные пары, зарегистрировавшиеся под чужими именами, беглый растратчик, самоубийца — ночами все они укрывались здесь.

В чем заключается удовольствие в этом запыленном, потрепанном мире? Большею частью, пожалуй, в том, что время здесь кажется менее могущественным, менее эффективным. Дешевая архитектура почти не изменилась, когда через двадцать лет ты снова оказываешься рядом; и даже если поселяющиеся здесь постояльцы сменяются каждый день, заботы их и маленькие радости остаются очень схожими. А главное, климат почти всегда комфортный. На жару мы реагируем вялостью; холод понуждает нас к деятельности.

Такого мнения придерживаются и патлатые субъекты, приезжающие на юг, чтобы тут побездельничать; мы видели, как некоторые из них, добравшись сюда автостопом, подобно нам ищут жилье. Они, вероятно, сами о том не догадываясь, составляют авангард сопротивления техническому миру и его ценностям, они ни революционеры, ни контрреволюционеры, они действуют ничегонеделанием. Считая их переселенцами, в них видят мало проку и даже побаиваются; среди прочих баек портье рассказал нам, что двое снимают номер, куда потом тайком пробираются четверо или пятеро других. Там они пьют и курят крепкие вещи и предаются свальному греху в lit conjugale[364]. Когда отсутствие средств сопряжено с последовательным бездельем, вскоре возникают мотивы для плутовского романа. На юге это дается легче.

За этой, как и вообще за каждой временной проблемой, скрывается проблема времени. Жизнь — это преодоление времени в прямом смысле. Мы в значительной мере можем игнорировать пространство, ведя вегетативный образ жизни. Нет непосредственного понуждения к движению, тогда как мимо времени нам не пройти. Но на юге оно бывает сноснее. Хотя Леон Блуа называет его собакой, которая кусает только бедных, все же в солнечных краях ты со своей бедностью уживаешься лучше.

Я предпочитаю вспомнить здесь Ривароля[365], называвшего время неподвижной урной, через которую струятся воды: «Оно — береговая кромка духа, мимо которой скользит все и о которой мы думаем, что это она движется». Хорошо — но вернемся к маленьким гостиницам: видно, как эта струящаяся жизнь обтачивает стены и мебель, оставляя в материале свои следы, как одна из древних ящериц отпечатки лап в горной породе. Хорошее самочувствие здесь основывается не столько на том, что нам дарится, сколько на том, что отнимается и от чего мы чувствуем себя освобожденными: от принуждения неусыпного, стремительного времени.

«Даже если там изо дня в день от тебя настоятельно требуют денег, и наверху в номере ты размышляешь о том, как проскользнуть мимо швейцара, то это все равно лучше, чем в

северных краях». Это я услышал от одного *homme de la Mediterranée*[366], когда на Курфюрстендам фонари отражались в мокром асфальте. Это было незадолго до 1933 года; мы провели время в компании, члены которой ненадолго встречаются перед бурей, когда нужно еще раз перетасовать карты. Собеседником был Йозеф Рот; его роман «Марш Радецкого», несколько дней назад вышедший из печати, лежал в витринах. Мы обнаружили нашу общую склонность к этим местам, под дождем дожидаясь автобуса. Он основательно знал их, но слыл человеком без родины, бесприютным, который горевал о другом великом прибежище, о старой Австрии. Там тоже время еще бежало неспешнее. Немаловажен оттенок: дешевый кров, скудные средства, сторож у ворот — все это обрамляет берега, между которыми скользит наш кораблик. * * *

Утром мы, на сей раз через Женеву, вылетели обратно в Мюнхен. В вытянутой линии взлетной и посадочной полос топография вычерчивается отчетливей: здесь — сухие холмы и скальные группы Приморских Альп, там — сочные плодородные земли вокруг Боденского озера. Обзор в ясную и теплую погоду был хорошим. На Юберлингском озере я узнавал давно знакомые дома: дом на винограднике и дом у корабельной пристани, дом Штирляйн над Гольдбахским утесом и стеклянный домик мерзбургского городского священника. Затем последовали Хайлигенберг, Салемская школа и вскоре — благодарность авиапассажирам от стюардессы с объявлением о посадке.

По-прежнему во время этих быстрых переездов на большие расстояния остаток старой гордости:

«И что еще отцам казалось сказкой:

Нам удалось...»

Но с этим связывается ощущение несбывшегося, как будто время не только многое дало нам, но и кое-чего лишило. Уже вырисовываются, пока мы привыкаем к новому миру, дальнейшие перспективы. Все это холоднее и бледнее, чем мир снов, из богатства которого оно реализовалось. Нет возврата на пройденные этапы. Но ощущение такое, будто все ускоряющийся полет стирал ауру.

Мне пришла в голову одна строфа, более ста лет назад написанная почти уже слепым Юстинусом Кернером[367] на альбомной странице. Она тем более становилась уместной, когда целью поездки были похороны:

Fahr zu, o Mensch! treibs auf die Spitze,

Vom Dampfschiff bis zum Schiff der Luft;

Flieg mit dem Aar; flieg mit dem Blitze:

Kommst weiter nicht als bis zur Gruft.[368]

ВИЛЬФЛИНГЕН, 16 ИЮНЯ 1966 ГОДА

Мис ван дер Роэ[369], архитектор, восьмидесяти лет. Создатель Сигрэм-хауза[370]; я видел его в 1958 году, сразу после завершения строительства, в Нью-Йорке.

«Форма — не цель нашей работы, а ее результат».

Хорошо, но работа, даже работа художника, она, как рука, является лишь промежуточным звеном и достижению формы. Внутренняя гармония посредством ее становится зримой, как гармония внешняя. Ангелус Силезиус[371]:

Nicht du bist in dem Ort / der Ort / der ist in dir

Wirfst du ihn aus / so steht die Ewigkeit schon hier.[372]

В ландшафте мастерских задумывается не столько форма, сколько функция. Не блеск «вечности уже въяве», а сама работа предстает в ее внушительной, даже вселяющей страх мощи. Как все статичные величины, постройка тоже заменяется динамичным временным состоянием. Долговечность небоскреба оценивается в пятьдесят лет. Вероятно, великие разрушения уже отбрасывают свою тень в будущее. * * *

Великая сила заключена в растениях. По ней можно судить о формировании плодов. Земляника ежедневно приносит богатую дань. Высаживается летний цветник. Бузина образует белые тарелочки; пора печь бузинные пирожки. Цветут розы, жасмин и лилии, а еще голубой со стальным отливом ирис, подарок Эрнста Бёрингера. Как будто такой цветок может распуститься и в нашей душе. Крупный мак, едва ли не слишком яркий для живописного полотна. Черные тычинки колышутся, когда их облетает пчела.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 17 ИЮНЯ 1966 ГОДА

Еще раз по поводу «Себя самого не стыдиться»[373] Ницше. Это возможно в момент Великого полдня, следовательно, во вневременном счастье, отдаленном от Я и общества.

Но обычно: два препятствия... либо наглая заносчивость, либо поспешное самодовольство, которое лишает внутреннего жала. То и другое чувствуется в *d?sinvolture*[374]. Слово это употребляется как в смысле богоподобного превосходства, так и в смысле бесстыдства.

В основе: *d?sinvolte*[375]. «Qui est a l'aise, sans embarras ni g?ne, d?gag?, alerte»[376].

Сен-Симон: «После этой резни, в которой он принимал участие, Бирон был таким же веселым и *d?sinvolte*, как будто он возвращался из комедии».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 3 ИЮЛЯ 1966 ГОДА

Девять лет назад Перпетуя принесла из леса короткий сеянец пихты и посадила его в саду. За это время он превратился в дерево.

Прошлой весной он дал особенно высокий побег, который, к сожалению, увял, — то ли не выдержал веса какой-нибудь птицы, то ли своего собственного. Или это дитя леса не переносит жирную садовую землю?

Тогда я подумал, что дерево искривится, однако сейчас оно выглядит еще красивее прежнего. Из самой верхней мутовки горизонтальных ветвей одна поднялась перпендикулярно, как штык, настолько безукоризненно, что шарнира не разглядеть. Таким образом, не были потеряны ни время, ни высота, и не возникло никакой шероховатости в росте.

Прекрасный пример коррекции формы обликом. А также исцеления благодаря внутреннему врачу.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 27 ИЮЛЯ 1966 ГОДА

У ограды цветет черная мальва. Прошлой осенью я взял с собой семена из очаровательного садика Фридриха Георга на берегу озера.

Большое украшение — мимулус[377], попугаистый, правда. Тот, кто хочет иметь в своем саду оранжевый цвет во всем его богатстве, должен посадить эшольцию. Дитя солнца, которое раскрывается, приветствуя мать[378], и закрывается при прощании с ним. Солнце в некоторых языках мужского рода, в других женского: отец и мать одновременно.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 6 АВГУСТА 1966 ГОДА

Мак, магический даже в плодах: капсулы грез, цвет бледный, от матово-зеленого до серого, подвесной светильник в сумеречных прихожих. * * *

«Дорогой господин Хайдеггер, в своих строках от 14 июля Вы опять попали не в бровь, а в глаз.

Мнения геологов о граните за последние сто лет много раз менялись, тогда как тексты Гёте, в той мере, в какой они опираются на чисто зрительное восприятие, по-прежнему оказываются состоятельными.

Конечно, мы живем в такую эпоху, когда теология всеми силами добивается научного признания, а философы идут в обучение к жестянщикам.

Этимологи так же мало знают о языке, как дарвинисты о животном. Одни нанизывают слова, другие — виды, в итоге остается лишь нитка, сухой мерный шнур. Так пусть на нем и повесятся».

[...]

ВИЛЬФЛИНГЕН, 9 АВГУСТА 1966 ГОДА

Ласточки еще не расставляют ноты на стане проводов, а птенцы уже по-семейному собираются в высоких кустах и там выпячивают белые грудки. Они отыскивают похожие на беседки пристанища, удобные для подлета и вылета. Мать кормит их, пролетая мимо. Иногда она усаживается на сучок поблизости и ласково поглядывает на малышей. Гордость, радость, педагогическое внимание слиты в этом обращении.

Кажется странным, что молодежь уже через считанные недели отправится в путешествие. При этом они не последние; в гнезде еще сидит второй выводок. Но они быстро учатся, мгновение — и они летят. * * *

Я смотрел на них и отдыхал глазами, отвлекаясь от манускрипта с названием «Красочная пыль». Я, вероятно, забегаю вперед с названием рукописи, которая после некоторого перерыва близится к завершению. Здесь пригодятся и ласточки, равно как и тайваньские скарабеи, которых я систематизировал во второй половине дня. При внимательном разглядывании, словно в гранях алмаза, снова возникал бамбуковый остров на Коралловом озере.

День был дождливым. Когда позднее выглянуло солнце, я на велосипеде отправился к горе Айхберг. Там счастливая находка... есть встречи, которые мы не можем описывать, потому что тем самым лишаем их мантической силы. Чудо деградирует до случайности.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 20 АВГУСТА 1966 ГОДА

Профессору Якобу Амштуцу: «Большое спасибо за Ваше прекрасное исследование о симметрии. Эта тема давно уже занимает меня, и с различных точек зрения.

Больше десяти лет назад я обратил внимание на фигуры Эшера; у меня создается впечатление, что здесь происходит мутация созерцательной способности. Я с удовольствием листаю также „*Perspectiva cognogum regularium*“ старого нюрнбергского ювелира Ямницера.

Из Вашей темы легко могла бы получиться книга».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 26 АВГУСТА 1966 ГОДА

Доктору Жану Ребулю: «Я не заметил, что в номере „*Preuves*“ [379] одновременно с моим этюдом об Альфреде Кубине [380] был опубликован текст с нападками на Мартина Хайдеггера. Благодарю Вас за то, что Вы указали мне на данное обстоятельство.

Что касается меня, то я ценю Мартина Хайдеггера не только за его труды, но и за то, что он занял политическую позицию, тогда как гораздо проще было бы этого не делать. Разве его можно упрекать в том, что политические власти не оправдали его доверия? Вам как психоаналитику нет нужды намекать, что скрывается за очернением незаурядного ума.

Тем не менее: нельзя утаить совершенно, что где-то еще есть мысль, достойная называться мыслью. Свидетельство тому — Ваше письмо».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 12 СЕНТЯБРЯ 1966 ГОДА

Уже более прохладные ночи; утром на листьях капусты искрится роса. У ограды я насчитал сорок цветков кайзервинда; в них флора приближается к эфиру, становится невесомой, нематериальной.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 2 ОКТЯБРЯ 1966 ГОДА

После пробуждения. Поднятие занавеса. Зеленушки[381] в туге[382]. Черный дрозд улетает со звонким криком. Плотный туман над лужайкой, пестрые ватные тампоны осенних астр, от светло-розового до темно-фиолетового цвета. Нечто растекающееся, положенное на зеленый грунт.

Необычно теплый октябрь; в полдень мы обедали в саду. В это время сойки щелкали орехи, а дрозды лакомились в бузине.

ЦЮРИХ, 8 НОЯБРЯ 1966 ГОДА

Вчера была свадьба; ночью, и уже под утро, просыпаясь время от времени, я долго слышал музыку, пение и звуки отъезжающих машин.

После завтрака еще несколько писем и распоряжений. Мы ждали друга Вайдели, который навещал свою мать в Зигмарингендорфе; он изъявил желание взять нас с собою в Цюрих. Я размышлял, найду ли я в Анголе досуг для последней главы своей книги, и для памяти просматривал ряд иллюстраций в труде Гейнрота[383] о европейских птицах.

[...] * * *

Зигмаринген, Штоках, Зинген, Штайн-на-Рейне. Цветы в садах еще не увяли. Примулы, золотой дождь, розы Форсайт зацвели во второй раз, земляника даже дала плоды. Георгины перед каждым крестьянским домом поднимают головки выше заборов и радуют палитрой свежих и чистых красок. Полыхает красная листва виноградников, и от стен домов струится светлый, почти металлический жар девичьего винограда[384].

За Штайном мы свернули с главной дороги, чтобы заехать к Флааху в «Верхнюю мельницу», где расселись для «ясса»[385]. Гостеприимный дом, внутри которого, словно сердце, пульсирует мощное мельничное колесо. Знатоки хвалят убоину, особенно ветчину. Хороши хлеб с мельницы и вино со своего виноградника; спаржа в мае, а в июне — земляника. Следовательно, на стол, если не считать пряностей, не подается «никаких купленных кушаний». Похожую надпись я однажды прочитал над камином у Анет в замке Дианы де Пуатье. Изречение понравилось мне как своим величием, так и скромностью; князь — это тот, кто в большей или меньшей степени живет и умеет жить своим.

Знанием этого ресторана мы обязаны не собственному нюху на хорошую и неподдельную крестьянскую пищу, а другу Петеру Брупбахеру, который работает здесь учителем, как работал до этого в тунисском Хафузе, гораздо менее обжитой деревне. Я сужу об этом по небольшой коллекции насекомых, присланной им оттуда. Так название этого местечка попало на мои этикетки. Сплошь насекомые, обитающие в очень жарких и засушливых зонах.

Поприветствовав хлебосольного хозяина, который поджидал нас на St?ckli, верхнем этаже; мы уселись с ним за стол. Разговоры — сначала энтомологического, затем этимологического характера. Они перешли от тунисских находок к другому собранию, а именно — к собранию слов; повод дала фамилия учителя.

Пара согласных br, как при любом символическом рассмотрении, поражает двусмысленностью. В ней звучит, во-первых, отделение, как в Bruch[386] и Brandung[387], затем связывание как в Br?cke[388], и наконец, спаренное как в Brust, Bruder, Brille, breeches, brachium, les bras[389].

Нашлись примеры из многих языков. То, что у слов есть своя история, не имеет к этому отношения. Звучание следует выбору из избытка названий, которые предлагают свои услуги. Brille восходит к beryllos — «глазное стекло» или, еще лучше: «глазные стекла» было бы логичней. Но в звуке говорит не столько значение, сколько смысл. Он пересекает историю; эволюция заштриховывается.

В САМОЛЕТЕ, 9 ОКТЯБРЯ 1966 ГОДА

В Хоргене между прибытием в гостиницу и ужином на озере мы еще нашли время посмотреть в доме Вайдели собрания, которые со времени нашего последнего посещения значительно расширились. Помимо массы кристаллов, ископаемых, раковин и насекомых, обновился ассортимент камней, которые на первый взгляд не особенно отличались от тех экземпляров, какие можно собрать повсюду на обочине дороги или на морском берегу. Всё, словно по мановению волшебной палочки, изменилось при свете, излучаемом маленькой лампочкой. Серый камень впитывал краски и отражал их такими, каких в природе не существует. Особое внимание я обратил на густой пурпурный цвет, какого никогда до сих пор не видел; он покрывал кусок гнейса раскаленной сетью кристаллов. Зрелище, как под воздействием мескалина, вызывало восхищение и страх. «Душа природы» начинает открываться, как будто ее сияние пробивается наружу сквозь тончайшие щели. Еще немного, и для «тварного ума» это стало бы невыносимо. Он сгорел бы, как демон, услышавший имя «Аллах».

Мы переночевали в слишком новом, слишком роскошном и слишком дорогом отеле. Телевизор оказался лишним, поскольку мы не умели им пользоваться да и не нуждались в нем. Из душа полил кипяток, после того как была повернута ручка, напоминающая игровой автомат.

Будили тоже автоматически; я попросил разбудить нас в шесть часов, потому что в восемь нам уже надо было быть в Клотене. Однако я не очень доверял системе и спал беспокойно, чему способствовали также подъезжающие и отъезжающие от здания машины. К счастью, около семи я проснулся. Зачастую сон приобретает форму дубины; конец у нее увесистый.

Теперь нужно было быстро одеться, если мы не хотели, чтобы пропал авиабилет; о завтраке не могло быть и речи. Внизу в холле я увидел, что электроника отказала не только в нашем случае. Какой-то англичанин таким же образом опаздывал на самолет до Кейптауна. Большая досада; он раздраженно бросал портье: «You never did call me. That's crazy, very crazy!»[390]

Но для чего здесь портье? Наверно, только для принятия платежей. Он извинялся за отказ техники; ошибка заключается в автомате, персонал тут, дескать, ни при чем. Примета времени; напрасно искать виноватых. Я усвоил этот урок и решил в следующий раз переночевать у Флаахе в «Верхней мельнице»; дорога до Клотена не длиннее, и там еще имеется коридорный, который будит на старый манер.

Несмотря на то, что я только мельком увидел его, поскольку мы очень спешили, мне этот англичанин импонировал. Не пускаясь более в бесполезные жалобы и оскорбления, он заказал такси, чтобы посмотреть, можно ли было еще что-то спасти; хочу надеяться, ему это удалось.

ЛИССАБОН, 10 ОКТЯБРЯ 1966 ГОДА

В полдень мы приземлились в аэропорту Лиссабона, где нас встретила чета Альмейда и отвезла в гостиницу Príncipe Real. Та оказалась намного приятней гостиницы в Хоргене и содержалась, скорее, в стиле пансионата. Окна выходили на тихую боковую улицу с приятным названием Rua da Alegria[391].

Что создавало в этом месте приятное настроение? Прежде всего, обслуживание, спокойное и внимательное. И потом внутренняя отделка, позволявшая судить, что ею занимался превосходный архитектор по интерьерам. Здесь работал художник, знающий толк в форме и красках и не придающий значения эффектам.

Первая прогулка по широкой Avenida do Liberdade привела нас к агентству судоходных линий на Praça do Comércio. Триумфальная арка выводит на просторную, обращенную к гавани территорию одного из больших фойе Европы, которое министр Помбал[392] велел построить после землетрясения 1755 года. Катастрофы вроде лиссабонской развязывают архитектору руки, и можно осуществить многое, если заказчик предоставляет свободу. К сожалению, сегодня площадь оставляет впечатление гигантского гаража, сквозь лабиринт которого текут ручейки машин.

В самолете я прочитал главу «Португальских дней» Герхарда Небеля[393], в которой он при виде именно этого места посетовал, что «реальность автомобиля разрушает действительность города». Это справедливо в особенности для знаменитых площадей, за исключением таких, как площадь Сан-Марко. Но поскольку цивилизаторский конформизм стремится лишить пешеходов даже малейшей привилегии, мы снова и снова слышим о проектах, согласно которым Венеция тоже должна «сделаться доступной» таким способом. Уже связывающая ее с сушей дамба стала осквернением, и будущие поколения, вероятно, получат представление о наслаждении земноводной жизнью только по картинам в музеях.

Маркизу Помбалу здесь посвящен памятник; цоколь мы приспособили под наблюдательный пост, избавившись таким образом от сутолоки. Белый мрамор и пропитанный солнцем песчаник вписались бы и в венецианскую атмосферу, однако сочная зелень дворцов, обступающих открытый четырехугольник, была согласована с серой водой Тежу. Большой балкон в сторону Атлантики. Ветер сильнее и свежее средиземноморского. Тут проходили подготовительную школу для дальних плаваний, когда уже не было ни каботажных проходов вдоль побережий, ни островного преимущества. В этих плаваниях никогда не знали, не заведут ли они в безграничность. Даже великому генуэзцу было суждено выйти в океан из атлантической гавани.

Потом мы повернули на восток от реки и, миновав внизу ряд мрачных складов, по изломанным улочкам стали подниматься на гору. Выясняется, что Лиссабон, как и Рим, построен на семи холмах.

На середине подъема нас призывно поманил тяжелый романский портал. Фасад тоже был старым; постройка, должно быть, относилась к числу тех, которые пощадило землетрясение. Это был собор Sax Francisco do S?. Вид массивных стен и сводов делал понятным, почему они выстояли; романский стиль солиднее того, который выработал Запад, — тут, как в случае

египетских пирамид, строили не на столетия, а на тысячелетия. Это «на» подразумевает не осознанные намерения; существенно стремление к абсолютному, которое порождает строительство, — продолжительность вытекает отсюда как одно из характерных свойств.

Венок часовни готический, хоры, вероятно, перестраивались. Маленькие, очень старые саркофаги, на некоторых — скульптуры благочестивых женщин, некоторые, будто читая, держат в руках книги. Я не делал никаких записей; когда ты более пятидесяти лет посещаешь святилища по всему миру — а они, не считая рынков и кладбищ, относятся к главным целям — тогда уже почти не остается неожиданностей. Ты устаешь от форм и ставишь себе другие, более важные вопросы.

Разнообразие форм и догм стирается под впечатлением вулканического нарастания, неутомимо порождаемого сводами и колоннами, башнями и куполами храмов и мечетей, синагог и соборов. Они вырастали и разрушались тысячами, часто появляясь друг за другом на одном и том же месте, как пневая поросль, что буйно пробивается из корня поваленного дерева.

Перед этим вегетативным инстинктом человека, который, не задумываясь, нагромождает камень на камень, как поднимает руки или складывает ладони, неизбежно встает вопрос о соответствии. Приведу пример: мы видим повернувшиеся к солнцу цветы, образу которого они подражают во многих формах и в бесчисленном количестве. Так видим мы и святилища, но не видим святого. Чем меньше мы обращаем внимания на различия, тем сильнее становится предчувствие; мы больше не слышим, как шумит дерево, но слышим шум леса, который отвечает ветру. * * *

Наверх к Castelo Sax Jorge[394]. Ценность таких мест определяет положение, оно должно господствовать над окрестностью. Тогда укрепленные замки, как здесь со времен финикийцев, следуют один за другим. Превратившиеся в музеи бастионы с их башнями, амбразурами и смоляными выступами окружены поясом субтропических кустов и деревьев, среди которых встречается и гибискус. Несмотря на позднее время года из горной породы еще били маленькие источники. На пруду отдыхали лебеди, и повсюду на газонах тянули за собой шлейфы белые павлины. Их множество тем более бросалась в глаза, что все они были до безобразия растрепаны. Им, вероятно, не хватало травы; я видел, как они выщипывали ее.

У подножия замка в раскопках работали археологи; через строительное ограждение мы разглядели колонны с каннелюрами и маркированные планы. Такие проекции, выполненные будто с помощью рентгеновской техники, встречаешь всюду подле знаменитых древностей, как будто они не могут обойтись без археологических реконструкций.

С передней балюстрады открывается грандиозный вид с рекой Тежу, стянутой мостом, под которым скользят корабли. Мы увидели город с его крышами и гаванью, монастырь Жеронимуш с его церковью, мраморное рулевое весло Васко да Гама у потока и знаменитую Вифлеемскую башню, а на противоположном берегу — колоссальную фигуру Христа с раскинутыми крестом руками, который напомнил мне о таком же в Рио, и фабрику, к чьим трубам прикрепилась медистые полотнища дыма. Корабли на якоре и в движении; место было выбрано хорошо, чтобы наблюдать за морем и сушей. Батареи еще стоят на своих позициях; ребятишки играют в лошадку на орудийных стволах. Бронзовые мортиры, не выше сотейника — я спросил себя, как при их короткости в них вообще помещалось ядро. Они напомнили мне картину осады Магдебурга, на которой я ребенком впервые увидел эти огневые ступки. Комендоры и их помощники стреляли из них по горящему городу. Траектории полета были нарисованы тонкими, как паутинка, дугами; это придавало изображению оттенок прецизионной легкости.

Мостовая была ухабистой; при спуске Штирляйн сломала каблук. Хотя уже смеркалось, я

пообещал ей быстро устранить повреждение, и действительно, уже в одном из первых же переулков мы нашли сапожника, который еще работал перед распахнутой дверью и за несколько минут сделал не только новый каблук, но и его пару.

ЛИССАБОН, 13 ОКТЯБРЯ 1966 ГОДА

На первую половину дня мы были вызваны в полицию по делам иностранцев, она располагалась на берегу западнее Праса ду Комерсиу[395]. Без ее письменного заверения билеты на пароход были недействительны. Визы в Анголу мы получили еще в Германии, однако полиция, очевидно, оставляет за собой право на особые проверки. Она называется Pide и считается эффективной; должно быть, прошла выучку у гестапо.

То, что для получения печати нам требовалось явиться туда еще и во второй половине дня, ничуть не удивило нас и еще меньше вызвало раздражение. В таких местах потерянное время превращается в выигранное. Мы покинули караульное помещение в хорошем настроении и в поисках видов поднялись на гору, вдоль цветочной клумбы индийской канны. Здесь она стояла в полном атлантическом цвету, тогда как в наших садах она оживает поздно и рано становится жертвой мороза. Торговцы, на двухколесных машинах двигавшиеся по улицам, выкриками расхваливали хлеб, рыбу и овощи. Домохозяйки из окон разглядывали товар и потом в корзинках поднимали его на верхние этажи.

Небольшой парк на возвышении с широким видом на Тежу заинтересовал нас похожим на вяз деревом. Ствол был не особенно крепок, однако ветви затеняли ареал в охват рыночной площади. Такое стало возможным только благодаря решетке, растянутой под лиственной массой. Другое дерево, как будто ствол его вытек из почвы, образовывало цоколь, чей диаметр почти соответствовал диаметру кроны. * * *

Похожая на дворец постройка с распахнутыми настежь створками двери приглашала войти. Сначала я принял ее за ратушу; но это оказался Национальный музей. Тому, что мы смогли не спеша осмотреться в этой нечаянной сокровищнице, мы были обязаны полицейским, поскольку до второй половины дня оставалось еще много времени.

В музеях ценится то же, что и в церквях, — когда десятилетиями снова и снова обходишь эти клады, возникает вопрос, каким влечением ты руководишься и к чему в итоге оно приведет. И здесь тоже так: сначала ты ничего не знаешь и всё тебя удивляет, потом многое узнаешь и составляешь представление, и, в конце концов, забываешь познанное. Дорога ведет в свет, в котором имена и стили сияют, как звезды и созвездия, и потом обратно в темноту. Однако польза заключена, скорее, в забвении. Мы больше не считаем такими уж важными даты и имена. Это как если бы мы в течение лет приобретали красивую обстановку; чем больше мы в нее вживаемся, тем меньше мы думаем о мастерской и о мастере, у которого мы заказывали ее, а также о цене, которую мы за нее заплатили. Точно так же и музеи превращаются в жилища или в одно большое жилище, которое включает в свое пространство города и страны.

К этой привычке относится то, что имена мастеров, а также названия стилей и школ отступают — они расплавляются, становясь близкими. Близкими становятся также мотивы, количество которых хоть и богато, но не безгранично; они заимствованы в первую очередь из античных мифов и из Священного писания.

Если эта близость достигнута, шагание по залам и галереям превращается в праздник, для которого все подготовлено наилучшим образом. Говоря магически, достигается состояние, при котором произведения искусства испускают лучи непосредственно. Ты раскованно

двигаешься в помещении; единичные вещи начинают говорить только тогда, когда обращаешься к ним особо. Нельзя ничего добавить к богатству, но можно, пожалуй, все снова и снова подтверждать его вариациями.

Здесь тоже, как и в любом большом собрании живописи, не было недостатка в картинах на сюжет «Бегства в Египет»; среди них было полотно кисти Тьеполо: лодка, которую сопровождали лебеди и в которой гребли ангелы. Впервые я увидел, что художник вписал пирамиду, чтобы придать картине достоверности. На нее указала Штирляйн.

Надежда познакомиться здесь с португальской школой в том смысле, как есть школа венецианская, флорентийская или, скажем, испанская, принесла разочарование, хотя несколько залов на втором этаже были посвящены картинам местных художников и был кабинет с их рисунками. Всемирной славой, и по праву, пользуется только Нуньо Гонсалвеш [396]. Его большой полиптих с изображением сцен из жития святого Винсента занимал целый зал. Физиономист высокого уровня, которого можно было бы назвать португальским Дюрером, хотя он жил на одно поколение раньше, — около ста лиц исключительной выразительности и достоинства объединены на этих досках. Красив и способ, каким мастер распределяет свет по мере того значения, какое он придает персонажам. Всякий, кому опротивел *species humana*[397], может излечиться от своего недуга перед такой картиной.

О том, что живопись в ту пору котировалась, вероятно, невысоко, говорит, как мне кажется, анонимность необычайно многих картин, в том числе и портрета Васко да Гамы от 1524 года, где он представлен в шубе и с очками в руке, «в стиле Грегорио Лопеса».

Два изображения преисподней тоже принадлежат неизвестной кисти. На одном ангел и дьявол вершат суд над душами, зачитывая мертвецам из книги жизни. Один грешник, в котором гусиное перо за ухом выдает писца, как раз падает в огонь, в то время как группа блаженных всходит на небо по двойной лестнице, будто спроектированной Бальтазаром Нойманом[398].

На другом, *O inferno*[399], в подземном чулане, завершенность которого восхитила б и Сада, свора чертей орудует с прилежной старательностью, а верховный черт, трубя в рог, подгоняет их. Проклятые, в том числе клирик с большой тонзурой, низвергаются в некое подобие люка в рубке подводной лодки. Среди них находятся также красивые женщины, совершенно голые, только с петлей на шее. Выражение их лиц передает все фазы ужаса, от первой, еще недоверчивой оторопи до непрерывной агонии. Выбор мучений, похоже, соответствует грехам; здесь для ростовщика отливают монеты и в виде раскаленных облаток щипцами суют ему в рот, там пьяницу из пузатого, наполненного нечистотами бурдюка заливают шведским напитком[400].

Как уже было сказано, мое внимание в картинах привлекала не столько композиция, сколько настроение абсолютной завершенности — достоверное изображение злобной кухни в недрах земли, которая грозит нам после великого светопрествавления. Педагогическое воздействие такого художественного произведения в те времена, скорее всего, было значительным.

Мы недолго, если не считать работ Гонсалвеша, задержались в этом разделе. Имелись более притягательные картины — шедевры романских и германских художников, встретить которые на этом краю Европы нам даже не снилось, в том числе и такие, которые были широко известны по репродукциям. Портреты Гольбейна, Веласкеса, Рейнольдса, Рафаэля Менгса; натюрморты Брейгеля, Тенирса, Патинира; зал Квентина Массиса. Знаменитая куртизанка Беккера с золотой монетой в руке, дерзко выставившая грудь, была чистым олицетворением венецианской власти на низшем уровне.

Богатство указывало на князя или короля. Я спросил себя, заложил ли основу коллекции Помбал или еще Филипп II? На это подозрение меня навела самая большая неожиданность,

которая нам предстояла: «Искушение святого Антония», триптих Иеронима Босха, один из его самых знаменитых сценариев. Мы имели возможность спокойно и без помех его рассмотреть; в зале почти не было посетителей.

Этому, вероятно, не было бы конца, если б я поддался соблазну рассмотреть картину в деталях. И все же я не мог не спросить себя снова, отчего меня не удовлетворяют местами крайне остроумные интерпретации. Верны ли они или не верны — они не ухватывают сути. Босх первично не зависел от узанного и его кодирования. Его знание глубже; оно прорывается как древний поток из предузнанного, подобно застывшей магме. Чтобы найти сравнения, нужно вспомнить об изобилии, с которым из мифа вытекают и рационально переплетаются образы, или о неисчерпаемом наплыве картин «Тысячи и одной ночи».

Босх не имеет тематики в том смысле, который удовлетворил бы ученого. Взаимосвязь у Босха располагается ближе к бытию; он не следует какой-нибудь теме, а порождает темы. Ничего не придумано, все рассказывает и сочиняет художник; ум двигается так, как дышит и танцует тело. Потому-то великие картины и необъяснимы, и именно поэтому они снова и снова требуют толкования. Это отличает творение от простого опуса, от всего лишь, пусть даже и весьма искусно, сделанного.

То, что поднимается из глубины непреднамеренно, и должно во всей его полноте постигаться только в непреднамеренном рассмотрении, не в анализирующей последовательности, а в его гениальной одновременности. Тут — укажу одну деталь — на цитре играет скелет; это — аккорд символов, который не нужно искать и изобретать. Струны и ребра; звук и сердце.

Кроме того, эти картины богаты подробностями, которые могут сегодня истолковываться таким образом, какой в 1500 году был еще невозможен и о каком никто не задумывался. То, чего Босх все-таки не знал, он не мог ни затемнить, ни спроектировать. Сюда относятся удивительные переключки с нашим техническим миром — даже, возможно, с агрегатами, которые еще и сегодня можно рассматривать как утопические. Чего стоит один воздушный бой в правом верхнем углу на центральной створке! Полая, похожая на цаплю птица не могла бы приводиться в действие паровым двигателем. Она сражается с галерой, полной вооруженных существ, которые гребут в лишенном гравитации пространстве. Воздушные, водяные и огненные существа, звери, люди, демоны и машины передвигаются в одной и той же стихии настолько легко и убедительно, что в наблюдателе даже не возникает противоречия. Тайное знание, мистерия без сомнения — но, вероятно, настолько подспудное, что сам художник пугается своей картины. Нет более актуального произведения.

Я с трудом оторвался. При прохождении боковых кабинетов, которые были наполнены китайщиной, серебром, стеклом, фарфором и старинной мебелью, получилась, конечно, еще одна неожиданная задержка. В одном из залов, рядом с выходом, собрание испано-мавританской керамики: большие тарелки и блюда, почти без изображений, но богато орнаментированные. Лишь однажды, в Женеве, я стоял перед аналогичной, пусть даже и не такой обширной коллекцией. С тех пор я, из-за их цвета, отношу эти экземпляры к самым изысканным творениям гончарного искусства. Способствовали ли столетия этому тончайшему вызреванию цвета под глазурью? Я полагаю, что это касается преимущественно бледных основных цветов, которые иногда сгущаются в сочную коричневость, а не синих знаков, что вставлены в них. Кажется, будто цвет постарел и стал очень хрупким, как оттенок крыш покинутых городов, потускневших в пустыне. Но игра розовых и фиолетовых огней, которая веет над всем этим, — это эманации на границе зримого. Трансцендирующее золото, угасающее солнце как привет погибших культур посвященным.

День уже клонился к вечеру, когда мы пришли к нашим полицейским; они тотчас же вынули штемпели и повысили ценность наших паспортов. Или они еще раз навели о нас справки, или в первой половине дня были не в настроении. Tant mieux[401]. Поскольку мы оказались в районе Вифлеемской башни или совсем рядом, мы решили отказаться от еды и сразу же

продолжить экскурсию. Наверху в доме находился бар; две чашки крепкого кофе вселили в нас feu a quatre pattes[402].

К Морскому музею, расположенному в монастыре Жеронимуш, вела короткая дорога. Принадлежавшей ему церковью, настоящим сталактитовым гротом поздней иберийской готики, мы полюбовались сначала снаружи, а внутренний осмотр отложили на вечер.

Музей флота — наилучшее место для того, чтобы составить представление об истории морской державы. Нам пришлось ограничиться лишь отрывочными сведениями, поскольку из-за количества выставленных объектов такие собрания имеют весьма крупные размеры. Одно крыло здания служит для размещения богато позолоченных роскошных лодок, у которых даже весельные лопасти украшены дельфинами.

Лодки, баркасы и модели судов тянутся вдоль крытых галерей, между ними пушки и витрины с вещами, сохраняемыми как память о людях и деяниях, прежде всего, об открытиях и морских сражениях. О них напоминают также многочисленные картины, начиная с изображения первого столкновения португальцев с арабами. Корабли португальцев узнаешь по большим красным крестам на вздутых парусах, мавританские — по полумесяцам в отделке и по белым тюрбанам не только сражающегося экипажа, но и тех, кто борется за жизнь в море или судорожно цепляется за обломки судна. Детальный план красочно изображает уничтожение китайской флотилии португальцами у какого-то архипелага на Дальнем Востоке. Джонки имеют такое численное превосходство, что корабли с крестами приходится отыскивать в их массе.

В период своего мирового могущества на море в Португалии проживало не более одного миллиона жителей. У такого народа гамлетовская судьба; над ним тяготеют дела отцов. * * *

Музей пользовался популярностью. В пользу таких мест говорят ватаги детей. Так было и здесь. За порядком следили матросы-инвалиды; таблички тоже напоминали родителям о необходимости присматривать за своими отпрысками. Изучая эти тексты и прислушиваясь к разговорам, я попытался ближе познакомиться с португальским языком. Долгий день уже начинал оказывать свое воздействие; поток образов вызывает не только утомление, но даже своего рода опьянение. Ассоциации становятся легче, но и рискованнее — как, например, этимологический промах, случившийся со мной при изучении объявлений. В них *crianças* предостерегались от озорства. Это могло означать только «дети»; и было слышно, как они громко кричали. Но здесь-то я и ошибся; слово, конечно же, было связано не с французским *crier*[403], с которым я его соотнес, а с латинским *crescere*[404]. Следовательно, подразумевались «подрастающие», а не «горлопаны».

Латынь проходит сквозь мир романских языков как сквозь призму, в которой она разветвляется. На Иберийском полуострове она в наиболее чистом виде сохранилась в каталонском языке, а деформировалась сильнее всего в Лузитании[405]. Кроме того обнаруживаются отголоски швабского наречия; их можно объяснить влиянием предшествующих племен, которые когда-то, еще до арабов, сюда вторгались. Родство это было замечено различными авторами, например, Штауффенбергом в Вильфлингене, который в свое время так интенсивно занимался португальским языком, что он, как еще рассказывают старые крестьяне, даже обходя сельскохозяйственные угодья, таскал с собой грамматики в переметной сумке.

Одним из его предшественников был Мориц Рапп, который, как и многие другие, перевел «Лузиады»[406] — правда, он оказался единственным, кто сделал перевод на швабский диалект. Возможно, он также относится к предтечам тех лингвистов, которые сегодня смешивают этимологии и, вероятно, постигают суть языка в его наиболее глубоких слоях. Я

не берусь судить об этой материи. Однако могу подтвердить, что здесь я слышал выражения и возгласы, назальное произношение которых точно соответствует одному моих вильфлингенских соседей. Дуктус и мелос какого-нибудь языка часто говорят о кровном родстве больше, нежели вокабулярий.

Готовясь к этому короткому пребыванию, я перечитал национальный эпос португальцев, в котором больше воспевается преодоление океана, чем борьба с чужими народами. Камознса, погребенного здесь, можно причислить к *ro?tes maudits*[407]; верными ему до последних дней оставались только голод да раб, который под конец кормил своего хозяина, побираясь для него на улицах. Его судьба удивительным образом схожа с судьбой Сервантеса: морские сражения, темница, немилость у князей, всемирная слава после смерти. Сервантеса под Лепанто ранило в руку, Камознс лишился глаза у Сеуты. Как и у многих иберийских деятелей, в его биографии большую роль играет обманчивая переменчивость моря; это можно было бы сказать о Колумбе и конкистадорах. * * *

Время поджимало; мы находились в непосредственной близости от Вифлеемской башни и до сих пор не выразили почтения к ней, то есть увидели Рим, а не папу. Когда из истории, из литературы и по иллюстрациям мы давно знаем места, в которых судьба народов, их назначение не только сгущались, но также менялись и начинали превращаться в символ, то приближаемся к ним с особой тревогой, устояли ль они. Эта тревога, во-первых, вызвана тем, насколько вид их может оказаться замаранным рекламным бизнесом, прикрашенным и приглаженным благодаря *lifting the face*[408]. Еще глубже беспокоит ожидание, не уступили ли они великого прошлого, даже потерпев крушение, на которое обречено любое человеческое усилие, прежде всего героическое.

Должен сказать, что здесь мы не разочаровались. Потом мы вернулись к Святому Иерониму. Монастырь и церковь, а также Вифлеемскую башню нужно увидеть как единство и понять не только стилистически, но и духовно, как выдвинутый в космос бастион. * * *

Вечером у четы Альмейда на последнем этаже высотного здания. Их фамилия сопровождала нас по церквям и музеям, как фамилия «Каннитверстан» хебелевского путешественника по Голландии[409]. Ее носили вице-короли, адмиралы, основатели, учредители и донаторы. Мы развлекались, рассматривая с балкона в хороший телескоп идущие по Тежу суда и освещенные памятники, потом уселись за стол. Были поданы норвежские лангусты и прочие дары моря, среди которых я впервые увидел на блюде морских уточек[410]. Мы узнали, что особенно крупные виды появились на рынке с тех пор, как здесь в моду вошло ныряние. Вправленное в добротную инкрустацию ракообразное существо крепится на прочном основании с помощью ножки, которая только и употребляется в пищу. *Unedo* — жесткое и безвкусное мясо не вызывает желания повторить. Мы отдали должное норвежским лангустам, крабам и моллюскам, запивая их легким *vinho ros?*[411] из Сангальо, которое сняло с нас усталость. Хозяйка дома — сестра нашего юного друга Альберта фон Ширндинга; в свое время мы провели с ним несколько прекрасных дней в его небольшом замке, лежащем в глубине леса. Так что недостатка в общих воспоминаниях не было. Я подумал, что мои путешествия походят на античные в том смысле, что ведут скорее от друга к другу, нежели от местности к местности, как теперь через Базель, Цюрих и Лиссабон в Калуло во внутреннем районе Анголы.

НА БОРТУ, 20 ОКТЯБРЯ 1966 ГОДА

Вот уже девять суток на борту «Анголы», португальского быстроходного парохода, несущего службу между метрополией и африканскими владениями. При отплытии мы приветственно

помахали Вифлеемской башне.

Около тысячи пассажиров; кроме двух англичанок пенсионного возраста, живших в Дурбане, мы были единственными иностранцами. Все объявления, афиши и меню составлены на португальском языке; не прочитаешь другого текста, не услышишь другого слова. Поэтому вполне хватает всяких курьезов и недоразумений; нам приходится быть оглячивыми вдвойне, как глухонемым. От меня, например, ускользнуло, что в этой поездке, что для нас стало новостью, часы переводятся как вперед, так и назад, потому что судно огибает выпуклость африканского континента и таким образом теряет часть выигранных меридианов.

Экипаж и попутчики как всегда любезны и приятны. Внимание их почти целиком ограничено человеком; лучшим доказательством этому служит то, что мы, Штирляйн и я, оказались, похоже, единственными обладателями бинокля. Фотоаппараты, естественно, видны чаще. Большинство пассажиров едет за счет правительства: офицеры, солдаты, служащие с семьями или без них. Они образуют группы, беседуют, не глядя за поручни, беседуют, флиртуют; ватаги *crían?as* шумят или лезут на своих толстых, добродушных мамаш.

Из подробностей, бросившихся мне в глаза, я отмечаю, что имеются два вида гальюнов: лучше оборудованный для *sabalheiros*[412] и простой для *homen*[413]. Оба доступны. При этом мне вспомнился мой отец, про которого мать однажды рассказывала, что он размышлял, позволено ли ему, как ученику аптекаря, войти в «только для господ».

Если, подавая на стол, стюарды роняют вилку или кусочек хлеба, они ногой зашвыривают их под стол. Полагаю, им лень нагибаться; они предоставляют делать это слугам. В чреве корабля, как в «Бенито Серено»[414], должно быть, скрывается масса негров. Я только перед причаливанием видел, как их черные ноги с розовыми подошвами, приплясывая, сходят по доскам.

В глаза бросилось также то, что вблизи суши число солдат на палубе увеличивалось, когда мы двигались не вдоль португальских владений, проплывая, например, мимо Канарских островов или черной Африки. На это, впрочем, мое внимание обратила жена португальского профессора из Мозамбика, урожденная берлинка, с которой мы познакомились на борту. При диктатурах развивается более тонкое восприятие таких деталей. Несколько лет назад в результате нападения один португальский корабль был угнан. Мы и швартоваться должны были только в португальских гаванях, не считая гаваней Южноафриканского союза. * * *

Ел я довольно вяло, особенно главные блюда: рыбу и мясо. С усовершенствованием морозильной техники кушанья становятся бесцветнее. Хотя теперь ничего не портится, как еще недавно, когда приходилось обходиться без масла, или совсем в классические времена, когда из сухарей вытряхивали червей, однако польза, как и во многом, сводится к усредненности. Все еще справедлива старая пословица, что хорошая рыба — это свежая рыба. Здесь в меню их целая дюжина: от рыбы-меча до каракатицы, своеобразный вкус которой пытаются перебить лимоном и майонезом. При этом особенно сердит мысль, что легионы великолепных рыб режутся прямо под килем. Я никогда не едал ничего вкуснее трески, в полночь пойманной нами на удочку у острова Медвежий и приготовленной к завтраку.

Тем более у меня было свободное время для наблюдений за попутчиками, которые явно с большим аппетитом осваивают меню и дополняют *a la carte*[415]. За соседним столом, повернувшись к нам спиной, колониалист в белом мундире. Я смотрю на его шафранового цвета лысину и большие уши, желтые, как воск, и прозрачные. Рядом с ним на полу стоит огромная оплетенная бутылка, скорее даже баллон, в которой, по моему первому предположению, было вино. Она же оказалась наполнена минеральной водой наподобие той, что течет из карлсбадских источников. Возле прибора разложены всевозможные упаковки с пилюлями; тропическая болезнь у него, похоже, достигла поздней фазы. Сотрапезники за его

столом, над которым он нависает, постоянно меняются; он необщительный собеседник. Мужчина, должно быть, давно уже вышел на пенсию — по вечерам мы неоднократно встречаем его, когда он выделяет круги на прогулочной палубе, занятый унылыми мыслями о своей печени. Наше приветствие всякий раз удивляет его, как неожиданный подарок.

Ресторан стал бы подлинным кладом для исследователя рас. Как этимолог по языку, он мог бы здесь попытаться понять лузитанскую историю по лицам. От типов каменного века и иберийских автохтонов она через римских, мавританских и германских завоевателей простирается до колониальных смешений. Португалец был и остается в этом отношении неразборчивым и даже усматривает в этом одну из легитимаций своего дальнейшего пребывания в Африке. Здесь за одним столом рядом сидят молодые люди высокого роста, с готическими чертами лица, и маленькие курчавые парни, колорит которых подобен цвету более или менее сильно поджаренных кофейных зерен. Тут дает себя знать то обстоятельство, что африканский элемент был привнесен в страну достаточно рано, еще двенадцать столетий назад, и уже тогда не как чисто мавританская кровь, а в виде ее смеси с кровью нубийских рабов. На такую догадку наводит не только посещение современного марокканского города, но и чтение «Тысячи и одной ночи». Далее можно прийти к мысли, что были времена, когда португальцы занимали часть той области, которую римляне называли «Мавританией», а арабы «Магрибом». В таких условиях индивидуумы в череде поколений едва ли могли б посветлеть. Здесь тоже анализу предпочитался синтез: «Сокращение типов и распределение вокруг них полноты познанного».

Как в прошлом году во время путешествия в Восточную Азию, здесь мне тоже постоянно приходится спасаться бегством от джаза, гремящего из динамиков.

НА БОРТУ, 22 ОКТЯБРЯ 1966 ГОДА

Завтра на рассвете мы должны пришвартоваться в Луанде. Плавание прошло приятно и быстро, я почти ничего не читал, не считая «Португальских дней» Герхарда Небеля и нескольких журналов. Кроме того записи. Необходимость делать их становится для меня часто обременительной, особенно когда я вспоминаю о кипах бумаг, которые лежат в Вильфлингене, — речь, должно быть, идет о влечении. Каждый вечер на открытой палубе крутили кино; выборочные пробы показали, что я ничего не потерял.

Еще несколько слов об островах, у которых мы бросали якорь или в виду которых проходили. Пробелы в моих географических знаниях, среди прочего, дали о себе знать также в том вопросе, что я считал Мадейру единственным португальским островом; но прежде чем причалить в Фуншале[416], мы миновали группы не только утесов, но и мелких заселенных островков. Один из утесов торчал из моря, точно иголка с ушком. Деревни, виноградники, маяки. То, что Мадейра совершенно безлесна, я знал по запискам Волластона, сто лет назад обходившего на яхте приятеля атлантические острова, чтобы собирать там жуков, которых он набрал и описал очень много. Остатки оригинальной флоры и фауны можно высмотреть только в высокогорных трещинах.

В Фуншале мы высадились уже в сумерках и всего лишь на три часа. Старинный форт был освещен; в ночи электрическими буквами сияло слово «Казино». От могучих скал, защищающих гавань, нам как на затемненной сцене удалось увидеть только тени. Группы и ленты огней тянулись на гору. Освещена была и готическая церковь в центре — низкая, простой, но полновесной формы. Бледно-желтый фасад, двери и окна обрамлены темно-коричневым тесаным камнем. Вероятно, главная церковь; я предполагаю, что здесь

находится резиденция епископа или даже архиепископа.

Как уже тридцать лет назад на Азорских островах и на Канарах, мне, несмотря на поздний час, бросилась в глаза чистота, почти превосходящая голландскую, — из моря рожденная свежесть; яркое солнце и раздольно дующие ветра не терпят пыли, идиллии средиземноморского рода. Этому, должно быть, способствовало то, что поселенцы добирались из дальнего далека и привыкли к порядку, царящему на кораблях. То же, что Волластон наблюдал в фауне, можно сказать и об этих островных городах: они, несомненно, имеют общий габитус. Во времена, когда прибытие парусника было еще событием, задолго до Нельсона, эти города в тишине Атлантики, должно быть, грезилась, как жемчужина в раковине.

Но, возможно, и это — лишь греза. Уже в минувшем столетии Мадейра стала у англичан одной из излюбленных целей отпуска, большим санаторием для страдающих туберкулезом. Сейчас через нее протекает непрерывный поток туристов. На оживленных и ярко освещенных улицах мы слышали больше немецкую и английскую речь, чем португальскую. На углах стояли местные группы зазывал и загонщиков, а возможно, и сутенеров. Мимолетного соприкосновения с ними (или, скорее, это они касались тебя) было достаточно, чтобы понять, что номос изношен до последнего волокна. Лоцманы[417], которые превращаются в пиранию, когда пробил час. Просыпаешься на низшей ступени; иностранец — лишь объект эксплуатации.

Особенно великолепна была раскаленная река, пересекающая местность. Когда мы переходили ее по мосту, я сначала подумал было о вулканическом обмане зрения, но потом разглядел, что русло реки с высоких берегов перекрыто решеткой, на которой лежит толстый ковер бугенвиллий[418]. * * *

В следующий полдень на горизонте появились Канарские острова. До этого мы встретили возвращающийся домой из Африки войсковой транспорт «Ипрего». Ровно тридцать лет назад я перемещался между Лас-Пальмасом и Тенерифе, на сей раз между Тенерифе и Гран-Канария. В нескольких местах матовый цвет Атлантики приобрел светло-фиолетовый оттенок, напомнивший Эгейское море.

Пико-де-Тейде[419] сначала появился асимметрично, но потом, когда боковой кратер закрылся его силуэтом, в форме чистого конуса. И на сей раз, как в 1936 году, его опять делила лента облаков. Несмотря на то, что удалялись мы быстро, он возвышался на фоне неба до самого наступления ночи. Тейде выглядит тем более мощно, что поднимается непосредственно из моря; вид его, должно быть, производил на первых мореплавателей впечатление сновидения. Он относится к чудесам света, и я вновь пожалел о недостаточности своих географических знаний. Я даже не знаю, видел ли кто когда-нибудь вулкан действующим. Во всяком случае, моим первым чтением по возвращении должно стать классическое описание Гумбольдта. * * *

Через два дня первая летучая рыба. От возбуждения, которое охватило меня при самой ранней моей встрече с этим фантазмагорическим существом, ни следа. Но я надеюсь, что это — следствие доверительной близости, а не притупления чувств. Тогда это было посвящение. Конечно, в шестнадцать я думал, что путешествовать нужно до двадцати лет, иначе пропадет волшебство. А сегодня мне скорее кажется, что наслаждение усиливается с опытом. Это старые спорные вопросы. * * *

Совершенно новым оказался для меня остров Сан-Томе, разрезаемый экватором. Ночью мы встали перед ним на рейде; утром я увидел тропическое побережье с портовой крепостью; перед ней двойной островок, по форме напоминающий груди, торчащие из зеркала моря. На заднем плане современные казармы, потом леса и, совсем слева, поднимающиеся из их парящей зелени, острые конусы, похожие на сахарные головы или бычьи рога. Фрегаты

[420] с вилкообразными хвостами кружили вокруг корабля.

Мы смогли сойти на берег только на несколько дополуденных часов. Свидание с тропиками носит архаические черты, не во всемирно-историческом, а в историко-геологическом смысле: оно наполовину печально, наполовину проникнуто грезой, как будто так когда-то выглядела родина. Там, где климат для дерева какао благоприятен, чувствуется великое вегетативное удовольствие. Лист банана, могучий и все же почти еще желтый, вырос, должно быть, за ночь. *Musa paradisiaca*[421]. Гибискус, крупнее, чем я когда-нибудь видел; красные листья сложились в чаши. То же относится к королевской пальме, бамбуку, индийской канне. Вверх по склонам в бродящей земле очень плотным строем тянутся бананы. Перед виллами оба их родственника: стрелиция, пестрая, как голова попугая, и дерево путешественников с его гигантским веером. Произнося здесь «Да будет!», Иегова, видимо, пребывал в прекрасном настроении.

В палисадниках в глаза бросается высокая лилиецветная парадизея, которой, видимо, отдают предпочтение из-за ее пьянящего аромата; далее — богатство цветов мальвы[422], климат, похоже, особенно благоприятен для всего семейства. Впрочем, мне лишь недавно в саду Вильфлингена открылось, хотя я часто наблюдал их обоих, что гибискус должен относиться к мальвам, — уже из-за странного образования пола: мужские органы прикрепляются к женскому в виде наростов.

«Велика Диана эфесская!»[423] Мне это пришло в голову, не только при виде могучих цветков гибискуса с их рафинированным устройством для перекрестного опыления, но и деревьев папайи, вокруг ствола которых, подобно желтым воланам груди, свисали тяжелые плоды.

На одно мгновение, точно воздушный змей на нитке, над канной завис желтый мотылек. Мысль: если бы я сейчас фотографировал, снимок напомнил бы мне о мгновении; смыкая веки, я вбираю его содержание. * * *

На площадях памятники, посвященные первооткрывателям острова. Мы вошли в две церкви. Стены, той, что побольше, до высоты человеческого роста были украшены не очень старыми, но со вкусом сделанными *azulejos*[424]. Остановки, крещение в Иордане, головы ангелов, обрамленные пальметтами. Перед алтарем черный как смола святой с белым младенцем Иисусом на руках. Меньшая церковь была, напротив, довольно варварской; алюминиевого цвета колоны завивались вверх к потолку.

Снаружи нас встретил туземный служака, одетый в белое, с пробковым шлемом, золотыми зубами и дождевым зонтом. Он поинтересовался нашей национальностью и, услышав, что мы *alemanhos*[425], залился нескончаемым смехом, продолжавшимся до самой церкви. Мне кажется, он увидел в нас первых представителей вида, о котором слышал сумасшедшие вещи. * * *

На крытом рынке кроме нас не было видно ни единого белого. Гул голосов сливался в высоту, как будто щебетал легион ласточек. На полу были разложены фрукты стоящих на коленях торговков: папайя, авокадо, бананы, кокосовые орехи и едва ли меньшие по размеру грейпфруты, а также сахарный тростник. Дьявольски острая паприка, не крупнее кукурузного зернышка, должно быть, относилась к товарам повседневного спроса; повсюду кучками лежали маленькие зеленые стручки, между которыми то там, то здесь ярко вспыхивал один красный.

Снаружи у выхода покупателя ждали две гигантские черепахи; они лежали на спине в горячем песке. То, что они еще живы, можно было распознать только по тому, что они без конца медленно поднимали и опускали хвосты; метроном в Саду пыток[426].

Женщины носили тяжести, а также мелкие предметы на голове. Мужчины, сдаётся, ни одной не пропускали, почти каждая вторая проходила мимо беременная. Либо здесь была высокая

смертность, либо траур длился долго; я заключил это из того, что преобладали иссиня-черные платья. Из-за того, что его оттеняет темная кожа, оно начинает мерцать, словно бы оживая.

Потом мы поднялись в деревню, к группе наполовину скрытых в банановых зарослях хижин, напоминавших ящики для сигар. Перед одной сидела полуголая черная женщина с близняшками на груди. *Musa paradisiaca*.

Откуда во время таких хождений может возникать чувство предела, охватывающее нас, когда все начинает «соответствовать»? «Дальше тебе не надо идти».

ЛУАНДА, 23 ОКТЯБРЯ 1966 ГОДА

Утром мы причалили в гавани Луанды. Франци Штауффенберг[427] встретил нас. Мы поехали с ним в гостиницу и сразу после этого на ильях[428], длинную и узкую косу, о которую разбивается атлантический прибой. Португальцы в двух местах связали ее дамбами с сушей — у центра города и напротив старого форта Сан-Мигуэль. Таким образом, она доступна для транспорта и особенно популярна у горожан из-за расположенных вдоль морского берега ресторанчиков. Рыба, устрицы и крабы здесь попадают в заведения свежими, прямо из моря. Прежде Илья была заселена только иноплеменными рыбаками, которые и теперь еще обособленно живут в своих хижинах. От них, забрасывающих невод (*axiluanda*), и получил город свое название.

Там мы сидели за оживленным столом в более или менее пестрой компании, с ног до головы одетой по-европейски. Перед глазами пляжная жизнь. Большинство прибыло на машинах; на косе мы увидели также обломки нескольких кораблей. Настроение было веселое; солнце почти вертикально стояло над пейзажем из красных и желтых красок: желтизна песка и камышовых крыш, краснота множества перечных креветок, крабов, раков и лангустов на столах предающихся чревоугодию людей, запивающих лакомства *vinho verde*[429]. Потом мы купались и загорали под фортом. * * *

Вечером у Терфлотов, немецкого консула и его супруги, в *Alameda do Principe Real*. Я очень устал и лишь через силу мог следить за беседой; в итоге больше запомнилось настроение, чем содержание. Речь шла о восстании 1961 года, во время которого первоначально было убито — или, скорее, истреблено (это слово в данных обстоятельствах более уместно) — большое число белых поселенцев с их цветными сторонниками, и затем приблизительно в три раза больше туземцев.

Захваченный эмигрировавшим морским офицером корабль назывался «Санта Мария»; такие действия рассматриваются как сигналы, можно сказать даже: как маяк. Они отдаются эхом по всему миру; утром известие об этом облетает газеты, после чего вечером о том же рассказывается и показывается с телевизионных экранов. Данный факт, при условии, что эти действия гармонируют с всемирным течением, срабатывает в пользу пропаганды преступников. Раньше о них узнавали только спустя месяцы или годы, после того как они давно уже были повешены где-то за тридевять земель.

Реформы. Многие считаются излишними и даже вредными; их лишь намечают, «дабы англичане что-то увидели». Деталь: один американский миссионер, желая просветить негров, таскал с собой среди прочего большой глобус. На нем он показывал им огромную Анголу и крошечную Португалию. Это рассердило португальцев; они прогнали его и заставили пешком добираться до побережья, со своим глобусом на голове.

Противоположности нельзя без остатка разделить на белое и черное. Они регулируются мировым общественным мнением, негры тоже не образуют единства, но расколоты на племена и на партии. Португальцы классифицируют их по уровню образования, по «аккультурации». От «колониализма», собственно говоря, остались лишь тени; реформы омрачаются воспоминаниями о временах рабства. Крупным рынком был Дондо; еще совсем недавно у стены можно было увидеть цепи и ошейники.

Сегодня нужно править прогрессом, если не можешь опереться на сильное крестьянское сословие. А с точки зрения прогресса искоренение крестьян еще важнее, чем искоренение двух других древнейших сословий: дворянства и духовенства. Крестьянин трансформируется для работы сначала материально, главным образом через технику, потом — идейно.

Португальцы и испанцы добились всемирного могущества благодаря скудости земель у крестьян, которые сами шли или вынуждены были наниматься в армию и на флот. Они побеждали под предводительством рыцарей, часто обладавших сомнительной репутацией; монахи и представители белого духовенства следовали за ними как управляющие. Они сформировали огромные империи в Африке, Южной Америке и Азии. При этом они вынуждены были иметь дело не столько с туземцами, сколько с протестантскими державами, с Англией и Голландией. Королевства Ангола и Конго подчинялись одному португальскому гросс-капитану; они ориентировались больше на Бразилию, нежели на метрополию.

Реформы, последовавшие после посещения Салазара[430] в 1938 году, обширны: трассы, железные дороги, аэродромы, больницы, школы в крайне редко заселенной стране. Мощный разбег; спрашивается, доведет ли его диктатор до цели. Когда езда достигла определенной скорости, столь же опасно отпустить педаль тормоза, как и нажимать на нее. Либо человек меняет транспортное средство, либо транспортное средство человека.

Я отмечаю это как нейтральный наблюдатель, которому все перспективы одинаково противны. Черная Африка, темный континент моего детства, так или иначе потеряна; даже анархия не сможет восстановить ее. Я спускался вниз по Конго со Стэнли[431], но сошел, когда он основал конголезское государство. Я предпочел бы видеть на его берегах бегемотов и крокодилов, даже каннибалов, а не электростанции. * * *

В гостинице я еще полистал брошюру: «Angola os dias do desespero»[432] Орасию Кайю, сообщение о восстании 1961 года с иллюстрациями разрушенных ферм и ужасно обезображенных трупов.

О таких документах можно было бы сказать много, среди прочего и то, что они сдерживают благотворную силу разложения. Момент замораживается, и с ним консервируется ненависть. Кроме того, они ведут к *desespero*[433] не только из-за тех или иных злодеяний, но и возбуждают ненависть к человеку вообще. В таких обстоятельствах становится особенно ясно, что фотография смягчает, овеществляя это; это «ослабевает». Не удержать момент и приковать его ко времени, а преодолеть, сублимировать, вот что остается за художественным произведением; ему удастся это даже с такими мотивами, как сдирание кожи с Марсия или муки Лаокоона.

КИЛУМБО, 24 ОКТЯБРЬ 1966 ГОДА

После завтрака мы отправились в Калуло, столицу Либоло — плоскогорья, где, преимущественно немецкими плантаторами, выращивается кофе. Дорога была хорошей. Железистый краснозем в сезон дождей размокает; потом он разглаживается машинами и посыпается солью. Так он высыхает и превращается в твердый, как камень, тракт.

Близ побережья равнину покрывают отдельные группы деревьев обезьяньего хлеба[434]. Крона на их мощных брюхах производит впечатление привитого чуба. Баобабу, должно быть, более тысячи лет; стволы, на коре которых португальские матросы в XV веке нацарапали свои имена, уже в ту пору, видимо, были огромными. Между ними высокие молочаи, акации, отдельные хлопковые поля — эта растительность исчезла, когда мы поднялись выше. Зато остальная флора стала зеленой и пышной.

Возле моста, ведущего через Лукалу, краткий привал. Внизу у реки несколько хижин, на берегу небесно-голубая ящерица, агама невообразимого великолепия. Я попросил негритянского паренька, стоявшего около автомобиля, поймать ее, чтобы рассмотреть поближе, — он ответил feo или fea, — словом, означающим «священный» или «неприкосновенный», как я узнал от Франци.

Мы устроили пикник посреди богатого тропического ландшафта под Массаньяну, старой столицы португальцев во время борьбы с голландцами, в которой стояла на кону монополия в работоторговле. После победы они построили там церковь Nossa Senhora da Victoria[435].

В заброшенном форте в палящий зной; мы вспугнули с каменных стен диких голубей и летучих мышей. Когда в таких местах я разглядываю надписи как эта:

Sepultado

Paulo Dias de Novais[436]

1589,

то испытываю чуждое, жуткое любопытство, как будто был задан вопрос, и камень должен был на него ответить. Так было в голландских и испанских фортах на Тайване и Филиппинах; захватчики и защитники давным-давно умерли, и позабыто, за что они сражались и убивали друг друга. Вал и стена окружают их тайну, как тайну Медного города. Так же обстоит с формами в палеонтологии. Хищник оставил след ног. Паулу Диашем де Новаишем звали генерал-капитана Африканских королевств; но мог ли он лежать в такой простой могиле? Наверно, это был его родственник. Неважно; поездку вообще оведало то сказочное настроение, когда имена и даты сливаются или меняется смысл. * * *

«Совсем по-другому этот знак воздействует на меня». Так перед электростанцией Камбамбе, на выходе средней Куанзы на равнину. Она образует часть мощного проекта по электроснабжению Анголы.

Сердце станции, группа генераторов, в которые из речного ложа бьет вода турбин, спрятано в глубокой вырубке гранитной породы.

При этом мне не столько понравились технические детали, которые объяснил нам португальский инженер, сколько мысль, занимавшая меня во время моей работы о песочных часах[437], а именно — возвращение круглых строений и циклических устройств по образцу мельниц и солнечных часов. Кварцевые часы — это элементарные часы на более высоком уровне. В турбинах и циклотронах начинают крутиться мельницы некоего времени, для которого энергия важнее хлеба. Здесь, на Куанзе, это происходит рядом и ниже круглых хижин. Скачок игнорирует тысячелетие прогрессии.

Круглый дом или хижина является примитивной формой жилища; поэтому португальцы в ходе и с целью «аккультурации» придают большое значение прямоугольным и, по возможности, многоэтажным конструкциям. И там, где им удалось это внедрить, круглая постройка сохранилась как реликт, в котором вырисовываются тотем и табу. Так, у некоторых племен жилище в круглом доме полагается только вождю. У других оно служит домом мертвых или для ритуальных и магических церемоний. Такое еще встречается даже в

развитой цивилизации.

Калуло. Краткое посещение префекта, отчасти из вежливости, отчасти для уведомления. Затем поездка в Килумбо по ухабистым дорогам, местами обрамленным слоновой травой [438]. Начался сильный дождь; мы надеялись, что кое-что перепадет и фермам. Дождь в этом горном крае — основная тема разговоров. Кофейные плантаторы особенно боятся преждевременного цветения, например, из-за ночной росы, которая выпадает после продолжительного сухого периода. Это хуже, чем у нас дома мороз.

Протянулась радуга. Запоздно мы прибыли в Килумбо.

КИЛУМБО, 25 ОКТЯБРЯ 1966 ГОДА

Завтрак на террасе скромного жилого дома. Он был построен предшественником Франци, одним австрийцем. Ночью мы спали под москитными сетками; мы уже не одну неделю исправно принимаем таблетки от малярии.

Хозяин еще на рассвете уехал с рабочими на большое корчевание, где должны будут сажаться новые растения. Повар, Африкану, колдует над завтраком, который подают и убирают Мануэль и Фаустину. Большая охотничья собака, Миссис, и такса, Молши, лежат под столом.

К террасе ведет аллея оливковых пальм. К их метелкам, кажется, привязаны серые воздушные шары: это ткачи[439], которые гомонят, как воробьи, развесив там свои гнезда. Их не жалуют, потому что они обламывают листья и плоды. На ветках сидят и другие птицы, например, зяблик с бирюзово-зеленой и голубь с синеватой грудкой. Вдалеке куст, очень напоминающий барбарис, он и усыпан аналогичными, огненно-красными плодами. Это стручки паприки, пири-пири, кулинарная пряность. Курам, похоже, она по вкусу; они уже объели нижнюю половину куста и стараются раздобыть больше, запрыгивая на него.

В нескольких шагах от нас плавательный бассейн. Кирпичный край, окаймляющий его, уже сейчас очень горяч. В душе вода, как мы только что отметили, тоже сильно нагрелась. От стены его затеняет занавес цветов страсти[440]. Их цветки, переливающиеся радужными красками, облетает медсосос[441]. Эта пассифлора относится к видам, которые приносят съедобные плоды; они лежат перед нами на столе рядом с папайей и древесными томатами. Они называются португальцами по их родине: grenadilhas.

За плантацией возвышается гранитный конус, увенчанный каменным кругом. Должно быть, там погребен вождь. Названия и даты, даже названия племен, быстро стираются здесь, и от большинства умерших не остается никакого следа. * * *

Во время таких остановок есть, как правило, два варианта действий, особенно если, как мы, собираешь растения старым способом. Один занимает приблизительно полдня между завтраком и обедом, второй два или три часа ведет вокруг дома. Этот более короткий мы, вероятно, уже сегодня в первой половине дня и проделали, поднявшись к окруженному стеной пруду, в котором накапливается вода для дома, сада и плавательного бассейна.

Сперва мы пересекли двор, который образуют несколько хозяйственных построек и к которому примыкают забетонированные площадки. Они служат для сортировки кофейных зерен, которой занимаются женщины; для этой культуры вообще требуется много ручного труда, пока очищенный от шелухи плод не попадает в мешки.

Далее следует огород. Между такими тропическими фруктами, как бананы, ананас и папайя, растут хорошо знакомые овощи и растения для приправы, например, капуста, купырь и, в качестве эксперимента, даже земляника.

Веселит вид ананаса — он, как эмбрион, свисает из колючей розетки. У карликового растения это выглядит потешно. Правда, нужно знать норму. Если бы ананас никогда не был больше сосновой шишки, весь комизм пропал бы. Огромные размеры, напротив, вызывают, скорее, неприятное удивление, даже замешательство; нам сразу же представился пример этому, а именно — благодаря встрече с красно-бурой многоножкой непомерной длины, которая, как сонмище личинок[442], пересекала тропинку. Движение изящных ножек волнообразно; при этом мне вспомнился один рассказ Густава Майринка, который я читал еще школьником и с тех пор ни разу не перечитывал: многоножку парализовал вопрос, как, собственно, она это делает — я полагаю, что какой-то злыдень выдумал этот трюк, который теперь грозит всем нам. Гениальная басня намекает на основной мотив импотенции вообще. Ведь движение «идет волной» — оно следует не выраженной в числах программе, а некой музыкальной композиции. Когда задумываешься над нею, сбиваешься с такта. Боги отступают, вперед выходят цифры. Есть свои причины, почему шедевр больше не удастся.

За огородом начинается плантация со старыми кофейными деревьями. Они уже покрылись почками, сверху их прикрывает перестойное дерево, у подножия буйно разросся цветочный ковер — картинка-головоломка для ботаника. В этом разнообразии видов и красок меня с первого взгляда привлек цветок, который я до сих пор видел только в витринах роскошных магазинов: глориоза[443], которую называют там *Rothschildia*[444], лилия, у которой в конце листа развился усик. Листья нитевидными кончиками обвиваются вокруг других растений и по ним карабкаются вверх. Цветы сначала желтые, потом они становятся темно-красными. Так мы сразу собрали свой первый букет.

Там где дорога выходит из тенистого леса, она при сиянии солнца приобретает огненно-красный цвет латерита. Она ведет через светлый, отчасти вырубленный с обеих сторон кустарник и таким образом образует идеальный участок для субтильной охоты. То, что мы будем часто сюда возвращаться, мы поняли сразу, как только увидели рои вспугнутых нами скакунов[445]. Сегодня мы только проводили разведку и не захватили сачок.

Мы даже придумали этой тропе название: Дорога мартышек[446]. Из зарослей кустарника нас сопровождал лай этих довольно крупных желтых обезьян, которых Франци Штауффенберг, как он рассказывал нам еще в Вильфлингене, отгоняет от фермы — не столько из-за того, что они наглыми грабителями проникают в сад, сколько из-за того вреда, какой они причиняют плантации. С теневых деревьев они прыгают на кофейные и при контакте с ними ломают ветки. * * *

Площадь кофейных плантаций занимает от многих тысяч до пятидесяти гектаров, не считая похожих на живые изгороди или грядки насаждений, какие негры разбивают у своих хижин для домашних нужд. Я предполагаю, что португалец, которого мы в полдень навестили как ближайшего соседа, придерживается нижней границы. Мы ехали вдоль нового корчевания по одному из обширных лесов, которые в качестве резервной земли составляют большую часть плантаций.

Дом соседа, скорее большая прямоугольная хижина, не сильно отличался от хижин туземцев. Он стоял на палящем солнце; сам владелец, как сказала его смуглая супруга, отсутствовал. Мы вместе с водителем нашего грузовика уселись перед домом за стол, вокруг которого играли дети. Здесь же находился какой-то мулат, родственник хозяйки дома. Было предложено *vinho verde* из оплетенной бутылки и отличные бананы; они свисали с куста прямо рядом с дверью, срубленного *ad hoc*[447] ради такой цели. Было удивительно, как легко широкий нож рассек ствол, или лучше сказать, стебель. Эти мачете острые и тяжелые; я вспомнил картинки из репортажа, который я изучал в Луанде. Хозяин недавно отсидел три

года в тюрьме. Если я правильно понял, он рассердился, когда негр стал играть его зажигалкой, и отвесил ему смачного пенделя. Но даже если врезал он сильно, три года за удар ногой показались мне перебором; вероятно, португальцы сейчас перебарщивают в обратную сторону... совершенно *comme chez nous*[448].

Раса и цвет кожи никогда не играли здесь особой роли. На улицах можно видеть белых рабочих под руководством черных прорабов. Эта *d?sinvolture* дает португальцам гораздо лучшие шансы выйти из колониального состояния, чем в свое время бельгийцам в Конго. Ангола, как в XV веке, могла бы стать подобием Бразилии, только на одухотворенный лад.

КИЛУМБО, 26 ОКТЯБРЯ 1966 ГОДА

На покой мы отправились запоздно; негры устроили нам приветственный концерт. Длинные барабаны различной величины были единственными инструментами, какими они сопровождали свое монотонное пение. В перерывах они настраивали их на открытом огне, разведенном для этого перед террасой. В заключение бригадир по-португальски поблагодарил босса за предоставленную работу и заработок. «Сеньор Штауфф», у которого, как здесь почти у каждого белого, тоже была кличка, заметил, что нам не следует принимать происходящее слишком серьезно. «Они не упускают ни одного удобного случая поприрадовать».

Африкану подал нам курицу с пири-пири и маниоком, превосходное кушанье, в котором, правда, некоторые находят приправу слишком жгучей, а кашу, подобно сырым картофельным клецкам прилипающую к зубам, слишком вязкой. Мы были в восторге, поскольку в тропиках желание острых пряностей возрастает.

Первые визиты к немецким соседям; ближайший живет на расстоянии добрых двух часов пути. Плоскогорье Либото просторно заселено земляками, которые после Первой мировой войны были изгнаны из Восточной и Юго-Западной Африки и переселились в Анголу. Они начинали с малого или вообще с нуля, но принесли с собой опыт разведения сизаля и кофе и, что еще важнее, прирожденный талант к организации. После начальных лет и неудач, например, с табаком и хлопком, они создали себе сильный фундамент. Это было с удовольствием отмечено португальцами. Профессия предполагает не только способность к обработке больших площадей. В ней надо было уметь быть в чем-то шефом, торговцем и политиком. Поэтому совсем не случайно, что здесь встречается тип «остэльбского помещика», как его красочно описывал в своих романах Фонтане[449]. Передо мной эта картина встает как «*recherche du temps perdu*»[450] — всплывают воспоминания о годах детства. У нас в доме, впрочем, читалась «Берлинская ежедневная газета», в которой об остэльбских землевладельцах отзывались нелестно, не считая либеральных второстепенных лиц из их числа.

Сначала у четы Кросигк на Китиле, ферме значительных размеров. Они сажают там кофе робуста, грубого, но «хорошего в чашке», то есть, в сочетании с такими более тонкими бразильскими или северо-ангольскими сортами, как «арабика». Кроме того, с недавних пор ими для немецких фирм возделывается лекарственное растение, даже название которого остается тайной. Настоящую прибыль приносят скрытые валютные операции.

Мы въехали в затененный деревьями манго двор. Перед домом разгружались грузовики; они загораживали портал с колоннами. Нас поприветствовали и усадили за угощение в кругу большой семьи, которая, если мне память не изменяет, состояла из сына, дочерей, зятя и внуков, собравшихся вокруг сеньора, Фольрата фон Кросигка. Он председательствовал, в то время как невестка ухаживала за гостями за столом, любезно и вежливо. Прямая посадка,

приятные черты со смягченной годами решительностью и большой человечностью. Он, между прочим, является пастором небольшой немецкой общины, которая каждое второе воскресенье собирается у него. В Квитиле есть также школа; окрестным детям преподает учитель, пока их не отправляют в немецкую школу в Бенгуэлу. Кросигк находит хорошие формулировки. Так, он заговорил о своем «настроении Энея», то есть оглядывался на империю, как на разрушенную Троию. Он командовал торпедным катером в битве у Скагеррака [451]. Его сын тоже служил на флоте во время Второй мировой войны. На стенах изображения восточных помещичьих усадеб, которых больше не существует. Портреты предков, в том числе из Шверина.

В огороде. Удивительный порядок и чистота. Среди овощей выращенные из европейских семян салат, кольраби, вьющаяся фасоль, тыквы. Они становятся огромными, но, как сказала хозяйка дома, дают пищу без витаминов. На помощь здесь приходит пири-пири. Грядки из-за антилоп приходится защищать высокой оградой.

На кладбище, маленьком, одиноком раскорчеванном участке, отвоеванном у девственных джунглей. Там обрели место своего последнего упокоения немцы Китилы и соседних fazendas [452]. Я прочитал на камне такие известные фамилии, как фон Рихтхофен. Первая покойница, освятившая этот погост, звалась «Привратница ада»; ее могила расположена сразу у входа.

Другая знаменитая фамилия — Ганзейского бургомистра и основателя Бремерхафена Смидта ван Дунге, который отличился на Венском конгрессе и в первом Германском бундестаге. Проезжая мимо, мы посетили ферму его правнука и выпили чашечку кофе у него, одного из последних больших охотников, которые, по понятным причинам, вымирают. Он вернулся с охоты на тяге, в которой уложил крупного кабана, — как он выразился: «в сердце фермы».

Мы сидели в зале, стены которого были увешаны трофеями, особенно головами буйволов. У одного из черепов не хватало правого рога; зверь был повержен в момент нападения и потом, к счастью для стрелка, перевернулся.

К восхищению такой коллекцией черепов примешивается чувство подавленности, даже страха, вызванного магической субстанцией, хранящейся в рогах, и еще больше, пожалуй, личностью Нимрода[453], господствующего в ее ауре. Это не исключает уюта.

Йозеф, черный слуга, удивил нас своим беглым немецким. Это объясняется тем, что он с детства — я полагаю, как сирота — воспитывался в доме и в тесном общении с хозяином. Тот обращается с ним с грубоватым добродушием.

Они вместе пережили восстание. Во время кризиса женщины и дети были отправлены на побережье; мужчины оставались на ферме. Домашнюю прислугу из туземцев, державшую скорее сторону хозяев, шантажировали. План состоял из трех фаз и заключался в уничтожении всех белых. Он провалился уже на первом этапе, но был довольно кровавым. Детали, замысленные по ту сторону Конго, оказались слишком сложными для коренных жителей. Так, для начала, чтобы замаскировать красный яд, поварам нужно было включить в меню суп с томатами. Такие тонкости, скорее, вредят расчету.

Господин Смидт как бы между прочим спросил своего Йозефа: «Кто бы платил вам деньги, если бы нас здесь больше не было?»

Тот попался на каверзный вопрос: «Я ведь им то же самое говорил».

Наконец, к чете Руссель в Тумба Гранде, «Большая могила». Дом стоит на возвышенности; с террасы взгляд простирается далеко над бассейном, охватывая засаженные кофе площади и дикие заросли до самой горной гряды.

Здесь тоже трофеи буйволов и антилоп, слонов и носорогов. Об охоте на льва свидетельствует лишь маленькая кость, как мне думается, ключица. Обычай, должно быть, перенят у буров. Некоторое время назад на ферме повадилась орудовать львица; господину Русселю удался меткий выстрел, после того как она подмяла под себя и тяжело ранила управляющего. «В раны можно было свечу вставить».

Для негров лев по-прежнему остается царем, а возможно, и чем-то большим. Когда с него сдиралась шкура, они не опускали его в яму голым; они сбрасывались и покупали накидку, чтобы зашить льва в нее, а также мастерили обувь для его лап, лишенных когтей.

Мы сели к столу, после того как в обширном домашнем баре пропустили пару-другую рюмочек. Это первая выпивка, которую себе позволяют. Впрочем, правило, кажется, не слишком строгое — оно не включает в себя пиво. Обеденный стол был украшен африканскими поварами. Из новых блюд я познакомился с мясом лошадиной антилопы[454], в виде нежного филе. Потом оно еще раз появилось на столе, подвяленное по-граубюнденски. Эта антилопа, животное гордой стати, похожее на серну, названа так из-за гривы.

Местоположение с его видом на дикую местность великолепно — по сравнению, например, с обстановкой у Кросигков, которая выдержана, скорее, в простом стиле прусской помещичьей усадьбы. Название Тумба Гранде указывает на святилище.

Разговоры сначала, естественно, о дожде, потом об охоте. Хозяин дома был, похоже, доволен и тем, и другим; я услышал между прочим, что он в свое время ефрейтором водил грузовик на Кавказе.

Он не любит, когда негры дарят ему мясо. «Они таким образом откупаются. „Я дал тебе мясо — теперь я возьму мясо от тебя“».

Потом о каверзном вопросе Смидта ван Дунге. Тот факт, что негр может тридцать лет хранить верность и потом стать врагом, можно понять только из сущности господства. Он сохраняет верность, пока существует господство. Он начинает думать о собственной шкуре, когда господин выбит из седла. Мораль перед физикой отступает; это не похвально, но человечно.

Перекличка с Джозефом Конрадом: «В двадцатые годы в страну прибыли разогнанные дворяне. Каждого десятого скосило пьянство и желтая лихорадка. Но несколько чудачков выжило». * * *

Запоздно обратно в Килумбо. Животные еще не привыкли к фарам. Какая-то пестрая ночная птица порхала за стеклами; впереди нас по дороге, захваченные лучом, бежали кустарниковые зайцы[455]. Зеленые огоньки — внизу генетт[456], и один раз вверху, наверное, леопарда.

Ночью дождь — и хотя в нашей спальне капало, мы были довольны, поскольку здесь, на Килумбо, его очень давно не было. * * *

Первое ознакомление с тесным переплетением масштабного земледелия, охоты и аристократии оказалось поучительным: жизнь в замках бегства. За конкистадорами последовали колонизаторы, и с ними же это заканчивается; даже Конго и Амазонка истощаются. На полюсах — астрономические обсерватории. Чтобы утолить себя, жажда пространства вынуждена искать новые цели.

Не забывать собственной позиции на краях исчезающего мира богов и муз, дикой местности и войны, старых деревьев и «туч дичи» — мира, который рабочий посредством техники лишает своего смысла. И опять же согласие на метаисторически неизбежное — изменение и в

надеждах тоже.

По поводу выбеливания[457]: спор о том, просвечивают ли старые образы или площадь покрывают новые, ведет мимо суверенности атомов.

КИЛУМБО, 27 ОКТЯБРЯ 1966 ГОДА

Мы прошли по Тропе мартышек и присмотрели себе добычу. Скакунов, четыре вида, я определил с первого взгляда. Подробности в энтомологическом журнале, который служит мне также гербарием и быстро заполняется. На запрудной стене агамы колонистов[458]; самцы гоняли самок — время от времени они застывали на солнце и покачивали огненно-красными головами. Я нашел подтверждение сведениям авторов: животное не робко, но и не очень доверчиво. Во всяком случае, оно позволяет хорошо себя рассмотреть.

После полудня проливной дождь, что обрадовало Франци Штауффенберга, который вскоре после этого с одним другом уехал на юг; они собирались привезти оттуда жен черных рабочих. Мы остались одни с неграми, а было их хорошо за сотню.

КИЛУМБО, 28 ОКТЯБРЯ 1966 ГОДА

Сегодня с сачками на Дороге мартышек. Молодой негр, Аугушту Фелипе, сопровождал нас в качестве помощника в ловле. Он взялся за дело с раннего утра и принес мне хамелеона, очаровательного зверька с кожей из тончайшего и черного, как смоль, сафьяна. По нему была рассыпана щепотка бирюзовой пыли. Я взял его и тайком опять отпустил на свободу, чтобы негры его не убили. Они считают его ядовитым и изумляются, когда я беру его в руки.

Франци и Манфред фон Керпер возвратились поздно. Мы еще долго сидели за vinho verde на террасе, под оглушительный концерт лягушек из плавательного бассейна.

КИЛУМБО, 29 ОКТЯБРЯ 1966 ГОДА

Франци и Манфред поехали в Луанду; они, похоже, привлекли к себе внимание транспортной женщиной. Такие перевозки требуют разрешения.

Началось цветение кофе. Цветки покрывают веточки белыми брыжами; их пьянящий аромат привлекает рой дневных и ночных мотыльков.

Общительная жизнь заразительна. Вечером мы были на празднике урожая на огромной ферме Кронхаймера. У него и в Южной Африке есть владение. Он уже в Германии был крупным хозяином и вовремя эмигрировал. Супружеская чета принимала нас, стоя за стойкой домашнего бара; присутствовал также сын, врач в охваченной проказой деревне. Подъехали и наши новые знакомые, которых мы навещали на их плантациях.

Снаружи празднично собрались негры; они до утра без усталости танцевали батуку при свете костра, на котором настраивались барабаны. Это было ритмичное проталкивание к центру и

затем снова обратно. При этом я вспомнил ночной танец японцев в Никко — здесь было больше смутности, а также животного страха.

Издали это часто звучит лучше; я ходил между безлюдными зданиями, террасы которых были ярко освещены, и слушал бесконечное ба-на-нб, бананб. Гекко[459] прилип под одним из карнизов, заведя глаза вверх, так ящерица часто изображается в негритянской пластике. Он пристально смотрел на ночного мотылька, сидящего над ним на стене. Добыча была гораздо крупнее обычной, скажем, как для отдельного охотника мамонт или слон. Мечта о счастье, но в этом было и уважение. Кроме того это ба-на-нб. Африка in nuse[460] — большая добыча, темно-горячая мечта. Велико то, что нельзя подчинить, нельзя съесть.

Эти танцы больше не кажутся такими странными, с тех пор как они нашли отголосок в Европе. При этом следует проводить различие между оргиастичным как возможным повсюду порывом и изначальным единством тела и движения в танце. Различия в стиле и настроении, как Гогена и Тулуз-Лотрека.

Запоздно обратно. Мы видели, как в свете фар вспыхивали глаза хищников. * * *

Новые слова, записанные на слух. Курица с пальмовым маслом и маниоком называется Muamba, а остро зажаренная с пири-пири — Churasco.

Machina bomba называется у негров автобус. Mata bijo — это чаевые: «Убей зверя». Говорится также за завтраком.

Контрактные рабочие прибывают с юга, они Bailundo и рассматриваются повстанцами как враги. Восстание, должно быть, отчасти финансировалось американскими феминистическими организациями.

КИЛУМБО, 30 ОКТЯБРЯ 1966 ГОДА

После короткого отдыха мы по приглашению четы Кронхаймер отправились на прогулку, для которой во времена Стэнли, пожалуй, едва ли хватило б недели. Целью был водопад Куанзы, третьей по величине реки Анголы. На длинных отрезках, которые вели по плантациям, дорога была хорошей, но затем она стала трудной и кончилась как ridade[461], которую, собственно, можно было преодолеть только на вездеходе. Однако наш «Фольксваген» держался молодцом, хотя несколько раз ему и приходилось тащиться по водотоку или преодолевать дерево, упавшее поперек тропы. Мы проехали мимо деревни, из которой увидели только круглые хижины для запасов; нас приветствовал седобородый вождь. Наконец, мы достигли потока, чье летнее русло из белого наносного песка терялось между скалами.

Искупались, из-за крокодилов, в неглубоком боковом рукаве. В дырах водоворотов гнезда из обточенных агатов, на песке следы буйволов, приходивших сюда на водопой, также свежий помет и не испарившийся еще дух.

Водопад, несмотря на сезон засухи, был мощным; в непосредственной близости от котловины мы нашли накрытый стол из стволов бамбука. Рис карри, свежие булочки, добротные местные и заграничные вещи, охлажденные напитки, горячий кофе. Ленты брызг ветром относило от водопада, и они налетом покрывали кусты; с них капала вода. Между ними росла разновидность лука, эмилия ярко-красная[462], да так густо, что образовывала ковер.

Богатый день; возвратились мы поздно.

КИЛУМБО, 31 ОКТЯБРЯ 1966 ГОДА

С веранды я наблюдал за пальмолазами. Они вскарабкиваются на дерево с помощью пояса, который вырезают из жил пальмового листа и завязывают узлом. Пеньки срезанных метелок образуют лесенку, но и на гладких стволах босые ноги держатся цепко. Наверху вначале обрубается ребро листьев под плодовой связкой, а потом сама связка. Показываются черно-лаковые шляпки масличных плодов, огненно-красная внутренняя половина которых скрывается в соплодии. Связки тяжело падают вниз. Пальмолазы хорошо зарабатывают; они работают сдельно.

То что для собак мы боги, я никогда так не замечал, как здесь. Напротив, черных они явно боятся. Наверно, те для них демоны. Как в Средневековье, сохраняются феодальные отношения. Собака господина может позволить себе многое. Миссис оживает, когда мы входим в комнату, поднимает на нас глаза, прижимается, повизгивая и виляя хвостом.

Мы снова отправились на Тропу, охотились там на скакунов и других насекомых, летающих над дорогой. Бродячие муравьи[463] пересекали ее черными войсковыми соединениями. Своими офицерами по флангам они напоминали «прохождение групповой колонной» минувших армейских времен.

Птицы размером с курицу, с желтыми клювами; шелковисто-черная, темно-красно-красная нижняя сторона крыльев в полете.

КИЛУМБО, 1 НОЯБРЯ 1966 ГОДА

За ночь цветки кофе полностью раскрылись, дурманящий аромат, почти как у жасмина, наполняет местность. Теперь брыжи окружают прутьи белыми мячиками; я насчитал их до пятнадцати штук. В итоге они обхватывают ветку как манжеты. Над ними и между ними сутолока пчел, ос, шмелей, жуков и часто очень красивых бабочек, а также летучих мышей и ночных птиц. Еще вчера, когда, привлеченные запахом, мы вышли из дому, мы больше слышали, чем видели это. Дорога с обеих сторон размечалась мерцанием. Она вела словно во сне.

В лесу. Одна из собак, длинношерстная Молши, сопровождала нас и рыскала по тропе. Потом от русла ручья мы услышали такие звуки, как если б речь шла о жизни и смерти. Я решил было, что на нее напали обезьяны, леопард или змея, и побежал на вой, переходящий в визг. Наконец, я нашел ее; задней ногой она угодила в железный капкан. Штирляйн позвала двух древолазов, поблизости сбивавших плоды. Оливковые пальмы разбросаны также по лесу. Они подошли с мешком; один набросил его на собаку, другой растянул западню. Кость, к счастью, не пострадала.

Приключение дало нам пищу для размышлений; предупреждение Франци осторожно ходить по дорогам, очевидно, имело под собой серьезное основание. Поскольку черные со времени восстания больше не имеют права иметь огнестрельное оружие, они преследуют дичь другим способом. Недавно здесь бесследно исчез португальский солдат, отправившийся на охоту. Вероятно, он упал в одну из волчьих ям, какие выкапывают на тропах крупного зверя и маскируют тонким слоем веток. В дно вбиты острые колья.

Вечером чета Кронхаймер со своим сыном-врачом, лечащим проказу. Сеньор Штауфф захлопотался в своем холостяцком хозяйстве, но угощение, тем не менее, было отменным. Сначала аперитивы в саду при свете карбидной лампы, преподнесшей мне вдобавок энтомологические сюрпризы. Потом в доме курица с карри и фруктовый салат в выдолбленном ананасе. Кроме того хорошее вино.

КИЛУМБО, 2 НОЯБРЯ 1966 ГОДА

Облачный день. Мы отправились на Тропу; улов невелик. Дорогу перескочила собакоголовая обезьяна; удаляясь, она вольтижировала с ветки на ветку, отстав от стаи, которая сопровождала нас громкими криками.

Ночью дорогу, должно быть, пересекает дикобраз, который каждый раз любезно оставляет на ней одну из своих черно-желтых изогнутых колючек. Они очень острые и прочные и становятся для меня необходимым на письменном столе инструментом. Всегда досадно, когда нам приходится в голову вложить еще что-нибудь в письмо, которое мы уже запечатали и наклеили марку. Тогда, чтобы без повреждения вскрыть конверт, нет ничего лучше такого пера дикобраза.

Начался проливной дождь, чему мы, из-за плантаций, обрадовались, да и ловля тогда завтра будет, пожалуй, удачнее.

Вечером на fazenda Кисука у Крёлей. Хозяин дома был в отъезде; нас потчевала супруга. На столе красная разделительная полоса: широкий кордон бугенвиллий, который оставлял по обе стороны пространство для приборов.

Пришли также Руссели; мы обменивались воспоминаниями о Кавказе, где он дослужился до старшего ефрейтора. Когда началась Вторая мировая война, некоторые были в Германии, другие добровольно отправлялись служить отсюда и достигали своей цели после тех или иных связанных с дорогой приключений.

Пока легконогие негры подавали на стол яства, начиная с антрекота из антилопьего мяса и кончая омлетом surprise[464], я мысленно перекинул мост отсюда к дням на Кавказе. Здесь, как и там, мне бросилась в глаза та легкость, с какой осваиваются тяжелые, сложные и даже опасные положения, та небрежность, с которой они проигрываются, как, скажем, в штабе окруженной армии. Это соответствует стилю времени — настроение фойе между двумя смертельно опасными выступлениями. Только отсюда понимаешь либеральность XIX века, и чтобы найти аналогичные ситуации, нужно вернуться еще в восемнадцатый. Одно из возможных определений: секуляризованные религиозные войны.

Под столом лежал пятнистый дог. Как я услышал от Русселя, собаки действительно враждебны черным; приходится следить за тем, чтобы они никого не укусили, иначе им непременно подбросят отравленный корм.

Потом последовали разговоры о восстании. Обычные, даже дружеские отношения не исключают взаимной бдительности. Негры живут довольно обособленно; поэтому едва ли есть «доверенные люди» — даже верный Иозеф Смида ван Дунге никому ни о чем не говорил. Слишком велико было давление. Между тем грядущие беспорядки проявляются отличительными приметами, например, поведением женщин и детей, которое становится более робким. Подозрительна также закупка соли в больших количествах: прежде чем уйти в кусты, нужно законсервировать мясо. Чтобы держать запасной выход открытым и предупредить блокаду, важно срубить деревья, стоящие на обочинах. Окна, особенно

спальни, должны быть с решетками. От выстрелов это не спасет, но помешает метнуть ручную гранату.

Руссель был обокраден и позвал колдуна, который установил, что вором был черный смотритель. Среди прочего он использует в своей практике жука, которого кладет на веко. Если оно начинает дрожать, преступник разоблачен. То есть своеобразный детектор лжи — может, виновник вздрогнет? Это было бы рациональным истолкованием.

Португальцы заставляют косить траву на полевых аэродромах; зато черные не тратят заработанные деньги. Недавно в Конго высадились сто пятьдесят кубинцев для обучения негров партизанской войне; запираение шкафов с оружием и виски: вот темы разговоров. Чувствуешь себя небезопасно.

КИЛУМБО, 3 НОЯБРЯ 1966 ГОДА

С Франци и группой рабочих мы поехали к месту корчевания, где негры копали глубокие ямы для кофейных растений и перестойных деревьев. Работу эту приходилось выполнять мотыгой, поскольку ржавая земля — сухая и твердая. Потери значительны, особенно из-за муравьев, колонны которых, как мы видели, в строгом порядке пересекали дорогу, блестяще-черные армии. Сеньор Штауфф дергал посаженные раньше растения; если корень был обглодан, их можно было легко вынуть.

Для меня эта суета имела и свои преимущества, поскольку сулила идеальные условия для subtilной охоты. Уже во время поездки мы видели на красноземье целые ковры бабочек. Потом мы ходили по четырехугольнику, шаг за шагом, с тем наслаждением, какое сообщается лишь посвященному. Жизненная энергия, казалось, пульсировала в кустах и деревьях до самых макушек и пылала в земле. Погода стояла душная, с облаками, сквозь которые время от времени проглядывало солнце.

Вечером в гости приехали Кросигки и Трота. Разговоры о старых восточно-эльбских резиденциях, о вступлении русских (отец Трота умер в Бухенвальде), затем об охотничьих приключениях, которые здесь, в тропиках, превращаются в целые истории.

Один фермер, я полагаю, Кляйст, придерживался принципа никогда не стрелять в стоящую дичь, поскольку был превосходным стрелком. Поэтому он, прежде чем прицелиться, хлопал в ладоши. Однажды, охотясь на красного буйвола, он все-таки только ранил его; известное своим коварством животное описало дугу и зашло к нему сзади. Он метнулся в скальную расщелину. Буйвол попытался его укусить, но из-за рогов не мог до него дотянуться. Зато Кляйст крепко вцепился ему в ноздри. Тем самым его помощник из туземцев получил время подкрасться и уложить зверя.

КИТИЛА, 5 НОЯБРЯ 1966 ГОДА

Опять к позавчерашнему большому четырехугольнику. Мы медленно обходили его, иногда отдыхая, решили также отклониться в сторону. Недавно прорубленная тропа опять стала непроходимой; ее запер кустарник, напоминавший гигантскую бузину. Под подошвами ног ощущается вегетативная сила. К полудню солнце светит почти вертикально; от тени видна только голова.

Во второй половине дня мы снова поехали на кросигкскую fazenda Китила и там переночевали. Старейший председательствовал за ужином большой семьи. После супа вошел молодой слуга и доложил, что между сторожами возникла «дискуссия». Зять, сеньор Тюббен, вышел во двор и вскоре опять возвратился. Он отвесил лишь несколько ударов, а не провел «полную акцию» — на это хозяйка дома: «Иначе мне пришлось бы перевязывать». Уговаривал он мириться добром, а именно тонкой рукояткой трости, яйцевидный набалдашник которой используется, когда возникают трудные ситуации. Интермеццо напомнило мне нашу поездку в Восточную Азию. Там тоже вызывался «первый», если в среде экипажа грозило разразиться волнение.

После этого разговор об общих знакомых, померанских усадьбах, сражении у Скагеррака. Иногда из-за мебели выглядывала дрековая кошка[465] или, как тень, проскальзывала из одного укрытия в другое. Я нашел подтверждение описанию Брема, согласно которому это животное состояло, казалось, из одних сочленений. Оно очень пугливо и позволяет брать себя только одной из внучек. Дети бледны; надолго малярии избежать невозможно. Первый супруг фрау Тюббен, господин фон Тидеманн, много лет тому назад умер здесь от анемии, потому что, как думают, он слишком много или слишком долго принимал резохин. Мы каждую среду глотаем наши пилюли и правильно делаем. Когда я вечером сидел над своими записями, вокруг лампы летали москиты. Кроме того, необходима домашняя обувь, ибо бурые многоножки, заползающие через прихожую, могут оказаться ядовитыми.

КИТИЛА, 6 НОЯБРЯ 1966 ГОДА

После того как в первой половине дня я осмотрел выращиваемые для Boehringer лекарственные растения и с сеньором Тюббеном навестил одного древнего пастуха, мы выехали к Маннхардтам на их fazenda Рио Бунго.

Иоханнес Маннхардт, 1880 года рождения, патент от 1898 года, артиллерист во время войны с гереро, был ранен в 1904 году, а в 1914 попал в плен к англичанам. Отпущенный под честное слово, он посвятил себя своей ферме. Потеряв ее, он в 1919 году вернулся в Германию, однако больше не мог там прижиться. «У меня, собственно, было намерение отправиться в Восточную Африку, но оказалось, что англичане присвоили себе не только страну как таковую, но также частные владения и, как почти все другие колониальные державы, не разрешили нам въехать». Единственным исключением оказались португальцы, и тогда, продав мебель и одолжив немного денег, Маннхардт с семьей отправился в Анголу. Он стал выращивать кофейную культуру в Либоло; первые растения он пешком отнес наверх в рюкзаке. Успех, пришедший через много лет, был по достоинству оценен и португальцами. Друзья и родственники двинулись вслед, так что с годами на плоскогорье расселился широко разветвленный клан.

Я смог передать ему приветы от брата по ордену Кирххайма. Оба были товарищами по войне с гереро и с тех пор больше не виделись. Тогда Кирххайм имел редкую, даже уникальную команду: он командовал в Калахари взводом верховых верблюдов, где разведчиками были бушмены. Pour le Merite[466] в октябре 1918 года, Рыцарский крест — уже генералу — во Второй мировой войне после Эль-Аламейна.

Время до еды и часть второй половины дня мы провели в оживленной беседе. Это было неудивительно, поскольку очевидцев, осознанно переживших начало века, и притом в необычных условиях службы, встретишь нечасто. Разумеется, вплетаются нити времени. Например, как приятная прибавка все еще начисляется пенсия. Когда я задумываюсь о том, что нынче она платится уже при четвертом режиме, через войны, революции и инфляции, то

должен признать, что бюрократия, кошмар которой никто не передал лучше Кафки, имеет и свои светлые стороны.

На столе было vinho verde и старый портвейн; генерал писал, уведомляя меня, что Маннхардт сумеет позаботиться «об алкоголе». Здесь напоминаний о нем не требовалось, хотя, стоит заметить, Кирххайм имел в виду спирт для моих препаратов. Недоразумение напомнило хозяйке дома о том, что сад страдает от «нашествия французов», и она попросила моего экспертного заключения. Я сразу почуял что-то необычное. Французы, эти жуки[467] в сине-красную полосу, являлись одним из моих любимых видов; я смог и здесь продолжить увлекательную работу с Mylabris[468]. В итоге выяснилось, что грядки с клубникой, плодоносящие круглый год, опустошали не они, а прожорливые, почти невидимые муравьи. В остальном же сад был в полном порядке; на этой высоте фрукты и овощи развиваются, как в субтропическом или даже умеренном поясе.

Цветами сада и зарослей занимается фрау Фрост, художница. Когда-то домашняя учительница детей четы Маннхардт, она, как уже многие, стала жертвой необоримого колдовства этого края и теперь скромно живет здесь своим искусством. Мы навестили ее в бунгало и застали за написанием натюрморта Rothschildia, что с красными и желтыми цветками стояла перед ней на столе. И хотя существуют превосходные фотографии этих цветов, такой акварели все же ничто не заменит.

Как почти на всех фазендах, усадьбу здесь тоже обступают со всех сторон могучие горы. Вечером мы опять наслаждались щедрым гостеприимством Кросигков и переночевали на прежней квартире.

СОКЕКО, 7 НОЯБРЯ 1966 ГОДА

С четой Трота, которая гостила у сеньора Кросигка, «дядюшки Фолрата», мы поехали в Салазар. Фамилия Трота известна со времен уже наполовину канувшей в Лету эпохи нашего господства на море. Один из них стоял на командном мостике рядом с адмиралом Шеером у Скагеррака. О другом, «Быке Трота», одной из легендарных фигур войны с гереро, я впервые услышал в Иностранном легионе от одного дезертира, который служил в германских колониальных войсках.

Нашей целью была Ботаническая станция, где сеньор Штауфф еще вчера купил растения, в частности, гревиллии[469], а также фруктовые деревья. Мы застали его с несколькими неграми за погрузкой в грузовик. Рядом с ним стоял директор предприятия, к зданию которого ведет импозантная аллея королевских пальм.

Директор, любезный, как почти все садовники и ревнители scientia amabilis[470], провел нас по своему царству. В этой области выпадает мало дождей; климатически она занимает срединное место между севером и югом Анголы. Это благоприятно в том отношении, что здесь удастся выращивать растения всех зон страны, которая одной стороной граничит с Конго, а другой — с южноафриканской степью.

Среди пальм, привлечших мое внимание, пальма-пальмира[471] или винная пальма[472], которая, скажем, в Индии образует гигантские леса. На сухой почве она заменяет кокосовую пальму, поскольку дольше выдерживает засуху и умеет лучше использовать дождь. Крона, подобно опрокинутому зонту, веером развернута вверх, так что каждая дождевая капля достигает корней. У этой пальмы нет почти ни одной части, которая как-то не используется. Она дает вино, крепкий тодди[473], а также муку, овощи, твердую, как камень, древесину для токарей, столяров, плотников при строительстве дома и на верфях; метелками ее кроют

крыши и удобряют поля, из них плетут корзины и циновки, и даже лист применяется или применялся, взамен бумаги, для «пальмира-книг». По нему царапали грифелем и написанное, натертое углем, делалось доступным для чтения.

Директор объяснил, что этим деревом кормились миллионы людей. Оно равноценно кокосовой пальме тропических побережий и архипелагов и финиковой пальме Северной Африки. Благодаря таким сведениям нам становится ясно, сколь мало мы ведаем о Земле — как если бы мы впервые открывали великую державу, о богатстве, даже о существовании которой мы бы и не догадывались, если бы какой-нибудь великий учитель вроде Александра фон Гумбольдта не открыл нам глаза.

Насаждения изобилуют причудливыми образованиями. Гигантский браунколь[474] напоминает канарское дерево[475], которое относится к ладанникам[476]. Его чрезмерно длинный ствол несет завитую крону, как шляпу со страусовым пером. Он тоже очень полезен; вообще даже этот беглый обход дал нам представление в том числе и об экономической ценности ботанических исследований.

Вероятно, в Стране великанов Гулливера изумляли стебли травы, как нас — посадки бамбука высотой в дом, мимо которых мы проходили, в то время как зеленые шесты поскрипывали на ветру. Наш путь шел за бурным ручьем, питающим два симметричных пруда. Картина для специалистов по садово-парковому ландшафту: из каждого сводом поднимался круглый остров с деревом путешественников. Белые малые цапли[477] перед ними ловили рыбу на мелководье. В таких декоративных парках нужно, как Аргус, иметь тысячу глаз.

«Мунгалла», если я правильно расслышал наименование, — так называется мотыльковый, который, как у нас дома люпин, обогащает почву азотом. Он вырастает таким высоким, что служит одновременно дарителем тени. «Душистый тромбон» источает такой дурманящий аромат, что рядом с жилищем его не сажают. Нас очаровал гибискус с крупными, золотисто-желтыми чашечками; директор подарил нам на память несколько саженцев. Горшками служат сегменты бамбука.

Потом мы завтракали на террасе маленького ресторана, в котором кроме нас за столами сидели португальские гражданские лица и солдаты. Они уже в этот час употребляли крепкие напитки, а лица и движения их выдавали людей, которым скучно. Жаркий гарнизон. К тому же Салазар продлил на год срок службы; волнение нарастает.

После застолья мы на двух машинах пустились в дорогу. Мы передохнули в Casuso — слово означает «серебряная рыба»; так называют еще разбитных парней. Оттуда мы поехали в Секвеко и оставили багаж в небольшом португальском пансионате. Хозяйка бодрая, хозяин вежливый и, очевидно, сильно страдающий от изнуряющего зноя. Fades hippocratica[478].

Нашей целью были водопады Лукалы; они названы в честь герцога де Браганса[479]. Такие названия напоминают мне прогулки по нашим городам во время Второй мировой войны: любопытно бы знать, как долго они еще будут значиться на дорожных указателях и географических картах. Место в системе Линнея, пусть связанное лишь с мотыльком или цветком, во всяком случае, надежнее.

От подножия водопада мы через влажную чащу поднялись к низвергающимся полукругом потокам. Радуга стояла в мареве брызг, далеко распылявшимся на пышную зелень. Лукалские водопады мощнее водопадов Куанзы, ландшафт которой, однако, самобытнее. Через несколько лет повсюду будут стоять фланкированные туристическими гостиницами плотины, если «белый уголь»[480] тогда будет еще чего-то стоить.

Падающая вода производит гипнотическое впечатление; хотя мы скоро промокли до нитки и вынуждены были уйти. Выше на горе расположен небольшой мотель, от которого взгляд охватывает вставленную в девственный лес котловину. Мы встретили там только сторожа,

дядю Тома, который поджаривал себе что-то на ужин. Трота и Штауфф захотели еще раз полюбоваться водопадом снизу; Штирляйн присоединилась к ним.

А я тем временем отправился пешком в обратный путь, поскольку в поездке заметил, что дорога кишит скарабеем. По ней, должно быть, прошло стадо буйволов. Ожидаемые виды принимались мною в соображение только par curiosite[481], однако один их любитель и хороший знаток, Лоденфрай из Мюнхена, попросил меня специально поискать их здесь. Во время заката я проследовал тропой, обрамленной фиолетовыми тульбагиями[482] и высокими желтыми орхидеями, и на дороге приступил к делу. Скоро стемнело, но шевеление на земле различалось. Да и фары подсвечивали.

Оглядываясь назад, я могу сказать, что усилия оказались не безуспешными. Один из принесенных экземпляров, внушительный коричневый *Helioscopis*[483], стал новым даже для тутцингского музея[484] Фрая.

В пансионат мы вернулись поздно, приняли душ, выпили по рюмочке и уселись за стол. Прислуживал черный пигмей; у него было очевидное чувство юмора. Это, вообще, характерная черта негров. Они удивляются, как дети, легко переходят на веселый лад и благодарны, если общаешься с ними в таком же духе. В этом они напоминают мне готические картины; в них еще много доброй веры, которая еще пригодится.

КИЛУМБО, 8 НОЯБРЯ 1966 ГОДА

Ночь была душной; на обычное приветствие здесь: «Хорошо ли спалось?» я мог ответить только уклончиво. Когда я стоял перед пансионатом, чтобы подышать воздухом, вдоль улицы Сокеко тянулась группа негритянок. Они несли на головах плоские корзинки с мукой маниоки, и у большинства за спинами были еще и дети, одна при этом курила трубку; фигуры с царственной поступью.

Пока я наблюдал за ними, из окна своей ванной комнаты выглянул толстый португалец; через плечо у него висело полотенце, и он беседовал со своей женой, которая в саду объясняла негру, где копать посадочные лунки. Все излучало уют, какой можно встретить в Марселе или где-то еще на Средиземном море и даже в предместьях Парижа. Дом тоже напоминал одну из скромных вилл *banlieue*[485]. То есть здесь можно удобно устроиться — *pourvu que cela dure*[486].

Около девяти часов после хорошего завтрака — *en route*[487]. Кофе можно пить с наслаждением — отмечаю это еще и потому, что впервые вкушал напиток в краю кофейных плантаторов.

По левую руку *Pietras nigras*, гряда темных скал, которая обрамляет горизонт вертикальным меандром. Потом недолго на кладбище Какусо, удручающем месте. На некоторых могилах стояли камни, потом пошли красно-бурые холмики без памятников и цветов, безымянные. Черных хоронят в кустах, белых не без свидетельства о смерти. Погребение длится несколько часов; поэтому гроб всегда держат наготове.

Опять в Салазаре. Там сеньор Штауфф с нами расстался, чтобы отвезти в Килумбо растения; о них нужно было быстро позаботиться. Мы поехали в ресторан на высотах, заказали еду и поплавали в бассейне. Взгляд простирается далеко за город и обступающие его горы. Большие и маленькие негритянские деревни с сотнями хижин тянутся вниз по склонам.

Запоздно обратно в Килумбо. В окрестностях Салазара дождя, похоже, не было; время от

времени мы проезжали мимо горящих площадей «огненной охоты». За языками пламени стояли негры с копьями, жаркий воздух врывается внутрь. Перед Калуло горы стали зелеными.

КИЛУМБО, 9 НОЯБРЯ 1966 ГОДА

Обогнули раскорчеванные участки. Оттуда — к португальскому соседу по прорубленной через девственный лес тропе. Прекрасная, одинокая дорога. Термиты пересекали ее короткими колоннами, на видимых участках своей подземной системы. Они текли наружу из схваченных известковым раствором башенок.

Вечером у четы Кремер на их fazenda Рока-Китонду. Господин Кремер был долго плантатором сизаля[488] в Восточной Африке. Здесь он возделывает кофе и оливковые пальмы. Он живет с женою в лесу. Они спят в соседнем доме, окна и двери которого защищены. После восстания Пиде[489] арестовала четверых молодых слуг, которые больше не вернулись. «Как раз лучших ремесленников».

Вчера его побеспокоила зеленая змея, гревшаяся на солнце у него на террасе, он велел убить ее. После того как в Восточной Африке ему пришлось застрелить обезьяну, он не переносит ни их, ни вообще диких животных. На обезьян он смотрит только через мушку ружья, с которым ходит, как с тростью.

КИЛУМБО, 10 НОЯБРЯ 1966 ГОДА

Исав[490]: так мы окрестили серого детеныша южно-африканской антилопы[491], которого нам вчера по дороге к Кремерам продал негритенок. Мы выбрали такое имя, потому что шерсть у зверька была на ощупь как проволочная щетка. Раздобыв соску и молоко, Штирляйн кормила его каждые два часа; Исав принимал еду. Уши у него не в форме ложки, а острые, как концы шейного платка.

В первой половине дня по звериному следу на гору. Как в большинстве случаев меня облаяли собакоголовые обезьяны, одну из которых я увидел в отдалении. Начинается массовое цветение *Rothschildia*. Я обнаружил на осях ее листьев очаровательного бело-красчатого *Cerambycidae*[492]. К сожалению, на островке цветущих лилий я нашел не больше полдюжины экземпляров. Раритетное животное в редком растении; естественно, для этого нужны также глаза и осведомленность.

КИЛУМБО, 11 НОЯБРЯ 1966 ГОДА

Исав начинает стоять на ногах. Он снова несколько раз получил молоко, ночью тоже. В предрассветных сумерках он издавал необычные, звонкие вскрики. Такой звук получается, если пищать через лист, который держишь руками. Вероятно, звал мать.

Я представил себе существо, как оно бережется в кустах; мать прячет его, пока пасется, время от времени она возвращается, чтобы покормить и облизать его, оно спит, защищенное

ее телом. Поблизости змеи и леопарды, великое, дикое, страшное одиночество.

В первой половине дня Менцинген уехал. Он, к сожалению, не нашел здесь места; белому женатому управляющему не так просто найти работу — разве только на севере, где небезопасно.

В его лице я познакомился с человеком, который еще сильно живет инстинктом, небрежный, а потом опять максимально сконцентрированный. Он, как туземцы, ходит в кустах босиком, по скалистой и тернистой почве. Незаметно подкрадывается к буйволам и антилопам. Много повидал и умел хорошо рассказать, к тому же был для своих лет начитан. Траппер, лесной ходок.

Fazenda. Дом двухэтажный, с черепичной крышей и террасой на первом этаже; кухня, закрома, конюшня, гараж, кофейная сушильня и хозяйский сад совсем рядом. Перед террасой луговая площадка с плавательным бассейном, в котором часто поселяются жабы. За ними большая надгробная плита, которую сеньор Штауфф привез в одной из своих поездок. Негры потребовали, чтобы за это он в качестве жертвоприношения вылил на могилу бутылку вина. Здесь она служит садовым столом, за которым пропускается стаканчик перед едой, иногда и после при свете карбидной лампы пьется *vinho verde*. Каменные стены вокруг так же, как и сине-белые ставни на окнах, напоминают Вильфлинген. Оттуда же происходит обстановка дома: мебель, картины, кресла перед камином.

На газоне черная жена управляющего отбеливает холстины. Управляющий, от которого у нее два симпатичных коричневых ребенка, находится в отпуске в Португалии; он хочет найти себе там белую женщину. Темная весела; она еще ни о чем не догадывается. Потом она будет отослана к отцу. Который обрадуется, потому что сможет продать ее во второй раз, разумеется, уже не столь выгодно. Дети перейдут к белой наследнице.

Слева от бассейна въезд; на столбах ворот, как и в Айсигхофе, нарисован штауффенбергский лев. С садом граничит медпункт. Над его входом на белой стене череп буйвола. Там вершит дела сеньор Штауфф: дает пилюли, вводит свечи и делает уколы. Более тяжелые больные, с ранами, высокой температурой, укусами змей отправляются в лазарет Калуло.

Пышно цветут лантаны, одно апельсиновое дерево и вьющаяся пассифлора. Другие растения только посажены, например, привезенное из Салазара дерево путешественников, и душистый тромбон на некотором отдалении от дома. На веранде для дозревания развешены связки бананов. Когда маленькие плоды желтеют, их ощипывают птицы и крупные осы.

Трапезы. Из самовара льется кипяток для утреннего чая. Кроме того хлеб, яйца, колбаса, древесные томаты и масло, когда работает холодильник. В полдень и вечером горячее. Молодые слуги накрывают и украшают стол, подают беззвучно, потом в ожидании стоят у стены. Суп, рыба или мясо с овощами, десерт. Повар достоин похвал; он может делать даже клецки, как шваб. Этому его научила Штирляйн и удивлялась его понятливости.

Уходя вечерами в деревню, эти негритянские повара как всегда готовят себе будничную кашу. Привычку белых есть различные блюда и чередовать их они считают странной. Кстати, у негров готовит мужчина.

Молодой слуга Мануэль сервирует под присмотром другого. Нашего повара зовут Африкану; когда случается нежданный визит, это его не смущает. У четы Руссель шесть слуг и два повара, которые во время праздников освобождаются на более длинный срок.

Выпивается много. Приглашенных гостей хозяин и хозяйка дома охотно принимают за стойкой бара. Предпочтение отдается коктейлям с виски, коньяком и джином. До вечера рекомендуется умеренность, равно как и в те дни, когда принимается резохин.

КИЛУМБО, 12 НОЯБРЯ 1966 ГОДА

В первой половине дня умер наш Исав, к которому мы привязались сердцем. Накануне он еще хорошо поел: четыре бутылочки молока и еще одна ночью. Утром понос, смертельный симптом. Он лежал, обессиленный, в своей корзинке и, как умирающий, скалил зубы, когда я его погладил.

Я огорченно ушел на корчевание и прохаживался там очень медленным шагом, высматривая, что появилось нового. Вернувшись в дом, я узнал, что Исав уже мертв и погребен. Зов к матери: теперь он был услышан.

КИЛУМБО, 13 НОЯБРЯ 1966 ГОДА

Экскурсия на Пиньяну, скорей даже экспедиция. Поскольку сеньор Штауфф захотел еще непременно прополоть сорняки под оливковыми пальмами перед домом, выбрались мы поздно.

Наконец, отъезд; но уже на полдороге автомобиль застрял, равно как и грузовик, с продовольственными запасами посланный вперед.

Сначала мы редким, скалистым девственным лесом прошли до перевала. Как остатки давно покинутого поселения, негритянские могилы: похожие на ульи холмики из светлой горной породы. Дальше в гору до вершины, на которой одна португальская экспедиция возвела обелиск «Pingana Cassaca» 1949. Здесь я забрал у слуги винтовку, тяжелое нарезное ружье, у которого заедал затвор; поблизости могли оказаться буйволы.

В бинокль мы видели далеко за Калуло. Где-то далеко - далеко к небу поднимались облака дыма, свидетельствовавшие о деревнях. Изредка белое здание: fazenda Штауффа, пост черного коменданта, который надзирает за областью размером с княжество, и домик одного негра, кормящегося нелегальным самогонованием. На заднем плане панораму завершают горы.

Склон спускался в котловину величиной с Кайзерштуль[493], сеньор Штауфф высказал мнение, что там можно было бы содержать стада скота при условии, что удалось бы справиться с мухой цеце или последствиями ее укуса; требовалось бы только построить дорогу. И можно было бы нанять негров из тех племен, которые знают толк в скотоводстве.

Мы, прежде всего, высматривали буйволов, которые в это время, жуя, отдыхают в тени деревьев и только в сумерках выходят на зеленые площади.

Животные, должно быть, находились поблизости. Широкая звериная тропа, тянувшаяся вдоль гребня, была помечена следами и свежим пометом, местами была взрыта земля. Звериный запах был свежим и крепким. Мы шли по нему между искалеченными деревьями, красно-коричневыми муравейниками термитов и скальными группами.

Надежда на то, что мы не столкнемся с буйволом, себя оправдала. Вместо них я смог заняться крупными скарабеем, которые отчасти летали над тропой, отчасти парами катали шары, формируемые из помета. Жуки походили на своего священного предка, давшего им название, только они были не черными, а окрасились шелковисто мерцающей зеленью в

палитре озаренного солнцем леса.

После двухчасового марша по каменистому бездорожью мы достигли цели: водопада речушки Киссаги. Нас поджидали негры, которые обошли гору, с полотнищами брезента, купальными принадлежностями и провиантом. Там Киссага каскадом низвергается вниз и образует череду резервуаров, связанных маленькими водопадами. Мы все еще находились на территории фермы. Сеньор Штауфф, который впервые посетил эту местность, в шутку определил последовательность: на самом верху купальня патрона и его друзей, под ней купальня гостей, затем — негров, и в самом низу купальня для собак. Склад ума, несомненно, еще барочный.

Мы охладились сперва в купальне гостей и потом по крутым ступеням взобрались наверх в купальню патрона, похожую на крошечный амфитеатр. Там вода была холоднее, чем в нижних чашах; мы встали под пенистые струи. Освежившись, мы обратились к снеди: хлеб, мясо и пиво, в завершение крепкий кофе. При этом ноги в воде; затем субтильная охота. Но вот начался сильный дождь; мы вместе с черными втиснулись под брезент и наблюдали, как мощно набухают водопады. Ливень, как чаще всего происходит в этих краях, через час кончился.

Выступление в стиле старых времен: впереди Мануэль с мачете, потом трое белых, за ними следуют босые негры с поклажей на голове. Киссага теперь стала непроходимой, и поскольку наш грузовик стоял на противоположном берегу, нам пришлось двигаться длинным маршрутом — сначала по галерейному лесу, затем по заболоченному кустарнику. Жесткая и острая трава, *lingua de vaca*, коровий язык, царапала руки и ноги.

Опять могилы и контуры, точнее, планы давно исчезнувших хижин, утопанные и обрамленные камнями полы которых вырисовывались на влажной зелени. Они были круглыми — вероятно, следы забытых племен, потому что либоло строят прямоугольно. Перед поездкой я хотел было заняться этнографией страны, но вскоре отвлекся на что-то; похоже, что даже специалисты здесь приходят в отчаяние — одних только народов банту они насчитывают до пятидесяти. Историческое здесь тождественно колониальному.

Марш был утомительным не только физически — безысторичность тоже изматывала: безымянные могилы, заросшие девственным лесом следы очагов. Никого уже нет в живых — ни тех, кто их помнит, ни тех, кто о них печалится или поет им славу. Прозябание в высоком смысле, которое все же, возможно, ближе к бытию, чем названия битв и царей. Наша история — только клюка, с которой мы странствуем по времени.

Мы держались троп диких животных, которые порой вели через пышно цветущую растительность. Это давало нам возможность вкусить богатств, предполагавшихся в дебрях и в кронах. Я, к сожалению, едва мог останавливаться на деталях, поскольку подкрадывались сумерки. На болотистых местах буйно разрослась *Rothschildia*; мы брели по ее сплетениям.

Наконец, уже в темноте, мы достигли торных дорог *fazenda*, по которым нам пришлось тоже прошагать еще часок. Между тем мы промокли до нитки. Я снова ощутил здесь старую последовательность, как прежде часто во время военных переходов: сперва бодро вперед, потом спотыкание и усталость до преодоления мертвой точки; за ней следует автоматическая ходьба, которая может продолжаться, пока не свалишься с ног.

Снимаю шляпу перед Штирляйн, которая позавчера вывихнула себе лодыжку, да к тому же голова у нее разболелась. Несмотря на это, она настояла на своем участии в вылазке. Этот день тоже оказался из тех, какой случается редко. Я имею в виду не только полноту и краски, но и насыщенность мира, которая и есть поэзия: не вымысел, а «великолепие вымыслов».

КИЛУМБО, 14 НОЯБРЯ 1966 ГОДА

Самочувствие Штирляйн, слава Богу, стало лучше; ночью я опасался заражения крови, поскольку правая нога посинела и опухла. Сегодня день отдыха, тем более что есть несколько ран и контузий. Порезы острой травой лечатся плохо; на людных тропях можно подцепить «негритянскую язву». На кончиках травы сидят также разные насекомые, в том числе черный клещ, дожидаящийся того, что его подхватит дичь или собака. Наши всегда с этим мучились.

Во второй половине дня я все-таки не смог отказаться себе в обычном восхождении на гору; собакоголовые обезьяны лаяли, агамы кивали, дикобраз подарил мне иголку.

КИЛУМБО, 15 НОЯБРЯ 1966 ГОДА

Ночью долгий глубокий сон, усталость второй ночи. В первую, непосредственно после сильного напряжения, тело нервно продолжает работать.

Франци Штауффенберг отвез меня к поперечной дороге, которую я прочесал до кустарника, частью по расчищенной, частью по нерасчищенной земле. При этом несколько находок. Одного из крупных, с желтыми краями *Scambycidae*[494] я поймал в воздухе после того, как интенсивно думал о нем. Он, как то часто со мною уже случалось, возник из моей головы[495]

Потом я размышлял над заглавием новой книги. Она содержит тысячи мелких наблюдений, сгруппированных вокруг сжатого центра. Может быть, «Аргус плюс один» (Кое-что о жуке и чуть больше)? Конечно, заголовок должен быть по возможности самым простым. Книга достаивает заголовок чести, а не наоборот.

Аспекты дня были благоприятными. Во второй половине один из лучших пасьянсов, которые мне удавались.

Чтение: Саллюстий, «Катилина».

КИЛУМБО, 16 НОЯБРЯ 1966 ГОДА

В первой половине дня — на корчевание, дабы взглянуть, что имелось под корой омертвевших деревьев. К сожалению, начался дождь; по счастью, поблизости оказался смотритель Доминго; он вывозил на грузовике кофейные растения. Я смог укрыться в кабине. Доминго спросил меня о значении того, что я добывал сачком и специальным экраном, и был доволен, когда услышал, что я преследую злых вредителей. Одна из моих невинных отговорок.

И во второй половине дня у нас полил сильный дождь с грозой, для сеньора Штауффа отрадней. Мы с ним поехали в Калупо; сегодня почтовый день, немецкие плантаторы встречаются в городе. Договариваются о визитах, обмениваются новостями. Кроме того, покупки.

В обратную поездку по размокшим дорогам мы прихватили с собой егеря сеньора Тюббена;

он намеревался присмотреть в окрестностях дичь. Его хозяин в субботу собирается на охоту.

Среди почты известие о смерти Эрхарда Гёпеля[496], с которым меня связывает много общих воспоминаний. Вот ушел человек, который знал об искусстве и художниках больше своих современников, — человек, который разбирался в частной жизни живописцев и картин, а также в их магической субстанции.

Далее меня огорчили сообщения о шторме в Италии. Кажется, тяжело пострадали Флоренция и Венеция.

Вырезка из газеты: Рудольф Гельпке[497] о жителе Гелиополя Антонио Пери[498] в своей книге «Об опьянении на Востоке и Западе». Он упоминает в ней и наш грибной пир.

КИЛУМБО, 17 НОЯБРЯ 1966 ГОДА

Утром на горе. Было душно и жарко, трава еще влажная. Беседа о Гёте и его сыне Августе, которому он запретил участвовать в освободительной войне. Тогда несовременное, сегодня это кажется не лишенным смысла. Для старика Европа еще была большей реальностью, чем нация, родина больше, чем отечество. Здесь, разумеется, не обошлось и без эгоизма. Возможно, судьба Августа сложилась бы удачней, скажи старик: «Тua res agitur»[499].

КИЛУМБО, 18 НОЯБРЯ 1966 ГОДА

Ночью сны; я находился с отцом в каком-то большом отеле. У него не оказалось при себе денег; я ему одолжил. Я посчитал это добрым знаком, как и то, что недавно я впервые во сне выдержал экзамен. При пробуждении великолепное солнце; мы обошли корчевание.

Отказал холодильник; сразу стало ясно, насколько мы от него зависим. Я вспомнил первое пребывание на Сицилии; масла без душка не было.

Во второй половине дня к саmramento, постройке для сезонных рабочих, потом к реке. Негритянки стирали, мужчины купались. Тропинка меж кустов привела нас к небольшой деревеньке, перед хижинами которой стояли козы, и куры на ярком солнце расклевывали муравьев. Тихо, жарко, много света. Мой нигилизм: лучше всего я чувствую себя без тени при нулевой высоте над уровнем моря на нулевом меридиане и к тому же в безветрие.

Наудачу дальше к более крупной деревне, окруженной полями недавно посаженной кукурузы. Женщины работали там мотыгой, между кукурузой были высеяны бобы. На околице свежая могила с крестом, на котором развевался матерчатый лоскут. На обратном пути мы шли за стройной негритянкой; под покрывалом у нее выделялись контуры ребенка. Она направлялась к сеньору Штауффу, поскольку у ребенка поднялась температура; мы поделились с ней таблетками резохина.

Наконец, опять на fazenda; холодильник уже починили. В общем-то, усадьба, не считая его и освещения, во многих отношениях автохтонна.

Вечером как обычно Gin tonic, красное вино, разговоры, а в это время собаки спят на ковре, и старый Фрайберг в латах взирает из рамы на стене. Кроме того, последние известия по транзистору, «Немецкую волну» часто едва можно разобрать. Видимо, Эрхард уже не сможет

больше оставаться на посту канцлера[500]; энергии и проницательности в вопросах экономики для большой политики недостаточно. К тому же он человек добродушный. Жаль, — однако, пример поучительный.

КИЛУМБО, 19 НОЯБРЯ 1966 ГОДА

Опять очень красивый свет. Штирляйн хлопотала на кухне, так как сегодня мы ожидаем Тюббенов; поэтому я отправился на корчевание в одиночку. Это был день «больших глыб», которые я, прежде всего, высмотрел под корой омертвевших, но еще стоящих деревьев. Дровосеки[501], жуки-носороги[502], гигантские щелкуны[503]. Попадались и более мелкие виды, среди них различные породы брентид[504], семьи, представителя которой я до приезда сюда находил на воле только один раз — это было в окрестностях Байи, Бразилия.

Во второй половине дня отъезд со Штауффеном, Тюббеном и егерем Китилой на охоту. Мы ехали на лендровере, сперва по дороге, затем по негритянской тропе, наконец, напрямик по кустам.

Потом пешком до гранитной возвышенности, на которой росли молочайные[505] и пестролистные алоэ. Поблизости большие могилы, округлые выкладки камней, в середине пробитые шахтой. Одна могила горбилась полуовальным сводом. Вождь? Два племени? Или, как предположил сеньор Тюббен, две эпохи?

Мы делали теперь второй крюк, пока черный егерь не издал свист. На изрядном отдалении застыли две южно-африканские антилопы, которые тотчас же обратились в бегство и скрылись. Поскольку быстро темнело, мы вернулись к джипу. В сумерках мы проехали мимо одной из глубоких волчьих ям, которые вырывают для ловли крупной дичи; к счастью, мы только задели ее. Прекрасный вечер, полная уединенность.

Приняв душ, мы собрались за бургундским фондю. Для него использовалось мясо лошадиной антилопы[506]; оно лучшее из того, что можно выбрать для этого блюда.

После этого мы еще долго сидели вместе; Георг Тюббен рассказывал о восстании 1961 года, во время которого мужчины оставались только на ферме. Пистолеты во время работы, автомат рядом с кроватью. Все окна защищены так, чтобы ничего нельзя было бросить снаружи. Даже еще сегодня дети постоянно находятся под присмотром; сами они не робеют.

После восстания всех негров, о которых знали или всего лишь подозревали, что они были в нем замешаны, арестовали, и они никогда больше не вернулись. Как я уже слышал от Кремера, эта участь постигла особенно смелых и полезных в хозяйстве ремесленников. Плантаторы безуспешно боролись с полицией за этих людей. С другой стороны распространился ужас, не прошедший и по сей день. Один из тех случаев, когда право входит в коллизию с моралью или мораль с пользой, какие мне, к сожалению, пришлось пережить довольно много.

КИЛУМБО, 20 НОЯБРЯ 1966 ГОДА

Рано утром неутомимый сеньор Тюббен еще раз отправился в кустарник и принес с собой сильного тростникового козла[507]. Вернувшись из своего похода на гору, я увидел, как Китила свежует внушительную тушу, висящую на крюке.

Животное после первого попадания бросилось бежать и уронило помет; на этом месте мигом оказались крупные серые скарабеи, которые занялись им. Их сопровождал такой же крупный, но шелковисто-зеленый вид, который встречался нам на Пиньяне. Сеньор Тюббен принес мне их полную банку; я поблагодарил его, и от имени Лоденфрая тоже. Снова пример невероятной способности восприятия некоторых насекомых; это граничит с волшебством.

В первой половине дня пришли лечиться от глистов негры. Что такое собственно «черный»? Замечаешь ли, что ты черный только тогда, когда соприкасаешься с белыми? Или человек обладает прирожденным недоверием к черному, как к ночи или к темноте в сравнении со светом? Почему негры пытаются распрямить у себя курчавые волосы? В Америке этим живет целая индустрия. Вероятно, чернокожая женщина ощущает черного мужчину более красивым. Почему «черный», «негр» стало восприниматься как бранное слово? В Бразилии я слышал, что в присутствии слуг говорили о «синих». Я предпочитаю здесь «африканец». Сегодня «раса» получила подозрительный привкус; тем не менее, европеец в наши дни является всемирным манекеном. На его языке говорят, носят его одежду, вплоть до галстука. Японка подражает американским кинозвездам; для негритянского вождя белокурая жена — символ статуса. Если бы негры следовали своему номосу, все здесь выглядело бы иначе, естественнее. Такие слова, как «равноправие», адаптированы, однако используются только с задней мыслью о применении силы. Мир вошел в такую фазу, в которой один отцеживает от нечистой совести другого. Доилыцик совести, новая профессия. Этим живут народы, партии и одиночки, даже философы. И это тоже не улучшает дело и бьет мимо; мне негры были и есть приятны.

КИЛУМБО, 21 НОЯБРЯ 1966 ГОДА

После завтрака со Штирляйн к большому корчеванию, на сей раз пешком, поскольку Франци Штауффенберг уехал в Калуло; он доставит оттуда почту.

Сначала мы шли вдоль реки, уровень воды в которой за это время упал, однако перейти ее, чтобы, как рассчитывали, навестить второго португальского соседа, не смогли, а ограничились испытанным обходом по периметру четырехугольника.

[...]

Под корой омертвевших стволов гигантский полужесткокрылый клоп[508] показался сегодня особенно необычным. Шейный щиток тернистый, бедро в огненно-красную полосу, роскошный экземпляр.

Вечером еще на гору. Я следую по тропе до оставленной открытою части плантации; только по пальмам можно понять, что площадь была возделана лишь совсем недавно. Разлетались диковинные птицы; они загребали вытянутой вперед шеей. Совсем рядом пальмовый орел [509].

На обратном пути я, вместо привычной, свернул на похожую просеку, это было незадолго до наступления темноты. Возникло несоразмерное беспокойство — как будто природа враждебно сгустилась. «Это грозит неприятностями». К счастью, я снова отыскал след, при последнем свете держась надломанных веток.

КИЛУМБО, 22 НОЯБРЯ 1966 ГОДА

Ночью у Штирляйн поднялась температура; мы дали таблетки от гриппа и витамины, лимон, пири-пири, черного чаю. Надо надеяться, только легкая инфекция.

В одиночку на корчевание, которое я начал обходить слева. Франци Штауффенберг заехал за мной на машине. В лесу нам встретились охотники киссонго[510], маленькие, приветливо смеющиеся чернокожие. У них были красивые стрелы и луки. Ими они поражают довольно крупных животных. Они ничего не захотели продать из добычи, как обычно делают охотники. Здесь же были и женщины. Зубы - резцы у мужчин заточены.

Во второй половине дня я сам поднялся на Домашнюю гору, сначала по светлому лесу, потом по скалистому грунту, цепляясь под конец, как альпинист. Гора имеет форму конуса; с нее открывается панорама впадины Килумбо до окружающих ее высот. Ее венчает большая полукруглая могила. Я увидел fazenda, оба больших корчевания, campramento, несколько хижин туземцев. Здесь еще есть пространство.

На спуске я присел отдохнуть под деревом с желтыми цветами, к которым подлетали цветковые колибри[511]. Цветущие деревья в большинстве своем прячутся в зелени. Есть много видов, как и у насекомых, только они не образуют скопления, а отстоят далеко друг от друга. Поэтому открытия похожи на картинку-головоломку, когда приходится довольствоваться лишь случайным фрагментом.

КИЛУМБО, 23 НОЯБРЯ 1966 ГОДА

На горе, которую не надо путать с Домашней горой, эмблемой фермы. Мне повстречался негр, несущий тяжелую Масасо grande[512], желтую собакоголовую обезьяну. Я как бы воочию увидел злодеяние Каина; скоро за обедом он обглодает лапу.

Сегодня была моя очередь температурить, и я остался в постели. Доминго принес мне еду; я не слышал, как он подходил ко мне босыми ступнями, — он внезапно опустился передо мной на колени и двумя руками протянул мне миску. От него исходила сильная симпатия[513].

Во второй половине дня заглянула в гости фрау Кляйн, вдова; на окраине Либоло она совершенно одна управляет с большим скотоводческим хозяйством.

КИЛУМБО, 24 НОЯБРЯ 1966 ГОДА

При обходе по негритянской тропе мы вторично не использовали дорогу к соседу и побрели по острой траве вдоль реки. Порезы ею были мне тем более неприятны, что я еще страдал от язв на правой ноге, полученных мною в награду за восхождение на Пиньяну.

КИЛУМБО, 25 НОЯБРЯ 1966 ГОДА

В первой половине дня к корчеванию; мы прошли туда и обратно пешком. Моей добычей

стали четыре «Великих могола».

После полудня на плантацию доктора Шаллая, которая называется Магия. Она расположена гораздо ниже Килумбо; флора — более тропическая. Роскошной синевою цвела жакаранда [514]; для меня это означало свидание с «бразильским рождественским деревом».

Господин Шаллай, венгр, был на дипломатической службе своего отечества, с 1945 года он эмигрант. Дважды состоял в браке; первая супруга, графиня Люкнер, погибла в автомобильной катастрофе, в которой он получил повреждения. Новая хозяйка дома здесь заболела и находится на лечении в Германии.

Над камином портрет графа Люкнера в мундире ancien regime[515]. Генерал прислонился к стене, на заднем плане марширующие отряды, горящая деревня. Усталый, скептический старик, рутинно отдающий команды и во время их исполнения погружающийся в утомленную грезу. Оригинал висит в salle des marechaux[516] Версаля.

Выпивка, потом превосходная трапеза, как здесь повсюду. Тяжелая гроза с фиолетовыми молниями, где-то далеко дуэт пары больших кроншнепов[517]. Хозяин дома любезен, меланхоличен, очевидно, с эстетическими склонностями. По типу он отличается от восточно-эльбцев, которые обрели пристанище в этих краях. В то время как те ищут раздолья в пространстве, ему, похоже, ближе уединение — но для обоих свобода, пожалуй, основной знаменатель. Дом по его собственным планам построен туземными ремесленниками и рабочими — солидный, из дерева, вероятно, из жакаранды, которая выдерживает даже термитов. В противном случае жди неприятных сюрпризов. Эти существа умеют так изгрызть балки, что сердцевина исчезает, тогда как форма сохраняется.

Разговоры о кофе и ценах на него, о его разведении, о террористах на севере, а также о большом крокодиле, которого недавно в Лукале уложил хозяин и который уже после выстрела ускользнул в воду. Он наудачу нырнул за тушей. Теперь могучий крокодилий череп висел в прихожей рядом с другими трофеями. Позднее пришел еще португальский плантатор сизалья с приятной, мужской физиономией. Стало быть, здесь должна быть возделываемая земля. А у меня сложилось впечатление, что я нахожусь в дремучем лесу.

Во всяком случае, обратно мы ехали нескончаемым девственным лесом. Дорога была скользкая; на одном участке ее перегородил стоящий поперек грузовик, водитель которого куда-то ушел. Мы стояли в темноте и слушали крики ночных птиц, в то время как Франци Штауффенберг отправился на разведку. К счастью, он наткнулся на поселение и вернулся с группой туземцев, которые с великим трудом отодвинули машину.

В свете фар пятнистые козодои[518], проскальзывавшие почти вплотную к ветровым стеклам, генетты, кролики, южно-африканская антилопа, зеленые огоньки более крупных хищников.

У меня возникло впечатление, что нам еще повезло с грозой. Доктор Шаллай однажды на две недели оказался отрезанным в своем доме.

КИЛУМБО, 26 НОЯБРЯ 1966 ГОДА

Нас в третий раз порадовала прогулка по Негритянской тропе. Снова уединенность охватила меня на пустынной площади между тремя хижинами: солнце палит, пахнет козами, жужжит зеленый скарабей.

На плантации нас от дерева к дереву сопровождала стая мартышек[519]. Мы уже отдыхаем

на любимых местах; так близко от fazenda возле высокой, великолепной нежно-фиолетовой орхидеи с белым зевом; он покрыт пятнышками, как у наперстка. Такой орхидеи я еще не видел ни в одной теплице, ни на одной картине.

Вечером мы с супружескими парами Крель и Реберг поехали в Тумба Гранде к чете Руссель. После обычного приема у бара мы уселись за столы: рыбный паштет, фарш со специями из сырого антилопьевого мяса, а также ростбиф из него.

Дом плоский, выкрашенный белой краской; фриз черепов красных буйволов и антилоп тянется по всему фронту. Ниже выполненные сангиной сграффито охотников эпохи палеолита. Вольеры с попугаями и превосходными зябликами. Перед террасой стая павлинов.

ТУМБА ГРАНДЕ, 27 НОЯБРЯ 1966 ГОДА

Утром проход по плантации, гордости Русселя. Кроме кофе он выращивает оливковые пальмы, которые обрамляют дороги: «моя вторая нога».

В полдень фондю по-бургундски с антилопьем мясом. Великолепный вид от стола, далеко за пределы фермы. Привлекла внимание стая белых чепур[520]. Длинными клювами они выклевывали у овец паразитов или молниеносно подхватывали с земли червей. Надвигалась гроза. Далеко за бассейном и площадками для сортировки кофе мы видели серый занавес, окутывающий горы, пока они снова не проступили с еще большей ясностью.

Долгий, довольно мрачный разговор о каннибализме, отчасти напомнивший мне «Летучие листья»[521] с их «миссионером в кастрюле» — разумеется, только отчасти.

Охотники с остро заточенными зубами, которых мы недавно встречали, могут подпадать в этом отношении под подозрение. Собственного дядю не едят, когда он становится дряхлым, а обменивают его на дядю из другого племени.

Анекдот. «Когда я вспоминаю эту мерзкую жратву в оксфордской столовой», — говорит туземец в очках сокурснику во время означенной трапезы.

Другой знает, чем похвастаться: «J'ai mange du noir, j'ai mange du blanc, j'ai mange du gouverneur»[522]. И в самом деле в Конго, кажется, пропал один губернатор.

Обычай при смерти какого-нибудь великого вождя приносить в жертву людей, должно быть, сохранился до наших дней. До похорон негров нельзя увидеть на улице. Они также верят, что белым нужны головы, чтобы магически защитить такие постройки, как плотины или фабрики; поэтому женщины во время работы носят своих детей на спине и не снимают их.

КИТИЛА, 28 НОЯБРЯ 1966 ГОДА

Снова в Килумбо. После завтрака я обрабатывал Coleopterae[523], которых подарили мне Руссели, при этом в приятном настроении поглядывал на ткачей[524] и куриц, хватающих пири - пири. Потом прогулка по плантации недалеко от дома: массы могулов, сверх того крупные пауссиды[525], пассалиды[526], брентиды. Подробности в «Журнале жуков».

Вечером в Китилу к чете Кросигк; тут мы переночуем.

КИЛУМБО, 29 НОЯБРЯ 1966 ГОДА

Позади у нас длинный день. После завтрака с четой Тюббен; когда мы усердно налегали на папайю, за нами заехала фрау Крёль. Зарослями кустарника мы на вездеходе поехали далеко в Кимберину, ее отдаленную ферму.

Фрау Крёль — дочь Баронезы, великой фермерши и легендарной фигуры германо-португальского общества Анголы. Это общество, а с ним и Баронеза, действительно нашло своего романиста, а именно в лице Хуберта фон Брайски[527], австрийка, который прожил здесь один из периодов своей авантюрной жизни. Его книги стояли в маленькой библиотеке Килумбо; в тексте на суперобложке одной из них написано: «Хуберта фон Брайски сердечно приветствовали все обер-кельнеры в Африке, Индии, Португалии и Австрии, поскольку за всю свою бурную жизнь он ни разу не совершил одной ошибки: не относился к пище с презрением». Я хочу заняться им зимой в Вильфлингене.

Дорога, проходимая, видимо, только в сухой сезон, вела по кустистому ландшафту, на котором возвышались большие и маленькие гранитные выпуклости. Изредка попадались негритянские деревни; хижины с коричневыми глиняными стенами и соломенными крышами гораздо красивее белых, стереотипных *sampamentos*[528], которые устанавливаются плантаторами для своих *contracters*[529].

На обочине дороги фиолетовая орхидея и высокий желтый гладиолус, также цветущий кустарник. Один раз наш водитель вышел из машины, потому что заметил антилопу, однако до выстрела не дошло.

Мы остановились возле одинокой фермы немецкого плантатора, господина Бикманна, который основательно выучил диалекты туземцев, знает также их мифы и обычаи. К сожалению, мы не застали его.

Фрау Крёль не живет в Кимберине; это отдаленное *dependance*[530]. Она сразу занялась неграми, выслушала доклад десятника и распределила работу. У десятника отсутствовало пол-уха; торчал только серповидный остаток. Я услышал удивительное объяснение этой беды, согласно которому во всем был повинен какой-то вид мышей или крыс. Грызая ухо, они, якобы, все время дуют и этим дыханием вызывают своего рода анестезию.

Поскольку, размышляя над чем-то, я предпочитаю находить самое простое решение, то и сейчас подумал, что животные, скорее всего, используют состояние беспомощности, например, грудного ребенка или пьяного. Правда, при сверке (в мае 1978 года) я могу добавить, что речь, по-видимому, идет о широко распространенном среди *negritude*[531] поверье. Так в «*Anthropophyteia*», весьма примечательном органе, который на рубеже веков выходил как частное издание[532], я, между прочим, читал статью «Вера в колдовство на Гаити», в ней было следующее:

«Когда крысы обгрызают детям палец ноги, а те во сне этого не чувствуют — что на самом деле случается часто — то они сперва изрядно дышат на место захвата и продолжают непрерывно дышать на него также во время обгрызания. Этот "прохладный" ветерок делает член совершенно нечувствительным». Автор с некоторым скепсисом подчеркивает, что весь мир в это верит. В этом и вправду чаще всего что-то есть. Например, тот, кто преследует крысу, должен набрать в рот воды. Это толкуется магически, но имеет и практическое значение — человек тогда наверняка будет вести себя молча.

После обеда сиеста в пустой гостиной. Только портрет Баронезы висел над камином.

Ферма пришла в упадок, однако обветшалость скрывается, даже заколдовывается, массой бугенвиллий. Задремавшая жизнь, почти уже сновидение. Мы прошли по узкой тропинке, пока она не закончилась звериным следом. Оттуда видны были только кусты — далеко-далеко, до фиолетовой гряды гор. Мы стояли на краю света.

Вечером снова в семье Тюббен. Разговоры с Кросигком-старшим о Семилетней войне, прусской династии, общих знакомых по армии, и с его дочерью, фрау Тюббен, о туземцах.

Здесь еще есть домашний учитель, обучающий их детей. Он подружился с одним негром, который повел его на праздник танца. Ужасный смрад! Какая-то женщина танцевала с ребенком на спине, который умер три дня назад. Для погребения следует дожидаться астрологически благоприятного дня, а до того момента оберегать труп от злых духов.

Перед похоронами мертвецу связывают руки и ноги, затем его заворачивают в одеяло. Труп прикрывается слоем древесных стволов, чтобы его не выкопали гиены. Родственники, чтобы попрощаться с умершим, обращаются к нему вниз через полую трубу. В торце могилы в землю втыкается палка; место вскоре заматывается ветром. Только могила вождей или важных мужчин покрывается каменной плитой. Ей приписывается магическая сила; на нее усаживаются старейшины, когда держат совет.

Учитель также знаток животных, прежде всего местных птиц; здесь их царство. Особенно многочисленны голуби; некоторые богатством красок могут соперничать с попугаями. Я получил от него *sternosega*[533], бледно-фиолетового вида. Поразителен контраст между эфиопскими и ближневосточными разновидностями; он отражает также различия между африканской и индо-малайской культурой. Туземцы знают животное; красноватые яйца его едят, например, как икру. Они называют его *Kiranda Giunsa*; оно, видимо, водится на *tungalla*, с которым я познакомился еще в Салазаре. Величественный экземпляр этого дерева стоял у дверей дома Тюббена; я исследовал его основательно, но безуспешно.

КИЛУМБО, 30 НОЯБРЯ 1966 ГОДА

Последний день на ферме. До полудня прощальный обход квадратного участка. На одной травинке сидел хамелеон, не больше конечной фаланги мизинца, зелено-желтый, прозрачный. Он вращал глазами и вытягивал пальцы ног, точно крошечные щипцы. Прекрасный день; перед короткой грозой мы снова были в доме. Сегодня вечером мы хотим еще раз отведать курицу с *funchi* — так называется каша из маниока — и уже завтра чуть свет тронуться в путь.

ЛУАНДА, 1 ДЕКАБРЯ 1966 ГОДА

После завтрака отъезд в солнечную погоду. До этого мы попрощались с нашими «маврами»: Доминго, Африкану и доньей Терезой, прачкой, сделали также «*mata bijo*», «убей зверя»[534].

Еще предусмотрительно были приняты лекарства; при этом я наблюдал за Штауффом. У негритенка, цепляющегося за мать, был кашель; для начала ему в крошечный темный зад вставили свечку. Старший братец для этого сам раздвинул маленькие ягодицы. Затем малыш

должен был проглотить сироп от кашля, от которого он с криком отказывался, пока братец не зажал ему нос: ешь, птичка, или умри.

На спуске от Либоло стало жарче; мы поприветствовали баобаб и молочайное дерево. Дорога размокла от ливней и пошла трещинами; тем не менее, мы ехали, особенно от Дондо, довольно стремительно. Штауфф, когда по левую руку появился полевой аэродром, заметил: «Недавно построен — верный знак, что администрация уверена в беспорядках».

Дондо, знойное захолустье, старый невольничий рынок. Ангола раньше управлялась из Бразилии и поставляла рабов для этой колонии. До Дондо они в шейных колодках шли пешком и потом на судах доставлялись по Куанзе до моря.

О древности места так же, как в Сингапуре, свидетельствовал и возраст делониксов[535]. Мы прибыли в разгар цветения; у некоторых великанов, словно на раскаленном куполе, не видно даже было крошечных листиков.

Дорога уставлена вывесками, на которых расхваливается прохладительный напиток «Сиса». Эти вывески желтые с красным центром, где значится название. Они напоминают мишени, и я действительно не видел ни одной, на которой не было бы следов попаданий. Я снова вспомнил замечание Лихтенберга: «Если кому-то придет в голову мысль нарисовать на двери своего дома мишень, наверняка найдется и тот, кто в нее выстрелит».

В полдень в Луанде, где было изрядно жарко. Мы отправились в агентство Companhia Nacional de Navigacao, затем в гостиницу «Turismo»; номер мы забронировали еще по прибытии. После этого на Илья, где по случаю одного из частых праздников было полно народу. Наконец мы отыскали местечко в «Tamariz» и заказали превосходных раков, которые составили все три блюда. — как закуска, сваренные с пири-пири, затем как суп и под конец разделенные пополам и поджаренные, с салатом из помидоров в качестве гарнира. Не еда, а кулинарный пожар, успешно потушенный vinho verde. В завершение купание. Вода была приятной, не слишком теплой. Я смог промыть соленой водой негритянские язвы, а также глубокие порезы от острой травы. На берегу по форме напоминающая финик раковина улитки, которую здесь называют «Oliva». В лагуне улиты[536] и белые ибисы[537] ловили рыбу. Один золотисто-коричневый скакун ускользнул.

После сиесты поездка к старому форту севернее города; однако мы застряли. Пока пришедший на помощь негр вытаскивал машину, я нашел время пополнить на обочине дороги ботаническую коллекцию; так авария в пути всегда оборачивается подарком. Позднее еще в ресторане на берегу; там опять frutti di mare; морские богатства еще очень велики: лангусты, крабы всех сортов, в том числе огромные крабы-пауки[538]. В одетых по-европейски и говорящих по-португальски гостях мне понравилась сквозная палитра от черного к белому, к тому же полная гармонии.

ЛУАНДА, 2 ДЕКАБРЯ 1966 ГОДА

В первой половине дня на крытом рынке, недалеко от гигантского памятника павшим воинам, историю которого я хочу разузнать. Подвигом, который он увековечивает, было, кажется, нападение на немецкий форт на юго-западе в начале Первой мировой войны.

Ассортимент плодов умеренных, субтропических и тропических зон чрезвычайно богат: ананас, папайя (желтое и зеленое), баклажаны (зеленое и фиолетовое), манго (зеленое, красное, фиолетовое), арбузы (в зеленую, желтую и черную полоску), зеленые и желтые лимоны размером с мяч для пинг-понга, апельсины, грейпфруты, яблоки, груши, персики,

пламенеющие горы масличных семян, сладкий картофель, пири-пири, мощные клубни маниока, репы величиной с тыкву, тыквы, как пивные бочонки. Во внутреннем дворе все время подвозятся и разгружаются новые грузы, например, авокадо, которые более или менее темные торговки уносят оттуда в плоских корзинках на головах.

Пока я записывал подробности этого изобилия под недоверчивые, впрочем, взгляды продавцов, посчитавших меня, вероятно, шпиком, мимо прошел негритянский мальчик, в каждой руке тянувший за собой по коричневой свинье. Он держал животных за связанные задние ноги, волоча их головами по полу. Те, естественно, визжали, как резаные, но это ничего не меняло в поведении их мучителя, который тем же манером потащил их вниз по лестнице, при этом выкриками *staccato*[539] расхваливая свой товар.

Потом в музей. Две главные коллекции: этнографическая и зоологическая. Огромные трофеи буйволов, антилоп, слонов и носорогов. Чучела зверей расставлены группами на фоне соответствующего ландшафта. Слоновые бивни, также резные. Здесь мы узнали название нашего Исава, который умер в Килумбо: *Oreotragus*, антилопа прыгун. Он водится почти во всех горах Африки.

Сразу у входа разная утварь: фетиши, маски, боевое и охотничье оружие. Черная Африка — континент, на котором господствует страх. «Барабаны гремят в Санаге» — одно из моих первых стихотворений, сожженное со всеми остальными.

Из музыкальных инструментов, прежде всего, барабаны из дерева и натянутого пергамента. В том числе двойные барабаны в форме песочных часов, чтобы носить их поперек тела, с поверхностью разного диаметра. Другой инструмент, называющийся маримба, представляет собой похожее на ксилофон устройство из деревянных реек. Позади каждого в качестве резонатора находится соответствующего размера тыква.

Среди предметов, которые бросились мне в глаза, был бич, предназначенный для заклинания плодородия. Он напомнил о древнеримских Луперкалиях. Коллекция небольшая, но, как и собрание трофеев, состоит из отборных экземпляров. Некоторые из масок прямо вызывают страх. Далее памятная доска, посвященная мученикам колонии. В ней приводится большое число убитых в Анголе патеров и монахов разных орденов. Здесь человек гибнет особой смертью.

В подвале рыбы и скелеты морских животных, например, ребра кита охватом в пальмовый ствол. Модели старинных фортов, также форта Массеньяна, который мы посетили накануне.

На верхнем этаже картинная галерея, достаточно скромная; несколько полотен Дюфи и Утрилло приبلудились сюда. На обратном пути нас неожиданно захватила гроза, превратившая улицы в бурные ручьи.

Около пяти часов Франци Штауффенберг повез нас на корабль; он намеревался еще ночью вернуться в Килумбо. Мы провели у него хорошее время. На прощание пропустили по рюмочке на борту.

НА БОРТУ, 3 ДЕКАБРЯ 1966 ГОДА

Пароход, «*Principe Perfeito*»[540], назван в честь короля Португалии Жуану II. Португальская республика принадлежит к числу тех, где чтят свою историю. Большой, современный корабль с множеством удобств.

Под душем мы смыли красную пыль Анголы. Я разместил последний собранный материал, а записи перенес на будущее. День выдался дождливым. Над серым морем летучие рыбы. Приглашение капитана «превосходительством» на прием с коктейлями.

НА БОРТУ, 4 ДЕКАБРЯ 1966 ГОДА

Я начал заключительную главу книги «Аргус», которая, хочется надеяться, будет завершена к высадке в Лиссабоне. Вновь размышлял о заглавии: а что если «Аргус центрирует»?

НА БОРТУ, 6 ДЕКАБРЯ 1966 ГОДА

Во второй половине дня гладкое море с плоскими волнами; они жались вниз. Время от времени извивы, похожие на муар ткани, потом снова пузырчатость, как будто пошел дождь. Посреди глади стяжки и темные включения. При этом оживленная жизнь: косяки летучих рыб веером разлетались в разные стороны, взрывы, которые после длинной траектории полета заканчивались чередой ударов. Два вида — один мелкий, напоминающий саранчу, и один намного крупнее, выныривающий поодиночке. Чайки, рядом какая-то темная птица, как серп скользящая по-над самой поверхностью, выслеживая рыбу. Быстрый летчик; он без особых усилий огибает судно. Один раз вдалеке на мгновение появились красно-коричневые спинные плавники дельфина.

НА БОРТУ, 7 ДЕКАБРЯ 1966 ГОДА

Социальная лестница. Во время завтрака стюарды, собравшись вместе, стоят у буфета, переговариваются и смеются. Старший стюард стоит в некотором отдалении от них, внимательно прислушивается, однако лица не морщит.

Гала-вечер, украшенный португальской женской капеллой и чернокожей певицей. Я сначала было подумал, что свое искусство демонстрирует кто-то из пассажиров, но вскоре по владению инструментом — голосом и жестиком — распознал, что здесь работал профессионал. Негритянка, почти *pur sang*[541], оттенка хорошо прожаренного кофе, смесь девственного леса и Moulin Rouge времен Тулуз-Лотрека, прибыла из Бразилии, где меланж удается еще лучше, чем в Анголе. Горловой, страстный голос, эластичные движения, напоминающие то самку леопарда, то ящерицу. Стало быть, одно из тех существ, о которых в «Тысяче и одной ночи» говорится, что даже у стариков намокают штаны, когда они видят такую хотя б издали. Но, вероятно, посул сильней исполнения — отсюда и заметка графа Кайзерлинга во время его путешествия по Южной Америке: кровь амфибий под гладкой кожей ящерицы. О том же и Вебер в «Демокрите»: «Негритянки, кожа которых выглядит бархатом, а холодна, как у змей».

Повар превосходен; я размышлял над тем, как

у него получается, чтобы каждому из пассажиров досталась индюшачья грудка. Он достигает этого, нарезаая гораздо больше индюков, чем сервируется на стол. Когда «ломтики лысук» распределены, *carcasse*[542] на камбузе по-новому украшается гарниром.

При виде этого я вспомнил о временах вроде «брюквенной зимы» 1917 года, когда шеф-поваром был пустой желудок. Следовало бы научиться по радиотелеграфу отправлять изобилие в те области, где царит голод.

Блюда подавались не просто, а, спрятанные под муляжами, вносились в зал под музыку. Последовали айсберг с пингвинами, которые сторожили лангустов, освещенный изнутри монастырь святого Иеронима и в качестве десерта, под бурные аплодисменты, Вифлеемская башня.

НА БОРТУ, 9 ДЕКАБРЯ 1966 ГОДА

За ночь часы были переведены на час вперед. Утром в разрывах облаков на мгновение показался пик Тенерифе. В плавательном бассейне, где уже вчера отсутствовали португальцы, больше нет воды.

Вечером высадка в Фуншале, в темноте, как и по пути в Анголу. Мне снова бросилась в глаза чистота, вымытое благообразие строений. Зазывалы еще умножились числом и назойливостью. Остров перенаселен; недостающее приходится привносить иностранцам. На это указывают также дешевые вышивки и плетеные изделия.

В центре города сад с пальмами, стволы которых обвивают филодендроны, и с деревьями, широкой плитой распластанными по земле. Среди роз и гибискусов цвели похожие на клюв попугая стрелиции, не столько видимые, сколько угадываемые в темноте.

В магазинах повсюду немецкие газеты и журналы. Здесь я узнал, что за минувшее время Кизингер стал федеральным канцлером. Личность симпатичная — но с практической точки зрения следует опасаться, что мы еще сильнее окажемся привязанными к курсу де Голля. Почему это все еще занимает меня?

НА БОРТУ, 10 ДЕКАБРЯ 1966 ГОДА

Последний день на борту. В двенадцать часов пополудни я поставил последнюю точку в «Субтильной охоте». Так книга и будет теперь называться. Эта тема занимала меня почти три года, хотя и с перерывами.

Чаевые очень приятно персоналу: главному стюарду, старшему стюарду, стюардам по каюте и в баре. После ужина маяк по правому борту. Это, должно быть, испанское побережье.

ЛИССАБОН, 11 ДЕКАБРЯ 1966 ГОДА

Паспортный контроль продолжался долго, как и везде, где задействована сильная полиция.

В аэропорту мы узнали, что ближайшая машина на Цюрих отправляется завтра в шесть часов утра; нам следует за час быть на регистрации. Между прочим, avion кажется мне удачнее

flugzeug[543], однако flieger лучше, чем aviateur[544].

Мы сняли номер в отеле «Principe Real», оставившем у нас о себе добрую память. Освежившись, мы прошлись вдоль avenida do Liberdade, намереваясь еще раз выйти к Вифлеемской башне. По дороге мне пришло в голову, что с тем же успехом мы могли бы съездить в Синтру; мы находились совсем рядом с железнодорожным вокзалом, с которого часто один за другим ходят поезда, например, как из Берлина в Потсдам или из Парижа в Версаль.

Сказано — сделано. Через три четверти часа мы оказались в городке, в котором, несмотря за прохладную погоду, не было недостатка в туристах. Мы поели супа в ресторане «Regional». На борту подтвердился мой старый опыт: что изучение обширных меню, подаваемых по три раза на дню, вскоре вызывает отвращение. Роскошные блюда приобретают какой-то единый привкус. Их начинаешь поглощать с нарастающей безотрадностью, с тоской Исава по чечевичной похлебке. Исключение составляли vinho verde, фрукты и устрицы Илья, которых с первых дней явно недоставало.

Синтра расположена на склоне горы; узкие и кривые улочки ведут мимо садов и вилл. Смотришь ли на гору или на равнину, которая простирается до самого моря, — глаз в любом случае радуется видам, которые уравновешены так, словно композицию их продумали.

Сила атлантических ливней видна по деревьям; среди вечнозеленых стояли другие, которые, как платаны и акации, уже сбросили листву. Дождь придает дополнительный блеск строениям; стены и кровли кажутся покрытыми глазурью. Названия улиц не указаны, как у нас, на табличках, способных испортить даже уникальное и красивое здание, а в виде azulejos[545] вправлены в каменные стены.

Атлантический ветер объясняет чрезвычайную тщательность, с какой тут выкладывают дымовые трубы. Любая крыша богато оформлена ими; иные производят впечатление надставленной стены, в которую впущен ряд керамических труб. Можно было бы с большим основанием назвать Синтру городом этих дымовых труб, чем городом двух колоссов, которые представляют собой уникальные сооружения в истории архитектуры. Я, правда, давно знал их по репродукциям знаменитого замка, но считал их необычными башнями, которые по форме напоминали скорее сардинские нураги[546], нежели какой-то исторический стиль. Здесь же я узнал, что они служат дымоходами для двух кухонь, расположенных в цоколях. Мы не преминули войти внутрь и увидели там копыя, годные, чтобы поджарить быка, над железными решетками, на которых в качестве дров лежали стволы деревьев, — сейчас лишь как имитация, поскольку кухни давно уже превратились в музеи. На эти очаги небо глядит сверху словно в двойной бинокль. Пока вельможи восседали за столом в праздничном зале, здесь среди дыма и огня события разворачивались, как на поле сражения. Я подумал о Пантагрюэле, который, гребнем из слоновых бивней вычесав из волос пушечные ядра, съедает быка.

Вверх по лестнице, вниз по лестнице, нас провели по наполненному сокровищами замку, показали также темницу, где с женой и братом содержался в заточении Альфонс VI и где он через много лет умер. Его взгляд через зарешеченное окно простирался далеко над предгорьем до самого моря.

Вообще-то, замок напоминает сераль. Ценная мебель, сосуды, изделия в китайском стиле из Макао, в том числе вазы в рост человека, великолепный синий ковер и колокольня из слоновой кости. Древесина из Бразилии, стол, за которым нашлось бы место для коллегии из двадцати персон со всеми их бумагами, в квадратном помещении. На стенах azulejos со сценами охоты на кабанов и оленей. Воспоминания о испано-мавританской эпохе, в том числе фаянсы, древнее золото которых покрывает иней фиолетового оттенка спорыньи. Дыхание старой мировой державы, куда стекались сокровища Индии.

Спиральным ходом винтовых лестниц окна башни открывают ландшафт в стереоскопических разворотах: гряды гор с готическими крепостными стенами, атлантические декоративные парки, лузитанское побережье, потом снова каменный внутренний двор со статуями и фонтанами.

Я подумал о других замках, которые мне доводилось видеть: замок Мейсена, монастырь Седнаджа в Сирии. Собрание сокровищ светскими и духовными князьями, затем разграбление их и рассеивание: одна из бесчисленных форм вдоха и выдоха в пределах вращающегося, пульсирующего мира. А некоторые сокровища погружаются глубже, становятся вневременными, как сокровище Атрея или Тутанхамона. Проходят тысячелетия, прежде чем они вновь появляются на свет. О других, как сокровище нибелунгов, знают только легенды. Они покоятся в глубине; подъем их может накликать беду, как о том красочно повествуется в германских сагах и ближневосточных сказках. Подразумевается тот мировой клад, которым мы живем, пусть только лишь на проценты, благодаря его излучению, приходящему из недостижимой дали. Даже солнце является только символом, зримым отображением; оно принадлежит к временному миру. С другой стороны: любое собранное на Земле сокровище тоже остается подобием, символом. Его не может быть достаточно, отсюда и ненасытный, неутолимый голод.

Потом мы хотели подняться на замковую гору, но отказались от этой затеи, увидев, что ее внезапно заволокли низко надвигающиеся тучи, и поехали обратно в Лиссабон. Там мы еще раз сходили на Pra^{ça} do Comercio, пуп лузитанского мира. Паромы и портовые суда облетали стаи чаек, на набережной торговцы предлагали на продажу ананасы и бананы, от глиняных урн тянуло дымком жареных каштанов.

В пределах нескончаемого потока автомобилей я еще раз обогнул центральную статую и обнаружил, что князь скачет прочь от змей, которые поднимают головы, как полевые лилии. После таких обходов нужно было закрыть глаза и вдохнуть. Здесь рациональные и фантастические величины сходятся в крайне ограниченном фойе перед бескрайним. Помбал и землетрясение. Немного ниже Вифлеемская башня, которую приветствовали на прощание кругосветные путешественники и конкистадоры, прежде чем умножить богатство короны странами и островами или в железных латах пройти вверх по Конго и Амазонке. На кромках трех континентов светятся звездообразные крепости, памятники, оставленные ими после себя. Подлинники наследники готов, викингов и норманнов... еще ближе, чем в «Лузиадах», их чувствуешь в песнях Ариоста.

Большая avenida была уже украшена к Рождеству. Роскошь витрин, прежде всего, ювелиров и мужских портных, как на цюрихской Банхофштрассе или Rue de la Paix в Париже, выдавала в ней одну из тех троп, по которым ходят важные люди мира сего. Она была освещена мириадами пестрых огней, как вход во дворец Аладдина.

Утомленные изысками португальского корабельного повара, мы отдыхали за стаканом vinho tinto[547] в продымленном трактире, располагавшемся в змеистом проходе винного погребка. Здесь предлагались удивительные лакомства; полосатая каракатица пузырилась на огне древесного угля; покупателей поджидал octopus[548] с розовыми щупальцами, на которых подобно фарфоровым кнопкам выделялись присоски. Лягушки, запеченные целиком, громоздились плоскими слоями рядом с горами вареных воробьев. Винные пробки, ракушки, рыбы кости, окурки и другие остатки время от времени посыпались опилками и выметались за дверь. Публика была мимолетная: матросы с торговых судов, уличные девки, швейцары маленьких соседних гостиниц, которые приносили сигареты и перешептывались с официантами, за соседним столом какой-то старик, который менял кучу медных монет на серебро. Белый посох указывал на то, что он слепой нищий. В картинах здесь не было недостатка; они, поскольку языка мы не понимали, производили таинственное впечатление. Еще не завершено: демократизация народа.

В отель мы вернулись поздно и, не надеясь на портье, поставили будильник на четыре часа. Я спал мало; образы продолжали свой бег, к тому же болели раны на ноге.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 12 ДЕКАБРЯ 1966 ГОДА

Быстрее, чем думали, самолет, следующий из Южной Америки, доставил нас в Швейцарию. Увидев по правую руку восходящее над Пиренеями солнце, я задремал и проснулся только перед Цюрихом от объявления о посадке. Die

Landung лучше, чем l'atterrissage[549], а вот la piste лучше, чем die Landebahn[550].

В наше время, когда удивление все быстрее мельчает, мое уважение к пилоту и его управлению все же осталось — уверенность, с какой он за секунды сажает свой самолет на летную дорожку. Я по-прежнему переживаю соприкосновение с землей с таким чувством, будто удался акробатический трюк. К легкости движения нужно мысленно добавить многотонный груз и сотню пассажиров за спиной. Их жизнь зависит от целого комплекса предпосылок.

Самоочевидность, с какой мирятся с риском — это, мне кажется, верное слово — была б непонятна предкам, а у жителей будущего вызовет более сильное восхищение, чем у современников. Передвижение как одна из святынь модерна — это молох, одно из указаний на титаническую эпоху. Он требует тысячу или более жертв ежедневно, предпочтительней сожженных на огне. Поколение, уставшее от героев и культа героев, ведет себя здесь с поразительной беспристрастностью. Делаешься частью статистики; жизнь становится дороже, смерть дешевле. Можно и наоборот, в зависимости от представлений о ценности. Геракл, отправляясь в Немею, заключает сделку о страховании жизни.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 29 ДЕКАБРЯ 1966 ГОДА

Альберту Вайдели: «Сердечно благодарю Вас и Вашу супругу за добрые пожелания к Новому году. Минувший год принес богатый урожай; если так и дальше пойдет, я буду доволен. Это касается также и рукописей; сегодня я начал переписывание части того, что накопилось.

Хочу поблагодарить также за маленького трилобита из Юты, которого моя жена передала мне в Рождественский сочельник и который придает новый блеск моей коллекции. Я поражаюсь не только выразительной, но и чеканящей силе природы; сюда в данном случае еще добавляется тонкая обработка человеческой рукой.

Глядя на трилобитов, мне представляются, будто в определенной точке пересечения природа интуитивным образом ухватила идею трехчленного деления и перевела ее в простую модель. Голова, грудь и брюшко, корпус, руки, крылья или плавники, позвоночник и ребра, сегменты тела членистоногих и их придатки — все это возвращается снова в многократных комбинациях, зачастую с использованием новых элементов и поперек родословного дерева: именно как план и независимо от субстанции. Как выглядит дом, установлено; а строится ли он из камня, древесины, глины или кирпичей, определяют обстоятельства.

Сейчас я взялся за материал, собранный в Анголе. Приехав в следующий раз в Вильфлинген, Вы уже сможете увидеть добрую часть из этого».

1967

ВИЛЬФЛИНГЕН, 14 ЯНВАРЯ 1967 ГОДА

Вальтеру Нойманну: «Большое спасибо за Ваши добрые пожелания и песочные часики, которые сопровождали их в качестве голоса судьбы.

Несмотря на то, что я коллекционирую только старинное стекло, я залюбовался их совершенством, особенно однообразностью "песка", достичь которой раньше было настоящей проблемой. Используемый здесь материал настолько тонкий, что в верхней половине ампул он во время стенания располагается кристаллическими узорами. Сюда добавляется воздухонепроницаемая изоляция и твердая материя стекла, которую песок едва ли сможет сточить. Раньше они портились не только вследствие влажности, но и потому, что струйка постепенно растачивала талию, так что с годами часы "шли быстрее"».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 11 МАРТА 1967 ГОДА

Отмару Лангу: «Я говорю Вам большое спасибо за "Шверин" Фарнхагена[551]. Книга выходила несколькими изданиями, из которых это, 1841 года, является первым. Я сразу прочитал отмеченные Вами места, а также еще некоторые. Фарнхаген пользовался источниками, которые за минувшее время, вероятно, пропали. В 1928 году была опубликована еще одна книга о Шверине, составленная кем-то из потомков.

Дневники Фарнхагена я читал в 1934 году; характер я нашел малоприятным. Однако в них содержалось много фактов; я смог их использовать также, когда работал над Риваролем.

Шверин — это сангвинический тип с маленькими слабостями и большими достоинствами, благородный противник старика Дессауэра. Известие о смерти этого семидесятидвухлетнего человека в окрестностях Праги пришло, когда я был еще ребенком. Для меня это до сих пор является событием из ряда вон выходящим. Блюхеру (человек с похожим гусарским характером, но гораздо менее духовный) было столько же, когда его ранило под Линьи.

Один читатель из Южной Африки прислал мне несколько автографов; особенно порадовало меня письмо Максимилиана Мексиканского к матери одного из своих офицеров».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 18 МАРТА 1967 ГОДА

Клеменсу Пласманну: «Большое спасибо за то, что Вы столь любезным образом вспомнили "тот день".

Icb hab in meinem Sein sehr viel beim Wein gesonnen

und hab sehr viel beim Wein in meinem Sein

gewonnen.[552]

Тут у Пальм-Нессельманна сходятся два светлых ума: Омар Хайям и Ангелус Силезиус».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 1 АПРЕЛЯ 1967 ГОДА

Парапет разбитого Штирляйн небольшого сада камней населяют сейчас две стенных ящерицы[553]. У одной не хватает хвоста. Брем: «Под любым из валунов мы обязательно найдем один из таких экземпляров». Удивительно только, как быстро они появились, поскольку до сих пор я ни одной не видел здесь поблизости.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 5 АПРЕЛЯ 1967 ГОДА

Эрве Лавениру[554]: «Я с глубокой благодарностью поддержал Вашу любезную инициативу от

22 февраля.

Я тоже придерживаюсь того мнения, что в Европе будущего французскому языку отведена особая роль — прежде всего в дипломатии и вообще в сфере высокого взаимопонимания.

Молодым европейцам придется, наверное, выучить три современных языка, что, скажем, в сегодняшней Швейцарии является предпосылкой карьеры среднего и уж тем более высокого уровня. В планетарном общении необходимым, должно быть, станет английский язык.

К сожалению, идея Объединенной Европы из-за де Голля потерпела провал, от которого она не так скоро оправится».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 8 АПРЕЛЯ 1967 ГОДА

Ночью иней. Царский рябчик[555] склонился низко к земле, но в полдень снова выпрямился.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 17 АПРЕЛЯ 1967 ГОДА

Отто Клагесу: «Моя жена расположила для меня известковые шпаты[556] в точном соответствии с Вашими маркировками. Таким образом, они предстали во всем своем пестром великолепии. Примите, пожалуйста, еще раз мою сердечную признательность — благодаря Вам я становлюсь неизмеримо богаче. Прежде всего, меня порадовали кварцевые кристаллы, которые образуются под давлением в горной породе, затем обнажаются и, вероятно, замыкаются снова — они в отекающей форме странствуют по геологической эпохе. Красива фаза известкового шпата с нежным розовым налетом, которая возникает из серого цоколя.

Кроме Ваших пришло еще несколько камней — например, тяжелый экземпляр из ваших окрестностей: *Ammonites Pachydiscus Zitt.*, месторождение Мисбург. На него наткнулся железнодорожник, работавший при разгрузке. Напротив, *Rhaeboceras Halli Meek*, из Биг Хорн Ривер, Монтана, США, был изящным, подлинной драгоценностью. Таковы приятные последствия книги "Камни"».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 19 АПРЕЛЯ 1967 ГОДА

Альфреду Фабр-Люку[557]: «Очередной номер "Nouveau Regime", который доставляется мне из Парижа, неоднократно напоминает мне о Вас, к сожалению, в мало приятной форме, а именно язвительными нападками.

Я воспринимаю это как знак того, что Вы неуклонно следуете идее Объединенной Европы. И это единственный путь, ведущий на простор. То обстоятельство, что после хороших начинаний его приходится оставить, огорчает меня как немца, как европейца и гражданина мира».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 11 МАЯ 1967 ГОДА

Дубовая роща, сильно изломанная ветрами. На сваленном стволе сидел молодой, еще не совсем самостоятельный канюк[558], который пристально смотрел на меня желтыми глазами, когда я приближался. Хотя он клевал меня в палец, я положил его к себе в грибную сумку. Потом на обратном пути привычным маршрутом у меня возникли сомнения — я вспомнил о встрече с подстреленной птицей на линии Зигфрида и о нашем Исаве в Килумбо, пошел обратно к стволу, на котором он сидел, и вернул его на прежнее место. Вскоре я услышал в листве высокого ясеня хлопанье крыльев и осторожные призывные звуки. Мимолетное усыновление.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 1 ИЮНЯ 1967 ГОДА

Ландыши[559], когда-то подарок Грете, который я посадил из горшков, цветут в тени лесного бука[560]. Они светятся из темно-зеленой листвы. По вечерам пьянящий аромат. Как получается, что я реагирую на него по-особенному? Для многих других у меня почти нет нюха — аналогично тому, как если бы в царстве звуков я оставался бы глух для некоторых акустических диапазонов. Этот цветок, как и сердцевидка[561], относится к обворожительным изобретениям природы.

Сажал помидоры довольно поздно, уже цветущие. Луга в полном цветении. Не только луговой сердечник[562] и одуванчик[563], но желтый лютик[564] и клитории[565] — скоро подойдет сенокос. Перед Ридлингенем великолепное пастбище: лютик и горичветы[566], частью большими полянами, отчасти вперемешку.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 14 ИЮНЯ 1967 ГОДА

Водосбор[567]. Сверкая безудержным многоцветием, он особенно хорошо разрастается из живых самшитовых изгородей. Во всех градациях — от белого через желтый и розовый до почти черно-фиолетового цвета. Ничто не сравнится с великолепной горечавчатой[568] голубизной *Aquilegia alpina*. Поздним летом черные семена тонкими струйками стекают в самшит[569]. Шлемобразование *Ranunculaceae*[570]: романское в аконите[571], готическое в живокости[572], позднеготическое в *Aquilegia*. В Эльзасе она называется также «шутовским колпаком». Образец для Доре.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 15 ИЮНЯ 1967 ГОДА

Похороны главного лесничего Кинцле при мягком солнечном свете. Хранитель, охотник, лесной ходок. На Рождество он в одиночку отправился в заснеженный лес. В агонии: «Мне нужно в лес — сами они там не разберутся. Мне нужно к землянике».

Сюда же последнее слово капеллана Вильда, который услышал колокола Грюнингерской церкви: «Сейчас идет пресуществление».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 27 ИЮНЯ 1967 ГОДА

Маленькая экономика. На переднем дворе маргаритки заполняют канавки вымощенной дорожки. При перекапывании обнаруживаются все новые и новые камни; они как будто растут. Я собираю их в холм, покрываю его землей и обсаживаю мхом. Он начинает цвести; из породной массы получается приятное место. Цветут также водоросли: мрамор надгробий окрашивается красным.

Рассеянный по грядкам укроп: тончайшее напыление зелени. Созревая, он раскидывает над морковь и земляникой желтое покрывало. Галантная трава: зеленые кончики идут к молодому картофелю, желтые семена — для огурцов.

И львиный зев[573] в пределах своей богатой шкалы развивает серно-желтый окрас, какой едва ли еще у кого-нибудь встретишь.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 5 ИЮЛЯ 1967 ГОДА

Наперстянка[574] у стены цветет в три стебля, выше человеческого роста, которые кверху

медленно угасают. Колокольчики открыли зевы, их облетают шмели, забирающиеся глубоко внутрь.

Дно чашечки покрыто пурпурными пятнышками, каждое из этих пятнышек обрамляет белая кромка. Очевидно, их темнота благодаря этому должна еще сильнее выделяться на фоне светлой красноты цветка. Ковер, ведущий к гроту с сокровищами Аладдина.

Мак образует пучок с множеством почек, но цветет в большинстве случаев только одна, от светло-лилового тона до темно-лилового, изредка белая. Сегодня одна, наполненная, выбилась — комочек розовой бахромы: пуховка Помпадур.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 14 ИЮЛЯ 1967 ГОДА

Сад, беседка, дождь: занавеси. После полудня гроза с сильным ливнем, между струями град; ядра сначала величиной с горошину, потом размером в дику вишню. Вскоре газон был покрыт льдом.

Под конец снова солнце. Настурции[575] цветут желтым, оранжевым, светло-кирпичным цветом. Если хочешь привнести свет в хмурую комнату, нет ничего лучше букета из них.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 22 ИЮЛЯ 1967 ГОДА

Хождение по лесу. Грибов почти нет, только один «тюфячок». Был не в лучшей форме с полудня, но лес просветляет.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 4 СЕНТЯБРЯ 1967 ГОДА

«Дорогая Ореола Неми[576], Ваше письмо от 31 августа принесло мне одно из самых скорбных в моей жизни известий. Мой друг Генри, которому я обязан столь многим и только хорошим... мертв!

А мы так надеялись следующей весной насладиться сердечной радостью общения с ним — это составляло самую большую часть нашего предвкушенья и отрады. Теперь же мы надеемся узнать от Вас еще больше о его последних днях — будь то в Риме или в Ла Специи.

Чудесные глаза Генри закрылись — мы опечалены этим, но нынче он видит здесь больше, чем мы. В этом я убежден.

Моя жена тоже посылает привет — она вместе со мной разделяет боль Вашей утраты».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 18 СЕНТЯБРЯ 1967 ГОДА

Обществу Шопенгауэра во Франфурт-на-Майне: «Большое спасибо за ваше письмо от 13 сентября и замыслы, которые я собираюсь изучить на досуге. Артур Шопенгауэр принадлежит к тем умам, благодаря произведениям которых я научился думать. Я все снова и снова возвращаюсь к нему, и даже в данный момент, лежа с гриппом в постели, занимаюсь чтением третьего тома "Мира как воли и представления". То, что в ход пущены все средства, чтобы обесценить и этого классического мыслителя, вам известно лучше, чем мне. Однако звезда его продолжит сиять и тогда, когда обманчивый свет наших модных философов давно погаснет. Post nubila Phoebus[577] — они не дотягивают до него ни рационально, ни метафизически, не говоря уже об этической стороне вопроса».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 2 ОКТЯБРЯ 1967 ГОДА

«Глубокоуважаемый господин Вольфф, я должен еще ответить на Ваш запрос от 12 сентября. Разговоры с журналом Spiegel имеют, скорее, значение для политиков, предпринимателей и журналистов, вообще для людей, которые в той или иной степени ориентируются на общественное мнение и на выработанные в нем суждения. И тут я спрашиваю себя, какую реальную пользу это приносит им, поскольку уже через неделю от данных публикаций не остается ничего, кроме смутных воспоминаний.

У меня тоже время от времени появляются визитеры, которые после нескольких безобидных слов водружают на стол аппарат. И я, новизны ради, несколько раз принимал участие в этом, но вскоре затем у меня возникало неприятное ощущение — примерно как у Петера Шлемиля: вот уходит сейчас человек, пусть не с твоей субстанцией, но с твоей тенью. Ну что ж, в конце концов, никто в наше время не остается совсем неоципаным.

Сегодня, очевидно, исчезла способность вести беседу со смыслом, то есть в ее подлинной реальности. А к ней относятся настроение, молчание, аура и взаимное внимание встречающихся в вопросе и ответе. Магнитофон, напротив, относится к классу презервативов, как определяет их мадам де Сталь: паутина осторожности, панцирь страсти. Истинный плод беседы механикой разрушается. К этому нужно добавить еще недоверие к визитеру, умственное существование которого основывается на sneering[578] и который, вероятно, уже с этой целью и появляется.

Есть современники, которые сожалеют, что уже в Афинах, Флоренции, Веймаре деятельные умы не ходили с такими аппаратами от одной мастерской к другой. Тогда бы вместо диалогов Платона, Вазари или Эккермана мы имели бы сегодня кучу заполненных банальностями магнитофонных пленок, а в наших галереях вместо картин висели бы фотографии актеров. Такое можно вообразить в проекции на будущее.

Нынче они намерены обсуждать со мною этим способом такую очень серьезную тему как "Ответственность писателя". Разлад между самореализацией творческого человека и требованиями, которые ему предъявляет мир и общество, осознавался мною, конечно, с самого начала, и я тоже заплатил за это свою цену. Вещи такого рода не изрекают за полчаса в какой-нибудь аппарат. Шиллер тоже оказался бы неспособным на такое, ибо его взгляд на это был двойственным. Во фразе из "Отпадения Нидерландов", которую Вы цитируете, он как историк выражается критически о такой возможности, но как поэт он ее подтверждает.

Вместе с тем нельзя было бы сказать, что я уклонюсь от гуманной беседы об этих опытах, в случае, если Вы когда-нибудь, и по возможности без публицистических намерений, окажетесь в наших краях. Тогда Вы не отделались бы обычными сегодня пустыми разглагольствованиями о духовной свободе, а узнали, как такая ситуация выглядит в случае серьезной необходимости, например, когда речь заходит о публикации "На мраморных

утесах". Подтверждение духовной свободы начинается только там, где о свободе прессы давно уже нет и речи.

Со своей стороны я, пользуясь удобным случаем, был бы рад узнать, как Вы представляете себе "Ответственность критика". Он тем строже должен был бы проверять себя, выражая составленное, вероятно за одну ночь, суждение о произведении, над которым автор трудился в течение нескольких лет. При этом Вы могли бы дать наставление одному из моих молодых друзей, который уже долгое время работает над темой "Книжная критика после 1945 года" и которому я периодически сообщаю о том, какие соображения на этот счет собираются у меня».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 5 ОКТЯБРЯ 1967 ГОДА

«Дорогой друг Пляр[579], то, что Вам удалось отвоевать у своего гриппа письмо от 1 октября, очень мило с Вашей стороны и, хочется надеяться, не повлекло для Вас неблагоприятных последствий. Я имею обыкновение в подобных случаях пользоваться пером; читать и писать в постели я нахожу особенно приятным.

Осенним гриппам, которые прежде, и особенно после моего ранения в легкое, порой сильно меня ослабляли, я пытаюсь противостоять тем, что круглый год купаюсь в холодной воде. Избежать, конечно, удастся не всякого гриппа, поскольку некоторые являются по своей природе заразными. Но и они тоже сильно сглаживаются закалкой.

Я с удовольствием и переводил бы в постели. Вероятно, вы в этом мне подражаете, даже если остаетесь в кровати уже не по болезни, а из чистого наслаждения. Я даже надеюсь, что кое-что от Вашего домашнего уюта отражается в переводе — тогда вещь выигрывает благодаря collaboration[580].

Вы поставили восклицательный знак после слова Devergia. Я предполагаю, что художником изящно-развратных картин, которые когда-то попадались мне на глаза, был не Эжен, а его брат Ашиль Девериа[581]. Он особенно прославился портретами актрис, издал даже "Историческую женскую галерею". По стилю эти картины, которые я упоминал также в "Опасной встрече"[582], напомнили мне "Мемуары певицы", приписываемые Генриетте Зонтаг[583], за что, впрочем, я не могу ручаться. Младшего брата этой Зонтаг, замечу, видел актером в Ганноверском придворном театре еще мой дедушка. Он, кажется, с непревзойденным комизмом играл бонвиванов — похоже, это в семье сохранилось.

Я изымаю Ваши примечания к опечатке "Katura maxima...", потому что у Вас находится сигнальный экземпляр, тогда как в моих фрагментах эта неточность уже исправлена. Зато на стр. 330 я обнаружил перестановку строк, которая, однако, поскольку я приостановил печать, осталась лишь в части тиража. Это, естественно, принесло издержки издательству. В подобных вещах я не жалею усилий и нахожу поддержку также у моей taurillon[584], у которой нет недостатка в издательском опыте. Я прорабатываю типограмму, которую сам отпечатал на машинке, и читаю первую корректуру. Верстку, а также сверку читает только Штирляйн. И если затем в первом пробном экземпляре обнаруживается подобный салат из строк, это особенно сердит. Он возникает потому, что печатник пропускает предложения и потом восстанавливает их по своему разумению. У меня вообще аллергия на думающих наборщиков, а также на таких, которые в своем всезнайстве апеллируют к словарям. * * *

Козерог должен быть представлен стойкими, сухими, гарантирующими существующий порядок характерами. Типичным Козерогом считается Гинденбург. Вы ведь знаете, что астрологами я восхищаюсь скорее издалека.

Сердечный привет от моего дома Вашему. И не вставайте слишком рано с постели, ибо, во-первых, запущенный грипп — вещь крайне неприятная, а во-вторых, кровать — такое надежное убежище. "Господин профессор болен" — это лучшее средство от незваных гостей».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 19 ОКТЯБРЯ 1967 ГОДА

Опыление померанцевого деревца на подоконнике. Золотистая пыльца прилипает к кончику волосистой кисточки, которой я касаюсь сверкающей выпуклости пестика; вскоре нежное, луноцветное рыльце опухнет.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 1 НОЯБРЯ 1967 ГОДА

Доктору Георгу Фрау: «Большое спасибо за великолепных *Helioscopis*[585], которые прибыли сейчас из Вашего музея, после того, как я безуспешно высматривал их в Египте. То обстоятельство, что Вы посвящаете особое внимание крупным *Sorghopaga*[586], я могу хорошо понять. Как буйволы, слоны и носороги среди млекопитающих, они являются крупным зверем среди жесткокрылых насекомых, и это подтверждают разнообразные сходства, касательно не только внешней формы и образа жизни, но и биотопа. Это мне стало по-настоящему ясно год назад в Анголе, когда мы следовали за буйволами и налетели крупные, шелковисто-зеленые скарабеи.

Поскольку животные эти так хорошо известны, я едва ли могу надеяться, что однажды увижу свое имя связанным с одним из их прекрасных видов. Если кто-то из Ваших сотрудников систематизирует это либо иное семейство, я охотно пришлю ряд пород из своих палеоарктических запасов для определения. Экзотов я собираю лишь для того, чтобы дарить их, хотя охоте и наблюдению в тропиках предавался со страстью. Вообще, я рассматриваю свое собрание только как пересыльный лагерь, фонды которого в один прекрасный день отправятся в какой-нибудь музей.

Господин Оке, которому я пожертвовал моих *Gyrinidae*[587], полагает, что в Либоло можно найти еще много неизвестного. В научном материале, который я на самом деле выудил преимущественно в плавательном бассейне Франца фон Штауффенберга, вероятно, есть по крайней мере несколько новых разновидностей. Стало быть, я должен еще раз съездить туда, пока это еще возможно для европейца».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 9 НОЯБРЯ 1967 ГОДА

Плата за вход. Порой лучше вводить плату за выход, которую платишь, чтобы больше не иметь никаких дел с обществом.

Из некролога: «Он всю свою жизнь неправильно удивлялся Богу».

Один старшеклассник спрашивает, что я могу возразить «на брошенный мне упрек в героизме»?

ВИЛЬФЛИНГЕН, 27 НОЯБРЯ 1967 ГОДА

«Дорогой господин Хайдеггер, я хотел бы уже сегодня сказать спасибо за посвящение "Путевых знаков"[588], хотя продвинулся в чтении лишь наполовину. В эти хмурые ноябрьские дни я собираюсь на одну-две недели съездить в Париж.

Ваши тексты сложны и едва ли переводимы; поэтому я опять и опять удивляюсь тому воздействию, какое они производят на культурных французов. Здесь, видимо, происходит своего рода осмос, либо читатель прислушивается к взаимосвязи, существующей под уровнем языка.

Возражения этимологов против Вашего творческого почерка необоснованны, поскольку Вы оперируете материалом, проникая под исторический корпус языка. То же самое относится к логике и вообще опыту. Он сокращается на несколько огромных шагов.

Ваши основания плодотворнее, нежели попытки надстраивать язык там, где он давным-давно обветшал. В этом отношении Вы по праву рассматриваете Гёльдерлина как явление единичное. И в язык его тоже нужно вникать, а не "понимать" его.

Ein Zeichen sind wir, deutungslos

...und haben fast

Die Sprache in der Fremde verloren.[589]

Это оттеняет Ваше определение местоположения языка как "дома Бытия". Оно часто цитируется, хотя едва ли в смысле бессловесной и безымянной Мнемозины, что одновременно обозначает надежность и потерю.

В самой природе вещей заложено, что Ваш волнующий, подлинно рискованный образ мысли может, скорее, угадываться, нежели пониматься точно. Когда-нибудь он прибавит славы не только нашей стране, но и нашему времени. Он дополняет его, погрязшее в заботах по организации и оснащению.

Меня порадовало, что Ваше суждение о "Рабочем"[590] осталось неизменным. Следовательно, оно не замутилось духом времени, как раньше оно им не форсировалось. Книга осталась по существу незамеченной и прикрытой или завуалированной простым развитием событий, хотя диагноз и прогноз подтверждаются ежедневно. Тем не менее, это лучшая судьба, чем пользоваться всемирным вниманием, тогда как вещи движутся совсем по другому руслу. Так случилось с Марксом — факты противоречат концепции, мысли — действиям. В материальном отношении все закончилось уже с паровым двигателем, тогда как два следующих гигантских шага были совершены электричеством и ядерной техникой. Такой разрыв не замедляет самого хода событий, а вот осознание отчужденности и опустошения, пожалуй, усиливается».

1968

ВИЛЬФЛИНГЕН, 1 ЯНВАРЯ 1968 ГОДА

Новогодний вечер. Ветер опять и опять гасил огни на кладбище. Мы лили свинец — Штирляйн розу, я шатер и лодку.

Солнечная погода в день Нового года. Павлиноглазка на окне прихожей, как комнатная птица, начинающая порхать, когда ее касается луч света.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 2 ЯНВАРЯ 1968 ГОДА

К ночи в лесу. Я дважды заблудился, прежде чем добрался до «своего» дерева, которое часто навещал с момента моего первого возвращения с Сардинии в 1954 году.

Систематизировал род *Scaurus*, продолжил текст «Цейлона».

Стангопея[591]. В этом виде орхидеи становятся слишком непосредственными, такие мог бы придумать Бердслей[592]. К тому же очень въедливый запах. Природа тоже перебарщивает. Пускаешься на такое, и приходится смириться с повышенной температурой.

Из Тулона пришли «Les Formats»[593] Ловернье. Хорошее дополнение к «Les Bagnes»[594] Мориса Алуа (1845), произведению, которое, как мне представляется, оплодотворило Виктора Гюго («Les Misérables»[595], 1862 год).

После революции, прежде всего при Луи Филиппе, неприкосновенность собственности стала обеспечиваться таким способом, который ужесточил исполнение приговора и придал ему новый, моральный оттенок. Нужда бедняков усиливала наслаждение обладанием, страдание осужденного повышало уверенность в собственной правоте.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 4 ЯНВАРЯ 1968 ГОДА

Фриц сообщает мне о смерти кота Лотоса. Он дожил до преклонного возраста; он давно ослеп и, должно быть, кротко и с достоинством перешел в вечность. Я привез его в Юберлинген шестнадцать лет назад; он был сыном Ли Пинь[596].

Мирча Элиаде[597] посылает мне главу «Наркотиков и опьянения», которую я дал для его юбилейного сборника (je suis dans le secret[598]), во втором переводе, которым я доволен.

Продолжил чтение «Les Formats». Очень хорошо, если принимать френологическую страсть автора не слишком серьезно — опять выведенные типы плотнее типологии.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 11 ЯНВАРЯ 1968 ГОДА

Ночью на каком-то базаре; над ним парашюты, на которых висели пилоты, как навес от солнца. Где-то работала мать. Разве предки не помогают нашему освобождению?

Снова годовщина дня, в который пришло известие о смерти Эрнстля.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 13 ЯНВАРЯ 1968 ГОДА

Ночью двадцать градусов мороза. [...]

ВИЛЬФЛИНГЕН, 14 ЯНВАРЯ 1968 ГОДА

Ночью резкая перемена погоды; даже идет дождь.

Чудовищная жадность Аманды, с какой она пристально смотрит на птиц за стеклом, когда они расклеывают корм. Шерсть встает дыбом, хвост торчит, как фитиль, челюсти то открываются, то закрываются. Она опять и опять безуспешно прыгает на стеклянную стену.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 20 ЯНВАРЯ 1968 ГОДА

Ночью в «запретном доме». Там «работал над прозой», то есть не над текстом, а над нитью плетения. Потом на Сардинии под цветущей грушей близ Урджулии.

От Жака Бреннэ пришло одно из изданий *Mercure de France*: мемуары Канлера, *ancien chef du service surete*[599] Парижа. Такие люди обладают зорким глазом и замечают много особенного. В их сообщениях содержится переплетение анекдотического узора, во всяком случае, так было еще во времена Канлера. Возможно, и преступление скоро тоже падет жертвой шифровки и превратится в арифметическую игру между правонарушителями и полицией.

Начав листать, наткнулся на *Les piqueurs*[600]. Они кололи женщин в зад и своими нападениями вызывали панический ужас. Для защиты придумали специальный коврик, который можно было пристегнуть ремнем, *protege-fesses*[601]. Так может возникать мода.

Это было в 1820 году. Уже тогда «опять» произошли студенческие беспорядки на площади Согласия, которые стоили жизни одному из демонстрантов.

С такими аднотами[602] уже Бен-Акиба[603] нажил себе врагов. Они посягают на «неповторимость».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 21 ЯНВАРЯ 1968 ГОДА

В полдень Эрнст и Рената Клетт[604]; потом из Юберлингена прибыл Франци фон Штауффенберг. Мы делились воспоминаниями о Килимбо. Еще теплится надежда, что мы раздобудем-таки «Флору Анголы» Гроссвайлера.

Эрнст Клетт: «Сегодня в каждой фразе высказывается противоположное предыдущей». Примета переходного времени. И у нас каждые пять лет — новое поколение.

Вечером я приводил в порядок вид Blaps[605]; скрытно живущие насекомые, найдены под камнями, в подвалах и на развалинах: в Юберлингене, на Сардинии, Корсике, на Балеарских островах, в Сьерре и в Ливане. Одно из наслаждений энтомолога заключается в открытии нового, наполненного жизнью измерения. Как любая мистерия, эта тоже обращена только к тем, кто разделяет тайну; для других все это выглядит абсурдно, даже предосудительно.

В связи со слонами при переписывании «Цейлона» повторяется битва на Гидаспе[606].

ВИЛЬФЛИНГЕН, 23 ЯНВАРЯ 1968 ГОДА

Госпоже Муграби: «Это верно, что я время от времени покупал старинные труды о насекомых. Последняя четверть XVIII столетия создала особенно прекрасные. Но и двухтомный Voet, 1806 года, до сих пор можно встретить; я приобрел его приблизительно три года назад за сто пятьдесят марок.

С подобными покупками я должен держать себя в рамках, ибо вместо того чтобы выложить 4200 марок за труд о бабочках, я съездил или мог бы два раза съездить на Конго или на Амазонку и увидеть там животных в естественной среде.

Впрочем, чрезмерная цена книги снижает для меня наслаждение ею. Так, некоторое время назад я прочитал, что издание драматических переводов Гёльдерлина 1804 года было выставлено на мюнхенском аукционе за 3100 марок. Это произведение стоит среди моих книг — серые, неприметные томики; вид их уже давно не доставляет мне подлинного удовольствия. Цена давит на ценность».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 9 ФЕВРАЛЯ 1968 ГОДА

«Дорогой господин Ровольт, благодарю за "Тихие дни в Клиши" — я с нетерпением жду момента, когда смогу приступить к чтению. Прошло двадцать пять лет с тех пор, как я в первый раз занялся книгами Генри Миллера, тогда и во Франции еще продававшимися из-под полы. Сегодня на набережных разложен Сад, и охотников купить его нет, как я узнал от одного букиниста.

Миллер прав, называя себя открывателем ворот. Правда, его манера смотреть на вещи раздута последователями. Это напоминает прогресс в фотографии: вместе с техникой вперед продвигается пошлость и массовый ассортимент. Ну а это — беда для художника.

Прежде всего, я хотел бы отблагодарить Вас указанием на "Memoires de Canler, Ancien Chef

du Service de SuretJ". Вышло в "Mercure de France" В 1968 году.

Перевод, вероятно, с некоторыми сокращениями, стоило бы сделать. Все повторяется, в преступлении тоже: похищение детей с целью вымогательства, возмущение смертью студента, во время скопления толпы на площади Согласия при Луи-Филиппе застреленного полицейским. Канлер, наследник Видока, является одновременно зорким и умным наблюдателем. Вообще вся серия, в которой появилась эта книга, заслуживает Вашего внимания: "Le Temps Retrouve/ Documents"».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 10 ФЕВРАЛЯ 1968 ГОДА

Доктору Франсуа Байле: «С той же почтой я отослал Вам обратно книгу Ловернье. Примите мою сердечную благодарность за те усилия, которые Вы предприняли для этого.

Здесь тоже, рассматривая узников, я следовал за спокойным, ясным течением мысли этого просвещенного наблюдателя с тем же внутренним согласием, которое сопровождало меня уже во время чтения его труда "Последние часы и смерть".

С некоторыми его особенностями, к которым относится гипертрофированное пристрастие к френологии, можно смириться. Зато бываешь вознагражден высказываниями о корсиканцах, вендетте и Наполеоне.

Уже не первый раз я спросил себя, не больше ли классическая каторжная тюрьма соответствует не только природе преступника, его злодеяниям, но и его жизнеощущению, чем современные тюрьмы? В настоящее время меня занимает родственная тема "Воспоминаний Канлера" — автор был наследником Видока на посту парижской службы безопасности. Он, правда, менее образован, чем Ловернье, однако обладает такой же острой наблюдательностью и располагающим к себе складом ума. Книга вышла в "Меркюр де Франс": я получил ее от издателя, Жака Бреннэ, когда в декабре на неделю ездил в Париж. Там я со своей женой провел очень приятный вечер у генерала Штелина, с которым мы вместе с Вами познакомились на дне рождения Ханса Шпайделя.

Париж быстро меняется; это — судьба городов, и так было всегда. В двадцатые годы, сидя перед одним кафе, я услышал рядом огорченный голос старого колониста: "Ah, ce n'est plus le Paris d'avant-guerre!"[607]

Я утешаюсь мыслью, что уже в Вавилоне были новые города».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 14 ФЕВРАЛЯ 1968 ГОДА

Красноголовый королек[608], вырезанный точно флюгер в форме петуха, только не больше черного дрозда и столь же мало пугливый. Рядом с ним самка, поменьше, без хвоста и с желтой, как у канарейки, грудкой. Птицы появляются здесь не впервые — но почему же плакал бургомистр, с которым я об этом заговорил?

Потом блуждания по разрушенному городу. Обширные кварталы каменных стен без крыш производили впечатления не руин, а скорее выветриваний в древней горной породе.

Чтение: Ханс фон Тресков, «Воспоминания комиссара уголовной полиции». Они были

опубликованы в 1922 году, стало быть, после крушения монархии, как показывает уже титульный лист «О князьях и других смертных». Особенно показательны детали процесса Ойленбурга. В ведомстве полиции Тресков подчинялся отделу этого шантажиста.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 17 ФЕВРАЛЯ 1968 ГОДА

Инквизиция снова пришла к власти; меня должны были сжечь на костре. Они надели на меня соломенную шляпу и обвозили вокруг столба.

Получится ли у них достоверно? Вот что меня занимало. «Надо надеяться, соберется много народу, а также фотографы и журналисты скандальных газет».

Во второй половине дня в Заульгау на открытии выставки «Пляски смерти» Грисхабера. Застывший мир форм архаичных слоев — только они безрассудно растрачиваются там, где он подстилает их христианскими мотивами. Воспоминания о мескалиновом опьянении.

Хуго Фишер пишет, что он отправился на Майорку и что Альфред Тёпфер пригласил его в морское путешествие. Ставит сложные вопросы об «эго» в «Феноменологии» Гегеля.

Позднее пришло письмо от фрау Хермес, наследницы старого теолога, авторству которого принадлежит одна из моих любимых песен:

Icb hab von feme,

Herr, deinen Thron erblickt...[609]

Подготовительная почта для поездки в Рим.

«Дорогой боевой товарищ Ванкель. Относительно Вашей "молодости" Вам следует иметь в виду, что я сужу относительно. Тогда, в тот день, когда в пойменном лесу у нас появился первый убитый и когда товарищи по оружию поздравили меня с днем рождения, мне исполнилось сорок пять лет[610]. Следовательно, Вы по сравнению со мной были молодым человеком. Таковы Вы и сегодня. Лихтенберг однажды высказал свое удивление тем, что плотник, с которым он познакомился еще во время своего приезда в Гёттинген, в его представлении оставался всегда в одном и том же возрасте. Когда, что происходит раз в год, я встречаюсь с боевыми товарищами времен Первой мировой войны, может случиться, что тогдашний прапорщик, ставший между тем директором банка, обратится к своему командиру роты 1914 года в третьем лице — должен быть порядок.

О бобрах я могу написать лишь вкратце. Мы уже начали готовиться к поездке в Рим, которая продлится несколько недель. Вода болотистых бобровых лугов стекает в Дунай. Когда я прибыл туда в 1950 году, местность еще была покрыта узором обширных камышовых зарослей; сегодня можно увидеть только их остатки. Поэтому я спрашиваю себя, как долго еще аист будет вить гнездо на Ридлингской ратуше, что было обычным делом многие столетия. Об этом свидетельствуют старые картины.

Поскольку Вы собираете заметки о бобрах, я рекомендую Вам фрагмент в "Мировом государстве"[611], посвященный мной усердному строителю плотин; это животное своими повадками отличается от других».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 27 ФЕВРАЛЯ 1968 ГОДА

На полдня приехал Мартин фон Каттэ. Прогулка по лесу, потом костер в гравийном карьере. Воспоминания о времени перед Первой мировой войной. Один его дядя из родового гнезда имел обкатанные выражения: «As ick noch bi'n Jardekor stunne»[612], и «Man jeht nich mehr nach Potsdam»[613]. Но также: «Dem jeht et nich jut — der mufi Pension nehmen»[614]. То есть стать обузой для короля.

Мартин, как паж, часами простаивавший перед Вильгельмом II с чувством: «У него зеркальные глаза». Видимо, означало: взгляд изнутри не проходит. Прощальная речь императора, когда кадеты вступили в гвардейские полки: «Без тепла, холодно, слова параноика».

Потом об Удо, которого я лишь один раз видел в Цольхове, и притом с ощущением: здесь есть только согласие либо молчание, и даже намек нет на дискуссию. Сейчас служащий водной полиции в медвежьем углу Аргентины, где он задабривает бонз рыбой. Когда Мартин позвонил ему в 1945 году: «Что будет?» Удо: «Последняя битва разыгрывается под Тройенбриценом; вождь побеждает».

В 1946 году, арестован с паспортом своего павшего вестового и доставлен в наручниках к своим пленным товарищам, которые приветствовали его у ворот лагеря: «Я здесь останусь всего восемь дней». Однако вышел на свободу уже через шесть дней, потому что Мелитта раскошелилась на один из своих знаменитых изумрудов и подкупила шоферов мусоровозов. Удо лежал под слоем мусора. Потом, в качестве сопровождающего одной старой еврейки, с фальшивым паспортом уехал в Аргентину.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 3 МАРТА 1968 ГОДА

С почтой пришла корона к «Pour le Merite», которая, согласно кабинетскому указу (я полагаю, Фридриха Вильгельма IV), может надеваться после пятидесяти лет рыцарства[615]. Невероятно, как такие вещи «проходят».

В Хеппенхайм: «Дорогая Штирляйн, сегодня к годовщине свадьбы Аманда родила трех великолепных котят. Как мила! Значит, с успехом имела любовную связь на стороне: малыши, которые похожи друг на друга как две капли воды, в полоску и с пятнышками».

Хуго Фишеру: «Вы хотели услышать мое мнение о местонахождении эго после смерти — тут я оптимист. Чаще всего я приводил сравнение с таможенной, на которой имеющая хождение монета обменивается на золото. Этим я подразумеваю не только Вас и себя, но также булочника на углу и мышь, которая грызет его пироги. Индивидуум не только переводится в тип, но в абсолютную валюту вообще».

Недавно я подыскал еще лучшее сравнение. Вы знаете, что древние представляли себе небо массивной оболочкой: звезды они считали просверленными дырочками, через которые падает космический свет. Таким образом, я рассматриваю его или persona в качестве такого вот отверстия, через которое проходит свет. Когда нашим глазам кажется, что свет погас, то это лишь мимолетный и похожий на тень переход, как лунное затмение.

Вольф Иобст Зидлер вместе с Эрнстлем сидел в тюрьме Вильхелмсхафена[616]; я очень

ценю его суждение. По природе

вещей любой издатель является в первую очередь книготорговцем, и такой мыслитель, как Ницше, вынужден сам" оплачивать расходы на издание своих сочинений, которые какому-нибудь Дюрингу совершенно не нужны».

Анне Никиш: «Сердечное спасибо за труд Вашего супруга изданный после его смерти. Жаль, что ему не довелось самому дожить до публикации, однако хорошо, что теперь он с таким приветом приходит к помнящим его друзьям.

Когда я вспоминаю об Эрнсте Никише, меня всегда охватывает печаль не только из-за его личной судьбы, но относительно немцев вообще.

Я надеюсь, что Зибен[617] в книге, которую он подготавливает, надлежащим образом поминается Вашим супругом. Когда во время войны я встречался с ним, Радемахером и другими общими друзьями, разговор неизменно заходил об арестованном Эрнсте Никише, с которым мы связывали наши надежды».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 8 МАРТА 1968 ГОДА

Прилетали ушастые колибри, погружали изогнутые клювы в цветки гибискуса. Толстая женщина ловила их горстью, как мух, отрывала им головы и ощипывала. Потом боевые действия. Мимо пронесли доктора на носилках; он был ранен. В автобусе. Толкотня цветных. Ребенок, которого я держал на коленях, куда-то пропал; я крикнул: «Эрнстель», и тут услышал вдалеке его голос.

Чтение среди прочего: Ханс Вахенхузен, «От первого до последнего выстрела». Воспоминания о войне 1870-71 годов.

Настроение жителей Берлина, когда под вечер на стенах были расклеены объявления: «Франция объявила Пруссии войну».

«Впечатление было сильным; мы оказались перед фактом, лежащим перед нами в ужасной темноте. Все были в высшей степени возбуждения, но ни одного громкого возгласа слышно не было».

Большая разница с настроением перед Первой, но весьма похоже на настроение перед Второй мировой войной.

ЦЮРИХ, 16 МАРТА 1968 ГОДА

В первой половине дня отъезд — по доброй привычке, когда дорога ведет на юг, на машине Альберта Вайдели. В полдень в Флаахе со швейцарскими друзьями, в том числе с местным учителем, Петером Брупбахером. В ресторанчике странная коллекция трофеев: рога косуль, насмерть сбитых автомобилями.

В Цюрихе пришел Вильям Матесон с одним из своих антикварных изданий, на сей раз с «Цейлоном», который нужно было подписать. Вечером художник Оскар Далвит с женой и дочерью — мы беседовали о коллажах; он очарован плетениями, которые выкладываются на

стволах и гонтовых кровлях. Раньше художник имел свою историю стиля; сегодня одна форма материи могла бы заменить другую.

Незадолго до нашего отправления на вокзал позвонил Альберт: он узнал, что его лучший друг, врач, доктор Босхарт, только что умер от сердечного удара. Смущение, серьезное замешательство; расстались мы в спешке.

Доктор Зутер, констатировавший смерть, отвез нас на вокзал. В машине мы заговорили об этом; тот врач много работал, непрерывно курил. К тому же сегодня дул сильный Фен, снежные горы казались совсем рядом.

Инфаркт наряду с автомобильными авариями относится к видам смерти нашего времени. Скорость приводит к общему знаменателю, в особенности ускорение. Рак же является скорее признаком дегенерации. Также возможно, что в статистике он проявляется ярче потому, что раньше не диагностировался. Умирали, например, от «желудочного заболевания», как мой дед.

Нарастающая спешка является симптомом зашифрованного мира. На теневой стороне возрастает число самоубийств и смертей от наркотиков. Разгон весит больше, чем сама работа. Батраку, который во время урожая махал косой весь световой день, меньше грозил сердечный удар, нежели сегодня человеку, сидящему за рулем от Гамбурга до Неаполя. Пехотинец в атаке находится под меньшей угрозой, по крайней мере, в этом отношении, чем офицер генерального штаба, который в это же время стоит среди дюжины телефонов. Я беседовал однажды об этом с молодым Г.[618], который дал понять, что такого высокого ордена он, собственно говоря, заслуживал больше, чем наш брат.

ЛА СПЕЦИЯ, 18 МАРТА 1968 ГОДА

В Торлоне я через щель окна спального вагона увидел старую, хорошо знакомую картину. Итальянец имеет нечто совершенно специфическое, что трансформирует даже пустынность вокзала. Отсюда и его отношение к сюрреализму, попытке одухотворить мир машин.

В Ла Специи нас на вокзале встретила Ореола Неми. Наверху, в Сан Бартоломео, среди книг, картин и мебели Генри мы целый день и весь вечер проговорили о нем. Ореола дала мне свой роман «Донна Тимида», хорошее название для произведения, содержащего много автобиографических черт.

РИМ, 19 МАРТА 1968 ГОДА

Мы позавтракали у Ореолы с Марселло Стальено, приехавшим из Милана. Должен сказать, что я унаследовал его от Генри.

В одиннадцать часов мы rapidissimo[619] отправились в Рим. Каррара; на меня всегда накатывает волна глубокой печали, когда я проезжаю мимо мраморных гор Массы. Зато в Чивитавекья я проясняюсь — на сей раз тоже, вопреки новостройкам.

Во второй половине дня в Риме и вскоре затем на Вилле Массима[620]. Фрау Штальман приняла нас и проинструировала.

РИМ, 20 МАРТА 1968 ГОДА

Обустройство. Мебель проста, от картин я вполне мог бы отказаться, особенно здесь, в Риме; мне чрезвычайно понравилась огромная терраса, на которой уже в это время можно было работать. Для этого я зарезервирую себе первые половины дня. Телефон, и уже звонки: Элен Бувар, монсьеор Байер, Стефан Андрее[621] со своим теплым басом. В соседях у нас композитор Рузелиус с супругой — *pomen est omen*[622]: доверительно.

Во второй половине дня первая прогулка по городу, сначала к Форуму, потом к колонне Траяна. Исключительно удобен пропуск, дающий свободный доступ во все сады, музеи и коллекции.

Как я видел уже в Египте и других странах, у богов отбиты носы — это печать христианской эпохи. Зелоты бьют носы, евнухи отрезают пенис. Это их специализация. Здесь в Ватикане должна существовать коллекция мужских членов. Один из пап повелел кастрировать все статуи и оборудовать для фаллосов особый кабинет; они пронумерованы. Тут уже отдашь предпочтение Цезаре Борджиа.

РИМ, 21 МАРТА 1968 ГОДА

В первой половине дня почта. Потом сверка на террасе Пиренейского дневника *Carabus rutilans*[623].

Во второй половине дня на огромном кладбище Кампо Верано, коротко называемом *il Verano*, которое располагается неподалеку от Виллы Массимо. Квартал неоднороден; от массовых захоронений можно пройти к виллам и садам мертвых. На газоне цветут спаренные нарциссы, высоту не больше пальца.

Досадны были и остаются фотографии у могил, внезапное сочетание вневременности и механических репродукций в стиле сотой доли секунды. До сих пор ни одна эпоха не имела возможности для такой пошлости. Бедные люди, естественно, не виноваты в обвале в самую убогую и уже изначально аннулированную реальность. Это напоминает механическое стирание старого человека: остаются мощи, немного серого праха.

То же самое в сексе. Здесь, как в спорте, развиваются вторичные рабочие характеры, которые порождают статистически выбранные, проверенные множеством выбраковок красоты брутального невежества. Тип бросается в глаза уже физиогномически благодаря основанной исключительно на внешности самоуверенности. Он характеризуется неподвижным взглядом, наполовину смелым, наполовину презрительным изгибом губ. Ему соответствует совершенно отчужденная от исторических корней мужественность, которая бравировывает собой на аренах и довольствуется их оценками. Тут уже недалеко и до гладиаторов.

Возьмем образ картофельного погреба: славные клубни так хорошо покоились там. Потом потеплело, и из них к свету пробилась длинные, бледные ростки. Они ничего не желают знать о своем происхождении и преобразуют крахмал в алкалоиды. Окажись они сейчас в земле, все было бы в порядке; поэтому нельзя винить ни клубни, ни ростки.

РИМ, 22 МАРТА 1968 ГОДА

Продолжение переписки с Франсуа Буше; делаю сверку корректуры «Цейлона».

В полдень с Элен и Мишелем Бувар в «Раньери», via Mario dei Fiori. Я прошел по Испанской лестнице, месту встреч битников и хиппи со всего света. Один позировал в фиолетовом кителе и серебристых туфлях, с белокурыми волосами, спадавшими до плеч, в адмиральской фуражке над накрашенным лицом. В воздухе дымок гашиша.

Мишель Бувар старается выглядеть раскованным, хотя явно сосредоточен, манера его поведения позволяет предположить, что он знает что-то такое, чего не знают другие. Он не курит и не пьет, не ест мяса. Зато он с удовольствием смотрит, как его офицеры весело сидят за праздничным столом, когда он во главе. То, что я не воспользовался его приглашением в Дакар, когда он командовал там военной авиацией, является моим упущением. Он предусмотрел также вылазку в Тассили. Я посещал его в Ларе; он базировался там со своими реактивными истребителями. При этом присутствовал Жюль Руа, воин в духе Рене Кентона, писателя и боевого летчика во Второй мировой войне[624]. Он готовился к отъезду в Индокитай и напрогножил, что, если они отступят там, настанет черед Алжира, а потом и всего остального. Конечно, это был скорее прогноз, поскольку в нем не содержалось, как в подлинном пророчестве, никакого «если» и «но». Оно связано с ходом судьбы, а не с логичным развитием, и угадывает непременно случаемое. Оно — предвидение, а прогноз — предварительное обдумывание. Прорицание авгуров основывается на том, что недостает оценки обстановки. Выводят случайно.

Прежде чем я тогда поехал в Лар, Перпетуя пыталась было «придержать меня за темляк»: «Тебе все же не следует сейчас отправляться в штаб-квартиру французов. Это неприлично».

Я ответил: «Они посещали меня в Париже, когда мы их оккупировали. Теперь они оккупировали нас, и я посещу их в Ларе».

РИМ, 23 МАРТА 1968 ГОДА

Еще к вопросу о противоположности прогноза и прорицания. Из фальсификации этого «если» жрецы извлекали прибыль и уважение. Так было в известном изречении Дельфийского оракула, из-за которого потерпел поражение Крез. «Если Крез...» — даже не прогноз, а коварство. Напротив, Лай узнаёт, тоже в Дельфах, верный оракул: его убьет Эдип, они с матерью поженятся, и это происходит вопреки всякой вероятности. Мой дед, учитель в школе для мальчиков, любил повторять сентенцию Бюргера[625]:

Der Mann, der das Wenn und das Aber erdacht, Hatt sicber aus Hacker ling Gold schon gemacht [626].

Это может удаться. И потом связывание религии и морали — дело фундаментальное.

Во второй половине дня на протестантском кладбище[627] с маленькой пирамидой и маленьким Гёте, figlio naturale[628] большого, как проинформировал нас смотритель. Об этом не преминули указать и на надгробном камне. Мы передали Вайблингеру[629] привет с родины, постояв на могиле того, «чьё имя было начертано на воде».

Рабочие валили кипарис, смолистый аромат которого разливался по кладбищу. Дикие ветреницы цвели у подножия пирамиды, рядом с ней церцис[630], еще безлистый, однако

ствол и ветки уже прогрелись. Источник, дарящий хорошую воду; золотые рыбки плавали в водоеме, где сторож охлаждал свое вино.

РИМ, 24 МАРТА 1968 ГОДА

Закончил на террасе вычитку «Цейлона» и вложил в конверт для Вильяма Матесона. Затем позавтракал: краюшка хлеба, кусочек пармезана, стаканчик кьянти, что образует гармоничное трезвучие.

Во второй половине дня с Элен и Мишелем в кафе «Греко», затем в садах виллы Боргезе и Санта-Мария дель Пополо. Здесь мы долго стояли перед двумя работами Караваджо — «Распятием Петра» и «Павлом на дороге в Дамаск»; удивительно разделение света и тени, почти без перехода. Мишель посетил почти все церкви и коллекции, в которых находятся полотна этого его любимого художника.

Уже некоторым современникам воспринимать художника мешало «яркое» и «темное». Как часто случается, здесь тоже имело бы смысл бросить взгляд на биографию. Караваджо начинал свое поприще в качестве подмастерья одного эксцентричного художника; страстный характер впутал его в череду распрей, из-за убийства ему пришлось бежать, и умер он от удара ножом. Это напоминает Челлини, вообще жизнеописания эпохи Ренессанса, и для искусства не вредно, скорее наоборот. Свеча in memorem.

В этой церкви наталкиваешься на мраморные черепа, как в Musee de l'homme[631] на костяные. Мы увидели также слона из черного мрамора, у которого отсутствовал хобот. А у меня при этом вылетело из головы слово, означающее хобот; Мишель пришел на выручку моей памяти, одновременно подарив мне строки для запоминания:

Un elephant sans trompe,

Qz trompe enormement.[632]

РИМ, 25 МАРТА 1968 ГОДА

Первая встреча с собором Святого Петра, потом обход вокруг замка Святого Ангела. Самым красивым в любом городе являются свет и небо; люди врезают силуэты своими постройками.

О температуре: зимний жасмин в полном цветении, глицинии еще не раскрылись, с фиолетовым налетом.

РИМ, 26 МАРТА 1968 ГОДА

У парикмахера, Болонская площадь, кому надо постричься. Мастер двигал ножницами не

только во время работы, но и в паузах, когда любовался содеянным. Такие черты веселят, поскольку выводят за пределы простого дела. Достигается танцевальная эlegantность; Фигаро выступал не только цирюльником, но и характерной фигурой.

Вечером у австрийского посла, барона Лёвенталя. Разговор о реликвиях и их ценности. Один ученый аристократ как-то доказал, что ясли, выставленные в Санта-Мария Маджоре, не могут быть теми, в которых лежал младенец Иисус. Однажды его заметили как раз перед ними, он был погружен в молитву. Призванный объяснить такое поведение, он ответил: «Но ведь когда-то ясли существовали, и они были настоящими!»

РИМ, 27 МАРТА 1968 ГОДА

Посещение Santo Bambino d'Aracoeli[633]. Банин попросила меня поставить там за нее свечу. Из всей фигуры осталось видно только личико; она была покрыта золотыми украшениями и драгоценными камнями.

Согласно путеводителю деревянная скульптура была «будто бы» вырезана из оливы из Гефсиманского сада. К этому здесь относишься с тем большим скепсисом, что такую древесину можно приобрести еще и сегодня. Вокруг младенца высятся горы писем, написанные ему детьми со всего света. У него есть собственный секретарь. Одно из писем дошло лишь с адресом: «Al Bambino/Paradiso»[634].

Значителен уровень посещаемости, отличающий этого младенца Христа от всех других; правда, место, где он размещается, не случайно. Античное наследие, которое сохранилось от низвержения богов вплоть до всемирного потопа материализма, но никакого голубя, предвещающего новую твердь.

Вниз мы спустились по боковой тропке, сопровождающей лестницу; она ведет мимо клетки волчицы. Мощные глицинии вились по ней и над ней. Здесь их пощадил мороз. В пределах влияния Капитолия я не в состоянии избежать дрожи, пронизавшей де Квинси, когда в опиумной грезе ему явился Consul Romanus. Любому историку знакома такая мучительная тревога.

При этом мне приходит в голову, что здесь я встречаю более или менее молодых людей, которым город, очевидно, противен, во всяком случае то, что касается его исторической субстанции. То же отвращение вызывает природа; это, должно быть, имеет общее основание. Они знают меньше деревьев, чем марок автомобилей. Следует остерегаться сообщать им, что кое-что знаешь о Тиберии или находишь красивыми лилии. Это уже подозрительно. Зато сильно выражена воля и, разумеется, не столько в виде расположения, сколько в виде нерасположения. Это опять же объясняет пристрастие к уродливому. И нельзя спросить: «Чем вы обосновываете свою критику?» Это отпадает при первом же разговоре. Тут же усиливается впечатление, что «Старший брат» будет недоволен. При этом я не могу не вспомнить о круге художников, с которыми пировал здесь Людвиг I [635].

Вечером с Мишелем, Элен и Синьорелли, четой молодых журналистов, в «Bolognese» на piazza del Popolo. А до этого еще раз у Караваджо. При этом мне пришло в голову, что фамилия давно вошла в поговорку для обозначения гетерогенных характеров.

В разговоре мне ясно увиделся высокий уровень специализации, без которого сегодня невозможна ни одна политическая передовица. Оценке конфликта в Конго должно предшествовать изучение, похожее на изучение сложного механизма.

Напротив, удивительным представляется эмоциональное упрощение, с каким даже умные европейцы выпрямляют для себя войну во Вьетнаме. Опять возникает сорт ироничных clerics [636], которые скрывают свое знание — не говоря уж о тех, кто извлекает из этого выгоду.

Синьор Синьорелли на мое замечание, что телеграф разрушил дипломатию: «Еще больше самолет. Поскольку приходят уже не известия, а сами люди».

Вторую половину дня мы опять провели на Форуме. Весна становится ощутимой. На каменных стенах желтофиоль ярко выделялась на фоне бледной фиолетовости диких левкоев. На обратной стороне Clivus Victoriae [637] первая, зелено-пестрая ящерица. Перед памятником сорока мученикам лежал букет анемонов [638]. Два характерных растения Форума — это фенхель и акант, лист которого повторяется на скульптурах.

Я часто спрашиваю себя, провидел ли Христос ту чудовищную волну, которая последовала за ним и, как ракушки-сердцевидки в неисчислимом множестве, смыла церкви на обочину времени. Я спрашиваю себя, включает ли слово «свершилось» все это и еще больше — и в то же время: каждому ли из нас выпадет на долю эта перспектива.

РИМ, 29 МАРТА 1968 ГОДА

Семьдесят третий день рождения; оставшиеся в живых боевые товарищи поздравили меня с «номером полка» [639]. Было непросто оказаться принятым в «Гибралтар»; добровольцы осаждали ворота казарм на площади Ватерлоо. До этого я безуспешно отстоял у семьдесят четвертого на Вельфской площади — что произошло бы дальше, если бы мне повезло там? Все сложилось бы по-другому — я не встретил бы этих товарищей и также полковника фон Опена; с войной, во всяком случае, я познакомился бы на Восточном фронте. Когда мы погружаемся в подобные умозрительные рассуждения, охватывает жуть — оказывается, все зависит от того, встали мы однажды утром с правой или с левой ноги. Предопределение подступает совсем вплотную.

Доктор Амзель прислал мне из Карлсруэ акварель названной им в честь меня Sindicola juengeri, маленькой бабочки, заслуживающей титула «жемчужины молей».

В полдень со Штирляйн в «Sorriso» [640], мимо глициний, распустившихся за ночь. Официанты подкатили к столу набор блюд: dentice [641], нарезной тунец, моллюски, лангусты — эдакий нидерландский натюрморт. На соседнем столе большой графин, полный светло-золотистого вина. Его на миг пробил сочный оранжевый цвет: рукав ребенка, поднявшего руку ко рту.

Вторая половина этого прекрасного дня было омрачена тенью: пришло известие о смерти Хельмута Шнайдера, обер-бургомистра Гослара. Хороший друг покинул меня; он никогда, с тех пор как мы познакомились, не пропускал этого дня.

Гослар, как Лаон и Юберлинген, относится к городам моей внутренней географической карты. Я не считаю случайностью, что наряду с Хельмутом Шнайдером, руководителем этого города, был и другой мой друг, Герман Пфаф - фендорф. Я тотчас же написал ему и вдове.

РИМ, 30 МАРТА 1968 ГОДА

С супружеской парой Розелиус на озеро Неми. Мы ели в «Specchio di Diana»[642] высоко над озером. Оно проблескивало, как гравюрный лист из синеватой стали; пояс прошлогоднего камыша добавлял к нему энергичной ржавчины.

Обратный путь мы прервали в Генцано у Густава Рене Хокке, который, как древний римлянин, устроил там для себя сельскую усадьбу. По узкой, пробитой в лаве шахте мы спустились с ним к колодцу его этрусского источника. Эта драгоценность была открыта случайно, когда он уже после приобретения участка перекапывал сад. В качестве подарка мы получили от хозяина ручку амфоры. За чаем разговор о маньеризме, тема, которой в настоящее время занят хозяин дома.

Голод на культурных людей усиливается. Они встречаются все реже и, вероятно, исчезнут совсем.

РИМ, 31 МАРТА 1968 ГОДА

Во внутреннем дворе Palazzo Venezia я стоял перед одной из самых красивых пальм, какие видел в Европе. Вообще внутренние дворы, неиспользуемые лестницы дворцов, их углы — распыленные сокровищницы. Для этого нужен провожатый, знающий габитус какого-нибудь города вплоть до мельчайших деталей. Леото[643] или Эдуар Дидье в Париже, Генри здесь — мне по-прежнему недостает его.

Потом в театре Марцелла, прототипе Колизея — здесь особенно ощущаешь внушающую страх сторону римских построек, какими их увидел Пиранези. Прибежище бесчисленных кошек; одна из них прильнула к моей ноге, «per fare il saluto»[644], как мне сказала какая-то старушка, кормившая их. Лепта была внесена.

На острове Тиберина. Площадь перед красивым фасадом San Bartolomeo de Insula[645] приглашала погреться на солнце, как ящерице. Вместо колонны перед ним, по поручению

Пия IX возведенной Джакометти в 1869 году, лучше было бы поставить фонтан.

Мост Четырех голов был построен Луцием Фабрицием в 62 году до Р. Х. Таким образом мы перешли арку, на которую ступал уже Юлий Цезарь.

Сохранился также остаток древней закладки фундамента острова в форме корабельного киля. На нем фрагменты бычьей головы и Эскулапа со змеиным посохом. Остров был посвящен этому богу; на месте его святилища сегодня и стоит San Bartolomeo. Еще в школьные годы мне казалось отвратительным, что на острове умышленно бросали без всякого вспомоществования потерявших трудоспособность рабов. Но думаю, находились римляне, которые их подкармливали, как сегодня они поступают с кошками.

Об Эскулапе напоминает госпиталь Fatebenefratelli[646], к которому относится церковь San Giovanni Calabita. Многоцветный мрамор без зазоров и швов до самого архитрава. Над скромным порталом с каждой стороны лопнувший плод граната.

В храме Fortuna Virile[647]. Заказчиком его постройки мог бы быть Сулла — я имею в виду Суллу, который воротился из греческого похода.

РИМ, 1 АПРЕЛЯ 1968 ГОДА

Прилив и отлив. То, что зодчие связали более двух тысяч лет назад, усваивается глазами и ночью, во сне, пронизывает тело, как песок перевернутых песочных часов. Мы родственны на уровне атомов.

По дороге Кассия в Каправолу. Замок Фарнезе, как и все местечко, стоит на массивном, наспигованном lapilli[648] туфе, в котором пробурены пещеры троглодитов и по крутым скатам которого вьются вверх узкие лестницы. Этот туф, аналогично молассам, столь же крепок, сколь и легко обрабатывается. Оба предназначены для строительства пещер и подвалов. Третьим можно было бы назвать мел; я вспоминаю Реймс и Ля Рош-Гюйон. Как здесь lapilli, там скала пронизана кремнем.

Прекрасен вид от центральной оси замка вдоль узкой улицы городка — на заднем плане Soracte[649], сейчас, в начале апреля, больше уже не в белой тоге, как воспевал Гораций: «Socrate candidum»[650]. Как я вижу, при переписывании у меня вкралась опечатка. Но я нахожу ее славной.

Pranzo[651] в Баньяе; к нему вино из Орвието, что неподалеку. Его заказал Герберт Герике, многолетний директор Академии и старый товарищ из Ганновера, который нашел в Риме вторую родину. Должен же я когда-нибудь попробовать и белое, подумал я, пригубивая вино. Конечно, золотистые вина образуют отдельное царство. Одна из наук, которая никогда не заканчивается, или, вероятно, лишь с последним глотком. У вина много сортов, но только одна субстанция.

На виллу Ланте. Она была построена архитектором Виньолой в качестве летней резиденции епископов Витербо. Монтень описывает ее в своей поездке в Италию 1580–1581 года.

Итальянский сад как абсолютный триумф архитектуры над растительностью. Ни в каком другом месте я не видел самшит в такой строгой подтянутости; клумбы, которые он окружает, не засажены цветами, а выложены красной брекчией. Если б не били фонтаны, парк казался бы безжизненным — застывшей авансценой.

Почему мне ребенком было неприятно именно самшитовое дерево? Я предполагаю, пожалуй, потому что оно позволяет дрессировать себя, как пуделя, которого можно стричь, как заблагорассудится. Здесь Ленотр[652] задумал сады Версаля. Природа усмирится в пользу суверенного человека; с такими декорациями он может выйти на сцену. Я, пожалуй, догадываюсь, насколько неприятен он был молодому Гёте в 1774 году. Однако как дело обстоит с промышленными фасадами, в которые втиснуты мы, сегодняшние? Кто знает, что будут думать об этом в 2068 году?

«Природа не всегда воодушевляла человека лишь потому, что она природа». Над этим тоже стоит поразмыслить, хотя в результате ее разорения провозглашается новое «назад к природе». Мне вспомнилась фраза из этюда Фридриха Георга о садах Востока и Запада[653]. Я цитирую по памяти — проблема касается свободы; между искусством и природой садовнику поставлены границы.

Бомарцо. Прогулка по Парку чудовищ[654]; мне представляется, что он прекрасно вписался бы в трактат Густава Рене Хокке о маньеризме. У входа нас встретил молодой человек, нарезавший дикую спаржу, — та же картина, что и почти сорок лет назад, когда мы с Фритцем входили в лесок Фицуцо на Сицилии. Чудовища — это скульптуры, которые турецкие военнопленные (после Лепанто?) высекали из больших глыб и частью из нетронутой скалы: желуди и еловые шишки в рост человека, слон, несущий башню, огромная черепаха, скалящая зубы в раскрытой пасти.

Грот образует гигантская голова, входом в него служит рот; стол внутри производит на

осмелившихся войти впечатление язычка. Там поражает сонорная акустика: камень вибрирует. На краю парка перекошенный дом, в котором чувствуешь себя страдающим морской болезнью. Беглого обхода достаточно. Кому охота долго находиться в окружении исчадий ада? Он потерял бы ориентацию, как меж кривыми зеркалами. Мне вспомнилось описание Гёте одной курьезной виллы, в которую он попал под Палермо, и его отвращение к ней.

За трапезой в Баньяе я услышал от зятя Герберта Герике о том, что он был учеником в Вангерооге вместе с Эрнстелем[655]. Ему, очевидно, известны подробности ареста. Я отвлек его от этой темы. Как часто вот уже двадцать четыре года я ночами подходил к этой болевой точке и был един с Перпетуей во мнении, что любое расследование, прежде всего поиск виновных, не столько бы внесло ясность в случившееся, сколько бы замутнило его, как чад замутняет пламя. Эфемерное затемняет неизбежное.

РИМ, 2 АПРЕЛЯ 1968 ГОДА

Мы оставались за стенами, так как подул сирокко. В Музее терм. Коллекции скульптур неудобоваримы; они концентрированно представляют то, что должно бы располагаться на площадях и в просторных помещениях. Здесь же это подавляет — даже в огромных залах терм Диоклетиана.

Саркофаг из виллы Бонапарте в шестой ауле привлек мое внимание: вакханалия. Вакханки с тамбуринами выставляют пышные зады; туники высоко задраны словно похотливыми любовниками... один из них, видимо, здесь и покоится. Фавн кормит виноградной гроздью козла, Силен тяжело опирается на своего Ганимеда. Змея, извиваясь, выползает из корзины с крышкой. Никакой тоскливой мысли о смерти, ни песочных часов, ни черепа и костей. Здесь вечность ближе, совершенно имманентна.

Drum will ich, eh icb Asche werde,

Mich dieser schunen Erde freun.[656]

Да, но лишь в прелюдии.

Потом в плотно заставленном стелами внутреннем дворе. Здесь цвели глицинии, сирень, острозазубренная спирея и белые ирисы. Когда мы собрались было возвратиться в музей, смотритель захлопал в ладоши: на сегодня конец. Я никогда не видел людей радостнее, чем эти музейные служащие по завершении рабочего дня. В таких помещениях скапливается, конечно, и фонд отжившего, скуки и смерти.

Коротко в трех церквях. В Санта-Мария Маджоре я в первый раз был с матерью в anno santo [657] 1925 года; но не только поэтому я испытываю особую любовь к этой базилике. Тогда по великолепному мрамору ступал кардинал с большой свитой; сегодня алтарь был украшен по случаю пасхального посещения папы.

Я случайно наступил на одну из вделанных в пол плит и прочитал надпись:

Nobilis Familia Bernini Hie

Я не знал, что создатель всех этих церквей, фонтанов и дворцов погребен здесь. Рядом с ним покоятся его жена и двое сыновей. Один из тех, жизнью которых как художников и творческой энергией я любовался живее, чем их произведениями. Как Рубенс, он достиг в эстетическом существовании княжеского размаха. Шантелуп описывает пребывание Бернини в Париже Людовика XIV. Я был заражен его любовью к этому мастеру и также перенес ее на Пуссена, о котором он говорит с тем же воодушевлением. Это воздействие преисполненного любви описания.

В Санта-Прасседе[659]. Почти невозможно пройти по городу, чтобы не натолкнуться на какую-нибудь работу Бернини. Так и здесь на бюст епископа Сантони, творение молодости. Далее демонстрируется столб, к которому на время бичевания был привязан Христос. Кардинал Иоанн Колонна привез его из крестового похода. Он выглядит как *ad hoc*[660] уменьшенное изображение столба. Контактные реликвии продаются — поэтому он, чтобы предотвратить самообслуживание, выставлен в витрине. Доступ через украшенную великолепными мозаиками капеллу Дзено, которая была построена в начале IX века. Она называется Райским садиком; там всегда видишь погружившихся в молитву.

Наконец в Санта-Пуденциана[661], одной из старейших церквей; фундамент ее лежит глубоко под сегодняшним уровнем. Внутри среди нового оформления сохранены колонны и часть кладки ранней базилики. Польский кардинал покоится *in effigie*[662] на своем саркофаге.

Wlodimirz Csachi

1834–1888

Перед алтарем две мощные, сооруженные каждая из трех барабанов, мраморные колонны: черная, серо-оливковая и красно-коричневая реки в белой, с розоватым отливом основной массе. Сразу у входа изображение бойни — одна женщина моет в источнике отсеченную голову, другая вытаскивает из груди трупа сердце. На заднем плане колесо и виселица, перед ними поле, устланное убитыми.

РИМ, 3 АПРЕЛЯ 1968 ГОДА

Вечером у Стефана Андреса, который живет неподалеку от собора Святого Петра. Мы застали там монсеньора Байера, которому я очень обязан. Он был первым, кто взял на себя заботу о могиле Эрнстля. Деятельный в организации помощи, он завтра утром улетает в пострадавшие от землетрясения районы Сицилии.

Разговор об экваториальном острове Сан-Томе, на котором я провел несколько таких хороших часов. Оттуда поддерживалась оказавшаяся под угрозой геноцида Биафра на юго-востоке Нигерии. Самолетами доставляют лекарства и продовольствие; им приходится летать ночью. Взаимодействие сил осложняется вмешательством европейских, американских и азиатских держав. А под крылом древняя, голая черная Африка.

В автобусе. Молодая итальянка стоя читала Петрарку; одной рукой она держалась за поручни, а в другой у нее была книга. Читательница, каких желают себе поэты: когда автобус останавливался, она нежными пальцами отбивала такт по спинке сидения.

РИМ,4 АПРЕЛЯ 1968 ГОДА

Вечером у Дитера Заттлера, немецкого посла в Ватикане. Стефан Андрее рассказал о его поездке в Восточную Азию. Благодаря увиденному там, прежде всего в Индии, он почувствовал себя укрепившимся в своем христианстве. По этому поводу графиня Лихновски [663]: «Мораль буддизма заключается скорее в воздержании, нежели в помощи: не делать ничего злого».

С этим можно согласиться. Благодеяния христиан в большинстве случаев обходятся дорого. Если бы оставляли неприкосновенной ауру, в каждом могло бы проступить божественное. Моральный элемент возвратился бы миру, и он осветился бы, как в Новом Иерусалиме. «И не узрел я там храма».

Известие о смерти Бонавентуры Текки[664] огорчило меня.

РИМ,5 АПРЕЛЯ 1968 ГОДА

Сирокко. В первой половине дня как обычно за работой, при этом достиг немногого. Однако дело постепенно сладится. Важнее производительности — время, проведенное в размышлениях.

Один на Форуме, поскольку Штирляйн еще утром с четой Руселиус поехала в Палестрину. Сейчас время глициний — красиво, как они лиловой волной вспениваются над серыми стенами. Здесь в них тоже нет недостатка. Было оченьлюдно; сказывалась Пасха. Я сидел в безветренном углу наверху перед базиликой Максенция и глядел на кошек, многие из которых были беременны.

Под аркой Тита. Голова триумфатора наполовину разрушена, однако сохранившаяся сторона все еще являет молодое, благородное лицо, которое, подобно лицу гордого ребенка, производит впечатление нетронутости. На его левой руке еще перстень с печаткой. Позади него на триумфальной колеснице Ника; ее обращенное к наблюдателю крыло отведено сильнее другого, кажущегося его тенью.

С юбками периодически происходит то же, что с прибавляющейся и убывающей луной. В настоящее время считается шиком носить их очень короткими — скажем, до половины бедра. Девушка, которую я сегодня увидел сидящей на лестнице возле церкви Сан-Пьетро в Винколи, оказалась еще смелее; юбочка была чуть шире ладони. Одного молодого римлянина это, похоже, очаровало; он заходил то справа, то слева от сидящей и потом остановился посередине. Красавица, сначала даже не обращавшая на него внимания, наконец поднялась и с недовольной миной удалилась.

Сценка хорошо бы вписалась в комедию. Нескромность молодого человека порицать, собственно говоря, нельзя, а можно скорее посчитать естественным поведением, вызванным явной провокацией. Покажи ragazza[665] еще больше, вокруг столпилась, вероятно, целая толпа народу.

Имела ли она со своей стороны право на возмущение? Рискованная затея слишком очевидно предвещала реакцию, в конце концов, она даже хотела ее. И за то, что кто-то видит теперь приманку и одновременно делает вид, будто ее не видит, едва ли можно журить. Это было бы

полным противоречием поговорке. Нельзя провоцировать, не вызвав ответную реплику; я хотел бы даже пойти дальше: разгуливая с неприкрытыми прелестями в глухих местах, не стоит удивляться, если подвергнешься насилию.

Такие рассуждения можно было развить в различных направлениях. Но как получается, что они не дорастают до секундного комизма встречи, а, скорее, его ослабляют? Вспышка мелькнула; не станет светлее, если я проведу исследование линий, приведших к контакту. Мгновение, правда, имеет предпосылки, но обладает и собственной силой. Это делает театр незаменимым: мимолетное, неповторимое мгновение.

РИМ, 6 АПРЕЛЯ 1968 ГОДА

Мы отправились к термам Каракаллы, но, выйдя на площади Венеции, заблудились среди дворов и двориков.

В портике Сан-Марко я снова стоял перед мраморным колодезным желобом с очень древними литерами, который изначально находился в атриуме бывшей на этом месте базилики. У таких колодцев, из которых черпали столетиями, тяговый канат оставляет следы. Край во многих местах протачивается канавками, которые врезаются все глубже. Здесь оправа похожа на распускающийся цветок. В оазисах есть колодцы, которые расслоились почти до земли.

Вверху на стене памятная доска XIX столетия, посвященная какому-то врачу его супругой. Я обратил на нее внимание из-за змеи, которая обвивается вокруг жезла Эскулапа не вертикально, а горизонтально. Изображение натуралистичное, чисто зоологическое, но движение животного подмечено точно и удачно выражено.

Вообще источники во дворах дворцов сразу вызывают в воображении тень и прохладу июльского дня. В большинстве своем они иссякли либо бьют очень скудно; на одном я видел фигуру бога реки, украшенную широкой зеленой лентой. Полоса водорослей образовалась там, где стекала вода. У другого, тритона, выдувающего струю из раковины, грудь была инкрустирована туфом, какой отлагается в Карлсбадских источниках. Это, помнится, было во внутреннем дворе дворца Колонна, где мне также бросился в глаза вправленный в стену мраморный фрагмент: охваченная пламенем рука, наверное, рука Муция Сцеволы.

Время от времени мы поднимались великолепными лестничными пролетами, ниши которых были украшены бюстами. Нынче здесь больше нет ни власти, ни денег, не считая того, что добывается сдачей в аренду. Перед этажами вывески нотариальных контор и компаний. Когда в Рим прибыл Берни[666], здесь еще можно было подобрать хорошее жилье. Этот кардинал напоминал мне всегда удачливого банкомета, который выигрывает при любом исходе, независимо от того, кто на что ставит — на черное или красное.

Не забыть источника, на котором четверо обнаженных эфебов поднимают вверх черепах. Глубоко тронула меня в Сан-Марко также вставленная в стену надгробная плита юноши Леона Песаро, 1796 год, мастерская работа. Вечером я справился в Guida d'Italia и прочитал там, что это произведение Кановы.

Сан-Никола в Тулльяно: Мадонна Антониаджо Романе, 1490 год, и год 1962, как выразилась Штирляйн: «ужасно испорчено реставрацией».

В арке рядом с лестницей к Аракоели теперь пышно цвели глицинии. Я прошелся вверх и вниз их душистым каскадом. Мне встретилась Ирмхильд Гебхардт, приехавшая из Южной

Африки.

Чтение: «Хождение за три моря» Афанасия Никитина (с 1466 по 1472 год). В комментариях цитируется один итальянец, Рамусио, в подтверждение заметок Никитина об индуистских обычаях:

«Нужно знать, что при еде они используют только правую руку и никогда не касаются какой-либо пищи левой рукой. Все чистые и красивые вещи они готовят и касаются их правой рукой, в то время как левая рука служит им только для выполнения неизбежных, но неприятных и грязных работ, например, для чистки определенных частей тела».

Отмечаю для «Языка и телосложения»[667]. При этом следует обратить внимание на переход символического рассмотрения в моральные оценки. Вайнингер[668] был бы еще убедительней, если бы ограничился наблюдением.

Там, где царит это различие двух половин тела, нашему брату жить было бы скверно. Там кушанье, на которое пала тень парии, уже испорчено. У наших сегодняшних соотечественников дела обстоят не намного лучше;

их различие между правым и левым тоже морально, и это усугубляется тем, что вместо того, чтобы поладить с собой, они предпочитают совершить политическое самоубийство.

РИМ, 8 АПРЕЛЯ 1968 ГОДА

Ночью гриппозное состояние — ломота в костях и щекотание в горле, возвещающее простуду. Поэтому я остался дома, зажег поминальную свечу для отца, которому сегодня исполнилось бы сто лет, и совершил в его честь возлияние. Он часто говорил, что рассчитывает на то, что и внуки сделают это в новогоднюю ночь начала третьего тысячелетия.

Короткая болевая атака вроде сегодняшней показывает, насколько хорошо у нас складываются дела в течение года. Мы слишком легко забываем, что есть люди, постоянным спутником которых является боль — иные без нее не могут ступить и шагу, не могут вздохнуть.

РИМ, 9 АПРЕЛЯ 1968 ГОДА

Самочувствие за ночь улучшилось, зато появилась хрипота. Эти внезапные простуды похожи на лотерею, по которой выпадают более или менее благоприятные жребии. Если совсем ничего не делать, может случиться то, что древние называли «запущенным течением», от которого потом страдаешь лет десять. Когда я вспоминаю своих старых педагогов, мне начинает казаться, что они почти все пали жертвой таких недугов — покашливающее, чихающее, как яда боящееся сквозняка поколение. Девятнадцатый век кишел ими. Помню, однажды я потерял шапку и потому пробирался в школу окольной дорогой.

К чаю у семьи Герике. Разговор об истории Виллы Массимо и о ее основателе, тайном советнике Арнхольде, отце фрау Герике. Потом о судьбе его коллекции живописи, которая большей частью была разграблена. О Бёклине, упадке его виллы во Флоренции. Бёклин еще был художником, который следил за подбором своего инструмента, сам растирал краски и

разводил различными средствами, покрывал гипсом доски, которые затем полировал. В качестве примера господин Герике показал нам «Анадиомену» Бёклина, которая висела в комнате между полотном Ленбаха и полотном Тома. Богиня поднимается из моря на каком-то сказочном звере.

Прощаясь, я к своему огорчению узнал от господина Герике то, что он от меня до этой минуты скрывал: сегодняшние газеты сообщили о смерти Эрнста Вильгельма Ная[669].

РИМ, 9 АПРЕЛЯ 1968 ГОДА

Спал беспокойно. Здесь мне снятся архитектурные сны — и не столько возведенные строения, сколько дробленные массы, которые еще вздымаются, несмотря на то, что они уже наполовину выветрены.

Осиплость сохраняется. Такие недомогания помогают нам увидеть тревоги, которые обычно от нас далеко: тревоги натуженных певцов и ораторов, вроде императора Вильгельма III, о своих голосовых связках, всей этой клиентуры в приемных ларингологов — их легион, они живут среди нас, и чувства и чаяния их вертятся вокруг органа, который другим известен лишь понаслышке, поскольку у них он не привлекает к себе внимания. И как много таких органов есть у тела — к каждому могут прицепиться болезни, названия которых ты даже не знаешь. Здоровый человек похож на лунатика на дороге, теряющейся в злых лабиринтах.

Во второй половине дня опять во дворах, в которых время меняется медленнее всего — на этот раз в окрестностях Пантеона, потом в самом Пантеоне. Хотя на площади перед ним туристические автобусы стояли впритирку, пространства в огромной арене было достаточно. Ни одно сооружение, в котором я когда-нибудь стоял, не казалось мне таким совершенным. Все большие человеческие постройки делят пространство особым образом, втягивают его в себя, более или менее удачно им управляют. Здесь же происходит иное и большее. Создается не модификация пространства, а подобие самого пространства. Нас охватывает не одна из его бесчисленных форм, а непосредственно его космическая мощь и вместе с тем удовлетворение. Мы дышим пространством, как дышим воздухом. Очень светло; сквозь открытый купол проникает не один луч или пучок лучей, а поток света.

На могиле Рафаэля лежала свежая роза.

Двинувшись от Пантеона, мы, полюбовавшись несущими обелиски слонами Бернини, вошли в Santa Maria sopra Minerva[670], точно в темную, давящую пещеру. Массы мрамора напомнили мне склеп Медичи. Там это великолепие породили князья, здесь нищенствующие монахи, разумеется, при княжеском содействии. Мощная крипта содержит саркофаги пап и кардиналов, а также могилы ученых, принадлежавших к доминиканцам, среди них, например, могила схоластика Дурандуса, историографа Пьетро Бембо и многих других.

Величайший из них, Аквинат, изображается в капелле Караффа на фресках Филиппино Липпи [671].

В капелле святой Катерины Сиенской отделку составляли массы цветов, но и могила Фра Анджелико была украшена букетом полевых цветов.

Слева перед алтарем «Христос с крестом», статуя Микеланджело. Крест для него не мотив. Здесь он выглядит так, будто изготовлен у столяра и несет его скорее какой-то герой, а не человек, приговоренный к распятию. Но есть в этой церкви и произведения, которые гораздо ближе мастеру по тематике — например, схватка Геракла с Немейским львом, аттический

мраморный рельеф убедительной силы. Он вставлен в саркофаг Джованнино Арберино († 1490). Голова героя, а также голова льва лаконичны и полновесны, как на монетах того времени. Датируется V веком до Рождества Христова. Разве такое возможно? Ведь должно было пройти еще сто лет, прежде чем появился Александр.

Здесь ниже могильных плит в среднем нефе есть также ряд черепов из пестрого мрамора, по цвету и пластике столь удачных, что забываешь мотив. Гладкие, как зеркало, темно - желтые лысины буквально тянет погладить.

Теряешься, словно на громадном, нагруженном сокровищами и диковинками корабле. Трюмы наполнены гробами мертвых, обладавших духовной, умственной и светской властью. Папы и князья, кардиналы и епископы, художники и святые. Там это ведет в бесконечное, а здесь — в нескончаемое. Детали приобретают типичный характер. Я давно считаю, что в таких местах на частном примере можно составить себе представление о целом. Так, на примере Santa Maria sopra Minerva можно догадаться, что представляет собой один из великих орденов в светском и духовном плане, физически и метафизически, и в какой мере его излучение зримо и незримо пронизывает не только историю Запада, но и историю всей планеты.

Мы еще раз остановились на piazza della Minerva перед белым слоном, в которого я влюбился еще ребенком, увидев его в книжке с картинками. Так дело наверняка обстояло со многими, ибо он объединяет в себе то, что нравится детям: необыкновенное и привлекательное. Вид поражает и настраивает тотчас на веселый лад, приглашая, по крайней мере, в мыслях, к игре. За ней могут последовать идеи. Урбан VIII, велевший установить слона по модели Бернини: «Чтобы нести мудрость, требуется сила».

Таким произведениям самое место на общественных площадях — и всякий, кто, занятый теми или иными делами, проходил мимо за последние три столетия, ловил здесь луч веселья. Действует даже тогда, когда почти не осознается.

То же веселье исходит от трех фонтанов на piazza Navona, которая сегодня больше заслуживает название piazza del Popolo, чем площадь на Pincio, из-за движения транспорта уподобившаяся шабашу ведьм.

Перейти от слона к этим фонтанам опять же означает перейти от Бернини к Бернини. Там он вдохновил одного художника, здесь — целую школу. Здесь тоже дает о себе знать шутливая повествующая радость, какую находишь в мире фигурок вокруг рождественских яслей — вода только усиливает впечатление. Свежая зелень пробивается из трещин и стыков; кажется, будто боги реки только что приходили и отдыхали здесь, сидя на мягких подушках.

РИМ, 11 АПРЕЛЯ 1968 ГОДА

Хрипота несколько смягчилась. В первой половине дня работал на террасе. После обеда я со Штирляйн отправился было к термам Каракаллы, однако опять свернул к Колизею. Отвращение к автомобилям стало слишком сильным; что даст общение с красивыми вещами, если для этого нужно прежде преодолеть шумовой ад? Я думал отдохнуть на Форуме, но обнаружил у входа многоязычную очередь, стремящуюся внутрь.

В различных местах телевизионные группы установили свои машины и прожекторы, поскольку сегодня вечером папа совершает *via crucis*[672]. Мир постепенно превращается наполовину в *inferno*[673], наполовину в развлекательное шоу. Новый Данте нашел бы здесь свой сюжет. *Tertium comparationis*[674] представляет титанизм. Техника преподносит неизвестные доселе мучения.

Возвращаясь домой, я заглянул еще в церковь Сан - Марко из-за того впечатления, которое произвела на меня надгробная плита Кановы для юноши Леона Песаро. Она и в самом деле обворожительна-я вспомнил «amourgout»[675]Стендаля. Прекрасна даже рамка овала, похожего на большую камю: гирлянда из кипарисовых веток, поддерживаемая двумя львиными головами. Тут — все, что только может создать хороший вкус. Более сильную субстанцию, правда, обнаруживает расположенный прямо над ней надгробный памятник другого юноши, по имени Эриджо, работы мастера Франческо Моратти, который на сто лет старше.

РИМ, 12 АПРЕЛЯ 1968 ГОДА

Страстная пятница. Шел дождь. Я провел день на вилле, чтобы наверстать записи. Написал письма, среди прочих — госпоже Най. Перерыв пойдет мне на пользу, потому что при моем гриппозном состоянии я двигался достаточно легкомысленно, особенно в церквях с их еще зимним воздухом. А кроме того, кажется, что именно Рим в этом отношении требует пошрины.

РИМ, 13 АПРЕЛЯ 1968 ГОДА

К полудню я завершил воспоминания о поездке по Пиренеям: «Carabus rutilans»[676]. Потом погода прояснилась. Мы поехали в Трастевере до вокзала Сан-Пьетро и немного побродили там на Монте дель Галло, после того как открыли подземный подход к via Lago Torrigione. Глицинии на южных склонах уже завяли, а на северных розы Форсайт все еще цвели.

Оттуда к Gianicolo[677], вдоль бесконечной кирпичной стены Урбана VIII, в которую то там, то здесь вставлен мраморный медальон. В высшей точке одна из бесчисленных статуй Гарибальди, который в 1849 году оборонял холм от Удино[678]. Вокруг него, как шампиньоны из газона, торчали стелы с бюстами его верных соратников.

В личности Гарибальди мне становится особенно ясно мое противоречивое отношение к немецкой истории XIX века. Только такая фигура смогла бы силой добиться решения великогерманской задачи, после того как князья и Паульскирхе[679] оказались несостоятельными. С другой стороны, мало привлекательна мысль, что все оказалось бы в руках такого типа, как Геккер[680]. То, что в момент «рождения наций» (Валериу Марку[681]) Пруссия не взяла на себя роль, которую во время Рисорджименто[682] сыграл Пьемонт, опять же заставляет сожалеть о том, что у нас не было и Кавура[683]. Вместе с тем не в чем упрекнуть и Бисмарка. Иногда я вынужден отгонять фатальную мысль: что многогосударственность, возможно, лучше провела бы нас через катаклизмы. Начинаешь так думать, глядя на географическую карту, похожую на груды обломков: раньше это были, по крайней мере, части, теперь это разлом.

Штирляйн вела меня так хитро, что мы неожиданно оказались перед дубом, под которым Торквато Тассо якобы наслаждался тенью, дожидаясь в Sant' Onofrio коронавания в князя поэтов[684]. Я возразил: этому дереву было не больше ста лет. Тогда мы отправились на поиски, пока не нашли настоящее: древний и затянутый причудливой железной стяжкой остов, казалось, придуманный каким-нибудь скульптором - сюрреалистом. В мертвой древесине, как я заметил, проточил свои ходы усач, Cerambyx heros. Это манило снова вернуться сюда теплым майским вечером.

В Sant' Onofrio[685]. Церковь была заперта; мы заглянули в чисто каменный, окруженный крытой галереей внутренний двор. Здесь в монастыре иеронимитов в 1595 году умер Тассо — «гений славы и несчастья», как выражается Шатобриан. Ему тоже эта местность мерещилась последним прибежищем, и Стендаль («одно из самых красивых мест, чтобы умереть») в этом с ним соглашался. Утром работа в монастырской келье, затем прогулки под апельсиновыми деревьями и вечнозелеными дубами, «Rome entiere sous mes yeux»[686]. Ну, чтобы умереть, этот вид столь же хорош, как и любой другой. Мне приходилось видеть, как мирно улыбаются умирающие, в то время как вокруг них люди убивали себя. Исчезают даже самые богатые кулисы: это — «Освобожденный Иерусалим».

Во время работы вид на город скорее мешает. Даже ландшафта уже слишком много. Здесь мы наслаждались перспективой, охватывающей весь Рим до самых вершин Аbruцци. Мы радовались, что уже могли назвать ряд церквей и дворцов, и надеемся, что число их будет только расти.

Хорошо для собственного употребления покрыть большой город сетью опорных пунктов. Это должны быть отличительные знаки, которые не так бросаются в глаза; в Париже я выбирал старые деревья и частные дома. Здесь я принимаю в свою систему надгробную плиту рядом с входом в монастырь Sant' Onofrio: плиту какого-то старца, чья голова покоится на мраморной подушке с четырьмя кисточками.

РИМ, 14 АПРЕЛЯ 1968 ГОДА

В пасмурную погоду я начал переписывать «Поездку по Пиренеям». После обеда прояснилось. Мы пешком пошли до ближайшего храма San Lorenzo[687], четвертой паломнической церкви, которую я посетил из Виллы Массимо. Хотя и сращенная из двух церквей, часто реставрируемая и сильно разрушенная бомбами во время Второй мировой войны, она поразила меня своей простой мощью и единством. «Больше быть, чем казаться» — здесь можно было сказать с полным основанием.

Над портиком, жемчужиной XIII столетия, поднимался средний неф как единственная часть, которой восстановительные работы не пошли на пользу, по крайней мере, если сравнивать результат со старыми изображениями. В остальном церковь благодаря «систематизации» скорее выиграла, особенно в эпоху Пия IX, могила которого расположена в здешней капелле.

Древняя, возведенная Константином церковь расположена значительно глубже; хор из нее надстроили в высоту и при этом смирились с тем, что коринфские колонны, составлявшие украшение базилики, оказались оптически разделены пополам.

Раньше алтарем служил простой стол; во время причащения стояли вокруг него. В ту пору делали это так. Сегодня «делают» это снова.

В крестовом ходе, который похож на археологический музей. Найденные предметы вставлены в стены и объединены по сюжетам: львиные головы, кувшины, германские плетеные узоры, римские, греческие, средневековые надписи. Среди экспонатов осколок авиабомбы, наделавшей, видимо, много бед. Здесь же и вход в катакомбы Santa Cyriaca, названные именем матроны, в доме которой был погребен Лаврентий. В его церкви вообще возникает впечатление, что ты находишься на одном из стыков между античным и христианским Римом, в одном из мест, где легенда могла восполнить меньше, чем то обычно необходимо.

Потом на Campo Verano[688]. Там мы обнаружили место, с которого хорошо просматривалась

северная стена Сан-Лоренцо. Легкий излом указывает точку соединения двух изначальных церквей.

Эти большие итальянские кладбища складываются, по сути, в новую экспозицию: что-то вроде музеев модерна под открытым небом. В этом отношении можно поблагодарить богатые семьи, которые на рубеже столетий не побоялись издержек для оформления своих могил. Пример перехода частной собственности в общественную.

РИМ, 15 АПРЕЛЯ 1968 ГОДА

Ночью разговор с австрийским дипломатом о походе Гогенштауфенов на Рим; мы, разумеется, не пришли к общему мнению в данном вопросе. Беседуя, мы поднимались по винтовой лестнице, обвивавшейся вокруг ноги гиганта. Нога была изваяна из сизого мрамора с белыми прожилками. Так могла бы взбираться божья коровка по Венере Милосской.

В этот понедельник пасхальной недели лил сильный дождь, несмотря на это мы под зонтами отправились к надгробному памятнику святой Констанцы на расположенной неподалеку улице Номентана. Данный храм можно было бы считать моделью Пантеона, в которой колонны сдвинуты к центру. Это хотя и вредит пространственному эффекту, но идет на пользу интимности.

Я снова ощутил, что особенно хорошо чувствую себя в округлых строениях. Это относится также к тем помещениям, в которые врезан круг, например, к восьмиугольнику. Именно они, как хижина и гнездо, больше соответствуют Земле. Она предлагала мне защиту даже в воронке. С прямого угла начинается конструкция. Но с уничтожением исторического мира новыми титанами округлых строений прибавится. Хотя с защитой это ничего общего не имеет.

Из-за мозаик, красочно изображающих виноградарство, этот мавзолей долго считали святилищем Диониса. Заблуждение, которого я охотно хотел бы придерживаться и дальше. Место, несмотря на примеси, имеет мало христианского. Налитые гроздья, лопающиеся плоды граната подходят скорее богу вина, а не странной святой Констанце, которая погребена здесь. Порфиновый саркофаг, поднятый из склепа капеллы, хранил прах Константины, одной из дочерей Константина, о которой известно, что она была большой любительницей пофлиртовать. Вследствие путаницы имен она, как и некоторые другие, была в средние века канонизирована. Теперь уже точно не разобрать. Это относится также к отцу, Константину Великому.

Потом мы под проливным дождем пошли в катакомбы Святой Агнессы[689], также спустились в склепы, широко разветвляющиеся в вулканическом туфе, из которого построены многие старые и новые здания. Устройству таких подземных систем всегда, видимо, способствовало то, что непосредственно под рукой находился легкий и крепкий одновременно строительный камень, как и в Париже. Первоначально каменоломни.

РИМ, 16 АПРЕЛЯ 1968 ГОДА

К завтраку у четы Херварт в посольстве Германии на окраине города. С террасы прекрасный широкий вид на Альбанские горы с высокой Monte Cavo; среднюю линию образует Аппиева

дорога, у которой все еще находится гробница Цецилии Метеллы. С правой стороны в зеленый край вторгаются промышленные сооружения. Скоро они поглотят равнину.

В стену дома вмурован портрет Goethe filius[690] — красивый мраморный рельеф. Он, должно быть, образовывал наружное украшение гробницы у пирамиды Цестия и потом был заменен на копию.

Как я услышал от посла, на днях здесь произошли беспорядки в связи с покушением, совершенным на берлинского студента Дучке[691]. Били витрины немецких офисов и фирм; сотрудники их, разумеется, не имели к случившемуся никакого отношения, даже, вероятно, осуждали его. Нападение на невинных — одно из неизбежных последствий таких преступлений.

Поскольку я как раз занимался историей императора Генриха VII, мне бросились в глаза обстоятельства его смерти, которая настигла его во время военного похода в Неаполь. Распространился слух, что он был «отравлен облаткой», после чего его германская свита атаковала доминиканский монастырь и перебила монахов. Покушение нарушает нормальный ход истории; преступником чаще всего оказывается запутавшийся отщепенец либо сумасшедший, однако он может устроить короткое замыкание, из-за которого во многих местах и надолго погаснет свет. Дюжий уголовник на подобные вещи не пустится.

После застолья нас забрал доктор Каун, и в ясную солнечную погоду мы по Via Tiburtina отправились в Тиволи. Почему это название так радует мой слух? Во-первых, из-за звукоподражающих гласных; оно манит, словно зов иволги в верхушках деревьев. Вплетаются и детские воспоминания. «Тиволи» было популярным названием для городских ресторанчиков с садом, которые ночью освещались разноцветными лампами, где играли оркестры, встречались художники, и горожане могли прекрасно проводить время. В Ганновере недалеко от Айленриде тоже имелся такой сад; мы отправлялись туда во второй половине дня с родителями и бабушкой-дедушкой. Он в ту пору, должно быть, давно уже процветал, ибо я слышал, что в 1870 году дед там забрался на стул и вслух зачитал депешу, сообщающую о победе под Седаном.

Вилла Адриана. Руины дают представление о гигантском сооружении. При этом оно служило всего лишь летней резиденцией. Здесь можно было уже вспомнить о пирамидах или, лучше сказать: о сказке — о волшебных замках, возведение и содержание которых предполагает наличие десяти тысяч прислуживающих джиннов. Шагаешь от храма к храму, от дворца к дворцу, от купальни к купальне, от сада к саду, так что ни конца, ни края не видно. А еще больше лежит под слоями мусора.

Между остатками каменных стен, зачастую высотой лишь по щиколотку, в оливковых рощах серебристо-серого цвета, который так любил Коро: тут разрушенная цистерна, там купол с сохранившимися изображениями, потом фрагмент террасы с мозаиками, заросшие до самой глубины цветами подвалы. Перед округлым храмом безголовая и безрукая Афродита — имя вандала нацарапано на срамном бугре.

Полубовавшись уже после захода солнца пейзажем, простирающимся до самого моря, и подкрепившись в небольшой таверне рыбой и frascati[692], мы отправились к villa d'Este. Будки и прилавки торговцев образовывали перед ней странный рынок, на котором предлагали на продажу в основном курьезные вещи да bric-a-brac[693]. Я приобрел винный кувшин в форме петуха, гребень которого образует верхний край, а наливаются из него через клюв. Птица, должно быть, очень здесь популярна или имеет особое отношение к genius loci [694]; можно было увидеть до сотни кувшинов всяких размеров.

Пристрастие дедов к Тиволи касалось villa d'Este, а не виллы Адриана. Наверно, в знаменитых фонтанах, подпитывают которые Апеннины, им больше импонировала нотка

маньеризма, чем единство композиции, очаровывавшей столь многих художников.

Воды били как в лучшие времена Эсте, а может, и красивее, поскольку электрическая подсветка сегодня превращала их в световые игры. Если в нашу эпоху мы вообще возьмемся говорить о красоте, то нам следует обращаться к ней в тех областях, в которых объединяются свет и движение; задний план всегда образует ночь.

Здесь взлетали и опускались струи легиона фонтанов. Время придало бассейнам, раковинам, чашам, гротам и каскадам, благодаря зарастанию мхом и инкрустации, еще и саламандровую или амфибийную привлекательность. Она усиливалась массой листвы, которая подчеркивает субмариновый блеск постоянно брызжущей и струящейся воды.

Я прошел по главной дорожке до ориентальной Дианы, распыскивающей воду из множества грудей. Летучие мыши молниеносно носились вокруг нее, как летучие рыбки в бурлящей пене у фигурного украшения корабельного форштевня.

Для полного наслаждения было еще слишком прохладно. Оно, видимо, достигнет своего максимума «в пору, когда цветет сколимус» и парк заполнен любовными парами. Это настроение известно по знаменитым картинам, которые, как у Пуссена, усиливаются мифическими фигурами — например, фавнами, нимфами и садовыми богами во влажном сумраке, или свитой Диониса, которая, наверху разгорячившись вином, ищет здесь прохлады.

Добавлю еще: я повидал много кипарисов, но никогда такого размера, как в парке Адриана. Его ствол мог потягаться со стволом трехсотлетнего дуба.

РИМ, 17 АПРЕЛЯ 1968 ГОДА

В прекрасную погоду со Штирляйн и Ирмхильд Гебхардт на Монте-Челио. На спуске — к церкви Санта-Мария в Домнике. На площади перед ней fontana della Navicella, мраморный корабль, который по античному образцу велел изготовить Лев X. Фигуру в носовой части я принял сперва за голову волка, потом из-за чуть обозначенных клыков за голову дикого кабана.

Santi Giovanni e Paolo[695]. Маленькая площадь перед этой древней церковью — пример разросшейся и сросшейся архитектуры. Справа храм Клавдия, который почему-то связан у Пиранези[696] с мрачными мотивами, на фронте изящный портик XII века, за спиной — золотисто-коричневая стена лестницы, чудесная колокольня на заднем плане. Площадь, на которой люди и кошки нежатся на солнце. Что-то в старом тесовом камне действует, кажется, как опиум, экстракт отжившего времени.

Из-за имен я решил, что эта церковь посвящена Иоанну Богослову и апостолу Павлу. Однако она названа так в честь двух мучеников-служек, которые были казнены при Юлиане в 361 году. Приблизительно через сорок лет один сенатор велел соорудить над их домом базилику. Жилые помещения еще сохранились или восстановлены благодаря археологическим усилиям, в том числе американского кардинала Спелмэна. Несколько этажей ведут вниз на большую глубину. Настенные фрески, маленький алтарь, наружная поверхность цистерны, в которую вмурованы мельничные жернова.

Здесь еще интенсивнее, чем в Сан-Лоренцо, меня охватило чувство «бесшовного» предания. Базилика было возведена в то время, когда обеих жертв еще хорошо знали не только по именам, но и лично. Затем, правда, Аларих учинил опустошение. Однако местоположение и

обстоятельства установлены точно. Здесь все собрано воедино: старый храм, жилой дом, базилика. Лишь роскошное украшение церкви мало сюда подходит, равно как и изъятие именно этих двух святых из числа прочих, предпринятое папой Павлом VI, потому что они-де «были исторически недоказуемы».

РИМ, 18 АПРЕЛЯ 1968 ГОДА

На Палатине. Становится теплее; я заметил это также по тому, что в цикории появился золотисто-зеленый *Psilotrix*[697], а в цветах лютика — красно-синий с голубоватым отливом *Trichodes*[698].

Пиния — это благородная форма нашей скромной сосны — как в том, что касается роста, так и в том, что касается деталей. Гладкие шишки приятно лежат на ладони. Очень красив узор из трещин на коре: он похож на брекчию из гладкой, медистой горной породы.

РИМ, 19 АПРЕЛЯ 1968 ГОДА

С супружеской парой Розелиус поездка в Чивитавеккья. Древняя земля сабинян цвела в солнечном свете. На заросшем асфодилом[699] склоне полчаса субтильной охоты. Там паслись овцы; белые камни размечали зелень узором. Похожие сюжеты на картинах Сегантини.

Когда Тарквиния осталась по правую руку, мы поехали вдоль античного акведука. Я до сих пор не знал, что эти водоводы прокладывались по аркам не только в высотные здания, но и там, где возникала необходимость, велись по горам — что, собственно говоря, вполне объяснимо. Справиться у Витрувия.

Старая Чивитавеккья, особенно любимая мной благодаря первому посещению в 1954 году, очень меняется. Над новыми, безобразными зданиями торчат вверх стрелы кранов. Еще ужаснее застройка прибрежной полосы. Там одна гостиница поднимается рядом с другой. В расчете, очевидно, на огромные толпы туристов. Но ведь они, все пожрав, использовав и запачкав, снова улетают, как саранча.

Мы катили вдоль размеченного, рассеченного, отгороженного каменной стеной или затянутого проволокой побережья, пока у Маринеллы не нашли лазейку к морю. Век, хвастающийся тем, что так много делает для масс, допускает эти перестройки из-за капитализации и приватизации, отлучая одиночек и бедных от великой *mater maritima*[700]. Я даже удивился, увидев еще в лужице маленького краба.

Место для купания мы обнаружили у Ладисполи, который тоже, похоже, превращается в суперкупальню. Я спрашиваю себя, где же бедные люди, снимающие здесь жилье, обретут отдых, когда даже им доступен лишь «частный пляж». Отпуск в таких местах приобретает inferнальный характер. Во всяком случае, это подтверждает мою теорию, что в эпоху Рабочего и отпуск, в частности, становится рабочим.

Впрочем, купание было превосходным, хотя побережье здесь состоит не из морского песка, а из измельченного туфа. Вечером мы снова были в Риме. При въездах я все снова и снова любуюсь мастерством водителя — виртуозная пьеса, которая, однако, исполняется тысячами, как встраивание индивидуальной воли в автоматическую гармонию.

Как же отрадна после суеты просторная добротность Виллы Массимо! В саду крейсируют летучие мыши; под крышей, грезя, воркуют голуби.

Коллективное самоубийство может начаться неосознанно, из-за того, что ослабевает сопротивление прогрессу. Однажды это может превратиться в волю: как согласие с катастрофой, как вождение гибели.

РИМ, 20 АПРЕЛЯ 1968 ГОДА

В Субьячо, в обществе австрийского посла, Макса фон Лёвенталья, который особенно любит это место. Мы оставили Тиволи справа — здесь тоже лес кранов, к тому же чад бумагоделательных фабрик. От Тибуртины мы свернули на менее изъезженную Эмполитану и заскользили вдоль гор с их серыми скальными гнездами. За ними еще пастухи словно времен Энея.

Разговор зашел о politica, и о трудностях австрийского посла в частности. Господин фон Лёвенталь, хорошо эрудированный, к тому же, как многие австрийцы, блестящий рассказчик анекдотов, процитировал высказывание Наполеона III о пьемонтцах, которые за свои всемерные услуги в войне потребовали отдать им не только Рим, но и Южный Тироль: «Если эти проиграют еще одну войну, они потребуют от меня Париж».

Меткая характеристика народа, чьи дипломатические способности развиты лучше солдатских.

Вверх по Аньенскому ущелью. Нерон велел запереть его водоподъемной плотиной, которая была разрушена только в Средневековье. Там находилась его вилла, которая, должно быть, была еще великолепнее, чем вилла Адриана. Мы увидели лишь несколько развалин по обе стороны ущелья. Можно себе представить, что в ту пору дворцы были соединены водой, словно прихожей. Вероятно, озеро снова возникнет, ибо сам рельеф приглашает построить электростанцию, особенно для индустриализирующегося Тиволи.

Поскольку монастырская церковь Santa Scholastica была еще заперта, мы по склону Монте-Толое поднялись сначала к монастырю San Benedetto. Дорога вела по лесу великолепных скальных дубов[701], корни которых широко разлиты по обнаженным пластам утеса. Расположение соответствует правилу Бенедикта, который предпочитал горы. Мы прошли через ворота со стрельчатой аркой, сулящей «мир входящему».

Оглядываемся на ущелье. Синий и желтый ирис на выступях. Помещения монастыря на нескольких этажах частью вырублены в красной скале, частью приклеены к ней, как гнезда. На стенах фрески XIII и XIV столетий — сцены из жития святого Бенедикта, часто наивного свойства. Кормилица разбила миску; благочестивый ребенок своей молитвой восстанавливает ее обратно. Вербное воскресенье — мальчишки карабкаются на вербы и бросают вниз ветки. Рождение в хлеву; осел смотрит с любопытством, бык доверчиво, тогда как служанка проверяет температуру воды, а святой Иосиф с несколько озадаченным лицом сидит в стороне.

Там пещера, в которой началась созерцательная жизнь Бенедикта. В ней портрет Франциска — он, должно быть, старейший, но очень отличается от всех остальных. Садик роз — по ним Бенедикт катался, когда искушение отведать мяса становилось особенно нестерпимым. Франциск во время своего посещения, должно быть, благословил розы — и с тех пор на них нет колючек.

Я глядел на монаха, зажигающего лампу, и у меня возникло впечатление, будто я падаю во время — здесь я имею в виду не постепенное осознание расстояния, какое охватывает нас при виде древних вещей, а чувство физического низвержения; распаивается бездна.

Непостижимы *monumenta stultorum*[702], оставленные здесь толпами бесчисленных туристов. Они вырезают свои имена прямо на умбрийских и сиенских фресках, часто так, что сюжеты те уже не восполнить, поскольку они испещрены сетью глубоких царапин.

Вниз к монастырю *Scholastica*. К сожалению, библиотека с бесценными рукописями и инструментами оказалась закрыта; напечатанные в монастыре издания тоже известны. Два ученика Гутенберга основали здесь в 1464 году первую в Италии типографию.

В проходах образцы изданий, а также фотографии посещения монастыря Иоанном XXIII[703]. Он не был подходящим типом для съемок — как-то даже услышали его тяжелый вздох: «О Боже, коли Ты возложил на меня эти обязанности, почему Ты не сделал меня фотогеничнее?»

Этот папа, возможно, не был тем, кого называют «великим», но это все-таки был инициатор и один из немногих современников, от кого еще исходила и отчетливо ощущалась харизма. (В лице тоже. Возможно, именно поэтому оно и не было фотогеничным.)

Два внутренних двора, готический и еще более красивый романский с крытой галереей Косматов. Косматы относятся к первым художникам, осознанно ставившим подпись под своими творениями. «Космас с сыновьями Лукой и Яковом, искусными резчиками по мрамору» (*in marmore arte periti*). В обоих дворах фонтан; их шахта сверху донизу покрыта венериным волосом[704] — уголки для медитаций, уединенно, тихо.

Потом еще в церкви *Scholastica*. Она ледяного, неоклассического стиля — красива сама по себе, но странно чужая на этом месте. Оправа перекрывает готическое оформление; на одном оставленном свободным участке выступает древняя стена.

В Тиволи мы остановились у моста, ведущего через безводное сейчас Аньенское ущелье. У края его элегантный округлый храм Сивиллы; предполагают, что он был посвящен Весте. Тиволи относится к древним городам; основание его приписывается сикулам. Это были «жнецы»; здесь, вероятно, сохраняется не столько название племени, сколько название деятельности, какую повлек за собой переход от пастушеской жизни к земледелию.

Еще в соборе. Там посол подвел нас к одной скульптурной группе, которую он особенно любит. У креста собрались Мария, Иоанн, Никодим и Иосиф Аримафейский. Произведение XIII века; Спаситель уже снят с креста, почти парит вниз, бесконечно легкий, «примиренный». Ничего от готического ужаса, как у Грюневальда.

Назад по узким улицам старого города. Некоторые кажутся вырубленными в горной породе, с остатками арок, лестниц, статуй, надписей, как с геологическими вкраплениями.

На обратном пути вдоль Тибуртины разговор о влиянии техники, в особенности телетайпа, на дипломатический стиль. Сведение к чистым фактам, которому к тому же недостает лапидарности телеграммы.

РИМ, 21 АПРЕЛЯ 1968 ГОДА

К термам Каракалы. Во время поездки по левую руку один великолепный фрагмент архитектуры за другим. Изящная миниатюрная колоннада *Santi Giovanni e Paolo* в

особенности.

Термы. Чувствуешь, что перенесся в пространство гравюр Пиранези. Холодные и теплые, воздушные и паровые купальни, помещения для умащения и обтирания песком, для персонала и учителей гимнастики, гимнастические помещения, конференц-зал, греческая и римская библиотеки, парки и стадионы. Вход почти свободный. При этом Каракала был одним из чудовищ. Однако в его распоряжении находились накопленные Севером сокровища. Да и не стоит цепляться за стереотип. Большинство ужасных людей нельзя представить без так называемой социальной нотки, и многие одержимы строительством.

По Аппиевой дороге к гробнице Сципионов, которая оказалась закрыта. Узкая улица превратилась в автомобильный ад; в 1925 году я видел ее еще в античном уединении. В 1962 году по ней еще можно было пройти, когда мы с Генри посещали гробницу Метеллы.

Удивительно красивый домик на piazzolo Numa Pom-pilio, как будто здание для стражи. Крытая черепицей каменная округлость, в которую вделаны три ниши. Что бы она могла означать? Она, видимо, избежала ярости христиан. Полицейский, которого я спросил, не знал даже названия. В путеводителе по Риму я тоже ничего не нашел. А может, она современная?

РИМ, 22 АПРЕЛЯ 1968 ГОДА

В прекрасную погоду к Латерану[705]. Прогулка, пожалуй, повторится. Церкви, дворцы, часовни, музеи, отдельный мир. Это можно осмотреть лишь предварительно.

Такие сооружения переживают войны, грабежи, пожары: столетиями могут стоять неиспользованными. Они, как здоровый человек, переживают времена расцвета, когда предстают в наилучшем виде.

Расстроился ли я? Площадь показалась мне серым вокзалом. Когда на ней стоял Данте, все здесь, должно быть, выглядело великолепно; он предпочитал Латеран всем творениям рук человеческих («Рай», 31).

Вероятно, моему настроению способствовало также чувство необходимости переучиваться — ему приходилось следовать. Христианский Рим для меня сконцентрирован вокруг Ватикана. Вторая главная церковь вносит диссонанс; сюда добавляются еще и другие девиации — особенно досадным представляется время пленения пап в Авиньоне.

Почему бы просто не заучить нечто подобное наизусть, поскольку историю уже не исправить? Но должно быть желание увидеть большие, и все равно какие, силы в их миссии и единстве, по возможности цельными. Тогда история предстает своеобразной полостью прессформы, в которой фигура должна отливаться без изъянов и трещин.

Здесь есть градации: когда я вижу Рим сам по себе, то сожалею об упадке империи и христианской ломке. Так можно было бы продолжать — и наконец мы приходим к источнику зла: к несовершенству творения вообще.

Комплекс до пленения в Авиньоне был гораздо обширнее; за это время он был разграблен и опустошен, и восстановлен только частично. Среди прочего сохранилась личная часовня пап, однако сейчас она отделена от базилики. Как многие сакральные постройки города она посвящена Лаврентию, первому диакону. Наверх к ней ведет Scala Santa[706].

Считается, эта лестница в двадцать восемь мраморных ступеней находилась во дворце Пилата. Когда Христа вели на допрос, на нее упали капли его крови. Елена, мать Константина

Великого, перенесла ее из того дворца, оплота Антония, в Рим.

Мы прошли еще к часовне, хотя время было уже исчерпано. У меня там было особое дело — правда, не то, чтобы на коленях вползти по ступеням, чем, впрочем, даже папы не гнушались, поскольку это считается чрезвычайно похвальным. То было скорее стремление к аутентичности или, если хотите, к непосредственной сфере влияния реликвии, при всем предубеждении к памятным вещам, которые Елена перенесла из Иерусалима. Тут был и святой крест.

Желание аутентичности влечет не к красоте, а к подлинности вещей, особенно к непрерываемому материальному преданию. В этом мы много приобретаем; подписанная мастером картина ценнее картины пусть и более красивой, но вызывающей сомнение в подлинности.

Здесь перед лестницей кажется возможным, что она была «той». На ступенях начертаны римские знаки, и промежуток в две-три сотни лет во дворце значит не много. В Иерусалиме я стоял в переднем дворе претория; его плиты служили легионерам игровой доской. Там еще можно было увидеть процарапанные поля и линии. Это веское подтверждение. Возможно, там играли стражники, когда мимо проводили Христа, — вероятно, те самые, которые потом разделили одежды.

Лестница была еще заполнена набожным людом, собиравшим там подаяния. Ступени обшиты деревом, в противном случае они уже давно были бы стерты бесчисленными коленями. Объявления сулят девять лет отпущения грехов за одну ступеньку; я спросил себя, какой инстанцией был выработан преискурант очистительного огня. Предприятие оказалось настолько доходным, что даже церковный собор не смог положить ему конец, вопреки настоянию многих епископов. Идея ведь тоже блестящая: сначала изобретение огромных мучительных промежутков времени, затем дробление их для продажи в розницу.

Капитуляция церкви перед обычной историей еще позорнее капитуляции перед естественными науками, которыми можно просто не заниматься. А здесь истина становится заложницей голых фактов.

Когда дух, человек, зверь переносит нас через реку времени, с одного берега на другой, достигается Великое, безо всяких исторических документов. И если воспоминание об этом величайшем из деяний связано с каким-нибудь именем, как имя Христофора, то даже лучше, что персона теряется в дымке времени.

Речь здесь идет о мифе и его стоящей выше происходящего, определяющей факты, даже создающей их силе.

По возвращении мы беседовали на эту тему и в связи с ней о вычеркивании многих святых в результате решений церковного собора. Среди них, должно быть, были также широко известные и глубоко почитаемые. Почему? Потому что они не подтверждались исторически. Разве недостаточно их харизмы? Хотелось бы думать, что она становится тем сильнее, чем больше они ускользают от времени.

РИМ, 23 АПРЕЛЯ 1968 ГОДА

К Стефану Андресу. По пути ненадолго в замке Святого Ангела. В фойе можно наблюдать различные этапы перестройки; по-прежнему сохраняется впечатление мощного, возведенного по этрусскому образцу кургана. Изначально его увенчивали кипарисы; круг

римских и греческих статуй низринутся на напавших готов. Власть, сконцентрированная власть с ее переменами, сокровищами, ее узилищами и злодеяниями. Задуман сначала как дом мертвых. Центральное положение, с платформы великолепный вид на Ангельский мост и Тибр, дальше на Ватикан. Огромные количества каменных ядер различного калибра, уложенных аккуратными слоями, здесь же баллисты и катапульты с железной дугой, как арбалеты. Я задумался о технике скручивания. Было жарко; травертин отражал свет. В зале с аллегорическими фигурами я отметил два изречения:

У женщины со змеей: «Ante consulas, post agas»[707]. У карлика с весами: «Sit modus in rebus! [708]» Тому, кто погребен так богато, как Адриан, не избежать грабежа. Рок власти действует и после смерти.

РИМ, 24 АПРЕЛЯ 1968 ГОДА

На Авентине. Аромат цветущих апельсинов. Площадь Мальтийских рыцарей с «самой красивой замочной скважиной на свете». Взор экранирован живой изгородью, словно трубой, в которой виден купол собора святого Петра. Это напомнило мне пресловутые перьевые ручки, которыми мы забавлялись в школе. Беспреданно пешком или на машинах на минутку прибывали любители подсмотреть в замочную скважину.

Церковь мальтийцев была заперта или в нее пускали только по удостоверению. Мы хотели увидеть там спроектированный Пиранези главный алтарь, а также его могилу. По тихим улицам «зеленого» Авентина спустились к Сан - Саба[709]. Церковь была построена в VII веке на том месте, где стояла молельня святой Сильвии, матери Григория Великого[710]. Rifatta в 1205 году, restaurata в 1465 году, ripristinata[711] в 1943 году. Это напоминает костюмы; чем больше их латают и перелицовывают, тем меньше виден тот, кто их носит. Бытие испаряется в видимости, содержание в издержках, и этого уже не изменить даже пуританам. Из доказательства, что пустота в самом деле пуста, вряд ли можно извлечь назидание и утешение. Рационализм среди прочего имеет и привкус коварства. Обычай японцев воссоздавать обветшавшие храмы точно по старым размерам заслуживает внимания; правда, древесина больше подходит для этого, нежели камень.

В Санта-Сабину[712]; там мы увидели знаменитую дверь, кипарис, сцены из обоих заветов, редкий реликт раннехристианской работы по дереву. Церковь недавно упрощена, очищена, приведена в состояние V века. Несмотря на некоторые краски, использованные при работе, она сохраняет благородный серый цвет. Пощадили несколько особенно красивых надгробных памятников эпохи барокко.

Дальнейшие прогулки по городу. Мое усердие порадовало бы мою мюнхенскую бабушку, воскресное удовольствие которой состояло в переходе из одной церкви в другую. Моя мать эмансипировалась от этого, когда начала читать Ибсена и Ведекинда. Хотя мотивы моих посещений отличаются от мотивов простой женщины, они по глубинной сути похожи на них. Говорят, что внуки по некоей спирали снова сближаются с бабушками и дедушками.

РИМ, 25 АПРЕЛЯ 1968 ГОДА

Во второй половине дня на Испанской лестнице; она была широко обсажена азами. Сегодня там собрались не благородные битники, а молодчики, которые выглядели довольно

опасно. Оборванные и босые, они валялись, растянувшись на солнце, девиц в коротких юбчонках подхватывали и уводили матросы. Последние послабления, по сравнению с 1925 годом — тогда даже публичный поцелуй был еще покушением на мораль.

В Trinita dei Monti, которая была обнесена решеткой до самого узкого вестибюля. Азиатские священники в белых и алых шелках служили перед алтарем мессы.

Мавзолей Августа пострадал сильнее, чем мавзолей Адриана, однако с венцом мертвых из кипарисов сверху. В Sant' Agostino[713]. Там La Madonna del Pellegrino[714] Караваджо. Резкая светотень, лишь фиолетовый рукав Мадонны показывает, «что может цвет». Прямо над этим святая Анна втроем[715] работы Андреа Сансовино, возвышенное зрелище. Эта церковь вообще обладает сокровищницей живописных полотен, в том числе «Исайей» Рафаэля. Огромная Biblioteca Angelica, которая принадлежит ей, секуляризирована.

В среднем портале Madonna del Parto, произведение Якопо Сансовино, «Дева с золотой ногой». Ребенок на руках удивляет своим смелым взглядом. В 1822 году Пий VII даровал сто дней отпущения грехов каждому, кто благоговейно поцелует эту ногу. Вокруг в огромном количестве ex votos[716] и столбики с иконой. Один служка падает с приставной лестницы в церкви и невредим, сама лестница в щепки. Одна мнимо умершая пробуждается ото сна.

Привал на площади Навона. Фонтаны не били; зато посреди толпы народа показывали свое умение бродячие артисты. Например, мастер освобождаться от оков, лицо которого, как у всех этих силачей, лучилось добродушным идиотизмом.

По кварталу вокруг церкви Santa Maria della Pace спиральными путями обратно. Там каждая улочка — золото. Дворы, входные площадки, шахты, ворота в золотисто-коричневой выветрелости. Покружился, например, по piazzetta San Simeoni с дворцом Ланчелотти. Аристократические порталы на обветшавшем фоне. В углу у церковной стены огромная куча мусора, как если бы все снесли сюда старую обувь и отслужившие велосипеды. Над нею красуется запрет какого-то кардинала разгружать здесь мусор, датированный 1732 годом.

РИМ, 26 АПРЕЛЯ 1968 ГОДА

В первой половине дня почта. После обеда на metropolitana[717] поехал к храму Святого Павла за городскими стенами, базилике на Остийской дороге, которая, впрочем, сегодня целиком входит в городскую черту. Нужно представить себе картину могучей церкви в Кампанье и мысленно добавить древний сампаниле[718]. Изначально романский, он был разрушен пожаром и заменен чем-то вроде маяка. После этого пожара, в 1823 году, христианский мир объединил усилия, чтобы восстановить церковь, — это хорошо видно. Сохранены размеры и могучие гранитные колонны. Мы попробовали вдвоем обхватить один из пятнистых колоссов, но между руками еще осталось пространство. Очаровательные по красоте алебастровые колонны, монолиты с розовыми ареолами на светлом фоне, подарок египетского вице-короля Григорию XVI.

Масштабы пятинефной базилики императорские. Она производит еще более сильное впечатление в сером свете, падающем внутрь через алебастровые окна и скрадывающем детали.

Алтарь из малахита и ляпис-лазури, подарок последних царей, здесь же большой пасхальный подсвечник старинного оформления. Он, вероятно, еще до пожара стоял в поперечном нефе, который остался в сохранности. Там же и деревянное изваяние Павла, сильно поврежденное, как будто от зажигательной бомбы.

Сначала мы были в церкви почти одни, потом она заполнилась пилигримами, совершающими паломничество по местам, связанным с Павлом. Проповедовали, пели, стояли на коленях перед исповедальнями во всех углах. Один исповедующийся то и дело воздевал руки, другие внимательно и благоговейно слушали. Кто-то уходил, потирая ладони. «Tutto polito»[719] называлась бы картина, если этот момент запечатлел бы художник.

Наверху по фризу тянутся в ряд медальоны пап — медальон правящего, Павла VI, был пронизан лучами. Рядом с ним еще пятнадцать полей свободны — когда их заполнят, должно быть, настанут последние сроки.

В крестовом ходе. Там цвели великолепные розы. Черепаха объедала сорную траву, росшую в обрамлении самшита. Как и в большинстве крестовых ходов, археологические находки, например, саркофаг, найденный в пределах самого хода. Солнце лилось на золотые камешки мозаик; они ослепляли.

Потом крестовый ход в монастыре — самый красивый из тех, что я когда-либо видел. Образуются категории: крестовый ход, кампанила и другие. Но сути дела это не меняет, слово запутывает. У этих ходов две силы пытаются взаимно уничтожить друг друга: целое и деталь. Дух движется в трех пластах: в античном, христианском и современном Риме. Наступает миг, когда он обнажает оружие. Время ускользает в соборе, который был древним уже в ту пору, когда Карл Великий в качестве дара пожаловал его леном. Не считая бесчисленных церквей и дворцов, любой из гигантских комплексов — Капитолий с Форумом, Латеран, Ватикан или этот, в Сан-Паоло — можно было бы изучать всю жизнь. Сверх того тени могил, склепов и мрачных сводов, какие пугали Пиранези или Мериона[720]. Неизмеримое напряжение народов, князей и духовенства становится непостижимым, даже, кажется, граничит с бессмысленностью — ибо в конечном итоге останутся руины. Это напоминает геологические образования. Астронавты и ангелы иных миров, пролетая мимо, схватывают основные планы.

На metropolitana обратно. Говорят, что от его расширения отказались: из-за множества древностей, на которые наталкивались. Roma subterranea[721]. Клад колонн, статуй, ваз, бронзы, монет, античного мрамора, где тоже копают.

27 АПРЕЛЯ 1968 ГОДА

С Розелиусами в Анцио. Мы встретили там Густава Рене Хокке и отобедали в «Garda», самом красивом рыбном ресторане местечка, трактирная вывеска которого была сплетена из канатов. Светлая, веселая, похожая на беседку терраса стоит на опорах; с нее открывается вид на залив и гавань.

Здесь я наконец впервые отведал финикового супа; я заключил пари с господином Хокке, что его раздобыть невозможно. А он вразумил меня, подведя к мозаике плодов моря, которая была выложена перед входом. Там предлагались также datteri[722]; коричневые, по форме напоминающие финик расточенные раковины. Мое любопытство было литературного происхождения, поскольку рецепт я вычитал в произведении одного давно забытого автора: в «Дядюшке Зебре» Эттингера, родственника по духу точно так же давно забытого Морица Зафира. Чаще всего такая стряпня больше нравится при чтении, чем на столе; но здесь был не тот случай.

Потом мы снова поехали в Гренцано ди Рома, на виллу Хокке, достойную ландшафта tusculum[723]. Цвели розы; на озере Неми мы услышали первые зовы кукушки.

Мы еще раз спустились в шахту к первоисточнику святыни. Такие находки являются подтверждениями, которые я не считаю случайностью; я подумал: «Рене felix[724] — существует не только Третий глаз, но и Третья, невидимая рука».

Воспоминания у камина об общих друзьях и знакомых - например, об Эрнсте Р. Курциусе[725] и его ученике

Карле Ойгене Гассе[726]. Потом о маньеризме: хозяин дома намерен вскоре завершить свое обширное, посвященное этой теме исследование. Он высказал мнение, что маньеризм тяжело поддается классификации. Суждение можно распространить на все стили. У них, как и у характеров, ограниченное число видов, а значит, и возможностей интерпретации; они повторяются.

РИМ, 28 АПРЕЛЯ 1968 ГОДА

Ночью в Килумбо, оно разрослось и похорошело; теперь здесь была даже церковь с колокольным звоном. Праздничная трапеза с черной прислужгой; вошла Виолетта и распорядилась сервировкой стола. Она была *en grande tenue*[727]; мне особенно понравилось, что в левом уголке ее рта был зажат маленький бриллиант.

Шел дождь. Я закончил переписывание «Поездки на Пиренеи» и потом с зонтом прогулялся по Кампо-Верано — ближайшей зеленой зоне, не считая парка самой виллы, — на сей раз по израильскому и исламскому секторам. На иудейских могилах я увидел раскрытые книги из камня, надпись в которых высвечивалась при дожде. Под именем стояли *deportato* и дата.

РИМ, 29 АПРЕЛЯ 1968 ГОДА

На Форуме. Желтыми побегами цветет фенхель; акант изгибается зелеными валами и вытягивает головки. На арке Тита все новые детали, например, продолжение складок одежды за край, в третье измерение. Вероятно, она так хорошо сохранилась благодаря тому, что стояла не свободно, а находилась в окружении плюмерии.

ПОРТО-АДЗУРРО, 30 АПРЕЛЯ 1968 ГОДА

Рано поутру отъезд на остров Эльбу. Вдоль железнодорожной линии и, главным образом, на окраине столицы высотные новостройки, частью завершённые, частью *in costruzione*[728], с лесом кранов. Мысль: тут делают дома, в домах дети — когда же мировой дух придумает что-нибудь новое? И повсюду нечеловечески вопящие динамики. Кроме того кинорекламы — почти ни одной, где бы в криминальных сюжетах главную роль не играл пистолет или другое огнестрельное оружие. Предзнаменования каннибализма.

Во второй половине дня в Пьомбино, оттуда в Порто - Адзурро, где мы разминулись с друзьями, поскольку договаривались сойтись в Портоферрайо. В конце концов, мы их встретили, художника Далвита[729] и доктора Вайдели, и отпраздновали встречу в «Зеленом дельфине».

ЭЛЬБА, 1 МАЯ 1968 ГОДА

Мы поехали в Портоферрайо и сделали привал среди этрусских каменных стен. Археологи раскопали даже плавильные печи. Этруски были не первыми жителями Эльбы; еще аргонавты, должно быть, высаживались на здешний берег. «Счастливые острова» были, пожалуй, возможны только до тех пор, пока не появилось судоходство.

Взгляд на Портоферрайо с этого места почитается «самым суггестивным на свете». То, что он красив, оспаривать не приходится, хотя сам оборот, вероятно, придумал человек, бродивший тут мало. Силуэт побережья похож отсюда на гигантскую ящерицу с вытянутой вперед головой и очень тонкой шеей. Такая форма повторяется на многих побережьях, где горы постепенно понижаются к уровню моря.

У маленькой гавани с фортом и маяком рыбацкие лодки, над ней конденсационный след. Почему Наполеон не остался здесь? Правда, союзникам не понравилось, что он расположился так близко к побережью, и они решили отослать его глубже. В первую очередь беспокоился Блюхер и, как оказалось, не без основания.

Пикник в саду на террасах, круто нисходящих к морю. Белые и алые ладанники, дикие гладиолусы, гадючий лук, вика, опунции, эвкалипты, приморские сосны, маслины, фиговые и миндальные деревья, за ними каменистая *macchia*[730]. Она была прекрасна в цвету, но не так богата, как два года назад на Корсике. Большие площади заросли белыми ладанниками и желтыми маргаритками, дальше вверх светящимся дроком, который может вырастать очень высоким. Вегетативная сила особенно удивила меня здесь буйными зарослями инжира и виноградной лозы. Герхард Маркс[731] сумел схватить этот момент в иллюстрациях к «*Georgica*»[732] — дух пластики здесь тоже, видимо, обостряется. Плод — квинтэссенция этой буйной поросли: инжир и виноградная гроздь в своей вакхически наливающейся силе.

Вдоль обрывистого побережья. Здесь, как и у нас в микротопонимах, в названиях мысов, бухт и полуостровов сохраняются детали истории; нередко сберегается память о мимолетных эпизодах. *Punta della Testa*, *Punta le Tombe*, *Sedia di Napoleone*, *Spiaggia dell' Innamorata*[733] и другие. *Marciano*

Alto[734], скалистое гнездо. Многие дороги проведены как лестницы. Мы выкупались у *Marciano Marina*[735], прыгая с гранитных скал. Вода была свежей и чистой.

ЭЛЬБА, 2 МАЯ 1968 ГОДА

В Каполивери, мимо Вольтеррайо, господствующей над местностью горы, конус которой напомнил мне Монте Уголино на Сардинии. В городе был гончарный рынок. Посуда из Тосканы лежала на соломе, краски великолепно играли на ярком солнце. То, что мы находимся в раю геологов, сразу видно по минералам, которые предлагаются всюду, даже в обувных магазинах. В каждой витрине выставлен серный колчедан[736], который на острове вырастает в виде особенно красивых кристаллов.

У подножия города мы (в том числе с энтомологической целью) вошли в совершенно разрушенную часовню, вероятно, апсиду церкви, которая давно исчезла. Руины некоторое время служили кладбищем. Кованые кресты были увиты *lentisco*[737] и ежевикой; на одной

могильной плите были высечены переkreщенные косами песочные часы, на другой — венок из коробочек мака. Место для людских размышлений, подходящее также для гекко, которые грели свои брюшки в романском фризе.

Остров обильно изрезан мысами и бухтами; мы выбрали себе для купания Spiaggia Grande [738]. К сожалению, сюда нагнало массу комков отвратительной смолы, которая, вероятно, скоро совсем отравит всякое удовольствие. Мне вспомнился разговор с Эрнстом Ровольтом [739], во время которого он сказал мне, что к каждой книжке карманного формата нужно бы давать в придачу муравья. Но от смолы не поможет даже термит.

РИМ, 3 МАЯ 1968 ГОДА

Нельзя покинуть остров Эльба, не засвидетельствовав свое почтение Наполеону; так мы поступили на Корсике. В итоге, исходив старинные кварталы Портоферрайо — портовые укрепления, форты, лестницы, в том числе узкий подъем Gradinata Forte Stella [740] к одной из оседлавших каменную стену угловых башен — мы решили совершить прогулку в casa Napoleone [741]. Обстановку его составляла отполированная до блеска, но довольно неуклюжая мебель в стиле ампир. На стенах картины и карикатуры того времени, с террасы открывается великолепный вид на бухту с маяком и фортом. Я снова подумал: не лучше ли ему было остаться здесь? Не думалось ли ему стать королем Корсики? Это, возможно, решило бы все проблемы.

От casa Napoleone к городу ведет via Napoleone, продолжением которой, естественно, является via Garibaldi.

Перед одним домом в гавани следующее изречение, которое я записал не столько из-за его смысла, сколько ради его односложности:

si fa quel che si sa

ma si sa quel che si fa [742]

На корабле в Пьомбино. С борта вид на дома, которые, тесно прижавшись друг к другу, поднимаются к форту. Коричневая, золотисто-желтая, черепично-красная симфония.

Сойдя на берег, мы расстались с друзьями и поездом возвратились в Рим, куда прибыли вечером.

РИМ, 4 МАЯ 1968 ГОДА

Сирокко. Проснулся от гула машин. Так люди не разговаривают. Угроза отовсюду.

После обеда в Музей терм. Мы подошли незадолго до закрытия, когда зрители томились перед избавлением. Следовательно, мы смогли отдать дань уважения лишь главному экспонату: трону Людовизи. Он этого определенно заслуживает. Удача: рассматривая правую сторону, я сказал Штирляйн: «Эту сидящую на подушке девушку я знаю в лучшем исполнении — как играющую на свирели рабыню». Потом, зайдя с левой стороны, я увидел, что упомянутый рельеф также изображен на троне. Мое воспоминание восходило к иллюстрации в «Истории греческой культуры» Буркхардта[743].

Расположение у стены неблагоприятно. К вопросу об анатомии: не слишком ли далеко друг от друга расположены груди у Афродиты, даже если иметь в виду поднятые руки?

При посещении музеев следует достигать такого состояния, когда любое произведение ты можешь идентифицировать как с эпохой, так и со школой. Затем нужно забыть название, и тогда произведение обратится к душе в своем абсолютном значении. Достижение некой второй наивности.

На выходе гермафродит. Я видел во Флоренции похожего, но намного моложе, на роскошной мраморной подушке, в аналогичной позе, которая явно занимала монаха, стоявшего рядом со мной. Этот мотив определяется как тем, что пластика ягодиц и груди носит несомненно женский характер, так и подчеркнутым указанием на мужской пол. Здесь это удалось — но, к сожалению, какой-то пуританин изуродовал статую. «O il culo d'angelo!»[744], подумал я про себя. Где я такое вычитал? В одной биографии маршала Вандома.

Мы сошли у фонтана Моисея, эталонного образца крайне неестественной, литературной скульптуры. Насилие. Зато боковые фрагменты, вероятно, другой руки, прекрасны. Потом чашечка эспрессо перед кафе «Piccaozzi» на площади Республики. Два палаццо, как обрамление улицы Национале, совсем недавней постройки, однако очень ладные. Fontana delle Naiadi[745]: неоромантическая эмфаза, впрочем, удачная; вспоминаешь, к примеру, д'Аннунцио. Потом, держась дороги фонтанов, мы по via delle Quattro Fontane[746], мимо моего любимца, тритона, прошли к фонтану Баркачча[747].

Азалии близ Испанской лестницы уже отцветали. Мы пришли, чтобы поглядеть, были ли еще там битники, потому что господин Хокке рассказал нам об облаве. Однако вскоре появился замечательный экземпляр — молодой человек, совсем недавно так удививший нас своим нарядом из фиолетового бархата. Сегодня на нем был надет белый шелковый костюм с кислотно-пунцовыми лампасами, широкополая красная шляпа, красный галстук, голубая рубашка, небесно-голубые носки и белые туфли. Его сопровождала юная девушка в ярко-красном жакете и паренек, одетый столь же экстравагантно. Он задержался с ними на ступеньках лестницы и цветными карандашами подправил девушке макияж. Я, впрочем, не верю, что эти люди чего-то стоят в эротике; главное у них впустую тратится на показуху. Рядом со мной несколько одетых с ненавязчивой элегантностью сограждан, из них один: «Лет через двадцать они тоже образумятся». Возможно, или же станут отжившими мимами в промежуточном мире. Подошли и другие типы, например, северная блондинка, притащившая с собой спальный мешок.

На обратном пути в маленькой церкви Сан-Карлино; там свеча за Эрнстля; первого мая ему исполнилось бы сорок два года. Должно ли здесь быть так много колонн? Почти сплошной стеной, но все-таки превосходно. Монах с крестом: продольная перекладина красного цвета, а поперечная — синего.

Потом еще в супермаркете на пьядца Болонья, одном из современных храмов Меркурия. Звонком кассовых аппаратов, приглушенной музыкой, контрольными зеркалами, нагромождением натюрмортов эти места обретают характер наркотического полусна. Старые рынки были жизненнее, эти — сказочнее.

РИМ, 5 МАЯ 1968 ГОДА

Воскресенье. Матесон-младший прибыл с листами для «Формозы» и «Цейлона», которые надо было подписать. С ним, его сыном Марко и Штирляйн в «Sorriso»[748]. В таверне ощущаешь другой behaviour. Звуки, шумные голоса; кроме того каменный пол, который их отражает. Приходится тоже говорить громко. Разговор об Иностранном легионе. Много лет тому назад мне удалось смягчить гнев Вильяма Матесона, когда парень сбежал туда незадолго до экзамена на аттестат зрелости. А за минувшее время он пережил и Вьетнам.

Вспомнил Бенуа, который больным лежит в Мюльхаузене. Однажды, когда мы там беседовали о старых временах, он заметил: «То, что легионеры уже выдвигались на боевые позиции не днями и неделями, а доставлялись воздушным путем, является признаком упадка».

РИМ, 6 МАЯ 1968 ГОДА

С Розелиусами в Ангуиллару, местечко, лежащее на берегу одного из круглых кратерных озер, Браччиано. Отсюда Рим в Святки снабжается угрями. Название городка связано, скорее всего, с anguilla[749]. Однако этимологи со своей стороны утверждают, что оно происходит от виллы Ангулария, которая, вероятно, стояла там, где берег образует угол. Я оставляю этот вопрос открытым. Заглянув в словарь в поисках подтверждения, я в статье «Угорь» наталкиваюсь на поговорку, которая для меня в новинку: far la serpe tra le anguille[750] — то есть передвигаться, как змея среди угрей или как ловкач среди болванов — такого рода сентенции типичны для дипломатически одаренной нации.

В Браччиано, потом в Черветери. Мы бродили по этрусскому некрополю между заросших кустами курганов — такой была исходная форма и римских надмогильных памятников тоже. Иногда мы входили в одну из мирных погребальных камер. Потом снова наружу на каменистую дорогу с древними следами колес. Соловьи пели в кипарисах, по стволам вились вверх белые розы.

Смерть как погружение в сон; это представление здесь достигнуто — идея была настолько сильной, что еще и сегодня она продолжает отзываться в том удовольствии, которое сообщают эти могилы. Никакого гроба, никакой земли; мертвецы покоятся на скамьях во вместительных камерах и семьями. Они проспали там больше двух тысяч лет, пока не пришли ведущие раскопки археологи. Мы грабим не только все накопившиеся сокровища Земли, но и вверенное ей имущество мертвых.

Лес дает образец того, что каждое поколение должно оставлять больше, чем оно застало. Это гумус, на нем покоится культура. Правда, возможно это только при помощи света, солярной силы. Энергия аккумулируется; мы же расточаем накопленное, переводя его в энергию.

Культура определяется, прежде всего, по могилам. И ее низкий уровень виден по нашим «кладбищам». К правам человека относится также право достойного приюта после смерти. На это были направлены огромные личные затраты и коллективные усилия.

В «Гелиополе» я упоминал город мертвых внутри известковых и меловых массивов — то есть

места в «органической» горной породе с *concession a perpetuite*[751] для каждого, чтобы уберечь его от безымянности.

Тот, кто укладывает мертвых семьями, как здесь в Черветери, должен что-то смыслить в искусстве бальзамирования. Оно, как вся служба мертвым, в пределах цивилизации начинает со временем восприниматься как дело абсурдное, даже сомнительное, правда, за некоторыми исключениями. Ленин законсервирован.

На этой стадии утрачивается изысканность этого «как если бы»; исчезает символическая сила изображения. Даже образованный этруск знал, что предки в кургане собирались вместе, «как если бы» они жили — это для него, конечно, означало не абсурдность изображения, а имело силу картины и указание на продолжение существования после смерти вообще. Ему и в голову не приходило подвергать его сомнению.

Еще по этому поводу: когда я рассматриваю праздники мертвых, словно раскрашенный пергамент перед лампой, свет за ними может быть настолько сильным, что наполняет своей силой картины. Тогда они выглядят уже не похожими на жизнь, и даже не «как если бы они жили», но в них вливается жизнь. Пергамент становится активным не только в картинах, но и в атомах. К этому предпоследнему шагу подводят в хорошие времена искусства и культуры. Тогда и преходящая жизнь тоже начинает цвести.

Назад по Фламиниевой дороге, с которой столь многие бросали первый взгляд на Вечный город.

РИМ, 7 МАЯ 1968 ГОДА

Сирокко. В первой половине дня я продолжил переписку с Франсуа Буше о «ненасильственности». Потом к Квириналу и оттуда к *fontana di Trevi*, одному из лучших мест, посетить которые не упускает ни один иностранец.

Травертин приобретает изумительную гладкость изгибов там, где его с незапамятных времен гладили ладони, и в поверхностях, которые отполировала струящаяся вода. Прошло восемь столетий, пока античные акведуки снова не понесли воду, и такой же долгий срок до сегодняшнего оформления фонтана, которое было завершено в 1762 году. Его питает основная артерия, распределяющаяся в фонтаны на площадях *Farnese*, *Navona*, *di Spagna* и в святилище речной нимфы на *Villa Giulia*.

Я сидел на ограде фонтана и грелся на солнышке. Фонтан приводит к гармонии противоположное и чужое: архитектуру и пластику, скалу и воду, людей и животных, крылатых коней и дельфинов — все это, когда журчит вода, сливается и оживает, словно в сновидении.

Неравномерные фронтоны площади с ее античными и средневековыми элементами производят впечатление слишком тесного обрамления могучего фонтана, который брызжет на нее. Типичные для Рима ржаво-красный цвет, запыленный желточно-желтый, розовый, коричневый, цвета слоновой кости и бычьей крови в отчасти выжженных солнцем, отчасти приглушенных грязью тонах представляют великолепное зрелище для художников, знаменитая академия которых, Сан-Луко, стоит за углом.

Исключение в палитре: фасад церкви *Santi Vincenzo e Anastasio*, черный, с многочисленными колоннами, поэтому и называемый римлянами *il Canneto* (заросли тростника).

Снова на Квиринале. Жаль, что собор Святого Петра загорожен домами. Расположись перед ним форум или хотя бы низкое здание, у нас имелся бы один из красивейших видов Рима.

Наверху, в саду виллы Альдобрандини. Цветущие пальмы, высокий гинкго, мраморные фрагменты, статуи, среди них влюбленная пара, у которой отсутствуют головы, фонтаны. Вид на Torre delle Milizie, крупнейшую из сохранившихся баронских городских башен. Ее называют также Torre di Nerone, потому что с ее высоты Нерон якобы наслаждался спектаклем горящего Рима. Это досужее измышление. Генрих VII окопался здесь на время уличных схваток 1312 года, пока его не короновали в Латеране. Я не сожалею об утрате большинства этих башен; они придавали бы городу мрачный облик.

Каприччо. У полицейских там наверху есть отделение. Какой-то мальчик открыл ворота и ненароком выпустил гуся, который взялся разгуливать по саду. Полицейский, хозяин гуся, пустился гоняться за ним между клумбами. При этом он вел по-южному темпераментную перепалку с матерью мальчика, которая, после того как охотник на гуся наконец удалился, обрушила свой гнев на задницу сына. Экспрессивность подобных сцен порождает в нашем брате чувство бесплатного присутствия на бурлескном спектакле.

РИМ, 8 МАЯ 1968 ГОДА

С Розелиусами во Фраскати и Тускуло. Мы бродили между холмов с округлыми вершинами, на которых в тени очень старых дубов паслись овцы. В живых изгородях цвели боярышник, розы и ежевика. От вилл Цезаря, Катона, Мария, Цицерона, а также Лукулла и других гурманов не осталось даже обломков. Местность, в названии которой таится этрусский корневой слог, вошла в поговорку, когда хотят сказать о приятной, почти богоподобной жизни, и можно согласиться, что великолепным обзором она действительно манит строить здесь виллы. Хорошо темперированный ландшафт подходит для этого больше, чем героический. Удовольствие от такого жилища довершает мысль о том, что им будут пользоваться еще и внуки; храм Януса[752], должно быть, закрыли на сто лет.

Вниз во Фраскати; дворцы эпохи Возрождения и барокко там позволяют догадываться о наслаждении жизнью в античном имении. По великолепной аллее скальных дубов мы поднялись к вилле Альдобрандини. Деревья подстрижены так, что листовенные массы образуют туннель, а наверху срезаны таким образом, словно к дворцу вверх вел роскошный зеленый ковер.

Вилла Торлония была разрушена бомбами во время Второй мировой войны. Сейчас на ее месте возводится большая гостиница. Похоже, кончились деньги, потому что строительные леса явно уже давно стоят пустыми. Здесь, а не наверху на холмах, должно быть, располагалась резиденция Лукулла — он выбирал лучшее на свой вкус. Сохранился дом, в котором жил Аннибале Каро ди Читтанова и in questa sua casa villa[753] переводил «Энеиду»; я вычитал это на памятной доске, которую 21 сентября 1896 года ему посвятил Леопольд Торлония. Великолепен водный театр виллы; каскады извилистой линией обрамляют аллею.

РИМ, 9 МАЯ 1968 ГОДА

Утром письма, в том числе Эрнсту Клетту о студенческих беспорядках. Затем в церквях вокруг Форума, сначала в храме Козьмы и Дамиана. Мозаики VI столетия, частые

реставрации. В алтаре колонны из *nero antico*[754], который я здесь впервые увидел осознанно. Де Броссе с пристрастием упоминает его в «Конфиденциальных письмах». Кажется, что месторождение исчерпано или о нем больше не знают. Алтарь слишком велик для апсиды, единство которой он взрывает. Простая трапезная была бы уместнее.

Церкви реставрируют и систематизируют каждые пару столетий; они приобретают новое оформление. Но что поделаешь — в их изначальной форме гештальт тоже был невидим.

Потом в Санта-Мария-Нуова, называемой в просторечии Франческа Романа, по имени ее святой. Она покоится внизу в стеклянном гробу, красиво облаченная. Мне особенно понравились черные шелковые туфельки. Из наряда выглядывает череп; с правой стороны у него недостает одного зуба. Святой жертвуют много цветов, потому что у нее хватает и современных обязанностей. Она помогает при автомобильных авариях, следовательно, работы у нее с каждым днем прибывает.

Возвратившись в верхнюю церковь, видишь два вмурованных в стену базальта и в них круглые углубления. Это — отпечатки, оставленные коленями апостола Петра, когда Симон Маг[755] был унесен в воздух.

Обратно по *via dei Fori Imperiali*. Там у стены развитие империи:

1. VIII век до Р.Х.: точка в центре Лациума.
2. 148 г. до Р.Х., после Пунических войн: вся Италия, Иллирия, Греция, Балеарские острова, Корсика, Сардиния, Сицилия, от Африки: Карфаген.
3. При смерти Августа, 14 г. после Р.Х.: добавляется Испания, Галлия, большие части Африки и Азии.
4. Во время Траяна, 98-117 гг. после Р.Х.: дальнейшее расширение на всех границах, и целиком Британия.

Как такое могло получиться из очевидно скромных начал? Это остается чудом истории, которое столь же мало постигает историк, как зоолог — чудо животного. Раскадровка съемки взрыва изображает лишь механическую последовательность события. Требование социологов, что историю - де нужно переписать, справедливо, но ограничено. Кому ведома сперматическая сила древнего Лациума с его вулканами и кратерными озерами? Рост в истории, так же, как в биосе, основывается на внутреннем делении, потому-то за революциями часто следует внешнее расширение. Тот, кто хочет докопаться до субстанции, не должен исключать миф. Вико и Бахофен[756] остаются актуальными. Леон Блуа различными путями пытался достичь похожего — безуспешно, поскольку христианство, как все основанные на тексте религии, обладает легендообразующей, а не мифообразующей силой. Уже Моисей был демифологизирован. Сегодня сюда добавляются другие искажения: актуализация, социализация, морализация истории, отвращение к великим людям, то есть характеры кастрируются психологами.

Конечно, это только последствия того фундаментального факта, что истории больше не существует. Именно поэтому, пожалуй, возникают титаны, но не в завещанном смысле «великие». Мы освобождены от рамок истории и подчинены иным, чем выросшие исторически, формам и правам. Формы сохраняются, но уже не регламент. Такие исторические формы, как «война» или «мир», превращается в классическую реминисценцию. С ней соединяется новая тоска по дому после истории, скорбь, подобная скорби Ахиллеса у трупа Патрокла.

Еще недолго на Форуме. Трава там уже желтеет. Зато цвели розы и акант, а также жасмин у арки Тита; над облаком его благоухания кружили голубые со стальным отливом шмели.

РИМ, 11 МАЯ 1968 ГОДА

Прогулка в Олевано Романо и Палестрину с Розелиусами, Штирляйн и Ингой Дам. Мы пришли, чтобы посмотреть большое изображение Нила, и не разочаровались в своих ожиданиях. Произведение, мозаика, хранится в Археологическом музее Палестрины, бывшем дворце Колонна-Барберини. Первоначально оно образовывало один из полов в храме Фортуны; я представляю себе, что летом оно было залито водой. Счастье и вода нерасторжимо едины. Ландшафт от затопляемой дельты с храмами и оживленными руслами поднимается в эфиопские горы. Богиня принимает воина в своем храме, а в это время к берегу причаливает многовесельный корабль. Вода и скалы заселены животными, одни из которых передвигаются по вольным звериным тропам, другие пасутся или охотятся. Художник жил у реки или много по ней путешествовал — на это указывают детали, которые надо было увидеть собственными глазами: листья лотоса, голова вынырнувшего крокодила, змея, которая поднимается, чтобы схватить степного гекко, и другое. Некоторые из животных удались меньше, но никаких сказочных существ здесь нет. Зал используется также для концертов; Людвиг Розелиус сел за рояль и сыграл импровизацию на тему воды, пока мы рассматривали мозаику.

В следующем зале собрание бронзовых сосудов, зеркал и банок с очень изящными гравировками, как будто сотканными искусными пауками. Еще и теперь в здешних местах, должно быть, работают хорошие медники.

В Субьяко на краю горных лесов. Дикая роза и румянка синяя[757]; в полном цветении царские свечи. За Тиволи в Тибуртине в мощных карьерах травертина. Травертин, «камень из Тибура»[758], туф и кирпич образуют ядро строений, мрамор и алебастр оболочку.

РИМ, 12 МАЯ 1968 ГОДА

Сирокко. Я остался дома, во второй половине дня даже в постели. На террасе, где я сидел за рукописью о дурмане и наркотиках, порыв ветра поднял листья в воздух. Восемь из них я таки собрал, долго разыскивая их по парку и даже на улице Торлония.

Траут Розелиус, узнав о несчастье, еще раз пустилась на поиски, очень методичные, и извлекла лист из живой изгороди, в которую тот залетел.

Поразительно, что даже одну-единственную страницу повторяешь через силу. Это говорит в пользу первого наброска. Поль Леото хотел даже, чтобы в нем совершенно ничего не меняли. Я представляю себе, что в очень древние времена, когда уже существовала поэзия, но не было письма, это служило правилом. Слово было вдохновением.

РИМ, 13 МАЯ 1968 ГОДА

С профессором Герике в городок Паломбара Сабина, лежащий у подножия Монте-Геннаро. Он выделяется необычно высокой башней замка Савелли.

Полевыми дорогами мы прошли в спрятанное в низине аббатство San Giovanni in Argentella. Маленькая романская церковь, почти руины, однако каменщики работали. Уединенное место.

РИМ, 14 МАЯ 1968 ГОДА

Патер Зоннеманс провел нас *con permesso speciale*[759] по гротам и склепам Ватикана. Слишком чувствительным ходить сюда не рекомендуется; царство мертвых производит очень сильное впечатление. Земля уплотняется до сакрального со стояния, возможного лишь для нее; на заполненные могилами, гробами и саркофагами крипты опираются колонны центральной церкви. Я стоял перед одной из могил Неронова кладбища; в плите была щель в форме наливного отверстия. Где же те, которые здесь преклоняли колени и жертвовали вино мертвому?

Requiescat in pace[760]. Краски кирпича и глины, помпейская краснота. Пыльно; работы вели археологи. Архитекторы взвешивают, не угрожает ли рытье археологов устойчивости собора. Неопределенное сильнее определенного, у Вечного города нет храмов, у священного леса — могил; покойник лежит «где-то».

РИМ, 15 МАЯ 1968 ГОДА

В полдень нас навестил Густав Рене Хокке; беседа о маньеризме в литературе. Потом об *entrefilet*[761], которое я вырезал из газеты; передаю текст:

«Рим, 13 мая. Декан философского факультета университета Перуджи, профессор Уголини, приспустил флаг на балконе здания факультета. Этим он выразил сожаление по поводу упадка ценностей образования и гражданского согласия в университете. Заведующий кафедрой итальянской литературы университета в Турине, профессор Гетто, перерезал себе вены и потом выбросился из окна в отчаянии от оскорблений студентами. При смерти он был доставлен в больницу. Студенты кричали ему на лекции: "Оставь в покое Тассо и говори нам о Че Геваре"».

Материал для новеллы, к примеру, Э. Т. А. Гофмана или Грильпарцера. Бедный музыкант ломает свой инструмент. Собственно говоря, не трагедия, ибо конфликт можно было решить различными способами, например, проигнорировать; он мог бы даже быть обращен в шутку. Оценка обстановки, исходящая из того, что еще существуют посредничающие ценности, «пока что» бьет мимо цели. Лучшее сохраняется для себя. Ценность заменяется цифрой, трагическое — аварией, судьба — статистикой, герой — преступником, князь — бонзой, Бог — «добром». Человек не показывает, что верит в какие-то ценности, если не хочет, чтоб его зачислили в дурную компанию.

Господин в цилиндре идет по *vue de Larre*. Прохожий шепчет ему: «Его здесь носят только сутенеры».

Во второй половине дня дальние хождения по Кампо Верано, во время которых рядом со мной среди могильных рядов, словно теневая птица[762], периодически оказывалась какая-то вдова.

РИМ, 16 МАЯ 1968 ГОДА

Забастовка почтальонов еще продолжается: она ведется за приемлемые условия отпуска.

В первой половине дня к Аппиевой дороге. На могиле Сципионов. Обнаружили ее только в 1780 году. Поразительно, сколько мертвецов предстоит еще поименно идентифицировать по надписям на темных саркофагах. Здесь я так сильно ощущал *genius loci*[763], будто был знаком с покоящимися там.

Неподалеку колумбарии, которые были открыты лишь в 1928 году. Это указывает на неисчерпаемое богатство подземного города. К этим могилам с урнами ведет много ступеней, прорубленных в туфе, расщелины которого заросли венериным волосом[764]. Мы спустились в могилу одного вольноотпущенника Августа, Помпония Хила, к пеплу которого здесь был добавлен пепел его супруги Помпонии. Было прохладно и влажно, точно в колодце, «*molto fresco*»[765], как сказал смотритель, отомкнувший нам дверь. Семейство Помпониюв в их доме часто навещал Август, а также, я полагаю, Тиберий. Для урн были сделаны ниши в стенах и в двух колоннах, одна из которых еще стоит. Некоторые фрагменты живописи в хорошем состоянии, несмотря на влажность. Похожую картину я уже видел в Сирии: вся семья мирно группируется вокруг отца. Я не могу избавиться от чувства, будто отношусь к ним. Правда, у этрусков оно охватывало меня острее; сожжение вредит персональной ауре.

Окрестности *Porta Latina*[766]: опять мир сам по себе. Возле *San Giovanni in Oleo*[767] на нас внезапно обрушился ливень, от которого мы спрятались в базилике а *Porta Latina*. Потом поехали к древнему *San Clemente*, посвященному третьему преемнику Петра, Клименту Римскому (88–97). Как и многие церкви, эта тоже покоится на еще более старых постройках, как императорской эпохи, так и республиканской. Они были вскрыты во второй половине прошлого столетия; тщательные раскопки уводили вниз через три слоя: сперва на раннюю базилику, после грабежа разрушенную и засыпанную норманнами под предводительством Гискара, затем на строения императорских и республиканских времен Рима. В самом низу было обнаружено святилище Митры третьего века христианской эры — то есть времени, когда при Аврелиане культ Митры был провозглашен государственной религией.

Мы начали с Митреума, подражающего гроту, — у стен ложа, в середине алтарь. Расположение указывает, что здесь внизу не только смотрели и изображали мистерию, но и совершали ее.

Фронтальная стенка алтаря показывает Митру в позе, которая повторяется во многих его храмах. Правой рукой бог убивает быка, закрывая ему глаза левой. Внизу змея и собака (или лев?) пьют его кровь. На обратной стороне тоже изображена огромная змея.

Помещение проникнуто настроением противоположности и единства смерти и жизни. Я спросил себя: почему бог солнца почитается в гроте? Ответ, вероятно, кроется именно в этой противоположности. Уже такие вопросы ослабляют правду картины, которая должна чувствоваться, а не объясняться. Сильнее подчеркивая ту или иную подробность, мы изымаем ее из целого. Например: «Митра убивает первобытного быка» — это распространенная интерпретация, но она не отдает должного благодати и изобилию, которые следуют за деянием. «Приносит в жертву» было б уместней.

Радикальная тяжесть жертвы больше не воспринимается, либо она кажется странной — агнца жертвует тот, кого потом самого «прибьют к крестному дереву».

Далее я спросил себя, почему Митра не одержал верх над Христом? Об этом нужно было бы справиться у таких вымерших наук, как астрология с ее большими картинами рыб, овна и быка. Совершается ли в конце эпох символическое жертвоприношение их космических

патронов? Бык умирает в золотом тельце, Овен в агнце. А как гибнут Рыбы? Вероятно, в Левиафане.

Сила бычьей жертвы после Голгофы уже потеряла действенность. Но она всегда чувствовалась — в играх, мифах, тайных учениях. Митра находил почитание во все времена — это справедливо также для нашего, которое во многом приближается к Митре. Ницше — блестящий пример.

Конечно, боги не возвращаются, хотя на стыке веков они подступают ближе. Это как при революциях, когда все системы, вплоть до самой древнейшей, предлагают свои услуги. Рассматривать это следует не как возвращение, но, пожалуй, как шефство.

Полюбовавшись еще верхней церковью и прежде всего *schola cantorum*[768], мы двигались в неисчерпаемой сфере притяжения Аппиевой дороги с ее могилами, башнями, катакомбами, цветущими и пришедшими в упадок церквями — воспринимая все скорее осмотически, чем осознано. При этом мы имели особую и нелегко достижимую цель: грот Эгерии, нимфы источника, которая помогала когда-то в родовых схватках. Один старый друг, душой привязанный к этому месту, возбудил во мне любопытство, показав принадлежащую ему картину XVIII столетия. Я возвращаю долг рассказом:

«Дорогой Константин Крамер фон Лауэ[769], надгробный памятник Цецилии Метеллы и вообще окрестность *Caro di Vove* хорошо знакомы мне по нескольким посещениям. Мы там уже побывали, когда я получил Ваше письмо, однако нынче выбрались туда еще раз. Благодаря Вашему описанию мы прошли также по *via Pignatelli* до самой усадьбы у *Sant' Urbano* и там заблудились на склоне. К счастью, нам повстречалась стайка мальчишек, которые там гуляли и которые, когда мы показали им фотографию старой картины, обрадованно узнали на ней источник и проводили нас к нему вниз. Место довольно болотистое и заросшее бурьяном, однако соответствует изображению, хотя упадок его продолжался. В полумраке грота нимфа, чью голову видел еще Гёте, но которую давным-давно уже, наверное, утащил какой-нибудь коллекционер античности.

Куда хуже — это неуклонное придвижение бесцветного моря домов к без того уже основательно зажатой Аппиевой дороге. Мы смогли сделать снимок ее с террасы Хервартов. И опять же: что значит даже это по сравнению с напором современного, безисторического варварства? Напротив, часто чувствуешь тот же самый гнет, что и образованный римлянин в период правления Константина, патрона Вашего имени.

Об этом в более удобное время — сегодня же я лишь хотел сообщить Вам, что Ваша инициатива упала на благодатную почву».

17 МАЯ 1968 ГОДА

В первой половине дня продолжал «Наркотики и опьянение»[770]. После обеда к любимой Аппиевой дороге до надгробного памятника Цецилии Метеллы. Могут ли нравиться дороги? Можно ль любить их? Очень даже можно, я знаю на свете несколько, субстанция которых с каждым новым обходом передается сильнее и одновременно утоляет тоску по дому, как будто в прежние времена я уже жил там.

Брусчатка, базальт с Альбанских гор, большей частью сохранилась, хотя движение и в античную пору было значительным. На это указывают также *crepidines*[771] — боковые полосы для пешеходов. После упадка империи дорогой долгое время не пользовались, пока Пий VI, папа, который также начал осушение болот, не велел снова ее открыть.

Римляне обрамляли свои дороги могилами, так протекала жизнь между безвременными берегами. Из семьи Цецилиев вышли консулы, диктаторы и полководцы, что отличились еще в Пунических войнах. Цецилия была дочерью того Метелла, который завоевал Крит, и невесткой триумвира Красса, павшего в схватке с парфянами. Я впервые вступил на ее курган. Какое счастье, что Сикст V не осуществил свой план снести его. В переднем дворике огромного творения выставлены найденные предметы, отчасти из лежащей напротив, давно уже разрушенной церкви Сан-Никола. На могильных стелах все снова и снова читается *sibi et suis*[772] древнего *pater familias*[773]. Крыша башни проломлена; над нею листва инжирных кустов, прилепившихся к каменной кладке, образовывала зеленый потолок.

Немного поодаль паломническая церковь San Sebastiano alle Catacombe над местом, на котором был погребен святой или где хотели найти его мощи. Пронзенное тремя стрелами тело «просветлилось», как можно видеть по иконографии. Себастьян является покровителем братства стрелков, ему также многим обязаны художники, писавшие обнаженную натуру. Напротив него романский Христос, подробностей о котором я узнать не смог, пожалуй, самое значительное произведение в этом святилище. Тут же рядом странная реликвия: следы ног, которые, как считается, оставил Христос при встрече с убегающим из Рима Петром.

РИМ, 18 МАЯ 1968 ГОДА

В Колизее. Мы поднялись на самый высокий из доступных уровней. С высоты птичьего полета игры производили не такое ужасное впечатление — вероятно, даже не столь грубое, как наши прямые трансляции. Здесь тоже кресты: тому, кто целует их, дается отпущение грехов на год. С вещами, которые ничего не стоят да еще приносят проценты, можно быть щедрым. Часто темный акис, грезящий на полу, животное, которое любит арены.

Затем к остаткам Золотого дома Нерона, сводчатому лабиринту устрашающих размеров. Тем лучше чувствуешь себя после этого наверху в садах среди развалин различных терм, которые, как термы Траяна, отчасти возведены над дворцом Нерона.

В Санта-Кроче в Иерусалимском храме хранится гвоздь и кусочек креста рядом с другими, напоминающими о страстях реликвиями, которые Елена привезла в Рим из своего паломничества.

Овальный портик: церковь сама по себе. Оттуда по левую руку видишь Сан-Джованни в Латерано, прямо — далекая Санта-Мария-Маджоре с куполом, звонницей и обелиском перед ней. Вероятно, поэтому я вспомнил Луксор, ориентацию на святых вообще. Почему такие аспекты импонируют и угнетают одновременно? Величие потрясает, но за фасадами дает о себе знать подавление будущими иерархиями. Это меньше относится к виду королевских парков и дворцов; священник духовнее и потому опаснее для духа, нежели князь. Для того-то у него и более богатые возможности пользоваться искусством.

Воздействие «Волшебной флейты» основывается на том, что сакральное прошло через Просвещение и было им отфильтровано. Таким образом, оно обращается к человеку по ту сторону вероисповеданий.

Тотальность современных властей можно рассматривать как измеренный абсолют. Здесь следует различать: абсолютное, где оно появляется, обращено вовне и выражено количественно — но оно не количество. Мастер распоряжается числом и постигает меру, оставаясь от нее независимым. Она заложена в кончиках его пальцев, в невыразимом, в атомах — кому охота, может перепроверить рулеткой. Лес и лесничество.

Катакомбный пол в верхней церкви, мозаичный потолок в нижней — два аспекта одного слоя, который заколдовывается там, где его касается свет.

Поставил свечку. Пламя то же самое; оно даже от наклонной свечи поднимается вертикально.

На автобусе через Сан-Лоренцо обратно на Виллу Массимо. Завтра выборы, а с ними заканчивается спектакль, который, конечно, не столь забавен для иностранца, каким для Гёте был карнавал или для де Броссе избрание папы. Тем не менее, один плакат заставил меня задуматься: здесь на выборном листке крестиком, очевидно, отмечают не цифры, а понятия. Одно из них, не знаю уж какой партии, было на плакате перечеркнуто, намекая на то, что завтра, должно быть, будет делаться в кабинке. Девиз гласил «Libertas» — означает ли это уничтожать свободу, выбирая ее?

РИМ, 19 МАЯ 1968 ГОДА

Ночью опять на Краузен-штрассе, вместе с Фридрихом Георгом. Столярная мастерская Альтенбурга теперь находилась под квартирой, куда вела не крепкая лестница, а ступеньки, ходившие туда-сюда. В них зияли щели; нам приходилось двигаться, как шахматный конь, коли мы не хотели провалиться в подвал.

Наконец комбинация удалась, и мы поднялись на второй этаж. Бабушка сидела в кресле; со времени моего последнего посещения она почти оглохла и носила слуховой аппарат. Когда я склонился над ней, она сказала: «У тебя уже совершенно седые волосы, а вот я...», потом все расплылось, и картина померкла.

Во второй половине дня через Тибрский остров, такой красивый в лучах солнца, в Трастевере. Мы бросили взгляд через решетку Санта-Чечилии и потом бродили по старым улочкам, например, по *Vicolo deli' Atleta* с романскими и готическими арками и лоджиями. Перед одним ресторанчиком была выставлена коллекция старинных колясок, в том числе разрисованные сицилийские *carretti*[774] и роскошная неаполитанская повозка для погребений. Таверны, например, «*da Gino*» с выставкой рыб и морепродуктов; все было окрашено чудесным оттенком совсем блеклого *giallo romano*[775].

В Санта-Мария ин Трастевере. Античные колонны. Мозаики, полы в технике космати: самые богатые из виденных нами в Риме — я включаю сюда и *San Crisogono*, который мы посетили сразу после этого.

На проспекте ди Трастевере мы зашли в дом № 138, в котором жил Генри; там я провел с ним счастливые часы. На почтовом ящике в вестибюле еще значилось его имя, а от консьержки мы узнали, что его квартира еще не сдана внаем. «Незаслуженное» существования становится мне особенно ясно на примере друзей — я подразумеваю под этим то, что «боги дают нам лучшее даром».

20 МАЯ, 1968 ГОДА

Сирокко. После завтрака я раскладывал пасьянсы, потом, когда Отторина убрала со стола, просматривал свою рукопись, которой был недоволен. Найдя ее все-таки сносной, я продолжил работу. Припоминаю несколько таких текстов, которые я, особенно вечером, готов

был сжечь. Песенка некоторых оказалась спета, другие остались лежать, готовые наполовину. Мартин, мучившийся схожими сомнениями, однажды сказал мне: «Ты, по крайней мере, как тот каретник, который, уже начиная, знает, что это будет коляска».

Хорошо — только спрашивается, как она будет ездить.

Уже в первой половине дня к нашей остановке у Сан-Марко, оттуда на Авентин в парк со знаменитой панорамой. Между тем Штирляйн позаботилась о разрешении на посещение церкви Мальтийского ордена. Смотритель провел нас по великолепному саду; вид отсюда такой же красивый, как и снаружи от парка, и не приходится рассматривать его через замочную скважину, что в качестве подготовки, впрочем, тоже имеет свою прелесть.

Я охотно побыл бы здесь дольше — среди пальм, апельсиновых деревьев и в тени ливанского кедра; ему, как свидетельствует табличка, уже триста пятьдесят пять лет. Огромный, вырезанный из самшита Мальтийский крест, наверно, хорошо виден уже с большой высоты. Несомненно, о таких перспективах подумали еще задолго до появления аэростатов и самолетов.

Церковь, Santa Maria del Priorato, была обновлена и украшена Пиранези в 1765 году. Проводник сказал, что он предвосхитил стиль, позднее обозначенный как ампир; мне же он представился массивным рококо. Штирляйн нашла его педантичным и, принимая во внимание именно Пиранези, разочаровывающим; здесь, вероятно, наиболее подходящее слово: «косный». Полы пробуждают мечтания: сверкающий, до блеска отполированный мрамор, сизого цвета. На надгробии Пиранези мне бросились в глаза две поднявшиеся змеи, которые повторяются в отделке фасада; они, должно быть, имеют отношение к месту так же, как и мечи, для церкви украшение необычное. Мальтийцы, как *ordine militare*[776], являются, видимо, исключением.

РИМ, 21 МАЯ 1968 ГОДА

Мы провели день в музеях Ватикана, которые, вопреки очень высоким ожиданиям, не показались мне такими уж полными и богатыми. Насмотревшись на шедевры до изнурения, мы до закрытия побывали еще в Сикстинской капелле и в различных частях комплекса.

РИМ, 22 МАЯ 1968 ГОДА

С четой Андрее мы поехали в их летний дом неподалеку от Остии. Побережье застраивается все больше и больше. Мы сидели на плоской крыше при ярком солнце и пили хорошее кьянти. Стефан Андрее любит это вино в пузатых оплетенных бутылках; у меня есть фотография, на которой он стоит в обнимку с огромной *bottiglia*[777].

Андрее — один из тех уроженцев Мозеля, которые на юге чувствуют себя лучше, чем у нас. У них встречаешь также характерные физиогномические черты; я вспоминаю Стефана Георге и Карла Шмитта[778]. Начальник нашего окружного управления однажды после посещения Андреса сказал мне: «У него не лицо; у него — голова». Ей соответствует мимическая сила. Разговор о путешествии Андреса в Индию, о ходе времени в общем и о смерти в особенности. Мне очень понравилось последнее слово комика Валентина — он якобы сказал: «А я и не знал, что умирать та-а-ак красиво».

Вечером у Заттлера, немецкого посла в Ватикане. Там звезды Гамбургской государственной оперы, в настоящее время гастролирующей в Риме.

РИМ, 23 МАЯ 1968 ГОДА

В галерее Боргезе — уже в первой половине дня; мы не хотели торопиться. Тем не менее, подразумевалось, что за несколько часов можно полюбоваться лишь некоторыми жемчужинами и, вероятно, даже не самыми ценными, из венца этой «королевы частных коллекций».

Внизу главным образом скульптуры, например, ряд цезарей — бронзовые головы над тогами из пестрого мрамора, классическая комбинация. Фавн с хвостиком на спине — почему он приделан так высоко? Это совсем не миф, покрытая волосами часть спины у шеи еще и сегодня считается атавизмом, который периодически встречается.

Бернини: «La Verità»[779]. Лежащая на спине, с полуоткрытым ртом (и бедрами), она, кажется, скорей покоряется неизбежности. Вообще у Бернини, во всяком случае, как у скульптора, здесь главная резиденция. Он блистает в «Похищении Прозерпины» (1621–1622) и, еще с отголосками маньеризма, в «Аполлоне и Дафне» — неслыханном превращении: пальцы ног прорастают корнями, из кистей рук пробиваются ветки и листья. Сильнее всего «Давид». Затем наверху оба его автопортрета: молодой и старый. Старый: беспощадный к себе. La verità: этос художника сильнее тщеславия. Знаменитый полуакт Паулины Боргезе Кановы; тщеславие или, лучше сказать, самоуверенность красоты подчиняет себе искусство; отсюда черпает уже не одно поколение.

Наверху главным образом живописные полотна. Караваджо с его противопоставлением света и тени — здесь в «Иерониме с черепом». Отношение старца к смерти, сатурническая картина. Особенно тронула меня «Тайная вечеря» кисти Бассано. Грубая, но какая же подлинная до каждой фибры субстанция. Мужичья композиция, однако, высшей пробы. Видишь, что материя одежд и скатерти — земля, иногда подсвеченная. Сдержанная манера, в какой изображен Иуда.

Время пролетело легко и приятно. Здание совершенной структуры. Доставляет удовольствие просто передвигаться по исключительно великолепным залам и кабинетам, стоять на инкрустированном мраморе и рассматривать лепной потолок — одним словом: наслаждаться верным соотношением целого и частей, которое передается настроению.

Вечером мы с госпожой фон Бусше посетили принца Отто, сына бывшего председателя правительства Филиппа фон Гессена и итальянской принцессы Мафальды, на вилле Палессина, располагающейся в огромном парке Villa Ada. Принц занимается христианской археологией, в особенности лангобардами, его брат Генрих — сценической живописью. Разговор о лангобардах, о состоянии итальянских музеев, о раскопках. Потом в маленькой, но отменной траптории.

Я еще попытался, насколько позволяла домашняя библиотека, выяснить кое-что о семье Боргезе, которая обязана своим княжеством папе с той же фамилией, Павлу V[780]. Как и большинство приобретенных мною обучением симпатий и антипатий мое мнение о nepотизме тоже изменялось; оно нейтрализуется вопросом: что при этом получилось в итоге. Мусический человек может слишком легко увлечься идеями, которые уводят его от призвания; он нередко терпит из-за этого неудачу. Его существование зависит от богатства, которое, благодаря кому бы то ни было, превращается в культуру. Это для него важнее собственного богатства, даже насущного хлеба. Конечно, есть другие оценки, лучшие и в

моральном смысле. В политеизме с этим справлялись легче; своих богов можно было выбирать. Великое достижение гуманизма состоит в том, что он снова поместил их рядом с единственным богом.

РИМ, 24 МАЯ 1968 ГОДА

За город в Тарквинии, вместе со Штирляйн, госпожой фон Бусше, немецким врачом Хоппе и госпожой фон Фельтхайм, невесткой философа Фельтхайм-Острау, с которым я долго переписывался.

На поле захоронений. Оно было засеяно овсом, по которому теперь разбросаны массы кроваво-красного мака. Меж ними музейные навесы для защиты входов. Осмотром с воздуха только на этой территории было выявлено более двадцати пяти тысяч захоронений — в каждом покоится несколько, иногда довольно много умерших, располагавшихся ярусами. Крестьянам приходится пахать только на легких тракторах, иначе они провалятся.

Спуск в царство мертвых. «Гробница авгура». В центре ворота смерти, они же — ворота жизни. Стаи птиц, по виду, окраске и полету которых производится гадание. Преобладают землистые краски: охра, *carput mortuum*[781], жженая сиена; гораздо скуднее — красивая зелень и синь; поиск красного не дал результата.

«Гробница барона», названная так потому, что ее раскапывал Кестнер, сын Лотте[782]. Статные лошади, гнедые и вороные, свидетельствуют о превосходной породе. Дельфин как символ бессмертия. Над водой можно увидеть лишь нескольких, «племя» погружено в глубину. Популярным мотивом являются также утки и другие водоплавающие птицы. Вода, похоже, не имеет той сакраментальной субстанции, как у христиан, а считается скорее кладзем жизни, совершенно божественным: «Океан, властвуй над нами вечно». Мы выныриваем, как летучие рыбы, и, подобно им, возвращаемся обратно.

«Гробница быков», датированная 550 годом до Р.Х. Здесь превалируют эротические сцены. Одна из них педерастического свойства; она, кажется, сердит быка — он наскакивает на нее с опущенными рогами. На другой он мирно отдыхает и служит опорой женщине, бедра которой мужчина положил себе на плечи. Еще там изображена химера; она показалась мне моделью всех будущих вплоть до тех, которые служат опорами нашим письменным столам.

Tomba del Oreo[783], большое сооружение, которое возникло приблизительно на двести лет позже. Шрифтовые знаки. Здесь уже ощущается скорбь — в похищении Прозерпины, на которой надета корона из змей. Гонец Плутона приближается, трехголовый. Художник еще не умел рисовать анфас; поэтому он разворачивает голову в три профиля. Песчаник, с входным отверстием черных могил.

«Гробница леопардов», названная так по двум ее стражникам. Здесь было веселее. Здесь пируют на триклиниях[784]; играют музыканты, слуги подносят блюда. Могущественные мертвецы находятся в кругу своих.

Землистые краски сгущаются до густого красно-коричневого цвета, но я опять не увидел красного — ни красного крови, ни красного мака, к которому мы вернулись наверх и который приветствовал нас, точно сигнальный огонь.

Потом мы поехали еще в Музей города, где хранятся уже, к сожалению, сильно поблекшие фрески из гробниц. Целью нашего посещения были, прежде всего, крылатые кони, только в 1932 году раскопанные в Чивитавеккья. Этруски, как кельты или древнемексиканские

племена, продолжают вести скрытую жизнь, и не только в своих гробницах и гротах, но и в народах, которые о них лишь едва помнили — в их снах, в их сказках, в их крови. Мы позабыли их наследие, но оно продолжает действовать в нас, как песня кормилицы, которая пела нам ее у колыбели.

Чивитавеккья, один из городов, к которым я испытываю тоску по дому и где я вновь нахожу уголки вроде того, напротив Форты Микеланджело, на котором сидел четырнадцать лет назад, когда в первый раз попал на Сардинию. Затем «Trattoria Mimma» на обсаженной тамарисками набережной. Название понравилось брату; много лет назад мы ели там макароны с приправой, носившей название заведения.

Мы все еще смутно догадываемся о сущности и ритуалах Великого перехода, и порой такая догадка оживает, особенно на могилах, правда, не на могилах Нью-Йорка. Но ее едва ли достаточно для того, чтобы толковать сновидения, тем более управлять ими. Одно лишь предположение мучит, как жажда в пустыне или как фантазии в пору полового созревания, — здесь недостаточно описания и обещания на будущее: это нужно показать. В рану, которая воспаляется, нужно, как Фома, вставить перст. Если это удастся, то экономика и техника, государство и общество, и даже боги отступают на надлежащий уровень.

РИМ, 25 МАЯ 1968 ГОДА

В Ферентино; мы ехали вдоль Сакко. Санта-Мария-Маджоре, цистерцианская готика, без колокольни, как принято в ордене, но с похожими на колокольни башенками на коньке крыши. «В архитектуре тоже есть рифмы». Так выразился барон Лёвенталь[785], разглядывая хотя и гармонично, но не совсем выверенно исполненную настенную живопись. В городе в различных местах сохраняются гигантские стены герников[786], которые населяли долину у подножия Сакко. Над их блоками римский и затем средневековый слой, все резко отличаются друг от друга. Наиболее рациональное впечатление производит римский. Рядом с нами стояли дети, которые рассказали, что они видели и безуспешно преследовали там змею, на голове у которой был драгоценный камень.

В соборе. Богато украшенные в технике космати[787] полы, купели со святой водой, пасхальный подсвечник, алтарь. Раньше месса была скрыта занавесями, действо посвященных.

Вечером в опере. В качестве гастрольного спектакля гамбургцы давали «Женщину без тени» — текст Гофманстала, музыка Рихарда Штрауса. Первые голоса, бурные аплодисменты. Нас пригласил Леопольд Людвиг, дирижер.

Роспись потолка: роскошный медальон над главной люстрой из богемского хрусталя. В фойе старые и новые знакомые. Там же бюст Верди, цоколь из красного мрамора, с включениями маленьких, ослепительно белых аммонитов. Где бы мог находиться карьер, в котором добывают такие драгоценности?

РИМ, 26 МАЯ 1968 ГОДА

Воскресенье. День, когда открыт блошинный рынок, по рядам которого мы прогуливались два часа. Через некоторое время от скопления изношенного хлама портится настроение.

Мы передохнули у Джино, via della Lungaretta 85, в маленькой забегаловке с превосходной рыбой, дарами моря и piatti romani[788]. Над дверью красный рог буйвола с надписью «Invidia sgera»[789]. Всего лишь несколько столиков; за ними дородные гости, взгляда которых можно не опасаться. Вошел нищий и опустошил, очевидно, приготовленный для него, стакан вина.

Когда я смотрю на элегантных посетителей рыбных ресторанов, например, «У Прунье»[790], мне часто кажется, будто под их светскими манерами просыпаются первобытные воспоминания — и тогда к их наслаждению примешивается чуть отдающее непристойностью настроение. Маленькие подарки от изобилия мира.

Потом к Сан-Пьетро ин Монторио[791], изящному округлому строению с куполами и колоннами, в маленьком дворике крошечный храм работы Браманте[792]; здесь мир, должно быть, на мгновение приходит в равновесие. Новый взгляд на Рим для того, кого редко сюда заносит — на выпуклость Трастевере.

РИМ, 28 МАЯ 1968 ГОДА

Il Gesii, главная церковь иезуитов в Риме[793]. Расположение на площади выбрано так удачно, что у церкви оказывается как бы два фасада. Иезуитское барокко, прежде всего с протестантской точки зрения, представляется сугубым образцом погони за эффектом. Это суждение нельзя, конечно, распространять на все явление в целом; мне вспоминается, что до войны, будучи в Мюнхене, я специально посетил храм

Санкт-Михаэль, потому что вид уравновешенной рациональности оказывал на меня благотворное воздействие. Непреклонное рвение — а в промежутке, словно между двумя чашами весов, царят тишина или спокойствие. Впрочем, эстетический человек неохотно втягивается в подобные распри. Он редуцирует их до своей потребности. Так, история папства может представляться ему историей неисчерпаемого меценатства. Грош святого Петра[794] каждый день приносит проценты.

Здесь поражает неслыханное великолепие Лойолы, который из своей капеллы в серебристых одеждах воспаряет к небу. Цоколь алтаря из verde antico[795], колонны оправлены в лазурит. Красивейшая во всем Риме алтарная решетка.

Земля отверста, словно в могилу. Внизу группы еретиков, вокруг которых извиваются змеи, движутся в преисподнюю; князь тьмы попирает ногой книгу, на которой написано «Мартин Лютер». Мне вспомнилось наше воспитание в ганноверских школах, проводившееся исключительно в том смысле, который мой compere[796] Карл Шмитт в одной из своих книг назвал «антиримским аффектом». Иезуиты там еще причислялись к нечистым духом. В этой сфере они друг у друга в долгу не остались.

В государственном архиве (Palazzo della Sapienza[797]). Роскошный внутренний двор замыкается вогнутым фасадом церкви Sant' Ivo[798]. За ним витой купол со спиральным фонарем, в высшей степени маньеристский; он издали виден на фоне моря домов. У наружной стены фонтан: четыре книги, из которых бьют струи воды. Образец неудавшейся аллегии.

Снова извещение о смерти, когда у входа на Виллу Массимо я забрал почту. Умер Карл Риккерт, Шарль Бенуа[799]. Мы сошлись в 1913 году легионерами на форте Сен-Жан в Марселе и вместе предприняли побег из Сиди-Бель-Аббе. Прошло почти полвека, прежде чем мы встретились снова.

РИМ, 29 МАЯ 1968 ГОДА

Ночью гроза. Галерея Барберини. Филиппо Липпи: ангел протягивает Марии лилию. Голубизна одеяния: кристалл. Нежнейшее золото покрывала. Святой Себастьян кисти Антониоццо Романо. Здесь тоже умиротворенное лицо. Квентин Метсис[800]: «Эразм».

Великолепные столы. Иногда мраморная брекчия, также золотой мрамор. Повсюду пчелы Барберини. На большой картине папа с тремя кардиналами из своей семьи.

Пассаротти: рыбная лавка и разделка мяса. Уже очень индивидуальные лица. Посмотреть дома, занимался ли он нидерландскими мастерами. Еще один Бассано: «Поклонение пастухов». Здесь тоже сгущенная грубость, на которую я обратил внимание уже в «Тайной вечере» на вилле Боргезе. Рубище пастухов. Всемирно известный шедевр «La Fornarina» [801] Рафаэля. Тициан: «Филипп II», и «Генрих VIII» Гольбейна. «Что не сотворили варвары, сделали Барберини» — выражение может касаться не их вкуса, но, по крайней мере, формы их промысла. И не разрушения — наоборот.

К Испанской лестнице. Прощание с нею, а также с Varcaccia. Потом в Santissima Trinita. Там свеча за Шарля Бенуа.

РИМ, 30 МАЯ 1968 ГОДА

Подготовки к прощанию. Последняя прогулка к Форуму, потом в Санта-Мария-Маджоре; у еретиков тоже есть своя любимая церковь; для меня — эта. Вечером у Волькенсов и Герикке. Среди гостей был профессор Стикс. Он делал честь своей хтонической фамилии глубоким знанием вулканов и землетрясений.

РИМ, 31 МАЯ 1968 ГОДА

Ватиканская пинакотекa. Джентиле да Фабриано (около 1370–1427): «Чудо святого Николая Угодника». Он спасает корабль, команда которого уже начинает выбрасывать груз за борт.

Беато Анджелико: «Чудо святого Николая». Горы сюрреалистические, словно вырезанные из стеатита. Здесь представлены уже все стили, в большинстве случаев как contorno[802]. Так, например, у Пинтуриккио коллаж «Коронация девы»: корона из золота, золотые гвозди в мандорле[803].

Зал Рафаэля, «Madonna di Foligno». Здесь тоже лимб «нерожденных младенцев». Лишь один Леонардо: «Святой Иероним», землистые краски. Тициан: «La Madonna dei Frati». Красивее всего покрывало второстепенной женской фигуры. Паоло Порпора († 1673), богатые и оригинальные изображения цветов и плодов. «Никто другой не смог бы нарисовать так». Даже мастер из Мескирха представлен двумя небольшими картинами, о которых я хочу сообщить Мартину Хайдеггеру.

Навестив патера Кемпфа в Грегориане, я еще раз отправился в прощальную прогулку на

Форум. Разговор со зрителем, который среди куч травы собирал улиток. Не забыть бы о чесноке — он приправляет вино.

Прощание с четой Герикке. Осмотрели картины, например, вид площади Барберини, которая мало изменилась; и Тритон еще стоит точно так же. Группки людей, по отдельности — это расширяет площадь. У Риделя, чьи картины я видел и в Мюнхенской пинакотеке, там тоже было свое ателье. Он известен как портретист красивых женщин, внес большой вклад в «Галерею красавиц» Людвига I.

Потом еще пришли супруги Волькенс; мы имели возможность поблагодарить всех, вспомнили также основателя Эдуарда Арнольда, чей труд они продолжают. Тогда, в 1910 году, Кампанья еще граничила с Виллой Массимо, в которой много стипендиатов провели хорошее и, как я могу заключить по нам, также плодотворное время. У меня отсутствует связь с богатством, но я с удовольствием вижу его у других.

Прощание с Отториной. Она так сердечно благодарила, еще прежде, чем получила mancia [804] — человеческий народ!

ВИЛЬФЛИНГЕН, 1 ИЮНЯ 1968 ГОДА

Вчера вечером сели в поезд на Цюрих, спальный вагон. Бутылочка кьянти. Удобно проведенная ночь.

В одиннадцать часов нас на Цюрихском вокзале встретил Альберт Вайдели. С ним и фрау Зигрид мы снова поехали во Флаах отведать спаржи. Одно из основных моих чувств, наряду с уверенностью в спасении: «идти в сопровождении». Всегда, будь то война или мир, рядом кто-нибудь был.

Дальше в Вильфлинген. Дом в отличном состоянии, благодаря заботам Ресле. Четыре кошки, Аманда с тремя котятками, приветствовали нас.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 2 ИЮНЯ 1968 ГОДА

Печальная увертюра — утром Штирляйн обнаружила у входной двери двух мертвых котят, которые остались ночевать на улице. Они были изувечены, разорваны, вероятно, какой-то собакой.

Выйдя из дома, я нашел третьего, выжившего котенка, он с аппетитом уплетал останки сестры и брата — животные смотрят на эти вещи иначе, чем мы.

Разбирая почту, прочитал репортаж о скандале по поводу присуждения премии писателю Томасу Бернхарду в Вене. В его благодарственной речи мне понравилась лишь одна, но хорошая фраза: «Все смешно, если подумать о смерти».

Батальон стоял в готовности за участком леса. Прибыл связной: мы должны идти в наступление. Тут не было страха; о смерти мы даже не думали. Судьба подступала не к каждому отдельно.

Прохладная погода. Нам пришлось протопить изразцовую печь; рядом с ней стоял букетик

майских ландышей, которые обильно цветут под буками. К вечеру их аромат становится слишком сильным. Это тоже продолжение жизни.

ЭТТЕНХАЙМ, 8 ИЮНЯ 1968 ГОДА

Экскурсия с южно-германскими энтомологами по Верхнему Рейну. На опушке леса мы рассыпались цепью, потом в резиновых сапогах пересекли болото, в котором, как на картине Ван Гога, цвели мечевые лилии. Местность напомнила мне то время, когда в 1940 году я стоял здесь на линии Зигфрида. Виды насекомых тоже.

Вечером «разносолы» в «Дойчер Хоф» Эттенхайма. Обсуждалась и демонстрировалась добыча. Монсеньор выказал раздражение тем, что молодой адепт не поделился сразу своей радостью по поводу удачного улова — он упрекнул его в коллекционерской зависти.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 10 ИЮНЯ 1968 ГОДА

Чтение: Александр Оливер Эксквемелин: «Американские морские разбойники». Новое переиздание вышедшей в 1678 году книги о пиратах. Автор два года прослужил под командой знаменитого Моргана и принимал участие в завоевании Панама. О Моргане в воспоминаниях говорится так же мало хорошего, как и о его компании; молодчики неотесанны, жестоки и кровожадны. Пират Лолонуа, убив противника, слизывает кровь с клинка. В Дарьенском заливе он, в конце концов, попал в руки *indios bravos*[805], которые зарезали его и сожрали. Подобающая смерть.

ХЕХИНГЕН, 11 ИЮНЯ 1968 ГОДА

Неурочный пир: я сижу между Брандисом из Дуамона и капитаном Хартвигом; напротив хозяин дома, Луи Фердинанд. Беседа лаконичная, анекдотичная; самосознание сконцентрировалось. Разговор со старшим на восемь лет Хартвигом, выпускником кадетского училища 1905 года, сначала о Фонтане, в частности об «Эффи Брист». Роман вышел в 1895 г°ду; он был популярен среди молодых офицеров и оказал смягчающее воздействие на их понимание вопросов чести. Это, похоже, пример почти незаметного влияния художественного произведения, изменений не благодаря обвалу, а благодаря просачиванию, благодаря эрозии.

Курт Хартвиг был офицером-торпедистом на малом крейсере «Дрезден», который в ноябре 1914 года принял участие в Коронельском морском сражении[806] и избежал гибели, настигшую эскадру Шпее[807] у Фолклендских островов.

После того как «Дрезден» обогнул мыс Горн и затонул в бою у чилийского побережья, Хартвигу удалось обзавестись фальшивым паспортом; под видом датского матроса он через английские порты вернулся в Германию. В его лице от англичан ускользнула большая добыча, поскольку в дальнейшем Хартвиг, командуя подводной лодкой, нанес им колоссальный урон. Среди прочего он в январе 1917 года, проскользнув вплотную к скалам Мальты, пустил ко дну огромный линкор «Корнуолл». Орден *Pour le Merite* нашел его лишь

незадолго до конца войны.

Радиотехника в ту пору только зарождалась. Но когда ноябрьской ночью они шли под парами на Коронель, телеграфист перехватил одно сообщение. Генерал фон Гинденбург устроил русским новые Канны[808] под Танненбергом и взял-де сто тысяч пленных.

Это решили отметить и здесь; в сильную качку и с затемненными огнями в маленькой кают-компании были откупорены бутылки. Вскоре развеселились, все кроме одного, с унылым видом сидевшего за столом. Они приставали к нему:

— Почему ты с нами не радуешься? Слушай, очнись наконец!

— Что значит сто тысяч русских? — возразил он.

Им не хотелось об этом задумываться, хотя это было верно. Нарушителем спокойствия был старший лейтенант флота Канарис, позднее, как адмирал и шеф контрразведки ставший одной из ключевых фигур Второй мировой войны. Он не пережил ее, хотя почти достиг другого берега.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 11 ИЮНЯ 1968 ГОДА

Вайда красивая[809], «золотое руно» древних, цветет роскошно, только мешает растущий совсем рядом желтый лук[810]. Такого в следующем году быть не должно.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 14 ИЮНЯ 1968 ГОДА

«Дорогой Александр[811], в последние недели зачастили извещения о смерти. После Хельмута Шнайдера, Эрнста Вильгельма Ная, моего друга по легиону Шарля Бенуа, теперь настал черед и Курта Паули, который был очень дружен со мной, а также с мамой. Ты, если вспомнишь, гостил в его силезском имении. Он завещал мне письма, которые мама ему писала, — прекрасные тексты, которые я собираюсь когда-нибудь в спокойной обстановке изучить. Дочь Паули, госпожа фон Девиц, живет по адресу Имбзен 3401; она наверняка обрадовалась бы письму от тебя.

Мы с вюртембергскими энтомологами побывали на Верхнем Рейне, в еще очень тихом ландшафте цветущих лугов, болот и пойменных лесов. Я находился там зимой 1939-40 годов. Два дня усердно охотились, а вечером пускали по кругу чарку и обсуждали добычу.

Потом мы были в Гогенцоллерне, гостями Луи Фердинанда[812]. Собрались шестнадцать кавалеров ордена, большинство которых еще хорошо держатся друг подле друга и бодро занимаются делом. Мы были приняты в ратуше Хехингена и до полуночи просидели за пиршественным столом в графском зале замка. Анахроничный праздник. Скоро уже никто не будет знать, что такое Первая мировая война».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 21 ИЮНЯ 1968 ГОДА

Ночью сны. Пленные еще не вернулись с Востока. Поток набух и был кроваво-красным. Я в зеленой блузе ожидал в автобусе самого себя.

В первой половине дня препарировал добычу с Верхнего Рейна. Чтение: Хорст Штерн, «Описание вулканического острова Ланцарота», работа, которая очень напомнила мне мою методику. Я даже взялся в итоге выписывать из нее цитаты. Это исключение.

К чаю супружеская пара пенсионеров из Хемница, который сейчас называется Карл-Маркс-Штадт. «Мы с там с 1933 года живем при том же режиме».

Марсель Жуандо[813] посылает двадцать первый том своих дневников: «La Vertu Depaysee» [814]. В нем посвящение:

«Cher Ernst, Chere Liselotte, je signe ce livre — et au bureau ou je me trouve on entend une manifestation hurler de l'Universite. Je meurs de degout. Marcel»[815].

Приступил к написанию некролога Генри, также я сообщил орнитологической станции Мёггинген о появлении в гравийном карьере Андельфингена береговой ласточки[816].

Я мог бы быть доволен, если бы не положение в стране — Одиссей в зале, где распоряжаются чужеземцы и веселятся их прислужники. Пасть бы уже в 1914 году с первыми добровольцами.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 23 ИЮНЯ 1968 ГОДА

«Огненный танец». Наружная стена дома пылает. То, что я должен был привыкнуть к красоте роз, кажется мне странным лишь потому, что она столь очевидна. В сущности, любое растение неисчерпаемо, даже чертополох и крапива. Ирис я «открыл», когда бродил по выставке графини Цеппелин на Майнау[817].

Как получается, что одна из моих лилий утром пахнет плохо, а вечером хорошо — или мне только кажется? Это химизм или соотношение (потому что вечером хлева стоят открытыми)?

ВИЛЬФЛИНГЕН, 25 ИЮНЯ 1968 ГОДА

Желтая наперстянка, подарок Юргена Бергедера, разбросала семена. Она растет здесь в лесах; я не забуду того мгновения, когда в горах у Бойрона увидел ее светящейся в полутьме. На Юре ее называют gale Glogga[818].

Уже долгие годы в саду дичает, особенно в полутени, пурпурная наперстянка. Дно колокольчиков присыпано фиолетовыми пятнышками; пчелы проскальзывают внутрь, как в покрывало невесты. На севере везде, до самой Норвегии, горят на лесосеках ее копьевидные стебли.

Наперстянка принадлежит к могучей семье Scrophulariaceae[819] — не хватит жизни, чтобы изучить ее всю. К ней относятся (назовем только некоторые) коровяк, кошельки[820], фиглярский цветок[821], льнянка, львиный зев и павловния.

Откуда же пошло название, которое трудно даже выговорить? Scropulosus значит:

«царапающий, шершавый». Семья обладает также мощной лечебной силой: дигиталис необходим при заболевании сердца, норичник хорош от scrophula, язвы горла.

Почти три тысячи видов — лишь некоторые мне врезались в память, как будто по лбу провели маленькой палочкой. Дигиталис, мимулус, павловния. Я мог бы вообразить себе культуру, которая была бы посвящена только флоре: каждая семья — орден, ботаники — это святые отцы, садовники — монастырская братия, крестьяне — верующий народ. Игра в бисер — то, что когда-то открыла пчела, повторилась бы в духе.

Было разделение, более кардинальное, чем по признаку пола, некое решение, совершившееся еще у простейших. Медоносная пчела так же бесполо, как ангелы, — это тоже воспоминание.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 27 ИЮНЯ 1968 ГОДА

«Прилет» уверенности. Можно было бы даже сказать «охватывание». Мы заняты делом или предаемся праздности, не думая ни о чем особенном, и вдруг чувствуем себя просветленными и укрепленными каким-то притоком — например, как если бы мы услышали голос: «Все будет хорошо».

Но что должно быть хорошо? Мы услышали пароль, однако ситуация не стала для нас яснее. Обращение, которое в прежние времена звучало, наверно, чаще. Об этом свидетельствуют церковные хоралы.

Les jeunes[822]. Для некоторых адептов почитаемый мастер является не более чем тягачом: достигнув на буксире необходимой подъемной силы, они отцепляются. И при этом он еще должен радоваться, если легко отделается.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 28 ИЮНЯ 1968 ГОДА

О самом гадком, что мы увидели или только услышали, лучше умолчать, не из-за оглядки на совершившего злодеяние, а в интересах биологического вида.

Не считая того, на что способен любой, как, например, убийство, существует еще qualitas occulta[823] преступления, которое в природе не встречается и одного известия о котором достаточно, чтобы парализовать нам крылья.

Каждый историк знает сопутствующие обстоятельства крупных раздоров, которым лучше было бы вообще не войти в анналы, обстоятельства, которые «люди никогда в жизни не хотели бы больше видеть».

В наше время склонность к гадкому, похоже, растет - сюда относятся известные избытки документальных подтверждений, прежде всего, благодаря фотографиям.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 29 ИЮНЯ 1968 ГОДА

Умер сосед, одна из поздних жертв Второй мировой войны. Тихий человек; он был еще не стар. У ворот двора священник служит по усопшему панихиду. Он кладет ладан на раскаленные угли, кропилом разбрызгивает святую воду, нагрудным крестом сотворяет святое знамение. Потом дубовый гроб устанавливают на машину и обкладывают венками. Крестьянина звали Рекк; он, как викинг между пестрыми щитами, выезжает со двора. Ласточки почти касаются гроба.

Уже жарко; ночью начали цвести липы. Разносится аромат жасмина и роз; сирень уже отошла. К тому же тяжелый запах из хлевов и от навозных куч перед ними. Звонит колокол кладбищенской часовни, пока мы медленно поднимаемся на холм.

Гроб опускают в открытую могилу. Рядом с ней вырытая земля, красно-коричневая, и в ней, чуть темнее, останки костей: *carut mortuum*[824]. Кладбище старое; оно хранит также предков. Возможно, еще кельты погребали здесь своих мертвецов.

Вокруг ямы круг одетых в темное фигур; в середине священник в черном облачении, рядом с ним хор мальчиков, поющих на клиросе. Вдова, еще в цветущем возрасте, стоит между дочерью и племянницей; обе ее поддерживают. Опять и опять голова ее поникает на грудь, как будто становясь слишком тяжелой. Искаженное болью лицо напоминает лик *mater dolorosa*[825] швабских художников и ваятелей. Боль стягивает невыносимое в узел; если бы ее не поддерживали, она бы упала.

Древние формулы: «Да воссияет ему свет вечности», «Пепел к пеплу, прах к праху». Прощальные слова; хоругви церковного хора, союза конников и певческого кружка опускаются над могилой для последнего приветствия. Снова к небу клубится ладан. Когда голоса замолкают, слышен плач женщин — резкий, естественный, как стрекот сверчков в полуденный зной.

В ноябре над кладбищем летают вороны; сегодня в воздухе парит лунь[826]. Черные, отливающие синевой надгробные камни с начертанными золотом именами излучают жар. Два перламутровых мотылька кружат над могилой, качаются, соприкасаются.

Краски, словно нанесенные на черное зеркало, имеют темный фон. Голоса и пение, воркование голубей, мычание животных из хлевов, шум дороги — все это впрядает в них нити. Самолет прочерчивает в небе белую борозду; звук тянется за ним, точно комариное жужжание. Это час, когда пассажирам разносят еду.

Все это отзвучит и отступит, станет ничтожным перед лицом бездны, которой мы сами будем отчуждены и куда отступим. Глубину ее не измерят ни воля, ни знание. Краски померкнут пред этой ночью, которая гасит даже самый яркий полдень. Звуки уже не смогут скрывать ее молчания. Однажды мы оставим все это — и даже больше, чем огни и голоса чувственного мира. Этого хода не избежать никому. Умирать можно друг за друга, но не друг с другом... это вымыслы Клейста[827]; каждый делает ход в одиночку.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 1 ИЮЛЯ 1968 ГОДА

К чаю румынский писатель Дан Хаулика[828]. Он привез с собой экземпляры редактируемого им журнала «*Secolul 20*»[829], а также свой труд о скульпторе Бранкузи. Разговор об общих парижских и румынских знакомых — Мирче Элиаде, князе Стурдза, Элен Моран. Страна образует на Балканах остров или кристаллическую друзу — в отношении языка и культуры, а у элит и физиогномически. Это видно уже при первом контакте.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 6 ИЮЛЯ 1968 ГОДА

Пешком в Лангененслинген. Там на почте я заказным письмом отправил Оросоле Неми некролог для Генри. Слишком устав, чтобы возвращаться домой *per pedes*[830], я купил велосипед и на нем покатыл обратно.

Как я узнал из газеты, некое бойкое издательство собирается к книжной ярмарке издать памфлет против меня тиражом тридцать тысяч экземпляров. Двадцатиголовая стая оттачивает по этому случаю перья. Лет через пятьдесят он, возможно, станет библиографической редкостью.

В саду собирал горох для «супа с губчатыми клецками».

Вновь углубился в «Le Rade de la Meduse»[831] Савиньи. В книге ко всему прочему есть фрагмент истории человечества. Все путешествия морем, особенно кораблекрушения, являются моделями, аббревиатурой. Далее: Ибсен, «Письма».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 7 ИЮЛЯ 1968 ГОДА

Вчера и сегодня очень жаркие дни, безоблачно. Сенокос закончен. Апогей вегетативной жизни: сходятся цветки бузины, розы, липы, жасмина — отчасти в расцвете, отчасти на вершине или отходя.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 8 ИЮЛЯ 1968 ГОДА

Кошка ластится к нам — согласно Риваролю. Поступаем ли мы с ней, в сущности говоря, иначе? Это — сродство субстанций. Симпатия сильна, но безлична, как электрический ток. Многие животные, не только птицы и ящерицы, даже насекомые, как богомол, чувствуют себя хорошо в нашей руке. Рыбе тоже приятно, когда мы качаем ее в воде или поглаживаем вдоль чешуек.

С кошкой дело может дойти до языка прикосновений, который, подобно танцу, превосходит язык слов.

Они вовсю насмежаются над обывателем, однако живут его трудом и его деньгами. Кроме того они порождены им. Напыщенно-самодовольное разглагольствование выдает происхождение. Потом они становятся перезрелыми; ничего не переходит по наследству лучше, чем плохие манеры.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 15 ИЮЛЯ 1968 ГОДА

Почта. Орнитологическая станция в Мёггингене благодарит за сообщение о береговых ласточках в гравийном карьере. Потом сразу три письма от чудаков, у которых винтиков не хватает. Я не считаю дурным знаком, когда о себе дают знать второстепенные персонажи, хотя это и вызывает легкое раздражение.

Визит Клауса Ульриха Лайстикова[832]. Мы вместе отобедали; в качестве прусского блюда я приготовил для него «толстые бобы». Потом в саду. При этом я выучил несколько названий растений, например, название вербейника[833].

Я снова почувствовал, что человек, знающий много названий растений, производит солидное, крепкое впечатление, даже впечатление «посвященного». Это, должно быть, восходит к далекому прошлому. К сожалению, это знание утрачивается, даже у ботаников.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 17 ИЮЛЯ 1968 ГОДА

Поднявшись с постели, я увидел наверху в прихожей бабочку, павлиноглазку, бьющуюся в занавеске. Я взял ее в руку и открыл окно, чтобы освободить пленницу. Но для нее это кончилось плохо, ибо с крыши вспорхнул воробей и схватил ее, определив себе на завтрак.

Чтение: «Плавание австрийского фрегата "Новара" вокруг света». Среди почты письмо дорогого Д., который, похоже, становится психотичным в цюрихской клинике. Следующее от некой Майи, претензий которой я не понимаю. Чтобы покончить с делом сегодня, мы отказались от получения ее заказного письма. Сильная зубная боль.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 19 ИЮЛЯ 1968 ГОДА

Спал скверно, несмотря на кодеин. Здоровье изначально носит духовный характер, поэтому при активной работе чувствуешь себя здоровым, и больным, если она не спорится.

В довершение ко всему опять Майя, которая уже давно пишет мне письма эротического содержания; она приехала с таксой. «Нет ничего хуже, чем стать объектом фантазий страстной бабы», как говорит Ницше. Штирляйн забрала собаку наверх и оставила нас в библиотеке одних.

Стареющая медсестра. «Мое тело тебя не разочарует», — написала она мне однажды и, пожалуй, имела на то основание.

Все в целом оказалось ошибкой. Почему тот, кто приблизительно тридцать пять лет тому назад в поисках приключений злоупотребил моим именем, продолжает настаивать? Тогда тоже приходили такие письма, и у меня с этим было много неприятностей.

Недоразумение с первого же взгляда прояснилось, поскольку Майя увидела теперь другого человека. Было преодолено еще несколько уловок, например, схожесть фамилий или то, что в деле был замешан один из моих братьев. Потом мы расстались ко взаимному удовлетворению — впрочем, для комедии эта история совершенно неподходящая.

ГАМБУРГ, 27 ИЮЛЯ 1968 ГОДА

С позавчерашнего дня в Гамбурге. Завтра с Эрнстом Клеттом и Фридрихом Георгом отправляюсь в Исландию. Штирляйн проводила меня сюда. Мы снова живем в гостевом доме Альфреда Тёпфера на Эльбском шоссе. Вчера с большим опозданием прибыли Александр и Мехтхильд — задержка в восточной (гэдээровской) зоне народной полицией.

Как всегда, когда я начинаю путешествие из Гамбурга, Вернер Трабер устраивает прием для меня и моих друзей. Кроме нас, всей семьей приехали еще Эрнст, Томас и Ина Клетт, профессор Тилике, Юрген Бергедер, доктор Беникк, большой знаток жуков Athetea, Йоханнес фон Роймонт, Феличитас Барг, супружеские пары Хелльге, де Кудр, Тёпфер и Иолович.

КЕФЛАВИК, 28 ИЮЛЯ 1968 ГОДА

Рано утром с друзьями в аэропорт. Штирляйн, чтобы успеть вернуться в Вильфлинген, рассталась с нами на вокзале Альтона. Я приступаю к путешествию без больших ожиданий, в отличие от Эрнста Клетта, с которым мне уже приходилось бывать на Шпицбергене. Запланирована поездка в Гренландию. Общим для нас остается раннее пристрастие к сагам и их морали — в смысле *le moral*[834], само собой разумеется. Моя страсть передалась Эрнсту; сага о Гизли, изгое, и его последней битве на скалах была его любимым отрывком.

Мы с братьями еще детьми запланировали поездку в Исландию. Нас подвигло на это «Путешествие к центру Земли» Жюль Верна. В ту пору мы проглатывали его романы один том за другим. Мы читали роман вместе и достигли при этом синхронности переворачивания страниц. Путешествие через пещерный ход Геклы[835] вело нас в первобытный мир, населенный ящерами и другими давно вымершими животными. Берн, разумеется, знал, что Земля не полая; но в отношении науки он пользовался полной поэтической свободой. Именно на этом основывается его притягательная сила.

Вход на Гекле открыл еще Снорри Стурлусон[836] и красочно изобразил в тайном писании, расшифровать которое удалось одному ученому. Так мы впервые узнали об Исландии, и наше любопытство было разбужено. Сюда добавилось то, что отец сказал нам, что внутренняя часть острова известна еще мало. Однако лучшие мечты — это те, что не исполняются.

Три часа в лондонском аэропорту. Томас Клетт принес мне одного «британца», которого он подобрал на горшечном растении: двухточечную *Coccinella*[837] в незначительной аберрации. Я взял ее с собой не столько для коллекции, сколько для картотеки.

Энтомология относится к моим запасным квартирам; такой она была и во время войн: когда становится скучно или неудобно, сменяешь систему. В первую очередь для этого служит литература. Я меньше помню сильный обстрел в перелеске 125[838], чем свое открытие романа Фонтане «Пути - перепутья»[839], который я впервые прочитал там.

На Шпицбергене известны четыре вида жуков — я ни одного из них не нашел. В Исландии можно ожидать более широкую палитру, в том числе околополярных существ — я переписывался об этом с профессором Линдротом, автором книги «Фауна насекомых Исландии и ее проблемы». Он обещал оказать мне помощь при обработке моей добычи, в случае если таковая будет.

Во второй половине дня приземление в аэропорту Кефлавика у залива Факса. Серые ящики на рольгангах, между ними несколько низких домов с красными крышами в зелени. Мы

совершили прогулку по лугам, хотя шел дождь. На маленьком озере просвет: птицы, которые немного робели. На берегу кулик-сорока[840], старый знакомый по побережью Северного моря. Он держался общительнее; гнезда, вероятно, были поблизости. Между ними по одиночке: щеголи[841]. По озеру плавали лебеди-шипуны[842], серые гуси[843] и утки в большом количестве. Здесь мне очень пригодились исследования брата. В Юберлингене он ежедневно и в любой сезон выкраивал время, чтобы наблюдать за озерными птицами, даже не вставая из-за письменного стола. Таким образом, он знал на Боденском озере виды местных, а также перелетных птиц и даже различал заблудившихся гостей. Поэтому меня несколько не удивило, что он тотчас же назвал синьгу[844], гагу обыкновенную[845] и морскую чернетку[846]; дикая утка, подлетающая и улетающая стаями, была нам уже хорошо знакома. Еще во время наших первых ребургских походов нас очаровало ее оперение — особенно оперение селезня с зеленым мерцанием над белым колье.

Первые поселенцы нашли Исландию поросшей по краям лесом; но деревья вскоре пали жертвой топора, который так и не дал им восстановиться. В некоторых местах встречаются остатки древних березовых лесов, едва ли выше густого кустарника. С наступлением нового столетия были предприняты попытки возродить леса. Сажались главным образом сосны, ели и лиственницы. Первые поселенцы застали только березы; это объясняется тем, что хвойные леса не пережили ледниковый период. Во время нашей недолгой прогулки я заметил простую рябину[847], рябину-арию[848], ольху, иву и березу.

Вечером читал саги: рассказ о Торгале Хмельном.

БОРГАРНЕС, 29 ИЮЛЯ 1968 ГОДА

После завтрака еще раз отправились к озеру; нам понравились птицы. Потом экскурсия по Рейкьявику. Я не нашел в городе ничего примечательного, что случается редко — почему викинги на украшенных драконами ладьях отправлялись на юг, чтобы там грабить, я почувствовал очень живо. Они возвращались с добычей и даже с рабами. Там, внизу, было солнце, а также историческая действительность, в порядок которой можно было войти, как норманны в Византию, Францию и на Сицилию. Я мог бы вообразить себе, что в противоположность этому здесь, наверху, скапливалась мифическая субстанция; отсюда тот почти баснословный ужас, который вызывала по всему многолюдному побережью высадка горстки викингов. Это напоминает Ариоста. Некоторые, как в сказках, становились королями.

Жизнь здесь, включая распри, я мог бы представить себе скорее как сон. Сильные мистические вставки. «Эдда» красочно изображает то, что из этого видели или лишь слышали — точно так же, как на Синае либо у Гесиода. Временами кажется, будто от дуновения ветра разрывается нечто, будто слой облаков лежит над нами, однако сквозь брешь проникают только отрывочные послания; они остаются фрагментами. «Для людей тайна» — могло бы значиться на древнейшей версии эпоса. И всегда возникает подозрение, что источники были засыпаны.

Рейкьявик значит «дымное место»; так его называли первые поселенцы из-за паров, поднимающихся из вулканической почвы. Мы поехали к «Пепельному холму», где вода горячих источников собирается в огромные емкости для распределения по городу. Я попробовал ее; у нее сернистый привкус. Местность выглядела угрюмой, поскольку вулканическая деятельность заставляет скорее задуматься, нежели согласиться. Ее могучие движения вызывают восхищение, от которого у людей не столько поднимаются, сколько опускаются руки.

По-другому недружелюбной была китовая станция Хвалфьёрдур, от которой уже издали

разило ужасным смрадом. Тысячи чаек с пронзительными криками кружили над местностью. Фридрих Георг определил в них морских чаек[849] или черного водореза[850], северную разновидность. Станция работала полным ходом. Я хотел бы употребить это выражение, которое издавна для меня носит inferнальный смысл; оно подходит к данному месту. На помосте как раз разделявали двадцатитонного финвала, его подкожный жир скатывался в дорожки. Подошло промысловое судно со свежей добычей вдоль борта. Оно тащило кашалота с колбовидной головой; могучие челюсти были вооружены зубами. В год станция переваривает от пятисот до шестисот китов. Жир вытапливается; мясо продается на пищевые комбинаты, в зоологические сады, а также на корм собакам. Мы долго не задерживались.

После этого в маленьком торговом порту Боргарнес. По дороге я впервые за долгое время снова посидел верхом на лошади, а именно — на маленьком исландском пони, отличающемся приятной иноходью, «кибиткой».

Одинокая прогулка по побережью; склоны казались красными и позолоченными, точно японский лак. Водные артерии, полосами лежащие вдоль них, добавляли к ним серебра. Пасущиеся овечьи отары напомнили мне Сардинию. И не только они — но также жизнь чабанов на скалистом острове с ревнивым отношением к свободе, клану и трансцендентности. Сюда можно было бы включить Моисея.

На морском берегу желтый подмаренник[851] и тимьян. Овально выточенная прибоем галька, которая существует на всех морях, здесь состоит из окаменевшей вулканической лавы. Она черная, тяжелая и испещрена пузырьчатыми порами. Я выбрал для своей коллекции экземпляр величиной с утиное яйцо.

Встретились мы за обедом — лосось, у нас давно уже деликатес, здесь значит в любом меню; вода еще чистая. Беседы. Синяя Борода, восставший из гроба мертвец, во время Второй мировой войны является одному английскому часовому. Тот окликает его, Синяя Борода ухмыляется — часовой стреляет в него, точно так же стреляют и четыре его приятеля, тоже увидевшие Синюю Бороду. Синяя Борода исчезает; то, что он бродит здесь, известно.

Поздно вечером еще почитал — история китобойного промысла вплоть до наших дней. В расчет принимаются «единицы синего кита»[852]. Для более легкой охоты жители норвежского побережья применяют отравленные гарпуны, которые вызывают раневую инфекцию. Подстреленное животное в течение одного-двух дней умирает от газовой гангрены.

Неправдоподобно, что китобойный промысел прекратится и истреблению этого чуда творения будет положен конец — что ни говори, мы живем в век эксплуатации. Это можно увидеть уже по тому, что каждый упрекает каждого.

Чтение мало радует — вообще, книги для меня становятся тягостными по мере того, как они заполняются статистическими данными и цифры берут верх над мышлением. К сожалению, это все больше проникает также в труды по ботанике и зоологии.

Затем в истории о скальде Эгиле я поискал отрывки, касающиеся Скаллагрима[853], мимо двора которого мы завтра пройдем. Многие владения, о которых упоминается в сагах, существуют и по сей день. Скаллагрим — это один из тех зажиточных крестьян севера, которые являются одновременно кузнецами, торговцами, мореплавателями, предводителями в распрях и даже бывают связаны с королями. Они председательствуют на пиршествах, располагают сокровенным знанием; вещи магически оживляются — например, роскошный топор, который Скаллагрим получил от конунга Эрика.

Скаллагрим умирает ночью, когда он из Борга ездил верхом на болото и зарыл там свои

сокровища. Его обнаруживают утром; он сидит в постели, члены тела уже окоченели. Сын оказывает ему посмертную помощь, смыкая ему ноздри и губы. Скаллагрима выносят наружу через пробитую в стене дыру; так он не сможет вернуться — его считали на это способным.

Саги еще пронизаны сказочным материалом. Их можно было бы назвать пограничной областью, отделяющей сказку от истории. Норны прядут; большую роль играет болото.

БОРГАРНЕС, 30 ИЮЛЯ 1968 ГОДА

Записывал, проезжая мимо верхом, почти неразборчиво. Слева двор Скаллагрима. Скаллагрим взял землю, где на берег был выброшен гроб его отца. Фьорд назван по имени кормилицы, которую Скаллагрим убил там, метнув в нее камень — я забыл, по какой причине.

Мы поднялись на Гранброк, большой вулкан с видом на другие, частью валообразные, частью острые, «космические». Цвета лавы охватывают широкий спектр — от светлого красно-коричневого до черно-фиолетового. Между ними глетчерные ручьи, обрамленные волдырником[854], шикшой[855] и ягодником[856], карликовые березы.

Привал у окруженного березовым кустарником водопада. Мы смотрели, как вверх по нему поднимались лососи, словно выпущенные из лука, чистая мускулатура. К полудню в Бифресте. Названо ли местечко в честь описанного в «Эдде» моста, который стережет Геймдалл[857] со своим рогом, чтобы предупреждать богов о нападении?

Потом к горячим источникам Дейлдартунга, где вода кипит в бурлящих горшках. Отчасти ее направляют в высокие теплицы, где выращиваются овощи. Я увидел помидорные кусты огромного роста, однако плоды были достаточно безвкусными.

Оттуда ко двору Снорри Стурлусона. Перед ним его статуя работы Вигеланда[858], имя которого напомнило мне о нашей прогулке по парку Фрогнер в Осло. Дом, Рейкголт, сегодня используется под интернат; остальное, похоже, мало изменилось со времени Снорри. Здесь же он был и убит — собственным зятем по заданию короля Гакона.

Судьба Стурлусона похожа на судьбу Томаса Мора — не столько по характеру, сколько благодаря стечению обстоятельств. Оба, умы высокого ранга, вступили в конфликт с короной.

Перед домом купальня; она питается горячим источником. 52 е по Цельсию. Большой круглый бассейн с окружающей его каменной скамьей. Снорри с друзьями, а также, видимо, с учениками, все по горло в горячей купели, проводил там часы за беседой. От жилого дома туда ведет крытый проход, через который 22 сентября 1241 года и проникли убийцы.

ЛАУГАРВАТН, 31 ИЮЛЯ 1968 ГОДА

Я провел день в состоянии какого-то полусна; северный ландшафт производит впечатление промежуточного мира. Исторический порядок не до конца отделился от порядка мифического. Это началось в Норвегии при конунгах. Исландия еще несколько поколений оставалась резиденцией асов; после убийства Снорри с этим было покончено. Но мы обязаны ему великими прозрениями. Возможно, до такого обобщающего обзора дело доходит именно

тогда, когда подходит к концу время. Исторический свет падает на исчезающее. Сознание, как при пробуждении из сна, на мгновение выхватывает магическое царство. Самый яркий пример — Геродот. Однако при этом я вспоминаю и Флавия

Вегетия. При закате инков этот ретроспективный взгляд отсутствовал. Нам приходится по крупицам составлять картину того, что там произошло.

Исландцы посещали государства, исторический порядок в которых уже сформировался. Дома они в этом смысле еще не установили историю. При этом я снова и снова возвращаюсь к болоту. Торф — это некий медиум. Волокно отмерло, однако в пряже сохраняется особенная, кажущаяся жизнь. Непреходящее воздействие Шекспира отчасти основывается на том, что он ухватил эту пряжу под историей.

Маленькие северные города да разбросанные в глуши мызы производят с современной точки зрения впечатление призрачных. Можно представить себе, что внутри больше не разбираются дела о чьем-то изгнании и о кровной мести, но допрядается, скажем, нить чьего-то брака, или что какой-то торговец перепроверяет свою расчетную книгу, а какой-нибудь психиатр — свою картотеку. Умные головы заняты современными заботами — Ибсен, Стриндберг, Йегер, Гамсун, Мунк. Большая часть германской психологизации просачивается отсюда. Поразительно у Мунка превращение мотива в психологическую ситуацию. Сверх того меланхолия, ирония, пьянство, богема.

Дома Кирико тоже призрачны; однако в них можно предположить скорее героя или демона, нежели спиритический феномен. Кое-кому уже показалось, что он ждал от северян слишком много и затем был разочарован — отсюда поворот Ницше от Вагнера к Бизе. То, что они впали в новую веру, свидетельствовало тогда не столько об их силе, сколько об их слабости.

Полуночное солнце — темнота ночи, правда, исчезла; зато призраки подступили ближе. На Шпицбергене это выглядело еще более зловеще.

Отправление в девять часов. «Иноходью» на исландской лошадке рыжей масти, верховая езда на индейский манер как приложение. Исландский двор называется *hestur*: лошадь. Мы расположились на привал у одного из многочисленных водопадов и услышали, что когда-то давно там пропали два ребенка. Они провожали родителей, направлявшихся к вечерней мессе, до самого моста над водопадом. Когда же родители на них оглянулись, оба исчезли, и их никогда больше не видели. В то время там был каменный мост. По желанию матери он был снесен и заменен деревянным, который с тех пор ведет через «Водопад детей».

Плутонический характер острова более или менее определяет поверхность — например, обширное лавовое плато, которое мы пересекали: Галлмундаркраун. Лава лежала блоками и галькой, а также кишкообразно извивающимися выбросами. Артерии, через которые она вытекала, сохранились в виде пещерных входов. Они виднеются то там, то здесь.

Холм Аббатисы: она умерла на дороге; каждый, проезжая мимо, спешивается с лошади и кладет камень на ее могилу. Делается это не только из добрых побуждений, но из опасения, чтобы она ночью не навестила того, кто не положит камень. Архаичная черта; она напоминает обычаи связывать покойников перед погребением.

Дальше по пустынным илистым откосам и мимо восьми каменных монументов. Они были поставлены в память о схватке, которую исландец Галлбьёрн выдержал здесь со своими противниками и которая описана в одной саге. Через Всечеловеческое и Воронье ущелье в Тингвеллир, подлинный центр эпохи саг. Здесь до самого упадка вольного государства ежегодно две недели проводили альтинг[859]. Места «хибар» отдельных начальников и кланов отчасти еще известны, равно как и место оратора. Перед ним Тингваллаватн, большое внутреннее озеро с островами и полуостровами.

Мы сделали привал у одной промоины; я позабыл название — зато незабываемой осталась вода в ней; она была удивительно прозрачна и казалась, как воздух, несуществующей. Источник был глубок — пожертвовав его нимфе обол, мы видели, как монеты долго парят вниз и потом светятся на дне.

На ночь в «Эдде» Лаугарватна. Зимой эти гостиницы служат школами — практичное разделение. Достояна похвалы озерная форель, которую подали нам на стол.

Закончил: сагу о скальде Эгиле. Она завершается обнаружением костей Эгиля, которые были выкопаны, когда сносилась старая церковь в Хрисбру. То, что кости принадлежали скальду, поняли по тому, что они были гораздо крупнее костей обыкновенных людей, — это случилось через сто пятьдесят лет после его смерти. Особенно примечательным был череп. Он был тяжел и изборожден волнообразными бороздками, напоминая раковину. Священник церкви Скафти, сын Торарина, хотел проверить прочность черепа и использовал для этого большой топор.

«Череп побелел в том месте, куда пришелся удар, но ни вмятины, ни трещины не осталось. Отсюда видно, что этому черепу удары обыкновенных людей не приносили вреда и тогда, когда он был одет плотью и кожей». Я спрашиваю себя, что может означать эта кажущаяся почти современной тяга к знаниям? Или здесь, как при рубке священного дуба Бонифацием [860], было замешано что-то другое?

ЛАУГАРВАТН, 1 АВГУСТА 1968 ГОДА

В проливной дождь к Большому Гейзеру. Он, однако, устал, и с интервалом в несколько минут вверх била лишь небольшая, приблизительно в девять футов струя. Он бурлил, переливал через край и потом выстреливал вверх. Когда вода снизу от высокого давления закипает, газы выбрасывают высокий фонтан. Гейзером назывался сначала только этот отдельный водомет; потом название распространилось на все остальные.

И, не считая того, что эффектного зрелища не случилось, у меня в очередной раз сложилось впечатление, что чудеса света, о которых мы слышали еще детьми, в реальности все же разочаровывают. Фантазия оказывается сильнее.

К епископской церкви в Скалголте. Ей лишь несколько лет; предшественница была разрушена при землетрясении. Внизу саркофаг католического епископа, который в период внедрения Реформации был обезглавлен вместе с обоими сыновьями. Здесь возникало несколько вопросов — как он мог иметь сыновей? Почему он обезглавлен, но погребен в церкви? И: значатся ли имена их среди имен мучеников в Риме?

Реформация во время правления датчан после обращения исландцев в христианство норвежцами повлекла за собой вторую волну обезличивания. В качестве третьей и самой фундаментальной здесь, как и повсюду, можно рассматривать триумф машинной техники. Благодаря ему истощалось, сначала постепенно, потом ощутимо, основное богатство острова: рыба. Уже задолго до нашего столетия издали приходили флотилии, как это описывает Пьер Лоти в «Исландских рыбаках»; нынче за зоны промысла тоже ведется спор, особенно с Англией.

Знаменитую электростанцию в Ирафоссе я пропустил; в Анголе я видел крупнее. Зато я собрал в окрестностях немного растений. На ночь снова в Лаугарватне. После ужина я с братом приводил в порядок наш маленький гербарий. Карликовая и белая береза, подмаренник, камнеломка[861], вереск[862], звездчатка[863], лабазник[864]. Особенно

порадовали: *Alchemilla alpina*, манжетка первобытных гор от Гренландии до Испании, и *Platanthera*[865], которая растет возле гейзеров — пожалуй, одно из самых северных мест произрастания орхидей.

ХВЕРАВЕЛЛИР, 2 АВГУСТА 1968 ГОДА

За завтраком вид на ландшафт: зеленая долина с пятнами овец и лошадей между темными горами. Редко разбросанные, ничем не примечательные дома. Местность, где чего-то слишком много, а чего-то недостает.

Снова у гейзеров. Сегодня они были бодрее. Два красивых извержения, сразу одно за другим; «Маленький поросенок» бурлит, «Маслобойка» брызгается. Почва надтреснутая; вывески предупреждают: «опасно».

К водопаду Гуллфосс. Он принадлежит одному крестьянину, которого комиссия электриков уже убедила было продать водопад электростанции. Когда же дочь пригрозила, что прыгнет в него, крестьянин пошел на попятную. Настоящая дочь Земли. А также еще известное уважение к собственности.

Gullfoss: «Золотой водопад». Он образует два мощных каскада, расположенных друг к другу под прямым углом. В полдень мы остановились в небольшом, целиком обшитом деревом крестьянском доме. Был подан копченый ягненок, исландское блюдо.

Мы переночевали в хижине близ Хверавеллира, где бурлят сольфатары и из горячих ручьев поднимается пар. Круглые купели наполнены голубой водой; Томас и Ина искупались в них. Эрдмута, молодая исландка, позаботилась о еде. Мы спали на полу, тесно прижавшись друг к другу, чтобы к нам не забрался призрак, который беспокоит округу.

БЛЁНДУОС, 3 АВГУСТА 1968 ГОДА

За завтраком мы могли наблюдать птиц, которые и здесь были немного пугливыми, например, речного кулика[866], следовавшего за ручьем, и пуночку[867] высоких северных широт в летнем наряде, который светлее зимнего.

Потом мы снова поехали по пустоши с более или менее раздробленной горной породой. Там, где выростала зелень, сразу же появлялись белые пятна пасущихся овец. Пикник у Гилзы, врезавшегося глубоко в базальт пенистого ручья. Там тоже удобный случай для небольшой субтильной охоты.

Во второй половине дня мы достигли Блэндуоса, небольшого портового города на севере, и остались там на ночь. У меня по-прежнему хрипота. Чтение: «*Les Drogues*»[868] Жана Луи Бро.

В машине я узнал от Эрдмуты несколько исландских слов; язык образен, как во времена скальдов, — у одного, кажется, у Эгиля, я вскоре после Первой мировой войны нашел «стальные грозы»[869]. Я записываю:

Эхо: горная глотка.

Горизонт: морской рубеж.

Полный рабочий день: солнечный круг.

ЛАУГАР, 4 АВГУСТА 1968 ГОДА

Утром я отправился на прибрежный холм и увидел в море остров или, скорее, скалу, на которой нашел свой конец Греттир[870].

Лагман[871] Стурла сказал, что он не знает никого из объявленных вне закона, кто был бы так велик, как Греттир Силач. Он находит для этого три основания. И первое, что он считает Греттира самым мудрым, потому что он дольше всех прожил в изгнании, и никто не мог победить его, покуда он был здоров. А, во-вторых, потому что никто не перебил столько нечисти да нежити, как он. И, в-третьих, присовокуплял Стурла, потому что за него отомстили в Миклагарде[872], как ни за какого другого исландца.

Любимцем Эрнстля был Иллуги, брат Греттира, почти еще мальчиком пришедший ему на помощь. «Каждый, у кого нет брата, незащищен со спины». Это Греттир сказал не напрасно. Когда Серобрюхий ударил в дверь, Иллуги бился, защищая Греттира, пока его не зажали между щитами. После того как Иллуги отказался отречься от мести, враги отошли советоваться, как поступить с ним, и когда они вернулись, чтобы его убить, он сказал: «Я вижу, вы выбрали то, что мне больше всего по душе».

Я видел скалу[873] в море. Как обстоит дело с вечным продолжением «славы деяний мертвого»? Я убежден в ней — хотя она, конечно, не имеет ничего общего с историей и преданием. Это, должно быть, и заложено в замысле «Эдды» — ибо, если говорится, что «кланы тоже умирают», то и слава, даже если ее провозглашает певец, гибнет вместе с сообществом. Стихотворение еще некоторое время сохраняет ее, как отблеск кометы, которая теряется в небе.

Саркофаг епископа был вырезан из туфа — это, как я слышу, единственный строительный камень на острове. Для цементного завода с изрядной морской глубины добывается ракушечный известняк.

Примечательна стойкость травы в этом климате — трава «растет сверху», но она не используется как сено и не превращается в торф. Так она покрывает могилы Видимюри, на которых нет ни креста, ни камня, — кладбище похоже на никогда не скашиваемый луг; места упокоения едва-едва выделяются под травой. Они слились, накрытые сводом мягкого серого ковра. За ними стоит дерновая церковь; она была построена не из обожженного кирпича, а из травяных блоков. А еще Галл, старый крестьянский хутор поблизости, используемый теперь как музей. Блоки дерна, из которых сложены стены, нарезаны в виде кирпича, блоки дерна для крыш — в виде пластин, на которых продолжает расти трава. Крыша должна иметь подходящий скат: она не слишком плоская, чтобы не промокать от дождя, и не слишком крутая, иначе покрывающий слой пойдет трещинами.

Привал у могучего водопада Годафосс. Поток пробил молодую лаву и, пенясь, устремляется по старому ложу. Godafoss означает «водопад богов», потому что на крестьянина, который жил там, упало домашние изображения асов, когда после введения христианства в тысячном году он возвратился с альтинга.

На ночь в Лаугаре.

ЛАУГАР, 5 АВГУСТА 1968 ГОДА

Muvatn: «Комариное озеро». Часто комары роятся, как облака тумана; вода и луга сплошь усыпаны ими. Благодаря этому здесь, естественно, подлинный рай для рыб и птиц, а также для рыбаков и охотников.

Я неторопливо прошелся с Фритцем вдоль берега, наблюдая за птицами в гнездах, в полете и на воде. Названия всех их были знакомы брату. Новой для меня оказалась красношейная поганка[874], мы увидели ее в воде с выводком малышей, увидели также желто-коричневые яйца в гнезде. Далее мы отметили длинноносого крохалю[875] с длинным крючковатым клювом и причудливым хохолком у самца, различных уток и чаек, на берегу опять же дрозда белобровника[876] и много других.

По луговой почве располагаются в ряд псевдократеры, как в грибном царстве пецицы[877] на омертвелой ветке. Они возникают, когда лавовая артерия течет под болотистым грунтом. Пары бурлят и высоко выбрасывают быстро остывающую магму.

Прогулка с Эрнстом и Томасом Клеттом по лавовым теснинам и ущельям между густых березовых кустарников. По временам вспархивал сокол и взлетал вверх на скалы. Ландшафт для лесного ходока.

«Грьётагья» называется каменная расщелина, в которой мы приняли ванну. Узкий проход, как в Микенах, ведет вниз к источнику. Он наполняет грот водой в сорок два градуса по Цельсию. Тут сидишь в тепле и безопасности, как во чреве матери-земли. В свете карманного фонарика мы обнаружили американского солдата, который дремал в полузабытьи. Он сказал, что уже несколько месяцев живет на одном хуторе поблизости, но в дальнейшие подробности не пустился. Вероятно, чтоб утаить идеальное убежище.

На ночь снова в Лаугаре. Была подана озерная форель из Комариного озера. Компания путешественников: во время поездок по северу больше, чем обычно, светловолосых и рыжих.

АКУРЕЙРИ, 6 АВГУСТА 1968 ГОДА

Комары над кустами стояли столбами, когда мы ехали вдоль озера Мюватн. Мы катили по гигантской лавовой поверхности, возникшей в 1875 году при извержении вулкана Аскья. Огромные шлаковые отвалы — проделана большая работа. Остров является моделью для предварительных космических опытов.

Привал у различных сольфатар[878]. Эти кухни относятся к молодому вулканизму и тянутся вдоль Исландского рва. Они позволяют судить о горнилах, которые действуют прямо под поверхностью. Термальные источники, напротив, древневулканического происхождения и рассеяны по всему острову.

Кипящие маленькие котлы; их энергии недостаточно для образования гейзеров. Серная палитра: желтое, зеленое и черное. Район был огорожен. «Опасно»: недавно под корку провалился один англичанин. Близ Паццуоли я слышал нечто подобное.

«Не все горные породы возникли в результате плавки», — говорил еще Лейбниц. Я издавна чувствую в себе более сильное влечение к этим другим породам, нежели к породам

плутоническим, и сильнее нуждаюсь в непосредственном воздействии воды, нежели в непосредственном воздействии огня в недрах Земли — поэтому я более открыт для палеонтологии, чем для геологии, ближе цветению, чем кристаллу, ближе мрамору, чем граниту. Это гороскопические сочетания. «Счастлива страна, где вопроса о времени возникновения какой-нибудь окаменелости достаточно, чтобы образовались две партии — нептунистов и вулканистов», — приблизительно так сказал де Соссюр.

По исключительно стерильному ландшафту к Деттифоссу, мимо самого уединенного хутора на уединенном острове: Гримстадир. Он на сотню километров в любом направлении удален от ближайших соседей. Деттифосс — это самый мощный водопад Исландии; он прерывает течение зажатой в крутые базальтовые стены реки: Jokulsa, если я правильно записал. Она несет воду глетчера, которой вулканическая пыль придает черноватый оттенок. Пенящиеся массы разлетаются в падении сверкающими брызгами светло-серого цвета. Над ними водяной туман, в котором стояла двойная радуга.

Базальтовые колонны называются по-исландски studlar. Это же слово используется для обозначения «аллитерации»[879].

Дальше по пустынным местам. Там и сям кустики морозики, на болотистой почве торфяной пух, шелковистый, ослепительно белый. Лютик тоже относится к очень крепким, выносливым растениям. Ручьи обложены подушками мха.

Мы устроили привал в подковообразном ущелье Асбюрги между базальтовыми стенами. Оно называется «Поступь копыт Слейпнира» и огромнее следа ноги обычного коня. Слейпнир был конем Одина, восьминогом, никогда не устающим, летящим быстрее ветра. Ущелье густо заросло зеленью, в воздухе над ним висели соколы. Оно было бы прекрасным местом для народных собраний, но слишком для этого удаленное.

Хусавик, маленькая торговая и рыболовецкая гавань на северном побережье. В павильоне высились кучи свежельвленной трески. Один работник хватал рыбин крюком за голову и втаскивал на длинный стол, второй вспарывал им брюхо, третий отрезал плавники, а четвертый очищал их от внутренностей. Те по желобу соскальзывали в море, над которым в этом месте кружили бесчисленные крачки и серые буревестники[880].

Вечером в Акурейри, втором по величине городе острова. Мы осушили несколько бутылочек — семейство Клетт, Фридрих Георг и я; это было первое вино в Исландии.

РЕЙКЬЯВИК, 7 АВГУСТА 1968 ГОДА

Утром Ина Клетт принесла мне маленькую Amaга[881], которую она, *faute de mieux*[882], замотала в денежную купюру — жукам всегда должна оказываться такая почеть. «Исландцы», будь то животные или растения, заслуживают внимания уже в силу места находки. Скромный объем собранного мною здесь материала добавляется к норвежской добыче 1935 года. Очень удачно, что я смог кое-что записать в Музее города; там была выставлена коллекция приблизительно сорока видов. Нашлось место, конечно, и неизбежным курьезам, например, барану с четырьмя рогами; нижняя пара их почти полностью охватывала голову.

В Ботаническом саду Акурейри демонстрировалось, чего можно достичь в этом климате. Стволы берез и рябин здесь относительно толстые. Синий мак! Очень красивые разновидности водосбора[883]. Я наблюдал молодого дрозда, который выщипывал из хохолка одуванчика одно пушистое семя за другим, пока не осталось голое основание плода.

Красив вид на море с возвышенности. На приливных волнах флотилии темных уток. На берегу шумит полярная крачка[884], светло-серая птица с черной шапочкой, клюв и ноги красные. Сложив крылья, она стрелой обрушивается в воду и выныривает с маленькой рыбой в клюве. Когда приближаются к ее гнезду, она с пронзительным криком кружит над головой. По-исландски: kria.

После обеда мы полетели обратно в столицу. Плотный слой облаков только периодически открывал вид на глетчеры и покрытые снегом вулканы.

СКОГАР, 8 АВГУСТА 1968 ГОДА

Ночью исландская буря. Вокруг гостиницы пронзительно свистел ветер. Мы позавтракали с группой итальянцев, которым непогода, похоже, нравилась. Это, видимо, было то, чего они от Исландии и ожидали.

Потом мы снова объехали область с множеством теплых источников на южном краю острова и сделали остановку в Селлфоссе. В больших теплицах помидоры, инжир, гибискус, мимозы — а также обезьяны и попугаи.

Компания путешественников: в большинстве случаев это учителя и учительницы, с образовательной целью осматривающие преимущественно геологическую природу. Данное обстоятельство определяет маршрут и тему разговора. Если бы тон задавал орнитолог, ботаник или мифолог, то и первое, и второе были бы иными.

Неподалеку от Селлфосса мы прошли мимо двора Гуннара, играющего заметную роль в истории о мудром Ньяле[885]. Этот рассказ с его схватками, морскими походами, призраками и приключениями читается как рыцарский роман. Гуннар сочетается браком с Халльгерд; она становится его злым роком, как и для двух мужей до него. Перед свадьбой Ньяль дает ему добрые советы — например, чтобы он непременно выполнял договоренности и никогда не совершал дважды убийство в пределах одной и той же родовой линии. Мне вспоминается суждение о некоем Годене, которое я там вычитал. О нем сообщалось, что он был самым умным мужчиной в Исландии среди всех, за исключением знающих будущее. Дефиниция, которая утрачена.

СКОГАР, 9 АВГУСТА 1968 ГОДА

В первой половине дня в музее. Выставка свидетельствует об обособленном развитии острова; иное кажется будто приснившимся в зимнем сне. В коллекции медицинских инструментов набор для кровопускания, там же гриб дождевик[886] для остановки крови. Косточка какого-то тропического плода, принесенного Гольфстримом, считалась камнем спасения. Она клалась роженицам между грудей. Ствол пера лебедя-кликун[887] был зачищен для детей; они сосали через него молоко. Это способствовало появлению у них красивого голоса.

Много предметов из рога: рог для питья, рог для пороха, рога для курительного и нюхательного табака, а также чаша для сбора пускаемой крови. Особая кость из головы трески была приделана к питейному рогу. Она приносила удачу: «Христос держал ее в руке».

Потом на морской берег, Скёгасандур. На кочках рос взморник[888], из которого исландцы в

трудные времена, например, в суровые зимы и при тяжелых извержениях вулкана, пекли хлеб. Сверху парили крупные хищные чайки[889], коричневые, со светлыми полосами. Исландское название: skumug.

Цепь высоких дюн напоминала наши острова в Северном море: только песок их бы не белым, а черным: измельченная лава. Эти черные пляжи вулканических ландшафтов производят менее отрадное впечатление, нежели кварцевые отмели, однако тепло они сохраняют лучше — это, похоже, чувствовали и тюлени, которые, почти две сотни, тесно, один к одному грелись там на солнце. Когда они вальяжно переворачивались, их светлые брюха блестели. Другие рядом с ними плавали в море. Головы с большими, круглыми гагатовыми глазами поднимались и опускались в приливе.

На заднем плане глетчер, в котором поток лавы выплавил широкий пробел. Раньше крестьянам приходилось гонять там своих овец по льду. Один мальчик упал в расщелину, в глубине которой слышался плеск глетчерной воды, — решили, что он пропал, после того как долго звали и высматривали его. Однако он нашел выступ, за который уцепился, и лазейку, которая вела к свету. Поздно вечером раздался стук в дверь. Никто не отважился открыть из страха, что войдет могильный житель. Но в дом вошел мальчик.

Из моря торчали различные утесы причудливой формы. У одного была вершина, как кипарис на Острове мертвых, другой образовывал ворота, через которые пролетают чайки, у третьего свет падал, будто сквозь зубы и амбразуры.

Здесь я встретил старых знакомых, которыми любовался еще с Магистром в Норвегии — а именно тупиков[890], которые, словно пчелы у улья, роились прямо под утесом на том месте, где мы стояли. Белый жилет, черные крылья, мощный клюв оранжево-красного цвета. В полете, сверху черный, тупик держит ноги за собой, как красные весла. Птицы планируют в нашу сторону, быстрыми взмахами крыльев останавливают движение и исчезают в гнездах за луговой дерниной. Они дюжинами стоят на скале, точно часовые, и вообще своим оперением напоминают солдат в мундирах эпохи барокко.

Массы чаек и буревестников. Последние, сопровождая рыболовецкие суда и увидев, что начинают выбирать сети, пикируют на рыбу, но обглаживают у нее лишь красные жабры. Признак благосостояния — я вспоминаю завтрак в нью-йоркской гостинице «Стокгольм», во время которого от омаров подавали на стол только клешни.

Мы с Фридрихом Георгом и Томасом Клеттом остались на освещенном солнцем утесе, тогда как геологи еще поднялись к глетчеру. Они часто останавливались в особенно интересных местах, которые в большинстве случаев также и особенно безобразны. Точно как у патологов: «великолепный гнойник». Я подумал об ужасе Вайнингера перед вулканами; и в самом деле их красота возрастает по мере удаления.

РЕЙКЬЯВИК, 10 АВГУСТА 1968 ГОДА

Мы возвращались в Рейкьявик. Я еще раз приветствовал Лиринди, двор Гуннара, по правую руку. Личность Гуннара в исландской рамке мне представляется аналогичной личности Карла Смелого в рамке бургундской. Нравы стали более тонкими, возрастает роскошь. Достигает кульминации чрезмерное расточительство. Гуннар ходит под парусами на военных кораблях, во время помолвки надевает царское платье. Сага переходит в историю, но еще веет воздухом нибелунгов.

По правую руку и Гекла («Колпак»); последнее извержение случилось в 1947 году — мы

вспомнили Жюль Верна. Остановка в Хоераверди возле теплиц. Кофейное дерево цело и пахло, как в Анголе. Грозди превосходного винограда. Это поразило меня, особенно в сравнении с помидорами.

Лава обладает тонкой структурой; она передается траве: зеленый покров, как камвольная пряжа. В рыбной сушильне.

На низках качались легионы рыб; они были подвешены за хвосты. Чайки, разбойничавшие здесь, с появлением нас улетели. Их было немного; они без сомнения тоже предпочитают свежую рыбу.

[...]

Прибыв в Рейкьявик, мы сразу отправились в музей: к сожалению, оказалось, что естественно-научные коллекции собраны в другом месте. Из фольклора мы многое увидели еще вчера в Скогаре. Здесь экспонаты были многочисленнее и ценнее. На верхнем этаже современное искусство. В нем умиротворяющий отдел Мунка.

На ночь опять в «Лёффлейдуре». Там прощальный ужин и благодарность господам Оттмару, Беренсу и Эгилю Йонсону, которые нас сопровождали.

ЛОНДОН, 11 АВГУСТА 1968 ГОДА

В семь часов вечера мы взлетели с большого аэродрома, мощной базы НАТО Кефлавик с интенсивным движением. Высоко над облаками я завершил чтение «Histoire de la Drogue» [891]. Она оканчивается увлекательной главой «Наркотики и авторство» [892].

Во время заката солнца подробности в направлении полета исчезают. В обзоре море и острова (вероятно, у побережья Шотландии) резко контрастируют друг с другом, как на гравюре по стали. За ними небо, огненно-красное и золотистое, с голубовато-зеленой кромкой, которая постепенно переходит в голубизну. Между красным золотом и бирюзой чисто золотая полоска.

Потом из темноты крупные поселения — планы в горизонтальной проекции, выполненные серебряным грифелем.

Медным цветом проблескивают дороги: это цепочки машин, движение которых расплывается. Вот опять совершенно темно: мы проходим слой облаков. Шум моторов переходит в мягкое жужжание; в полночь посадка в Лондоне.

ЛОНДОН, 12 АВГУСТА 1968 ГОДА

Впервые переночевал в Лондоне, и притом в исключительно комфортабельной гостинице «Ариэль». По многим деталям, например, по окнам, ощущается различие с континентом. Даже система мер является или была до недавнего времени другой; фут и дюйм мне симпатичнее.

Современный мир обладает собственной оптикой, в первую очередь, в отношении ночи. Наряду с этим следует обратить внимание на изменение формы и цвета, а также объектов,

при высокой скорости. Одновременно существует неподвижная зона в кабине автомобиля или самолета с видом на приборную доску. Риск распространяется также на художника, который не может избежать этого. С эпохи импрессионизма это стало небезопасным. Эксперимент направлен к различным целям. Неудачей закончилось бы стремление изобразить впечатление от этого изменения — художник должен найти причину, по которой оно возникло. В этом различие рецептивного и продуктивного искусства.

В аэропорт. Грязная работа выполняется более или менее цветным народом — среди них индусы в тюрбанах, которые со странно потерянном видом водят перед собой метлой. Эскалаторы. Пока они поднимали нас вверх, навстречу нам плыли люди всех рас и сословий с отсутствующим выражением на лице. Оговоримся: состояние одурманенности уже загодя обуславливается невесомостью.

В этих местах подавляет также мощная аккумуляция судеб. Они кажутся плоскими, как галька, отшлифованная в бурном потоке. Среди них все легко угадывается: ожидание, тоска, печаль, боль. Ребенок, потерявший мать, мужчина без паспорта.

В двенадцать часов в самолете «British Eagle», который должен буквально за час доставить нас в Штутгарт. Поскольку облака рассеялись, точно овцы пасущейся отары, я впервые увидел сверху Ла-Манш с кораблями, тянувшими за кормой пенные полосы. Потом над сплошь застроенным побережьем материка и его разделенной на зеленые и коричневые прямоугольники земель. Между ними светлое переплетение транспортных артерий; иногда на очень большом удалении сверкает оконное стекло. Глубоко внизу, но еще над облаками, серебряная стрела. При спуске краски дифференцируются: коричневый цвет расчленяется на золото нив и синеву капустных полей.

«Please, ladies and gentlemen...». Огни выключены, ремни расстегнуты — мы меняем стихию.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 21 АВГУСТА 1968 ГОДА

Монсеньору Хориону[893]. «Сердечное спасибо за Ваше письмо от 14 августа. По нему действительно незаметно, что, как Вы пишете, "продолжается безостановочный упадок сил". Пусть их еще хватит на завершение "Фаунистики"[894].

При этом я сразу обращаюсь с серьезной просьбой. В Исландии я едва ли мог поверить своему брату, будто вы собираетесь пренебречь Cerambycidae[895], потому что это, дескать, дело любителя. Но ведь гораздо важнее, что мы служим любителям в качестве каптенармусов!

Кроме того, я считаю, именно что касается фаунистики, Cerambycidae одним из классических семейств, подлинно образцовыми экземплярами. Насекомые давно находились под наблюдением и регистрировались. Они обращают на себя внимание, относительно же названий существует некоторая путаница. Они любят тепло и реагируют на незначительные колебания климата. С давних пор я высматриваю Rosalia[896] в лесах Зигмарингена. Меня очаровал тот факт, что во время нашей недавней экскурсии по Верхнему Рейну Calamobius filum[897] блуждал сотнями, о чем Вам, надеюсь, уже было сообщено.

Я же, напротив, не хотел бы пренебрегать намного большей работой, которая была проведена с менее приметными семействами и видами, например, с Athetae[898]. Однако значение этой работы скорее систематической, нежели фаунистической природы. В течение прошлого столетия произошло слишком много недоразумений и переустройств, чтобы можно было бы сказать, что тот или иной вид был действительно найден здесь или там. А как дело

обстоит с новыми описаниями? И с разделениями? Тут Buprestidae[899], Coccinellidae[900], Scarabaeidae[901], Cerambycidae дают совершенно иную гарантию.

Я очень сердечно благодарю Вас за то, что Вы хотите помочь мне при обработке исландской добычи — я привез с собой двадцать видов в количестве восьмидесяти экземпляров. Хороший результат ввиду скудного срока, которым я располагал и во время которого предпочтение было отдано геологии, затем истории и орнитологии.

Я составляю обращение, которое к началу торжеств по случаю дня рождения Фридриха Георга я должен отправить юбиляру. Это состоится в Амрисвиле[902] 25 августа, во второй половине воскресенья. Вспомните, пожалуйста, в этот день о нас».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 31 АВГУСТА 1968 ГОДА

Созревают орехи. Стаи ореховок[903], сибирских гостей, совершают налеты. Отъезд в Юберлинген, как каждый год, на день рождения Фридриха Георга. Из его студии вид над озером от Пфендера до самого Боданрюка. На водной поверхности лебеди, гагары[904], лысухи[905], чайки, утки в огромном количестве и разнообразии видов. Мы рассматриваем их в бинокль.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 4 СЕНТЯБРЯ 1968 ГОДА

«Дорогой господин Хайдеггер, с превеликой благодарностью я возвращаю Ваш архивный документ. Я продолжу и дальше заниматься "Просекой". При чтении мне опять пришло в голову, как перевод на французский язык, с одной стороны, акцентирует такие тексты, с другой же — стерилизует и делает одноколейными. Это приобретение и потеря; в любом разъяснении соединяются осветление и сокращение. "Как то, так и другое" транспонируется в "или-или".

Я хотел бы поблагодарить Вас за "Время и бытие"[906], Ваш важный вклад в амрисвильский праздник, который удался на славу. Он сопровождал меня по дороге домой, вместе с новыми стихотворениями Фридриха Георга. Здесь, как и там, осчастлиливливает почти неуловимое развертывание в пределах открывающейся перспективы.

"Оставь все страхи! Это достоверно.

Так кротко доверяешь, анемона"»[907].

ВИЛЬФЛИНГЕН, 13 СЕНТЯБРЯ 1968 ГОДА

Портрет. Модель вибрирует в нервных подрагиваниях. Лицо, словно подвижное зеркало вод; оно похоже на трясунку[908].

«Le desespoir des peintres»[909]... Это сравнение с трясункой изобрела, без сомнения, остроумная, но ограниченная голова.

Что тут делать? Можно было бы выбрать особенно выразительный, вероятно, даже экстравагантный жест: фильм приостанавливается. Можно было бы также смягчить и завуалировать движение, komponуя его фазы. Тем самым в изображение вносилось бы время. Впечатление выигрывает за счет физиогномической точности.

Наконец, искусство может всеми фазами движения пробиваться к спокойствию, лежащему в его основе. Это произойдет скорее благодаря изыманию, нежели вследствие добавления: отсасывается время.

В больших портретах царит спокойствие; они выражают не возможное, а абсолютное. Они могли бы, пусть и во вред себе, быть экспрессивнее. Я вспоминаю «Портрет музыканта» кисти Леонардо, висящий в Милане. Мужчина нарисован с закрытым ртом и без инструмента; он даже не смотрит в нотный лист, который держит в правой руке.

Так в случае нервного человека художник мог бы изобразить не болезнь, а страдание.

Виноград на садовой беседке наливается, становится медно - красным. Махровый осенний безвременник[910] из Атласа, что в Ливане. Подсолнухи большие, танцплощадки шмелей и пчел, которые в опьяненном покачивании кружат над ними. К чему еще и оплодотворять? Воплощенный эрос.

Между работой взгляд отдыхает на синих чашечках, на золотых мисочках — проведенное так утро не будет потеряно.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 17 СЕНТЯБРЯ 1968 ГОДА

В тот момент, когда цветку удалось образовать солнце, стать солнцем, космогонический эрос, служа вестником любви, преодолел огромное расстояние между животным и растением. Он в мириадах форм установил один за другим органы растений и животных. Чудо повторяется каждым весенним утром, когда солнце отражается в цветках, которые являются его подобием.

Дароносицы, которые обнаруживаются с мезозойской эры. Они сверкают в росе. У сложноцветных это чудо становится особенно явным. Разве кто-то может проигнорировать его, видя, скажем, подсолнух, если он, конечно, не духовно слепой?!

Если верить ботаникам, то видовое образование у сложноцветных находится еще, должно быть, в самом разгаре. Это было бы хорошим знаком для того, кто считает большими периодами времени — периодами не истории мира, а истории Земли.

В конечном итоге — все чудо; оно распознается только глубиной нашего взглядывания или перспективы, а также ощущением счастья. Любовное служение было до всех времен и существует во все времена... До того как расцвели покрытосемянные[911], его исполнял ветер, который все еще архаичным вестником блуждает по папоротниковому лесу и нивам.

Профессор сидел в автобусе, слева от него жена. Он устал; день получился длинным, была проделана большая работа. Сейчас они были бы дома.

Профессор глуховат — но этот скрежет нельзя было не услышать; он пронизал до мозга костей. Звук был такой, будто косой косили металлическую траву. Одновременно профессора швырнуло вперед и оглушило ударом о переднее сиденье.

Спустя мгновение, придя в себя, он увидел перед собой открытое пространство; левая стенка автобуса была скручена, точно крышка консервной банки. Место рядом с ним было пусто. Он крикнул: «Мамочка», но не услышал ответа.

Что же случилось? Автобус вскользь протаранила другая машина, тягач, приспособленный для поднятия грузов. Его тяжелый, острый, как нож, грейфер сошел с направляющей и прорезал автобус. Крюк также прошелся по телам пяти пассажиров, сидевших у левого края. Полиция прибыла сразу; погибшие уже лежали на обочине дороги. Профессор через дыру выбрался из обломков, присел рядом с мамочкой и разговаривал с нею, пока не приехала похоронная машина.

Необычная автокатастрофа, однако, как почти всегда, подспудные ее обстоятельства еще необычнее. Считаю излишним говорить, что водитель крана переутомился после долгого рабочего дня да и совершал «левую» поездку. Это, скорее, лежит в основе несчастья: как подтверждающее правило исключение. Однако ж фатальным в подлинном смысле слова является то, что обычно профессор всегда сидел от жены слева, поскольку был глуховат на левое ухо. На сей раз она попросила его поменяться местами; она была художницей и хотела всмотреться в детали ландшафта.

Кроме того, обычно они никогда в таких случаях не ездили автобусом, предназначенном для персонала, а пользовались личным автомобилем, прихватывая владельца стройки Альфреда Тёпфера и его жену. В тот день, что тоже прежде почти не случалось, в обстоятельства дела вмешались оба их сына: поскольку им потребовалось зачем-то съездить в город, профессор отдал им свою машину и сел в автобус.

Итак, вопрос ясен; несчастье стало результатом череды случайных обстоятельств. Обычно в таких случаях говорят: «Так и должно было произойти». Правда, нагромождение случайностей и их тесное переплетение поразительно... С другой стороны ему соответствует редкостный характер аварии; нам следует рассмотреть это зеркально. Притом статистически: среди миллионов столкновений и тысяч аварий встречаются и уникальные варианты. Сколько деталей должны совпасть во времени и пространстве, прежде чем счастливицу выпадет его Великий жребий. Рассматриваем ли мы это как чистую случайность или, к чему склоняются многие, как predeterminedness, статья особая. Причина и следствие наличествуют всегда. Тот, кто хотел бы противопоставить друг другу метафизику и причинность, ступает на ложный путь. Разумеется, возможно и то, что причинность играет роль судебного исполнителя.

В данном же случае произошло нечто иное, что поставило меня в тупик... нечто иное, чем действие тонких нитей в кукольном театре жизни, которые притягивают непредвиденное. Более тревожным кажется мне обстоятельство, которое отсылает назад во времени и суть которого заключается в последовательности, в очередности: приблизительно за месяц до этого профессору приснилось это событие.

Правда, в том сне отсутствовала техническая деталь. Профессор стоял с супругой у поручней корабля; они смотрели на море. Вода была спокойной; тем более страшно поразил могучий вал, который, пенясь, внезапно накатил на них и выхватил стоявшую рядом с ним жену.

Профессор звал «мамочку» — однако та не ответила.

Раздирающий, жуткий звук, с каким мимо прошла волна, врезался ему в память. Он был таким же, с каким рейфер распорол автобус.

Подобное сновидение не подчиняется законам статистики и их вероятности. Больше остается под спудом. Когда это осознается, то крошечная трещина позволяет бросить взгляд на другую, слепую сторону зеркала. Оттуда авария кажется вариантом сна, переносом произведения искусства в реальный, технический мир.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 12 ОКТЯБРЯ 1968 ГОДА

Дополнение к записи о дне рождения в 1966 году[912]: к чему ночное перебирание конфликтов, которые давно сгладились временем, и участники которых покоятся в могиле? Они еще при жизни простили нас, да и сами были не без греха и часто несправедливы.

За этим должно скрываться еще что-то, какое-то *pater peccavi*[913], которое донимает нас сильнее, чем эпизодические огрехи. Но отец сам был только исполняющим обязанности: в любом временном беспорядке скрывается космическое нарушение.

Мы осторожно движемся по своей жизни, словно по лезвию, и ощущаем оставленные зазубрины. Клинок хранился в прошлом, как в ножнах, и мы знаем лишь некоторые из его мест. Но однажды мы должны предъявить его, освобожденного от времени. Нас мучают не капризы; это предзнание.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 15 ОКТЯБРЯ 1968 ГОДА

Что дольше биоса живет во времени? Среди прочего — его оснащение. Скорлупы и панцири, кости и зубы, оболочки и хомуты, каменные ядра и клеточные стенки. Каркасы из извести и кремня, конструкции из рога и слоновой кости. Как если бы долгого срока оказалось недостаточно, все это еще раз отвердевает, переводится в ископаемое состояние. В Сардинии я находил на морском берегу окаменевшие ракушки буквально рядом с только что намывными, а в сицилийской пещере — домики сегодняшних улиток среди их окаменевших предков, они почти не отличались друг от друга.

Органические конструкции: жизнь встраивает в себя мертвое. Так дом несется колоннами, подпирается балками. Жизнь царит в комнатах и парадных залах. Но без стен не было бы и комнаты. Даже амеба нуждается в наружном слое. Усики виноградной лозы лучше всего справляются со своей задачей тогда, когда они отмерли. Они передают свою силу.

Ввиду суверенного применения и смешения мертвых и живых тканей нелегко отмахнуться от вопроса о центре строительного плана, независимо от того, ответил ли ты на него и как.

Художник предоставляет отвечать философу; он же наглядно показывает проблему. Он рисует погруженных в созерцание черепа мыслителей, а также череп, стоящий на книгах, как Караваджо. Цвет здесь, так же, как и там, жив.

Дополнение, 3 октября 1976 года: так совпало, что сегодня утром, когда я переписываю этот раздел, мне пришлось с благодарностью отвечать на письмо Вернера Хёлля[914], который

касается этой темы. Он приложил к письму один из своих коллажей, «Окно».

Какая тема? Вероятно, такая: наплыв предшествующих метафизических спекуляций на последующую материю. Так человек взыскивает долг. Такой оборот беспокоил уже молодого Ницше. Письмо Хёлля начинается цитатой, которую я почти позабыл и которая мне в данной связи как раз очень кстати: «Жизнь — это лишь особый вид смерти, и вид очень редкий».

«Дорогой Вернер, я вижу, что нас занимают схожие мысли, близкие этой цитате. Сейчас я читаю книгу Уве Георге "В пустынях Земли": автор считает пустыню нормальным состоянием нашей планеты, а оживление растениями и животными лишь краткой интермедией. Как же тогда могут выглядеть пьесы той власти, которой под силу разыгрывать подобные интермедии?»

На рисунке Мунка "Поцелуй смерти" лицо девочки и мертвая голова нарисованы одним и тем же грифелем и с той же любовью; мастерство художника заключается в том, что он отвечает материи непосредственно через смерть и жизнь.

Много лет назад я переписывался с Рене Магриттом[915]. Он тоже прислал мне "Окно". Оно было разбито; через пустоты окна виднелся ландшафт. Тот же ландшафт лежал еще раз перед окном на полу; он был мозаикой рассеян по осколкам».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 16 ОКТЯБРЯ 1968 ГОДА

Вновь наступила осень; на столе передо мной пластина подсолнуха. Она большая, как диск, гениальное размещение сотен семян вокруг центра.

Достойна восхищения строгость расположения. Конечно, в нем всегда есть небольшие неправильности. Но они присутствуют даже в пчелиных сотах, считающихся образцом наиточнейшей работы.

Здесь мы имеем дело с отличием естественного круга, несовершенству которого отдает предпочтение художник, от круга математического, который совершенен.

Центр математического круга тоньше, чем могло бы проколоть самое тонкое острие; он нематериален, незрим.

Тем самым мышлению удалась абстракция, к которой механика самое большее приближается, но никогда не достигает. Любой механический круг является лишь грубым отображением математического. Поэтому нет ни одного колеса, ход которого производил бы совершенную прямую, сколь бы превосходным оно не было. При сильном увеличении становятся видны зазубрины; всегда сохраняется также разница между реальной и идеальной осью. Она выражается в следе. Это — одна из причин того, что прогресс своей цели не достигает. Венка, которого однажды удостоился дух, никаким больше усилием не стяжать.

Ну, хорошо. Нам, стало быть, мешает то, что механический круг не достигает совершенства круга математического. Мы видим зазубрины, слышим стук колеса на дороге. Но почему в таком случае нас совсем не беспокоят погрешности круга естественного, например, пластины подсолнуха? Почему, созерцая органические неправильности, мы даже испытываем наслаждение?

Очевидно, органический центр содержит иной смысл, нежели центр механический. За механическим кругом, например, гончарным, в качестве типа стоит круг математический, чей

центр можно определить самым точным образом. За органическим же центром, например, хризантемы либо медузы, мы предполагаем нечто иное, местоположение которого нужно не определять, а отгадывать. К этому стремится искусство, и потому круг художника отличается от круга математика. Органический центр тоже не пространен. В нем скрывается, еще лишенный качества, творческий потенциал.

В этой связи следует задуматься еще вот о чем: тот факт, что в механическом круге, как и вообще в технике, мы не достигаем идеального совершенства, всегда остается для нас мукой, но также и стимулом. Стук в колее нам мешает.

Еще более сильное недовольство охватывает нас, когда мы стараемся обмерить круг творения и определить его центр, как то происходит снова и снова. Математический и творческий центр несопоставимы; подсчет не сходится. Цифра ведет в пустоту; точность уничтожает гармонию.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 17 ОКТЯБРЯ 1968 ГОДА

Еще к вопросу об оснащении: миллионы лет продолжающаяся метель; на дне мирового океана плавают бледные трупы. Они образуют там пустыни, огромнее, чем Гоби и Сахара, вздымаются горами.

Не только леса каменного угля и коралловые рифы образованы слоями; к ним добавляются одноклеточные организмы, оставляющие свое оснащение. Арсеналы давно угасшей жизни нагромождаются в глубине. Они останутся, также по ту сторону истории и естествознания, по ту сторону воздуха, в котором движутся крылья, по ту сторону воды, в которой движутся плавники, останутся как архивы призрачной выставки.

Образующие слои одноклеточные организмы, часто круглой и шарообразной формы, еще неограничены в возможностях, независимо от того, осуществляются ли они или нет: модели для царства природы. Возьмем панцири: в них подготовлено все то, что позднее проявится в оснащении раковин, улиток и плеченогих, а также в оснащении створчатых крабов и каракатиц. Еще д'Орбиньи[916] определял спиральную фораминиферу как маленький аммонит. Сходство, разумеется, поразительное, хотя оно не основывается на естественном родстве. Оно позволяет сделать заключение о модели, о повторении во внешних обликах основного плана.

Когда мы исходим из центра, из его не пространной, не обособленной силы, то спиральные формы многих совершенно не родственных по крови животных кажутся нам почти конгруэнтно обусловленными. В процессе эволюции, напротив, в формы закрадывается лабиринтное плетение с мертвыми рукавами и тупиками. План прост, его исполнение многозначно, а удача реже, чем сбой.

Формы проецируются из центра на геологические эпохи, как на сферические оболочки, и на них отражаются. Усики растений, крылья и плавники, зубы и волосы повторяются то в развитии, то в чистой аналогии. Часто, как на небе, остаются также туманности и пустые места: незаполненное, незанятое изображениями пространство.

Родословные древа, как их изображают ученые, изменились со времени Геккеля — это уже не голые линейные каркасы, а кусты и снопы, а также веера и взрывные конусы. Вероятно, шарообразные изображения лучше передают развитие из еще не развернувшегося: так мы представляем себе любое излучение, от атомарного до космического порядка величин. Образ дерева, если мы включим в него и корни, тоже по форме приближается к шару.

Как только точка становится зримой, представим, что это укол острия циркуля, сразу образуется периферия. Там, рядом с центром, потенциал сильнее, *natura in minimis*. Это справедливо также для точки, от которой отделилась жизнь. Творение покоится в центре; размножение вращается на периферии.

На это должно было указать уже рассмотрение дерева. В стволе и ветвях проявляется лишь видимая половина; она отражается в корневище и в сплетении корней. Корневище и ствол корень опять же представляют только зримую ось, которую вегетативная точка рассыпает в главном направлении. Зеленые шарики, которые дрейфуют в первобытном море, как, например, вольвокс[917], кажутся совершеннее.

Классические наброски родословного древа являются антропоцентрическими; они основываются на представлении, что человек — это цель и венец творения. Тем не менее, его биологический вид занимает только одно место рецентной сферической оболочки — с точки зрения геологии, пласта, отвердевшего в третичный период.

Предположение, что эксперимент не достиг результата из-за врожденной вины, заложено уже в книге «Бытия». Ницше считает эксперимент компромиссом, Хаксли — неудачным. В нашем столетии культурный пессимизм усилился до пессимизма биологического. С другой стороны угрожает примирение с «Последним человеком» в социальной литейной форме при содействии биологов; перспектива вырисовывается как у Ницше, так и у Хаксли.

Некоторые проблемы давно были решены более надежным способом, не благодаря познанию, а в плане духовности природы и Земли. Например, образование государства, отбор анатомически несхожих представителей разных каст, разделение труда в соединении клеток и особей.

Хаксли обозначил аналогичное; если бы его прогноз оказался верным, наука вырастила бы в реторте превосходного гомункула и одновременно лишила б его свободы. «Муравьи колоссальной породы».

Успеха подобных экспериментов не следует опасаться, пока существует свободное сознание и сознательная свобода.

«Дорогой Карло Шмид[918], сердечно благодарю Вас за дружеское посвящение Вашего перевода.

Французский текст "Антимемуаров"[919] вот уже несколько недель находится в моих руках. Я успел сравнить некоторые места. И все больше восхищаюсь интенсивностью и неутомимым трудолюбием Вашего занятия этим не только обширным, но и трудным произведением. А ведь это наряду с Вашей повседневной нагрузкой.

Меня огорчило, что я не обнаружил Вашего имени среди претендентов на пост федерального президента, ибо Вы все же единственный, кто мог бы способствовать возвращению некоторого уважения этой утратившей авторитет должности, если такое вообще возможно».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 18 ОКТЯБРЯ 1968 ГОДА

Мрачный остров, добыча скудная. Из фумаролов[920] поднимался пар; в ручьях уже текла пресная вода, однако края еще были сернистыми. В расселинах поселились растения, флора солевых лугов, с ребристыми листьями; они протянули зеленую сеть по лавовой почве.

На больших интервалах магма вздулась гигантскими полушариями, темными бюстами,

железистого окраса и с грубыми рубцами. Шары были исполинскими; они, видимо, были очень горячими, так как в них что-то мерцало и пульсировало. Внутренний жар в некоторых местах пробивался через их корку голубыми лучами испаряющегося металла.

Один из холмов уже догорел. Я вступил на него через потрескавшийся проход; свет сверху падал в темный пантеон. Жар совершенно угас. Остался бесшовный пол из расплавленного железа, над ним купол, точно базальтовая пленка. Труд титанов был кончен; он удовлетворился самим собой. Остров превратился в луговой грунт, а огненная печь в шатер, дававший теперь уют кочующим племенам и их стадам... постоянный двор в игре превращений.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 19 ОКТЯБРЯ 1968 ГОДА

Златки[921] из Верхнего Египта, золотисто-зеленые торпеды с большими фасеточными глазами, солнечные создания исключительной элегантности. Солье[922] окрестил этот вид *Steraspis*; старые энтомологи умели ориентироваться в мифологии, как у себя дома.

Я извлек эти экземпляры из их саркофага и, чтобы рассмотреть, встал у окна. Солнце горит на панцирях, как когда-то у нубийского Нила.

При этом абсурдная мысль: «Хорошо ли они себя сейчас чувствуют?» Все-таки: хитиновый покров не изменился; он, как и тогда, своим блеском отвечает солнцу. Это производит впечатление большого и всеобщего поворота. Так это видит художник: не только как собственное, психологическое переживание... картина может удасться только тогда, когда материя из себя самой получает жизнь. Это отражается в произведении искусства. Мотив — это не только увиденное; он еще и движущее.

Вселенная живет. Египтяне в этом не сомневались; мумии, пирамиды, скарабеи подтверждают кукольное спокойствие некой присущей мировой материи и преодолевающей время силы. Человек принимал в ней участие. В застылости царства мертвых дремлет знание, превосходящее любую надежду.

Сюда же относится культ реликвий, который даже в наше время еще проглядывает в том смутном чувстве, с каким мы держим в руках фотографию умершего или предмет, который он любил: мы ощущаем контакт.

Среди зон, на которые нас разделяют народы, семьи, виды и индивидуумы, а также среди тех, в которых желается, думается, воспринимается и даже живет, общее все еще отвечает солнечному лучу. Солнце восходит как над праведными и неправедными, так и над смертью и жизнью.

Материя не чувствует и не страдает, хотя в ней скрыты первичные формы любой радости и любого страдания. Описание мира титанов, который возникает из мира стихийного, показывает, что грекам была хорошо знакома промежуточная область: мир бессмысленного страдания, еще не выраженный гештальт. Однако могучие вершины поднимаются уже до почти олимпийской высоты. Боги коренятся в титанах, как те — в силах стихии.

Языком материя тоже владеет. Воды безмолвствуют, но все же они говорят плеском ключей, журчаньем ручьев, бушеванием водопадов, пронзительным свистом, с которым высвобождается перегретый пар. Было бы ошибочно полагать, что мы выдумываем мир, веселье и муки из собственного нутра. Это происходит в действительности, но происходит лишь потому, что мы опираемся на собственную, стихийную основу. Там покоится всеобщий закон, к которому в

искусствах ближе всего, до глубин невыразимого, ощупью подбирается музыка.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 20 ОКТЯБРЯ 1968 ГОДА

Когда я сажаю на лугу три дерева очень близко друг к другу, они не только будут образовывать группу, но и вступят во взаимосвязь. Обращенным внутрь ветвям они позволят зачехнуть, а наружные опустят до самой земли.

В этом выражается присущая дереву общительная, группообразующая и лесообразующая сила. Мы можем понимать это также морально: к сути дерева относится то, что оно предлагает защиту. Сооружается шатер, под кровлей которого хорошо себя чувствует и зверь, и человек.

План строительства заключен уже в ядре семени; он простирается еще глубже, вплоть до неживого. Три каменных глыбы, которые я поместил бы на этом лугу, тоже, хотя и не столь очевидно, вошли бы во взаимосвязь.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 24–25 ОКТЯБРЯ 1968 ГОДА

Пересекаешь луг одуванчиков, переступаешь через пограничный забор, шагаешь дальше по лугу асфodelей, даже не подозревая, что тем временем сломал себе шею.

Пожалуй, не все так просто. В религиях есть свои станции для смены лошадей. У христиан «нисхождение в преисподнюю» предшествует «воскресению из мертвых».

Блаженный Августин в «Руководстве»[923] поднимает вопрос, могут ли покойники спастись благодаря «своего рода очистительному огню», а именно «быстрее или медленнее, смотря по тому, больше или меньше они любили бренные вещи».

Григорий Назианзин в «Слове на праздник святых огней»[924] говорит о некоем чистящем пламени, о «крещении пламенем, пожирающем материальное, как солому».

В тибетской «Книге мертвых» мертвец удаляется от своего трупа, от которого он, стало быть, отличается: лишь по сетованию близких он узнает о том, что умер. У египтян происходит похожее.

Такие перспективы должны были оказать влияние на способ погребения, сегодня тоже об этом задумываются. То, конечно, не столько мысли, сколько архаичные представления, поднимающиеся из глубины, когда какой-нибудь современник размышляет над тем, должен ли он быть похороненным или кремированным. Они обосновываются эстетически. Например: земля тяжелая, душная и грязная, появляются черви; огонь же, напротив, легок, чист, воздушен, он освобождает. Или: земля — это теплое, материнское жилище; огонь обжигает даже в представлении. Этруски думали так же; они возводили для мертвых подземные покои, чтобы те хорошо себя чувствовали. Еще и сегодня радуешься, заходя в них.

В царскую эпоху римляне тоже доверяли своих мертвецов земле. Могилы императоров, например, Августа или Адриана, построены по образцу больших этрусских курганов, какие сохранились под Черветери. Теперь они выросли из земли, как башни, обсаженные наверху кипарисами. Богатые семьи, как семья Помпония Гила, погребали урны в глубоком

склепе. Когда я спускался туда, мне казалось, будто я приближаюсь к источнику.

Они догадывались об освобождении в пламени, запускали орла над погребальным костром цезарей. Однако дань земле еще отдавалась тем, что они хоронили в ней какой-нибудь член тела покойника, предпочтительно палец. Рыцарь де Чилано в своем «Подробном рассмотрении римских древностей» (1776), к которому я возвращаюсь все снова и снова, характеризует это как злоупотребление и ссылается на то, что это запрещалось уже в Двенадцати таблицах[925]. *Membrum abscindi mortuo dicebatur*. Однако это предписание следовало бы причислить к законам для избранных, поскольку с ним было связано второе, дорогостоящее погребение. Во всяком случае, обычай был рудиментарен и отсылал к погребению как к исконной форме захоронения. При современной кремации покойников ритуалы тоже не полностью согласуются с огнем.

Рудольф Шлихтер рассказывал мне о швабских вольнодумцах, «Друзьях солнца». Может показаться, что они восхищались сожжением; тем не менее, это не так. Обоснование научно; они считали, что клетка — называли ли они ее исходной клеткой? — остается в покойнике носителем жизни. Разложение не может ее затронуть, а вот огонь, пожалуй, ее разрушает.

Платон тоже полагал, что что-то остается: когда труп, как представлялось, долгое время сохранялся без признаков разложения, это истолковывалось в том смысле, что душа еще не полностью покинула тело.

В этой связи Демокрит обращает внимание на продолжающийся после смерти рост волос и ногтей. Ему возражает Тертуллиан в своем сочинении о душе; он говорит там среди прочего, что рост ногтей является мнимым; его можно было бы объяснить ослаблением сухожилий, с которыми они связаны. Поскольку душа неделима, она не может удаляться из тела постепенно. Смерть и жизнь, дескать, связаны так же мало, как день и ночь.

На это можно было бы, конечно, возразить, что существуют сумерки. Одно событие в пределах его узкого круга, говорит этот Отец Церкви, правда, заставило его призадуматься. Некая христианка, умершая после образцовой жизни, на смертном одре при первых звуках заупокойной молитвы сложила руки и снова их опустила, когда молитва закончилась. Здесь все же можно бы предположить, что это произошло не благодаря еще наличествующим силам души, а благодаря непосредственному божественному воздействию.

Следовательно, можно догадаться, что Тертуллиан не придавал реликвиям большого значения. Однако у этого темного, образного ума, несмотря на его юридическую выучку, не следует искать слишком строгую последовательность.

Именно в мире реликвий сбивает с толку двусмысленность и многозначность, а также волшебство, которого не избежать никому.

«Нет в скорлупе сухой очарованья,

Где благородное зерно скрывалось.

Но мной, адептом, прочтено писанье,

Чей смысл святой не всем раскрыть случалось...

Как я пленялся формою природы,

Где мысли след божественной оставлен!

Я видел моря мчащиеся воды,

В чьих струях ряд все высших видов явлен.

Святой сосуд, — оракула реченья! —

Я ль заслужил, чтоб ты был мне доставлен?»

Гёте, при созерцании черепа Шиллера («Реликвии Шиллера»[926], 1826).

Временами в реликвиях предполагали более мощную, также материальную, силу, чем сегодня в трансурановых элементах, но потом их опять сваливали в грязь. В нашу эпоху тоже заставляют задуматься такие факты, как спор между авгурами и археологами о «могиле Петра» или выставление в Москве напоказ мертвого Ленина в стеклянном гробу.

Прозрачные саркофаги есть и здесь, в Верхней Швабии, например, в красивой церкви Хайлигкройцталя; в них сохраняются скелеты; черепа и кости одеты в бархат и украшены драгоценными камнями. Как я недавно заметил, во время ремонта их удалили.

Reliquiae у римлян называли как человеческие скелеты и несгоревшие остатки жертвенных животных, так и экскременты, нечистоты, отбросы. «Трупы больше, чем навоз, заслуживают того, чтобы их выбрасывали»[927] — высказывание Гераклита. Я предполагаю, что оно было сформулировано им после поездки в Египет. Тем не менее, прежде чем согласиться, следовало бы поразмыслить над другой его максимой: «Давайте не будем походя судить о самом глубоком»[928].

Не каждый может полететь на Луну. Однако в путешествие, ведущее за пределы Сириуса, может пуститься каждый. Один видит здесь конечную точку, другой кульминационный пункт жизни; и то и другое с полным основанием, но это остается жутким.

Наши кладбища безотрадны; покажите мне ваши могилы, и я скажу вам, кто вы.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 12 НОЯБРЯ 1968 ГОДА

«Глубокоуважаемый господин Ханке, в области немецких орхидей можно, вероятно, найти гораздо более знающих людей, чем я. Даже не догадываюсь, чем я приобрел эту репутацию. Вам, вероятно, известно, что существует журнал для любителей орхидей. В нем можно было бы найти также новые сведения об обсуждаемом Вами сорте.

Malaxis paludosa[929] встречается только на торфяных болотах Европы, да и там редко. Если Вы установили четыре местонахождения, это уже достижение, тем более что это изящное растение легко проглядеть. Видимо, Вы тогда нашли сразу большое количество, поскольку оно растет гнездами. Я видел его только однажды, школьником, на Юсте, в одном болотистом месте под раkitным кустом[930]. Мой отец показал мне его. Оно росло там вместе с круглолистной грушанкой[931]».

В орнитологическую станцию Мёггинген. «Сегодня во время прогулки по вильфлинговской меже я увидел, как из одной канавы вспархивают пять диких уток: четыре пестрых и одна белая, какие встречаются на крестьянских дворах. Это, на ваш взгляд, альбинос или одичавшая домашняя утка?»

ВИЛЬФЛИНГЕН, 28 НОЯБРЯ 1968 ГОДА

Ноябрь, с самого раннего утра туман, меланхолия. Обращение к старым авторам снова помогло. Там находишь не только постоянные обретения, но все еще и неожиданности. Я выписал из «Морфологии» Гёте:

«Между тем я целиком посвятил себя остеологии, поскольку в скелете для нас надежно и на вечные времена сохраняется решающий характер любой фигуры...

При этом я вскоре почувствовал необходимость установить некий тип, по которому всех млекопитающих можно было бы проверить на соответствие и различие, и как я раньше исследовал простейший растительный организм, так теперь я стремился отыскать простейшее животное, то есть в итоге: понятие, идею животного».

Слово «идея» используется здесь точно в том смысле, который был ему «досадно» близок в знаменитом разговоре с Шиллером о простейших растительных организмах. Разницу следует, конечно, искать только в выражении, а не в воззрении, которое выражалось.

Слова подкрепляют; они как слой льда, который выкристаллизует невыразимое и по которому мы скользим в беседе или при чтении. Смысл нужно постигать в целом, а не в слове.

Тем не менее, остается удивительной та *desinvolture*, с какой здесь используется слово и выворачивается, как перчатка. Однако следует вспомнить и о влиянии Гердера, который именно тогда занимался «идеями истории человечества»[932].

В эти дни я снова читаю «Прощание отшельника»[933] Гердера:

«Земля, моя мать, и мой отец, ветерок,

И огонь, мой товарищ, родственник мой, поток,

И мой брат, небосвод, всем вам с почтением

Приношу благодарность. С вами я жил в этом мире

И теперь ухожу в мир иной, охотно вас покидая.

Прощайте же, брат и товарищ, прощайте, мать

и отец!»

Это выводит не только далеко за пределы Бюкенбурга и Веймара, но за пределы небосвода и Земли, не только далеко за границы суперинтенданта и старшего консисторского советника, но и вообще за пределы религий.

В мировой литературе, начиная с псалмов, встречается мало мест, в которых человек, отделившись от всякой временной и местной привязки, поднимает голос, как будто в нем сгустилась судьба всех, которые есть, были и будут. Тут больше нет Земли с ее горами и океанами, больше нет небосвода с Солнцем и звездами, больше нет народов с их героями и богами... Только он сам для себя загадка, наедине со своей судьбой. Возможно, здесь затронута струна, верно взят тон, который проникает во Вселенную глубже, чем любой световой луч.

Наконец: Геккель в своей речи о монизме 1892 года:

«Мы, в частности, подчеркиваем принципиальное единство неорганической и органической природы... Мы отвергаем общепринятое различие между естествознанием и гуманитарной наукой. Последняя является только частью первой — или наоборот. Оба — одно».

«Или наоборот». Этот зоолог спустился от специального к универсальному, как Гердер от теолога просто к человеку.

Это передает и поздний портрет, который Герхард Хеберер приводит в посвященной Геккелю монографии. На нас смотрит гуру. Снимок относится к старческим изображениям великих посвященных, которые, как изображение Леонардо или Шеллинга, сохранились для нас. Здесь нужно предположить не мутации, как у сверхчеловека, а сгущение наследственной массы благодаря духовному воспитанию. Субстанция становится прозрачной, пронизанной космическим светом. Это — чудо, однако чудо и то, что углерод под теллурическим давлением кристаллизуется в алмаз. Не процесс, а модификация, которая крайне редка, однако возможна для каждого, кто прилагает все силы, чтобы буйно развивать собственное, выделенный талант.

С Гёте часто писались портреты, дилетантами и мастерами. Но среди его изображений в старости нет портрета Великого посвященного. Виден хороший Юпитер, но не эта пронизывающая и озаряющая материя духовность. Нет поэта «исконных слов», каким он время от времени проявлял себя в жизни... например, когда он, как пишет об этом канцлер Мюллер, шел «к своим камням».

Вероятно, изобразительное искусство могло бы восполнить задачу, не комбинируя или идеализируя, но с пониманием «решительного характера образа».

Когда, как у меня вышло в этом месяце, при чтении разных авторов ты наталкиваешься на множество связанных друг с другом мест, ты склонен рассматривать это как *trouville*[934], как счастливый случай. Однако это скорее плод проведенного с книгами существования, в котором, даже во время военных кампаний, почти ни одного дня не проходило без чтения.

Не вещи связались, а ячейки сети стали мельче — поэтому почти ни одна путина не заканчивается безуспешно.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 30 НОЯБРЯ 1968 ГОДА

Почта: и в ноябре больше, чем я осиливаю. Я мог бы провести день за чтением и ответами на

письма, однако выкраиваю себе для этого два-три часа во второй половине дня. Если накапливается слишком много, я посвящаю корреспонденции день. Тем не менее, за всем не угонишься. Ведь в индивидуальный ответ должны вплестаться универсальные ходы, которые тем самым исполняют роль объяснений для человека, оставшегося без ответа. Кроме того это способствует прояснению чего-то в себе. Доктринерский стиль тут только мешает; должно срабатывать содержание.

Я оставляю копию не всех писем, а чаще всего лишь тех, которым предшествовал черновой набросок. Несмотря на это, с годами всякого накопилось.

Некоторые фигуры повторяются, например, сообщения незнакомцев о снах, в которых мы встречались. Это важная часть авторства. Я давно отмечаю эти места; ведь возможно, что существует какая-то система. Не проходит ни одной недели без известия от людей, которые, что называется, «стоят на краю». Например, сейчас телеграмма из Мексики:

«Helena vous prie envoyertelegramme appui gouvernement mexicain. Effet empecher atroce danger prise des pouvoirs cainites. Comites etrangers ont tire sur armee et peuple. Votre pouvoir spirituel seul peut annuler effet deemoralsant. Votre disciple qui vous aime plus que vous savez. Helena».[935]

Совсем не единичный случай. В его основе лежит смешение духовного потенциала с властью. Леон Блуа здесь размышлял не менее наивно, чем Елена. Лучше придерживаться строк Ли Тай-бо[936]:

«Что поэт по сравнению с тем,

Кто тысячу человек убивает?»

Существуют крошечные линии, пестрые, преходящие пылинки, вокруг которых формируются картины. Они бесценны для историка. Нападение Дамьена на Людовика XV я вижу через меховой воротник герцога Ришелье. Он поднял его, в тот январский день стоя на лестнице замка, потому что было жутко холодно.

Словно тебя разбудил какой-то шум, и ты с невероятной четкостью узнаешь мотив — это превосходно обнаруживается в показании герцога перед chambre criminelle[937]. Все свежо и наглядно; процессуальный отчет, фолиант, насчитывающий свыше шестисот страниц, был опубликован в 1757 году, еще в год покушения. Маршал относился к самому узкому кругу; это он отвел короля наверх и был первым, кто увидел рану.

Этот Ришелье, как говорит один из его биографов, «обладал всеми достоинствами и недостатками придворного своего времени». Далее: «Он женился уже в четырнадцать лет и пользовался у дам при дворе Людовика таким успехом, что опекун велел запираить его в комнате».

Тем не менее, он блистал не только как полководец, но и как придворный и дипломат. Он служил при трех королях, в возрасте более восьмидесяти лет в третий раз сочетался браком. Родившийся еще в XVII веке, он умер буквально за год до взятия Бастилии, в которой трижды сиживал — первый раз из-за дам, потом за дуэль и, наконец, после неудавшегося заговора. Ловкий переговорщик, завоеватель Менорки, образец в битве при Фонтенуа.

Он во многом, даже гурманством, напоминает Суллу Феликса, формата которого он, впрочем,

не достигает, несмотря на миф. Однако в нем отразилась его эпоха.

Когда часто и охотно занимаешься одной фигурой или «входишь в нее» как историк, не избежать реплик с другой стороны. Любой коллекционер знает такие сюрпризы. Когда, редактируя, я перечитываю эту заметку, она напоминает мне о свитке, который несколько лет назад по почте пришел из Иерусалима. Отправителем был Хорст Шаде; в нем содержался автограф Ришелье, который мне завещала одна читательница. Это был подробный «off limits»[938] с его подписью. В 1758 году он велел прибить его перед своей квартирой в Ганновере, когда прибыл туда в качестве главнокомандующего. Читательница не знала о моем интересе к нему.

К декабрю и к суровым ночам подходит следующее место из одного очень пространныго письма: «То, что Вы говорите о болезни как благоприятной почве для духовидения, верно, поскольку линия здесь ведет до самой смерти в том смысле, что умирающий в момент наибольшей слабости видит "своих" мертвецов. Состояние ясновидения по моим опытам наступает при пробуждении после сильного опьянения. Опьянение вообще можно рассматривать как концентрацию и сокращение жизни. Тогда похмелье было бы очистительным огнем».

Перед штаб-квартирой буянит какой-то напившийся ефрейтор. Парня забирают. Так Бакунин докучает социалистам; напротив, Штирнер заводит собственную контору. «Эгоист, который знал, что он эгоист» (Маккай, 1910).

Гибель мира происходит ежесекундно; когда человек умирает, с ним гибнет мир вместе со всеми другими людьми. Всякое объяснение блекнет в преображении; сумма, и родство тоже, входит в абсолютное.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 3 ДЕКАБРЯ 1968 ГОДА

«Дорогой Фридрих Франц фон Унру[939], упомянутая Вами ругань уже принесла мне несколько посвящений и даже одно стихотворение. То, что я чувствую себя меньше задетым такими атаками, чем мои друзья, имеет, прежде всего, тактические основания: я отдаю их читать либо своей жене, либо помощнику, если тот находится в доме, а мне потом делают дайджест.

В отфильтрованном виде вещи обретают свой истинный масштаб. При этом даже кое-чему и учишься. Если бы я сам непосредственно занимался этим, то, вероятно, сердился, а это мешало работе.

С немецкой литературой сегодня обращаются как с боковой ветвью политики или как с областью социологии. Меня же, напротив, в первую очередь интересует язык — это мой диалог. В дискуссии я не вступаю. Я всегда хорошо ладил с духовной элитой — даже там, где она исповедовала другие идеи. Сегодня утром я получил привет от Генри Миллера: "To E. J., of whom I have heard so much and always the highest"[940].

Есть, конечно ж, и прочие линии. Но дожив до наших лет, ты обеспокоен иными заботами, нежели те, которые основываются на книгах и их славе. Да и число людей, уважению которых еще следует придавать значение, становится существенно уже. Дорогой Фридрих Франц фон Унру, сохраните мне Ваше».

«Дорогая Маргрет Бовери[941], надо надеяться, Вы имеете в виду лишь относительность, когда пишете, что дела у Вас идут не "так хорошо", как три года назад. Мы все вынуждены отдавать свою дань времени.

Я остался весьма доволен годом: три великолепных месяца я с женой прожил на Вилле Массимо. Поездка же в Исландию больше послужила дополнению моих знаний об острове.

Упомянутые Вами неприятности меня затрагивают лишь вскользь. В качестве иллюстрации прилагаю к этим строкам только что написанный ответ Фридриху Францу фон Унру, который также говорит о нелестных отзывах в мой адрес. При этом следует напомнить о том, что в этом отношении всех превзошел его дорогой брат (или кузен?) Фриц, а именно, написав памфлет, который, если мне память не изменяет, носит название: "Он никогда не терял". В нем он представляет некоего капитана Юнгера, который носит орден Pour le Merite, бражничает с Гитлером и делает его фаворитке развратные предложения. Он также собирает насекомых, и главное удовольствие его заключается в том, чтобы горячей сигарой прижигать усики большим ночным бабочкам. Гитлер называет его не иначе как "пустышка". Тут уж остается лишь повторить вслед за императором Францем Иосифом: "И мне пришлось испить эту чашу".

PS. Вы знаете Гертруд Фуссенеггер[942]? Она после аварии лежит в Мюнхенской городской больнице (Талькирхенер - штрассе 48, станция V). Сегодня утром я получил письмо, в котором она повествует мне о своем несчастье. Я сообщаю Вам об этом на тот случай, что Вы имеете представление об этом изысканном авторе.

Хочется надеяться, что при удобной okazji Вы повторите свой визит в Вильфлинген».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 12 ДЕКАБРЯ 1968 ГОДА

Уже много дней, вследствие редкого сочетания тумана и мороза, лежит иней. Леса заколдованы; пара штауффенбергских лип, которые я вижу со своего рабочего места, каждое утро радует меня.

При этом за все эти дни ни разу не появилось солнце; недостает сверкающего света. Под зимним небом разворачивается система наитончайших оттенков серого.

Что захватывает нас в этом кристаллическом мире, в котором, кажется, становится холоднее и теплее одновременно? А также холоднее и красивее, потому что кромка, край, рамка вещей по-новому проникают в сознание. Роса покрывает налетом; иней серебрит, гальванизирует. Он окантовывает красные еще листья малины, делает очевидным искусство ткань паутины. Это — снятие покровов. Вуаль становится прозрачной, оставаясь зримой. «Решительный характер» будней проявляется в каркасах, которые могло бы разрушить одно дуновение; мы задерживаем дыхание.

Тепло становится потому, что с изменением рамок в точке нуля картина по-новому поражает. Тут высвобождается «Внутренняя теплота». В ней, а не в холоде, Кеплер распознает образующую снежный кристалл силу. (*De nive sexangula / О гексагональном снеге*, Франкфурт-на-Майне, 1611.)

Запас Внутренней теплоты беспределен; он наполняет пустыни и океаны, лед полярных шапок, горячие и холодные звезды, застывшую в точке абсолютного нуля материю.

Вид снежинки согревает — мы чувствуем в ней произведение искусства, в айсберге —

величие Вселенной, в которой «ни одно существо не может распасться в ничто».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 24 ДЕКАБРЯ 1968 ГОДА

В рождественский сочельник по старой привычке принес свечу на кладбище. Я наполовину зарыл ее в снег, сквозь который она просвечивала. В небе облако влачилось мимо бледной луны, вокруг которой в этот час кружит американский корабль.

Когда я ставлю на могилу свечу, этим ничего не достигается, но говорится о многом. Она горит для Вселенной, подтверждает ее смысл.

Когда они облетают Луну, этим достигается многое, но значит меньше.

1969

ВИЛЬФЛИНГЕН, 1 ЯНВАРЯ 1969 ГОДА

Преходящее искусство. От произведения к произведению, из года в год — и за их пределы. Артерии впадают в Тихий океан.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 5 ЯНВАРЯ 1969 ГОДА

С Рождества снег. Птицы постукивают у окна клювами; я принес из амбара диски подсолнухов. Семечки в совершенном порядке покрывают их от центра к краю, обрамленному засохшими лепестками.

Семечки белые, как слоновая кость, черные или матово-фиолетового оттенка спорыньи. У каждого крошечный шрам: там насаживался венчик цветка. Рубцевание на светлых дисках остается почти невидимым, тогда как на темных оно обозначается пунктиром светлого растра.

Два диска лежат на подоконнике рядом со мной; третий я повесил наверху в рамке. Подлетают птицы, чтобы выклевать семечки, и оставляют пустые оправы, как броши, из которых вынуты камни. У черных дисков оправы глубокого темно-коричневого цвета, а у белых — светлые: от желтого, как мед, до светло-коричневого, палевого и красно-бурого. Они — тоже художественные произведения. План проступает через оправу и оправленное, через форму и содержание. Для ювелира работа над оправой была бы даже труднее.

Птицы прилетают редко. Чаше всего появляется большая синица[943], время от времени ее изящная родственница, лазоревка[944]. Реже, хотя здесь она обычно налетает стаями, мелькает зеленушка[945] с ее сернистой каймой. Очевидно, голод еще невелик.

Синицам доступен подвешенный диск подсолнуха, который они опустошают, цепляясь за края. Они вытягивают семечки и просто сбрасывают вниз, чтобы потом расклеивать их на подоконнике. Менее проворные зяблики на подобные фокусы не способны. Раздобыв семечко, они улетают с ним прочь или зажимают его в одну из канавок подоконника и долбят клювом.

Они держатся осторожно: с липы бдительно наблюдают за окном, на мгновение подлетают и исчезают с добычей, которую часто еще и роняют. Они касаются диска с края и постепенно вычищают его так, как это происходит при затмении солнца. В конце концов, остается всего лишь колючая скребница, каркасная конструкция да ларь соляного изобилия.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 12 ЯНВАРЯ 1969 ГОДА

Еще раз к вопросу о Внутренней теплоте. Итак, Кеплер[946] полагает, что она, а не холод, образует снежный кристалл.

Здесь следовало бы вспомнить о рубцевании, о следе, который остается после операции и говорит о том, что кризис миновал.

Но сначала нам следовало бы освободиться от представления о физической теплоте. Внутренняя теплота живет в ледяной глыбе, как и в солнце, в хлебном зернышке, как и на Синае.

Между тем мы вынуждены пользоваться словом «теплота», если хотим высказать предположения, которые не поддаются эксперименту. Почему мы говорим, например, «Вечная весна», а не «Вечная осень», что кажется более логичным? Потому, пожалуй, что мы чувствуем, что в весну простирается что-то такое, что сильнее не только зимы, но и самой весны... сильнее, чем разрастание и увядание, чем цветение и плод. Упование простирается далеко за рамки любого представления.

Очевидно, Кеплер видит в холоде воздействие, которому подвергается материя, или, по крайней мере, вмешательство, которое ее модифицирует. В ответ она прибегает к своим резервам, именно к Внутренней теплоте, и исторгает из себя новую форму: кристалл.

Возможны также иные раздражители, нежели холод — например, магнитное поле и давление. На материю оказывается давление, она отвечает. При таком взгляде можно было бы вспомнить о городе, мимо которого проходит войско или начинает его окружать. Аналогично ведут себя металлические опилки, попавшие в магнитное поле, или семена плауна[947] в фигуре Лихтенберга[948].

В городе тоже могли бы поднять флаги, выставить боевые знаки. Они выражали бы волю к сопротивлению. Это — сравнение в пределах мира символов. Мы могли бы сделать отсюда те или иные выводы или оставить совершенно без внимания.

Внутренний запас нам следует представлять себе не только безмерным, но и неисчерпаемым. Любое разворачивание силы оттуда является только знаком, а не отдачей. Энтропия, как вся термодинамика, остается снаружи, она не имеет ничего общего с Внутренней теплотой.

Внутренняя теплота: творение без нее невысказано. Любое осуществление, любое образование предполагает сопротивление. Это справедливо как для жемчужины, так и для алмаза, как для оплодотворения клетки, так и для замысла стихотворения. Триумфы,

отличительные признаки абсолютного, остаются на трассе, ведущей сквозь время. Время формируется и тает, как снежинка на ладони, пульсирует вокруг покоящегося полюса. Абсолютное лишено иерархии.

Боль — это пошлина от первого до последнего вздоха. Строгий отец, суровая школа, голод, нужда, а также отчаяние в ночи. Все это вызывает Внутреннюю теплоту из неисчерпаемого.

Гуманитарное образование, оружие, произведения искусства. Это началось в ледниковый период. Виноград лучше всего там, где он прочувствовал мороз. Страдание вызванное переходом через границу, плодотворно. Хермес: «Я издали узрел Твой трон, Господи...»[949].

Христиане всегда знали это. Смерть термодинамической теплоты не может испугать их; для них она свидетельствует о бренности мира. Внутренняя теплота остается неприкосновенной. Отсюда неслыханное мужество во времена, когда они были великими, вплоть до пуритан, гугенотов и пиетистов. При этом они боязливы; и это их укрепляет.

Кеплер. Одна из первых «тюбингенских голов». Тюбинген: один из наших малых городов, из которых приводился в движение мир. Излучения к Грацу, Вене и Праге, необычайные ночи с Тихо Браге и Рудольфом II, встреча с Валленштейном, который, вероятно, доверял ему больше, чем Сени[950]. Придворный астролог и придворный астроном. Как атеист был оклеветан, его мать обвинили в колдовстве. Могила его неизвестна; имя же продолжает жить в небесных законах.

Кристаллические пассажи, как у Паскаля и Лейбница; меры и числа остаются в передней.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 20 ЯНВАРЯ 1969 ГОДА

Сообщение о погоде:

.. только дятел стучит

с кроваво-красными перьями в белом снегу.

Из занесенного снегом домика в Прамау привет Ваша Маргрет Бильгер[951]». Я с удовольствием это услышал.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 23 ЯНВАРЯ 1969 ГОДА

Руберту Зиммерлингу: «Ваше извещение о додекаэдрическом вирусе полиомиелита застало меня за размышлением о проходе *Spirochaeta pallida*[952] по человеческому телу и ее обустройстве в различных помещениях этого дворца, которые она заново оклеивает обоями, обставляет мебелью или даже совершенно изменяет. Она проявляется не как додекаэдр, а как крохотная змейка.

Проход этот нынче, похоже, заканчивается, странствование, закравшееся во многие судьбы и мозги, от Ульриха фон Гуттена до Мопассана. Сифилис, как много раньше проказа, утратил свою ужасность; скоро уже едва будут понимать, почему это так волновало.

Почему крыса не может быть священной — это ведь тоже змея, храм которой на Пенанге я посетил три года назад[953]. Наверно, человек узнает в крысе такие свойства, которые уж слишком похожи на его собственные».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 27 ЯНВАРЯ 1969 ГОДА

Закончил: Юнг-Штиллинг[954], «Биография», которую вновь переиздали. У нее небольшая, но верная читательская аудитория.

Мать очень ценила эту книгу, как и вообще сочинения образованных врачей, которые составляли изрядную часть ее чтения: Карус, Хуфеланд, Шлейх.

У Штиллинга искусство исцеления соприкасается с христианским существованием. В удаче курса лечения видится приток божественной милости. Трудно, кажется, при такой убежденности обойти скалу детерминизма — это

Штиллингу удастся в том отношении, что предпосылку милости он распознает в «стремящемся усилии», прежде всего в молитве. Если бы мир был полностью детерминированным, то войны, эпидемии, убийства должны были бы содержаться в божественном плане. Однако все это пришло в мир лишь после падения, после похищения познания.

Первородный грех для христиан всегда был крепким орешком. Лучше справились с этим буддисты, согласно учению которых несовершенство может преодолеваться продолжительным усилием, — и незамысловатый Дарвин, который видит в дефектах неизбежную теневую сторону отбора. При этом моральный принцип, доминирующий у буддистов, здесь почти полностью отступает на задний план. Очевидно, два абсолютно разных представления о совершенстве.

Некоторым мешало уже то, что Штиллинг слишком крепко хватался за фалды Господа Бога. Непосредственная помощь предполагается им даже там, где достаточно simple ratio[955] и здорового образа действий. Это справедливо также для его «Теории духовного известия»: духи и привидения подступают слишком близко. Взгляды, несмотря на это, трансцендентные.

Нужно заметить, что Штиллинг работает интенсивно. Он ведет себя не так, как те голландские сектанты, которые пишут просительные письма и ожидают успеха в непрерывной молитве. Леон Блуа в этом отношении тоже позволяет себе всякое и заходит так далеко, что не считает себя обязанным выражать благодарность донаторам. Он даже похваляется своей ingratitude eternelle[956].

Отец Штиллинга был строг, суров и, особенно после второго брака, даже несправедлив. Тем более благоприятное впечатление производит та почтительная робость, с которой сын говорит о нем. Стоики полагали, что природа обязана-де давать нам отца — хорошего ли отца, вопрос остается открытым. Юнг-Штиллинг, кажется, разделяет это мнение, хотя и на более высоком уровне. У него вообще едва ли имеются жесткие суждения. Его критика лежит скорее на отдалении, как и он сам отдалился от Гёте, которому был многим обязан — не только в годы его жизни, но и после смерти. Еще и сегодня многие читатели приходят к нему через Гёте, как то случилось и с моей матерью.

То, что ограниченность ума Штиллинга, несмотря на всю его добросовестность, не могла надолго удовлетворить Гёте, ясно как дважды два. Универсальная же свобода Гёте тоже не могла долго приходиться по вкусу Штиллингу.

Штиллинг жил с 1740 по 1817 год. В обширных воспоминаниях, которые он продолжал до самых последних дней, не встречается имя Наполеона. Политическая сфера вообще отсутствует или рассматривается мистически. Так, один раз исследуется вопрос, не следует ли рассматривать национальную кокарду как глаз «зверя из бездны».

Бросается в глаза (но это можно отнести к чувствительности) накопление судорог в его окружении. Его первая жена страдает припадками истерии, третья — нервным тиком. Самого Штиллинга десятилетиями мучают спазмы желудка. У его детей проявляется то же самое. Зато самоубийства, характерные для нигилистской ауры, не встречаются.

Несмотря ни на что чтение по-прежнему освежает, но также и огорчает как тот уровень нивелировки, которого мы достигли в непрерывном спуске.

Передвигаясь по Европе, Эразм чувствовал себя как дома в Швейцарии, Германии, Франции, Англии, Польше и Италии. Но и тот способ, каким Штиллинг в почтовой карете путешествовал из Эльзаса в Богемию, из Швейцарии на Северное море, указывает на сильное превалирование духовных потоков над национальными и экономическими.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 2 ФЕВРАЛЯ 1969 ГОДА

Снег, выпавший на Рождество, растаял. В саду цветут великолепный голубой морозник, подарок садового директора Шиллера, а также гаммелис[957], желтая веснянка[958] и первые подснежники. Почки волчника[959] стали чуточку полнее, но еще не раскрылись.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 22 ФЕВРАЛЯ 1969 ГОДА

Картины. Уистлер[960]: «Ателье художника» (Чикаго, Институт искусств).

Одухотворенная сцена с тремя фигурами, по композиции почти помпеянская, по осанке и выражению персонажей — югендстиль. Удивительная производительность североамериканца, который, правда, был дружен с Бодлером. Современник Эдгара Аллана По.

Там, где югендстиль одухотворяется, возникает впечатление спиритического феномена. Особенно хорошо это получалось у Мунка. На этой картине, кажется, рука художника, как бы материализуясь, парит в воздухе, потому что рукав выдержан точно в тех же красках, что и обои.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 23 ФЕВРАЛЯ 1969 ГОДА

«Дорогой господин доктор Хиллард, большое спасибо за Ваши строки от 14 февраля. Но прошу Вас не обращаться ко мне "почтенный". Большое спасибо также за "Год и выпуск" — очень хорошая идея. Лишь по подобным документам видно, какой промежуток остается позади. Здесь годы засчитываются не вдвойне, как годы войны, а стократно — при фантастическом ускорении.

Между тем Ваш "Образ Оскара Уайльда" в "Merkur"[961] поразил меня. Благодаря Вашему смешению приятия и скепсиса портрет получается пластичным. Я хочу приобрести себе том писем; вероятно, чтение дополнит то впечатление, которое сложилось у меня за минувшие десятилетия. В последний раз я занимался Уайльдом в связи с предисловием к моему переводу Ривароля[962], для чего изучал фигуру денди от Браммела[963] до Уайльда.

Еще больше поразило меня в "Заметках" сообщение о том, что 24 февраля, то бишь завтра, Вы отмечаете свой восемьдесят восьмой день рождения. Этот возраст должен был бы быть мне знаком, как одному из Ваших читателей, ибо Вас ведь можно приблизительно сравнить с наследным принцем — и тем не менее он очаровал меня, особенно в связи с чтением Вашего эссе.

Я сердечно присоединяюсь к большому числу поздравляющих Вас людей и желаю Вам в дальнейшем доброго здоровья и крепкого мужества. Ни в том, ни в другом, кажется, нет недостатка, потому что господин Зауерэссиг, который позавчера был здесь в гостях, рассказал мне, что Вы часто ездите из Любека в Гамбург и там обращаете на себя внимание своим хорошим расположением духа. Надо надеяться, что я тоже однажды смогу этому порадоваться, когда снова появлюсь среди обитателей ганзейских мест. При этом я обычно не упускаю случая навестить доктора де Кудра, с которым Вы, как я слышал, тоже иногда встречаетесь».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 24 ФЕВРАЛЯ 1969 ГОДА

«Моя милая Банин[964], я до сих пор так и не ответил на Ваше письмо от ю февраля. Я едва справляюсь с почтой, в том числе с письмами от друзей.

Итак, Вы собираетесь новым изданием выпустить "Rencontres"[965] и даже в новой редакции. За основу Вам следовало бы взять тогда материал, который с тех пор накопился или которого Вы тогда не знали. Если это зафиксировано в печатных трудах, то Вам мог бы оказать помощь доктор де Кудр. Он располагает самой обширной коллекцией относящихся к данному вопросу документов. То, что появляется в критике и печатных изданиях, я сразу отсылаю ему...

В настоящее время французский читатель открывает для себя, кажется, "Посещение Годенхольма". Однако это небольшое сочинение содержит нечто такое, что в Германии еще не было прочувствовано. Вероятно, оно вышло с опережением на двадцать лет. В этом смысле можно сказать, что "Рабочему" еще предстоит увидеть свет. Надо надеяться, мне самому наблюдать этого уже не придется. Два года назад ко мне в связи с "Годенхольмом" заехал один голландец, молодой человек, который на каком-то острове в Мексиканском заливе курил марихуану и при этом читал книгу, хотя почти не понимает по-немецки. Это напомнило мне рассказ де Квинси[966] о том, как его посетил какой-то курильщик опиума с Ближнего Востока.

В переводе воспоминаний юности Поля Леото[967] я, к сожалению, добрался только до половины — я прервал работу и не знаю, когда снова смогу приступить к ней. Кроме того, я не знаю даже, не были ли они уже переведены, поскольку этот старик в Германии и в Швейцарии вошел в моду.

Моя милая Банин — не могли бы Вы по этому поводу позвонить Мари Дормуа[968]? Я видел ее фото в Figaro Lit- teraire — изображение важной дамы с множеством книг на заднем плане».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 26 ФЕВРАЛЯ 1969 ГОДА

Около трех часов ночи я проснулся от землетрясения, второго пережитого мною в Вильфлингене. Это была легкая, однако, несомненная вибрация, двойное, на секунду прерываемое приподнимание.

Подземный толчок был отчетлив, хотя и воспринимался между пробуждением и сновидением. «Надо надеяться, я еще вспомню об этом». За завтраком я получил подтверждение от Штирляйн и Ресле. Потом радио сообщило о «тектоническом толчке силой в шесть баллов по двенадцатибалльной шкале». Он ощущался до Штутгарта, Базеля и Страсбурга. Из окон вылетали стекла, черепица падала на улицу, открывались дверцы шкафов.

Такие толчки совсем не новость в окрестностях Швабского Альба. Они коренятся в этих горах; Цоллернграбен под Хехингеном считается наиболее обильным на землетрясения районом Европы. Одна крестьянская усадьба там называется «Дрожащий хутор».

По-прежнему лежит снег. В саду цветет шафрановый гаммелис над белым одеялом, из-под которого опять выглядывают подснежники. У каменной ограды первая альпийская фиалка.

Во второй половине дня я начал понемногу работать на воздухе, например, относил на дровяной склад спиленные ветки плодовых деревьев — уже с радостным предвкушением посадок и посевов на мартовском солнце.

Руберт Симерлинг[969] прислал мне из Швеции семена *Scirpus radicans*, укореняющегося камыша. Он размножается благодаря «отросткам, которые пускают корни из верхушки». Симерлинг добавляет в приписке:

«Растение напоминает Зевса, родившего Афины из своего лба. Соцветия склоняются к земле, и в месте соприкосновения образуются новые индивидуумы».

Зернышки размером с клеща; я разбросал их вокруг бассейна с золотыми рыбками.

Далее в его письме замечания о конституционной монархии как сокровищнице для минимума норм приличия, без которого государству не обойтись.

Теплый весенний день. Скворцы уже некоторое время назад прилетели. Аисты тоже уже должны быть в краю. Сеял: зеленый лук, брюкву и репу, летний эндивий, шпинат, мангольд, редис, красную свеклу, долго и обстоятельно.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 1 МАРТА 1969 ГОДА

Картины. Герард Терборх: «Концерт» (Далем, Фонд Прусского культурного наследия). Только рассматривая его сегодня, я обратил внимание, что исполнительница за клавирами на заднем плане является женщиной из плоти и крови — а не скульптурным произведением, как я до сих пор полагал.

Плюс для мастера — обман зрения основывался на том, что картину до самых фибр пронизывает дух дерева, аура старой, изысканной древесины.

Это справедливо для заднего плана. Впереди доминирует шелковое платье лютнистки. От ее инструмента виден лишь гриф — магический ключ, приковывающий взгляд. В нем соприкасаются волокно и прядение.

Терборх. Не легко найти равного ему в том, что касается гармонизирующей силы.

Там, где задний план кладется за пределы чистого растра, когда его, к примеру, образует тканое полотно или пористый тон, в игру уже вступает разработанная материя. Это — первый шаг к коллажу.

Кошка поедает вещи, которые обычно не трогает... если только, конечно, может их украсть. Радость от грабежа сильнее наслаждения.

Криминальное начало, должно быть, коренится глубоко в природе. Правда, и чувство приличия тоже. Так, Аманда отказывается от кусочка ветчины, который я предлагаю ей на кухне, но принимает его, если за завтраком сидит рядом со мной на диване.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 26 МАРТА 1969 ГОДА

Многофигурная композиция распятия в Калькаре (Церковь святого Николая, 1469).

В ней Мария: знающее страдание. Триумф уже сокрыт в нем, как росток, дремлющий в косточке плода: черта уверенного, почти улыбающегося презрения, догорающего на последней стадии боли.

Головной платок и косынка на шее, лицо и руки в композиции образуют круг. Время исчезает — почти не верится, что художник работал над произведением не один месяц.

Кроме того, Распятый Христос в приходской церкви вестфальского Нинборга XV столетия, с лицом павшего во главе дружины князя. Гелианд[970].

Древесина — это лучший материал, чтобы передать игру волокон, как мышечных черт до самых фибрилл, так и узор плетения. Это, как и там, в Калькаре, дает нам тонкие переходы от одежды к неприкрытой фигуре.

Для кожи мрамор, прежде всего паросский, который отличается пористостью. Металл для гладких поверхностей и тем самым для законченного впечатления от тела или лица — для воли, все равно, в покое или в движении. Обнаженные фехтовальщики, бронзовые головы цезарей над тогой из пестрого камня.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 31 МАРТА 1969 ГОДА

Мы посадили *Ginkgo biloba*, который мне подарил ко дню рождения доктор Трен из Юберлингена, — небольшой сдвоенный ствол; это подходит его габитусу. Он встал на место яблони, которая отжила свой срок и которую мы сначала срубили, а потом выкорчевали пень и корни.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 7 АПРЕЛЯ 1969 ГОДА

Крупный самец золотой рыбки всплыл на поверхность, пылая в зеленой воде и радуясь солнцу. Самка не пережила зиму. Мы подыщем ему новую подругу.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 8 АПРЕЛЯ 1969 ГОДА

Сотый день рождения отца. Свеча перед его портретом, рядом букетик подснежников, которые еще цветут благодаря прохладной весне. Когда стоики говорят, что природа обязана дать нам отца, но хорошего ли, это еще вопрос, — то я могу сказать, что мне повезло. Когда мои дела шли плохо, даже принимали катастрофичный оборот, он всегда выручал меня. Помимо того, отношение к отцу не обосновывается ни биологически, ни характерологически, ни даже юридически; следует вернуться к мифу. Примечательно, что в воспоминании мать предстает частью большого царства природы или «моря любви», тогда как отец очерчивается индивидуальными контурами.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 10 АПРЕЛЯ 1969 ГОДА

В кабриолете. Вокруг пестрая жизнь, вероятно, ярмарка или храмовый праздник. Слон запустил свой хобот и почти заполнил им тесное пространство, в котором я сидел. Зверь был добродушным. Однако я, только поглаживая, смог удалить могучий член тела, который, как исполинская змея, извивался в тесноте, — иначе я рассердил бы гиганта, и он растоптал бы машину.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 12 АПРЕЛЯ 1969 ГОДА

В саду, на кострище. Еловая ветка постарела и посерела: зимой она вместе с другими прикрывала розы. Теперь ее в огонь! Иголки мгновенно вспыхивают, и она превращается в драгоценность из филигранного золота. У меня почти нет времени охватить картину, как ветка оседает, и на земле подрагивает лишь серый пепел.

Серый цвет, золотой, и опять серый. Природа на мгновение приоткрыла окно и продемонстрировала свою власть. Тепло нахлынуло с блеском и с радостью. Тихое течение потока прервал водопад, на котором сверкала радуга. Так в череде поколений может появиться либо гений, либо злодей. Что здесь вина, что заслуга?

ВИЛЬФЛИНГЕН, 5 МАЯ 1969 ГОДА

Во второй половине дня, когда я стоял у чурбана для колки дров, в сад вошел незнакомец; он представился как Анри Амьё. Мой ровесник, который во время Первой мировой войны находился на другой стороне и теперь пенсионером живет в Касабланке, поскольку любит

тепло. Он, однако, посетовал, что в последние годы климат там становится все холоднее. Вероятно, вообще старческая жалоба. Остывает не климат, а кровь.

Каменные поля Айн-Диаб, в уединенности которых я в декабре 1936 года собирал коллекцию растений среди цветущих нарциссов, теперь застроены виллами и поделены на сады. Европейцы спокойно живут там, не выделяясь даже одеждой. С исламом дело обстоит как с любой религией — он отступает, возможно, несколько медленнее. Евреев в Марокко больше не осталось; они эмигрировали, в большинстве своем в Париж. В Палестину отправляются фанатики и те, кому закрыто всякое другое убежище — наверно, хорошенькая смесь.

Мы побеседовали о Первой мировой войне, которая начинает превращаться в легенду. Кто еще помнит адское пекло Пертэ, Гюйемона, Таюра? Мое подозрение, что там происходили вещи, которые не объяснит никакой историк, усиливается; начинала накаляться Земля.

Месье Амьё прибыл из Сицилии. На маленьком автомобиле он объезжал замки Гогенштауфенов. К этому его побудила книга, которую какой-то немецкий офицер, во время Второй мировой войны стоявший у него на постое, оставил там. Он показал мне многоязычную записку, которую возит с собой в паспорте:

«В случае моей смерти я прошу похоронить меня на ближайшем кладбище. Деньги для этого находятся в моем портмоне. Мою жену известить только после погребения».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 30 МАЯ 1969 ГОДА

«Дорогой Мирча Элиаде, вчера меня здесь навесил Аурел Рау, редактор журнала "Steaua" [971], в котором публикуются также Ваши статьи. Он приехал с супругой; мы провели приятный вечер.

Румыния, пожалуй, является той страной по другую сторону "занавеса", в которой можно больше всего надеяться на европейскую культуру. Следы ее, восходящие к римским временам, там никогда не стирались до конца. Всегда завязывается хороший разговор с образованными посетителями, приезжающими оттуда: Дан Хаулика, Петре Стойча, Аурел Рау, Винтила Хория. (Последний, правда, живет в Мадриде и в настоящее время путешествует по Америке.)

Господин Рау рассказал мне, что осенью Вас ожидают в Румынии. Надо надеяться, что план осуществится.

Я продолжаю работать над "Drugs and Extasy". Это толстая книга, и я радуюсь, что она начинается с посвященного Вам вступления и цитаты из "Zalmoxis"[972]. Она ведет из Европы через Ближний Восток в Мексику: вино, опиум, мескалин».

БРЕМЕН, 1 ИЮНЯ 1969 ГОДА

Проснулся в спальном вагоне — по географической карте совсем рядом с Бременом, по внутренней — на одной из привычных тропинок подземного мира.

Бритье. По отражению — а именно в градусе реальности, которую мы можем придать ему, когда исчезает телесное, — можно определить, удались ли и насколько духовные

упражнения. Изображение должно быть нагружено, оживлено.

Завтрак в автоматическом стиле. Было воскресенье, и зал был наполнен ночными птицами, пребывавшими наполовину еще в опьянении, наполовину уже в фазе дремоты и депрессии.

Автоматизированные рестораны и залы азартных игр благоприятствуют удалению от общества; они притягивают подростков и уголовников. Лас-Вегас — их рай. Здесь недостает человеческого контроля или он ослабевает; ты остаешься один на один с демоном и его нашептываниями. Качество другого сводится к качеству прохожего или потребителя. Ты имеешь дело с машинами и переключателями. Полиции эти места известны стабильным уловом. Помощник превращается в сыщика.

ЮЙСТ, 10 ИЮНЯ 1969 ГОДА

С Ханной[973] на ваттах. Пеганки[974], кулики-сороки[975], щеголи[976], чибисы[977]. Их стремительные движения выдают наличие поблизости гнезд. Яйца различной величины — оливковые и серо-зеленые с коричневыми крапинками.

Наносной грунт демонстрирует приглушенную палитру: матово-серый цвет, с черными пятнышками земли, вынутой бесчисленными червями, которые изрешечивают и переваривают ее. Отлив открыл отмель с мидиями[978], темное, переплетенное биссусом гнездо. Красная звезда змей как декор. Круглые сердцевидки[979] откатывало по протокам обратным течением.

Место, которое среди колонн занимают дорические, в царстве двустворчатых моллюсков отведено сердцевидкам. Большой скачок удался. Непостижимая плазма создала шедевр; теперь он может бесконечно варьироваться и совершенствоваться. Разве тут нет свободы?

Раковина затвердевает исходя из формы, в то время как статуя заливается в форму. Сравнивая, можно установить, что сопоставляются два различных способа. Я должен сравнивать не отливку и отверждение (это методы), а мозг Челлини и створки сердцевидки. Там есть серый слой, причина сокровища, жемчужина как шедевр возникает из неизмеримого; его печать — сдержанная симметрия.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 13 ИЮНЯ 1969 ГОДА

Со вчерашнего дня стремительно наступающее тепло — «как в духовке», сказал моя соседка Гир. Скальная груша[980] быстро отцвела, она вообще обладает преходящим обаянием сульфиды.

Тюльпаны: мраморные тюльпаны, крапчатые, попугайные тюльпаны с зелеными кромками, дикие тюльпаны, красные. Желтые тюльпаны с красными швами и брызгами. Понимаешь очарование барокко перед лицом этой пластичной, однако, изменяющейся силы. Воспоминания о колоннах Бернини, париках, достоинстве живущих в монастыре дворянок. Голуби проявляют сходную фантазию.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 6 ИЮЛЯ 1969 ГОДА

К старому дубу, стояла духота. Синева скабиоз была очень яркой. Ребенком я видел их при такой же погоде цветущими на вскрытой породе серебряного рудника. Это было в Рудных горах под Шварценбергом. Я не решился срывать их, потому что слышал, что это-де притягивает молнию.

Таково народное поверье. Оно знает и другие, в большинстве случаев синие, грозовые цветы, как *Sampanul*[981] и горечавка[982]. Связь следует, видимо, искать в том, что в зной они особенно светятся. Это переносится на настроение и становится одним из сигналов, которые пугают. Тончайшее потрескивание, за которым следуют раскаты грома. Хёрзельбергский[983] цветок, с кучерявой, электроскопической, облетаемой шмелями прической.

О скабиозах как и о «пурпурной вдове» и «дьявольском укусе»[984] повествуют также другие легенды; это остается на первом плане. То, что я ребенком смутно угадывал в таких притчах: чудовищная, присущая растениям власть.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 16 ИЮЛЯ 1969 ГОДА

Ночью монопольные предприятия с мускатными орехами; я хотел скупить все мировые запасы и разместить на хранение в различных местах. Закупка происходила в предвидении неурожая на следующий год и ожидавшегося удорожания. Для калькуляции я среди прочего привлек двух метеорологов, специалистов по долгосрочным прогнозам, а кроме того, экономистов и политиков. Тем не менее, все они достигли границы, где вычисление переходит в чистое пророчество — предсказание по рунам расколотого надвое мускатного ореха. Тут-то и обнаружилась червоточина.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 22 ИЮЛЯ 1969 ГОДА

Русло реки; дело, должно быть, было северным летом. Мульда высохла почти по всей своей ширине; галька слепила. Передо мной что-то темное: на жердь была поднята большая туша павшего животного. Сначала я принял его за медведя — но это была лошадь, уже сильно высохшая, с содранной шкурой и оскаленными зубами. К счастью, ветер дул в гору.

Что она могла означать? Занимался ли здесь живодер своим ремеслом? Тогда почему он не воспользовался филленом[985]? Какой-то голос ответил: «Он сделал это для кукушки». Я и в самом деле услышал теперь, как наверху у опушки леса фиглярничала эта птица.

Приспособление было зловещим: ловушка, сооруженная согласно не техническим, а магическим знаниям. За ней скрывалась кукушка; она всегда была мне подозрительна. Я повернул и направился к морю.

[...]

ВИЛЬФЛИНГЕН, 23 АВГУСТА 1969 ГОДА

Лето было таким непоследовательным, что флоксы и желтые осенние цветы цветут одновременно. Масса георгинов; большой синхронизм цветочного мира.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 30 АВГУСТА 1969 ГОДА

Дерево ренклода, старое и подгнившее, опять приносит обильный урожай; в его кроне я наполнил сливами большое ведро. Осы как первые лакомки уже их попробовали.

ЮБЕРЛИНГЕН, 1 СЕНТЯБРЯ 1969 ГОДА

«Сентябрь с веселым взором Приносит снова май».

Нужно открыть цветок, проникнуть в его тайну, как я однажды погрузился в циннию[986]. Тогда он становится красивее, и не только в представлении. Этот взгляд любителя предшествует селекции. Он как луч света, который проходит через кристалл и расширяет спектр. Скрытая красота не создается; она открывается. Для этого, при всей скромности, необходим глаз; он «солнечный».

Когда-то и пчелы открыли цветы и придали им форму согласно своей любви. С тех пор в мире стало красивее.

Как уже долгие годы, мы в день рождения брата поехали на озеро. Поездку должна завершить вылазка в Пьемонтские горы. Альберт Вайдели, художник Оскар Далвит и я собираемся поймать там *Carabus Olympiae*[987].

На сей случилась неприятность. Ночью мне приснился чулан Синеи Бороды, и утром я пережил отголосок этого. Багаж я разложил на полу; выбираясь из ванны, я наступил на бритвенное лезвие, футляр которого разбился. Пришлось лезть обратно в воду, которая сразу окрасилась красным.

Я уже было отказался от путешествия, но не учел таланты Штирляйн, которые после первого испуга развернулись вовсю. Первым делом тугая повязка, потом завтрак и телефонный разговор с молодым хозяином Рекком, который и отвез нас в Юберлинген. Таким образом, мы подоспели вовремя к жертвенному возлиянию, которым начинается праздник. Отец когда-то рассказывал, что, когда на следующий день после рождения Фридриха Георга он направлялся в бюро записи актов гражданского состояния, чтобы зарегистрировать сына, на Вельфенплац начали стрелять пушки; была годовщина Седана.

Вечером, как всегда, вместе со старыми друзьями: Ханс Шпайдель, монсеньор Хорион, Витторио Клостерманн и юберлингское племя.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 8 СЕНТЯБРЯ 1969 ГОДА

Обратно из Пьемонта. Там, в лесистых горах у Бокетто Сессара, мы тоже собрали и привезли

с собой Olympiae — только два экземпляра, чтобы побережь поголовье; эти уже позаботились о своем размножении. Моя нога была хорошо забинтована; пешая ходьба не доставляла мне неудобств.

Я получил некоторое представление о Пьемонте. Все горы друг на друга похожи и все же различны; у каждой своя особенность. Она выражается уже во флоре.

Домой мы вернулись поздно. «Здесь побывала девочка и пришла снова». Она позабыла запереть дверь; мы поднялись по лестнице. Квартира тоже стояла открытой; она была наполнена незнакомцами, и точно так же балкон, на который мы вышли.

Множество людей стояло на улице, а также на крышах, другие выглядывали из окон, как будто бы ожидая зрелища. Все молчали, никто не двигался.

Какой-то мужчина взбирался по крыше, как будто его преследовали. Так ведут себя звери, когда их вспугивают из гнезда или из логова. Он прыгнул в пустоту, вертикально упал на мостовую. Мы услышали удар, увидели, как рухнувший поднял руку, которая снова поникла. Внизу образовалась группа; прыжок, должно быть, оказался смертельным.

Теперь я спрашиваю себя: как после банального вступления дело дошло до зрелища, очевидно ожидавшегося толпой, — правда, в том смысле, как если бы необычное было напрогночено.

Можем ли мы за такими снами предполагать какого-то режиссера, действие которого проявляется лишь в эффекте? Ведь и при фейерверке мы не видим ни запального шнура и проволоки, ни самого пиротехника. Так, казалось, здесь действовал кто-то, кто знал больше меня и скрыл от меня взаимосвязь. Он показал только отрывки.

Это приводит нас к конфликту со временем. Носим ли мы в себе некую кинолентку, на которой хранится также и будущее и которая проявляется от неопределенного сияния сновидений? Однако мы, кажется, могли бы изменить текст. Так, вместо прыгуна мог бы ударить метеор или стряслось бы другое несчастье. Вариативность модифицирует неизбежное, но его нельзя «предотвратить». Это соответствует характерологии: «Таким ты должен быть», ставит рамки — тем не менее, в них остается свободное пространство для «что». Человек может «сделать кое-что из себя» — но только из себя. Это ничего не говорит против чужой помощи, а определяет педагогическую задачу. Ее субъектом является одиночка; как таковой он должен изучаться и зондироваться. Поэтому семья важнее школы, знание больного лучше, чем знание болезней.

Каждый шаг ближе подводит к цели. Это справедливо и для шагов назад.

Созревшее солнце, золотой день. Плоды наливаются и окрашиваются. У ограды цветы эстрагона, лазурные; в бассейне кувшинка открывает розовый бутон, на ночь закрывает. Пять рыбок играют вокруг ее листьев, одна черная, четыре золотых. Настурция цветет всеми оттенками. В Мексике она вьется вверх по густому кустарнику, здесь по решетке, извиваясь не только в целом, но и подогнутыми черенками листьев и цветков; даже цветок оканчивается крючком. Дух извивания действует не только в отдельных органах; он живет во всем доме.

Золотая розга[988], которую я до сих пор считал сорняком, предстает сегодня во всей своей красе.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 15 СЕНТЯБРЯ 1969 ГОДА

Ночью осенний дождь. Часть георгинов надломлена, поскольку головки выросли слишком тяжелыми для открытого сада. В вольной природе цветы могут не раскрывать свои последние козыри. Отсюда «сказочная красота»: искусство, в данном случае садовник, внезапно извлекает ее как фокусник.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 9 ОКТЯБРЯ 1969 ГОДА

Осень приветлива и необычайно мягка. В полдень мы еще обедаем в саду рядом с астрами, на которые садятся пчелы и цветочницы, иногда крапивница, еще реже адмирал. Шмели проскальзывают в красные бальзамины; цветок у них одновременно невеста и невестин покой. Звездчатый большехоботник[989] вьется над мимулусами, dna чашечки которых он нежно касается хоботком.

Утром мы видели, как к нам в гости пожаловала стая ореховок. Они позавтракали в кустах лещины и на десерт устостились ягодами бузины. Гейнрот называет пение этой птицы «жалким клокотанием»; в этом есть что-то верное. Сойки и дятлы не отличаются красивым пением. Но когда эти птицы шуршат в ветвях надо мной и роняют орешки на землю, то я слышу всхлипывание, словно из какой-то любовной грезы. Никакая песня не могла бы выразить это самозабвенное счастье.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 14 ОКТЯБРЯ 1969 ГОДА

«Дорогой Карло Шмид, большое спасибо за Ваш привет от 3 октября. Я собираюсь еще на пару недель продлить лето, а именно в Мавритании; сегодня в полдень улетаю в Агадир.

Только что прочитал в газете — полагаю, кого-то из Ваших коллег — неплохое высказывание: что именно во внутренней политике отношение «друг — враг» не дано a priori. Это соответствует моему мнению, что народное тело следует рассматривать в целом, а не как правую и левую половину. Следовательно, левая рука тоже должна во власти выполнять задания, которые правая рука рассматривала как свою привилегию. Вам, как знатоку римской истории, это ничего нового не говорит, да и некоторым думающим членам Вашей партии тоже».

Золотые октябрьские дни: natura еще раз осознает себя в них. Говори, твой слуга слушает!

АГАДИР, ВЕЧЕРОМ

По дороге к аэропорту мы едва уклонились от столкновения с попутно следовавшим автомобилем. Я не буду останавливаться на подробностях — во всяком случае, взглянув перед вылетом в зеркало, я увидел, что был в трансцендентном настроении: еще не совсем в себе, вне себя.

Когда в долгой жизни, на которую пришли война между странами и война гражданская, а кроме того, болезни и личные приключения, мы все снова и снова вспоминаем, что были на волосок от гибели, усиливается предположение, что мы находимся под чьим-то

покровительством. В церковных хорах встречается много мест, где это находит выражение.

Это, пожалуй, так, даже совершенно точно. Однако было бы ошибкой делать из этого вывод об особой дотации или вообще о некоей премии за хорошее поведение, благодаря, например, молитве.

Покровительство, как бы ни протекало существование, сохраняется в любом случае. Молитва же подтверждает выходящий за пределы индивидуальной судьбы мировой порядок, поэтому она дает абсолютную уверенность. Блуа: «Что бы ни произошло — достойно поклонения».

Во второй половине дня мы сделали длинную остановку в Касабланке. Я отправился немного побродить в окрестностях аэропорта, собирая растения, и потом вспомнил, что в этом городе у меня есть читатель: Анри Амьё, который несколько дней назад неожиданно навестил меня в Вильфлингене. Я отыскал его фамилию в телефонной книге и позвонил. Спустя час мы приветствовали его с супругой в ресторане аэропорта и побеседовали за бокалом вина. Анри Амьё — ветеран Первой мировой войны и живет здесь (ему подходит местный климат), как многие французы, на свою пенсию. Молодым людям, которые не могут представить себе то время, он дарит «Orages d'Acier»[990].

Сердечно распрощались. Затем мы продолжили полет в Агадир и заняли бунгало в гостинице «Салам».

АГАДИР, 15 ОКТЯБРЯ 1969 ГОДА

К Золотой дюне, там великолепное купание.

Изголодавшаяся страна. У арабов взгляд хищной птицы. Они хотят выклянчить хоть что-нибудь, хотя бы одну сигарету: взгляд бесстыдный, голый. Припоминаю, как я услышал от одного негра: память о колониальном господстве белых можно вытеснить — память об арабских работоторговцах никогда. Это живет в крови, в корнях.

Экипаж кораблей, еще в прошлом столетии терпевших крушение у этого побережья, рассматривался как желанная добыча; матросы и пассажиры, мужчины и женщины продавались в рабство. Если им везло, их вызволял консул. Прототип — древний старик, который запрыгивает на потерпевших кораблекрушение у его острова и скачет на них верхом до тех пор, пока они не гибнут от измождения.

Во второй половине дня в городе. В результате землетрясения 1960 года Агадир был полностью разрушен и заново построен на другом месте. Блочная архитектура; этому впечатлению способствуют плоские крыши. Муэдзин больше не кричит; молитва транслируется через динамик. Прогресс в технике; уже Гюисманс сетовал на переход к механическому звуку.

АГАДИР, 16 ОКТЯБРЯ 1969 ГОДА

Во сне опять у букиниста Лафера.

Прогулка по пляжу — на сей раз в другую, уже европеизированную сторону, по которой

гуляют и мавританки — изящные существа, по крайней мере, молодые — как светло-коричневые ящерицы. Гаремные обычаи становятся менее строгими, однако все еще можно видеть многих под паранджой.

Красивые скорлупы моллюсков: башенные ракушки[991], ножны[992], пателлы[993], переливающиеся всеми цветами радуги мидии, а также клешни больших крабов и позвонки дельфинов, прибитая волнами мурена: черная, разводами цвета слоновой кости имитирующая мрамор.

АГАДИР, 17 ОКТЯБРЯ 1969 ГОДА

Есть трагикомедии, а также мотивы наполовину комического, наполовину гадкого свойства.

В первой половине дня мы забрались на одну из небольших лесистых вершин неподалеку от моря. Штирляйн осталась на береговой стороне, тогда как я предпринял обход, собирая растения. Вдруг, откуда ни возьмись, вынырнул какой-то туземец темного сорта, уже почти черный, в плавках, и принялся помогать мне. Чтоб от него отвязаться, я предложил ему монету.

Он отказался: «Oh, no money», сопроводив слова непристойным движением руки. Я делаю вид, что нахожу это хорошей шуткой, смеюсь, толкаю его под ребра и продолжаю обход.

Добравшись опять до Штирляйн, я вижу, как смуглый человек приближается с другой стороны. Он тотчас же опускается на колени, стягивает плавки и показывает себя в таком виде, который понравился бы божественному маркизу. При этом он пристально смотрит на нас преисполненным любви взглядом.

Как вести себя в такой ситуации? Мой земляк, барон фон Книгге, не предусмотрел ее в своем «Обхождении с людьми». Я говорю:

— Начальник полиции — мой друг. Это может вам до рога обойтись. Потянет, полагаю, года на два.

Он отвечает:

— Что? Разве это запрещено? *Defendu de faire l'amour?*[994]

— Запрещено не это — а как вы себя демонстрируете.

Он скорчил гримасу, снова натянул плавки и удалился. Атака не удалась.

Один раз он все же обернулся и крикнул в нашу сторону:

— *Vous n'etes pas maries.*

«Вы же не в браке». Это можно принять за комплимент.

АГАДИР, 18 ОКТЯБРЯ 1969 ГОДА

Снова на левой стороне пляжа. Великолепный прибор. Череп дельфина.

Песок и прибой. Каждая откатывающаяся волна оставляет узор, который стирает каждая набегающая. Одна картина отбрасывается и набрасывается новая; при отступлении раскрывается дверь. Никакого перехода — настоящая смена стиля.

Песок рассортировывается на мелкие и крупные зерна, но одновременно переплетается полосами и лентами, как будто в узоре соединились материальные и духовные силы.

Не живут ли люди на одной из самых дальних планет? Вопрос не столь важен. Земля — это идея центрального солнца среди бесконечно многих, что нисколько не противоречит точке зрения Лейбница, согласно которой наш мир — лучший из всех возможных, поскольку он имел в виду, вероятно, не Землю, а Вселенную.

В предвечерний час на холме над гостиницей. Фундаменты домов, разрушенных сильным землетрясением, буйно зарастают кустами инжира и клещевины. Между мозаиками пробиваются молочайники.

Там чернотелки, но осторожность в сумерках: провалы в погреб и глубокие колодцы. Прогулка по подозрительным кварталам из «Тысячи и одной ночи». Маруф, починщик обуви.

Перед тем как заснуть, я вспомнил о нашем эксгибиционисте, которого мы разочаровали. Фундаментальный труд Книгге должен был бы содержать правило для подобных встреч: не выказывать негодования — это подбадривает. Напротив, уместна комичная реплика. Секс — дело настолько серьезное, что его отрезвляет даже улыбка.

Этой назойливости, должно быть, предшествовало поощрение развращенными европейцами.

Существует также коллективный пубертатный период, независимо от того, насколько зрелы или незрелы отдельные люди, из которых состоит коллектив.

АГАДИР, 19 ОКТЯБРЯ 1969 ГОДА

Бобы клещевины в серой сухой оболочке на соломенной ветке. В них упругие плоды, словно выточенные из орешника, матово-фиолетовые, в изящную крапинку, приятные в руке.

Когда-то раньше я подумывал о коллекции семян и плодов; к этому побуждал меня Густав Шенк. Но это уводит в бесконечность.

На выходные за городом. Общественные писцы; рядом с одним какая-то дама, точно при исповеди шепчущая ему на ухо. Цирюльники; они бреют череп, чалма лежит подле на скамье. Заклинатель змей манит сдавленными звуками пузатой флейты. Он показывает кобру урея [995], потом шумящую гадюку [996], при этом держит скорпиона на открытой ладони. Он позволяет змее укусить себя за вихор, делает вид, будто у него случился дрожательный паралич, потом сует животное обратно в ящичек. Мысль: вот змея-то обрадуется, когда закончится еженедельный базар.

Оркестр из пяти музыкантов; они носят кинжалы, танцуют, поют, играют на похожем на балалайку инструменте с длинным грифом и плоским, круглым чревом. Четыре струны — их то поглаживают, то дергают.

Продавцы воды в шляпах, на которых позванивают колокольчики, торговцы пончиками, сапожники по мелкому ремонту, прорицатели, торговцы лошадиными и верблюжьими седлами. Лотки с благовониями, смолами, пряностями, специями. Жарка рыбы, чайные, в

которых посетители едят из миски руками и пьют мятный чай — симфония ароматов и запахов; здесь можно было бы ориентироваться с закрытыми глазами.

Горы фруктов и злаков — апельсины, финики многих сортов, кукуруза и овес, пшеница реже. Тыквы, зеленые, коричневые и пестрые, туши огромных размеров, другие разложены в форме двух кучек и подковы. Домашняя птица; животные со связанными лапами свешиваются пучками.

Изящные мавританки, в чадре, проходят в толчее, чтобы сделать покупки; следом тяжело нагруженный слуга.

Носильщик и три дамы — базары показывают, в порядке ли и в каком находится еще страна, и это вплоть до последнего нищего.

АГАДИР, 20 ОКТЯБРЯ 1969 ГОДА

К левому берегу моря; мы снова прошли мимо черепа дельфина. Его благородный затылок блестит на солнце, словно одна из обширных лысин, какую освещенной видишь в театре. Дельфинософия — еще одна замочная скважина, которая начинает открываться для нас в это время.

АГАДИР, 21 ОКТЯБРЯ 1969 ГОДА

Погода волшебная. Воздух очищен штормом, Атлантический океан темно-синий.

Стройная мимоза перед окном «Салама». Листья крошечные, лишь чешуйки на нитевидном стебле. Бриз открывает и закрывает крону, будто зеленую ширму: поющее дерево.

Поздно в город. К наслаждениям юга относится поздняя деловитость. Жизнь начинается с заходом солнца. Небо красное и желтое в сочных тонах; вечерняя заря углубляется взметенным песком пустыни.

АГАДИР, 22 ОКТЯБРЯ 1969 ГОДА

Мы проследовали по пляжу до дельты реки Сус и искупались там на мелководье между размеренными волнами прибоя. Когда мы плыли назад, дело неожиданно приняло критический оборот, который напомнил мне о ночи у Сарациновой башни[997].

К теории вопроса: следует обращать внимание на глубину воды, на волны и подповерхностное течение, которое может оказаться очень сильным. Оно как мельничный поток идет по дну, вымывает песок под подошвами и незаметно для тебя сносит, особенно, если плывешь. Ведь над глубоким дном волны поднимают легче.

В волновой ложбине пловец снова твердо встает на ноги или хотя бы пальцами ног ощущает песок. Если подповерхностное течение движется в сторону моря, значит, приходится плыть против него. Только без паники! Нужно преодолеть сопротивление или выждать волновую

ложбинку, в которой можно встать на ноги. Набегающий вал толкает к побережью, откатывающий тянет обратно, но и создает мелководье. Чтобы помочь себе выбраться, следует, по крайней мере, стать по грудь в воде. Утонуть тогда тоже можно.

В таких ситуациях дело быстро принимает катастрофический оборот. Как долго еще видишь другого? Океан пощады не знает, космический ход вещей к тебе безразличен.

Мы пробились и потом отправились на охоту за жужелицами на морском берегу.

АГАДИР, 23 ОКТЯБРЯ 1969 ГОДА

Ночью аудиенция у папы, вместе с Циттой и Фридрихом Георгом. Разговор о раскопках на Родосе и на Кипре, потом о тамплиерах в Фамагусте — здесь возникли разногласия.

На еженедельный базар в Тарудане. Мы увидели там общественных писцов, которые уже пользовались машинкой; каретка проворно бегала справа налево.

По дороге древесные козы, типичная для Марокко порода. Они забираются высоко на ветки и подают листья. Вырисовывается дарвинистский переход.

Мы пили мятный чай на втором этаже кафе; в окно за нами наблюдал верблюд. Он высоко задрап нос, тонкие ноздри придавали ему высокомерный вид.

В саду перед кафе фонтан с тремя кобрами, извергавшими воду. Черепахи, которых я видел в Риме, все же больше понравились мне; здесь слишком силен разлом стиля.

Рядом трудились над галабией[998]. Три ребенка вязали кайму; шеф пришивал ее. Кайма — это одновременно и шов, и украшение. Принцип культуры: сублимация необходимого.

Мимо проходила толпа под зелеными флагами. Она следовала за коровой, которую должны были забить на марабуте[999]. Группы танцоров, от четырех до шести, один из них в экстазе. Два-три других должны были его сдерживать. Этот праздник повторяется ежегодно; заклинаниями на нем также вызывается дождь.

АГАДИР, 26 ОКТЯБРЯ 1969 ГОДА

Прекрасное воскресенье. Мы сопровождали мадам Амио в Улад-Тайму к ее друзьям, чете Фурни. Они владеют там плантацией, на которой выращиваются главным образом цитрусовые. Мы на машине объезжали плантацию и то там, то здесь срывали с зеленых ветвей апельсины и мандарины. О сортах следует справиться в «Нюрнбергских Гесперидах». На одном из цедратов, привлечшем мое внимание, висели приятно пахнущие плоды; они предназначены для экспорта в Америку для еврейских свадеб. Их называют эсроговыми [1000] лимонами или райскими яблоками. Примечательным был также маленький лимон, mexican lime[1001]; он оканчивается пальцеобразным отростком.

За обедом мы были посвящены в тонкости кускуса[1002]. Хотя и европейцы, мы ели его из одной, с верхом наполненной твердой крупой миски; различные сорта мяса и овощей образовывали край. Крупа тушится на пару мяса, окунается в масло, гарнируется полосками черного перца и корицы. Кушанье варят в посуде с множеством вкладышей, кускуснице.

На стене ветка финиковой пальмы с янтарно-желтыми плодами, подвешенная для высыхания. Она привлекла рой крошечных мух, круживший вокруг нее, как облако пыли. Каждое из этих мелких насекомых имеет столько же органов, как и мы, кроме того крылья и качающиеся поршники. Пыль из неопикуемых шедевров. Эскадрилья самолетов не уравновесила бы даже одного из них.

За столом гость, который, видимо для консультации, пришел из ботанического сада. Он рассказал об одной змее, которую он держал для наблюдения и которая однажды сбежала из клетки. Ее долго и безуспешно искали. В комнате стоял олеандр; она, тесно прижавшись, устроилась на одной из ветвей, которая была точно такого же цвета, что и змея. «*Vouses comme il est mechant!*»[1003] И произнесено это было совершенно наивно. Месье Фурни француз; поскольку он родился здесь, у него марокканское гражданство. Он, кажется, живет совершенно безмятежно, как и Амио. У французов много областей, в которых они господствовали — территориально, правда, ими потерянных, но пропитанных их культурой.

Поздно вечером обход вокруг фонарей перед бунгало. Каждое путешествие ведет через различные пласты: через города и страны, гостеприимные дома, древности, а также через области личной склонности — как, например, вид *Carabus*[1004]. В Пьемонте это был *Olympiae*, в аэропорту Касабланки *Reichei*[1005] под куском гофрированного картона, старый знакомый еще с 9 декабря 1936 года, которого я теперь снова встретил. Здесь есть *Stenocephalus*[1006], узкоголов, насельник Сусы. Своим названием он обязан острому хоботку; с его помощью он впрыскивает желудочный сок в домики улиток, которыми и питается. Так они одновременно перевариваются и сжижаются — гениальная композиция.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 18 ДЕКАБРЯ 1969 ГОДА

«Дорогой Мартин, Лизелотта сообщила мне о твоих звонках. Я еще не поблагодарил тебя за твое последнее письмо и различные документы по истории твоего дома, которые у меня, пожалуй, не будут лежать без дела. Осознавая это и будучи уверенным в моем участии, ты, пожалуй, и переслал мне их.

Меня особенно тронуло прощальное письмо твоей матери; оно еще раз доказало мне, что человек становится великим, когда к нему подступают последние вещи. Для меня это письмо — ключевой камень в *monumentis germanicis*. Началось волчье время — кто знает, сколько оно продолжится.

Мы были в Агадире и еще застали там прекрасные теплые дни. Теперь накопилось много работы. Я посылаю тебе "*Federbiille*"[1007], маленькое издание, которое я посвятил Мартину Хайдеггеру к его восьмидесятилетию. В нем излагаются преимущественно приключения одного жителя Нижней Саксонии, который оказался в швабском языковом пространстве. Возможно, кое-что в нем напомнит тебе о твоём времени в Заульгау[1008]».

1970

ВИЛЬФЛИНГЕН, 21 АПРЕЛЯ 1970 ГОДА

Посадил бобы[1009], из-за суровой весны поздно. В первый раз между ними настурцию[1010]. По мнению Ренаты Клетт, она оберегает от вшей[1011].

ВИЛЬФЛИНГЕН, 9 МАЯ 1970 ГОДА

В саду. Царский рябчик[1012] — шмели залетают в них снизу, словно под балдахины. Синева *Vauernbiible*[1013], в Хеги[1014] это название отсутствует; мне кажется, что окраска цветка напоминает блузу извозчика. Посадил клубни георгин. От искусственных сортов устаешь так же, как от моды; я возвращаюсь к старому крестьянскому георгину.

ГРАН-КАНАРИЯ, 29 МАЯ 1970 ГОДА

Опыт и жизнь друг с другом недостаточно согласованы. Нам приходится покидать игровой стол, когда мы, наконец, узнали правила.

Телесная одежда снашивается, когда мы только начинаем хорошо чувствовать себя в духовной. Но теперь, значит, настала пора уходить.

Утешительными поэтому были всегда системы, в соответствии с которыми меняется только этаж. Вот мы созрели для перестановки, для подъема в более высокий класс; этого достаточно. Жить важно теперь не дольше, а иначе, более духовно, вероятно, божественней. Время сворачивается как парус в полдневный штиль; оно становится разменной монетой при большом переходе.

Действительно ли нам важно на ней наживать? Тогда нужно получать моральный доход со слова. Счет в любом случае сходится, сколь бы много или мало мы ни заказали. На небесах все размещается в небесном порядке.

Автомобили разрушают города; пребывание в них превращается в ад — шум, газы, угроза смерти. Тот, кого не переехали, погибает медленно. Даже удаленные острова перенасыщены. На побережьях отели возвышаются не по отдельности, а цепочками. Они похожи друг на друга вплоть до замочных скважин; их модель где-то в Нью - Йорке или Токио. Приходится считаться с постоянно нарастающим числом путешествующих, соответственно, должен увеличиваться персонал. На островах возникнет даже нехватка воды. Суетливость периода грюндерства. Что происходит при ограничениях, экономическом кризисе, войне? Процесс невозможно повернуть вспять. Пустая гостиница скоро превращается в руины; из официанта никогда больше не получится пастух. Возникают призрачные ландшафты.

Отель «Санта Каталина» — дом с просторными вестибюлями и вместительными номерами, построенный, вероятно, уже после того, как на острове стали ездить в автомобилях, но определенно до того времени, как на него стали прилетать самолеты. Герман Дубе, капельмейстер из Цюриха, здесь хорошо себя чувствовал. Случается, что переписка с незнакомцем делается более интенсивной. Я встретился позднее с Германом Дубсом в большом обществе Амрисвиля — человек невысокого роста, с бледным лицом, украшенным шкиперской бородкой, — мысль: он дирижирует «Летучим голландцем». Он казался одновременно болезненным и сильно возбужденным, сконцентрированным на том, что дарит. Он умер очень скоро после того. В то время он подарил Фридриху Георгу и мне две половинки одного камня, в который врос аммонит. Счастливая мысль: встречаясь, братья

складывают половинки, и картина становится невидимой. Перед смертью он пригласил меня сюда — нынче я унаследовал путешествие.

ГРАН-КАНАРИЯ, 30 МАЯ 1970 ГОДА

В первой половине дня в музее «Casa de Colon». Собственно говоря, я собирался посмотреть документы о гуанчах[1015], «anterior a 1402»[1016], но нашел главным образом культурно-исторические экспонаты: мебель, картины, приспособления. Наиболее ценным является сам дом с обоими его патио и готическим колодцем с журавлем.

Из старых находок меня очаровали мельницы или, точнее, мельничные жернова. Овальная чаша образована в форме женского органа, которому как пестик соответствует точно выполненный мужской член. Женская часть состоит из застывшей пористой лавы, мужская из более твердой обсидиановой субстанции. Примитивная, но в то же время совершенная конструкция; любое улучшение принесло бы вред. Искусство из магмы. Редко случается, что изображение и символ становятся столь конгруэнтными.

Гуанчи оставили ученым загадку; они были почти истреблены испанцами, остатки слились с завоевателями. То, что они принадлежали к берберской культуре каменного века, кажется, подтверждается этнографически и этимологически.

Почему при виде этих немногих находок в голову мне пришли инки? Своеобразное застывание или отверждение магматического камня вызывает не впечатление вложенного в него вдохновения (как уже много раньше на островах Средиземного моря), нет, камень говорит сам по себе, собственным языком.

Во второй половине дня я поднялся на гору, возвышающуюся над городом. На плато полным ходом идет urbanisaciun; строится новый город. Глубокие ущелья, barrancos, типичные для вулканических ландшафтов, обойти трудно. На дне щебень, каменная крошка и, там где падает достаточно солнца, банановые плантации. Тем не менее, субтильная охота не осталась без трофеев. Для того чтобы проникнуть в субструктуру, микроклимат страны, гор, острова, энтомология предлагает еще более тонкие ключи, чем ботаника, как будто бы на тебя надели особые очки. Здесь биос произвел не только собственные виды, но и рода; это указывает на длительную автономность островов. Но примечательно то, что у гуанчей не было никакой связи с африканским континентом, который в ясную погоду, должно быть, виден с горных вершин. Они, конечно, не знали ни паруса, ни колеса.

Поход оказался утомительным. Поэтому перед едой я, как охотно делаю в таких случаях, принял горячую ванну. Потом мы посмотрели, что может предложить кухня — например, андалузский gazpacho, который особенно понравился Штирляйн: суп из овощных соков, приправленный паприкой. К нему, по усмотрению, маленькие кубики помидоров, красный перец, огурцы, репчатый лук, белый хлеб — он подается холодным, но тотчас же разогревает желудок.

Sangria: красное вино с дольками апельсина и ломтиками лимона; кожура спиралью свисает по краю кувшина. Вино острова, vino del monte[1017], чистое и приятное. Готовят по-европейски с легкими акцентами; с туземными блюдами, из которых я записал себе такие названия, как rucherо[1018], лучше всего знакомиться в локальных трактирчиках острова, которые расположены с подветренной стороны движения. Славится Лансароте[1019] — как своими рыбными отмеями, так и своей мальвазией.

ЛАС-ПАЛЬМАС, 1 ИЮНЯ 1970 ГОДА

Ночью сильное расстройство пищеварения со всеми симптомами «канарской горячки», которую можно сравнить с легким приступом холеры и которая мгновенно ослабляет. Но мы все же поехали в Мас-Паломас через выжженный край. Повсюду, где есть хоть небольшой песчаный пляж, велось лихорадочное строительство.

При этом мне вдруг вспомнилась вчерашняя вылазка, которую я не описал. Я снова оказался в ущельях и наткнулся там не только на отвалы щебня, но и на трущобы — такой вид везде одинаково удручает, где бы он на свете ни встретился — почти как если бы уныние передавалось самой атмосферой. Напрашивается мысль, что эти очаги воспаления можно было б оздоровить, если направить на это хоть малую часть строительного ража. Или речь, возможно, идет о проблеме, которую нельзя разрешить деньгами?

Мы видим здесь, как в случае с проституцией, только публичную часть, но не разруху, скрытую в сельских хижинах или на этажах городов. Там оставлены без присмотра пенсионеры, вдовы, профессора, миллионеры; если никто о них не заботится, их однажды находят мертвыми. Одно из последних слов: «Une certaine difficulty de vivre»[1020] — так ответил, мне помнится, Фонтенель[1021], когда его спросили, что он чувствует на смертном одре.

Этой «некоторой трудностью жить» время от времени охватывается каждый, прежде всего в кризисы, когда обременительно даже вставать. В своих воспоминаниях Зойме[1022] рассказывает об одном особенно вопиющем случае, произошедшем на парусном корабле, на котором он в качестве наемного солдата плыл в Америку. Один товарищ погрузился в полную летаргию. Его приходилось колотить, чтобы он двигался, мылся, ел; в конце концов, на него махнули рукой. Несчастный зачах в своих нечистотах — и едва нашли добровольцев, которые выбросили его труп за борт.

Это «высживание смерти» Зойме называет «высшей степенью человеческой развращенности». Сам он, как стоик, дает пример того, как следует справляться с трудными ситуациями — когда ему не надо было работать с матросами, он лежал наверху в марсовой корзине и читал Вергилия.

Это могло бы подвигнуть к сравнению стоицизма с дарвинизмом. На важном отрезке истории естествознание не только заменило мораль, но образовало собственную мораль — на более высоком уровне здесь можно также сослаться на Ницше. Он решается пойти еще на один шаг дальше Буркхардта, который наслаждался властью лишь эстетически. Различие между стоицизмом и дарвинизмом заключается в том, что первый печется о добродетели, а второй ее сублимирует. У Ницше она в бесчисленных местах появляется как особо рафинированное коварство власти. У Шопенгауэра воля определяет мир фактический, а сострадание — мир моральный.

ЛАС-ПАЛЬМАС, 2 ИЮНЯ 1970 ГОДА

Парадоксально, но не наша лень тому причиной, что купаемся мы в плавательном бассейне отеля, ибо пляж усеян кусками мазута и окурками. Между ними, как просвет, изящные раковины спидуры[1023]. То, что речь идет о домике глубоководного головоногого, открыли только на рубеже столетий.

Потом в Museo Canario. Во дворе выставлены гиганты Атлантики: акулы, дельфины, исполинские черепахи. Среди них чувствуешь себя подобно Гулливеру, попавшему к великанам. Почему головоногих относят к низшим животным, мне неясно; они могли бы кое-что передать и нам. Вообще, кажется, каждое животное племя, как здесь моллюски, порождает в себе «венец творения», например, государство - образующие виды насекомых, к совершенству которых мы, согласно Хаксли, только стремимся. Прекрасные кораллы. Мысль при виде их:

коралл

грецкий орех

цветная капуста

мозг

целозия или лисохвост

сегменты парового отопления

И так далее. Подобия, но не родство, аналогия, но не гомология. Одна модель, во многих исполнениях. Если спуститься достаточно глубоко, обнаруживается общий знаменатель. Лейбниц. Точечное ведомство Гелиополя. Преимущества и опасности этого направления мысли.

Ночью опять сильные колики. Я стоял на залитом солнцем дворе. У стены знакомый, имя которого уже вылетело у меня из головы. Рядом с ним клубок серых змей; другие отделились и, свернувшись или вытянувшись, лентами лежали на песке. Я поглядел на землю, прежде чем сделать шаг.

Я спросил сидящего:

— Хозяйка ничего не знает об этом?

— Знает, но шума не поднимает.

В эту секунду из стенного стыка слева от него выскользнула черная гадюка и присоединилась к остальным.

Картина создавала очень противоречивые комбинации чувств. Я спросил себя, олицетворяла ли хозяйка бытие, природу или Гею. Роль незнакомца тоже была многозначной.

К вопросу о «Приближениях». Крест. Когда окно разбито, освобождается рама. Теперь ты можешь приняться за обратную сторону. Там есть спасение, но уже нет Спасителя.

ЛАС-ПАЛЬМАС, 3 ИЮНЯ 1970 ГОДА

Ночью опять сильные приступы; канарская горячка достигла кризиса. Я весь день ничего не делал, а читая, лежал в постели. Когда с наступлением эры Водолея прогрессирует обезличивание, индивидуумы могут целиком растворяться в социальном. Характер приобретает устойчивость; с нарастающей безболезненностью может распространиться общая эйфория. Подлинно производительный биологический вид, вид художника, становится излишним и даже, возможно, вызывающим негодование. Или дело доходит до новых

кристаллизаций, о которых пока нельзя составить себе представления. Одухотворение делает мир транспарентным, но не прозрачным. Что-то похожее, должно быть, мерещилось Лейбницу, когда он сказал, что у монады-де нет окна. Эксперимент с моделью встречается у теологов: как может преодолеваться личностный Бог и чем он может быть правдоподобно замещен? Этого можно достичь только тогда, когда такому замещению способствует само божество, то есть благодаря видениям.

ЛАС-ПАПЬМАС, 4 ИЮНЯ 1970 ГОДА

Каждый новый климат требует адаптации; к утру улучшение. После сиесты мы посетили музей, посвященный живописцу Нестору де ла Торре, пожалуй, самому одаренному художнику архипелага. Он жил с 1887 по 1938 год и был известен на островах не только как живописец, но и как декоратор. Он провел несколько лет в Париже в качестве популярного портретиста. Влияние этого города несомненно.

Дамские образы в югендстиле. Переключки с Бердслеем, Тулуз-Лотреком, с большой европейской живописью.

Впрочем, он и сам был превосходно одарен для этого ремесла, как в том, что касается рисунка, так и в том, что касается очень тонко развитого чувства цвета. Нет недостатка в озарениях. Я увидел корчму с открытой дверью на фоне пустынного ландшафта. Там можно было ожидать каких-то приключений, какие пережил Дон Кихот. Вообще в каждом испанце есть немного Сервантеса.

Большой цикл картин начинается с «Морской поэмы». Очень красивые волны, жемчужные, в них огромные рыбы; на них верхом скачут люди или плывут с ними наперегонки — некоторые весело, другие в испуге от вида раскрытых пастей. На каждом полотне влюбленная пара в смелых объятиях. Сравнение с «Игрой волн» Бёклина напрашивается, однако собственный почерк очевиден. Представлен также цикл «Земля» — Великая мать в тропическом великолепии. Должны были последовать две следующие сюиты — «Воздух» и «Огонь», но, к сожалению, художник умер, не успев за них взяться. Произведения Нестора рассеяны по островам, например, здесь, в казино «Тенерифа», висит его «Дом».

В округлом помещении, в котором висит «Морская поэма» и в которое падает верхний свет, передвигаешься, словно в Океане — под водой.

После этого в антикварном магазине, примыкающем к гостинице; там среди прочего три большие тарелки в испано-мавританском стиле — обожженные терракоты, *relure d'ignon* [1024], с отливающим всеми цветами радуги рефлексом, но все же не столь хорошо сохранившиеся как в Лиссабоне.

ЛАС-ПАЛЬМАС, 5 ИЮНЯ 1970 ГОДА

Ночью прошел сильный дождь. В первой половине дня читал и писал — поэтому никакой сиесты, а сразу после обеда на пляж, чтобы высмотреть место, с которого можно подняться в горы. Нам удалось обнаружить его; дорога поднималась вверх позади рыбных заводов, от которых исходил густой смрад. Глубокие долины на противоположной стороне были плотно заняты банановыми посадками. Хотя там они защищены от ветра, далеко окрест почти всегда

разносится тростниковое потрескивание и шелест срезаемых листьев.

По козьей тропе мы со скалистого хребта, карабкаясь, спустились к фабрикам. Теперь рыбный дух стал настолько едким, что мы спросили себя, как же можно существовать тут. Между тем недостатка в жилых домах не было. На морском берегу выстроилась цепь удильщиков, которые, широко размахнувшись, забрасывали наживку и снова вытягивали леску. Они заново насаживали на крючок маленькие кусочки сардин. Несмотря на сильный ветер и высокую зыбь они не оставались без улова; кальмары и довольно большие синие, а также в красноватую крапинку рыбы лежали рядом с ними. Такие картины успокаивают; стало быть, море и земля все еще дают добычу и приносят плоды — несмотря ни на что.

По морскому берегу обратно. Здесь нужно ступать осторожно; песок покрыт сгустками смолы, иногда даже смоляной пленкой. Купание теряет всякое удовольствие. Вполне возможно, что из-за таких нестроений волна туризма схлынет.

ЛАС-ПАЛЬМАС, 6 ИЮНЯ 1970 ГОДА

Уже несколько лет не было снов о змеях; они всегда — примета. А теперь вот уже второй, слишком засекреченный, в ранний утренний час. В наше время нужно быть начеку с комментаторами снов, которые появились вслед за их толкователями. Знание превращается в пошлую науку. Оскверненная природа.

В музее мы искали и нашли кабинет черепов. Племянник нашего дорогого Германа Дубса, которого мы встретили здесь, обратил на него наше внимание ссылкой на «Гелиополис».

Стены квадратного помещения до потолка оборудованы полками; на них рядами, вплотную друг к другу расставлены черепа. Для этого были, должно быть, расхищены не только захоронения гуанчей, но все кладбища в целом. Стоя посередине этого помещения, даже с закрытыми глазами, чувствуешь такое сильное излучение, что оно вскоре становится невыносимым.

ЛАС-ПАЛЬМАС, 7 ИЮНЯ 1970 ГОДА

Чтение: Адольф Майер-Абих: «Александр фон Гумбольдт», биография. В ней следующее рассуждение:

«Гумбольдт воспринял из морфологии Гёте понятие динамического типа в качестве методического принципа, чтобы описывать гештальты в их исторически завершённой целостности. Таким динамическим первообразом было, к примеру, перворастение Гёте как модель, которая лежит в основе не только всех существующих растений как их общий образец, но согласно строительному плану которого также можно было бы придумать еще сколь угодно много растений»

«...которые, пусть и не существуют, однако могли бы существовать и вовсе не являются живописными или поэтическими тенями и схемами, но обладают внутренней правдой и необходимостью. Этот закон может быть применен ко всему остальному живому» (письмо Гёте к госпоже фон Штайн от 8 июня 1787 года).

Этот пункт был мне до сего дня неизвестен, однако помог бы мне, когда я начинал

набрасывать контуры гештальта Рабочего, подсознательно выйти с ним на правильную дорогу.

ЛАС-ПАЛЬМАС, 8 ИЮНЯ 1970 ГОДА

Во второй половине дня на Ислету, полуостров на севере города. Выбравшись из переплетения стен, что всегда трудно, мы прошли поселение, хижины которого были сделаны из ящичной драни, хотя, собственно говоря, впечатления трущоб не производили. Вероятно, картину оживляли бойкие цвета, которыми было покрашено дерево.

Потом мы достигли большой площадки, на которой выцветала в поблекшую белизну вяленая треска. Рядом висели огромные сети с пластмассовыми шарами, которые располагались в ряд на ведущей нити, как страусовые яйца. Я немного порыбачил в заводях и гостpools[1025], после купания между лавовых утесов; вода была глубокая и прозрачная.

Некоторые трещины в скале были заполнены пестрой, сине-белой дресвой: тонко размолотая брекчия из твердой скорлупы моллюсков. Крошечные корпуса, тем не менее, сохранились цельными экземплярами: продырявленные пателлы, маленькие, как чечевица, раковины с рисовое зерно, округлые и вытянутые домики улиток, между ними обломки панцирей морских ежей и синие колючки, но ни единой песчинки.

Мы провели упоительный час за рассматриванием и перебиранием этой морской мелочи, первой ступени микроскопического великолепия. При этом также геометрическое удовольствие, ибо все эти осколки имеют строго измеряемые величины — органическую конструкцию. Много лет назад я подвергся атаке из-за этой формулы — однако мой критик, пожалуй, никогда не всматривался в морского ежа или в раковину. Во всяком случае, здесь сходятся и расходятся две первичные формы духовного и органического мира.

Отдаленная аналогия: она пришла мне в голову, когда я недавно я снова перелистывал Светония. Думаю, не нашлось пока ни одного поэта, который воспринимал бы Нерона как трагическую фигуру — она, как и во многих других случаях, заглушается размахом злодеяний. Трагичность заключается в том, что воля и представление, власть и поэзия сошлись в личности. Это случается в жизни любого человека, потому что в каждом из нас скрыт как преступник, так и мечтатель — удивительны здесь лишь масштабы. Нерон неслучайно причислен к тем, от чьего имени образовывается прилагательное: «нероновский» — если бы каждый делал все что хотел, мира бы больше не существовало.

Акценты. Перу затронуло одно из самых разрушительных землетрясений столетия; предполагают, что погибло более тридцати тысяч человек. Первое сообщение, которое я читаю об этом, начинается со слов: «Наш футбольный партнер Перу переживает тяжелое время...».

ЛАС-ПАЛЬМАС, 9 ИЮНЯ 1970 ГОДА

Мы провели день в «банановом туре» под руководством одной очаровательной испанки, которая ведет точные записи не только на своем родном языке, но и на английском и французском — по вопросам ботаники, истории, архитектуры и археологии.

Кафедральный собор в Арукасе. Замечателен контраст между возведением готических

колонн и тяжелой окаменевшей лавой, в которой они поднимаются. Красивая, сильная растительность: кусты *Rhizinus*, почти древовидные, цветущие желтым и красным агавы, гербера, плюмбаго, белое и синее, между ними полевые цветы: полынь, фенхель, шалфей.

Вдоль дороги в скалистых склонах все снова и снова открываются входы в пещерные жилища гуанчей; мы прошли также мимо их монастыря, в котором, должно быть, служили своего рода весталки. К сожалению, и здесь, как повсюду, где «колонизировали» испанцы, большинство следов коренных жителей стерто.

Впрочем, до конца эти пещеры не покинуты, а отчасти еще заселены. Правительство предпочло бы, чтобы местные жители переселились в отдельные или многоэтажные дома, которые им предлагают; очевидно, оно их стесняется. Только вот эти люди меняют местожительство неохотно — во - первых, потому что за пещеры они ничего не платят, и, во - вторых, потому что в них как зимой, так и летом сохраняется одинаково приятная температура.

В Сан-Исидоро мы вошли в одну из этих пещер, которая была комфортабельно устроена: кухня, гостиная, спальня, приятно меблированные. Стены выкрашены в разные цвета так, что ты не чувствовал бы себя в пещере, если бы не приходилось проходить через вход, который только и производил первобытное впечатление. Он открывался за пышно разросшимся палисадником; особенно мне бросилась в глаза крупная, пурпурно-красная скабиоза. Печная труба кухни торчала прямо из природной поверхности.

Потом мы двинулись в Агаэту и оттуда свернули в долину Беразалес. Здесь флора стала почти тропической; мы увидели оба вида кокосовых пальм, которые растут на острове, рядом с ними папайю с тяжелыми гроздьями плодов, апельсиновые и лимонные деревья, кусты кофе, виноград. Такую палитру растений умеренных, субтропических и тропических зон вне теплиц можно редко где встретить. Особое впечатление на меня произвело то место, где усики винограда и арбуза вплелись в кофейное дерево.

ЛАС-ПАЛЬМАС, 12 ИЮНЯ 1970 ГОДА

На Пико-де-Бандама. Могучие кратеры; в их воронках зеленые поля бананов, кукурузы и картофеля; лавовая почва, безветрие и солнце — все вместе образуют атлантическую силу. Здесь я увидел базальтовые образования в поперечном разрезе; они похожи на темные, гигантские пчелиные соты, по поверхности которых можно гулять.

Санта-Брихида расположена среди виноградников, из урожая которых делается *vino del monte*. Мы пьем его как столовое вино каждый день. Потом на Круз-де-Трахеда, усаженный цветущими кустами дрока и каштанами. В небе плыли облака; на мгновение над морским горизонтом вынырнул пик Тенерифе. Таким образом, я уже несколько раз видел его, хотя никогда и не был на острове.

В садах нам бросился в глаза *taginaste*. Так местные жители называют разновидность синяка [1026], вид которого рядом с драценой [1027] поражает на острове больше всего. Метелка цветов выше человеческого роста, как пестрая стрела, взмывает из розетки листа. На отдаленных островах виды передают, какие неслыханные возможности скрыты в них. Например, в агаве драцена, а здесь *taginaste* в синей румянке.

Под конец в Терор, местечко, церковь которого благодаря явлению Мадонны стала целью паломничества. Мадонна на лунном серпе украшена жемчугами и алмазами, а также высшими орденами. Собрание *ex votos* [1028] из воска: домашние животные, дети, члены

тела, внутренние органы, корабль, а также копья, которые попадали, однако не причиняли вреда.

Поздно в гостинице еще коррида по телевизору. Так лучше следить за позициями и различать детали, чем на самой арене.

ЛАС-ПАЛЬМАС, 15 ИЮНЯ 1970 ГОДА

Еще раз в Мас-Паломас, для прощального купания. В автобусе я читал газету: второй раз похитили немецкого дипломата, на сей раз в Рио. Эти акты насилия говорят о возврате к примитивному состоянию; обманываться на этот счет не стоит. Человек ценится уже не как личность благодаря его уровню и достижениям, а как тело, как объект. Он становится произвольной добычей; это понижает цену рабства.

[...]

ВИЛЬФЛИНГЕН, 4 АВГУСТА 1970 ГОДА

Альберту Хофманну. «Ваша фотография кристаллов ЛСД в поляризованном свете захватывает. Я тотчас же переслал ее Эрнсту Клетту с вопросом, не могла бы она, с Вашего согласия, разумеется, послужить отправной точкой для создания изображения на суперобложке[1029].

Вы были правы: "Многое из того, что видишь отображенным с помощью научных инструментов, говорит образнее и точнее, чем иные произведения современного искусства". Я хотел бы добавить: зачастую это не только достовернее, но даже красивее. Это напомнило мне разговор, который в начале нашего с Вами путешествия мы вели об аналогичном воздействии молекул, независимо от того, достигнуто ли оно классическим способом или получено синтетическим изображением. Это вопросы растра[1030] — данное понятие я как раз и развиваю в "Приближениях". В конечном итоге молекулы цветного фильма и молекулы палитры художника тоже, видимо, идентичны. И те, и другие вырастают из необособленного. Когда фотографирование превращается в искусство, то, конечно, должны прибавляться дологические элементы, некий род инстинкта, какой свойственен коже хамелеона. Вероятно, тогда в качестве рецепторов должны использоваться и другие материалы.

Я, в частности, детально остановился на книге Вассона о грибах. Она отличается тем, что выходит далеко за границы специального знания — на это указывает уже цитирование одного ясновидящего уровня Блейка. В своем письме Клетту я написал, что на поле разведки наркотиков, похоже, должно появиться нечто вроде генерального штаба. Это тоже важно, поскольку пехота устремляется массой, которую классическими и юридическими средствами удерживать в рамках уже невозможно».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 24 АВГУСТА 1970 ГОДА

Ночью я проходил мимо аквариумного магазина. Внезапно мне пришло в голову, что я

должен был купить для садового пруда золотых рыбок, и притом с черными пятнышками.

Итак, я вошел, и продавец с заплетенными в косу волосами, видимо, сам владелец, подвел меня к бассейну, в котором лениво плавали золотые и серебряные рыбы; среди них были и пятнистые.

Я выбрал две из них и, вынимая кошелек, поинтересовался ценой. Он запросил за обеих пятьсот марок.

— Пятьсот марок? До сих пор за таких рыбок я платил сущие гроши.

— Но не за этих... — торговец пробормотал при этом какое-то название, которое я не понял. Потом он сказал:

— Даже не знаю, следует ли мне отдавать их вам. Если они для вас уже сейчас слишком дороги, надлежащего ухода они у вас не найдут.

Я ушел; торговец позволил мне беспрепятственно удалиться. Такую цену он, стало быть, назвал не для того, чтобы меня надуть. Несомненно, он был умнее меня и видел взаимосвязь в более широких масштабах. Вероятно, я упустил шанс. Я было воротился, но магазина уже не нашел.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 30 АВГУСТА 1970 ГОДА

При наборе большого произведения, когда в движение приводятся миллионы литер, возникает десять тысяч опечаток. В процессе корректуры, которую санкционирует автор, их число сокращается до нескольких. Здесь ошибка наборщика даже создает улучшение.

Случайный выигрыш? Пожалуй, но только внешне. За этим стоит логика алфавита, а за ней магия звуков — случай лишь позволяет себе шутку. У каждого случая свое основание.

К вопросу о «Стене времени»[1031]: бесчисленные мутации развеиваются песчаными бурями времени. Лишь иногда становится видимой золотая крупинка, подтверждающая смысл, из скалы вырывается вода: пустыня живет. До отвесной черты времени Дарвин хорошо систематизировал происходящее, но он не продвинулся, как Моисей, к безвременному.

В одном месте Шопенгауэр говорит — я цитирую по памяти — что, когда линии излучаются из одного центра, каждая их точка имеет отношение к каждой другой.

Это можно было бы измерить. Но, главное, каждая точка имеет отношение к центру.

С тех пор, как зонды облетают Луну и планеты, начинается постепенное отрезвление. Прежде всего, похоже, везде отсутствует вода, во всяком случае, в нашей системе. Живем ли мы в лучшем из миров, как считал Лейбниц, это еще можно подвергнуть сомнению — но уж точно, не в самом худшем из них. Хотя Лейбниц, вероятно, имел в виду не нашу планету, а Вселенную.

В саду. Ночью прошел дождь; на кустах висят клочья тумана. Вместе с листвой, цветами и плодами — кроме того, уже некоторое увядание.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 6 СЕНТЯБРЯ 1970 ГОДА

Синяя стена эстрагонов, облетаемая шмелями: вид придает уверенность.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 9 СЕНТЯБРЯ 1970 ГОДА

Франциске Хенниг: «В виде исключения, или, скорее, впервые, я отсылаю Вам обратно одну из заказанных книг: В.И. Авдиев: "История Древнего Востока".

Я подумал, что при рассмотрении столь отдаленных эпох сам взгляд туда должен быть менее замутнен, чем при рассмотрении современности. Однако текст кишит прямолинейными пошлостями, которые в большинстве своем еще и притянуты за волосы.

Чувство стыда, к сожалению, стремительно вымирает и в науке. Однако такие книги нельзя ставить рядом с книгами серьезных историков; они обесценивают библиотеку».

«Дорогой, уважаемый господин Ротфельс, когда я писал это письмо своему букинисту, мне вспомнилась рецензия на Вашу книгу в Frankfurter Zeitung от 29 августа. Вероятно, меня она рассердила больше, чем Вас. Искусству отказываться от эфемерного я, к сожалению, до сих пор так и не научился».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 16 СЕНТЯБРЯ 1970 ГОДА

Влажная весна способствовала буйному росту. Разрослись мох на холме, декоративные тыквы, циннии. Тяжелые плоды огурцов желтеют среди листвы, озеленяющей грядки.

Несмотря на эту влажность в лесу мало грибов. Я больше не ориентируюсь в некоторых из старых лощин. Лесопитомники вытянулись вверх, знакомая дорожка заросла, там, где стояли буки, когда я приехал сюда, мне приходится теперь двигаться в тени елей. Это сбивает с толку, как если бы старый план был перерисован, с трудом перелистываешь обратно.

Ночи уже прохладные: эстрагон раскрывается лишь чуть-чуть. Цветки красноватые, больше не синие.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 1 НОЯБРЯ 1970 ГОДА

Первое ноября; желтые листья липы на той стороне опадают, хотя царит полное безветрие. Семена с коричневыми крыльями держатся дольше; гобелен становится одновременно прозрачнее и темнее: сгущенная субстанция. Я рассматриваю ее через гибискус, цветущий на подоконнике. В саду лопата выкапывала луковицы крокуса. Они заготовили на весну маленькие рожки.

Аманда спит в кресле рядом со мной. Она потягивается — это напоминает те пять минут, которые позволяешь себе перед подъемом. Тогда образы становятся особенно сильными.

Настроение передается; дикий кабан рядом со мной глядит из окна; он поставил на карниз

передние лапы. Клыки поблескивают; покров серебристо-серый. Старый малый; могучая грудная клетка благодаря шерсти кажется еще крупнее. Он как клин уменьшается к заду. Я спрашиваю Аманду: «Ты что, собираешься целый день держать его в комнате, да еще и оставить на ночь?»

Она говорит, что снаружи он только бездельно валялся бы в лужах. Это, наверно, правильно, однако она должна все - таки позволить ему немного спустить пар, иначе он станет слишком сильным.

В саду корова объедает акацию. Она невероятно худая и складками брюшины запуталась в ветвях. Она там, наверно, зачахнет, поскольку на дереве растет больше шипов, чем листья. Этого не хватит на то, чтобы туго набить брюхо, поэтому она расстается с переплетением сучьев и падает вниз.

Черепахи уже защищены; они спят в погребе, однако одна, похоже, освободилась. Как она смогла забраться на письменный стол? Голову закрывает маска — она напоминает коробочку лотоса, какие видишь в качестве надгробного украшения. Только она желтая и очень маленькая, как крышка солонки. На животном намордник — видимо, потому, что оно уже укусило какого-то гостя. Аманда пугает его, трогая его головку. Мне приходится показать ей, как гладят черепаху: сначала прикасаешься к одной из ног до тех пор, пока она не почувствует тепло. Тогда она вытягивает из панциря голову и позволяет тихонько почесывать ее морщинистую шею. Кроме того она вытягивает из щелей ноги и начинает равномерно размахивать ими: древняя кума снова становится молодой.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 17 НОЯБРЯ 1970 ГОДА

Первый снег. Я разложил перед окном диски подсолнухов; зеленушки тут же с удовольствием угощаются ими. А ведь лазоревка уже стучала клювом по стеклам, когда доски были еще пусты.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 23 НОЯБРЯ 1970 ГОДА

Франку Мюллеру, Лёррах: «Большое спасибо за Ваше серпентологическое сообщение. В случае с чудовищем, которое принесло течение, речь, пожалуй, идет об уже сильно разложившейся рыбе или кальмаре; это покажет вскрытие.

Когда в термах Экса[1032] собирались сотни блестящих гадюк, это было знаком чрезвычайной силы целебных источников. Приползало даже животное Асклепия. И если бургомистр города велит травить животных, потому что они-де пугают гостей купален, он совершает глупость, не говоря уже о гнусном поступке. В Алжире тоже есть источник, в водоеме которого плавают черепахи и змеи, и больные, ищущие там исцеления, не боятся их, а им радуются.

Бургомистру, учинившему данное безобразие, следовало бы вместо этого написать табличку: "Эти гадюки миролюбивее, безвреднее и чище нас. Они свидетельствуют о целебной силе наших источников, которые бы испортились, если бы мы убили животных. Пока живы змеи, Земля сохраняет свою силу".

На место пугливого человека, который сбежал бы, придут десять других, чтобы насладиться

спектаклем, который в мире наших загрязненных рек и оскверненных морей звучит почти как сказка».

ВИЛЬФЛИНГЕН, 7 ДЕКАБРЯ 1970 ГОДА

Неделю провел в Париже. У Фрашенов увидели старых друзей. Габриель Марсель[1033] не поленился прийти, хотя из-за своей тучности он почти не покидает квартиру на седьмом этаже. Он привел с собой двух студентов — для «подъема наверх».

Во второй половине дня при погожей погоде мы сопровождали Дидье[1034] к Temple de la Gloire[1035], приношению республики победителю при Хоэнлиндене, генералу Моро. Сейчас там живет Освальд Мосли[1036], когда приезжает во Францию. Перед террасой небольшое озеро; лебеди подходят к столу.

Разговор с леди Дианой о ее сестре, которая в Английском саду Мюнхена пыталась застрелиться из-за несчастной любви к Гитлеру: «Скорей из-за романтического расположения». Мне помнится, это случилось уже во время войны; немецкий хирург отказался оперировать, что я считаю благоразумным. Гитлер приказал самолетом отправить раненую в Англию, где вмешательство докторов завершилось успешно. Я снова нашел подтверждение своему мнению: самоубийства относятся к нигилистической среде. Они сопровождают также жизненный путь Гитлера; конец имперской канцелярии напоминает «Смерть Гелиогабала».

У сэра Освальда Мосли, летчика во время Первой мировой войны, несмотря на тяжелое ранение вследствие падения с высоты, открытое, мужское лицо. Хаксли обрисовал его в «Point-Counterpoint»[1037]. Другие летчики его возраста, как Геринг и Бальбо, в политическом плане продвинулись высоко, но кончили плохо — Мосли легко отделался. Этому способствовала небольшая доля мавританства. В таких кругах могут забросать помидорами на рынке, однако щадят при проскрипциях.

Об общих знакомых, например, об Абеле Боннаре[1038]. Они видели его в Мадриде. Леди Диана, обращаясь к нему:

— Сегодня, если не посидел в тюрьме, и в разговоре не поучаствуешь.

На что Боннар:

— Еще шикарнее, если тебя приговорили к смертной казни.

Мы навестили также Марселя Жуандо в Роиль-Мальмезоне и нашли его в добром здравии. Элиза же была очень больна.

ВИЛЬФЛИНГЕН, 12 ДЕКАБРЯ 1970 ГОДА

Гвидо. Мы вместе рассматривали Инь и Ян. Биос и космос объединены невероятным образом.

«Если бы нам когда-нибудь потребовалось предъявить паспорт, этого было бы достаточно; ни крест, ни полумесяц, ни цветок лотоса до такого не дотягивают. Разграничительной линией

могла бы быть волна». Гвидо:

«Это большой вопрос», — такие замечания ему удаются походя.

Наркотическая сцена. Бой передового отряда с чрезмерными потерями; здесь нет Клаузевица.

Или: рассеянный огонь; одного точного попадания достаточно. В осеннюю бурю падает тысяча желудей, из одного вырастает дерево.

В сказке вещи действуют сами по себе, автономно по отношению к человеку. Реликты этого сохранились в поговорах: Кувшин так долго «идет» к источнику, пока не разобьется.

Стало быть, он живой, а не только одушевленный, и образует не экзогенное, а эндогенное целое в системе Барника.

В вопросе объективности по отношению к вещам тоже имеется своего рода потерянная невинность, трещина, которая разделяет ее подобно сновидению и пробуждению. Отныне мир составляется из обломков. Он выигрывает в частях то, что проигрывает в целом. Геродот и Фукидид.

В отношении читателя к своему автору тоже имеются различия, как между сексом и эросом: здесь захватывающая актуальность, там тихая, из года в год нарастающая любовь.

Александр Михайловский

«ПОДОБРАТЬ СВОЮ РИФМУ К МИРУ»: ПУТЕВЫЕ ДНЕВНИКИ ЭРНСТА ЮНГЕРА

В самом начале «Атлантического путешествия» — небольшой книжки, впервые опубликованной в Лондоне для германских военнопленных в 1947 году[1039], Эрнст Юнгер, повествуя о совершенном им в 1936 году заокеанском путешествии в Южную Америку, описывает, как бросает за борт теплохода экземпляр своего только что вышедшего из печати романа «Африканские игры». Мотив этого поступка автор поясняет такой фразой: «К идее можно бесконечно приближаться и никогда ее не достигнуть: пытаюсь записать на бумаге свой сон, мы лишаем его очарования и блеска, Идея остается недостижимой». Этот символический жест непосредственно отсылает к ключевой сцене из очень автобиографичных «Африканских игр»[1040]. Главный герой Хельмут Бергер, записавшийся в Иностранский легион, чтобы бежать от холодного европейского прагматизма в жаркую страну «загадок и чудес», сталкивается с жестокой действительностью и испытывает неизбежное крушение иллюзий. Прощаясь с миром юношеских мечтаний, он бросает в море свою книгу об Африке, название которой очень напоминает название немецкого перевода книги Генри Мортон Стэнли о «черном континенте»[1041]. Такое избавление от иллюзий можно понимать как разрушение образа романтического Востока (Orient) и его проекций, которое сознательно предпринимает автор на определенном этапе своего творчества.

Первый том дневников «Семьдесят минуло» начинается с описания четырехмесячного путешествия в Юго - Восточную Азию, которое занимает почти треть книги, а затем ведет читателя на Корсику, в Португалию и Анголу, наконец, в Италию, Исландию и на Канарские острова[1042]. С некоторыми исключениями можно утверждать, что дневник Юнгера не только документирует его случайные путешествия, но и разрабатывает литературный и культурно-исторический топос под названием «Orient». А потому было бы вполне естественно, прежде всего, соотнести этот текст с большой традицией «ориентализма» и

выделить некоторые характерные черты юнгеровского взгляда на Восток[1043].

Пытаясь обозначить жанр публикуемых дневников, нельзя не учитывать позицию или роль самого автора, который сознательно выступает не только как образованный и рефлексирующий путешественник, но и как читатель, погруженный, прежде всего, в литературу XVIII и XIX столетий. Тем самым дневники «Семьдесят минуто» как будто сами собой вписываются в одну линию с «Carnets de Voyage» Г. Флобера или «Voyage en Orient» Ж. де Нерваля. А с «ориенталистами» в собственном смысле слова[1044] их автора роднит как минимум то, что он был, если воспользоваться выражением Флобера, «un homme qui a beaucoup voyagé». Таким образом, мы имеем дело, во-первых, с литературным дневником (дневниковой прозой), во-вторых, с путевым дневником или дневником путешествий, и в-третьих, с «путешествиями внутри дискурса», как выражается современное литературоведение[1045], точнее говоря, внутри «дискурса Востока». Эти записи, помеченные точной датой, во всяком случае, весьма далеки от «настоящего дневника» (черновые тетради, собрания заметок, выписки), а представляют собой литературную эссенцию впечатлений, стилистически обработанных и пропущенных через призму «авторства», Autorschaft (об «Излучениях» в целом см. далее).

В первую очередь следует отметить, что юнгеровский «образ Востока»[1046] формируется под воздействием детского чтения сказок «Тысячи и одной ночи» (Alf Laila wa-Laila), которые становятся для него базовой нарративной моделью. Восток изначально является пространством удивительного, манящим своими соблазнами (в том числе эротическими) сердце искателя приключений, оказывается местом, где на счастливца изливается рог изобилия (Uberflufi). С самого начала своей творческой биографии Юнгер пребывает в поисках «мусической», поэтической альтернативы «расколдованному» Западу; и эта тенденция хорошо понятна в контексте широко обсуждавшейся на рубеже веков темы рационализации мира и кризиса культуры[1047]. Начало Первой мировой войны для Юнгера, как и для многих представителей его поколения, связывалось с надеждой на обретение нового мира, отличного от «обесмысленного» буржуазного общества. И после того, как эти надежды окончательно рухнули под нигилистическим натиском «тотальной мобилизации», именно воображаемый Восток, «сон надежды» (говоря словами Эрнста Блоха), оказался тем резервуаром, из которого можно было по-прежнему черпать силы для сопротивления технической революции модерна. Отголоски «Тысячи и одной ночи» не только звучат в цитатах, аллюзиях и образах, но и встречаются в ряде структурных особенностей авторской «оптики», связанной с проблематикой «стереоскопического зрения» или «магического реализма»[1048]. В соответствии с моделью арабских сказок происходит взаимопроникновение «магического» и «реального» мира, а восприятие событий приобретает синхронный и многомерный характер, который выражается в метафорах «глубины» и «поверхности», «переднего» и «заднего плана», «банальности» и «ужаса»[1049].

Не следует забывать и о таком раннем источнике юнгеровского вдохновения, как приключенческие романы К. Мая и Дж. Ф. Купера, Р. Кипплинга и Дж. Конрада, неизменно служившие для автора «надежным средством внутреннего сопротивления» от «вторжений повседневности». «Ориенталистский дискурс» Юнгера очень неоднороден, часто отличается противоречивостью и наводит на мысль о приеме иронии, которая позволяла всегда оставаться на уровне, не опускаясь до подражаний и китча. Тот самый (иронический и потому, кстати говоря, вполне позднеромантический) жест героя «Африканских игр» свидетельствовал о дистанции, занятой автором в 1930-е гг. по отношению к определенным выражениям романтического ориентализма с его замороженностью сюжетами смерти, опасности, эротики и оккультизма.

В послевоенных сочинениях Юнгера на первый план выходит полярность «Востока и Запада». Неотъемлемым элементом в репрезентации Востока выступают такие характеристики, как «деспотичность», «жестокость», «коварство», «пассивность» и «неисторичность» — одним словом, близость к мифу и материнскому праву, впервые

акцентированная романтической традицией и, в частности, Иоганном Якобом Бахофеном, для которого «миф Востока и Запада» определялся историей борьбы мужского аполлонического начала с теллурическими силами Матери-Земли[1050]. Следы этого влияния лучше всего заметны в книге «Гордиев узел»[1051]. В персидском походе Александра Македонского как бы сконцентрировалось могучее противостояние Востока и Запада. Оно символически выражается в решительном разрушении Александром Гордиева узла в самом сердце Азии, узла с глубоко спрятанными концами. Намекает на это противостояние и «великая встреча Пора и Александра»[1052], упоминаемая в дневнике «Семьдесят минуло» в записи от и сентября 1965 г.

Так сказать, в pendant к этой культурно-исторической работе эссе «Приближения. Наркотики и опьянение»[1053] маркирует важный этап в индивидуальной биографии автора, отсылающий к экспериментам с наркотическими веществами. Здесь наркотик неожиданно раскрывается как пространство духовной встречи Востока и Запада. Под руководством «психонавта» читатель погружается в ряд переживаний от чистого удовольствия и пребывания в царстве эстетических грез (главы об опиуме и гашише) до опыта смертельно опасных пограничных состояний, «приближений», вызываемых пейотлем, мескалином или ЛСД.

«Семьдесят минуло» — хронологически самое позднее произведение в этом ряду. Восток толкуется здесь как знак перехода. С одной стороны, путешественник находит все новые и новые подтверждения своим прогнозам. Стратегия автора заключается в том, что он берет свое эссе о «Рабочем» 1932 г., устраняет оттуда все политические коннотации, и использует его как универсальный оптический инструмент для описания планетарных трансформаций. «Гештальт Рабочего» с его нигилистическим разрушительным потенциалом позволяет описывать прогрессирующее «опустошение мира» техникой и регистрировать исчезновение старых символов перед наступлением нового глобального порядка. Вид храмов и паломничеств рождает мысль об «уходе богов», которая содержит не только цитату из «антрепренера разрушения» Леона Блуа, но и намекает на слова Ницше о «смерти Бога». Чуть раньше Мартин Хайдеггер писал в том же духе о поставленной на Рейне гидроэлектростанции.

Убежденный в неизбежности и даже в необходимости «разрушения мифа и номоса», Юнгер фиксирует фрагменты исчезающего старого мира: филиппинские домработницы в воскресный день, манильские крестьяне с их буйволами, рикши в Гонконге и т. д. К чертам рабочего мира относится также «исчезновение подлинника» и музеификация мира, т. е. превращение музеев в «жилища или в одно большое жилище, которое включает в свое пространство города и страны» (запись от 13 октября 1966 г.). Процесс выхолащивания традиционного содержания культуры уподобляется стихийному процессу природы. «Дело демифологизации, которым сегодня занимаются бесчисленные умы, напоминает деятельность муравьиного роя, который проник в кухню и с фантастическим усердием двигает там челюстями. Муравьи изгрызают деликатные вещи, не уставая сообщать друг другу, как это вкусно» (2 ноября 1965 года). Примечательно и то, что в языке автора нет технических аббревиатур (уже столь привычных для нас) для называния нового. Вместо «высоток» он употребляет громоздкое «кварталы высотных зданий», а слово «реклама» поясняет: «флаги, вымпелы и транспаранты».

С другой стороны, Юнгер во время путешествия в Азию обнаруживает неподдельный интерес к развитию транскультурных шрифтовых знаков и идеограмм. «Еще в Гонконге меня изумила власть шрифтовых знаков. Там, по крайней мере, в центральных частях города, сбоку почти всегда помещен перевод, выполненный римскими маюскулами. Когда взгляд касается этой комбинации знаков, она напоминает сочетание цветов и веточек: цветы — идеограммы, веточки — буквы. Данное обстоятельство ведет в самую суть различий зрительного восприятия и понятий — в различия, которые неисчерпаемы. В каждом письме скрывается, если не большее, то, во всяком случае, еще что-то помимо того, что должно им сообщаться» (3-12 августа 1965 г.).

Появление и распространение «планетарных» знаков объясняется слиянием западных и восточных типов знака: к китайскому иероглифу добавлена подпись на латинице. Юнгер усматривает в этом странном и причудливом сочетании возможность перехода в новую эпоху «одухотворения» (*Vergeistigung*)[1054]. Одухотворению, в ходе которого Земля, подобно змее, обретает новую кожу, должно предшествовать - выражаясь языком К. Леонтьева — «вторичное упрощение» или — говоря словами Юнгера — нивелировка мира посредством «вторичных рабочих характеров по поручению хозяина мира, гештальта Рабочего». В частности, на пути перехода человечество поджидает опасность смешения всего и вся и господство усеченного английского как нового *lingua franca*. Однако надежда Юнгера связана с тем, что «подлинная сила таится в неистолкованном». Восток, это подлинное «царство знаков», оказывается тем культурным пространством, где раньше, чем где бы то ни было, даст о себе знать новая планетарная культура и, возможно, разовьется способность читать иероглифы природы.

Таким образом, Юнгер хотя и начинает с «ориентализма» в ранний период творчества, однако постепенно преодолевает его, чтобы освободить пространство для XXI века.

Постколониальный мир в изображении писателя отличается от картин, нарисованных в «Сердце Африки», «Книге джунглей» или «Киме». Черный континент детства проблескивает лишь на мгновение, но он все еще слишком живой, чтобы быть «культурным объектом». Здесь уже нет трагедии, нет героя, не звучит песня о «бремени белого человека». И здесь еще нет этнографического интереса, который движет трэвеллогами последних десятилетий XX века: их создатели не принадлежат никакому месту, готовы оставить родину ради аборигенов и сочиняют одно бесконечное путешествие.

Юнгер дважды (3 июля и 20 сентября 1965 г.) проходит на корабле Суэцкий канал и дважды упоминает поверженный памятник Лессепсу. Случайная, казалось бы, деталь играет важную символическую роль. С одной стороны, она подтверждает окончательное падение преграды между Востоком и Западом, а вместе с тем и невозможность «цензуры Востока» со стороны ориентализма. «Де Лессепс и его канал покончили с удаленностью Востока (*Orient*), с его уединенным затворничеством в отношении Запада, с его вековой экзотикой... После де Лессепса никто уже не мог говорить о Востоке как о другом мире...»[1055]. С другой стороны, эта деталь маркирует возвращение в домашнее пространство. По мере приближения к Европе снова возникают старые темы для разговоров («замещение политики моралью»), старые корреспонденты (Карл Шмитт), знакомые города. Вояж завершен. Автор покидает Восток, но лишь для того, чтобы снова туда вернуться.

Дневник «Семьдесят минуто» был подготовлен к изданию и вышел лишь спустя 15 лет после того, как автор сделал первую заметку в журнале 30 марта 1965 г., на следующий день после своего семидесятилетия. Первый том дневников заканчивается записью от 12 декабря 1970 г. Второй том начинается записью от 24 февраля 1971 г. и кончается записью от 26 декабря 1980 г.[1056] Вместе с последующими томами (*Siebzig verweht III–V*), охватывающими период до 1996 г., эти дневники вошли в корпус текстов под общим названием «Излучения» («*Strahlungen*»), куда изначально входили дневники 1939–1948 гг.[1057]

В предисловии к «Излучениям» автор сравнивает свои заметки с вахтенным журналом: «Это заметки, сделанные во время путешествия по морю: они позволяют заглянуть в пучины Мальстрема, откуда внезапно всплывают чудовища. Мы видим штурмана: он следит за приборами, которые постепенно раскаляются, он обдумывает курс и свою цель»[1058]. (Применительно к публикуемым здесь дневникам эта метафора должна быть понята вполне буквально.) В другом месте Юнгер приводит такой поэтический образ: «О дневнике: короткие, небольшие заметки похожи на сухие чайники; их литературная запись — словно кипяток, который позволяет раскрыть их аромат»[1059].

И все же если отвлечься от способа представления собственного творчества, то можно

сказать, что этот фиктивный дневник является как бы сценой, на которой автор примеряет на себя разные роли и выступает то как наблюдатель, то как энтомолог, ботаник или орнитолог, то как «сейсмограф», фиксирующий тектонические сдвиги в истории Земли. Еще он позволяет читателю заглянуть в интимную сферу снов или приоткрывает для него ящичек с корреспонденцией. Наконец, дневник оказывается словно бахромой ткани, которая ткется во время путешествий и внутри самого текста. Сначала идет работа над книгой «Субтильная охота» (вышла весной 1967 г.), затем — над «Приближениями. Наркотики и опьянение» (вышли в 1970 г.).

Эти эссеистические приемы были частью хорошо продуманной литературной стратегии автора, который сознательно подчеркивал неизменность и непрерывность своего писательского труда именно тогда, когда молодое поколение писателей вроде Гюнтера Грасса, Генриха Белля или Альфреда Андерша было убеждено, что для немецкой литературы наступил «час ноль». В качестве акта сопротивления «вестернизации» и «американизации» Германии он выбирает позицию провокатора и одиночки[1060]. Не стоит, однако, поспешно заключать, что автор затворяется в башне из слоновой кости. Дело в том, что Эрнст Юнгер, как и многие другие журналисты, писатели и философы, чьи имена регулярно всплывают на страницах дневника, выступал интеллектуальным представителем широко распространенного в эру Аденауэра консервативного умонастроения[1061]. После войны многие правые интеллектуалы, лишившиеся в результате оккупационной политики — кто-то на время[1062], кто-то навсегда — своего прежнего статуса, естественным образом ощущали одиночество и в равной мере причастность общему делу «другой Германии». Позднее Юнгер демонстративно подчеркивал, что не читал немецкой литературы, вышедшей после «года трех кайзеров» (1888). Оказавшись перед необходимостью воссоздания среды для общения, немецкие правые интеллектуалы в конце 1940-х — начале 1950-х гг. избрали «эзотерическую коммуникацию», которая заключалась не только в игнорировании «демократической» прессы, но и в создании собственных журналов, а также культивировании личных связей с помощью корреспонденции и частных встреч. Стратегия эзотерической коммуникации неизбежно предполагала отказ от любых форм политической активности, сопровождавшийся убежденностью в том, что «пространства для самостоятельной германской политики больше не существует»[1063]. Однако это вовсе не означало отсутствия собственно консервативной критики культуры, которая во многом формировала публичное пространство дебатов в Федеративной Республике накануне и после событий 1968 г. Цитируем лишь несколько наиболее характерных замечаний Юнгера:

О войне: «Ответной реакции в виде крайнего скепсиса было не избежать. Проявления его нам известны: отвращение к мундиру, флагу, гимну, идеалу боевого рыцарства. К тому же чувство вины — здесь в отношении китайцев — обморочное застывание в низком моральном поклоне... Духовное положение молодого поколения после проигранной войны сходно с немецким — в то время как в странах-победительницах, в Америке, в России, даже во Франции, еще есть герои, например, герои Красной армии, освобождения, сопротивления, побежденные в этом отношении оказываются "далеко впереди". То, что еще осталось от традиций и этических обязательств, выкорчевывалось с огромным старанием. На отходах собираются навозные мухи» (3-12 августа 1965 года).

О проблеме «немецкой вины»: «Мир вошел в такую фазу, в которой один отцеживает от нечистой совести другого. Доильщик совести, новая профессия. Этим живут народы, партии и одиночки, даже философы. И это тоже не улучшает дело и бьет мимо; мне негры были и есть приятны» (20 ноября 1966 года).

О свободе печати: «Подтверждение духовной свободы начинается только там, где о свободе прессы давно уже нет и речи» (2 октября 1967 года).

Этот стиль оставался характерным для право-консервативных интеллектуалов и после их

возвращения в публичное пространство. И все же поразительно, что стратегия подчеркнутого изоляционизма, избранная Юнгером, в ретроспективе оказалась чрезвычайно эффективной и, в конечном счете, способствовала его реинтеграции в канон современной немецкой литературы[1064]. Но задел, собственно, был положен еще в 1982 г.: через год после выхода второго тома «Семидесяти», «спорный» (umstritten) немецкий писатель Эрнст Юнгер стал обладателем престижной литературной премии им. Гёте г. Франкфурта-на-Майне.

Почему мы говорим не об интеграции, а о реинтеграции, которая происходила действительно долго и не без серьезного сопротивления со стороны либерально-демократической общественности? Здесь следует иметь в виду одно немаловажное обстоятельство. Автор, который возвращается к систематическому ведению дневника в 1965 г., в то время отнюдь не являлся аутсайдером немецкой литературы. Даже наоборот. Он был обласкан прессой, издавал вместе с европейской знаменитостью, антропологом и религиоведом М. Элиаде «Антей. Журнал для свободного мира», удостоился в своей адрес хвалебных слов со стороны

Г. Гессе и З. Ленца[1065], наконец, обрел своего постоянного издателя (Эрнст Клетт) и выпустил первое собрание сочинений в ю томах.

В первые годы существования Федеративной Республики сложилась уникальная ситуация. В начале 1950-х гг. вернувшийся из эмиграции Томас Манн писал в одном письме: теперь решается, кто будет представлять немецкую литературу в Федеративной Республике — я или Юнгер[1066]. Послевоенные тиражи романов «На мраморных утесах» (1939) и «Гелиополь» (1949), а также дневника «Излучения» (1949), не считая философских эссе и небольших путевых дневников, измерялись десятками тысяч, и Юнгер действительно был наряду с проникавшими из-за границы американскими писателями вроде Э. Хемингуэя одним из самых продаваемых и читаемых в Федеративной Республике авторов[1067]. И словно в подтверждение своего фактического статуса национального писателя Эрнст Юнгер получил в 1959 г. из рук федерального президента Теодора Хойса Большой крест ордена «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия». О том, почему история германской литературы второй половины XX столетия все же ассоциируется с другими именами, следовало бы писать отдельное исследование, которое совсем не входит в наши задачи.

Однако вернемся к «путевой» составляющей дневников. Небезынтересно отметить некоторые элементы литературной (само) стилизации и (само) репрезентации, которые не бросаются сразу в глаза. Во-первых, «достигший библейского возраста» писатель выступает не как индивидуальный путешественник, а в сопровождении своей второй жены, которая постоянно о нем заботится. В тексте дневников она выступает под именем Штирляйн (Stierlein) — так по-немецки звучит уменьшительное от «Тельца» (Stier), знака Зодиака, под которым родилась доктор германистики Лизелотте Юнгер (Бойерле). Тем самым уже здесь автор ненавязчиво признается читателю в своих симпатиях к астрологии, которая в поздний период творчества была для него (наряду, скажем, с физиогномикой) необходимым в эпоху «одухотворения» средством толкования космических символов, — средством, «несправедливо оказавшимся в руках сектантов».

Во-вторых, сама топографическая карта перемещений автора по Германии носит подчеркнуто консервативный (прежде всего, в социальном смысле) характер. Элитный гамбургский район Бланкенезе на правом берегу Эльбы, замок Гогенцоллернов Хехинген, штутгартский дом издателя Эрнста Клетта и, наконец, дом писателя в Вильфлингене (бывший дом лесничества в стиле южногерманского барокко) с окнами на родовую замок баронов фон Штауффенберг, где Юнгер был всегда желанным гостем.

В-третьих, автор старается поставить свои вояжи то в контекст античных путешествий, то намекнуть на «школу Гумбольдта», когда путешествовали пешком или на лошади, то просто обратить внимание на перст судьбы. «Путешествия ведут не столько через ряд мест, сколько

вдоль цепочки друзей» (12 октября 1965 г.). Или в другом месте: «Я подумал, что мои путешествия походят на античные в том смысле, что ведут скорее от друга к другу, нежели от местности к местности» (13 октября 1966 г.). Некий музыкант и дирижер из Цюриха Герман Дубе однажды пригласил Юнгера на Гран - Канария. Вышло так, что автор смог отправиться туда лишь после его смерти и таким образом «унаследовал путешествие» (29 мая 1970 г.).

Грандиозная карта маршрутов выглядит так, как если бы из деревушки Вильфлинген в Верхней Швабии тянулись незримые нити в самые разные точки постколониального мира. «Франци» фон Штауффенберг приглашает чету Юнгер посетить свои плантации кофе в Килумбо — аккурат в год первого вооруженного восстания за независимость Анголы. Путь туда лежит через Португалию Салазара, и в Лиссабоне гражданин Федеративной Республики делает прозрачный намек относительно выучки местной полиции. Приплыв на португальском теплоходе в Анголу, Юнгер входит в общество немецких переселенцев из Юго-Западной и Восточной Африки, плантаторов и заядлых охотников, чьи живые и жизненные образы невольно заставляют читателя вспомнить о героической, но тщетной борьбе подполковника фон Леттова-Форбека против англичан в годы Первой мировой войны.

Наконец, первое большое путешествие, которым открывается дневник, было не чем иным, как роскошным подарком Вернера Трабера, сделанным давнему другу ко дню рождения [1068]. С именем В. Трабера, директора Гамбургского пароходства HAPAG (Hamburg-Amerikanische Packetfahrt- Actiengesellschaft), связано возрождение этой компании после войны. И теплоход «Гамбург» (тоннаж: 2826 BRT) стал первым судном, которое в 1950 г. снова вышло на международные линии.

Накануне отъезда Юнгер получает письмо от Мартина Хайдеггера: «Мартин Хайдеггер, который в настоящее время, по-видимому, читает древних китайцев, пишет мне, что лучше всего находиться в комнате, не следует даже смотреть в окно. Это как личная максима, безотносительно к нашему путешествию. Он прилагает стихотворение Лао-Цзы» [1069]. Хайдеггер находится в тот момент во Фрайбурге-в-Брейсгау и сожалеет о том, что вынужден отказаться (по причине запланированного визита к нему гостя из-за рубежа) от приглашения к премьер-министру земли Баден-Вюртемберг Кизингеру на завтрак, который тот дает в честь Юнгера первого июня в Штутгарте. «В остальном, — продолжает Хайдеггер, — нашему брату следует придерживаться старого изречения Лао-Цзы». Речь идет о 47-й главке сочинения «Дао дэ цзин». В русском переводе она звучит так: «Не выходя со двора, можно познать мир. Не выглядывая из окна, можно увидеть путь Неба. Чем дальше уйдешь — тем меньше узнаешь. Поэтому мудрец не ходит — а знает, не показывается — а обретает славу, не действует — а достигает совершенства». Хайдеггер получит ответ от Юнгера только через месяц: письмо написано на фирменном бланке пароходной компании («Hamburg-Amerika Linie») и надписано от руки: «Джибути, 8.7.1965. Корабль "Гамбург"».

Цитату из Лао-Цзы следует понимать, как сразу безошибочно определяет Юнгер, в смысле близкой и ему «личной максимы», т. е. внутренней позиции сопротивления или, как было сказано выше, стратегии эзотерической коммуникации. В действительности Хайдеггер тоже предпринимал значимые для него путешествия в Грецию в 1962 и 1967 гг., а также в Италию в 1952 и 1963 гг., где один фотограф запечатлел его плывущим по Венецианским каналам в гондоле. Здесь он, в частности, поставил свой безрадостный диагноз: Венеция превращается в мертвый «объект истории», «отданный на разграбление индустрии туризма» [1070].

Сам Юнгер как автор путевого дневника находится в некоем очень странном промежутке между уходящим старым и еще не наступившим новым. С одной стороны, он отличает себя от новых «туристов», высказывает недоверие к ним и описывает их со стороны («потoki туристов»). «Нахлынувшие туристы осваивают приблизительно те же береговые полосы, как раньше генуэзцы», — записывает он 4 июня 1966 г. после посещения пляжа Порто. Или, в другом месте, в связи с путешествием на Корсику: «Мы видели и слышали иностранных туристов, которые с аппетитом уписывали там всякую всячину — почти сплошь земляки»

(14/15 июня 1966 г.).

С другой стороны, на Тайване чету Юнгер неотступно сопровождает турагент, «мистер Чин Чэнь», через него же заказывается и еда в ресторане. Автор кормит филиппинских детей конфетами, сравнивает достоинства отелей, открывает новый мир гостиничного сервиса, радуется еде как одному из основных способов познания мира, восторженно и почти по-детски передает свои впечатления от пассажирского лайнера. Наконец, постоянно пребывает «в поисках видов» и повсюду стремится к «аутентичности» (ср.: Рим, 22 апреля 1968 г.).

В конечном счете, сама судьба заставляет его разделить блеск и нищету современного путешественника. Массовый туризм навязывает свой стиль «рабочего мира» архаичным ландшафтам природы и культуры. Современный турист «пролетает мир как сиамский близнец: как homo faber и как homo ludens, как намеренно безысторичный и как мусический, жаждущий образов человек, то гордясь своим титанизмом, то печальсь о разрушении, которое за ним следует. Чем сильнее, чем мощнее вырастают у него крылья, тем реже он находит то, что угодно для его души» (3-12 августа 1965 г.). Однако вместе с тем Юнгер по-стоически надеется сохранить свободу, которая заключается в способности занять дистанцию и выбрать правильную перспективу.

Кроме того, дневник дает пример превосходного упражнения в зрении для «культурного туриста»: «Путешествуя, в чужом узнаешь собственное». Во многих наблюдениях содержится своего рода ключ, позволяющий разомкнуть чуждое и непонятное. Среди прочего хотелось бы отметить сделанное мимоходом замечание об отношении японцев к старине. «Таким образом, тщательно копируются старинные образцы. Исполнение было тоже удачным, и чтобы оценить результат, нужно сравнивать его не с нашими древними соборами, а с их неоготическими и неоромантическими имитациями» (3-12 августа 1965 г.). Именно так, просто и точно, объясняется феномен, о котором Юнгер мог только догадываться, но который сейчас стал частью повседневности: повышенное и даже навязчивое внимание японских и корейских туристов именно к тем «достопримечательностям», которые современному образованному европейцу с его историческим и герменевтическим сознанием скорее покажутся китчем. Юнгер, говоря его же словами, — «удивительно хороший наблюдатель, которому четверть часа, проведенная на Рыночной площади чужого города, дает больше материала, чем иному — целый год» (о Жане Жионо, запись от 19 сентября 1965 г.).

Итак, разрушение, «опустошение мира» производится не самим человеком — таково убеждение автора. Некое осмотическое движение создает образы и вновь затягивает их в безымянную первооснову. Поэтому Юнгер параллельно с туристическим освоением внешнего мира все интенсивнее занимается темой «нерасчлененного» (das Ungesonderte, das Unvermessene), лежащего в основе всех явлений. С помощью стереоскопической методики это нерасчлененное может быть представлено как нечто образное, как оптический феномен. Воспринятое как бы изымается из временного потока и в какое-то мгновение в отображении проблескивает праобраз (Urbild), в «поверхности» обнаруживается «глубина». Эту игру Юнгер называет словом «приближение»: оно соответствует религиозному, художественному опыту и, в конце концов, мистерии смерти. Приближение (или сближение) к действительности осуществляется двумя способами — через доказательство-демонстрацию гармоничного порядка, который является в богатстве и многообразии явлений, и через опыт священного, всеобъемлющего и непостижимого, из которого все выходит и куда все возвращается.

От ранних эссе и дневников «Семьдесят минуло» отличаются тем, что в них почти нет места для ключевых событий эпохи, вкус к которым так убедительно демонстрировал молодой национал-революционный публицист и создатель эссе «Тотальная мобилизация» и «Рабочий» Юнгер в 1920- 1930-х гг. Сообщения из новостной ленты — убийство Руди Дучке, высадка американцев на Луну — теперь будто преломляются в сложной системе зеркал. Во время студенческих волнений в мае 1968 г. Эрнст и Лизелотте Юнгер гостят на Villa Massimo

в Риме. Их круг общения — тот самый «истеблишмент», на который обращен гнев протестующей толпы. Юнгер посещает вечера у германского посла в Ватикане, обедает у принца Отто фон Гессена на Villa Palessina, встречается с французским генералом Мишелем Буваром, писателем Стефаном Андресом и специалистом по маньеризму Густавом Рене Хоккее, наконец, неутомимо осваивает древности Вечного города. Очевидно, «после семидесяти» ему уже не удастся вести живой диалог со временем. В самом деле, когда наблюдаешь за действиями сил космического масштаба, занимать моральную или политическую позицию излишне. По этому поводу Юнгер однажды заметил: не имеет смысла размышлять о следующем ходе, если все фигуры летят с шахматной доски в пропасть[1071].

Надежда на возможное преодоление нигилизма, упование на «Великий переход» (der Große Übergang), происходящий помимо человеческих усилий, составляют основную идею творчества Юнгера, фундамент его «авторства». Поэтому внутри обычной туристической активности он ищет «минуты, когда мы с Землей остаемся один на один, как с невестой в брачных покоех» (ит сентября 1965 г.). Не социально-экономические и политические перемены обращают на себя его внимание — его влечет энтомология, интерес к растениям и животным, природным событиям, наконец, к истории Земли. Битники у Испанской лестницы в Риме, правда, тоже удостоиваются упоминания в дневнике; и пусть они не вписываются в систему Линнея, однако их спасает экстравагантный наряд, в котором они хотя бы чем-то похожи на представителей отряда coleoptera.

Готовясь к путешествию, Юнгер не только выбирает для себя круг чтения на ближайшие месяцы, но и запасается инструментами для утонченной («субтильной») охоты, как он называл свои энтомологические штудии. И этот момент возвращает нас вновь к путешествиям XIX века, однако, в данном случае, уже к путешествиям натуралистов.

Юнгер сетует: мол, современникам с их фрагментарным и калейдоскопичным восприятием действительности далеко до «научных умов XIX столетия, которые хотя бы создали целостное представление о мире»[1072]. В этом отношении фигура Александра фон Гумбольдта носит для него образцовый характер. Гумбольдт — «великий учитель», для него «мир еще цел».

Если открыть самую популярную книгу Гумбольдта «Картины природы» («Ansichten der Natur», 1808), нельзя не заметить в его эстетическом подходе к природе сильного влияния Канта и Шиллера. «Все, из чего составляется характер ландшафта: очертания гор, которые в туманной дали ограничивают горизонт; сумрак елового леса, лесной поток, с грохотом проносящийся между нависшими утесами, — все это находится в потаенной связи с внутренней жизнью человека»[1073]. Юнгер же ищет не «возвышенного в природе», а нацелен на дескрипцию. В равной мере он чужд идеям психологической герменевтики. Факт мира не является тем, что должно быть проинтерпретировано с целью раскрытия некоего лежащего в его основании этического или религиозного содержания. В герменевтическом смысле (оно получило классическое выражение у Ф.Д.Э. Шлейермахера) эстетическое созерцание должно завершаться спекулятивной или религиозной идеей и постоянно соотносить совокупность мира с субъективностью чувствующего или созерцающего, усматривать закон мироустройства в произвольном чередовании образов и форм в созерцании. Это, в свою очередь, требует постоянного усилия интерпретации: мир постоянно пропускается через устремленную in infinitum субъективность, творческую индивидуальность, которая сама становится объектом психологического и грамматического толкования. При таком подходе центр тяжести лежит в чувстве.

Дескриптивность юнгеровских текстов иного рода. Здесь главное не художнический порыв как переживание и предвосхищение Вечного. В центре находится факт как особенное, от которого совершается дальнейшее движение к неразделенному и необособленному. В этом смысле Юнгеру, скорее, ближе «спинозистский» или «гётеанский» взгляд, согласно которому язык должен отражать порядок природы, причем тот же самый порядок доступен и нашей

душе.

Находясь на Канарских островах, которые посещал и Гумбольдт, оставивший прекрасное описание Пика-де-Тейде на острове Тенерифе, Юнгер делает выписки из биографии великого немецкого путешественника, географа и натуралиста: «Гумбольдт воспринял из морфологии Гёте понятие динамического типа в качестве методического принципа, чтобы описывать гештальты в их ставшей исторической целостности. Таким динамическим первообразом было, к примеру, перворастение Гёте как модель, которая лежит в основе не только всех существующих растений как общий их образец, но согласно строительному плану которого также можно было бы придумать еще сколь угодно много растений....» (7 июня 1970 г.).

Само собой разумеется, у Гумбольдта есть и другие гётеанские пассажи, которые, вероятно, должны были вызывать у читателя и энтомолога Юнгера неподдельное восхищение. Приведем знаменитое описание картины ловли «гимнотов», электрических угрей, которую Гумбольдт и его спутник Бонплан наблюдали в притоках Ориноко. Индейцы, боявшиеся подвергнуться действию электрических разрядов, загоняли в болота лошадей и не давали им обратиться в бегство и выбраться на берег до той поры, пока не обессилеют и те, и другие. «Такова, — заключает Гумбольдт, — необычайная борьба лошадей и рыб. Сила, которая является незримым живым оружием жителей этих вод, — это та же сила, которая, пробужденная соприкосновением влажных и разнородных частиц, циркулирует во всех организмах, животных и растений; которая вызывает огонь в небе и заставляет греметь гром; которая притягивает друг к другу куски железа; которая направляет спокойные колебания путеводной стрелки космоса. Все эти явления рождаются из одного источника как краски разложенного светового луча; все они соединяются в одной вечной и вездесущей силе»[1074]. Эта внезапная смена аспекта, неожиданное смещение взгляда с красочных деталей на некий общий космический план, встречается и во многих пассажах «Семидесяти». Можно привести в пример захватывающее описание водяного буйвола на рисовом поле, который внезапно переходит в образ-символ вечной плодородности Земли, или опять-таки любой из множества рассеянных по книге эпизодов «субтильной охоты».

Энтомология и литература — две пересекающиеся плоскости, и самое интересное происходит на линии пересечения этих плоскостей. Траекторию полета жуков-скакунов (*cicendelae* — несомненные фавориты Юнгера среди жуков) с их отрывистыми, скачкообразными движениями можно увидеть как текст, где предложения и абзацы отделены друг от друга особой пунктуацией. Насекомые вдруг оказываются семиотическими объектами, которые можно расшифровывать и читать. Но это всего лишь еще одна — пусть очень существенная — оптическая модель, которая призвана помочь читателю в чтении идеограмм природы и культуры. «Сила территорий из больших глубин определяет не только гармонию живых существ друг с другом, но и с неживой природой. Удаленные друг от друга вещи вступают в созвучия, слова с совершенно разным значением звучат вместе благодаря рифме. Мир становится плотнее, становится стихотворением. Существует иероглифическое письмо природы; глаз, наметанный в различении тончайших деталей, узнает в них характерные черты континента, острова, горной цепи, подобно тому, как знатоки умеют определять характер по почерку человека»[1075]. «Die Welt wird dichter, wird Gedicht»: мир — стихотворение. Стихотворение, которое слагает образованный путешественник. И в дневниках Юнгера он находит ценную подсказку, как «подобрать свою рифму к миру».

В заключение остается посоветовать современному путешественнику из России непременно взять с собой эти дневники в дорогу. И не стоит выбрасывать их по прочтении за борт круизного лайнера или — жест, конечно, менее романтический — оставлять на гостиничной тумбочке перед вылетом из Манилы, Токио или Агадир. В домашней библиотеке между классическими книгами Дж. Конрада и Р. Киплинга и популярными сегодня трэвелогами Б. Чатвина и С. Линдквиста они, несомненно, займут достойное место.

При написании комментариев к переводу использовался индекс имен ко всем дневникам Э. Юнгера, составленный германистом Т. Вимбауэром (Wimbauer T. Personenregister der Tagebücher Ernst Jiingers. Schnellroda: Edition Antaios, 2003).

Александр Михайловский (р. 1977), доцент философского факультета Государственного университета, Высшая школа экономики.

Примечания

1

См.: Юнгер Э. В стальных грозах / Пер. с нем. Н.О. Гучинской и В.Г. Ноткиной. СПб.: Владимир Даль, 2000. С. 263–295 (глава «Великая битва»).

2

Развалины замка Шатцбург (Schatz

нем. — сокровище, клад), называемого также Шатцберг, расположены на отроге горного хребта на высоте 1600 м юго-восточнее Эгельфингена в округе Биберах в Баден-Вюртемберге. Горный замок был построен в XIII веке сюзеренами фон Шатцберг, он впервые упоминается в 1267 г., сожжен в 1442 г., следующими его владельцами были графы фон Монфор и Габсбург.

3

Stierlein — бычок

(нем.) . Под этим именем в дневниках фигурирует вторая жена (с 1962 г.) автора Лизелотте Бойерле (р. 1917), в первом браке Лорер. Она защитила докторскую диссертацию по германистике, создала в Немецком литературном архиве г. Марбах-на-Неккаре отдел издательства «Котта» и редактировала в издательстве «Клетт-Котта» (правопреемник) труды своего мужа.

4

Юнгер отсылает к стихотворению Аннете фон Дросте-Хюльсхоф «Возмездие».

Гостиница с рестораном в Вильфлингене.

Эрнст Никиш (1889–1967), немецкий политик и публицист; педагог по образованию. С 1917 г. — член СДПГ; 1927–1934 гг. — издатель еженедельного журнала «Сопrotивление» («Widerstand»), в котором выступал с теоретическим обоснованием национал-большевизма; в 1937 г. был обвинен в государственной измене и приговорен к тюремному заключению. Эрнст Юнгер познакомился с ним в Берлине в 1927 г. В основанном Э. Никишем в Дрездене (перенесенном позднее в Берлин) журнале «Сопrotивление» Э. Юнгер с 1927 по 1933 гг. опубликовал около полутора десятка статей и несколько отрывков из «Сердца искателя приключений. Заметки днем и ночью» (1929) и «Рабочего» (1932). В издательстве при этом журнале Фридрих Георг Юнгер выпустил в 1934 г. книгу своих стихотворений (в том числе тираноборческий «Мак»). Эрнст Никиш был арестован 21 марта 1937 г. и находился под следствием, в 1939 г. по решению «народного трибунала» был приговорен к пожизненному заключению за государственную измену (еще в 1932 г. Никиш написал книгу «Гитлер, злой рок Германии»), сразу после ареста своего друга Э. Юнгер укрыл у себя его жену Анну и их сына. Несмотря на индивидуальные различия во взглядах на политику (Юнгер понимал себя как наблюдатель, а Никиш — как политический активист), можно при всех условностях говорить об общности их политических позиций по многим вопросам. Есть основания рассматривать «Рабочего» как теоретическое обоснование политической программы Э. Никиша. Из тюрьмы он вышел практически слепым. После войны остался на Востоке и вступил в КПГ (позднее СЕПГ), с 1948 по 1954 гг. читал лекции в Берлинском университете (ГДР), выступал с критикой руководства партии и способствовал событиям 17 июня 1953 г. После Берлинского восстания сложил с себя полномочия депутата Народной палаты ГДР, вышел из партии и переселился в Западный Берлин. В цикле дневников «Излучения» (1939–1948) Эрнст Юнгер выводил его под фиктивным именем Целла(у)рис.

Эрвин Роммель (1891–1944), немецкий генерал-фельдмаршал, легендарный командир Африканского корпуса, прозванный англичанами «Лисом пустыни». Под впечатлением катастрофически-ошибочных решений Гитлера он решил ранней весной 1944 г. примкнуть к движению сопротивления. Однако уже при подготовке переворота был во время одного авианалета тяжело ранен; после провала покушения на Гитлера покончил самоубийством. В своих дневниках («Семьдесят II», запись от 1 мая 1979 г.) и интервью Юнгер неоднократно с гордостью упоминает о фразе Роммеля, якобы произнесенной им после прочтения трактата «Мир»: «С этим можно работать».

Альфред Тёпфер (1894–1993), немецкий предприниматель, начавший сотрудничать с нашей страной еще в 20-е годы минувшего века. Накопив значительный капитал, он учредил Гамбургский фонд своего имени. Влюбленный в русскую литературу, А. Тёпфер завещал свои средства Фонду, призванному поддерживать представителей культуры разных стран, в том числе России. У нас литературная премия Фонда Тёпфера носит имя А. С. Пушкина, в Англии, например, аналогичную премию называют Шекспировской. См. запись от 26 июля 1943 в «Излучениях».

9

Дома свиданий

(франц.) .

10

«И выпал иней в весеннюю ночь»

(нем.) .

11

«Они увяли, умерли»

(нем.) .

12

Антон Вильгельм Флорентин фон Дзуккамальо (1803–1869), немецкий фольклорный писатель и исследователь народных песен, автор стихов и композитор. С 1832 по 1840 г. был в Варшаве воспитателем одного из русских цесаревичей. Дзуккамальо также писал статьи для издаваемого Робертом Шуманом «Нового музыкального журнала». Он собирал народные песни и позднее опубликовал это собрание, которое высоко оценил и использовал в своем творчестве Иоханнес Брамс.

13

Так автор обозначает свои энтомологические занятия. Книга под названием «Subtile Jagden» вышла в 1967 г. Выбранные главы в рус. пер.:

Юнгер Э. Тонкий охотник / Пер. с нем. А.В. Михайловского // Лицейское & amp; гимназическое образование, 1999, № 5. С. 88–93.

14

Ханс граф фон дер Гольц — крупный предприниматель, экономист, банкир и известный писатель.

15

Курлов Павел Григорьевич (1860–1923), полицейский чиновник, с 1906 г. — член Совета министра внутренних дел, и.о. вице-директора Департамента полиции, с 1907 г. — начальник Главного тюремного управления, с 1909 г. — товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией, командир Отдельного Корпуса Жандармов; после убийства Столыпина уволен с должности. После Февральской революции был арестован, освобожден, в 1918 г. уехал за рубеж, где издал свои воспоминания.

16

Имеется в виду князь Сергей Дмитриевич Урусов (1862–1937) и его книга «Записки губернатора», опубликованная в Берлине (1908).

17

Акелдама (Хакелдама, араб. «Поле крови», Деян 1:19) — встречается только в указанной цитате, как название части земли, купленной за 30 сребреников, полученных Иудой за предательство Спасителя и возвращенных им снова Иудейским первосвященникам, которые, впрочем, считая непозволительным вложить оные в сокровищницу церковную, потому что эта цена крови, купили на них землю горшечника для погребения странников (Мф 27: 6–8). Отсюда произошло и название оной: Акелдама. («Энциклопедия архимандрита Никифора».) Акелдама (Деян. 1:19) — «земля горшечника», небольшой участок земли на юг от Иерусалима с особо мягкой глиной, купленный первосвященниками на деньги Иуды Искариота, которые тот получил за предательство Иисуса Христа и позже бросил в храм. Остатки кладбища на этом месте сохранились до сих пор. («Библейский словарь В. П. Вихлянцева».)

18

Имеется в виду первая жена автора Грета Юнгер, урожденная фон Йенсен (1906–1960), мать их двоих сыновей: Эрнста и Александра. В дневниковом цикле «Излучения» автор вывел ее под именем Перпетуя.

19

Эрнст Клетт (1911–1998), немецкий издатель, владелец с 1936 г. одноименного фамильного издательства, куда позднее ввел своих сыновей (Михаэля и Томаса Клетта); в настоящее время издательство входит в издательскую группу «Klett-Cotta», владеющую исключительным правом на публикацию трудов Эрнста Юнгера. Близкий друг Эрнста Юнгера. См. записи от 8 июля 1965 г. и 21 января 1968 г.

20

Ханс-Петер (Жан-Пьер) де Кудр (1905–1977), гамбургский архивариус и библиограф. Выпустил первую библиографию трудов Эрнста Юнгера, продолженную Хорстом Мюльайзенем (Coudres Hans Peter des. Bibliographie der Werke Ernst J?ngers. Stuttgart: Klett, 1970, нов. дополн. изд. 1996).

21

Хуго Фишер (1897–1975), философ и писатель, с которым Юнгер познакомился во время учебы в Лейпциге. С ним он в 1929 г. путешествовал на Сицилию («Из золотой раковины») и в 1933 г. в Норвегию («Мюрдун»). В образе Магистра изображен в новелле Юнгера «Посещение Годесхольма». Юнгер выводит Хуго Фишера также под именем Нигромантан, которое впервые звучит в книге «Сердце искателя приключений» (1929, вторая ред. 1938), а затем появляется в романе «Гелиополь» (1949).

22

Андреас Пауль Вебер (1893–1980), немецкий живописец и рисовальщик. Известность приобрел благодаря виртуозным, выполненным в сюрреалистически-гротескной манере литографиям и рисункам пером. В годы национал-социализма его политические карикатуры публиковались в национал-большевистских журналах «Сопrotивление» и «Решение», за что он был арестован. В настроении его поздних работ чувствуется влияние А. Кубина. В 1936 г. написал маслом картину «Эрнст Юнгер в Госларе», а позднее создал парный портрет Э. и Ф.Г. Юнгеров «Игроки в шахматы».

Трактат «Мир» («Der Friede») был задуман Юнгером как манифест еще в декабре 1941 г., закончен в сентябре 1943 г. Сначала распространялся в списках, впервые напечатан в Амстердаме в 1946 г. (из-за запрета британских оккупационных властей публиковаться в Германии).

Оши (Оскар) Киус (р. 1897), в звании лейтенанта принимал участие в Первой мировой войне, боевой товарищ Эрнста Юнгера. В послевоенное время они поддерживали дружескую связь (см. письмо Э. Юнгера к своему брату Фридриху Георгу от 21.3.1930).

Павлинобая индейка, называемая также глазчатой индейкой (

нем. Pfauentruthahn, лат. *Agriocharis ocellata*), куриная птица субтропических долин Нового Света из рода индеек, семейства фазановых. Отличается великолепной расцветкой перьев.

Annäherung — понятие, часто используемое Юнгером в послевоенный период творчества для обозначения приближения к «великому целому» и «космическому плану»; по своему смыслу близко «духовному приключению». «Приближения. Наркотики и опьянение» («Annäherungen. Drogen und Rausch») — так называется книга Юнгера, вышедшая в 1970 г. В этом большом эссе — во многом автобиографическом — автор описывает широкую палитру наркотических веществ и их воздействий (от пива, вина, табака, опиума, кокаина, гашиша до мескалина и ЛСД), прибегая к множеству исторических, мифологических и литературных экскурсов. На страницах дневника «Семьдесят I» представлена подготовительная работа над текстом книги. Ср. запись от 17 мая 1965 г.

Vadengele — старое швабское название первоцвета (*Primula veris*) из семьи Primulaceae (первоцветные) — ярко желтого, благоухающего цветка, который встречается крайне редко.

От

нем. Föhn — сильный, порывистый, теплый и сухой ветер, дующий с гор в долины.

29

В путь

(франц.) .

30

Анри Пляр (р. 1920), германист франко-бельгийского происхождения, переводчик ряда работ Э. Юнгера на французский язык.

31

Джорджо де Кирико (1888–1978), итальянский художник, близкий к сюрреализму. Учился в Афинах, Флоренции и в Художественной академии Мюнхена. Основал движение «метафизической живописи», в 1925 г. опубликовал роман «Гебдомерос» (рус. пер. 2004), а также «Воспоминания о моей жизни» (1945).

32

Леон Блуа (1846–1917), французский католический писатель. Не добившийся при жизни широкого признания, он, тем не менее, оказал серьезное влияние на литературу неокатолического модерна (Бернанос, Мориак, Клодель и др.). Э. Юнгера в нем, прежде всего, привлекала не сокрушаемая никакими человеческими низостями и падениями вера в Бога. По поводу его книги «Бедная женщина» Э. Юнгер заметил: «Блуа представляет собой сдвоенный кристалл из алмаза и нечистот». См. также запись от 7 июля 1939 г. в «Садах и дорогах».

33

Vergeistigung — этот термин активно используется Юнгером начиная с трактатов «У стены времени» (1959) и «Maxima-Minima. Замечания к „Рабочему“» (1964). Опираясь на

хилиастическое учение Иоахима Флорского, Юнгер делает прогноз о наступлении третьего эона (после эпох Отца и Сына), «в котором дух будет воздействовать на события как новая, непосредственная манифестация божественного». В свете своей концепции «гештальта рабочего» он склонен рассматривать планетарную технику как «спроецированный дух». Юнгер отказывается от пессимистической оценки техники как «бездуховной машинерии» и предлагает видеть в экологической угрозе не признак катастрофы, а признак космической перемены. На смену всемирно-исторической модели приходит модель «истории Земли». Таким образом, автор имеет в виду некое «одухотворение Земли» («Erdvergeistigung»), в ходе которого наша планета «обретает новую кожу», а человек выходит из роли Геракла и осознает себя в роли Антея.

34

Скакуны (*Cicindela* L.). Среди жужелиц обособленное положение занимают скакуны, относящиеся к отдельному подсемейству (*Cicindelinae*). В отличие от большинства жужелиц скакуны, которых существует множество видов, активны днем, держатся на открытых местах, быстро бегая по почве, при опасности перелетают на короткое расстояние. Распространены широко. За хищный нрав и серповидные зазубренные челюсти англичане, например, называют скакунов жуками-тиграми.

35

Имеется в виду труд Артура Шопенгауэра «*Parerga und Paralipomena*» (см.: Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1990).

36

Фридрих Зибург (1893–1964), немецкий писатель, публицист и один из самых значительных литературных критиков Германии. В 1924–1942 гг. был корреспондентом «Франкфуртер цайтунг» в Копенгагене, Париже, Лондоне и Африке; в 1948–1955 гг. — соиздатель журнала «Современность» («*Die Gegenwart*»); с 1956 г. руководит литературным приложением «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг». Автор исторических биографий («Робеспьер», 1935; «Наполеон», 1956; «Шатобриан», 1959) и переводчик (Бальзак, Кнуд Расмуссен и др.). Наиболее известно его эссе «Бог во Франции» (1929). Некоторое время придерживался национал-социалистических взглядов. В описываемый период работал в тесном сотрудничестве с немецким посольством (Отто Абетц) и с Немецким институтом в Париже для сближения и взаимопонимания двух культур; действительный член Академии Искусств (Берлин).

37

Теодор Хойс (1884–1963), немецкий политик, ученый и журналист, с 1949 по 1959 гг. был первым президентом Федеративной Республики Германия.

38

Эрнст Бёрингер (1896–1965), немецкий предприниматель и исследователь.

39

См. прим. к записи от 11 июня 1965 г.

40

Имеется в виду второй сын писателя Александр Карл Юнгер (1934–1993).

41

Эмиль Нольде (настоящее имя — Ханс Эмиль Хансен, 1867–1956), немецкий художник, один из самых ярких представителей экспрессионизма, член художественного объединения «Мост» (Дрезден); много путешествовал и рисовал море.

42

Кацусика Хокусай (1760–1849), японский художник-иллюстратор и гравёр.

43

Девиз 73-го ганноверского фузилёрского полка «Гибралтар», в который Эрнст Юнгер поступил 19-летним добровольцем в августе 1914 г.

44

Кустарник, заросли кустарника

(ит.) .

45

Кардинал Клеменс Август граф фон Гален (1878–1946), немецкий аристократ, епископ и позднее кардинал Римской Католической церкви; получил основательное гуманитарное образование, антифашист и антикоммунист. За свою открытую конфронтацию с политикой нацистских властей приобрел имя «Мюнстерский Лев», впрочем, и с другими властями он тоже не ладил. После 1945 г. выступал с критикой действий западных союзников (в том числе за разрушительные бомбардировки немецких городов, а также за передачу прусских областей Польше и Советскому Союзу и выселение оттуда немцев). Был избран почетным гражданином города Мюнстера. Беатифицирован (причислен к лику блаженных) в 2005 г.

46

Нильс Стенсен (называемый также Николас Стенус или Стено, 1638–1686), датский врач, естествоиспытатель и геолог.

47

Мария Дросте цу Фишеринг (1863–1899), девушка из семьи немецких аристократов, она в 1888 г. ушла в монастырь Доброго Пастыря и получила церковное имя сестры Марии Божественного сердца. В 1894 г. ее направили в Порту (Португалия) для религиозно-благотворительного служения. Там же и похоронена. В 1975 г. беатифицирована.

48

«Ни похвалами, ни угрозой»

(лат.) .

49

Эрнстль — старший сын автора от брака с Гретой Юнгер (1926–1944).

В 1913 г. молодой Эрнст Юнгер сбежал из дома, записался во французский Иностранный легион и был направлен в Алжир, в расположенную в Сиди-бель-Аббе 26-ю учебную роту. Через полгода был вызволен оттуда стараниями отца.

Умм-эль-Банин (1905 — после 1976), русская писательница азербайджанского происхождения, жившая в Париже и писавшая по-французски. Прочитав произведение Э. Юнгера, она послала ему письмо с выражением восхищения и свой роман «Нами». Они познакомились в Париже в октябре 1942 г., вскоре после этого Юнгер навестил ее в ее квартире на улице Лористон, и даже некоторое время жил у нее. Установившиеся между ними дружеские отношения выдержали все испытания и продолжались до конца ее жизни. Умм-эль-Банин оставила также мемуары об Иване Бунине. См. в «Излучениях» запись от 12 октября 1942 г.

Марчелло Стальено (р. 1938), итальянский журналист; Генри Фёрст (1893–1967), итальянский переводчик.

С первого взгляда

(лат.) .

Хорошая примета

(лат.) .

Красное пьемонтское вино.

Разрушитель

(ит.) .

Антрепренер разрушения

(франц.) . «Entrepreneur de d?molitions» было написано на визитной карточке писателя Леона Блуа.

Под этим именем в дневниках Э. Юнгера фигурирует литературовед Эдмунд Шультц-старший (1901–1965), с которым автор познакомился во второй половине 20-х годов, живя в Берлине. Э. Шультц был знатоком творчества Ф.М. Достоевского, и не без его влияния Юнгер в те годы запоем читал русских классиков: Карамзина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого и др. См. также запись в «Излучениях I» от 18 июня 1939 г.

Имеется в виду Фридрих Хильшер (1902–1990), фигура которого отражена на страницах «Излучений» также под именем Бого (ср. прим. к записи от 9 августа 1939 г.). Литератор и публицист национально-революционного толка, религиозный философ. Э. Юнгер познакомился с ним еще в 20-ые годы в Берлине. Весной 1930 г. вышла книга Хильшера «Рейх» (Hielscher F. Das Reich. Berlin, 1930), которая вызвала широкий резонанс в националистических кругах Веймарской республики. Тогда же им был создан одноименный журнал, в котором публиковался и Эрнст Юнгер. В 1933 г. Хильшер порвал с евангелической церковью и основал общину «Свободной церкви», выступив как провозвестник нового религиозного учения с элементами пантеизма. Несмотря на миссионерский пыл Хильшера (особенно в 1950-е гг.), Юнгер поддерживал с ним переписку до середины 1980-х гг. (J?nnger E., Hielscher F. Briefe 1927–1985. Hrsg., komm. und mit einem Nachwort von Ina Schmidt und Stefan Breuer, Stuttgart: Klett-Cotta, 2005). Большую документальную ценность представляют мемуары Хильшера «Пятьдесят лет среди немцев» (Hielscher F. F?nfzig Jahre unter Deutschen. Hamburg, 1954). В одной из дневниковых записей 1944 года Э. Юнгер отзывается о нем: «Прежде я полагал, что он войдет в историю нашего времени как одна из его исключительно остроумных, но не столь известных фигур, а сегодня я полагаю, что он достигнет чего-то более заметного. Прежде всего, много, вероятно — большинство, духовно подвижных молодых людей того поколения, которое после Мировой войны подросло в Германии, прошло

через его влияние и нередко через его школу, и почти всегда я мог наблюдать, что эта встреча оставила в них свой след».

60

Арнольдт Броннен (настоящее имя — Арнольд Броннер, 1895–1959), писатель австрийского происхождения, драматург, интеллектуал. Наряду с Б. Брехтом и Ф. Брукнером принадлежал к числу главных авангардистов интеллектуальной сцены в Берлине 20-х годов. Для его политической позиции характерны метания от крайне левых взглядов к крайне правым, и наоборот.

61

Да упокоится с миром

(лат.) .

62

Букв. «дама красоты», beaut? — красота

(франц.) .

63

Coccinellidae

(лат.) , божьи коровки — семейство жуков, или жесткокрылых (coleoptera), отличающееся тем, что лапки их кажутся трехчленистыми, так как третий, очень маленький членик вместе с половиной четвертого скрыт в борозде двулопастного второго членика.

64

Город в одноименном романе автора (1949), рус. пер.: Юнгер Э. Гелиополис / Пер. Г.М. Косарик // Немецкая антиутопия. Сост. Архипов Ю.И. М.: Прогресс, 1992 (2-е изд.: Гелиополь. СПб.: Амфора, 2000).

Мескалин (Mescaline) — галлюциногенный алкалоид из группы фенилэтиламинов. В небольших количествах содержится в кактусах рода *Lophophora Williamsii* («пейот» или «пейотль» на языке индейцев). По воздействию мескалин очень похож на ЛСД, он расстраивает обычную работу органов чувств. В течение двух часов после принятия может наблюдаться частичная потеря зрения. Чувство времени и пространства притуплено или отсутствует. Имеют место определенные изменения в восприятии. Предметы могут казаться плавающими в жидкости, субъект может делать движения, напоминающие птицу в полете, пугаться самого себя, причем чувство страха и опасности усугубляется болезненным восприятием цвета окружающих предметов. Опытам с мескалином посвящена глава «Пейотль» в мексиканском разделе книги Э. Юнгера «Приближения. Наркотики и опьянение».

«Между тем мы постепенно доверились мысли, что обитаем на некоем шаре, который со скоростью пули несется в глубинах пространств навстречу космическим вихрям. Уже во времена Рембо быстрота езды превосходит всякое воображение. И любой антикоперниканский ум при расчете ситуации наталкивается на мысль, что неизмеримо проще наращивать движение, нежели снова вернуться к спокойному пребыванию. На этом основывается преимущество нигилиста над всеми остальными. Существует тот предел скорости, за которым все покоящиеся предметы становятся угрожающими и приобретают форму снаряда» (Предисловие к «Излучениям», см.: Юнгер Э. Сады и дороги / Пер. с нем. Е. Воропаева. М.: Ад Маргинем, 2008).

«Лжесвидетельница»

(англ.) .

Фердинанд Мари де Лессепс (1805–1894), французский дипломат и инженер, автор проекта и руководитель строительства Суэцкого канала.

Очень искусный

(англ.) .

70

Кантарида — жук семейства нарывников, распространенный в Евразии; вредитель лиственных деревьев и кустарников; шпанская мушка. Кантарида содержит в своем теле очень сильную органическую кислоту, состав которой не изучен. Порошок или экстракт кантарид добавляют в пищу и питье, настаивают напитки на самих мушках. Экстракт добавляют в косметические или парфюмерные изделия. Выраженный токсический эффект наступает уже при употреблении внутрь 1/3 части шпанской мушки или 1–3 капель экстракта.

71

Имеется в виду маркиз Де Сад.

72

Немецкое слово *Mattscheibe*, дословно переводящееся как «матовое стекло», в разговорном языке используется в значении «барахлит двигатель».

73

Хандра, сплин, тоска

(франц.) .

74

Башне сарацинов посвящено эссе «Am Sarazenenurm» (Frankfurt a. M.: Klostermann, 1955).

75

Фраза, приписываемая Гераклиту. «Рассказывают, что некие странники желали встретиться с Гераклитом, но, когда подошли [к его дому] и увидели, что он греется у печки, остановились [в смущении]. Тогда он пригласил их смело входить, „ибо и здесь тоже есть боги“». (Аристотель.

76

По своей комнате, вокруг моей комнаты

(франц.) .

77

Сейчас переписка Юнгера и Хайдеггера опубликована отдельным томом: J?nger E., Heidegger M. Briefwechsel 1949–1975. Hrsg., komm. Und mit einem Nachwort von G?nter Figal unter Mitarbeit von Simone Maier. Klett-Cotta/Klostermann, 2008.

78

Георг Август Швайнфурт (1836–1925) — балтийский немец, путешественник и первооткрыватель, исследователь новых земель на африканском континенте, естествоиспытатель и ботаник. Предпринял множество экспедиций (Египет, Восточный Судан, район Красного моря, Аравийский полуостров, Нубия, Ливийская пустыня) и совершил ряд открытий. В 1881 году изучил флору и рельеф о. Сокотры, а позже в 1888–1889 годах отправился в непродолжительную экспедицию в Йемен, где исследовал структуру гор, расположенных в Южной Аравии.

79

Дхау — род сравнительно небольшого парусного судна, использовавшегося арабами для морской торговли; вооружен треугольным, так называемым латинским парусом, на корме вместо рулевого весла руль, имеет две (реже три) мачты, киль ровный.

80

Много воды

(англ.) .

81

Автоматическое письмо

(франц.) .

82

Иоганн Карл Август Музеус (1735–1787), немецкий писатель и литературный критик, автор юмористического романа «Физиогномические странствия» (1778), в котором высмеивались «Физиогномические фрагменты» Лафатера.

83

Фойерблуме (Feuerblume, «огненный цветок»), под этим именем у Юнгера выведена Марлиз Нойманн (ум. в 1943), знакомая, которая неоднократно упоминается в «Первом» и «Втором Парижском дневнике», а также в «Кавказских заметках» (см.: Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 — апрель 1945) / Пер. с нем. Н.О. Гучинской и В.Г. Ноткиной. СПб.: Владимир Даль 2002).

84

«Так смерть»

(нем.) .

85

Здесь автору, видимо, изменяет память, потому что в «Излучениях» есть такая запись от 22 января 1943 г.: «Среди корреспонденции письмо от госпожи Фойерблуме, сообщающей о приснившемся ей в новогоднюю ночь сне, в котором она услышала название города Todos или Tosdo. Воспоминание об этом побудило ее третьего января отказаться от запланированной поездки в Ганновер на том поезде, который потом потерпел крушение. Tosdo она истолковывает как „So Tod“».

86

«О Боже»

(нем.) .

87

«Цветочный сад», храм с садом разнообразных украшений и изображений из тропических цветов, уступами поднимающихся в гору.

88

См. прим. к записи от 20 июня 1965 г.

89

Старое название Порт-Кланга — самого значительного и крупного морского порта Малайзии.

90

Плюмерия — тропическое цветущее дерево, известное также как *frangipani* (франжипани) из семейства *Arecaceae*. Род Плюмерия сформирован 5 видами. Это растение широко распространено в тропических областях; цветет крупными красивыми цветами.

91

Фридрих Георг Юнгер (1898–1977), немецкий поэт, прозаик, эссеист и переводчик, младший брат Эрнста Юнгера. На русский язык переведены главным образом его эссеистические произведения.

92

Каракус (или: каракуш, тюрк. «черная птица»), общее обозначение коршуна, беркута, орла. В мифологии каракус помогает шаманам проникать в загробный мир. Рассказ Ф.Г. Юнгера «Каракус» опубликован в сборнике новелл: J?nnger F.G. Kreuzwege. Erz?hlungen. M?nchen: Carl Hanser, 1961.

93

Действующие лица

(лат.) .

94

«Удар грома»

(франц.) . С этим выражением, переносный смысл которого означает также «неожиданность» и «любовь с первого взгляда», Э. Юнгера еще в начале сороковых годов познакомила его французская знакомая. См. «Излучения».

95

Высокая морская скала

(ит.) .

96

Don Capisco (

исп. don, господин и лат. capisco, я понимаю) — под этим именем в дневниках Юнгера фигурирует Карл Шмитт. См. прим. к записи от 22 мая 1968 года.

97

См. прим. к записи от 21 июня 1965 г.

98

Очень, очень мила

(англ.) .

Было прекрасной идеей

(англ.) .

100

Одним из многочисленных примеров футуристических «мечтаний» может служить хотя бы текст активного итальянского аэрохудожника Ренато Ди Босо (1905–1982) «Эстетика войны и бомбардировочной живописи» (1935).

101

Равенала (*Ravenala*), род однодольных растений семейства банановых (или семейства стрелитциевых — *Strelitziaceae*). Два вида: Равенала мадагаскарская (*R. madagascariensis*), известная под названием «деревя путешественников», и Равенала гвианская (*R. guianensis*), встречающаяся на влажных местах в Северной части Южной Америки.

102

Банановые (

лат. *Musaceae*) — семейство однодольных растений, родиной которого являются тропические регионы Африки и Азии. Это крупные травянистые растения с листьями, влагалища которых накрывают друг друга и формируют ложный стебель, благодаря которому растения выглядят как деревья.

103

Strelitzia reginae (стрелиция королевская) и другие виды. Стрелиция королевская — растение с крупными пикообразными листьями, светло-зеленые с голубоватым оттенком. Цветки необычной формы, одиночные, оранжевые и голубые. За оригинальные яркие цветки этот вид известен под названием «райской птицы».

104

Или: нефрит (минерал).

105

В политических, в литературных, в моральных вопросах

(лат.) .

106

Землетрясения

(англ.) .

107

«Калькуттский карцер»

(англ.) .

108

Хосе Ризаль (1861–1896), доктор медицины университетов Парижа и Гейдельберга, выходец из интеллигентной среды, национальный герой Республики Филиппины, патриот, политик и поэт. Боролся за относительную независимость Филиппин (уравнивание Филиппин в правах с провинциями Испании, а филиппинцев с испанцами). Был казнен после попытки революционного переворота националистской партии «Катипунан», к которой он не имел никакого отношения.

109

Наш герой

(англ.) .

110

Карл Людвиг Занд (1795–1820), член немецкой студенческой корпорации буршей, убийца Коцебу; Андреас Хофер (1767–1810), тирольский борец за независимость; Альберт Лео Шлагетер (1894–1923), член фрайкора, застреленный французскими солдатами 26 мая 1923 г. в дни восстания в Руре и героизированный антидемократическими национал-революционными силами Веймарской республики.

111

«Первый филиппинец»

(англ.) .

112

«Поле битвы быстро зарастает травой; эшафот никогда»

(англ.) .

113

Карл I (1600–1649), король Англии, Шотландии и Ирландии (1625–1649) из династии Стюартов. В ходе революции и гражданских войн Карл I потерпел поражение и был заключен в тюрьму. 30 января 1649 года Карл был обезглавлен в Уайт-холле.

114

Плавательный бассейн

(англ.) .

115

«Нехорошо». «Не рекомендуется». «Опасно». «Невозможно»

(англ.) .

116

Кустарное ремесло; вещь ручной работы

(англ.) .

117

Аронниковые (Агасеае) или Ароидные, семейство однодольных растений, распространенных главным образом в тропических и субтропических областях обоих полушарий.

118

Птицекрыл или орнитоптера (Ornithoptera) — род самых крупных в мире дневных бабочек, относится к семейству парусников (Papilionidae).

119

В «Кавказских заметках» автор пишет 24 ноября 1942: «Уже после наступления темноты прибытие в Ворошиловск. Я живу в служебном здании ГПУ, исполинском по своим размерам, как и все, что так или иначе относится к ведомству полиции и тюрем; в нем мне была отведена комнатка со столом, стулом, кроватью и, самое главное, с уцелевшим оконным стеклом. Кроме того, для бритья я обнаружил здесь еще и осколок зеркала. После горького опыта последних дней я осознал всю присущую этим вещам ценность».

120

Ради престижа, ради почета; за заслуги

(лат.) .

121

Принц Карим Ага Хан IV (р. 1936), духовный лидер, имам мусульманской шиитской общины исмаилитов (с 1957). Он является создателем и спонсором многочисленных

благотворительных проектов, осуществляемых во многих странах, в том числе в государствах постсоветской Центральной Азии. Под его руководством действует организация Aga Khan Development Network, в рамках которой функционирует ряд социально-экономических, образовательных и культурных учреждений.

122

В «Садах и дорогах», среди прочего, Э. Юнгер пишет следующее (11 ноября 1939 г.): «В Штайнбахе — как раз время обеда; затем я отправляюсь дальше, к Западному валу, чтобы принять свой участок. Смеркается и начинается дождь — прежде, чем я нахожу бункер, в летнем павильоне которого меня встречает капитан Цинк. На столе, по которому барабанят капли дождя, он передает в мое ведение систему бастионов, чья огневая мощь может сдержать наступление целой дивизии.

После полуночи, промокнув до нитки, прибывает отряд. Отделения разводятся командирами по своим укреплениям. Я, вместе с группой управления роты, направляюсь в наш бункер, вмещающий двадцать нар, и пытаюсь, поскольку лежу совсем не на пуховой перине, здесь уснуть. Мне нужно осмотреться в новой обстановке. Она холоднее, неудобнее, чем аналогичные пункты в Мировую войну уже потому, что в ту пору ты обитал в дереве и земле, тогда как сейчас их место заступили бетон и железо. Архитектура тяжелая и приземистая, точно рассчитанная на черепа, кроме того, стальные стопудовые двери, защелкивающиеся герметически, рождают чувство, будто ты втиснут в несгораемый шкаф. Стиль мрачный, подземельный, эдакое проникновение кузнечной стихии Вулкана и грубой первобытности циклопов. Сразу у входа стоит горшок с известковой жидкостью, вероятно, против ожогов от действия боевых отравляющих веществ. Воздух, теплый и маслянистый, влажно осаждается на стенах; он пахнет резиной, пламенем каменного угля и железной ржавчиной. Поскольку он быстро портится, каждый сменяющийся часовой еще четверть часа должен крутить рукоятку огромного вытяжного вентилятора, который через фильтры нагнетает свежий воздух».

123

Революция без лишних слов, без разговоров

(франц.) . Это выражение неоднократно встречается в «Рабочем» для обозначения изменений в мировой действительности, вызванных «гештальтом рабочего».

124

Чудесные покупки

(англ.) .

125

St. Pauli — район в Гамбурге, славящийся своими ночными развлечениями. В этом районе проходит известная на весь мир «порочная миля» — зона секс-шопов и ночных клубов.

126

Восточный базар золота и всевозможных других вещей.

127

Эмиль Прееториус (1883–1973), известный немецкий иллюстратор, график и один из самых знаменитых театральных художников первой половины XX в., с 1928 г. профессор Высшей школы изобразительного искусства в Мюнхене, с 1935 г. сценический руководитель Байрёйтских фестивалей, с 1961 г. член Баварского сената.

128

Очень далеко

(англ.) .

129

«Звезда перевозок»

(англ.) .

130

Приморская провинция в Бразилии.

131

Лантана (

нем. das Wandelr?schen,

лат. Lantana), семейство вербеновых (Verbenaceae).

132

Гедихиум шарлаховый или ярко-красный, (

нем. Schmetterlingsblume,

лат. Hedychium coccineum). Семейство имбирных (Zingiberaceae).

133

Большехоботники (Macroglossa) — род сумеречных бабочек, или бражников (Sphingidae), отличающийся неуклюжим телом, покрытым плотно прилегающими волосками, и цельнокроенными крыльями, которые у большей части видов бывают прозрачными, так как слабо прикрепленные чешуйки осыпаются вскоре после вылупливания из куколки.

134

См.: Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли / Пер. и посл. А.В. Михайловского. Пред. Ю.Н. Солонина. СПб.: Наука 2000.

135

Реставрация Мэйдзи, известная также как Мэйдзи Исин и Революция Мэйдзи, — череда событий, приведшая к значительным изменениям в японской политической и социальной структуре. Четырехлетний период с 1866 по 1869 гг., включающий в себя последние годы периода Эдо и начало периода Тэйдзи. Реставрация Мэйдзи была прямым следствием открытия Японии для западных стран, произошедшего после прибытия черных кораблей commodora Мэтью Пэрри.

136

Хельмут фон Глазенапп (1891–1963), немецкий индолог и исследователь религий, профессор, член Академии языка и литературы, автор многих получивших известность книг, среди которых можно упомянуть «Буддийские таинства» (Buddhistische Mysterien, 1940).

137

Мэйдзи Шинто Шраин — храм души Мэйдзи, синтоистское святилище, посвященное императору Мэйдзи, который восстановил в середине XIX века полноценную императорскую власть и начал модернизацию страны.

138

И.В. Гёте. Фауст. Часть первая. Пролог на небесах.

139

Ginkgo biloba L. — гинкго двудольный (двулопастный). Другие названия: гинкго билоба, храмовое дерево, серебряный абрикос, серебряный плод, девичьи косы.

140

Сёгун, или шогун — в японской истории так назывались люди, которые реально (в отличие от императорского двора в Киото) управляли Японией большую часть времени с 1192 г. до периода Мэйдзи, начавшегося в 1868 г. Правительство сёгуна называлось сегунатом, или бакуфу.

141

Исходный материал, первичная материя

(лат.) .

142

Nomos — закон

(греч.) .

«Бог уходит»

(франц.) . Эта цитата принадлежит французскому католическому писателю Леону Блуа, к которому часто обращается Юнгер. Если Ницше утверждает «Бог мертв», обращаясь к новому человеку, который выступает против Бога, то Блуа отвечает: «Бог не мертв, он ушел», требуя тем самым обновления старого человека в общении с Богом.

Первая из 100 «эпиграмм» Юнгера, впервые опубликованных в приложении к сборнику 1934 г. «Листья и камни» (рус. пер.: Юнгер Э. Эпиграммы / Пер. с нем. и пред. А.В. Михайловского, беседа с переводчиком В.В. Бибихина // Новая Юность, 1999, № 2 (35). С. 90—100).

Санбуцу-до (или Санбуцудо, Sanbutsudo — Зал трех Будд) считается самым крупным деревянным сооружением в Никко.

Соринто — являющийся символом мира бронзовый столп с девятью кольцами, в котором находятся сутры (буддийские писания); находится позади зала.

Герман-Людвиг-Генрих князь фон Пюклер-Мускау (1785–1871), немецкий писатель и садовод. В 1813 г. состоял майором русской службы; много путешествовал; в конце жизни был наследственным членом прусской палаты господ. Его «*Andeutungen ueber Landschaftsg?rtnerie*» способствовали успехам садоводства в Германии.

Или: Хэйан дзингу — один из крупнейших синтоистских храмов в Киото. Построен в 1895 году в ознаменование 1100-й годовщины со дня основания японской столицы в Хэйан(ке) (Киото).

Посвящен памяти двух японских императоров — Камму, по решению которого столица была перенесена из Нары в Киото, и Комэй, в годы правления которого столичные функции были переданы городу Эдо (Токио).

Основное здание храма в архитектурном плане представляет собой реплику (в 2/3 величины) Сисиндэна — главного церемониального зала императорского дворца в Киото.

149

Камму — пятидесятый японский император (с 781 по 806), личное имя Ямато Нэко Субэраги Такаратэру но Микото.

150

Комэй — сто двадцать первый японский император (с 1846 по 1867), личное имя Осахито.

151

Вход, въезд, вступление; здесь — начало боевых действий
(франц.) .

152

В эссе «Тотальная мобилизация» (1930) Э. Юнгер, опираясь на личный опыт Первой мировой войны, пишет: «Мы коснулись технической стороны Тотальной мобилизации, совершенствование которой началось (и это можно проследить) с первых призывов правительства Конвента на военную службу, с реорганизации армии Шарнхорстом и продолжалось до масштабных динамичных программ вооружения последних лет мировой войны, когда страны превратились в гигантские фабрики, где производство армий было поставлено на конвейер, чтобы днем и ночью отправлять их на поля сражений, где роль потребителя взял на себя ставший столь же механическим кровавый пожиратель. Так мучительна монотонность этой картины, напоминающей точный ход работающей на крови турбины, для героической души, но все же в присущем ей символическом содержании сомнений быть не может. Здесь становится явной строгая последовательность, суровый отпечаток времени на воинственном посреднике». На русский язык эссе переведено в двух авторских редакциях и опубликовано в кн.: Юнгер Э. Националистическая революция / Пер. с нем., послеслов., комм. А.В. Михайловского. М.: Скимень, 2008 (первая редакция); Юнгер Э. Рабочий. СПб., 2000 (последняя ред.).

153

Человек деятельный

(лат.) .

154

Человек играющий

(лат.) .

155

Намек на устойчивое выражение «строить испанские замки», которое можно перевести как «предаваться мечтам» или «строить бессмысленные планы».

156

Императорская желть (

нем. Kaisergelb,

лат. Aurantia).

157

Кассия (Cassia, семейство Цезальпиновые) — вечнозеленый и листопадный кустарник или полукустарник со сложными парноперистыми листьями с 5—10 парами мелких листочков.

158

Делоникс царский (делоникс королевский, огненное дерево, *Delonix regia*, *Poinciana regia*) — тропическое растение из семейства Цезальпиниевых с огненно-красными цветами.

159

Юнгер имеет в виду свое эссе «Мировое государство», посвященное проблеме конца истории (Der Weltstaat: Organismus und Organisation, 1960).

160

Кузовки (

нем. Kofferfische, лат. Ostraciidae) — семейство морских рыб отряда иглобрюхообразных (или: сротночелюстных, Tetraodontiformes).

161

«Пиявки»

(англ.) .

162

Рыбья пальма или кариота жгучая (

нем. Brennpalme, Kittulpalme,

лат. Caryota urens) — пальма с крупными листьями (до 3–5 м), получившая название «рыбья пальма» за разделенные надвое, подобно хвостовому плавнику рыбы, долями листа треугольной формы (единственный вид с такими листьями среди пальм). Черешки и листья снизу покрыты опушением.

163

Китайский наставник, учитель Китая

(лат.) .

164

Ракушечные

(франц.) .

165

В русской транскрипции: Чжэн Чэнгун (1624–1662), более известный в европейских источниках как Коксинга (Господин с императорской фамилией), — самый знаменитый из китайских пиратов, который руководил освободительной войной маньчжурских завоевателей на юго-востоке Китая и изгнал голландцев с Формозы. Его потомки правили островом до 1983 г.

166

Возможно, имеется в виду немецкий перевод книги британского авантюриста и помощника Ливингстона Генри Мортон Стэнли (1841–1904) «In darkest Afrika» (1890).

167

Виктория Ньянза или озеро Виктория, известное также как Укереве и Налубаале, — одно из Великих озер в Африке.

168

«Между нами двоими»

(франц.) . Имеются в виду слова бальзаковского героя Растиньяка, обращенные к Парижу: «А теперь посмотрим — кто кого».

169

«Воспоминания о поездке в Татарию, Тибет и Китай»

(франц.) .

170

Остров Quemoy (называемый также Кимей, Кинмен, Чжинмен-Дао) в Формозском проливе, принадлежит Тайваню. Расположенный в 2300 м от берегов континентального Китая, он вместе с прилегающими островками был в 1949 г. занят тайваньскими войсками и превращен в крепость для обороны Тайваня от коммунистического Китая.

171

Плавт (

нем. Schwimmwanze,

лат. Naucoridae), из семейства водяных клопов.

172

Самый населенный и крупный остров Филиппинского архипелага, там расположена Манила.

173

Марка красного вина «Rote Olga».

174

Игра слов: «Da endet nicht nur die Geschichte — auch das Geschichtete». Вариант прочтения: «Тут кончается не только история — но и складывающее историю».

175

В оригинале: Karettschildkröte — бисса, или каретта обыкновенная (*Eretmochelys imbricata*, или *Caretta caretta* L.), разновидность морских черепах, до 1 м. длиной.

176

Немецкий актер и режиссер Густав Грюндгенс (1899–1963).

177

Или: рифовые кораллы (

лат. Madreporaria,

нем. Steinkorallen).

178

Созданная в 1826 г. административная единица британских владений в Малаккском проливе (Малайский полуостров); позднее была подчинена Британской Индии, в 1867–1949 гг. — колония короны. Здесь выработался своеобразный стиль жизни.

179

Г.Г. Китченер (1850–1916), британский фельдмаршал, участник колониальных войн, военный министр (1914–1916).

180

Страшные ямы

(ит.) .

181

Альберт Великий (Albertus Magnus, ок. 1200–1280), средневековый теолог-доминиканец, популяризатор аристотелизма в эпоху высокого средневековья. Однако Юнгера больше всего интересовали алхимические и натурфилософские трактаты Альберта, включавшие в себя непосредственные наблюдения за Природой. Здесь имеется в виду трактат «De mineralibus».

182

Хельмут Тилике (1908–1986), немецкий евангелический теолог и консервативный писатель.

183

«К вам, острова, к вам принесет меня, видно, / Бог-охранитель однажды; но не отступит из
памяти верной / И тогда мой Неккар со своими / Лугами прелестными и прибрежными ивами».
Фридрих Гёльдерлин, «Неккар».

(нем.) .

184

Diamantfasan

(нем.) , *Chrisolophus amherstiae*

(лат.) .

185

Rafflesia arnoldi; еще одно ее название — трупная лилия.

186

Так проходит слава [мирская]

(лат.) .

187

«Очень удобная вещь»

(англ.) .

188

Поведение, манера

(англ.) .

189

Во «Втором Парижском дневнике» неоднократно упоминается как «арестованный» (der Gefangene), см. записи от 12 мая 1943, 26 мая 1943, 17 июля 1943.

190

«Я не живу в себе, но становлюсь я /Частью того, что вокруг меня; во мне /Горы высокой чувство»

(англ.) .

191

Чистилище (

лат.).

192

Франц Теодор Дофлайн (1873–1924), немецкий зоолог.

193

Джеймс-Эмерс Теннент (1804—?), англ. политический деятель и писатель. Был членом палаты общин. Написал несколько книг: об истории современной ему Греции (1830), о Бельгии (1841), о христианстве на Цейлоне (1854), об истории этого острова (1859) и др.

194

Адольф Шлагинтвайт (1829–1857), немецкий географ и исследователь; при поддержке А. фон

Гумбольдта предпринял с братьями Германом и Робертом важное научное путешествие в Индию, где и погиб.

195

Эрнст Геккель (1834–1919), немецкий зоолог и натурфилософ; сформулировал понятия экологии, онтогенеза и филогенеза.

196

См. прим. к записи от 3 июля 1965 г.

197

Майя — мать Будды Шакьямуни; согласно преданию умерла ок. 560 г. до Р. Х.

198

Felix — плодovitый, приносящий счастье

(лат.) .

199

Небольшой город в Рейнланд-Пфальце, известный с раннего средневековья центр добычи и обработки драгоценных камней и изготовления украшений.

200

«Французы, еще одно усилие!»

(франц.) .

201

Laburnum Medic.

(лат.) , Goldregen

(нем.); кроме того это немецкое слово означает: ракитник (*Cytisus L.*).

202

Армида — прекрасная волшебница в поэме Тассо «Освобождение Иерусалима»; она соблазнила Ринальдо и долго держала его на острове в своем волшебном саду.

203

Fango

(ит.) — глинистые отложения, минеральная грязь вулканического происхождения; ванны фанго применяются в лечебных целях.

204

Герман граф Кайзерлинг (1880–1946), немецкий писатель и философ, проповедовал возвращение к целостности бытия через обращение к восточной мудрости («Путевой дневник философа», 1919). В 1920 г. основал в Дармштадте «Школу мудрости».

205

Fliegender Fuchs — калонг, летающая собака (*Pteropus celaeno Herm.*).

206

Любовь (уважение, милосердие), разум и сила (мощь, власть)

(лат.) .

207

Drogerie —

(нем.) аптекарский магазин, где высушивали лекарственные и наркотические растения (зелья), а также создавали исходное вещество для изготовления лекарств и наркотиков растительного происхождения.

208

Papilionidae

(лат.) .

209

Schwalbenschwanz

(нем.) , *Papilio machaon* L.

(лат.) , ласточкин хвост.

210

Buitenzorg — голландское название г. Богор в Индонезии. Получивший всемирную известность Ботанический сад в Богоре был создан в 1817 г.

211

Другое название: корифа.

212

Капустная пальма (*Euterpe oleracea*).

213

Густав Теодор Фехнер (1801–1887), немецкий психолог и философ, физик, писатель-сатирик. Будучи сторонником Шеллинга, интерпретировал его учение в духе панпсихизма (одушевленность вселенной, взаимообратимость материального и психического). В труде «Элементы психофизики» («Elemente der Psychophysik», 1860) выдвинул идею психофизического параллелизма, сформулировал закон о зависимости между ощущениями и раздражителями. В эссе «Приближения. Наркотики и опьянение» Юнгер рассматривает Фехнера наряду с Францем Антоном Месмером и Карлом-Людвигом фон Рейхенбахом как выдающихся натурфилософов с обостренным чутьем к «ночной стороне» универсума, противников механицизма и грубого позитивизма.

214

«Doch im Innern ist's getan» — строка из стихотворения И.В. Гёте «„Идиллии“ Вильгельма Тишбейна».

215

Карл Риттер (1779–1859), немецкий географ, иностранный почетный член Петербургской АН (1835), автор многотомного «Землеведения Азии». На русском языке вышли два тома, посвященные Азиатской России: Риттер К. Землеведение Азии: География стран, входящих в состав Азиатской России или пограничных с нею. В 2-х ч. СПб., 1894—1895.

216

Или: гвоздичный перец (*Pimenta Lindl.*, *Pimenta officinalis*).

217

Или: пимент, называемый также перцем ямайским, индийским, душистым.

218

Или: Bay Rum; имеется в виду, например, восковица (бей, дикая корица), *Pimenta racemosa* (

лат.), из листьев которой дистилляцией с паром получают ароматическое масло, и в небольших количествах производят смолы. *Pimenta racemosa* Bay Rum называется еще лимонным душистым перцем.

219

Muskatnussbaum

(нем.) , *Myristica* L.

(лат.) .

220

Или: коричник, Zimtbaum

(нем.) , *Cinnamomum* Bl.

(лат.) .

221

Амбоина, нынче Амбон (Amboen), город и порт в Индонезии, на Молуккских островах. Расположен на юге острова Амбон (Амбоина).

222

Агама — род ящерицы, *Agama* Daud.

223

Амхерстия благородная, семейство *Caesalpinioideae*.

224

Королева цветущих деревьев

(англ.) .

225

Имеется в виду немецкий центнер, равный 50 кг.

226

Werkstättenlandschaft — термин, употребляемый в «Рабочем» для обозначения промежуточного состояния мира между разрушением старых форм и утверждением новой иерархии ценностей. «Ландшафт мастерской» — это собственно то пространство, где разворачивается тотальная мобилизация.

227

«Шафран дезинфицирует мясо»

(англ.) .

228

Один из наиболее известных среднеиндийских языков индоарийской группы индоевропейской семьи языков. Пали — язык буддийского Канона в форме, утвердившейся на острове Цейлон (Шри-Ланка). На пали написаны также многочисленные тексты других областей знания. Как язык буддийской культуры используется и сегодня в некоторых странах Юго-Восточной Азии.

229

Аллюзия на слова Фауста после разговора с Вагнером: И.В. Гёте. Фауст. Часть первая. «Увы, чего не мог постигнуть ты душой / Не объяснить тебе винтом и рычагами!» (пер. Н. Холодковского).

230

«Ружейная и псовая охота на Цейлоне»

(англ.) .

231

Гидасп — место сражения 326 до Р. Х., которое состоялось в Пенджабе между войсками Александра Великого и армией индийского царя Пора, в которой были боевые слоны. Александр переправился через реку Гидасп (совр. Джелам) в нескольких милях выше позиций Пора и разбил его наголову.

232

«Пир семи мудрецов» — сочинение древнегреческого писателя и философа Плутарха (45—127).

233

Речь, вероятно, идет о Роберте Шинцингере, известном немецком японисте и филологе.

234

Титул японского императора.

235

Или: Гвардафуй (Guardafui, Gardafui) — большой восточный мыс Африки, лежит южнее пролива в Аденский залив; Ras Hafun, или мыс Орфуй, находящийся на 100 км южнее, вдается, однако, еще восточнее в море. Гардафуи у древних назывался Promontorium Aromata (мыс Ароматов). Над мысом возвышается гора, которую жители называют Гардаф, или Djardaf, в то время как собственно мыс носит у них название Азор; отсюда происходит арабское имя Djard Hafʿm, равно как и европейское Гвардафуй.

236

На первый взгляд, с первого взгляда;

(муз.) с листа

(лат.) .

237

Yggdrasil, Yggdrasill — гигантский ясень скандинавской мифологии, древо, на корнях которого держится мир.

238

«Путешествие в Италию»

(франц.) .

239

Орсола Неми (р. 1905), итальянская писательница и сценарист.

240

Власть; империя

(ит.) .

241

См. «Второй Парижский дневник», запись от 1 августа 1944 г.

242

Парижский отель, где располагался штаб оккупационных войск во Франции, при котором служил Эрнст Юнгер.

243

Карл-Хайнрих фон Штюльпнагель (1886–1944), немецкий генерал от инфантерии и главнокомандующий войсками во Франции в 1942–1944 гг. Происходил из прусского офицерского рода и уже в 1938 г., во время кризиса Фрича, установил связь с антигитлеровским сопротивлением. После того как военным планам Гитлера воспрепятствовать не удалось, Штюльпнагель в качестве главнокомандующего саботировал затеянные Гитлером и Кейтелем расстрелы заложников, а также вел борьбу против СС и СД. Вместе с полковником Цезарем фон Хофаккером, Фридрихом бароном фон Тойхертом и другими офицерами он подготавливал переворот на Западном фронте. После покушения на Гитлера Х. фон Штюльпнагель приказал арестовать в Париже руководство и отряды СС и СД (служба безопасности), однако вынужден был снова выпустить задержанных на свободу, когда главнокомандующий Западным фронтом, генерал-фельдмаршал Клуге, отказался поддержать акцию. После полного провала переворота Карл-Хайнрих фон Штюльпнагель попытался застрелиться, выстрелив себе в голову, однако остался жив и только потерял зрение. Он был схвачен и по приговору «Народного трибунала» казнен 30 августа 1944 г. См. в «Первом Парижском дневнике» запись от 10 марта 1942 г.

244

Старый Порт

(франц.) .

245

Королевский музей

(голланд.) .

246

Вероятно, аллюзия на роман «Путешествие пилигрима» (или «Путь паломника») английского религиозного писателя и нонконформистского проповедника Джона Беньяна (1628–1688).

247

См. прим. к записи от 26 июня 1965 г.

248

Места сражений Первой мировой войны, которым посвящены одноименные главы в «Стальных грозах».

249

«Скоро все пойдет по-другому»

(шваб. диал.) .

250

«Надо было бы все изменить во мне»

(франц.) .

251

«Обмен гневом»

(франц.) .

252

«В пряную ночь /Водяная пыль и море /Горькие и зеленые брызги на рейдах»

(франц.) .

253

Ханс Блюэр (Blüher, 1888–1955), немецкий писатель и философ, известный прежде всего благодаря своему исследованию о молодежном движении «Перелетных птиц» (Wandervogelbewegung).

254

Природа — душа (древнегреч.).

255

Осмоз (?????),
древнегреч. — толчок, давление) — процесс односторонней диффузии через полупроницаемую мембрану молекул растворителя в сторону бо?льшей концентрации.

256

«Слышите нежную трель филомелы? Да? Не была ль она урною с прахом Тибулла, певшим, как и она, так же нежно?»

(нем.) .

257

Автор ошибается: беседа с матерью в Остии излагается Августином в «Исповеди» (кн. IX, гл. 10).

258

Обдуманно, вдумчиво, размышляя

(ит.) .

259

Проявление силы; ловкая штука; сложное дело

(франц.) .

260

Йозеф Вульф (1912–1974), историк. Во время Второй мировой войны участвовал в еврейском сопротивлении в Польше, в 1943 г. депортирован в Аушвиц. После войны основал в Польше Еврейскую историческую комиссию и в 1948–1950 гг. руководил Центром истории польских евреев в Париже. С 1967 г. был директором Международного центра документации по изучению национал-социализма в Свободном университете Берлина. Неоднократно встречался с Юнгером и посылал ему свои книги.

Вольфрам Зиверс (1905–1948), историк и этнограф, генеральный секретарь Аненербе.

261

«Тюрьмы»

(ит.) .

262

Felsenbirne

(нем.) , *Fendlera Engelm. et Gray*

(лат.) .

263

Niesswurz

(нем.) , *Helleborus L.*

(лат.) .

264

Или: зимний эндивий, *Endivie*

(нем.) , Cichorium endivia L.

(лат.) .

265

В православном каноне это 21-й псалом.

266

Альфред Клаус Мария фон Штауффенберг (1937–1987), сын графа Бертольда фон Штауффенберга, брата Клауса Шенка фон Штауффенберга, осуществившего покушение на А. Гитлера 20 июля 1944 г.

267

«Света! Больше света!» — такими, согласно преданию, были последние слова Гёте на смертном одре 22 марта 1832 г. К теме «последних слов» Юнгер возвращается постоянно. Сборник «Последних слов» выдающихся личностей был настольной книгой Эрнста Юнгера — ее можно видеть на прикроватной тумбочке в доме-музее писателя в Вильфлингене.

268

Имеется в виду небольшая книга Альберта Великого «De secretis mulierum», «О женских секретах»

(лат.) .

269

Отсылка к первой части известных слов из «Первого послания к Коринфянам» апостола Павла (1 Кор 13:12): «Videmus nunc per speculum in aenigmate, tunc autem facie ad faciem... [Видим ныне как бы в тусклом зеркале и гадательно, тогда же лицом к лицу...]

(лат.) .

270

Zackenbarsch

(нем.) , зубчатый (морской) окунь (вид груперов / Eipinophelinae/семейства Serranidae, в отряде Perciformes).

271

Персонаж драмы Генрика Ибсена «Пер Гюнт» (1867).

272

Имеется в виду старший сын автора Эрнстль (1926–1944). Летом 1944 г. он был призван на военно-морскую службу и зачислен во флотский экипаж. Через несколько месяцев Эрнстля арестовали за антивоенные высказывания и должны были приговорить к расстрелу. Стараниями друзей отца смертную казнь заменили штрафной службой, он был отправлен на передовую. В «Излучениях» Юнгер пишет 12 января 1945 г.: «Эрнстль мертв, он погиб, мой славный ребенок, уже с 29 ноября минувшего года мертв! Вчера, 11 января 1945 года, сразу после семи часов вечера пришло это известие». И далее, 13 января 1945 г., добавляет: «Смерть настигла милого мальчика 29 ноября 1944 года; ему было восемнадцать лет. Он погиб от огнестрельного ранения в голову во время столкновения разведывательной группы в мраморных горах Каррары в Центральной Италии и, как сообщают его боевые товарищи, был сражен наповал. Они не смогли унести его с собой сразу, однако вскоре после этого вернулись за ним на бронемашине и вывезли его. На кладбище Турильяно близ Каррары обрел он место последнего упокоения».

273

Осада французского города Мец во время франко-прусской войны (1870 г.) закончилась капитуляцией 200-тысячного французского войска.

274

Мартин фон Каттэ (1896–1988), агроном и лесовод в своих имениях в Альтмарке (Бранденбург). Он познакомился с Э. Юнгером в 1920-е годы и с тех пор поддерживал с ним тесные отношения. Оказавшись после войны без крыши над головой, он нашел приют в кирххорстской вотчине Юнгера и прожил в его доме два года. Он публиковал стихотворения (сборник «Туманный камень», 1978). В 1960 г. его поэтическое творчество было оценено признанием со стороны Баварской Академии изящных искусств. В 1987 г. в свет вышла книга его воспоминаний «Черное на белом». Неоднократно упоминается в «Излучениях».

275

См. запись от 27 февраля 1968 г.

276

Кюстрин (K[?]strin или C[?]strin) — город в Пруссии, прежде главный город Неймарка, на слиянии Одера с Вартой; одна из сильнейших крепостей Германии. Место заточения Фридриха Великого в бытность его кронпринцем и его друга Ханса Хермана фон Каттэ. Этому суровому наказанию они подверглись за попытку побега. Друг был казнен на глазах у кронпринца.

277

Конрадин (1252–1268), король Иерусалима, король Сицилии, герцог Швабии. Последний законный отпрыск императорского дома Гогенштауфенов, сын Конрада IV и Елизаветы Виттельсбах. Осенью 1267 г. с тремя тысячами рыцарей перешел через Альпы в Италию, где приобрел много сторонников. Однако потерпел поражение от французов в решающей битве (23 августа 1268 г.). Он был взят в плен и 29 октября 1268 г. казнен вместе с другими сторонниками на Рыночной площади в Неаполе.

278

Иоганн Элиас Ридингер (1695–1767), немецкий живописец и гравер на меди, проведший большую часть своей жизни в Аугсбурге и бывший с 1759 г. директором тамошней художественной академии.

279

Йозеф фон Хаммер-Пургшталь (1774–1856), австрийский востоковед и дипломат, иностранный почетный член Петербургской Академии Наук (1823). В 1799–1807 гг. на австрийской дипломатической службе в Турции. В 1847–1849 гг. президент Венской Академии Наук. Автор трудов по истории Османской империи.

280

«Безнадежная любовь» (

франц.).

281

Адольф барон фон Лютцов (1782–1834), немецкий национальный герой; во время Освободительной войны организовал добровольческие «корпуса свободы» из пехоты, кавалерии и тирольских стрелков, действовавшие в тылу французских войск. В народе их называли «черными тучами». Во второй части кампании Добровольческий прусский королевский корпус фон Лютцова вел регулярные боевые действия. В 1814-м действовал против датчан, попал в плен к французам. 16 июня 1815 его 6-й уланский корпус был разбит французами, сам фон Лютцов попал в плен, его допрашивал лично Наполеон. Был освобожден через два дня после битвы при Ватерлоо.

282

Имеется в виду автобиографическая книга Э. Юнгера «Besuch auf Godenholm» («Посещение Годенхольма»), вышедшая во Франкфурте в 1952 г.

283

Ночи вслушивания — так в Центральной Европе называют двенадцать ночей, следующих после 25 декабря до 6 января. Эта традиция восходит еще к языческим временам; считается, что в эти ночи духи особенно активны.

284

Ochsenfrosch

(нем.) , *Rana catesbiana*

(лат.) ; крупная, хищная лягушка; населяет водоемы Северной Америки; длина 20 см, задние ноги длиной 25 см; имеет громкий голос.

285

Вибратор

(франц.) .

286

«Великолепнее создать в тебе мой образ,/Вдыхаю я в тебя довольно смелых сил,/Чтоб мог исследовать моей страны законы,/Создателем моих творений стать./И лишь в тени меня ты обнаружишь,/Но все ж люби, люби меня, о, сын!/Там ты узришь мою всю ясность,/Там обретешь награду за любовь»

(нем.) .

287

См. прим. к записи от 15 августа 1965 г.

288

Отто Клагес (1903–1982), палеонтолог и известный собиратель древних окаменелостей.

289

Виды окаменелостей среднего и нижнего карбона.

290

Франц Коссмат (1871–1938), геолог, учитель Эрнста Юнгера в Лейпцигском университете.

291

Пассаж отсылает читателя к эссе «Der Waldgang», что можно также перевести и как «Путь через лес» (1951). Юнгер размышляет о возможностях индивидуального сопротивления тотальному контролю со стороны государства. В топологии автора, восходящей еще к книге «На мраморных утесах» (1939), различаются «лес» и «пустыня», где «лес» («первобытные джунгли») олицетворяет законченную форму нигилизма, а «пустыня» — дикую анархию. Сила порядка стремится объединить в себе анархию и холодный нигилизм, колеблется между

лесом и пустыней, сама не зная, «превратить ли обиталище человека в пустыню или в лесную чащу». Во «Втором Парижском дневнике» Юнгер пишет: «Нигилизм и анархия. Разница между ними столь же невелика, как между угрями и змеями, но ее все же необходимо учитывать для понимания непосредственной игры. Решающим здесь оказывается отношение к порядку, которого недостает анархисту, но отличает нигилиста. А посему нигилизм раскусить сложнее, он лучше замаскирован. Явным отличительным признаком является взаимоотношение с отцом: анархист его ненавидит, нигилист презирает. Таков Анри Брюлар в противоположность Петру Степановичу. Далее следуют различия в отношении к матери и, особенно, к Земле, которую анархист хочет превратить в болото и первобытные джунгли, а нигилист — в пустыню. Исследование следовало бы начать с выяснения теологической констелляции. Она обострит зрение — и тогда станут видны образы, спрятанные по ту сторону холста, за кулисами современной живописи. Она, прежде всего, оказалась бы полезной воинственной молодежи. Молодой человек неминуемо проходит фазу анархии, в которой особенно легко становится жертвой абсолютного разрушения» (16 января 1944 г.). Нигилизм и анархия в определенный момент XX века оказались связанными настолько тесно, что это вызвало всеобщее смятение умов. Постепенно Юнгер приходит к выводу, что узел «нигилизм — анархия» может быть разрублен только при помощи «новой теологии».

292

Ханс Шпайдель (1897–1984), начальник штаба командования на западе с 1939 по 1942 гг.; затем он некоторое время проводит на Восточном фронте, после чего возвращается во Францию и, уже в чине генерал-лейтенанта, занимает пост начальника генерального штаба в главной ставке группы войск «Запад», расположенного в Ля Рош-Гюйоне. Он с самого начала принимал участие в судьбе Э. Юнгера, позаботился о назначении его в Париж и впоследствии всячески препятствовал отправке его в действующую армию. Как доверенное лицо Людвиг Бекка и человек, посвященный в планы антигитлеровского заговора, он был арестован сразу после событий 20 июля 1944 г. и чудом избежал казни. После войны продолжил армейскую карьеру сначала в качестве военного советника Аденауэра. В 1955–1957 годах он становится министром обороны ФРГ, в 1957–1963 гг. — главнокомандующим сухопутными войсками НАТО в Центральной Европе. См. запись в «Излучениях» от 24 мая 1941 г. и другие.

293

Хрущики мохнатые — род жуков.

294

Seidelbast

(нем.) , *Daphne mezereum*

(лат.) , по-русски называется также: волчник или волчегодник обыкновенный.

295

Winterling

(нем.) , Eranthis hyemalis

(лат.) , по-русски называется также: веснянка зимующая, веснянка обыкновенная, эрантис зимний.

296

Christrose (

нем. Христова роза), Helleborus

(лат.) .

297

«Веселая наука», кн. II, афоризм 275: «Что есть печать достигнутой свободы?/Себя самого не стыдиться»

(нем.) .

298

При смерти, на смертном одре

(лат.) .

299

Ошибка: письмо написано 27 октября 1888 г.

300

Здесь и далее в оригинале: Portofluss.

301

Trichterlilie

(нем.) , *Paradisea liliastrum*

(лат.) .

302

Schwertlilie

(нем.) , *Iris L.*

(лат.) , по-русски ирисы называются также косари, петушки, пивники, косатик, и др. — главный род семейства касатиковых, *Irideae*.

303

Margerite

(нем.) , *Leucanthemum vulgare*

(лат.) , по-русски называется также: нивяник обыкновенный, белоцвет, нивянка, поповник обыкновенный, роман-трава, ромашка луговая.

304

Zistrose

(нем.) , *Cistus L.*

(лат.) .

305

Rosengeranie

(нем.) , rose geranium (лат.), научное название: пеларгония головчатая (*Pelargonium capitatum*).

306

Земляничное дерево, земляничник или арбут (*Arbutus unedo* L.). Родина земляничного дерева — Средиземноморский регион. Это вечнозеленый кустарник высотой до 5—10 м или небольшое дерево.

307

Spir?e

(нем.) , Spiraea L.

(лат.) .

308

Bl?uling

(нем.) , Lycaena F.

(лат.) .

309

Perlmutterfalter

(нем.) , *Salmis parhassus*

(лат.) , перламутрица.

310

Затылок, задняя сторона шеи

(диал.) .

311

«Располагаться лагерем запрещено»

(франц.) .

312

Рудольф Шлихтер (1890–1955), немецкий художник. В 1920 г. был членом берлинской группы дадаистов и в течение 20-х годов одним из наиболее видных представителей левого крыла «новой вещественности». Рисовал главным образом уличные сцены и портреты. После войны сблизился с сюрреализмом. В 30-е годы написал портрет Э. Юнгера. Иллюстратор книг. Сохранилась переписка Эрнста Юнгера с Рудольфом Шлихтером (J?nger E., Schlichter R. Briefe 1935–1955. Hrsg., komm. und mit einem Nachwort von Dirk Hei?erer. Stuttgart: Klett-Cotta, 1997), а также переписка с ним Фридриха Георга Юнгера (J?nger F. G. «Inmitten dieser Welt der Zerst?rung». Briefwechsel mit Rudolf Schlichter, Ernst Niekisch und Gerhard Nebel. Hrsg. von Ulrich Fr?schle und Volker Haase. Stuttgart: Klett-Cotta, 2001). См. также запись от 24–25 октября 1968.

313

«Письма с моей мельницы» Альфонса Доде.

314

Corte — единственный значительный город во внутренней части Корсики, стоит на слиянии Рестоники и Тавиньяно, занимает высокогорное плато (600 м). Благодаря корсиканскому деятелю Паскалю Паоли Корте был столицей острова с 1755 по 1769 гг.

315

Высота 2710 м.

316

Асфоделус, асфodelь или асфodelюс (Asphodelus

лат.) — название рода растений из семейства асфodelиевых (

лат. Asphodelaceae). В греко-римской традиции символизирует рай, острова Благословения, Елисейские поля. Впоследствии асфodelь стал погребальным символом смерти и скорби и ассоциировался с кладбищами и руинами. Эмблема Персефоны и Диониса. Также имеет отношение к Деве Марии.

317

Calycotome infesta

(лат.) .

318

Или: смолоносица.

319

Natterkopf

(нем.) , эхиум Echiium

(лат.) , по-русски называется также: синяк, змееголов и румянка синяя.

320

Фердинанд Грегоровиус (1821–1891), крупный немецкий историк и писатель. Среди его трудов — «История города Рима в Средние века», «История города Афины в Средние века» и др. В 1852 году отправился в Италию, посетив по дороге Корсику, о которой написал целую книгу (3 изд., 1878). Результат своих итальянских наблюдений Грегоровиус изложил в сборнике «Годы странствований по Италии» (Лейпциг, 1857–1877). Шесть томов его «Истории Рима» изданы на русском языке в 1888 г. В. И. Савиным.

321

Герой, полубог

(греч. миф.) .

322

Адельберт фон Шамиссо (1781–1838), известный немецкий поэт эпохи романтизма и естествоиспытатель. Первую известность ему принесла повесть об утраченной тени «Необычайная история Петера Шлемиля» (1813), которая неоднократно переводилась на русский язык. Шамиссо получил приглашение отправиться в качестве естествоиспытателя в кругосветное плавание на бриге «Рюрик», снаряженном графом Н.П. Румянцевым, под командой русского капитана О.Е. Коцебу. Шамиссо принял предложение и в течение 3 лет (1815–1818) объездил африканские острова, Южную Америку, часть Сибири, потом Северную Америку, Полинезийские острова, Капландию. Он оставил обширное описание кругосветного плавания. В полном виде «Reise um die Welt» («Путешествие вокруг света», 1834–1836) появилась только в собрании сочинений Шамиссо в 1836 г. По возвращении в Берлин, в 1818 г., Шамиссо получил степень почетного доктора философии и место кустоса берлинского ботанического сада. В 1835 г. он был избран членом Берлинской академии наук.

323

Кувада (от

франц. *couvade* — высиживание яиц) — совокупность родильных обычаев и обрядов, создающих иллюзию, что рождает не мать, а отец ребенка. Так, отец сказывается больным, соблюдает диету, стонет, иногда переодевается в женское платье, а затем принимает поздравления и нянчит младенца, в то время как мать сразу после родов приступает к работе. Кувада засвидетельствована у древних кельтов, фракийцев, скифов, многих племен Америки, Азии и Океании.

324

Дук-дук — тайный союз у народов Меланезии, связанный с анимистическими верованиями. Название этого союза происходит от слова «дука» (дух умершего). Раз в год в течение месяца члены союза устраивают церемонию, появляясь в деревнях в страшных нарядах и масках. Непосвященные должны верить, что это не люди, а духи умерших.

325

Stendelwurz

(нем.) , *Platanthera bifolia* Rich.

(лат.) .

326

Или: арум, Aronstab

(нем.) , Arum L.

(лат.) .

327

«Люди доброй воли»

(франц.) .

328

Легкий туман, дымка (

франц.).

329

«Скверное море»

(франц.) .

330

«Господь Бог благоволит к пьяницам»

(франц.) .

331

Zistrose

(нем.) , Cistus L.

(лат.) .

332

Мы несомненно французы

(франц.) .

333

Французское воинское звание.

334

Фельдфебель (

нем.).

335

Фердинанд Фош (1851–1929), французский военный деятель, маршал Франции (1918), член Французской академии. В мае 1917 г. был назначен начальником Генштаба, в апреле 1918 г. стал верховным главнокомандующим союзными войсками. Сыграл значительную роль в победе союзников над коалицией центральных держав. В послевоенные годы участвовал в организации военной интервенции в Советскую Россию. Автор военно-теоретических работ и мемуаров.

336

«Ничего не делать. Каждому давать делать. Не мешать ничего делать»

(франц.) .

337

Битва при Дьенбьенфу — сражение между французской армией и силами Вьетминя, произошедшее в марте-мае 1954 г. Считается решающим сражением Первой Индокитайской войны.

338

Альгайола — местечко на северо-западном побережье Корсики.

339

Поццо ди Борго, Карл-Андрей (Карл Осипович), граф (1764–1842), корсиканский дворянин, поступивший на русскую службу и принимавший активное участие в борьбе с Наполеоном, военный и дипломат.

340

Черноногие
(франц.) .

341

Spritzgurke или Eselsgurke

(нем.) , *Escballium elaterium*

(лат.) — бешеный огурец или экбалиум пружинистый. Многолетняя трава без усиков, с сердцевидными мясистыми листьями и желтыми однодомными цветами. Плоды продолговатые, колючециетинистые, в зрелом состоянии легко отпадающие от плодоножки и выбрасывающие через получившееся отверстие семена со значительной силой.

342

Всегда верен
(лат.) .

343

См. «Сады и дороги», записи от 7 июня 1940 г. и след.

344

Cassata — здесь может иметься в виду сицилийский торт с начинкой из творога с цукатами либо сливочное мороженое с цукатами, ассорти из мороженого с фруктами.

345

«Долой французскую монополию!»

(франц.) .

346

Закупорены

(франц.) .

347

Пряатель; кум

(франц.) .

348

Эвальд фон Кляйст (1831–1954), немецкий генерал-фельдмаршал (с 1943 г.), главнокомандующий группой армий «А» на Кавказе и Южной Украине (1942–1944), в 1944 г. отстранен от командования. Попав к англичанам в плен в Югославии, он был выдан ими СССР, где и скончался в заключении.

В «Кавказских заметках» от 8–9 января 1943 г. автор описывает это так: «В приемной офицер связи вручил мне телеграмму; тяжело заболел отец. Одновременно распространилась молва, что железнодорожное сообщение с Ростовом прервано. Я случайно столкнулся с подполковником Краузе, с которым был связан прежними спорами /.../. Он как раз ожидал самолет из Берлина и предложил мне лететь на нем обратным рейсом. Пока мы обговаривали этот вопрос, начальник отдела кадров главного командования велел сообщить мне, что в курьерской машине, которая завтра утром должна вылететь из Армавира, за мной забронировано место. Автомобиль туда отправляется через два часа. /.../»

Во время ночного переезда интенсивно думал об отце, Я не виделся с ним с 1940-го года /.../. Однако я несколько раз разговаривал с ним по телефону. Теперь, в утомлении первых утренних часов, я вдруг увидел на темном небе лучистый блеск его глаз, больших, значительно более голубых и проникнутых жизнью, чем прежде — глаза эти передавали всю его суть. Сейчас я видел, как они спокойно и с нескрываемой любовью смотрели на меня. Я хотел бы когда-нибудь описать его /.../ с исключительной достоверностью».

350

Sempervivum — суккулент, многолетник. Род *Sempervivum*, в котором насчитывается до шестидесяти видов, у нас известен под названиями «молодило, каменная роза, очиток, живучка». Эти растения называют каменной розой не только за форму розеток подобных цветку, но и за способность выживать в самых экстремальных условиях.

351

Формоз (

лат. *Formosus PP.*) — родился предположительно в 816 г.; папа римский с 6 октября 891 г. по 4 апреля 896 г. При Николае Великом был епископом Порто.

352

Порнократия (Правление блудниц, Эпоха блудниц, Правление шлюх) (

ит. *pornocrazia romana, governo delle prostitute*) — период в истории папства (1-я пол. X в.), который начался с правления папы Сергия III (коронован в 904 г.) и длился 60 лет, до смерти Иоанна XII в 963 г. (по другим толкованиям — в течение 30 лет, до смерти Иоанна XI).

353

Дом Бонапарта

(ит.) .

354

По корсиканскому обычаю

(лат.) .

355

Матка; матрица

(лат.) .

356

«Лишь бы только это длилось»

(франц.) .

357

Поль Баррас (1755–1829), активист Великой французской революции, инициатор термидорианского переворота, фактический правитель Франции в 1795–1799 года. Баррас помогал при осуществлении наполеоновского переворота 18 брюмера 1799 г., но не пользовался доверием Наполеона, был отстранен от политической деятельности и до конца жизни прожил под полицейским надзором.

358

Жак Бенуа-Мешен (1901–1983), французский писатель и журналист. В начале войны побывал в краткосрочном плену. Вернувшись, вошел в правительство Дарлана и до сентября 1942 г. являлся в нем министром, ответственным за франко-германские отношения. Автор впервые познакомился с Бенуа-Мешеном 9 сентября 1942 г.

359

Имеется в виду зима 1942 года, заставшая немецкую армию в России.

360

Мария Башкирцева (1858–1884), французская художница русского происхождения, автор знаменитого дневника. Мопассан, посетив ее могилу, сказал: «Это была единственная Роза в моей жизни, чей путь я усыпал бы розами, зная, что он будет так ярк и так короток!» Эрнст Юнгер еще в начале сороковых годов тоже навещал могилу Марии Башкирцевой в Париже.

361

«Это чересчур!»

(франц.) .

362

Дословно: «одноглазая гостиница», в значении «гостиница, пользующаяся дурной славой, подозрительная; притон»

(франц.) .

363

Имеется в виду Андре Массена (1758–1817), сын зажиточного лавочника, он дослужился до высших военных постов Франции при Наполеоне, получив титулы маршала Франции (1804), герцога де Риволи (1808) и князя де Эслинга (1810). После падения Наполеона принял сторону Бурбонов. Лишился глаза в боях. Скончался от туберкулеза.

364

Супружеской постели

(франц.) .

365

Антуан граф де Ривароль (1753–1801), оригинальный французский мыслитель и писатель; в результате преследований на родине вынужден был эмигрировать в Германию, умер в Берлине и похоронен на кладбище Доротеенштадта. Эрнст Юнгер всегда интересовался взглядами Ривароля. К середине 50-х гг. он закончил перевод его максим на немецкий язык и в 1956 г. книга вышла в изд-ве «Клостерманн» (русский перевод: Юнгер Э. Ривароль / Пер. Д.В. Кузницына. СПб: Владимир Даль, 2008).

366

Человека Средиземного моря

(франц.) .

367

Юстинус Андреас Кристиан Кернер (1786–1862), немецкий поэт, врач и ученый, автор романа, двух сборников прозы и нескольких поэтических книг.

368

«Мчись, человек, вершины покоряя по пути,/Там кораблем плыви, а здесь — воздушным шаром;/Но на полеты труд потрачен даром:/Тебе ведь дальше, чем могила, не уйти»

(нем.) .

369

Людвиг Мис ван дер Роэ (1886–1969), знаменитый немецкий архитектор. Профессионального образования не получил. В 1930–1933 гг. возглавлял школу строительства и художественного конструирования «Баухаус» в Веймаре, перебравшуюся позднее в США и ставшую там ведущей. Выдвинул идею «универсальной архитектурной формы» — единого внутреннего пространства, дающего максимум возможностей для различного использования интерьера. Большую известность приобрели его разработки в области дизайна мебели: кресла из алюминиевых трубок и планок, кожаные кресла на стальной раме «Тугендхат», кресла

«Брно» на раме в виде буквы «S» и «Барселона» на ножках в виде буквы «X». Его творчество 40-50-х гг. минувшего века оказало большое влияние на архитекторов США и Европы.

370

Или: Seagram Building — небоскреб в деловой части Нью-Йорка, на Парк-авеню. 38 этажей, высота 158 м. Построен в 1954–1958 гг. по проекту архитекторов Л. Миса ван дер Роэ и Ф. Джонсона. Появление этого небоскреба из стали и стекла, тонированного под цвет виски, ознаменовало новый этап в архитектуре высотных и административных зданий.

371

Ангелус Силезиус, Силезский Ангел (наст. имя — Иоганн Шефлер, 1624–1677), поэт-мистик, врач и священник.

К мистическим стихам Силезиуса Юнгер обращается неоднократно (ср.: Юнгер Э. Сердце искателя приключений / Пер. с нем. и послесл. А.В. Михайловского. М.: Ad Marginem, 2004, гл. «Стереоскопическое наслаждение»).

372

Не ты пребываешь в месте / но место / живет в тебе / Достань его из себя / и вечность узришь пред собой (

нем.).

373

См. запись от 29 марта 1966 г.

374

Непринужденность; развязность, беззастенчивость, бесстыдство

(франц.) . Биполярность понятия *désinvolture* давно привлекала внимание Э. Юнгера. Ему посвящена одна из глав в книге «Сердце искателя приключений», об этом он пишет также в «Садах и дорогах» (29 сентября 1939 г.) и в романе «Гелиополь».

375

Непринужденный; развязный, беззастенчивый, бесстыдный
(франц.) .

376

«Тот, кто чувствует себя комфортно, без затруднения и стеснения, свободно, бодро»
(франц.) .

377

Mimulus

(нем., лат.) , по-русски называется также «губастик».

378

В немецком языке «солнце» — die Sonne — женского рода.

379

«Доказательства»

(франц.) .

380

Альфред Кубин (1877–1959), австрийский художник и писатель, соединивший в своем творчестве черты символизма, экспрессионизма и сюрреализма. Вместе с В. Кандинским и другими художниками был основателем «Нового мюнхенского объединения художников» (1909), а в 1911 вошел в состав группы «Синий всадник». С 1906 уединенно жил в поместье Цвикледт (Верхняя Австрия). Эрнст Юнгер познакомился и подружился с ним в 1920-х годах, встречи и переписка их с тех пор не прерывались до самой смерти Кубина.

381

Gr?nfink

(нем.) , Chloris chloris L.

(лат.) .

382

Lebensbaum

(нем.) , Thuja L.

(лат.)

383

Оскар Гейнрот (Heinroth, 1871–1945), немецкий зоолог, международного признания добился своими трудами по орнитологии (Heinroth O. Die V?gel Mitteleuropas. 4 B?nde. Berlin, 1924–1934). Он ввел понятие «этология» в современную биологию. В 1911–1913 гг. он принимал активное участие в строительстве Берлинского аквариума и потом более 30 лет был его директором.

384

Девичий виноград триостренный, называемый еще «диким виноградом»; Selbstklimmer

(нем.) , Parthenocissus tricuspidata

(лат.) .

385

Швейцарская карточная игра.

386

Разлом

(нем.) .

387

(Мморской) прибой

(нем.) .

388

Мост

(нем.) .

389

Грудь, брат, очки

(нем.) , бриджи

(англ.) , рука

(лат.) , рука

(франц.) .

390

«Вы не разбудили меня. Это идиотизм, полный идиотизм!»

(англ.) .

391

«Улица радости», «Веселая улица»

(порт.) .

392

Себастьян Жозе Помбал, маркиз (1699–1782), наиболее влиятельный португальский политик эпохи Просвещения, яркий представитель «просвещенного абсолютизма». Фактически держал в своих руках бразды правления Португалией при короле Жозе Первом (1750–1777) и руководил восстановлением страны после разрушительного Лиссабонского землетрясения.

393

Герхард Небель (1903–1974), немецкий писатель, эссеист и консервативный критик культуры. Он познакомился с Эрнстом Юнгером в Париже еще в 1941 г. Возникла дружба и переписка (J?nger E., Nebel G. Briefe (1938–1974). Hrsg. Ulrich Fr?schle und Michael Neumann. Stuttgart: Klett-Cotta, 2003), продолжавшаяся, хотя и с перерывом, до конца жизни. Небель опубликовал в изд-ве «Mar?es» (Вупперталь) две книги о Юнгере: «Ernst J?nger und das Schicksal des Menschen» (1948) и «Ernst J?nger. Abenteuer des Geistes» (1949). Указанная здесь книга «Portugiesische Tage» вышла в Гамбурге в 1966 г.

394

Замок святого Георгия

(порт.) .

395

Pra?a do Com?rcio — площадь Торговли

(порт.) .

396

Нуньо Гонсалвеш, португальский художник, даты рождения и смерти которого неизвестны; по некоторым документам он активно работал между 1450 и 1490 гг. при дворе Альфонсо V.

397

Здесь: род человеческий

(лат.) .

398

Бальтазар Нойман (1687–1753), великий немецкий зодчий эпохи барокко и рококо.

399

«Ад», «Преисподняя»

(порт.) .

400

Шведский напиток (Schwedentrunk) был во время Тридцатилетней войны часто применяемым видом пыток, при котором жертве заливался в рот раствор или вода. Считается, что он впервые применен шведами в южной Германии, однако, на самом деле, если вспомнить Нерона, этот вид пытки был известен еще в античные времена.

401

Тем лучше

(франц.) .

402

Здесь: прилив бодрости, дополнительную энергию

(франц.) .

403

Кричать

(франц.) .

404

От латинского *cresco*: «расти».

405

Лузитания — древнеримская провинция, располагавшаяся на большей части сегодняшней Португалии и западной части испанской Эстремадуры.

406

«Lusiaden» (*Os Lus?adas*) — классическое произведение португальской литературы, эпос поэта Луиса де Камозанса (1525–1580), опубликованный в 1572 г.

407

Проклятые поэты

(франц.) .

408

Здесь: косметическому ремонту

(англ.) .

409

Речь идет о новелле немецкого поэта Иоганна Петера Хебеля (Johann Peter Hebel,

1760–1826), впервые опубликованной в 1808 г. и положившей начало жанру короткого юмористического рассказа. В ней повествуется о молодом подмастерье, который первый раз в жизни посетил Амстердам. Там он увидел роскошный дом и большой корабль с дорогими товарам. На вопрос о владельце таких богатств ему оба раза ответили «Kannitverstan», что означает «Не понимаю». Подмастерье же решил, что это имя человека и в своей бедности позавидовал ему. Потом он увидел на улице похоронную процессию и, поинтересовавшись, кого хоронят, услышал в ответ «Kannitverstan». Он скорбит об усопшем, но одновременно на сердце у него становится легче, ибо он понимает, что смерть не знает социальных различий и все в жизни мимолетно.

410

Entenmuschel

(нем.) , *Pollicipes pollicipes*

(лат.) — род ракообразных из класса Cirripedia.

411

Красное вино

(порт.) .

412

«Господа»

(порт.) .

413

«Простолюдины»

(порт.) .

414

Новелла Германа Мелвилла.

415

Здесь: свой выбор блюд

(франц.) .

416

Столица Мадейры.

417

Лоцман (*Naucrates ductor*) — рыба, принадлежащая к семейству кранговых (*Crangidae*).

418

Бугенвилия (*Bougainvillea*) — вьющееся растение с пурпурными цветами семейства никтагиновых.

419

Пико-де-Тейде (*Pico de Teide*), действующий вулкан на острове Тенерифе, в группе Канарских островов. Высота 3718 м.

420

Fregattvogel

(нем.) , *Fregata Lacerp.*

(лат.) .

421

«Райская муза», латинское название банана.

422

Malva L.

(лат.) , другое название: просвирник.

423

Деян 19:27.

424

Изразцы

(порт.) .

425

Немцы

(порт.) .

426

Аллюзия на роман Октава Мирбо (1848–1917), называемый также «Сад мучений» (1899).
Подробно рассматривается в «Сердце искателя приключений» в главе «Жестокие книги».

427

Йоханн Франц Шенк барон фон Штауффенберг (р. 1939), представитель баронской (Freiherr)
линии Штауффенбергов, друг Эрнста Юнгера.

428

Ilha — остров

(порт.) .

429

Молодым вином

(порт.) .

430

Антониу ди Оливейра Салазар (1889–1970), португальский государственный деятель, диктатор Португалии (1932–1968).

431

Ср. запись от 14 августа 1965 г., где упоминается одна из любимых в детстве книг «Путешествие по неизведанному континенту».

432

«Ангола в дни гнева»

(порт.) .

433

Гнев, негодование

(порт.) .

434

Affenbrotbaum

(нем.) *Adansonia digitata* L.

(лат.) , баобаб.

435

Богоматерь Победа

(порт.) .

436

Погребен Паулу Диаш де Новаиш

(порт.) .

437

Имеется в виду книга «Das Sanduhrbuch», вышедшая в издательстве «Витторио Клостерманн» во Франкфурте-на-Майне в 1954 г. В доме-музее Э. Юнгера в Вильфлингене хранится большая коллекция песочных часов XVIII–XX вв.

438

Elefantengras

(нем.) , *Pennisetum purpureum* Schum et Thon.

(лат.) .

439

Webervogel

(нем.) , Proceidae

(лат.) .

440

Passionsblume

(нем.) , Passiflora L.

(лат.) .

441

Или: танагра-медосос, Honigsauger

(нем.) , Cyanerpes caeruleus

(лат.) , птица семейства нектарницевых — Nectariniidae.

442

В оригинале использовано слово Heerwurm — дословно: войско червей, червивая армия

(нем.) . Так называется массовое перемещение личинок сциаридов. Сциариды (Sciaridae отряда Diptera), по-русски именуются также «грибные или почвенные комарики», а по-немецки Trauermücken, т. е. «траурные комарики».

443

Gloriosa, Gloriosa superba — относится к семейству лилейных.

444

Или «Ротшильдiana» (Gloriosa rothschildiana O'Brien) — имеет малиново-желтые соцветия.

445

См. прим. к записи от 21 июня 1965 г.

446

Здесь, собственно говоря, употреблено слово *Hundsaffen*, означающее надсемейство собакоголовых, или низших узконосых обезьян — *Cercopithecoidea*, куда входят и мартышковые.

447

Здесь: специально

(лат.) .

448

Как у нас

(франц.) .

449

Теодор Фонтане (1819–1898), выдающийся немецкий писатель, представитель поэтического реализма.

450

«Поиски утраченного времени»

(франц.) . Аллюзия на романный цикл Марселя Пруста «В поисках утраченного времени».

451

31 мая 1916 г. германский флот под командованием вице-адмирала Райнхарда Шера в сражении у северо-западной оконечности Ютландии одержал победу над превосходящими силами британского флота. Сражение у Скагеррака, однако, не имело стратегического значения. Юнгер неоднократно обращается к этой славной странице в истории германского флота в своей политической публицистике (см.: Юнгер Э. Националистическая революция. М., 2008).

452

Fazenda — возделанный участок, плантация; крупное земельное владение, поместье, фазенда

(порт.) .

453

Нимрод — в Пятикнижии, агадических преданиях и легендах Ближнего Востока герой, воитель-охотник и царь. Упоминается как «сильный зверолов перед Господом»; его царство помещено в Месопотамии (Быт. 10:9-10).

454

Лошадиная антилопа (*Hippotragus equinus*) похожа на черную, но крупнее.

455

Lepus saxatilis

(лат.) .

456

Ginsterkatze, Genettkatze

(нем.) , *Genetta (genetta)* L.

(лат.) , генетта (обыкновенная) — род хищных млекопитающих семейства виверровых. Исключительно юркое животное; приручается.

457

Weissung (или Grosse Weissung) — один из ключевых образов наряду с «Erdrevolution» («революция Земли») и «Erdvergeistigung» («одухотворение Земли»), важных для понимания мистических аспектов позднего творчества Юнгера. Господство техники в эпоху нигилизма понимается в эссе «Стена времени» как «выбеливание» (можно было бы сказать по-гречески: левкосис). Автор признает, что природные и культурные ландшафты будут в конце концов стерты тотальной мобилизацией, но предлагает увидеть этот процесс в метаисторической оптике как завершение большого цикла истории Земли (ср. «мировой пожар» стоиков), как *retour offensive*.

458

Агама колонистов (*Agama agama*) или агама обыкновенная, отличается удивительной яркостью окраски.

459

Гекко или Гекконы (*Geckotidae s. Ascalabotae*) — семейство отряда ящериц (*Saurii*). Голова гекко широка и сильно сплющена, глаза без век со щелевидным зрачком.

460

Вкратце, в сжатом виде; в миниатюре (лат.).

461

Здесь: просека

(порт.) .

462

Rote Quastenblume

(нем.) , Emilia coccinea

(лат.) , по-русски еще называется «какалия».

463

Treiberameisen (нем.), Dorylinae (лат.), по-русски называются также: «муравьи-кочевники, муравьи-легионеры, дорилины».

464

С сюрпризом (франц.).

465

Она же генетта.

466

«За заслуги» (название высшего прусского и затем германского ордена, присуждаемого лично императором). Согласно истории ордена, Эрнст Юнгер был последним, кто получил эту награду (18 сентября 1918 г.) незадолго до заключения перемирия. В заключительной главе «Стальных гроз» автор цитирует поздравительную телеграмму от 22 сентября 1918 г.

467

Имеются в виду так называемые «французские жуки», красноклопы (семейство Pyrrhocoridae) — широко распространенное семейство насекомых: вид Pyrrhocoris, отряд Hemiptera (Полужесткокрылые, или клопы).

468

Нарывники — жуки рода Mylabris sp. и других, семейство Meloidae.

469

Grevillie — разновидность орхидей.

470

Приятная наука (лат.) — так Линней называл ботанику.

471

Borassus flabelliformis L. (лат.).

472

Raphia vinifera Beauv. (лат.).

473

Перебродивший пальмовый сок.

474

Или: капуста кормовая, *Brassica oleracea* var. *acephala* DC. (лат.).

475

Kanarienbaum, (нем.), другие названия: Канарский орех, яванский миндаль, бальзамное дерево.

476

Ладанниковые или фимиамные растения, Weihrauchgewachse (нем.), Cistaceae (лат.).

477

Silberreihher (нем.), Egretta garzetta L. (лат.).

478

Гиппократово лицо (лат.), т. е. лик умирающего, лицо, отмеченное печатью смерти.

479

Водопад Дюке-де-Браганса на р. Лукала.

480

Имеется в виду гидроэнергия.

481

Из любопытства (франц.).

482

Тулбагия фиолетовая, или дикий чеснок (*Tulbaghia violacea*, семейство Alliaceae).

483

Навозник. Группа Навозников включает жуков, чьи личинки и сами жуки питаются большей частью пометом животных.

484

Имеется в виду музей Энтомологического института в г. Тутцинг.

485

Пригород (франц.).

486

Лишь бы только это длилось (франц.).

487

Здесь: в путь, в дорогу (франц.).

488

Сизаль называют также «мексиканской агавой».

489

Pide — португальская тайная полиция.

490

Исав («волосатый»; Быт. 25:25) — библейский персонаж, сын Исаака и Ребекки.

491

Buschbock (нем.), *Tragelaphus scriptus* (лат.).

492

Семейство Cerambycidae — усачи или дровосеки (включая Philinae, Vesperinae; но исключая Disteniidae).

493

Kaiserstuhl (буквально: «Императорский трон») представляет собой небольшую группу холмов в основном вулканического происхождения в долине Верхнего Рейна на юго-западе Германии, к северо-западу от Фрайбурга.

494

Усачи или дровосеки (лат.).

495

См. запись в «Излучениях I» от 1 марта 1940 г.: «Возвращаясь со стрельб, я ехал верхом лесосекой старого дубняка в Хардте и подумал, так, полусознательно: "Вот, должно быть, подходящее пастбище для черного дятла". И в то же мгновение я, второй раз в своей жизни, увидел, как животное с огненно-красным хохолком, словно родившись из мысли, вспорхнуло с сухой верхушки дерева и скрылось в волнообразном полете. Я воспринял это едва ль не как чудо, словно собственное сотворение — совершенно аналогично тому, как во снах приближаются те вещи, о которых думаешь. И все же с цветами, животными, а также людьми такое со мной в жизни случается уже не впервые. Это также одна из высших ступеней, как и неслыханное возбуждение во время охоты на насекомых, а весь научный аппарат лишь подручное средство. Там, где нас всегда властно охватывает чувство гармонии, детали, точно по волшебству и подобно завершающему мазку кистью, внезапно открываются нам.

Так дела обстоят, прежде всего, с мгновением счастья. Вещи настроены; мир замер в аккорде. Теперь только от нас самих зависит, захотим ли мы произнести "Сезам", который откроет нам изобилие» (Юнгер Э. Сады и дороги. М.: Ad Marginem, 2008. С. 179–180).

496

Эрхард Гёпель (Göpel, 1906–1966), немецкий историк искусства, известный своим

безукоризненным стилем. Он всю жизнь был другом и помощником в беде Макса Бекмана, составлял его каталоги и писал книги о его живописи. Юнгер познакомился с Гёпелем еще в 1942 г. в Париже, где тот служил переводчиком. В «Излучениях»

497

Рудольф Гельпке (Gelrke, 1928–1972), швейцарский исследователь ислама, доктор наук, профессор; несколько лет учился и работал в Иране. В бо-е годы много экспериментировал с различными наркотиками (вместе с друзьями — д-ром Альбертом Хофманном, профессором фармакологии Херибертом Концеттом и при участии Э. Юнгера), о чем составил записки «В путешествиях по вселенной души». Указанная здесь книга «Vom Rausch im Orient und Okzident» была опубликована издательством Kett-Cotta в 1966 г.

498

Речь идет о персонаже романа Э. Юнгера «Гелиополь» (1949).

499

Здесь в значении «Дело тебя касается». Восходит к латинскому выражению «*Tua res agitur, paries cum proximus ardet*» («Твой дом в опасности, коль у соседа горит стена»); встречается в «Посланиях» Горация.

500

Людвиг Эрхард (1897–1977), видный немецкий экономист, отец «экономического чуда», федеральный канцлер 1963–66 гг.

501

Или: усачи, *Wockkafer* (нем.), *Cerambycidae* (лат.).

502

Nashornkafer (нем.), *Oryctes nasicornis* L. (лат.).

503

Schnellkafer (нем.), Elateridae (лат.).

504

Брентиды, долготелы, длиннотелы, Brenthidae (лат.).

505

Kandelabereuphorbien, Euphorbiaceen (нем.), Euphorbiaceae Juss. (лат.).

506

Или: коневидная (саблерогая) антилопа, Pferdeantilope (нем.), Hippotragus equinus (лат.).

507

Или: редунка обыкновенный, Riedbock (нем.), Redunca redunca (лат.).

508

Hemiptera (лат.).

509

Palmadler(нем.)

510

Африканское племя

511

Blumenküisser (нем. дословно: «целовальник цветов») — ушастый колибри (*Heliothrix aurita*) из рода цветковых колибри (*Heliothrix*), входящих в семейство колибри (*Trochilidae*).

512

Большая макака (порт.)

513

Sympathie — скрытая [чудодейственная] сила (знахаря и т. п.).

514

Или: Жаккаранда (*Jacaranda*), семейство: Бигнониевые (*Bigno- niaceae* Juss).

515

Старорежимный (франц.). L'Ancien Rigime — королевский строй (во Франции).

516

Маршальский зал (франц.).

517

Regenvol (нем.; дословно "дождевая птица"). *Numenius arquatus* L. (лат.)

518

Nachtschwalbe (нем.; дословно: «ночная ласточка»), *Caprimulgus (europaeus) L.* (лат.).

519

Meerkatze (дословно: «морская кошка»), *Scoropithecus Erxl.* (лат.).

520

Чепура малая, египетская (коровья) цапля, *Kuhreiher* (нем.), *Bubulcus ibis L.* (лат.).

521

"*Fliegende Blatter*" — юмористическо-сатирический иллюстрированный еженедельник, выходивший в Мюнхене с 1845 по 1944 г.

522

"Я ел черного, я ел белого, я ел губернатора" (франц.).

523

Жуки, жесткокрылые (лат.).

524

Или: ткачиковые, *Webervogel* (нем.), *Proceidae* (лат.).

525

Или: лакомки, Paussidae (лат.).

526

Или: сахарные жуки, Passalidae (лат.).

527

Хуберт фон Брайски (Breisky 1908–1967), австрийский писатель и путешественник, автор романов об Африке («Колосс», «Боги черного континента», Ангола и Мозамбик) и Азии («Рай рядом с адом», Камбоджа), переведенных на многие языки.

528

Campramento — лагерь; стан, бивак (порт.; литературная норма: acampamento).

529

Contracter — наемный рабочий (порт.).

530

Здесь: уголье; служебное помещение, подсобное предприятие (франц.).

531

Здесь: негров, чернокожих (франц.); $\text{r}^{\wedge}\text{gritude}$ — принадлежность к черной расе; характерные особенности черной расы; негритюд.

532

Имеется в виду издававшийся Фридрихом С. Крауссом в Лейпциге ежегодник «Anthropophyteia. Jahrbücher für folkloristische Erhebungen und Forschungen zur Entwicklungsgeschichte der geschlechtlichen Moral».

533

Sternocera — жуки-златки; семейство златок (относятся к Buprestidae) представлено более чем юооо видов, распространенных в основном в странах с жарким климатом.

534

Местный эвфемизм, означающий «дать чаевые».

535

Делоникс царский (королевский), фламбоянт, огненное дерево (Flamboyant, Delonix Regia, Poinciana regia) — тропическое дерево из семейства цезальпиниевых с огенно-красными цветами.

536

Strandlaufer (нем.), Tringa L. (лат.) — вид птиц из семейства бекасовых (Scolopacidae).

537

Ibis (Ibis Cuv.).

538

Крабы из семейство Majidae (род Chionoecetes) объединяет два шельфовых и три глубоководных вида.

539

Отрывисто; муз. стаккато (ит.)

540

«Принц Совершенный» (порт.).

541

Здесь: чистокровка (франц.).

542

Скелет, костяк (животного); здесь: тушка (франц.).

543

Самолет [франц. и нем.).

544

Летчик (франц. и нем.).

545

Azulejo — изразец, кафельная плитка (порт.).

546

Имеются в виду архаичные (по некоторым сведениям — эпоха палеолита) массивные постройки на острове Сардиния.

547

Красное вино (порт.).

548

Осьминог или спрут (лат..).

549

Посадка (нем. и франц.).

550

Взлетно-посадочная полоса, летная дорожка (франц. и нем.).

551

Фарнхаген фон Энзе, Карл Август (Varnhagen von Ense, 1785–1858), немецкий писатель и критик. Популяризовал русскую литературу в Германии. В 1838 г. опубликовал статью об А.С. Пушкине; писал и о других русских писателях, переводил их произведения. Был знаком с В. А. Жуковским, И. С. Тургеневым, Н. П. Огаревым и др. Впервые привлек внимание немецких читателей к творчеству Лермонтова, переведя в 1840 г. по совету Н. А. Мельгунова «Бэлу». Перевод близок к оригиналу, хотя не свободен от неточностей. В статье «Новейшая русская литература» (1841) Фарнхаген фон Энзе указывал, что на Лермонтова «по праву обращены взоры всех русских». Здесь имеется в виду его книга, посвященная Курду Кристофу, графу фон Шверину (1684–1757), прусскому генерал-фельдмаршалу в эпоху Фридриха Великого.

552

«Я в жизни много думал за вином /и за вином в ней многого достиг» (нем.). Образец акрофонической перестановки в поэзии.

553

Mauereidechse (нем.), Podarcis muralis (лат.).

554

Эрве Лавенир де Бюффон (р. 1930) был генеральным секретарем «Международного комитета за французский язык — язык европейцев».

555

Или: рябчик императорский; Kaiserkrone (нем.), Fritillaria imperialis L. (лат.).

556

Или: кальциты.

557

Альфред Фабр-Люк (1899–1983), французский журналист и писатель. Придерживался идеи единой Европы еще с начала 1930-х гг. С Юнгером он поддерживает отношения с начала 1940-х. Много критиковал политическое руководство и работу Верховного суда Франции.

558

Bussard {нем.}, Buteo Lacer. {лат.}.

559

Maiglockchen {нем.; «майский колокольчик»), Convallaria majalis L. {лат.}.

560

Rotbuche {нем.; «красный ясень»), *Fagus silvatica* L. {лат.}.

561

Herzmuschel {нем., «раковина сердечком»), *Cardium* L. {лат.}.

562

Wiesenschaumkraut {нем.; «лугопенная трава»), *Cardamine pratensis* L. {лат.}

563

Lowenzahn (нем.; «львиный зуб»), *Taraxacum* Wigg. (лат.).

564

Hahnenfufi (нем.; «петушиная лапка»), *Ranunculus* L. (лат.).

565

Schirmblume (нем.; «зонтичный цветок»), *Clitoria* L. (лат.).

566

Или: кукушкин цвет; Kuckuckslichtnelke (нем.), *Coronaria flos cuculi* (L). A. Rr. (лат.).

567

Akelei (нем.), Aquilegia L. (лат.).

568

Горечавка, Enzian (нем.), Gentiana L. (лат.).

569

Buchs (нем.), Vixus L. (лат.).

570

Семейство лютиковых (лат.); лютик — Ranunke (нем.), Ranunculus L. (лат.).

571

Или: борец, Sturmhut (нем.), Aconitum (лат.).

572

Rittersporn (нем.; «рыцарская шпора»), Delphinium L. (лат.).

573

Lowenmaul (нем.), Antirrhinum L. (лат.).

574

Fingerhut (нем.), Digitalis L. (лат.).

575

Или: капуцин, Kapuzinerkresse (нем.), Tropaeolum L. (лат.).

576

См. прим. от 24 сентября 1965 г.

577

После ненастья — солнце (лат.).

578

Насмешливый, издевающийся, презрительный (англ.).

579

См. прим. к записи от 20 июня 1965 г.

580

Здесь: нераздельное соавторство (франц.).

581

Ашиль Девериа (1800–1857), французский художник, книжный иллюстратор, приобретший известность эротическими миниатюрами. Эжен Девериа (1805–1868), брат Ашиля, исторический живописец, один из главных представителей романтизма во французской живописи.

582

Небольшой детективный роман Эрнста Юнгера (*Eine gefährliche Begegnung. Erweiterte Fassung*, 1983).

583

Генриетта Зонтаг (1806–1854), выдающаяся немецкая певица, легенда музыкальной жизни Европы XIX столетия.

584

Французский вариант имени *Stierlein* (Бычок), под которым в этих дневниках фигурирует жена автора.

585

Helioscopris — жуки-навозники.

586

Coprophaga — равнодыхальцевые жуки (*Laparostictici* s. *Coprophaga*) — группа пластинчатоусых жуков (*Lamellicornia* s. *Scarabaeidae*) подсемейства собственно пластинчатоусых (*Lamellicornia* s. *Str.*), составляющие две группы: *Coprophaga* и *Arenicolae*. К группе *Coprophaga* относятся, по большей части, небольшие жуки с большим грудным щитом, сильно развитыми зубчатыми копательными голеньями передних ног, 3-члениковой булавой усиков и кожистыми, прикрытыми верхней губой и верхними челюстями.

587

Вертячки.

588

Сборник статей разных лет: Heidegger M. Wegmarken. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann, 1967.

589

"Мы только знак, без назначения//...и почти//потеряли язык на чужбине" (нем.); строки из стихотворения Гёльдерлина "Мнемозина"

590

О «Рабочем» Э. Юнгера М. Хайдеггер говорит в статье «Преодоление метафизики» («Die Überwindung der Metaphysik»). См. также: Хайдеггер М. О «линии» // Судьба нигилизма.

591

Stanhopea. Род орхидей. Порядок: Орхидные (Orchidales), семейство: Орхидные (Orchidaceae). Орхидеям, о которых автор говорил «как об актрисах», посвящена отдельная глава эссе «Сердце искателя приключений» («В оранжереях»)

592

Обри Винсент Бердслей (1872–1898), английский художник.

593

«Каторжники» (франц.).

594

«Каторжные тюрьмы» (франц.).

595

«Отверженные» (франц.).

596

Так звали любимую сиамскую кошку автора.

597

Мирча Элиаде (1907–1986), писатель румынского происхождения, историк религий, исследователь мифологии, профессора, автор более 30 научных, литературных и философских трудов. Свободно владел восемью языками. Э. Юнгер познакомился с ним в Париже в начале 1940-х. гг. и потом поддерживал с ним тесные отношения до смерти Элиаде. В частности, он издавал вместе с Элиаде в Штутгарте культурологический журнал "Антей" ("Antaios").

598

Я посвящен в тайну (франц.).

599

Бывшего шефа службы безопасности (франц.).

600

Мн. число от *richeur*: задира, готовый пустить в ход нож (арго); прост, вор, пользующийся ножом (франц.).

601

«Защита ягодиц» (франц.).

602

Слово образовано от лат. *ad notam*: для памяти, к сведению; *ad notam nehmen* — заметить себе; запомнить.

603

Акиба Бен Иосеф (ок. *jo-ijo*), еврейский законоучитель.

604

См. прим. к записи от 10 июня 1965 г.

605

Разновидность жесткокрылых: медляк степной, медляк широкогрудый, медляк короткошей, чернотелка и т. д.

606

См. прим. к записи от и сентября 1965 г.

607

«Ах, это уже не довоенный Париж!» (франц.).

608

Smaragdhaehnchen, *Sommergoldhaehnchen* (нем.; «изумрудный петушок», «летний золотой петушок»), *Regulus ignicapillus* (лат.).

609

«Издалека, Господь, // Я твой трон узрел...» (нем.). Ср. запись от 12 января 1969 г.

610

См. запись в «Садах и дорогах» от 29 марта 1940 г.

611

См. прим. к записи от 13 августа 1965 г.

612

«Когда я еще служил в лейб-гвардии» (берл.).

613

«Перестанешь ездить в Потсдам» (берл.).

614

«Дела у него не важнецкие — ему надо уйти на пенсию» (берл.).

615

Вручение высшей награды Германской империи «Pour le Mérite», называемой также Рыцарским крестом дома Гогенцоллернов, означало также возведение в личное дворянство.

616

См. запись от 12 февраля 1944 г. в «Излучениях» («Второй Парижский дневник»).

617

См. запись от 4 января 1946 г. в «Излучениях» (Юнгер Э. Годы оккупации (апрель 1945 — декабрь 1948) / Пер. И.П. Стребловой. СПб.: Владимир Даль, 2007).

618

Возможно, речь идет об Оскаре фон Гинденбурге (сыне прославленного фельдмаршала и рейхспрезидента Пауля фон Гинденбурга), который был непосредственным начальником Юнгера во время службы в Ганновере в 1920 г.

619

Здесь: скорым поездом (ит.).

620

Имеется в виду германский фонд культуры «Deutsche Akademie Rom — Villa Massimo» (осн. 1913), который предоставляет стипендии молодым немецким писателям, художникам, музыкантам. Юнгер был на Вилле Массимо в качестве гостя (в другое время там останавливался его брат Фридрих Георг). Вилла, принадлежавшая княжеской семье Массимо, была приобретена прусским меценатом Эдуардом Арнольдом в 1910 г.

621

Стефан Пауль Андрее (1906–1970), немецкий писатель и поэт; член Бамбергского поэтического кружка; с 1937 по 1951 и с 1961 по 1970 гг. жил и работал в Италии; наиболее известны его новеллы «Эль Греко рисует Великого инквизитора» (1936) и «Мы — утопия» (1951). Издана переписка Юнгера и Андрее: Jiinger E., Andres S. Briefe 1937–1970. Hrsg., komm. und mit einem Nachwort von Gunther Nicolini Stuttgart: Klett-Cotta, 2007.

622

Имя, говорящее само за себя (лат.).

623

Вид жесткокрылых.

624

Rene Quinton, «Maximes sur la guerre». Известно высказывание Кентона: «Существует большой мир войны: он заключается в том, чтобы там обходиться без женщин».

625

Готфрид Август Бюргер (1747–1794), немецкий поэт эпохи «Бури и натиска», автор баллад и эпиграмм, ему принадлежит также переработка знаменитой «Истории барона Мюнхгаузена».

626

«Человек, придумавший "если" и "но", // Превратил бы в золото даже дерьмо» (нем.).

627

Точнее — Римское некатолическое кладбище (Il Cimitero acattolico di Roma). Здесь похоронены многие известные иностранцы: Александр Иванов, Вячеслав Иванов, Карл Брюллов, Джон Ките, Маль-вида фон Майзенбург, Перси Биши Шелли, Ханс фон Маре, Феликс Юсупов и др.

628

Внебрачный сын (ит.). Имеется в виду Август Гёте (1789–1830); надгробие работы Торвальдсена.

629

Вильгельм Фридрих Вайблингер (1804–1830), немецкий поэт-романтик, писатель, биограф Гёльдерлина.

630

Judasbaum (нем.; «иудино дерево»), Cercis L. (лат.).

631

Музей человека, основанный в Париже в 1937 г. Его предшественником был Этнографический музей Трокадеро.

632

«Слон без хобота,/Это очень обманывает» (франц.). Игра слов, построенная на слове «trompe», которое означает «хобот» и «обманывает».

633

Имеется в виду церковь Санта-Мария в римском районе Арачели (Аракоэли), главным объектом поклонения в которой была статуя Иисуса-младенца (Санто Бамбино). Считается, что деревянное изваяние наделено волшебной целительной силой. Больные съезжались со всего Рима, чтобы прикоснуться к ней. К сожалению, в 1994 г- скульптура была украдена.

634

«Младенцу/Рай» (ит.).

635

Людвиг I (1786–1868), баварский король.

636

Clerc — клерк; конторский служащий (франц.); уст. просвещенный

637

Спуск Победы (лат.).

638

По-русски называется также: ветреница (*Anemone L.*).

639

Имеется в виду «Ганновер 73» — фузилёрский принца Альбрехта Прусского полк. Ср. запись от 25 июня 1965 г.

640

«Улыбка» (ит.).

641

Зубан (ит.).

642

«Зеркало Дианы» (ит.).

643

Поль Леото (1872–1956), французский писатель. В своих «Литературных дневниках» (1954–1956) он похвально отозвался о военном дневнике Э. Юнгера «Сады и дороги»; Леото всегда испытывал искреннюю симпатию к Германии и неустанно выступал за сближение двух народов. В 1978 г. Э. Юнгер перевел на немецкий язык воспоминания Леото об отце («In memoriam», 1905), После смерти Леото Э. Юнгер сказал о нем: «Своей родиной он считал не Францию, но французский язык». Леото всю жизнь отличался независимостью суждений и скептицизмом; писал для ряда солидных газет очень продуманные литературно-критические статьи; был автором рассказов, театральных пьес и романов. В записи от 1 мая 1944 г. («Излучения») Э. Юнгер пишет о своем разговоре с Абедем Бонаром: «Я воспользовался удобным случаем и сообщил ему, что Леото — вероятно, последний классик — находится сейчас в бедственном положении, ютась в одном из предместий почти безо всякого вспомоществования и пребывая уже в весьма преклонных годах».

644

«Чтобы поприветствовать» (ит.).

645

Церковь святого Варфоломея на островке (ит.).

646

Название католического ордена.

647

Храм Фортуны Вирилис (Tempio della Fortuna Virile, ит. буквально — «мужской удачи»), был посвящен речному богу Портуну, покровителю соседнего порта.

648

Лапилли (ит.) — шлаковые и пористые куски лавы; мелкие обломки лавы, выброшенные вулканом.

649

Соракт — высокая гора в южной Этрурии, к северу от Рима, с храмом Аполлона. Хорошо видна в ясную погоду.

650

Вместо «Soracte» автор написал «Socrate», и получилось «Сократ убеленный сединами». У Горация: «Vides, ut alia stet nive candidum Soracte» («Видишь, как высится блестящий от снега Соракт»),

651

Обед (ит.).

652

Андре Ленотр (1613–1700), сын Жана Ленотра, главного садовника Тюильри. При Людовике XIV создал парк в Версальском дворце.

653

Имеется в виду эссе из сборника 1948 г. «Orient und Okzident» (рус. пер.: Юнгер Ф.Г. Восток и Запад / Пер. с нем. К.В. Лощевского. СПб.: Наука, 2004).

654

Parco dei Mostri. Надпись у ворот в этот парк гласит: «Вы, странствующие по земле и с жадностью выискивающие разнообразные чудеса, войдите сюда, в мир обезображенных лиц, слонов, львов, медведей, страшилищ и драконов».

655

См. в «Излучениях» запись от и февраля 1944 г. и др.

656

«И прежде, чем однажды стану прахом,/ Хочу упиться красотой земли» (нем.).

657

Юбилейный год (ит.).

658

«Благородная семья Бернини здесь в ожидании воскресения» (лат.).

659

Базилика Санта-Прасседе (ит. Santa Prassede), церковь во имя святой Евпраксии, построенная на месте ее упокоения папой Адрианом I ок. 780 г. Находится в Риме, в непосредственной близости от базилики Санта-Мария Маджоре, на фундаменте церкви V в.

660

Специально для данного случая, специально с этой целью (лат.).

661

Базилика Санта-Пуденциана (ит. Santa Pudenziana) — небольшая трехнефная церковь в Риме, построенная в IV веке над жилым зданием II века н. э. в память о сестре святой Евпраксии и более всего известная своими прекрасными мозаиками 402–417 гг. Находится рядом с базиликой Санта-Прасседе.

662

Символически (лат.).

663

Леонора, графиня Лихновски (1906–2002), немецкий социолог и агроном; в 1934–1937 гг. читала лекции по национальной экономике и истории в Пекинском университете, в 1938–1943 гг. — научная сотрудница международного Института сельского хозяйства. Потом работала переводчицей и преподавала в Гейдельберге. В 1954–1969 гг. — сотрудница Аграрной комиссии ООН (FAO) в Риме.

664

Бонаventura Текки (1896–1968), итальянский писатель, известный эссеист, филолог-германист и переводчик с немецкого (А. Хаусхофер, Т. Манн, Гёте и др.), автор нескольких романов.

665

Девушка, молодая женщина (ит.).

666

Франсуа-Йоахим де Пьер де Берни (1715–1794) — французский кардинал и государственный деятель; в 1751 был назначен французским послом в Венеции, где действовал к удовлетворению и папы и Венеции; скончался в Риме.

667

«Sprache und Körperbau» — это эссе по философии языка было опубликовано Э. Юнгером в 1949 г.

668

669

Эрнст Вильгельм Най (1903–1968), известный немецкий художник и график, представитель абстрактного экспрессионизма, ученик К. Хофера; в 1931–1932 гг. работал на Вилле Массимо. В 1937 г. национал-социалисты запретили ему заниматься живописью, однако, находясь с 1940 г. на военной службе во Франции, он ею все-таки занимается, хотя и тайком. Там с ним Э. Юнгер и познакомился. (См. «Излучения», запись от 1 мая 1943 г.) После смерти Ная из печати вышла написанная им в 1964 г. книга «Лучащаяся белизна».

670

Этот храм (конец XIII в.) — одна из немногих готических церквей Рима — построен на месте античного святилища Минервы, отсюда название «над Минервой».

671

Здесь имеется в виду одна из поздних работ Ф. Липпи (1460–1505), большая композиция «Торжество св. Фомы над еретиками».

672

Крестный ход (лат.).

673

Ад, преисподняя (ит.).

674

Третье в сравнении, третий член сравнения (лат.). Т. е. то общее двух сравниваемых предметов, которое служит основанием для сравнения. Критерий сравнения, то, в чем совпадают две сравниваемые вещи. Так, напр., при сравнении двух плоских поверхностей их tertium comparationis является двухмерность.

675

«Вкус любви» (франц.).

676

Так называется небольшое эссе, впервые изданное в Риме в том же году ограниченным тиражом.

677

Холм Яникул (Джаниколо).

678

Удино, Николя Шарль Виктор (1791–1863), французский генерал, в 1849 г. — главнокомандующий армией, направленной против Рима.

679

Имеется в виду первый немецкий парламент, который в 1848–1849 гг. заседал в здании церкви св. Павла во Франкфурте-на-Майне. Является памятником истории, символом немецкой демократии и единства нации.

680

Хеккер (Геккер), Фридрих Франц Карл (1811–1881), немецкий демократ, по профессии адвокат; во время Революции 1848–1849 выступал за провозглашение Германии демократической республикой, был одним из руководителей республиканского восстания в Бадене (апрель 1848); эмигрировал в США и во время Гражданской войны в 1861–1865 в чине полковника воевал в армии северян.

681

Валериу Марку (Valeriu Marcu, 1899–1942), румынский еврей, историк леворадикального направления, автор ряда книг и исторических исследований («Ленин», 1927; «Мужчина и сила вне времени», 1931; «Рождение нации: форма единства веры в демократию денег», 1932; «Изгнание евреев из Испании», 1935); писал на румынском, немецком и, по некоторым сведениям, после эмиграции в США, английском языках. Эрнст Юнгер познакомился с ним в Берлине в конце 1920-х гг., они посещали один культурно-политический салон и позднее долго переписывались. См. в «Излучениях» записи от 21 октября 1941 г., 30 июля 1944 г., 7 и ю мая 1945 г., 14 февраля 1947 г.

682

Il risorgimento, обновление (ит.) — термин, обозначающий период националистической борьбы за политическое объединение Италии (1820–1871).

683

Камилло Бензо граф ди Кавур (1810–1861), итальянский политический деятель указанной эпохи, учредитель газеты «Il Risorgimento».

684

Т. Тассо (1544–1595) умер в Риме незадолго до того, как он должен был получить от папы «поэтический венок».

685

Монастырь св. Онуфрия и одноименная церковь, где похоронен Т. Тассо.

686

«Целый Рим перед моими глазами» (франц.).

687

Храм (базилика) Святого Лаврентия за городской стеной (San Lorenzo fuori le Mura) — одна из семи паломнических церквей Рима, построенная в 580-е гг. на месте захоронения св. Лаврентия.

688

Кампо Верано — одно из относительно современных кладбищ Рима, расположилось вокруг храма св. Лаврентия.

689

Имеется в виду церковь Сант-Аньезе-ин-Агоне на площади На- вона. Другие названия церкви: Sant'Agnese de Agone, Sant'Agnese al Circo Agonale, Sant'Agnese de Cryptis Agonis или Sant'Agnese in Piazza Navona.

690

Гёте-сына (ит.).

691

Руди (Альфред Вилли Рудольф) Дучке (1940–1979), немецкий марксистский социолог и политик; известный лидер западноберлинского студенческого движения 1960-х гг. и апреля 1968 г. политический противник Дучке Й. Бахманн произвел в него три выстрела, в результате которых Дучке был тяжело ранен.

692

Фраскати — белое сухое вино.

693

Старье, хлам; подержанные вещи (франц.).

694

Гений места (лат.).

695

(Базилика) святых Иоанна и Павла (ит.).

696

Джованни Баттиста Пиранези (1720–1778), итальянский археолог, архитектор и художник-график, мастер архитектурных пейзажей.

697

Psilotrix (*Psilotrix viridicoeruleus*), так называемый «жук-пушистик» из семейства небольших цветочных жуков, *Dasytidae*.

698

Пчеложук или пестряк пчелиный (из семейства пестряков — *Cleridae*).

699

Асфодил или аффодил (*Asphodelus* L.) — лилейное растение, считавшееся в греческой мифологии цветком умерших.

700

Материнское море, мать-море (лат.).

701

Или: дуб сидячецветный (*Quercus petraea* Liebl.).

702

Памятники дураков (лат.).

703

Иоанн XXIII (Анжело Джузеппе Ронкалли, 1881–1963), 261-й римский папа с 1958 г.

704

Или: адриантум (*Adiantum capillus-veneris* L.).

705

Латеран — папский дворец в Риме.

706

Святая лестница (ит.); она находится к востоку от Латеранского дворца.

707

«Прежде подумай, потом говори» (лат.).

708

«Да здравствует мера!» (лат.).

709

Монастырь Сан-Саба.

710

Гигорий Великий (Gregorius Magnus), Двоеслов — святой, папа Римский (540–604), последний из западных отцов Церкви.

711

Rifatta — переделано, restaurata — отреставрировано, ripristinata — восстановлено (ит.).

712

Базилика Санта-Сабина (итал. Santa Sabina all'Aventino) — главная церковь ордена доминиканцев. Расположена на вершине Авентина в Риме (построена в 422–432 гг.)

713

Полное название: Базилика ди Сант-Агостино в Кампо Марцио.

714

«Мадонная пилигримов» (ит.).

715

Т. е. с Мадонной и младенцем.

716

Мн. ч. от *ex voto* — по обету, на основе клятвенного обещания (лат.).

717

Метрополитен, метро (ит.).

718

Кампанила (ит.) — в итальянской архитектуре средних веков и Возрождения 4-гранная или круглая башня-колокольня, обычно стоящая отдельно от храма.

719

«Все отшлифовано» (ит.).

720

Шарль Мерион (1821–1868), французский художник и гравёр, страдавший дальтонизмом.

721

Подземный Рим (лат.).

722

Имеется в виду *dattero di mare* — ит. морской (каменный) финик, морской черенок (съедобная ракушка).

723

Здесь в значении *tusculanum* — поместье; усадьба, дача зажиточных римлян близ города *Tusculum* в древнеримском Лации.

724

Плодородный, плодоносный; счастливый, благополучный; приносящий счастье (лат.).

725

Эрнст Роберт Курциус (1886–1956), немецкий литературовед, филолог и знаток романских языков, автор книг «Европейская литература и латинское Средневековье» (1948), «Французская культура» (1932), «Французский дух в 20 столетии» (1952) и других.

726

Карл Ойген Гасс (1912–1944), немецкий исследователь литературы и культуры, автор «Пизанского дневника», книги «Лик Италии» (1943), исследования о Ривароле (1938), которая служила подспорьем Э. Юнгеру в его работе над переводом Ривароля.

727

В полном платье, при полном параде (франц.).

728

Строящиеся (ит.).

729

Оскар Далвит (1911–1975), швейцарский художник, график и иллюстратор книг.

730

Заросли кустарника (ит.).

731

Герхард Маркс (1889–1981), известный немецкий скульптор, в своих работах ориентировавшийся на архаическую древнегреческую пластику, и график (рисунки карандашом, ксилографии). Преподавал в «Баухаузе» (1919-25).

732

Имеется в виду вторая поэма Вергилия «Георгики», посвященная земледелию.

733

Мыс Голова, мыс Могила, Кресло Наполеона, Берег Влюбленных (ит.).

734

Высокий ход (ит.).

735

Морской ход (ит.).

736

Или: железный колчедан, пирит.

737

мастичное/мастиковое дерево (ит.).

738

Большой пляж (ит.).

739

Эрнст Ровольт (1887–1960), известный немецкий издатель, основатель одноименного издательства (Лейпциг, Штутгарт и Гамбург).

740

Лестница Большой звезды (ит.).

741

Дом Наполеона (ит.).

742

«Делают то, что знают, но знают то, что (обычно) делают» (ит.).

743

Якоб Кристоф Буркхардт (1818–1897), швейцарский историк культуры, известный главным образом своими работами по культуре Ренессанса. В предисловии к «Излучениям» Юнгер называет Буркхардта наряду с По, Мелвиллом, Достоевским и Ницше «авгуром Мальстрема» (Юнгер Э. Сады и дороги. С.10).

744

«О ангельский зад!» (ит.).

745

Фонтан речных нимф (ит.).

746

Четырех фонтанов (ит.).

747

Barcaccia — баркас, лодка (ит.).

748

«Улыбка» (ит.).

749

Угорь (ит.).

750

«Змеей пройти между угрями» (ит.).

751

Вечной концессией (франц.).

752

Двери храма Януса отпирались только с началом войны; в мирное же время он стоял закрытым.

753

В этой дорогой ему вилле (ит.).

754

Античная чернь (ит.) — сорт мрамора.

755

Или: Симон Волхв, происходил из самарийского местечка Гиттон, современник апостолов, основатель существовавшей еще в III в. гностической секты симониан, или еленгиан (по имени его спутницы Елены). По общему мнению древних христианских писателей (Иустин, Ириней, Ипполит, Тертуллиан и пр.), Симон Волхв был родоначальником гностицизма и всех ересей в церкви.

756

Джамбаттиста Вико (1669–1744), итальянский философ, автор знаменитой книги «Основания новой науки об общей природе наций» (1725); Иоганн Якоб Бахофен (1815–1887), историк, известный Э. Юнгеру по изданию с обширным предисловием А. Боймлера: Bachofen J.J. *Der Mythos von Orient und Occident*. Hrsg. von Manfred Schroeter. München, 1926. И тот, и другой автор важны для Юнгера как критики рационализма, которые возводили человеческое слово к поэзии как первоначальной форме и полагали миф в основу истории.

757

Или: синяк обыкновенный, Natterkopf (нем.; «гадючья голова»), *Echium vulgare* (лат.).

758

Тибур (Tibur) — древний город в Лациуме, располагавшийся на обоих берегах Анио. Рим находился к юго-западу от Тибура и соединялся с ним дорогой Via Tiburtina.

759

По специальному разрешению (ит.).

760

Да почиет в мире! (лат.).

761

Краткое газетное сообщение (франц.).

762

Дано в дословном переводе: Schattenvogel (нем.); вообще же птица называется молотоглав (Scopus umbretta Gm.).

763

Гений места (лат.).

764

Или: адриантум (*Adiantum capillus-veneris* L.).

765

«Очень свежо» (ит.).

766

Латинские ворота, стена Аврелия.

767

Часовня Иоанна Богослова «в Елее» (ит.); часовня «в Елее» именуется так потому, что на этом месте апостол и евангелист Иоанн Богослов был брошен в котел с кипящим маслом.

768

Дословно: певческой школой, здесь: хорами (лат.).

769

Константин Крамер фон Лауэ — немецкий историк и писатель.

770

Э. Юнгер работает над книгой «Приближения. Наркотики и Опьянение». См. комм, к записи от 17 июня 1965 г.

771

От лат. *crepida* — сандалий

772

Себе и своим (лат.).

773

Отец семейства (лат.); лицо, имеющее над другими родительскую власть. Этим именем назывался всякий, кто сам не состоял под родительской властью, независимо от того, имел ли он семью или нет.

774

Тележки, повозки, двуколки (ит.).

775

Римский желтый (ит.).

776

Военный орден (ит.).

777

Бутылка (ит.).

778

Карл Шмитт (1888–1985), профессор государственного права, один из ведущих специалистов в этой области в период Веймарской республики и позднее. Возглавлял кафедру права в университетах Грайфсвальда, Бонна, Кёльна и Берлина. Поддерживал национал-социалистическое движение. Фундаментальной основой политического считал различие «друг-враг». После Второй мировой войны выступал с критикой технократического нигилизма. (См. «Излучения», запись от 17 июля 1939 г. и др.) «Среди всех умственных деятелей, с которыми я знаком, — писал о нем Эрнст Юнгер, — Карл Шмитт

является тем, кто лучше всех умеет давать определения. В качестве классического теоретика права он подчинен короне, и положение его неизбежно оказывается двусмысленным там, где декорацию демоса сменяет другая. Когда в карьерном экстазе наверх пробиваются нелегитимные силы, на месте коронных юристов образуется вакуум, и попытка заполнить его происходит за счет репутации. Это — печальный жребий ремесла. С такой точки зрения наилучшими шансами сегодня обладают лицедеи; актер с мировым именем без труда преодолеет любое изменение» («Излучения», 14 декабря 1943 г.). Опубликована переписка Юнгера и Шмитта: Junger E., Schmitt C. Briefwechsel. Hrsg., komment. u. mit einem Nachw. v. H. Kiesel. Stuttgart: Klett-Cotta, 1999. На русский язык переведены практически все основные работы К. Шмитта.

779

«Истина» (ит.).

780

Павел V (1552–1621), в миру Камилло Боргезе, папа римский с 1605 по 1621 гг. После получения тиары Павел V назначил своего двадцатисемилетнего племянника кардиналом-непотом и сменил его фамилию Каффарелли на Боргезе. Карьера рода Боргезе была, таким образом, обеспечена.

781

Мелкоизмельченная окись железа (краситель).

782

Георг Август Кестнер (1777–1853), дипломат и археолог.

783

Гробница страшилища (ит.).

784

Триклиний — в древнем Риме обеденный стол с ложами по трем сторонам для возлежания во время трапезы; так же называлось и помещение, в котором он находился.

785

Барон Макс Лёвенталь-Хлумецки (р. 1908), австрийский дипломат, посол в Риме.

786

Герники — племя, жившие на восточной границе Лация.

787

Cosmati — мозаичная техника XII–XIII вв., названная так в честь династии Косма, представители которой занимались этим ремеслом.

788

Блюда римской кухни (ит.).

789

«Лопни от зависти» (ит.).

790

Ресторан, который, живя в Париже, посещал Э. Юнгер.

791

Важная смотровая площадка Рима — бельведер около церкви Сан- Пьетро-ин-Монторио.

792

Справа от церкви стоит Темпьетто (Tempietto, Храмик 1502), окруженный шестнадцатью дорическими колоннами. Храм построен на месте, где, по легенде, распяли апостола Петра. Эта работа Браманте считается первым римским строением в стиле Ренессанса.

793

Церковь Иль-Джезу (церковь Иисуса, 1568–1584) — первая в Риме штаб-квартира иезуитов (в неприятельном помещении при церкви провел последние годы Игнатий Лойола).

794

Или: динарий святого Петра — пожертвования верующих лично папе римскому либо в казну Ватикана.

795

Зеленый мрамор (ит.).

796

Приятель (уст. франц.).

797

Дворец мудрости (ит.).

798

Полное название: Sant'Ivo della Sapienza — построена в 1642–1660 гг. архитектором Франческо Борромини.

799

«Шарль Бенуа» — псевдоним Карла Риккерта.

800

Квентин Метсис (Массис, 1465–1530), фламандский художник.

801

«Булочница» (ит.).

802

Очертание, контур (ит.).

803

Миндалевидный венчик на изображениях святых.

804

Чаевые (ит.).

805

Отважные индейцы (исп.).

806

Бой у Коронеля произошел 1 ноября 1914 г. В нем участвовали с английской стороны под командованием контр-адмирала Крэдoka броненосные крейсера «Гуд Хоуп» и «Монмаут» и легкий крейсер «Глэзго»; с германской стороны под командованием вице-адмирала Шпее броненосные крейсера «Шарнгорст» и «Гнейзенау» и легкие крейсера «Лейпциг», «Дрезден», «Нюрнберг». Немцы не потеряли ни одного корабля; из английских уцелел только «Глэзго».

807

8 декабря 1914 г. в неравном морском бою с англичанами были потоплены два немецких броненосных крейсера «Шарнхорст» и «Гнейзенау». С ними погиб командующий эскадрой вице-адмирал Максимилиан граф фон Шпее (1861–1914) и оба его сына.

808

Имеется в виду битва карфагенян с римлянами в ходе второй Пунической войны, когда 3 августа 216 до Р. Х. карфагеняне под командованием Ганнибала наголову разгромили превосходящие силы римлян.

809

Farberwaid (нем.), *Isatis tinctoria* L. (лат.), семейство капустных (крестоцветные) — *Bressicaceae* Burnett. (*Cruciferae* Juss.); русские народные названия: красильная трава, крутик, синиль, фарбовник, шарник-трава.

810

Род декоративного лука (аллиума): *Allium flavum*.

811

Имеется в виду второй сын автора Карл Александр Юнгер.

812

Самый известный замок Германии — родовой замок Гогенцоллерн, расположенный над городком Хехинген, в федеральной земле Баден-Вюртенберг. Это единственный дворец, который остался во владении семьи после Второй мировой войны. Одной третью замка владеет швабская линия дома Гогенцоллерн, а двумя третями — бранденбургско-прусская линия. В настоящее время здесь проходят различные общественные и культурные мероприятия, а также семейные торжества. Расположенный на живописном холме над рекой Цоллерн неподалеку от Тюбингена, замок сразу оставляет впечатление старинной королевской обители. Он был возведен в 1850–1867 годах по приказу правителя Фридриха Вильгельма IV на месте древней крепости XI века. Это архитектурный ансамбль стал последним оплотом монархии, хранителем истории семьи своего создателя и всего королевского рода. Нынешний хозяин замка — принц Луи Фердинанд, вместе со своей супругой Кирой, основал фонд для детей из малообеспеченных детей, который был, назывался «Фонд Киры, принцессы Прусской». Кира была представительницей русского царского дома. Принц также открыл доступ посетителям к сокровищам и предметам многовековой истории Пруссии, которые находились в замке Гогенцоллерне.

813

Марсель Жуандо (наст. фамилия Прованс) (1888–1979), известный французский писатель. Он был преподавателем в частной католической гимназии; с 1929 г. женат на актрисе и танцовщице Элизабет Тулемон (Жуандо), бурные взаимоотношения с которой он описал в «Chroniques maritales». В его населенном многочисленными животными доме в эти годы встречались такие художники и писатели, как Брак, Кокто, Полан и Э. Юнгер, с которым его связывали дружеские узы. Автор романов «Молодой Теофиль» (1921), «Господин Годо» (1926), «Господин Годо женится» (1933) и «Воспоминаний» в 7-ми томах (1948–1972). О встречах с ним Э. Юнгер неоднократно упоминает в «Излучениях».

814

«Неловкая добродетель» (франц.).

815

«Дорогой Эрнст, дорогая Лизелотта, я подписываю эту книгу — и в кабинете, где я нахожусь, слышно, как кричит университетская демонстрация. Мне хочется умереть от отвращения. Марсель» (франц.).

816

Riparia riparia L. (лат.).

817

Цветочный остров на Боденском озере, лежащий у противоположного от Юберлингена берега.

818

желтый колокольчик (шваб.).

819

Норичниковые.

820

Или: кальцеолария

821

Или: мимулус.

822

Молодые (франц.).

823

Оккультное качество, скрытое свойство (лат.).

824

Мертвая голова (лат.).

825

Мать скорбящая (лат.).

826

Weihe (нем.), Circus (лат.) — род ястребиных (Accipitridae).

827

Имеется в виду поэт-романтик Генрих фон Клейст (1777–1811), покончивший самоубийством вместе с возлюбленной.

828

Дан Хаулика (р. 1931), румынский эссеист и искусствовед, главный редактор ряда литературных журналов, с 1990 г. — посол и представитель Румынии при ЮНЕСКО.

829

«XX век» (румын.).

830

Пешком (лат.).

831

«Плот "Медузы"» (франц.).

832

Клаус Ульрих Лайстиков (1929–2002), известный специалист по ботанической географии, автор «Книги леса»; Э. Юнгер и К.У. Лайстиков выпустили совместно книгу «Мантрана» (Jiinger E., Leistikow K. U. Mantrana. Ein Spiel, geleitet von Ernst Jiinger und Klaus Ulrich Leistikow, Stuttgart o.J. [1964]: Ernst Klett, 61 Seiten in Mappe).

833

Gilbweiderich (нем.), *Lysimachia* (лат.) — род семейства первоцветные (Primulaceae).

834

Моральный дух; нравственная, духовная сторона (франц.).

835

Гекла — вулкан, расположенный на юге Исландии. Высота 1488 м. С 874 года извергался более 20 раз. В средневековье исландцы называли его «Ворота в ад».

836

Снорри Стурлусон (1178–1241), исландский скальд, историограф и политик; больше всего известен как автор «Младшей Эдды», где излагаются сюжеты скандинавской мифологии. Снорри также является автором истории норвежских королей «Круг земной».

837

См. прим. к записи от 28 июня 1965 г.

838

Перелеску 125 Э. Юнгер посвятил отдельную книгу «Das Waldchen 125» (1925)-

839

Роман Теодора Фонтане «Irrungen, Wirrungen» (1888) на русский язык переводят еще как «В лабиринте».

840

Austernfischer (нем.), *Haematopus ostralegus* L. (лат.).

841

Щеголь (Dunkle Wasserläufer, *Tringa erythropus*) — птица семейства бекасовых (Scolopacidae). Длина около 30 см. Общая окраска темно-серая, ноги длинные, красные.

842

Hockerschwan (нем.), *Cygnus olor* Gm. (лат.).

843

Graugans (нем.), *Anser anser* L. (лат.).

844

Trauerente (нем.), *Melanitta nigra* L. (лат.).

845

Eiderente (нем.), *Somateria mollissima* L. (лат.).

846

Bergente (нем.), *Aythya marila* (лат.).

847

Eberesche (нем.), *Sorbus* L. (лат.).

848

Mehlbeere (нем.), *Sorbus aria* Crantz (лат.).

849

Mantelmowe (нем.), *Larus marinus* L. (лат.).

850

Schwarzmantel (нем.), *Rhynchops nigra* (лат.).

851

Labkraut (нем.), *Galium* L. (лат.).

852

Balaenoptera musculus L. (лат.).

853

Скаллагрим, отец знаменитого исландского скальда Эгиля. См.: «Сага об Эгиле». XL.

854

Taubenkropf (нем.), Cucubalus L. (лат.).

855

Krahenbeere (нем.), Empetrum L. (лат.).

856

Heidelbeere (нем.), Vaccinium L. (лат.).

857

Геймдалл (Хеймдал, Heimdall), великий и святой Ас скандинавской мифологии, называемый обычно «Белым азом». Он рожден 9 матерями-сестрами. Зубы его из золота. Он видит и днем и ночью на сто миль вокруг; спит меньше, чем птицы; слышит, как растет трава и шерсть на овцах. Геймдалл сторож богов и обитает на небесных горах, у самого конца неба, где оберегает небесный мост от горных великанов. Геймдалл владеет рогом, звук которого слышен по всему свету, и мечом, который называется «головой».

858

Густав Вигеланд (1869–1943), норвежский скульптор; создатель известного Парка скульптур Вигеланда в Осло.

859

Тингвеллир — это национальный парк на месте, где в 930 г. был основан и до 1798 г. продолжал собираться Альтинг, национальное собрание под открытым небом. В течение примерно двух недель в году собрание принимало законы, представлявшие собой соглашения между свободными людьми, и решало споры.

860

Бонифаций (672–754), архиепископ в Майнце, наиболее видный миссионер и реформатор церкви в государстве франков, прославившийся как Апостол всех немцев. Некоторые источники сообщают об одном необычном событии, якобы имевшем место на севере Гессена, близ Гайсмара: неподалеку от пограничного укрепления франков стояло священное для германцев-язычников дерево — Дуб Донара (Дуб Тора). Бонифаций решил срубить его. Присутствовавшие при этом язычники ожидали гнева своего бога, но, как оказалось, напрасно. Они были поражены тем, как легко пала их святыня. Из срубленного священного дерева Бонифаций распорядился возвести во Фритцларе капеллу Св. Петра. Сегодня на этом месте находится монастырь и церковь Св. Петра.

861

Steinbrech (нем.), Saxifraga L. (лат.).

862

Erika (нем.), Calluna Salisb. (лат.).

863

Miere (нем.), Stellaria L. (лат.).

864

Madesiifi (нем.), Filipendula Adans. (лат.).

865

Любка (двулистная, или ночная фиалка).

866

Strandlaufer (нем.), Tringa L. (лат.) — вид птиц из семейства бекасовых (Scolopacidae).

867

Или: снежный подорожник, или снегурочка (устар.) — *Plectrophenax nivalis*, семейства овсянковых.

868

«Наркотики» (франц.).

869

Автор использовал это слово для названия своей первой книги «В стальных грозах» («In Stahlgewittern», 1920).

870

Герой «Саги о Греттире», представлявший, в отличие от раннего Эгиля, уже христианскую эпоху. Греттир происходил из семьи викингов. Его предок Энунд Деревянная Нога сражался вместе с мятежниками против первого короля Норвегии Харольда Косматого. Греттир родился за четыре года до принятия Исландией христианства. Греттир отличается героической и в то же время трагической судьбой.

871

Лагман — глашатай (провозгласитель) законов (исланд.).

872

Миклагард (сканд. Miklagardr) — дословно: Великий город, скандинавское название византийского города Константинополь.

873

Драунгей — «Скала Остров».

874

Или: рогатая поганка, Ohrentaucher (нем.), Podiceps auritus (лат.) — вид водных птиц из семейства поганковых.

875

Mittelsager (нем.), Mergus serrator L. (лат.).

876

Rotdrossel (нем.), Turdus iliacus L., Turdus musicus (лат.).

877

Becherlinge (нем.), Peziza spp.(лат.) — грибы с плодовыми телами в форме ушей, чаш, блюдца, иногда их называют дискомицеты (Discomycetes).

878

Сольфатара — выход горячих сернистых газов.

879

Немецкое слово *Stabreim*, означающее «аллитерацию», дословно переводится как «стержневая рифма».

880

Sturmtaucher (нем.), *Puffinus griseus* (лат.).

881

Возможно, имеется в виду *Amara (Amara) eurygota* (Panzer), одна из жужелиц трибы *Zabrina* (*Carabidae*) семейства *Carabidae*.

882

За неимением лучшего (франц.).

883

Akelei (нем.), *Aquilegia L.* (лат.).

884

Kiistenseeschwalbe (нем.), *Sterna paradisaea* (лат.).

885

Герой «Саги о Ньяле», самой большой из дошедших до нас исландских саг. Она была сложена около XII века и записана в XIII. Ньяль — мудрейший человек, судья и искусный толкователь законов.

886

Bovist (нем.), Bovista Dill. (лат.).

887

Singschwan (нем.), Cygnus cygnus (лат.).

888

Seegras (нем.), Zostera L. (лат.).

889

Raubmoven (нем.), Lestrinae (лат.).

890

Parageientaucher (нем.), Fratercula arctica L. (лат.).

891

«История наркотиков» (франц.).

892

Позднее Э. Юнгер в своих работах разделил эти темы, написав «Annäherungen. Drogen und Rausch» («Приближения. Наркотики и опьянение», 1970) и «Autor und Autorschaft» («Автор и авторство», 1984 г).

893

Адольф Хорион (1888–1977), клирик немецкой римско-католической церкви и энтомолог, он был широко известен за пределами Германии как специалист по жукам.

894

Фаунистика (Faunistik) — наука о фауне.

895

Семейство *Cerambycidae* — усачи или дровосеки (включая *Philinae*, *Vesperinae*; но исключая *Disteniidae*).

896

Усач альпийский (*Rosalia alpina*); отряд жесткокрылых — *Coleoptera*, семейство усачей, или дровосеков — *Cerambycidae*.

897

Calamobius filum (Rossi, 1790) — жук из триба *Agapanthiini*.

898

Monoicomyces athetae Thaxt.

899

Златки (*Buprestidae*).

900

См. прим. к записи от 28 июня 1965 г.

901

Пластинчатоусые.

902

Амрисвиль — коммуна в Швейцарии, кантон Тургау.

903

Или: кедровка, Nufihaher (нем.), Nucifraga caryocatactes L. (лат.).

904

Taucher (нем.), Gavia Forst (лат.).

905

Blefihuhn (нем.), Fulica atra L. (лат.).

906

Речь идет о докладе, прочитанном Мартином Хайдеггером 31 января 1962 г. в актовом зале Фрейбургского университета. Перевод на русский язык: Хайдеггер М. Время и бытие / Пер. с нем., предисл. и комм. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 391–406).

907

Цитата из поэтического сборника Фридриха Георга Юнгера «Es pocht an derTiir» (Frankfurt

a.m., 1968. S. 71).

908

Zittergras (нем.), Briza L. (лат.).

909

«Отчаяние художников» (франц.).

910

Herbstzeitlose (нем.), Colchicum autumnale L. (лат.).

911

Angiospermen (нем.), Angiospermae (лат.).

912

См. запись от 29 марта 1966 г.

913

Pater, pater (лат.). Отче, я согрешил. (Формула признания своей вины и раскаяния у католиков. Источник: Лк 15: 21. Этими словами блудный сын сам осудил свой прежний порочный образ жизни.)

914

Вернер Хёлль (1898–1984), немецкий художник, график и художественный критик. Э. Юнгер

познакомился с В. Хёллем в 1939 г., а в 1941-м они вместе служили в Париже. Тогда же В. Хёлль написал маслом портрет Э. Юнгера. Их дружба продолжалась всю жизнь. См. «Излучения», запись от 17 мая 1941 г. и др.

915

Рене Франсуа Гислен Магритт (1898–1967), бельгийский художник- сюрреалист.

916

Альсид Дессали д'Орбини (1802–1857), французский палеонтолог. Развивал теорию катастроф. В 1826–1833 гг. путешествовал по Боливии и Бразилии. Описал св. 100 тыс. ископаемых остатков организмов.

917

Volvox, род подвижных колониальных зеленых водорослей стоячих пресных вод.

918

Карло Шмид (1896–1979), немецкий юрист и политик. Занимая профессорскую кафедру, преподавал народное право в Тюбингене и политические науки во Франкфурте-на-Майне. С 1945 г. член СДПГ, в 1948–1949 гг. — депутат парламента, в 1949–1966 и 1989–1972 гг. — его вице-президент; в дальнейшем — федеральный министр и член Европейского совета. С 1969 г. — координатор германо-французского сотрудничества. Автор многочисленных публицистических, литературных и научных статей, переводчик с романских языков. Перевод на немецкий язык «Цветов зла» Ш. Бодлера — его главное литературное достижение. С Э. Юнгером он познакомился еще в 1930-е годы, тогда они регулярно встречались в Тюбингене. См. также «Излучения», запись от 14 ноября 1941 г. и др.

919

Имеется в виду автобиография французского писателя Андре Мальро (1901–1976).

920

Выходы вулканических газов.

921

Buprestidae (лат.).

922

Антуан Жозеф Жак Солье (1792–1851), французский натуралист, энтомолог и коллекционер растений.

923

Имеется в виду «Энхиридион Лаврентию о вере, надежде, любви».

924

Нем. «Rede auf das Fest der heiligen Lichter». Имеется в виду 39 слово Григория Богослова (Наизанзина) «На святые светы явлений Господних».

Отцов Церкви Юнгер читал в издании Кёзеля (Samtliche Werke der Kirchenvater. Aus dem Urtext ins Deutsche übersetzt, Kosel-Verlag), которое он приобрел для своей библиотеки в середине 1930-х гг. в Госларе.

925

Законы Двенадцати таблиц (Leges duodecim tabularum), один из древнейших сводов римского обычного права (5 в. до н. э.) на двенадцати досках-таблицах (отсюда название).

926

В русском издании все стихотворение помещено без названия в конце книги «Годы странствий Вильгельма Мейстера» (Гёте И.В.Собрание сочинений в 10 томах. Т. 8. М.:

Художественная литература, 1979. С. 423–424). Перевод С. Соловьева. Последняя строка дословно звучит: «Чем оказался я достоин, тебя держать в руке».

927

Фрагмент 96 по изданию Дильса-Кранца.

928

Возможно, имеется в виду фрагмент 28а по Дильсу-Кранцу.

929

Мякотница болотная.

930

Salix alba L., ракитник; по-русски называется также: ива белая, верба или ветла.

931

Pirola rotundifolia.

932

Имеется в виду монументальный труд «Идеи к философии истории человечества» (*Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit*, Riga, 1784–1791) Иоганна Готфрида Гердера (1744–1803).

933

Образец брахманской поэзии.

934

Находка; открытие; лит. новая мысль (франц.).

935

«Елена просит вас послать телеграмму в поддержку мексиканского правительства. Эффект ее должен состоять в том, чтобы предотвратить страшную опасность, которую представляют собой каиновы силы. Иностранные комитеты разлагают армию и народ. Единственно ваша духовная власть может остановить деморализацию. Ваша прилежная ученица, которая любит вас больше, чем вы думаете. Елена» (франц.).

936

Ли Тай-бо (Ли Бо, Ли Бай, Ли По, 701–762), китайский поэт времен династии Тан; корифей китайской литературы, он оставил после себя около 1000 произведений.

937

Палата по уголовным делам (франц.).

938

«Список запретов» (англ.).

939

Фридрих Франц фон Унру (Unruh, 1893–1986), немецкий писатель- новеллист, брат писателя Фрица фон Унру и художника Курта фон Унру. Получил известность как журналист благодаря серии критических статей о национал-социализме, опубликованных во «Франкфуртер Альгемайне». В послевоенные годы принадлежал к консервативному лагерю.

940

«Э.Ю., о котором я всегда слышал так много и всегда — самое превосходное» (англ.); Генри Миллер (1891–1980), известный американский писатель и художник, в 1930-е гг. жил в Париже. Автор романов «Тропик Рака», «Тропик Козерога» и «Черная весна».

941

Маргрет Антония Бовери (1900–1975), немецкая журналистка, пережившая множество исторических разломов; к кругу ее знакомых, кроме Э. Юнгера, относилось много деятелей науки, политики и культуры (Вильгельм Рёнтген, Теодор Хойс, Эрнст фон Вайцзеккер, Фрея фон Мольтке, Карл Шмитт, Уве Ионсон и др). Издана переписка: Boveri M., Junger E. Briefwechsel aus den Jahren 1946 bis 1973. Hrsg., mit einem Vorw. vers, und kommentiert von Roland Verbig. Berlin: Landtverlag, 1928.

942

Гертруд Фуссенеггер (1912-?), известная австрийская писательница, «гран-дама австрийской литературы».

943

Kohlmeise (нем.), *Parus major* L. (лат.).

944

Blaumeise (нем.), *Cyanistes caeruleus* L. (лат.).

945

Grünfink (нем.), *Chloris chloris* L. (лат.).

946

Иоганн Кеплер (1571–1630), немецкий математик, астроном, оптик и астролог; открыл законы движения планет. С 1591 учился в знаменитом университете Тюбингена, основанном в 1477 г. (математика, астрономия, теология). Потом работал в Граце и Праге при дворе императора Рудольфа II; первая книга И. Кеплера называлась «Тайна мироздания» (*Mysterium Cosmographicum*). В 1628 г. переходит на службу к герцогу Валленштейну. В 1774 г. большую часть его архива приобрела Петербургская Академия наук, где он и хранится в настоящий момент.

947

Barlapp (нем.), *Lycopodium* L. (лат.).

948

Фигуры Лихтенберга, картины распределения искровых каналов, стелющихся на поверхности твердого диэлектрика при т. н. скользящем искровом разряде. Впервые наблюдались Г.К. Лихтенбергом в 1777.

949

Цитата из эпистолярного романа «Путешествие Софии из Мемеля в Саксонию» лютеранского пастора Иоганна Тимотеуса Хермеса (1738–1821).

950

Джованни Батиста Сени (Сено или Дзенно, 1600–1656), итальянский астролог родом из Падуи; служил придворным астрологом герцога Валленштейна; по некоторым предположениям замешан в его убийстве в 1634 г.

951

Маргрет Бильгер (1904–1971), австрийская художница, в чьем творчестве нашли выражение традиции экспрессионизма.

952

Бледная спирохета — возбудитель сифилиса; см. также Трепонема бледная (*Treponema pallidum*).

953

См. запись от 17 июля 1965 г.

954

Иоганн Генрих Юнг-Штиллинг (1740–1817), немецкий писатель, врач, представитель пиетизма; автор романов и религиозно-мистических сочинений, популярных во многих странах. В рус. пер.: «Приключения по смерти», ч. 1–3, СПб., 1805; «Тоска по отчизне», ч. 1–2, СПб., 1806; «Жизнь Генриха Штиллинга», ч. 1–2, СПб., 1816 (автобиография). На «учение о духах» Юнга-Штиллинга Юнгер ссылается в «Наркотиках и опьянении».

955

Здравый смысл (лат.).

956

Вечная неблагодарность (франц.).

957

Или: волшебный орех, ведьмин орех (*Hamamelis*).

958

Winterling {нем.) — эрантис зимний, веснянка зимующая, весенник (*Eranthis hyemalis*, син.: *Eranthis hiemalis* L.).

959

Seidelbast (gemeiner) (нем.), Daphne (mezereum) L. (лат).

960

Джеймс Э. М. Уислер (1834–1903), американский художник, мастер живописного портрета.

961

«Merkur» («Меркурий»), литературный журнал, основанный в 1947 г. Клаусом Пешке и выходящий в штутгартском издательстве «Клетт- Котта».

962

Книга Э. Юнгера «Ривароль» вышла в 1956 г.

963

Джордж Браммел (1778–1840), известный денди, «Красавчик Браммел», после упоительной, блестящей, богатой приключениями жизни, кончивший дни в нищете и безумии.

964

См. прим. к записи от 27 июня 1965 г.

965

«Встречи» (франц.).

966

Томас де Квинси (1785 — 1859), английский писатель, автор знаменитой "Исповедь англичанина, употреблявшего опиум" ("Confession of an English Opium-Eater", 1822). В "Наркотиках и опьянении" Юнгер приводит его описания внутреннего переживания времени под воздействием опиума.

967

Книга «In Memoriam» Поля Леото вышла в год смерти автора; она была переведена Эрнстом Юнгером и с его предисловием под тем же названием была в 1978 г. опубликована издательством «Клетт- Котта».

968

Мари Дормуа, с которой П. Леото переписывался, издала их письма отдельным изданием.

969

Руберт Симерлинг, шведский биолог, член Королевской Академии наук.

970

Гелианд (Heliand, «Спаситель») — важный литературный памятник, древнесаксонская поэма IX в. неизвестного автора.

971

«Звезда» (рум.).

972

Под таким названием в 1940-ые годы Мирча Элиаде издавал журнал по вопросам религии и этнографии, см. «Излучения»; позднее (1972) им была опубликована книга «Залмоксис, исчезающий бог» («Zalmoxis, The Vanishing God»). Этот текст переведен на русский язык:

973

Йоханна Хермине Юнгер, в замужестве Девентер (1899–1984), сестра Эрнста Юнгера.

974

Brandgans (нем.), *Tadorna tadorna* L. (лат.).

975

Austernfischer (нем.), *Haematopus ostralegus* L. (лат.).

976

Rotschenkel (нем.), *Tringa erythropus* Pall (лат.).

977

Или: пигалица; Kiebitz (нем.), *Vanellus vanellus* L. (лат.).

978

Miesmuschel (нем.), *Mytilus* L. (лат.).

979

Herzmuschel (нем.), *Cardium* L. (лат.).

980

Или: фендлера; Felsenbirne (нем.), Fendlera Engelm. et Gray (лат.).

981

Колокольчик (лат.).

982

Enzian (нем.), Gentiana L. (лат.).

983

Horselberge, Херзельберге (горы).

984

Teufelsabbifi (нем.), русское название: сивец, Succisa Neck. (лат.).

985

Слово «филле» или «филлен» Э. Юнгер извлек когда-то из недр языка. В «Садах и дорогах» (запись от 21 апреля 1939 г.) читаем: «Лесок позади нашего дома называется «Филлекуле» и прежде, по всей видимости, служил участком, на котором зарывали в землю павший скот, ведь fillen, давно вышедший из употребления глагол, означает «обдирать» и «снимать шкуру». Слово это, вероятно, можно будет использовать там, где в «Мраморных утесах» изображается живодерня. Впрочем, и здесь над нечистым местом продолжает витать легкий запах, хотя на нем уже давным-давно ничего не закапывают. Почти неизменным спутником жилья, картины человеческого поселения бывает такая площадка, устраиваемая, как правило, подальше от глаз».

986

Zinnia L. Циннии посвящена целая глава эссе "Сердце искателя приключений".

987

Разновидность жужелицы: *Carabus (Chrysocarabus) olympiae* Sella, 1855.

988

Или: золотарник, *Goldraute* (нем.), *Solidago virga aurea* L. (лат.) — многолетнее травянистое растение семейства сложноцветных.

989

Taubenschwanz или: *Karpfenschwanz* (нем.), *Macroglossa stellatarum* L. (лат.) — большехоботник звездчатый (бабочка).

990

«Стальные бури» — французское название первой книги Э. Юнгера.

991

Turmschnecke (нем.), *Turritella communis* (лат.), разновидность брюхоногих моллюсков или гастропод.

992

Messerscheide (нем.), *Ensis siliqua* (лат.) — вид морского моллюска (мидии), род *Ensis*, отряд *Myoida*, семейство *Myidae*.

993

Или: морское блюдечко, Patella (нем.), Patella granulans (лат.) — морская плоская улитка.

994

Запрещено заниматься любовью? (франц.).

995

Урей — принадлежность царского убора фараонов, представлявшая собой крепившееся на лбу вертикальное, подчас весьма стилизованное изображение богини-кобры Уаджит — покровительницы Нижнего Египта.

996

Шумящая гадюка (*Bids arietans*) — ядовитая, очень толстая змея длиной до полутора метров.

997

Отсылка к книге «Am Sarazenturm» (1955).

998

Chalabija — мужская одежда (с капюшоном) арабов-бедуинов.

999

Надгробный памятник на могиле марабута; марабут — мусульманский отшельник.

1000

Эсрог, эсрейг, этрог — плод цитрусового дерева, похожий на большой лимон; вкус древесины

деревя, на котором он растет, и самих плодов одинаков.

1001

Мексиканский лайм (англ.); плоды лайма — маленькие зеленые лимончики.

1002

Кускус — североафриканское блюдо из крупы, баранины и овощей.

1003

«Видели бы вы эту злюку!» (франц).

1004

Жужелицы (лат.).

1005

Разновидность жужелицы.

1006

Стеноцефалус (греч.): stenos: узкий, острый kephale: голова, Engschadel (нем.) — разновидность пресноводной рыбы.

1007

«Воланы», произведение Э. Юнгера, посвященное философии языка, окончательный текст которого будет опубликован в 1980 г. в изд. Архе (Цюрих).

1008

Бад-Заульгау — город в Германии, земля Баден-Вюртемберг, подчинен административному округу Тюбинген, входит в состав района Зигмаринген.

1009

Saubohnen {нем.}, *Vicia faba* L. (лат.).

1010

Или: капуцин, Kapuzinerkresse (нем.), *Tropaeolum* L. (лат.).

1011

Laus (нем.), Anoplura, Parasita (лат.).

1012

Kaiserkrone (нем.), *Fritillaria (imperialis)* L. (лат.).

1013

«Крестьянский озорник» — швабское название гадючьего лука (нем. Traubel, лат. *Muscari* Mill.), который в русском языке называется также: мускари гроздевидный, мышиный гиацинт; семейство лилейные. Латинское название роду дано из-за мускусного запаха цветков (*Muscari botryoides*). По-немецки называется также Traubenhyazinthe и Perlhyazinthe.

1014

Густав Хеги (1876–1932), швейцарский ботаник, автор ряда справочников по альпийской

флоре, которые принято называть просто «Негі».

1015

Гуанчи — название коренных жителей Канарских островов.

1016

До 1402 года (исп.).

1017

Горное вино (исп.).

1018

Пучеро (исп.) — блюдо из турецкого гороха, мяса и овощей.

1019

Остров Канарского архипелага.

1020

«Сама жизнь составляет некоторую трудность» (франц.).

1021

Бернар ле Бовье де Фонтенель (1657–1757), французский писатель и философ. Играл заметную роль в парижских салонах и славился умением сочетать изящество стиля с научной основательностью.

1022

Иоганн Готтфрид Зойме (1763–1810), немецкий писатель и поэт.

1023

Spirula — род спирул, относящийся к семейству *Spirulidae* и подотряду *Spirulina*, в настоящее время причисляется к отряду *Sepiida*. От всех ныне живущих головоногих спирула отличается тем, что имеет спирально закрученную внутреннюю раковину.

1024

Кожица лука (франц.).

1025

Rock pool — водоем, затопляемый только во время прилива (англ.).

1026

Echium (лат.) — род растений семейства бурачниковых.

1027

Drachenbaum (нем.), *Dracaena* L. (лат.).

1028

Здесь: обетов, клятвенных подношений (лат.).

1029

Альберт Хофманн (1906–2008), швейцарский химик, друг Эрнста Юнгера. В 1938 году, изучая фармакологические свойства растений, швейцарский химик случайно синтезировал ЛСД — наркотик, вызывающий галлюцинации. Однако его наркотическое воздействие ученый обнаружил лишь в 1943 году — при случайном попадании в организм небольшой дозы этого вещества. Юнгер и Хофманн переписывались и часто гостили друг у друга. Иногда они собирались вместе с друзьями (профессором фармакологии Херибертом Кон-цеттом, д-ром Рудольфом Гельпке) для совершения «ЛСД-путешествий» (Einstiege), о которых упоминается, в частности, в книге Хофманна «ЛСД — мой трудный ребенок».

1030

В «Приближениях» Юнгер использует образ раstra (Raster, сетка) для обозначения «внутренних волокон неразделенного», которые «скрепляют многообразие мира». Наука, поэзия, искусство — каждая по своему — приближаются к растру мира, о чем свидетельствуют все значимые открытия. Эта оптика также позволяет Юнгеру связывать на космологическом уровне математические фигуры и строение материи в кристалле, спирали аммонитов и элементы архитектуры: в них также проявляются «проекции раstra».

1031

Речь идет о книге автора «У стены времени» («An der Zeitmauer», Stuttgart: Klett, 1959).

1032

Речь, вероятно, идет о городе Aix-les-Bains в департаменте Савойя, где сохранились римские термы, и есть целебные источники.

1033

Габриель Марсель (1889–1973), французский философ, драматург и критик, «нео-сократик», представитель христианского экзистенциализма.

1034

Дидье — французский издатель. См. «Излучения», запись от 1 ноября 1943, 5 мая и 24 июня 1944 гг.

1035

«Храм славы» (франц.).

1036

Сэр баронет Освальд Мосли (1896–1980), британский политик крайне правой ориентации.

1037

«Пункт-Контрапункт» (англ.).

1038

Абель Боннар (Bonnard, 1883–1968), французский писатель; автор стихотворного сборника, романа «Жизнь и любовь» (1913), новелл, психологических эссе, путевых дневников («В Китае», 1924) и биографий; член Французской академии (1932–1944); в середине 1940-ых годов министр образования в правительстве Виши. В 1945 г., спасаясь от репрессий со стороны де Голля, уехал в Испанию, откуда вернулся на родину в 1958 г. См. «Излучения», записи от 27 апреля и 16 ноября 1943 г.

1039

См. текст в собрании сочинений: Jiinger E. Atlantische Fahrt // Junger E. Samtliche Werke. Bd. 6. Stuttgart: Klett-Cotta, 1982.

1040

Junger E. Afrikanische Spiele. Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt, 1936.

1041

Stanley H.M. Durch den dunkeln Welttheil oder die Quellen des Nils, Reisen um die grossen Seen des aequatorialen Afrika und den Livingstone-Fluss abwärts nach dem atlantischen Ocean. Aus dem Englischen von C. Bottger. Leipzig, 1878.

1042

Второй том включает в себя описания четырех путешествий в Грецию, двух поездок в Тунис и двух в Турцию, а также посещений Цейлона, Марокко, Либерии, Испании, Мальты, Западной Африки и Сардинии, перемежаемых короткими поездками во Францию.

1043

Не углубляясь во все критические дискуссии вокруг новых теорий «ориентализма» (С. Гринблатт, Э. Сайд), возьмем за основу самое широкое понимание «ориентализма», которое предлагает Эдвард Сайд: «Ориентализм — это стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различии "Востока" и (почти всегда) "Запада"» (Сайд Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб: Русский М1ръ, 2006. С. 9).

1044

Имеются в виду научные — исторические, филологические и, особенно важные для Юнгера, натуралистические (напр., Карла Риттера) — исследования Востока.

1045

Речь идет о том, что определенные парадигмы восприятия, сформированные благодаря чтению художественной или научной литературы, подтверждаются в ходе самого путешествия. См., например: Fuchs A. / Harden T. (Hgg.). Reisen im Diskurs. Modelle der literarischen Fremderfahrung von den Pilgerberichten bis zur Postmoderne. Tagungsakten des internationalen Symposions zur Reiseliteratur University College Dublin vom 10–12. März 1994. Heidelberg: Carl Winter, 1995 (Neue Bremer Beiträge, Bd. 8).

1046

Прекрасным введением в тему служит единственная в своем роде монография: Pekar T. Ernst Jiinger und der Orient. Mythos — Lek- tiire- Reise. Wiirzburg: Ergon, 1999 (= Literatura. Wissenschaftliche Beitrage zur Moderne und ihrer Geschichte. 11).

1047

Понятие «приключения» (Abenteuer) впервые тематически рассматривалось социологом Г. Зиммелем в одноименном эссе как раз в связи с проблемой кризиса культуры (см.: Simmel G. Philosophi- sche Kultur. Leipzig: Alfred Kroner Verlag, 1919. S. 7-24).

1048

Это хорошо прослеживается на примере эссе «Сердца искателя приключений» (1929, 1938). См.: Михайловский А.В. Послесловие // Юнгер Э. Сердце искателя приключений. М.: Ad Marginem, 2004. С. 269–282.

1049

Эстетические дискуссии по этим вопросам Юнгер вел со своими друзьями-художниками Рудольфом Шлихтером и Альфредом Кубином, в чьем фантастическом романе «Другая сторона» (1909) тема «Востока» также играет немаловажную роль.

1050

См.: Baeumler A. Das Mythische Weltalter. Bachofens romantische Deutung des Altertums. Mit einem Nachwort: Bachofen und die Reli- gionsgeschichte. Miinchen: C.H. Beck, 1965. S. 215.

1051

Junger E. Der gordische Knoten. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann, 1953.

1052

В своем интервью русскому германисту Ю. Архипову Эрнст Юнгер предлагает любопытную вариацию: «Что же, для меня при слове "Россия" всплывает вся многовековая проблематика

отношений Востока и Запада, достигшая пика, может быть, в бранном споре Александра Первого с Наполеоном» (Архипов Ю. Писатели ФРГ о России // Иностранная литература. 1990, № 8. С. 210).

1053

Junger E. Annäherungen. Drogen und Rausch. Stuttgart: Ernst Klett Verlag, 1970.

1054

См. также комм, к записи от 20 июня 1965 г.

1055

Сайд Э. Ориентализм. С. 144.

1056

Junger E. Siebzig verweht I. Stuttgart: Klett-Cotta, 1980; Siebzig verweht II. Stuttgart: Klett-Cotta, 1981. См.: Архипов Ю. Рецензия (Юнгер Э. После семидесяти. Дневники 1965–1980 гг. В 2-х тт.) // Современная художественная литература за рубежом. 1989, № 4. С. 95–99.

1057

«Сады и дороги», «Первый Парижский дневник», «Кавказские заметки», «Второй Парижский дневник», «Листки Кирххорста», «Хижина в винограднике» («Годы оккупации»). Библиографические указания см. в комментариях.

1058

Юнгер Э. Предисловие // Юнгер Э. Сады и дороги. М.: Ад Марги- нем, 2008. С. 9.

1059

Mohler A (Hrsg.). Die Schleife. Dokuraente zum Weg von Ernst Jiinger Zurich, 1955. S. 105.

1060

Так, в телевизионном интервью французскому переводчику Анри Плярю 1973 г. он признается: «Ich sage, ich bin nicht elitar, ich bin solitiir» (Interview mit Henri Plard, 4. Mai 1973, Nachlafi Ernst Jiinger, DLA).

1061

Подробнее см.: Михайловский А.В. Германия // Мыслящая Россия. История и теория интеллигенции и интеллектуалов / Под. ред. В.А. Куренного. М.: Некоммерческий фонд «Наследие Евразии», 2009. С. 148–154.

1062

Запрет на публикации был снят с Э. Юнгера в 1949 г.

1063

Niekisch E. Gewagtes Leben. Begegnungen und Begebnisse. Koln, Berlin: Kiepenhauer Witsch, 1958. S. 383. В этом контексте следует рассматривать и Waldganger'a, «странника, идущего через лес», которого Юнгер также обозначает понятием анарха, независимого от власти индивидуалиста-одиночки (в отличие от анархиста). Это, несомненно, основная фигура юнгеровского «сопротивления», сопоставимая с «лесными тропами» М. Хайдеггера или «партизаном» К. Шмитта.

1064

Этот тезис лежит в основе двух «канонических» биографий Э. Юнгера, вышедших к ю-й годовщине смерти: Kiesel H. Ernst Jiinger. Die Biographie. Miinchen: Siedler, 2007; Schwilk H. Ernst Jiinger. Ein Jahrhundertleben. Miinchen: Piper, 2008.

1065

Hesse H. Nach Lektüre des Buches «An der Zeitmauer» // Stuttgarter Zeitung, 18.j.1960; Lenz S. Gepackerleichterung. Ernst Jiinger zum 70. Geburtstag // Lenz S. Beziehungen, Ansichten und Bekenntnisse zur Literatur. Hamburg, 1970. S. 148.

1066

Цитируется со слов Хельмута Кизеля; к сожалению, источник установить не удалось.

1067

Ср. оценку биографа П. Ноака: Noak P. Ernst Junger. Eine Biographie. Berlin: Alexander Fest Verlag, 1998. S. 208.

1068

См.: Schwilk H. Ernst Junger. S. 497. При этом Юнгер записывает в самом конце путешествия 7 октября 1965 г. в Бремерхафене: «Вер- нер Трабер... (я должен, пожалуй, признаться) уговорил меня на эту поездку».

1069

Письмо целиком (вместе с факсимиле) опубликовано в: Junger E., Heidegger M. Briefwechsel 1949–1975. Klett-Cotta/Klostermann, 2008. S. 47–49.

1070

Цит. по: Сафрански Р. Хайдеггер. Германский мастер и его время. М.: Молодая гвардия, 2002. С. 528.

1071

Цит. по: Schwilk H. Ernst Jiinger. S. 503.

1072

Юнгер Э. Предисловие // Юнгер Э. Сады и дороги. С. 24.

1073

Гумбольдт А. Картины природы. М.: Государственное издательство географической литературы, 1959. С. 61–62.

1074

Гумбольдт А. Картина природы. М.: Государственное издательство географической литературы, 1959. С. 55–56.

1075

Junger E. Subtile Jagden // Junger E. Samtliche Werke. Bd. 10. S. 82.